

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XXI

Основан в 1926 году

Севастополь
2020

ББК 63 (2Рос-Кры) я5
УДК 904
Х-39

Рекомендовано к изданию решением Ученого совета
Государственного историко-археологического музея-заповедника
«Херсонес Таврический»

Рецензенты:

кандидат исторических наук С. Б. Ланцов (Институт археологии Крыма РАН);
кандидат исторических наук Л. А. Голофаст (Институт археологии РАН)

Редакционный совет:

Айбабин А. И., проф., д. и. н. — председатель Редакционного совета; Бибииков М. В., проф., д. и. н.;
Зайков А. В., к. и. н.; Костромичев Д. А., к. и. н.; Майко В. В., д. и. н.; Науменко В. Е., к. и. н.;
Сапрыкин С. Ю., проф., д. и. н.; Седикова Л. В., к. и. н.; Степаненко В. П., проф., д. и. н.;
Туровский Е. Я., к. и. н.; Храпунов И. Н., проф., д. и. н.

Редакционная коллегия:

Зайков А. В., к. и. н. — ответственный редактор; Прохорова Т. А., к. и. н.; Роменский А. А., к. и. н.

Х39 Херсонесский сборник. Выпуск XXI. Сборник научных трудов/отв. ред. А. В. Зайков. — Севастополь: 2020. – 304 с.

Основу двадцать первого выпуска «Херсонесского сборника» составляют статьи, которые касаются находок, открытий и древностей, связанных с Крымом и, в первую очередь, с территорией древнего Херсонеса и его окружи в античную и византийскую эпохи. Отдельная статья посвящена анализу сочинения, в котором содержится ключевое письменное свидетельство об основании Херсонеса — перипл Псевдо-Скимна. В сборник вошел также материал, в котором исследуется организация вооруженных сил херсонесского полиса в период боспорского и римского влияния. Ряд публикаций посвящены скифской и сарматской тематике. В выпуске нашли отражение эпиграфические исследования. Традиционно в сборнике представлены материалы, посвященные истории изучения Херсонеса, отдельным эпизодам из жизни музея и его сотрудников. В настоящем выпуске опубликованы биографические очерки о М. С. Шемякине, Н. М. Янышеве, представлен музей по описаниям путевой литературы конца XIX — первой половины XX в. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам, студентам и преподавателям, а также всем тем, кто интересуется античной и средневековой археологией, историей и культурой.

ББК 63 (2Рос-Кры) я5
УДК 904

ISBN 978-5-4465-3013-7

© Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2020.
© Оригинал-макет — ООО Издательство
«Буки Веди», 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Античная и средневековая археология Херсонеса

- Букатов А.А., Бондарев И.П., Дюженко Т.В.*
К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ГАВАНИ ХЕРСОНЕСА В БУХТЕ КРУГЛАЯ 7
- Краснодубец Е.М.*
ОТГИСКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПЕРСТНЕЙ-ПЕЧАТЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЭРОТОВ
НА КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ХОРЫ 17
- Николаенко Г.М.*
СКИФСКИЙ «СЛЕД» НА БЛИЖНЕЙ ХОРЕ ХЕРСОНЕСА (I в. до н. э. – I в. н. э.) 29
- Рыжова Л.А.*
КЛЕЙМА НА ДОНЬЯХ ПРИЗМАТИЧЕСКИХ БУТЫЛОК ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА 36
- Ступко М.В., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.*
УЧАСТОК ХРИСТИАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ IV–V вв. ВЕЛИЗИ ХРАМА БОГОРОДИЦЫ ВЛАХЕРНСКОЙ
В КАРАНТИННОЙ БАЛКЕ (ИССЛЕДОВАНИЯ 2006–2007 гг.) 47
- Аржанов А.Ю.*
ВИНОДЕЛИЕ В БЛИЖНЕЙ ОКРУГЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА 108
- Струкова Е.В.*
ЖЕЛЕЗНЫЙ СЕРП ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА. ИСТОРИЯ ХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ 134

Скифская и сарматская археология

- Медведев Г.В.*
КАМЕННЫЙ ПОДКУРГАННЫЙ СКЛЕП С ПЛАТО КАПАК-ТАШ 141
- Трейстер М.Ю.*
ИМПОРТНЫЕ БРОНЗОВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ
АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ I в. до н. э. – III в. н. э. 169
- Труфанов А.А.*
СКЛЕП 649 ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) 197

Античная история и литература

- Суриков И.Е.*
СОЧИНЕНИЕ ПСЕВДО-СКИМНА В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНЫХ ГРЕЧЕСКИХ ЖАНРОВ ПЕРИПЛА И ПЕРИЕГЕЗЫ 216
- Панченко В.В.*
О ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХЕРСОНЕСА В I в. до н. э. – III в. н. э. 227

Эпиграфика

- Шелов-Коведяев Ф.В.*
DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE II 241

История изучения Херсонеса: биографии, музей, историография

Ляшук П.М., Прохорова Т.А.

ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА М.С. ШЕМЯКИН (1823–1855): УБИТЫЙ
И ЗАБЫТЫЙ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ «УВАРОВСКОЙ БАЗИЛИКИ» В ХЕРСОНЕСЕ251

Прохорова Т.А.

МУЗЕЙ И РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ НА СТРАНИЦАХ ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА261

Виноградов Ю.А.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ Н.М. ПЕЧЁНКИНА278

Дианова Т.В.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯНЫШЕВ (1859–1938): ПЕДАГОГ, ХУДОЖНИК, АРХИТЕКТОР ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ282

Список сокращений297

Сведения об авторах.....299

CONTENTS

Ancient and Medieval archaeology of Chersonesos

- Bukatov A.A., Bondarev I.P., Dyuzhenko T.V.*
TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF CHERSONESE HARBOR IN ROUND (KRUGLAYA) BAY 7
- Krasnodubets E.M.*
SEAL IMPRESSIONS OF HELLENISTIC SIGNET RINGS WITH THE IMAGES OF EROS
ON CERAMIC WARES FROM CHERSONESOS IN TAURICA AND ITS CHORA 17
- Nikolaenko G.M.*
THE SCYTHIAN «TRACE» IN THE NEARBY CHORA OF CHERSONESOS (I BC – AD I) 29
- Ryzhova L.A.*
MARKS ON THE BOTTOMS OF PRISMATIC BOTTLES FROM THE EXCAVATION OF CHERSONESOS 36
- M.V. Stupko, Turovsky E.Ya., Filippenko A.A.*
PLOT OF CHRISTIAN NECROPOLIS OF IV–V CENTURY NEAR THE TEMPLE
OF THE VIRGIN OF BLACHERNAE IN QUARANTINE GULCH (RESEARCH OF 2006–2007) 47
- Arzhanov A.Yu.*
THE WINEMAKING IN CHERSON'S CLOSE ENVIRONS DURING EARLY MEDIEVAL AGE 108
- Strukova E.V.*
IRON SICKLE FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESOS. HISTORY OF STORAGE AND CONSERVATION 134

Scythian and Sarmatian archaeology

- Medvedev G.V.*
STONE CRYPT UNDER THE BARROW ON THE KAPAK-TASH PLATEAU 141
- Treister M.Yu.*
IMPORTED BRONZE BELLS IN THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA
OF THE 1ST CENTURY BC – 3RD CENTURY AD 169
- Trufanov A.A.*
A CATACOMB 649 FROM THE UST'-AL'MA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA) 194

Ancient History and Classics

- Surikov I.E.*
THE WORK OF PSEUDO-SCYMNUS IN THE CONTEXT OF ANCIENT GREEK GENRES OF PERIPLUS AND PERIEGESIS 216
- Panchenko V.V.*
ABOUT THE MILITARY ORGANIZATION OF CHERSONESOS IN THE 1ST CENTURY BC – 3RD CENTURY AD 227

Epigraphy

- Shelov-Kovedyaev F.V.*
DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE II 241

History of the Chersonesos Museum, biographies, historiography

Lyashuk P.M., Prokhorova T.A.

LIEUTENANT OF THE BLACK SEA FLEET SHEMYAKIN, M. S. (1823–1855): THE KILLED
AND THE FORGOTTEN DISCOVERER OF “UVAROV BASILICA” IN CHERSONESOS251

Prokhorova T.A.

THE MUSEUM AND EXCAVATIONS IN CHERSONESUS IN TRAVEL LITERATURE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY261

Vinogradov Iu.A.

FROM DRAFT RECORDS OF N.M. PECHIONKIN278

T.V. Dianova

NIKOLAI MIKHAILOVICH IANYSHEV (1859–1938): THE EDUCATOR, ARTIST,
ARCHITECT OF THE CHERSONESOS MUSEUM282

List of abbreviations.....297

Information about authors.....299

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ХЕРСОНЕСА

А. А. Букатов, И. П. Бондарев, Т. В. Дюженко

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ГАВАНИ ХЕРСОНЕСА В БУХТЕ КРУГЛАЯ¹

Бухты Гераклейского полуострова являлись для мореходов удобными местами базирования и укрытия от ударов стихии на протяжении многих веков. Использовались они и в качестве гаваней Херсонеса, функционируя в интересах морской торговли города. Известная цитата из «Географии» Страбона (Strabo VII. 4.2 = С 308) говорит о наличии трех гаваней между «городом гераклеотов» и мысом Парфений (мысом Херсонес). На современной карте на этом участке расположены четыре бухты: Стрелецкая, Круглая, Камышовая и Двойная (состоящая из Казачьей и Соленой). Последние бухты ранее объединялись под названием Тройная бухта [Топографический план... 1848], что формально снимает вопрос о несоответствии реального количества бухт и гаваней Херсонеса по Страбону. В результате нескольких десятилетий подводных исследований разнообразный археологический материал был обнаружен на дне всех вышеперечисленных бухт. Несмотря на это, уверенно локализовать места древних гаваней Херсонеса пока не представляется возможным. Подводные находки могут являться как частью груза, поврежденного при морском переходе или разгрузке судна и выброшенного за борт, так и принадлежать к археологическим комплексам затопленных морем прибрежных сельскохозяйственных наделов херсонеситов. Некоторую ясность могла бы внести точная информация о местах концентрации находок древних якорей в бухтах, но, к большому сожалению, доступные для ныряльщиков-любителей глубины и активная хозяйственная деятельность не способствовали сохранности этих комплексов.

Бухта Круглая (рис. 1) находится между Стрелецкой и Камышовой бухтами. В настоящее время ее ширина у входных мысов составляет около 650 м, максимальная — около 800 м. Вглубь суши (без искусственной кутовой части) она вдается на 950 м. Рельеф суши выровненный, отвесный клиф выражен только на входных мысах. Бухта мелководна, глубины в основном менее 3 м, только на входе достигают 14 м. Приблизительно посередине бухты расположен мелководный каменистый участок, в периоды низкого стояния уровня моря частично выступающий над поверхностью воды. Его длина с юга на север около 150 м, ширина до 100 м. На картах 1800, 1808 и 1836 годов на месте отмечены обозначены островки (рис. 2; 3; 4), хотя заметно его последовательное уменьшение в размерах. На картах второй половины XIX века островки уже отсутствуют.

Вопрос о возможности существования гавани Херсонеса в бухте Круглая (Омега или Песочная) связан с проблемой реконструкции берега Гераклейского полуострова в рассматриваемый исторический период. При этом необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на очертания берегов и возможность использования бухты в интересах судоходства. В первую очередь это касается изменений уровня Черного моря, абразионных процессов, особенно активных на выступающих мысах при входе в бухту, а также перемещения и аккумуляции донных наносов, изменяющих глубину и площадь акватории. Более того, не ясно, существовала ли вообще бухта Круглая в древности. Как считал А. Н. Щеглов, ссылаясь на мнение С. Ф. Стрелецкого [Стрелецкий 1961], расположение

¹ Работа выполнена частично по финансированию в рамках госзадания ФИЦ ИнБЮМ «Закономерности формирования и антропогенная трансформация биоразнообразия и биоресурсов Азово-Черноморского бассейна и других районов Мирового океана». Гос. рег. № АААА-А18-118020890074-2.

усадеб прибрежных клеров на самом берегу моря говорит, на первый взгляд, о неизменности очертаний берегов. Однако в большинстве случаев эти усадьбы подтоплены водами моря, что свидетельствует о его наступлении (см. отчет А. Н. Щеглова за 1967 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 865. Л. 9). А. Н. Щеглов восстанавливал предположительную линию древнего берега по изобате 3 метра. По его предположению, на протяжении всей античности и, видимо, части средневековой эпохи Круглой бухты в ее современных границах не было, а существовал лишь небольшой залив, близкий по форме и размерам бухте Мартыновой, Песочной и безымянной между Круглой и Камышовой. Начало ингрессии моря он относил — судя по поздним находкам — к периоду не ранее X–XII вв.

Рассмотрим более подробно процессы, влияющие на очертание берегов и гидрофизические условия в бухте Круглой. Наверное, один из самых дискуссионных вопросов — это проблема изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и связанная с ней проблема Фанагорийской регрессии. Благодаря современным исследованиям [Bruckner et al. 2010] оказалось, что создать общую кривую голоценового уровня для всего Черного моря невозможно. В течение нескольких десятилетий подход к поиску единой относительной кривой уровня моря для более крупных океанических бассейнов применялся для различных районов мира. Однако различия в местной и региональной тектонике делают эту цель недостижимой. Структурно-тектоническая неоднородность черноморской впадины и ее обрамления является причиной вертикальных движений, различной направленности и скорости на шельфе Черного моря в верхнем плейстоцене-голоцене. Изменение положения береговой линии является результатом взаимодействия тектонических и климатических процессов [Бондарев 2012]. Средиземноморский пример ясно показывает, что существуют только локально действительные кривые относительного уровня моря. В работе [Bruckner et al. 2010] приведена кривая уровня Черного моря в голоцене, основанная на интерпретации около 400 радиоуглеродных дат, полученных на раковинах моллюсков, торфе и дереве, взятых из разных сред. Использование данных исключительно для паралических образцов торфа в качестве лучшего индикатора уровня моря показывает, что эволюция уровня

Черного моря в целом соответствует тенденции Средиземного моря. Таким образом, во многих областях локальный тектонический сигнал перекрывает гляциоэвстатический — по крайней мере, в течение последних 7500 лет. Другие наблюдения в Черном море подтверждают, что затопленные археологические памятники соответствуют областям, где произошло тектоническое проседание. Недавние океанографические исследования, проведенные в районе Черного моря, показывают, что с тех пор, как Черное море было воссоединено со Средиземным (то есть, самое позднее, 7500 С¹⁴ ВР), оба морских водоема находятся в равновесии. Этот факт и аргументы из археологии, истории, гидродинамики и т. д. позволяют поставить под сомнение существование Фанагорийской регрессии [Fouache et al. 2011]. Важно отметить, что ни одна из кривых уровня моря, установленных для Восточного Средиземноморья, не показывает сопоставимого цикла регрессии или трансгрессии в несколько метров в течение 1 тыс. до н. э. В. А. Кутайсов и Т. Н. Смекалова для района Северо-Западной Таврики в середине 1 тыс. до н. э. приводят величину уровня Черного моря на 2–3 м ниже современного, при этом указывая, что положение каждого конкретного памятника по отношению к поверхности моря зависит не только от трансгрессии, но и от тектонического движения суши [Кутайсов, Смекалова 2019, с. 18].

Для Портового района Херсонеса в Карантинной бухте колебания уровня моря составляли около 2,5 м [Букатов и др. 2019]. Эта величина соответствует толщине грунта в 2,5 м, залегающего между основанием стены в районе 16–19 куртин оборонительной линии и подстилающим слоем голоценовых песчаных отложений, что позволяло сооружению находиться выше уровня моря. Отметим также, что обнаруженные в бухте Круглой волноприбойные ниши [Горячкин, Долотов 2019] не могут являться точным индикатором положения уровня моря в конкретную эпоху. Во-первых, не ясно, когда они образовались и когда оказались под водой. И главное — уровень не может быть определен с точностью по механическим выемкам и абразивным платформам, созданным галькой из-за действия волн, так как они отражают самую максимальную высоту волны во время сильных штормов. В зависимости от волновой обстановки средний уровень моря может быть

ниже на дециметры и даже на метры [Bruckner et al. 2010].

Абразионные процессы находятся в прямой зависимости от климатических изменений и колебаний уровня моря, активизируясь при его поднятии. Абразию надо рассматривать с учетом морфологии и динамики на каждом конкретном участке побережья. Кроме того, в ходе развития берегов сложных очертаний и в результате климатических изменений резко может измениться баланс наносов прибрежной зоны. В результате море начинает формировать наносы у берегов абразионных и разрушать ранее нараставшие берега. Тем более сложная картина предстает перед нами, когда подобные процессы совершаются на фоне относительных изменений уровня [Зенкович 1962]. На выступающих мысах, у входа в бухты, волновое воздействие обычно более активно. Это происходит из-за явления рефракции — фронт волны разворачивается, огибая выступающие части берега, что сопровождается концентрацией волновой энергии в окрестности мыса. Таким образом, западный и восточный мысы при входе в бухту Круглую претерпевают значительное волновое воздействие и активно разрушаются с момента образования бухты.

Перераспределение песчаных наносов в бухте изменяет очертание ее акватории и глубину. Подобные отложения песка присутствуют в большинстве бухт Гераклейского полуострова, свидетельствуя об одинаковой геологической истории их формирования. Большая часть бухты Круглая ранее была заполнена песком, сейчас количество его существенно уменьшилось, так как берег абрадируется медленно, а других источников поступления наносов нет [Горячкин 2019]. К настоящему времени очертания бухты сильно изменились, в основном за счет антропогенного вмешательства. Ранее в южной и западной части бухты находились две песчаные пересыпи, отделявшие соленые озера (рис. 2; 3). В послевоенное время пересыпь была практически полностью разобрана на строительный песок, а озеро превратилось в мелководную (около 0,5 м) кутовую часть бухты, заросшую морской растительностью [Горячкин, Долотов 2019].

Севастопольская бухта и бухты Гераклейского полуострова сформированы сетью ортогональных и диагональных разломов [Бондарев и др. 2015]. Схема основных разломов показана

на рисунке 4, топографической основой которой является карта Севастопольского порта 1836 года, выполненная Е. П. Манганари, на которой рельеф мало изменен антропогенным преобразованием [Манганари 1841; см. также: Атлас Черного моря... 1841]. Заложение бухт относится к верхнему плейстоцену, а в середине голоцена эти бухты уже имели глубины, соответствующие современным. Об этом говорит как состав фауны, так и литология отложений Севастопольской бухты [Бондарев и др. 2015]. Орографический анализ показывает, что бухты Гераклейского полуострова, так же как и Севастопольская бухта, представляют собой грабены. Основные разломы, формирующие эти бухты, расположены по их бортам, при этом в центральной части бухт формируются останцовые образования в виде мысов и (или) отмелей. Продолжения разломов на суше трассируются по балкам. Разделяющие мысы хорошо выражены в бухте Двойной (между бухтами Казачьей и Соленой) и между Камышовой и Казачьей бухтами (мыс Манганари). Отмель, периодически становящаяся островком, есть и в бухте Круглой (рис. 1), где видна банка. Структурное, геологическое и тектоническое сходство бухт Гераклейского полуострова говорит в пользу того, что все бухты сформированы одновременно. Следовательно, бухта Круглая имела основные гидрографические характеристики, аналогичные другим бухтам, и могла быть использована как одна из гаваней Херсонеса.

Подводные археологические разведки в бухте Круглой начались в 1964 г. и велись в ее центральной части, юго-восточнее отмели, на глубинах 2–4 м (см. отчет В. И. Кадеева: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1). Участникам экспедиции тогда были переданы и обнаруженные в 1963 г. ныряльщиками-любителями предметы, собранные к востоку от мели в центре бухты, в том числе: «горло амфоры IX–X вв., часть амфоры XIII в., целая небольшая амфора-фляга XIII–XIV вв., каменная квадратная гиря или якорь» (отчет А. Н. Щеглова за 1967 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 865. Л. 15). В. И. Кадеев предполагал, что керамика со дна бухты является следами кораблекрушений. А. Н. Щеглов связывал подводные находки керамики с существованием на этом месте загородной сельской усадьбы, с середины — конца IV в. до н. э. по X–XIII вв. На дне бухты он располагал затопленный клер № 7-а.

Среди довольно многочисленного подъемного археологического материала, собранного на этом участке, выделяется значительное количество именно целых эллинистических и средневековых амфор и их крупных фрагментов, целых предметов посуды (см. отчеты В. И. Кадеева за 1964 г. и А. Н. Щеглова за 1967 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1. Л. 314–316; Д. 861. Л. 15, 16), что не характерно для сухопутных раскопок на клерах Гераклеяского полуострова. Восточнее мели были найдены две целых и часть третьей гераклеяской амфоры IV в. до н. э., целая фасосская амфора III в. до н. э., почти целая амфора IV–V вв. н. э., почти целое краснолаковое блюдо III–IV вв. н. э. (отчет В. И. Кадеева: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160. Л. 315). Обычно подобные находки происходят из мест древних гаваней и якорных стоянок, где за борт выбрасывался поврежденный при транспортировке груз. Характерным примером является археологический материал из района у западного берега Карантинной бухты, где в 2012–2019 гг. в акватории предполагаемой якорной стоянки херсонесского порта было обнаружено значительное количество археологически целых предметов тарной керамики и столовой посуды, а также якорных штоков.

В 2019 г. в бухте Круглая экспедицией отдела подводной археологии Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводились разведки с осуществлением локальных земляных работ. Непосредственно на самой отмели в центральной части бухты осуществлялся сбор подъемного материала и шурфовка на песчаном участке между камнями. Грунт толщиной 40 см представлял собой

мелкие обломки скалы (щебень) с примесью песка и содержал большое количество фрагментов керамики. Ниже залегали крупные обломки скалы. Археологический материал сильно окатанный, он представлен фрагментами черепицы, амфор и столовой посуды. Среди строительной керамики выделяется значительное количество материала римского периода (I–III вв.) и средневековой шамотированной черепицы IX–X вв. Из определяемых фрагментов тарной керамики доминируют осколки амфор с мелким зональным рифлением VIII–IX вв. Средневековая и позднеантичная черепицы, а также «множество кирпичей» размерами 27,0 × 27,0 и 27,0 × 14,0 см, толщиной 2,5–3,0 см были найдены рядом с отмелью и в 1960-е гг. (см. отчеты В. И. Кадеева за 1964 и А. Н. Щеглова за 1967 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160; Д. 865). Судя по находкам кровельной черепицы непосредственно на отмели, можно предположить, что постройки на месте «островка» могли существовать в римское и средневековое время. Это перекликается с ситуацией в Карантинной бухте, где башни средневековой оборонительной линии Херсонеса (XXVI, XXVII и «ромбовидная» башня, обнаруженная В. И. Кадеевым в 1966 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1606), датируемые IX–X вв. [Антонова 1990, с. 22–23] в настоящее время частично или полностью затоплены морем.

Таким образом, археологический материал из бухты Круглой, а также структурное, геологическое и тектоническое сходство бухт Гераклеяского полуострова позволяет предполагать возможность использования ее акватории в античное и средневековое время в качестве гавани для стоянки и разгрузки судов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Видъ Города и Порта Ахтіарскаго // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 209.
 Генеральной Планъ Порта Города Ахтіара с ситуаціею с показаніемъ наономъ въ новъ выстроеннымъ Батареемъ с цивильнымъ строениемъ. Сочинёнъ в Ахтіаре при инженерной команде ноября 3 дня 1808 года // РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 208.
 Кадеев В. И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1964 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1.
 Кадеев В. И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1966 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1606.
 Щеглов А. Н. Отчет о расчистке склепа на южном берегу Круглой бухты в 1967 году // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 865.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 8–25.
 Атлас Черного моря, гравированный по Высочайшему повелению в Санкт-Петербурге с описей, произведенных с 1825 по 1936 г. капитаном 1-го ранга Е. Манганари. Николаев, 1841. 26 л. гравир. карт и 17 л. видов берега.
 Бондарев И. П. Основные черты и этапы формирования экосистемы Черного моря в позднем плейстоцене — голоцене // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2012. № 2 (28). С. 53–71.
 Бондарев И. П., Ломакин И. Э., Иванов В. Е. Особенности формирования и развития Севастопольской бухты // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2015. № 42 (4). С. 20–33.

- Букатов А. А., Бондарев И. П., Дюженко Т. В. Порт Херсонеса Таврического в Карантинной бухте и природные процессы // ХСб. 2019. Вып. XX. С. 3–16.
- Горячкин Ю. Н., Долотов В. В. Морские берега Крыма. Севастополь, 2019. 256 с.
- Зенкович В. П. Основы учения о развитии морских берегов. М., 1962. 710 с.
- Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь, 2019. 176 с.
- Манганари Е. Севастопольский порт, в Древности Ктенус, татарами назывался Ахтиар. 1836 г. СПб.; Николаев, 1841.
- Топографический план Ираклийского полуострова 1848 г. URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=1631
- Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического: к истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. VI. С. 5–247.
- Bruckner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vott A. The Holocene sea level story since 7500 BP — Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // *Quaternary International*. 2010. Vol. 225. Pp. 160–179.
- Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea — a critical view on the so-called Phanagorian regression // *Quaternary International*. 2011. Vol. 266. Pp. 162–174.

REFERENCES

- Antonova I. A. Rost territorii Hersonesa (po dannym izucheniya oboronitel'nyh sten). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1990, iss. 25, pp. 8–25.
- Atlas *Chernago morya, gravirovannyj po Vysochajshemu poveleniyu v Sankt-Peterburge s opisej, proizvedennyh s 1825 po 1936 g. kapitanom 1-go ranga E. Manganari*. Nikolaev, 1841. 26 maps + 17 pl.
- Bondarev I. P. Osnovnye cherty i etapy formirovaniya ekosistemy Chernogo morya v pozdnem plejstocene-golocene. *Geologiya i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana*, 2012, no. 2 (28), pp. 53–71.
- Bondarev I. P., Lomakin I. E., Ivanov V. E. Osobennosti formirovaniya i razvitiya Sevastopol'skoj buhty. *Geologiya i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana*, 2015, no. 42 (4), pp. 20–33.
- Bruckner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vott A. The Holocene sea level story since 7500 BP — Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas. *Quaternary International*, 2010, vol. 225, pp. 160–179.
- Bukatov A. A., Bondarev I. P., Dyuzhenko T. V. Port Hersonesa Tavricheskogo v Karantinnoj buhte i prirodnye processy. *Hersonesskij sbornik*, 2019, iss. XX, pp. 3–16.
- Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea — a critical view on the so-called Phanagorian regression // *Quaternary International*, 2011, vol. 266, pp. 162–174.
- Goryachkin YU. N., Dolotov V. V. *Morskie berega Kryma*. Sevastopol, 2019, 256 p.
- Kutajsov V. A., Smekalova T. N. *Drevnie greki v Severo-Zapadnoj Tavrike*. Simferopol, 2019, 176 p.
- Manganari E. *Sevastopol'skij port, v Drevnosti Ktenus, tatarami nazyvaysya Ahtiar. 1836 g.* Saint Petersburg; Nikolaev, 1841.
- Strzheleckij S. F. Klery Hersonesa Tavricheskogo: K istorii drevnego zemledeliya v Krymu. *Hersonesskij Sbornik*, 1961, iss. VI, pp. 5–247.
- Топографический план Ираклийского полуострова 1848 г. Available at: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=1631.htm (accessed: 01.02.2020).
- Zenkovich V. P. *Osnovy ucheniya o razvitiy morskikh beregov*. Moscow, 1962, 710 p.

РЕЗЮМЕ

Анализ археологического материала и факторов, влияющих на формирование акватории бухты Круглой, позволяет предполагать возможность судоходства на значительной ее акватории в античный период. Структурное, геологическое и тектоническое единство бухт Гераклеийского полуострова говорит в пользу того, что все бухты сформированы одновременно. Основные разломы, формирующие эти бухты, расположены по их бортам, при этом в центральной части бухт формируются останцовые образования в виде мысов и (или) отмелей. Отмель, периодически становящаяся островком, есть и в бухте Круглой. Судя по находкам непосредственно на отмели кровельной черепицы, можно предположить, что на месте «островка» могли существовать постройки в римское и средневековое время. Это перекликается с ситуацией в Карантинной бухте, где башни средневековой оборонительной линии Херсонеса (XXVI, XXVII и «ромбовидная» башни), датируемые IX–X вв., в настоящее время частично или полностью затоплены морем. Археологический материал из бухты Круглой, а также структурное сходство бухт Гераклеийского полуострова позволяет считать ее одной из херсонесских гаваней для стоянки и разгрузки судов в античное и средневековое время.

Ключевые слова: бухта Круглая, гавань, природные факторы, колебания уровня моря, археологический материал, амфоры, черепица римского и средневекового времени, Херсонес.

A. A. Bukatov, I. P. Bondarev, T. V. Dyuzhenko

TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF CHERSONESE HARBOR IN ROUND (KRUGLAYA) BAY

SUMMARY

On the basis of analyzing archaeological material and factors affecting the formation of Round (Kruglaya) Bay water area, we may suggest that its significant water area was navigated in the ancient period. The structural, geological and tectonic unity of the bays of the Heracles Peninsula speaks in favor of the fact that all bays are formed simultaneously. The main break-ups forming these bays are located along their sides, while inselbergs in the central part of the bays are formed in the form of capes and (or) shallows. There are shallows, which become an island in Round Bay on a periodic basis. Finds of roof tiles fragments on the shoal suggest that the buildings on the «islet» could exist in Roman and medieval times. This echoes the situation in Quarantine Bay, where the towers of the medieval defensive line of Chersonese (XXVI, XXVII and the «diamond-shaped» tower) daed from the 9th — 10th centuries are currently partially or completely flooded by the sea. Archaeological material collected in Round Bay, as well as the structural similarity of the bays of the Heracles Peninsula, allows us to consider it one of the Chersonese harbors for mooring and unloading ships in ancient and medieval times.

Keywords: Round (Kruglaya) Bay, harbor, natural factors, sea-level fluctuations, archaeological material, amphorae, Roman and medieval time tiles, Chersonese.

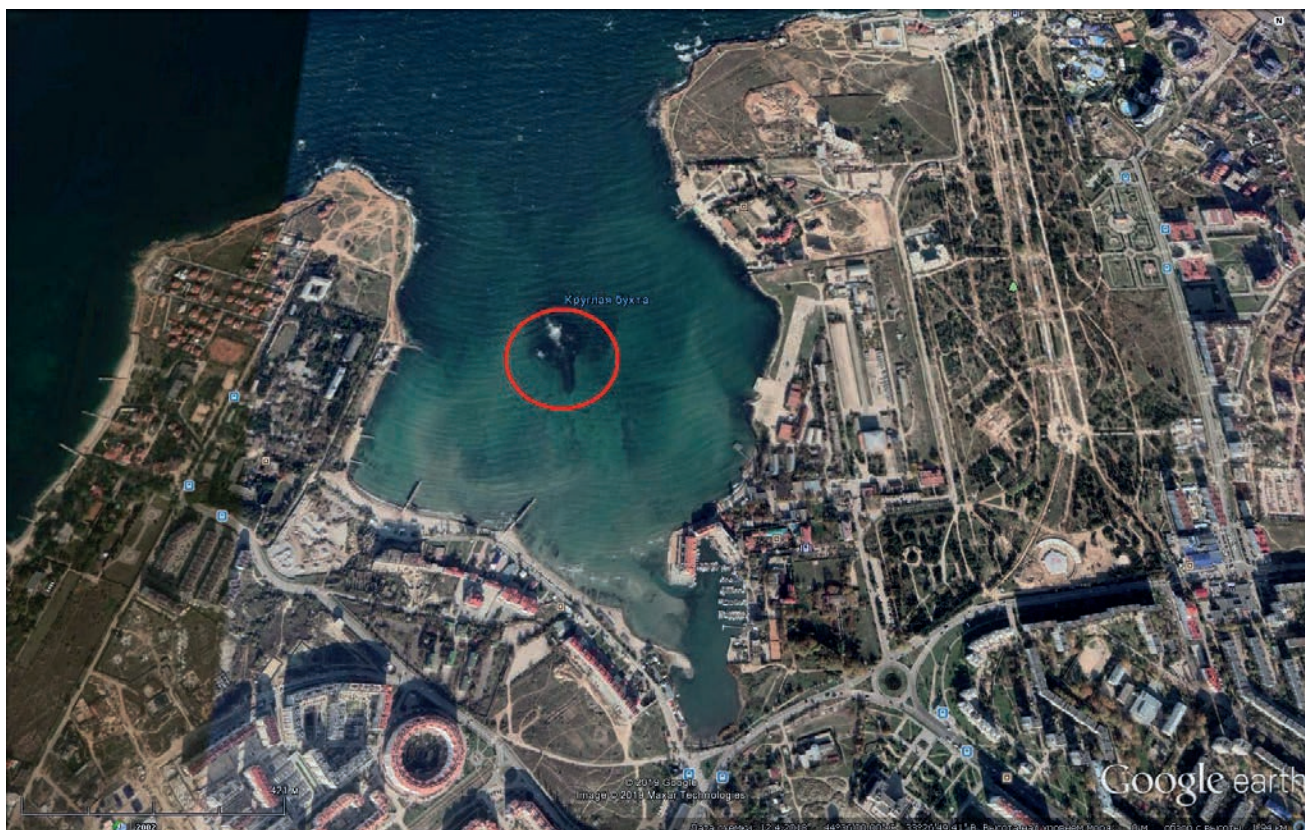

Рис. 1. Бухта Круглая (GoogleEarth 7.1.2.2041). Показана отмель в центре бухты.

Рис. 2. Бухта Круглая на карте 1800 г.
(по: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 209. Л. 1: Видъ Города и Порта Ахтіарскаго, 1800).

Рис. 3. Бухта Круглая на карте 1808 г. (обозначена как Песочная)
(по: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 208. Л. 1: Генеральной Планъ Порта Города Ахтіара, 1808).

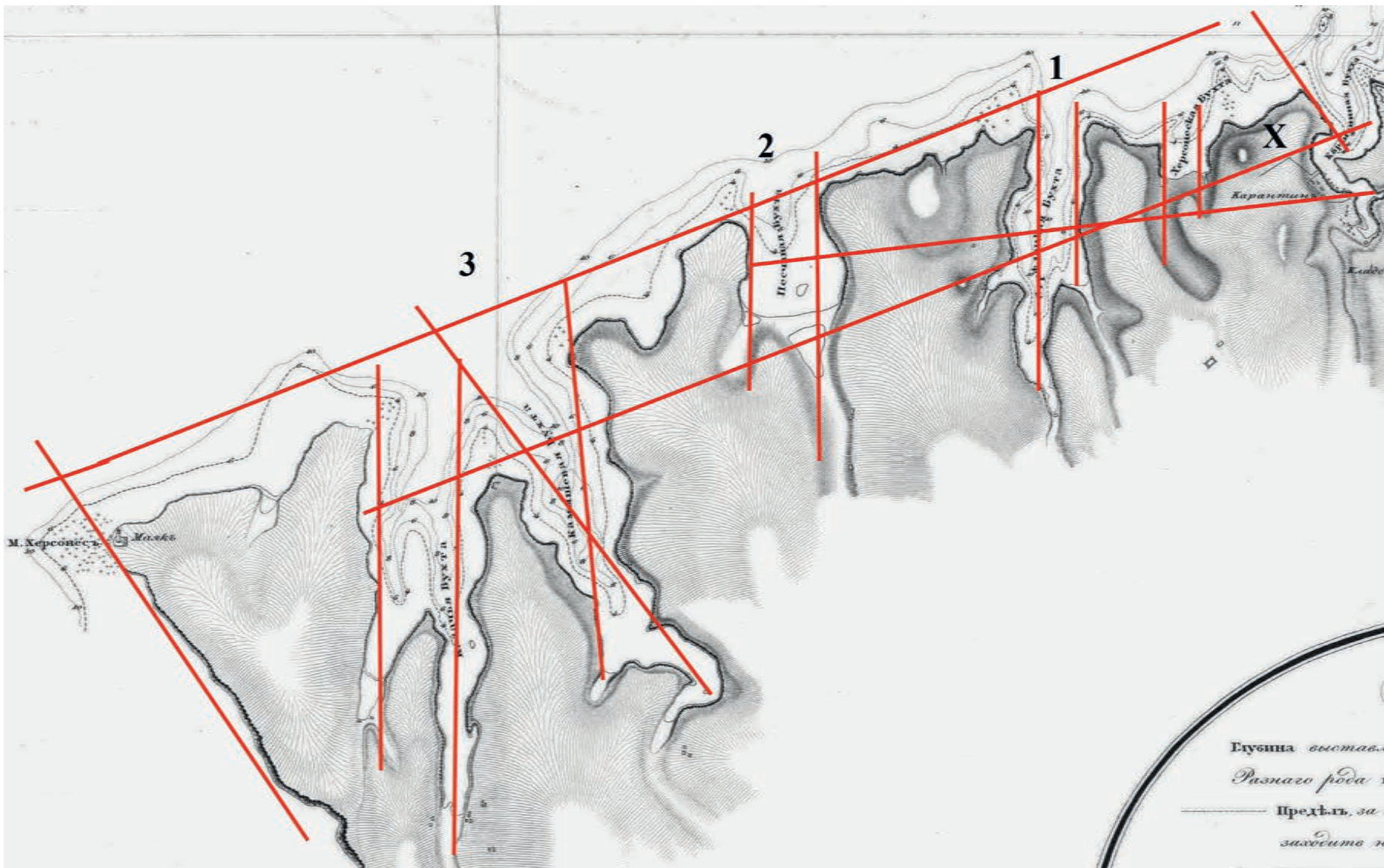

Рис. 4. Схема основных разломов бухт Гераклейского полуострова (участок от мыса Херсонес до бухты Карантинной).
Обозначения на схеме: 1 – бухта Стрелецкая; 2 – бухта Круглая;
3 – бухта Тройная (Камышова, Казачья, Соленая); X – Херсонес.

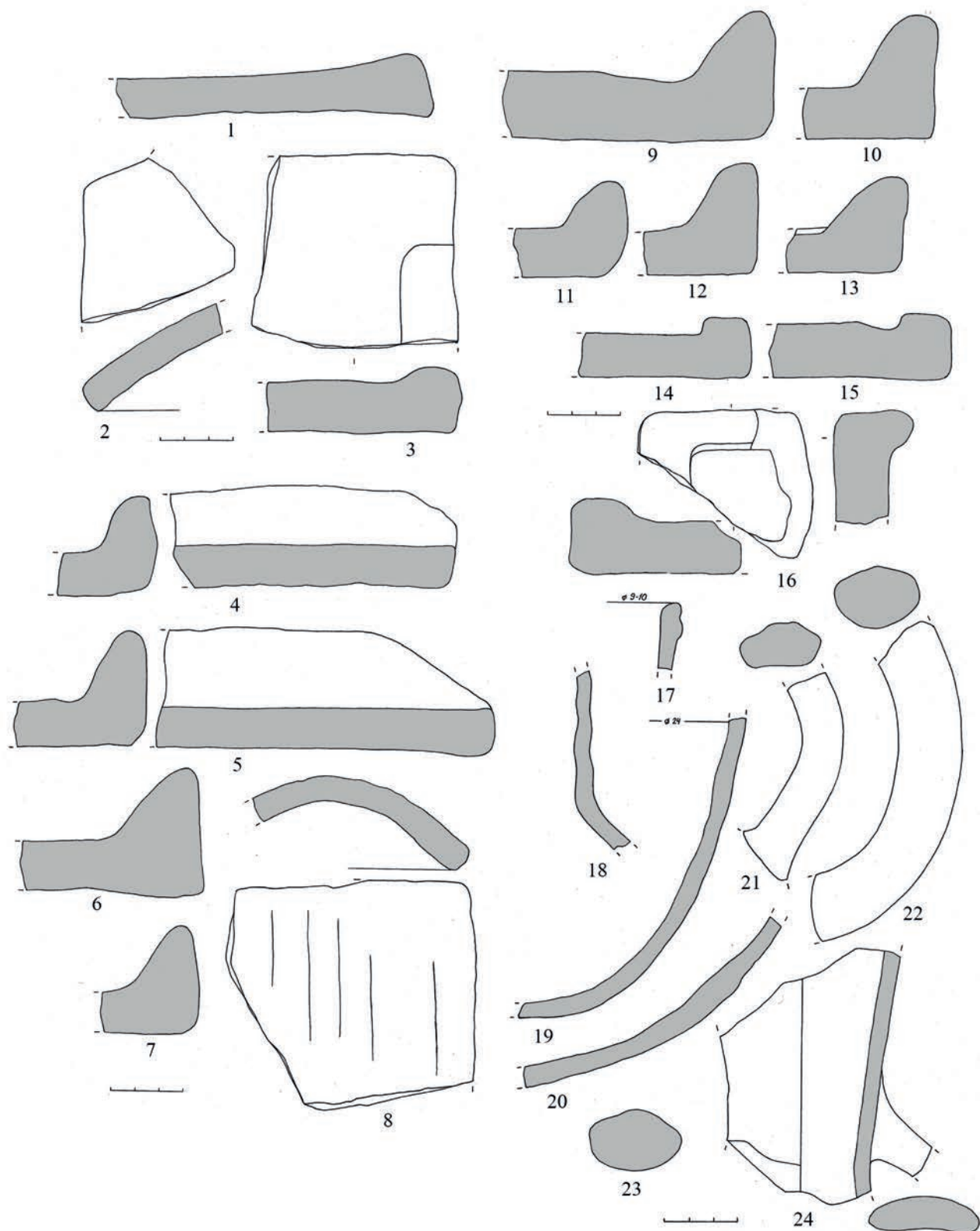

Рис. 5. Керамический материал с отмели в бухте Круглая. Сборы 2019 г. 1, 2: калиптеры эллинистического времени; 3-8: фрагменты черепицы римского времени; 9-16: фрагменты шамотированной черепицы IX-X вв.; 17-24: фрагменты амфор.

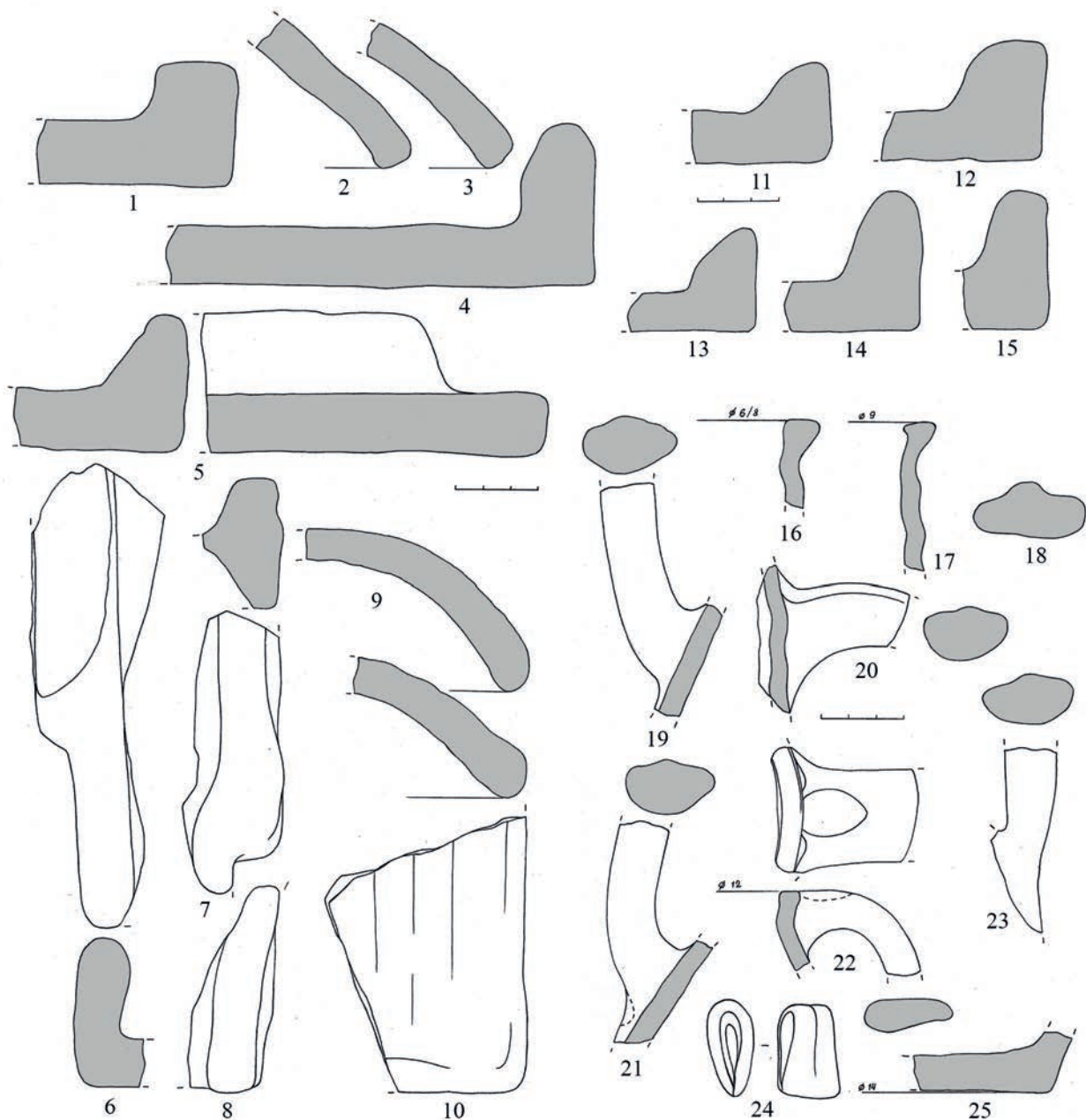

Рис. 6. Керамический материал с отмели в бухте Круглая. Шурф, 2019 г. 1-10: фрагменты черепицы I-III вв.; 11-15: фрагменты шамотированной черепицы IX-X вв.; 16-25: фрагменты амфор и столовой посуды.

Е. М. Краснодубец

ОТТИСКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПЕРСТНЕЙ-ПЕЧАТЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЭРОТОВ НА КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ХОРЫ

*Мне ж никогда не дает вздохнуть
Эрос. Летит от Киприды он, —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией
Северный ветер фракийский,
Душу мне мощно до самого дна колыхет
Жгучим безумием...*

Ивик. «Весна»
(пер. В. В. Вересаева)

Среди оттисков личных печатей на керамических изделиях эллинистического времени из Херсонеса Таврического и его окружи одним из наиболее часто встречаемых мотивов является изображение различных сюжетов из мифов об изменчивом Эроте. Интерес к подобным композициям в глиптике широко распространился по всей греческой Ойкумене с конца IV — начала III в. до н. э. Поскольку находки самих перстней-печатей этого времени единичны, изучение оттисков позволяет существенно расширить представления о вкусах владельцев печатей и мастерстве эллинистических резчиков. Впоследствии римские геммариусы часто копировали уже сложившийся образ Эрота/Амура и жанровые сцены с его участием.

Эрот, первозданная и необузданная сила, внезапно предстает невинным младенцем, сыном прекрасной Афродиты. Но внешность обманчива — неотвратимость его стрел (кат. № 8, 36) равно страшна смертным и богам [Менар 2007, с. 198]. Есть у малыша еще одна чудесная игрушка — волшебный золотой шар (кат. № 18, 28), подаренный матерью в обмен на воспламенение чувств Медеи к Ясону. Как ребенок, очарованный яркой безделкой, он забавляется человеческими сердцами.

Изображения озорника выползающим из раковины, оседлавшим дельфина либо Тритона (кат. № 2, 4–6, 9, 11, 18–24) служат напоминанием о происхождении от Пенорожденной богини

[Platt 2007, p. 91; Скржинская 2007, с. 16–17]. В то же время они символизируют парадоксальное укрощение силой любви морской стихии и диких существ, реальных и фантастических, по представлениям эллинов, не наделенных душой, следовательно — и способностью любить [Менар 2007, с. 197–198; Σταυρολίδης 2009, σ. 101, № 31, 32]. Особенно выделяется среди этих изображений Эрот-кифаред, оседлавший амфору (кат. № 5, 6). Подобные резные камни могли быть универсальными амулетами как в любовных делах, так в и мореплавании.

Гораздо чаще, чем лук и стрелы, видим мы в руках Эрота музыкальные инструменты [Вдовиченко 2004, с. 130–132]: кифару (кат. № 5, 6, 9, 11, 14–16), лиру (кат. № 12, 13), двойной авлос (кат. № 2) либо флейту (кат. № 17). Ибо жизнь греческого общества без музыки непредставима, а музыка — это праздник и радость, приносимые на крыльях Эроса.

Ряд изображений повествуют об Эроте и Психее (кат. № 1, 3, 25–30) — это мгновенно узнаваемая иконографическая форма мифа, известного нам по позднему — II в. н. э. — пересказу Апулея в «Метаморфозах» (IV. 28–VI. 24) [Любовь и эрос... 2006, с. 50; Максимова 1979, с. 66, рис. 19; Неверов 1988, с. 42; Петрова, Даниленко 2008, с. 577; Скржинская 2012, с. 162; Platt 2007, p. 89–99]. Этот сюжет, распространившийся в Элладе в период раннего эллинизма [Скржинская 2012, с. 96], полон аллегорических сим-

волов. Имя Психеи (ψυχή) по-гречески одновременно означает и «душу», и «бабочку» (пример употребления слова ψυχή в значении «бабочка»: Aristot. *Hist. Anim.* IV. 7.74). Поэтому Психея изображалась в образе бабочки либо крылатой девы [Менар 2007, с. 201]. Порой судьба благоволила влюбленным, что нашло свое отражение в сценах воссоединения (кат. № 25–28) [Σταμπολίδης 2009, σ. 134–135, 143, № 108, 109]. Такие камни обычно дарились молодым супругам в качестве свадебного подарка [Менар 2007, с. 206]. В иных случаях Эрот еще лишь стремится поймать ускользающую бабочку. Чем обернется подобная охота, нельзя предугадать. В случае успеха влюбленные либо обретут согласие, либо хрупкая Психея будет жестоко ранена обжигающим пламенем факела (кат. № 1, 30). Выбор орудия мучения не случаен [Скржинская 2012, с. 98; Platt 2007, р. 95], ведь Эрот так часто вызывает душевные терзания, разжигая огонь любви! Пока Психея свободна (кат. № 1), опущенный и потушенный факел говорит о надежде на преодоление препятствий и обретении гомонии, объединяющей носителя геммы и изображенных героев [Platt. 2007, р. 89, 92]. Но если замученная душа все же была сожжена, Эрот оборачивается Танатосом (кат. № 33–35). Согласно Платону, любовь как созидательное начало — это, кроме всего прочего, и стремление к бессмертию (Платон. *Пир.* 207a). В противоположность неудаче в любви приравнивается к «смерти».

Злоупотребив своей властью, Эрот не всегда избегает отмщения. Жестокий бог любви получает заслуженное наказание в виде трудовой повинности на сельскохозяйственных работах [Максимова 1926, с. 97; Неверов 1988, с. 58–59, № 61; Dimitrova-Milcheva 1981, № 142], что становится символом обуздания страстей (кат. № 31, 32). Другой возможной мерой наказания является пленение Эрота: обездвиженный, он обычно привязан к герме Приапа, колонне, либо алтарю (кат. № 7, 19).

Как правило, выбор изображения на гемме не был случайным; чтобы совместить роли личной печати и украшения-амулета [Неверов 2000, с. 24–26; Максимова 1926, с. 6] образ должен был в определенной мере отражать личный опыт и качества своего владельца. В этом смысле изображения Эрота и связанных с ним мифологических сцен несут универсальный характер. Но в то же время оценка изображения вполне могла сводиться к простому восхище-

нию эстетикой и мастерством исполнения резного камня [Platt 2007, р. 92].

Вероятно, оттиски перстней, оставленные на ручках кувшинов-ольп, близких к мерным стандартам [Тюрин 2011, с. 284–286; он же 2018, с. 133–136], либо удостоверяли качество изделия и соответствие объема, либо служили указанием на партию изделий или их содержимое [Коваленко, Попова 2011, с. 50–51; Краснодубец 2018, с. 55–58].

Однако отпечатанные на ткацких грузилах перстни-печати с большой вероятностью принадлежали женщинам. Об этом свидетельствуют и небольшие размеры колец, чьи боковые грани шинок порой также оттиснуты на грузиле вместе с изображением (кат. № 20). Конечно, возникает вопрос о том, насколько свободно могла женщина посещать гончарную мастерскую и вообще о целесообразности такого мероприятия.

На наш взгляд, назначение маркировки ткацких подвесок и тарной посуды семантически несколько отлично. Даже в одном наборе ткацкие подвески не обязательно должны иметь стандартный вес или размер для работы на станке: ткач просто корректирует количество прикрепленных нитей по мере необходимости [Lawall 2014, р. 169–170]. В целом отмечается хронологическое изменение формы и размера изделий [Бутягин, Колосов 2019, с. 83–86; Lawall 2014, р. 161–166], но в течение длительных хронологических периодов разные формы грузил, подходящие для производства тканей различной плотности, функционировали синхронно в большинстве греческих центров [Lawall 2014, р. 154, 161–166, fig. 8.7–9]. Практика клеймения ткацких грузил личными печатями отмечается с VI в. до н. э. [Lawall 2014, р. 168] и, по всей видимости, была многофункциональна, в зависимости от потребностей пользователей. По крайней мере, исследователи данного вопроса до сих пор не достигли консенсуса [Lawall 2014, р. 168]. Нам наиболее предпочтительным кажется считать их отметками заказчика, дабы «зарезервировать» и выделить группу предметов в единый набор на стадии производства. Помеченные подвески должны были обозначать числовой порядок нитей на ткацком станке, значительно облегчая работу ткачихи [Lawall 2014, р. 168].

Метки на грузилах, вероятно, имели не одно только практическое значение. Возможно, они служили «украшением» столь незамысловато-

го изделия [Неверов 2000, С. 39]; кроме того, их нанесение могло быть частью «обряда», наделяющего вещь свойствами оберега [Болонкина 2014, с. 72–77, 79; Гайдукевич 1952, с. 401; Зуйков 1993, с. 88; Соломоник 1994, с. 139; Онайко 1967, с. 155], сакральные свойства которого распространялись на произведенную ткань [Болонкина 2014, с. 79]. В частных случаях известны находки вотивных грузил в комплексах общественных и домашних святилищ, с посвящениями богам, без отверстий для подвешивания.

Мы имеем достаточно большой набор разнообразных оттисков на морфологически близких синхронных изделиях, произведенных, очевидно, в одной мастерской. Маловероятно, чтобы эллинистические гончары обладали настолько впечатляющими коллекциями произведений глиптики [Зуйков 1993, с. 85]. В то же время нельзя полностью исключать участие фабрикантов в маркировке грузил, поскольку изредка встречаются изделия с оттисками фабрикантских клейм и штампов-пальметт, используемых при производстве чернолаковой керамики [Lawall 2014, р. 170] (например, ХМ КП-20015).

Кроме того, некоторые изделия могли формироваться самими хозяйками и обжигаться прямо в доме [Бутягин 2008, с. 115]. Пример тому — грузила из эллинистического дома за театральной амфилеммой, принадлежавшие жившей там в III в. до н. э. Митине [Соломоник 1974, с. 10–11]. Хотя традиция клеймения ткацких грузил в Херсонесе зафиксирована с V в. до н. э. вплоть до первых веков н. э., наибольшее количество грузил с оттисками относится к IV–II вв. до н. э.; то же прослеживается и в других

областях Северного Причерноморья [Зуйков 1993, с. 88; Кругликова 1957, с. 135]. При этом частота повторения одного оттиска на нескольких изделиях довольно низкая, и чаще всего они происходят с одного участка раскопа или же из переотложенных слоев засыпи. Находки ткацких подвесок с идентичными оттисками из разных закрытых комплексов на территории города нам до сих пор неизвестны.

Среди рассматриваемых оттисков выделяется группа, по всей видимости, оставленная произведениями глиптики, изготовленными каким-то одним весьма искусным резчиком. Оттиски принадлежат круглым кабошонам диаметром 1,3 см, представляющими собой серию стилистически близких изображений в единой технике (кат. № 1–11). Эти работы отличаются высоким мастерством художественного исполнения: отметим глубокий рельеф, тонкую подробную детализировку и соблюдение пропорций изображений. К этой серии также стоит отнести изображение креветки на ткацком грузиле (ИКАМ 35272/195), непосредственно связанной с Эротом в ипостаси сына Афродиты Анадиомены.

Маркированные изделия, кроме венца гераклеяского пифоса (кат. № 36) и сероглиняного грузила (кат. № 19), — местного производства. Большинство оттисков были оставлены инталиями, датируемыми в пределах конца IV – первой трети III в. до н. э. — изысканными печатями, доступными лишь состоятельным гражданам; обилие таких изделий еще раз подтверждает благополучие и процветание города в этот период.

КАТАЛОГ

1. Фрагмент верхней части кувшина-ольпы (ИКАМ 37662/3) (рис. 1.1). Венец отогнутый, валикообразный (d устья 9,0 см); ручка (3,3 × 1,5 см) овальная в сечении, уплощенная. На внешней стороне — оттиск геммы (d 1,3 см): крылатый Эрот вправо; левой рукой опирается на потушенный факел, а правой — стремится поймать парящую бабочку. Справа от оттиска — граффити К (рис. 4.1). Глина красно-оранжевая, с включениями частиц извести и пироксена. Контекстный материал датируется в пределах конца IV — первой трети III вв. до н. э. Происходит из грабительского шурфа № 2 на усадьбе участка № 281, выявленного в ходе полевых разведок М. И. Тюрина в 2015 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4479. Т. I. Л. 79, 83; Д. 4480. Л. 205); [Краснодубец 2018, с. 55–56]. Первая треть III в. до н. э. Аналогии: Platt 2007, р. 89, fig. 1.
2. Фрагмент кувшина-ольпы (ИКАМ 35272/9): часть верхнего прилепа ручки и стенки горловины (рис. 1.2). Ручка овальная в сечении, уплощенная (l 6,0; 3,3 × 1,4 см), с оттиском инталии (d 1,3 см): Эрот, играющий на авлосе, верхом на дельфине вправо (рис. 4.2). Справа от оттиска — граффити К (1,1 × 0,9 см). Глина пережженная, красная (2.5YR 5/6), с включением частиц извести; ангоб коричневый (7.5YR 6/4–5/2–3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны [Краснодубец 2018, с. 56]. Первая треть III в. до н. э. Аналогии: Richter 1956, № 313; Σταμπολίδης 2009, № 59.
3. Фрагмент стенки горла и ручки кувшина-ольпы (l 6,5; 3,2 × 1,6 см) (рис. 1.3) с оттиском (d 1,1 см), изображающим Эрота вправо (рис. 4.3). Глина красновато-желтая (5YR 6/6), мылкая; ангоб светло-желтый (2.5Y 7/3). Плохая сохранность оттиска не позволяет с уверенностью говорить об идентичности с рассмотренным выше экземпляром. Происходит из засыпи вырубного склепа № 6, раскопанного на территории Западного некрополя в 1981 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2248. Л. 28); [Краснодубец 2018, с. 56]. Первая треть III в. до н. э.

4. Грузило (п/о 24) в форме усеченной пирамиды (h 5,3; осн. 3,2 × 3,4 см) (рис. 1.4). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): Эрот, выползающий из раковины, вправо (рис. 4.4). Глина светло-желтая (5Y 8/2) с включением частиц пироксена и извести. Происходит из раскопок В. Г. Самойленко в 2017 г. на участке Южного некрополя Херсонеса. Первая треть III в. до н. э. Аналогии: Неверов 2000, с. 40, рис. 15.
5. Грузило (ИКАМ 37380/52) в форме усеченной пирамиды (h 6,1; осн. 4,3 × 4,5 см) (рис. 1.5). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): оседлавший амфору Эрот с кифарой и плектроном вправо (рис. 4.5). Глина серо-коричневая (10YR 5/2), ангоб светло-желтый (5Y 8/2). Происходит из керамического завала (наскальный слой № 5) у остатков стен эллинистического дома под двором средневековой усадьбы в IX квартале. Археологические раскопки С. Г. Рыжова в IX квартале Херсонеса в 2002 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3682. Л. 5, 32) Первая треть III в. до н. э.
6. Грузило (ИКАМ 35272/18) в форме усеченной пирамиды (h 6,9; осн. 3,7 × 4,0 см) (рис. 1.6). На верхней плоскости — неполный (стертый) оттиск инталии (1,1 × 0,9 см): оседлавший амфору Эрот-кифаред; идентичный № 5 (рис. 4.6). Глина серо-коричневая (10YR 5/2). Поскольку задачей экспедиции С. Г. Рыжова в 2002 г. было исследование засыпанного переотложенным грунтом двора средневековой усадьбы в IX квартале, впервые раскопанной К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1889 г., можно предположить, что и это депаспортизированное грузило происходит из того же комплекса. Первая треть III в. до н. э.
7. Грузило (ИКАМ 35762/240) в форме усеченной пирамиды (h 6,0; осн. 4,1 × 4,4 см) (рис. 1.7). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): сидящий у основания колонны или гермы Эрот с распахнутыми крыльями вправо (рис. 4.7). Глина светло-желтая (5Y 7/2–3) с включением крупных частиц пироксена. Происходит из раскопок Г. Д. Белова в 1936 г. на Северном берегу. (Дом II, пом. «в»). Первая треть III в. до н. э. Аналогии: Στασιπολίτης 2009, № 94, 102, 103.
8. Грузило (ИКАМ 37590/16) в форме усеченной пирамиды (h 7,1; осн. 4,8 × 5,1 см) (рис. 1.8). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): коленопреклоненный Эрот с натянутым луком влево (рис. 4.8). Глина красная (2.5YR 5/8) с включением частиц пироксена и редких блесток слюды, ангоб светло-коричневый (10YR 8/2). Происходит из слоя с материалом IV–II вв. до н. э. на участке городской свалки против куртины № XIII. Археологические раскопки Е. Я. Туровского в 2011 г. Первая треть III в. до н. э.
9. Грузило (ИКАМ 35756/210) в форме усеченной пирамиды (h 6,0; осн. 3,4 × 3,7 см) (рис. 1.9). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): Эрот-кифаред влево (рис. 4.9). Глина красно-коричневая с включением крупных частиц пироксена и извести, ангоб светло-оливковый (5Y 6/4). Происходит из раскопок Г. Д. Белова в 1936 г. на Северном берегу. (Дом I, пом. «б»). Первая треть III в. до н. э. Аналогии: Στασιπολίτης 2009, № 57.
10. Фрагментированное грузило (ИКАМ 37404/14) в форме усеченной пирамиды (h 8,1 см) (рис. 1.10). На верхней плоскости — неполный оттиск инталии (1,2 × 0,7 см): сидящий (на скале?) Эрот вправо (рис. 4.10). Глина красная (2.5YR 5/8), ангоб светло-коричневый (10YR 8/2). Происходит из раскопок С. Г. Рыжова в IX квартале Херсонеса (Пом. 26) в 2004 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3662. Л. 25–26). Первая треть III в. до н. э.
11. Грузило (ХМ КП-30806) в форме усеченной пирамиды (h 5,4; осн. 3,5 × 3,6 см) (рис. 1.11). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,3 см): сидящий Эрот-кифаред с подушкой на коленях вправо (рис. 4.11). Глина красно-желтая (5YR 6/6) с включением частиц пироксена и мелких блесток слюды. Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. Первая треть III в. до н. э.
12. Грузило (ИКАМ 36554/35) в форме усеченной пирамиды (h 6,7; 5,2 × 5,0 см) (рис. 1.12). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,3 × 0,8 см): сидящий на дифросе Эрот, играющий на лире вправо (рис. 4.12). Глина коричневая (7.5YR 5/4). Происходит из слоя № 27 участка перифера у 17 куртины. Археологические раскопки А. М. Гилевич в 1958 г. Датируется концом IV – началом III в. до н. э. по контекстным амфорным клеймам [Кац 2007, с. 434–435].
13. Грузило (ИКАМ 35272/197) в форме усеченной пирамиды (h 7,5; 4,3 × 4,4 см) (рис. 1.13). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,3 × 0,8 см), идентичный № 12 (рис. 4.13). Глина темно-красно-серая (5YR 4/2). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. Конец IV – начало III в. до н. э.
14. Грузило (ХМ КП-17331) в форме усеченной пирамиды (h 8,7; осн. 5,2 × 5,4 см) (рис. 1.14). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,2 × 0,9 см): сидящий на алтаре Эрот вправо (рис. 4.14). Изображение частично стерто: судя по положению полусогнутых рук — утрачено изображение кифары. Глина красная (10R 6–5/6) с включением частиц пироксена и извести. Происходит из насыпи некрополя при раскопках Н. И. Репникова в 1908 г., производившихся «между скотным двором и башней».
15. Грузило (ИКАМ 35272/16) в форме усеченной пирамиды (h 7,8; 3,8 × 4,0 см) (рис. 2.15). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,4 × 1,0 см): сидящий на алтаре Эрот-Кифаред вправо (рис. 4.15). Оттиск плохой сохранности, детали изображения трудноразличимы. Глина темно-серая (5Y 4/1), ангоб светло-оливковый (5Y 6/4). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. III в. до н. э.
16. Грузило (ХМ КП-33610) в форме усеченной пирамиды (h 6,9; осн. 4,2 × 4,3 см) (рис. 2.16). На верхней плоскости — частично стертый оттиск инталии (1,2 × 1,0 см): сидящий на дифросе Эрот с кифарой влево (рис. 4.16). Глина светло-желтая (5Y 8–7/3) с включением частиц авгита. Происходит из археологических раскопок VII квартала (пом. 19, слой «под 1 полом») Р. Х. Лёпера в 1913 г. [Лёпер 1930, с. 137]. III в. до н. э.
17. Грузило (ИКАМ 35272/29) в форме усеченной пирамиды (h 6,0; осн. 3,9 × 4,2 см) (рис. 2.17). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,4 × 0,8 см): сидящий на алтаре Эрот влево: голова склонена; в сложенных на коленях руках держит флейту (рис. 4.17). Глина темно-серая (5Y 4/1), ангоб оливковый (5Y 6–5/3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. III в. до н. э.
18. Грузило (ИКАМ 37194/23) в форме усеченной пирамиды (h 5,1 см) (рис. 2.18). На верхней плоскости — оттиск перстня (1,2 × 1,1 см): Эрот, оседлавший Тритона с раздвоенным хвостом влево, в вытянутых перед собой руках держит небольшой мяч для игры; нижняя часть изображения утрачена (рис. 4.18). Глина коричневая (7.5YR 6/4) с включением

- нием мелких частиц пироксена и извести, ангоб серый (5Y 7/3). Подъемный материал из отвала на участке античного театра. Археологические раскопки О. И. Домбровского в 1990 г. [Краснодубец 2017, с. 131]. Конец IV – начало III в. до н. э.
19. Грузило (п/о 47–08) в форме усеченной пирамиды (h 7,4; осн. 4,7 × 4,9 см) (рис. 2.19). На боковой грани — оттиск перстня (1,2 × 0,8 см): сидящий у основания гермы Приапа Эрот-Тритон, торс чуть наклонен вперед, в руках держит бабочку (рис. 4.19). Глина темно-серая. Происходит из насыпи некрополя на территории «скотного двора монастыря». Археологические раскопки Н. И. Репникова в 1908 г. Аналогии: [Spier 1992, p. 102, № 248].
 20. Грузило (ХМ КП-20029) в форме усеченной пирамиды (h 5,2; осн. (3,7 × 4,0 см) (рис. 2.20). На верхнем и нижнем (вписан в оттиск ребра шинки перстня (d 1,6 см)) основаниях — дважды повторенный оттиск инталии (1,1 × 0,8 см): Эрот на дельфине вправо (рис. 4.20). Глина красная (2.5YR 5/6), закал темно-серый (5Y 4/1), ангоб светло-оливковый (5Y 6/4). Происходит из Северо-Восточной части Херсонеса (раскопки «в монастырском огороде»: пом. III, нижний слой). Археологические раскопки Р. Х. Лёпера в 1909 г. III в. до н. э. Аналогии: [Dimitrova-Milcheva 1981, № 146; Furtwangler 1886, № 3794, 8453; Henkel 1913, № 1497; Maaskant-Kleibrink 1978, № 899; Richter 1971, № 161; Zwierlein-Diehl 1969, № 198; Σταμπολίδης 2009, № 32]. 21. Грузило (ИКАМ 35754/77) в форме усеченной пирамиды (h 6,4; осн. 3,9 × 3,7 см) (рис. 2.21). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,2 × 1,0 см): Эрот на дельфине вправо (рис. 4.21). На боковой грани — оттиск (0,9 × 0,6 см): крылатый фалл (рис. 4.21a). Глина красная (2.5YR 5/6) с включением частиц пироксена, закал серо-коричневый (10YR 5/2). Происходит из 3–4 слоя двора Дома I. Археологические раскопки Г. Д. Белова в 1936 г. [Белов 1938, с. 219]. III–II вв. до н. э. Аналогии: [Неверов 2000, с. 34, рис. 7].
 21. Грузило (ХМ КП-21962) в форме усеченной пирамиды (h 5,7; осн. 4,2 × 3,9 см) (рис. 2.22). На верхней плоскости — оттиск инталии (d 1,0 см): Эрот, выползающий из раковины, вправо (рис. 4.22). Глина серо-оливковая (5Y 6/1–2); ангоб светло-желтый (5Y 7/3–4). Происходит из III квартала (Пом. VII, слой «под полом, на скале») в Северо-Восточной части городища. Археологические раскопки Р. Х. Лёпера в 1911 г. [Лёпер 1930, с. 86–87].
 22. Грузило (ИКАМ 35272/25) в форме усеченной пирамиды (h 6,2; осн. 3,2 × 3,6 см) (рис. 2.23). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,3 × 1,0 см), идентичный № 22 (рис. 4.23). Глина серо-коричневая (10YR 5/1–2), ангоб светло-желтый (5Y 7/3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны.
 23. Грузило (ИКАМ 35272/26) в форме усеченной пирамиды (h 6,2; осн. 4,0 × 4,3 см) (рис. 2.24). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,3 × 1,0 см), идентичный № 22, 23 (рис. 4.24). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны.
 24. Грузило (ИКАМ 35272/205) в форме усеченной пирамиды (h 7,6; осн. 3,5 × 3,7 см) (рис. 2.25). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,1 × 0,9 см): Эрот и Психея держатся за руки, обратившись лицом друг к другу (рис. 4.25). Глина серо-коричневая (10YR 5/1–2), ангоб светло-желтый (5Y 7/3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. III в. до н. э. Аналогии: [Неверов 1988, № 439, 440; Platt 2007, p. 94–95, fig. 6–7; Σταμπολίδης 2009, № 108].
 25. Фрагмент грузила (ИКАМ 35272/198) в форме усеченной пирамиды (h 6,1 см) (рис. 2.26). На верхней плоскости — оттиск перстня (d 1,3 см): Эрот и Психея в объятиях друг друга (рис. 4.26). Глина красная (2.5 YR 5/8), ангоб светло-коричневый (10YR 8/3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. Первая четверть III в. до н. э.
 26. Грузило (ИКАМ 35272/199) в форме усеченной пирамиды (h 7,8; осн. 3,5 × 4,0 см) (рис. 2.27). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,0 × 0,8 см): Эрот и Психея держатся за руки, обратившись лицом друг к другу (рис. 4.27). Глина серая (5Y 5/1), ангоб светло-оливковый (6/3–4). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. III в. до н. э.
 27. Грузило (ИКАМ 37050/57) в форме усеченной пирамиды (h 4,5; осн. 2,7 × 2,7 см) (рис. 3.28). На верхней плоскости — неполный оттиск инталии (1,0 × 0,8 см): коленапреклоненный Эрот, обращенный к Психее или Антеросу (?), между фигурами — небольшой шар для игры (рис. 4.28). Глина светло-коричневая (7.5YR 6/4). Происходит из остатков раннеэллинистического дома (II слой) под VII поперечной улицей в IX квартале (Северный район Херсонеса). Археологические раскопки С. Г. Рыжова в 1982 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2346. Л. 7–8, 25–26). IV–III вв. до н. э.
 28. Фрагмент грузила (ИКАМ 35272/17) в форме усеченной пирамиды (h 5,7; осн. 3,7 × 4,6 см) (рис. 3.29). На боковых гранях — дважды повторенный оттиск инталии (1,2 × 0,8 см): Эрот вправо, всей фигурой тянется вверх, в поднятой правой руке держит только что пойманную бабочку (рис. 4.29). Глина красновато-желтая (5YR 6–5/6), ангоб светло-желтый (5Y 8/3). Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, год и место находки неизвестны. Конец IV – начало III в. до н. э. Σταμπολίδης 2009, № 67. Аналогии: [Неверов 1988, № 4].
 29. Грузило (ИКАМ № 35666/28) в форме усеченной пирамиды (h 7,0; осн. 3,8 × 3,9 см) (рис. 3.30). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,1 × 0,8 см): Эрот вправо, с опущенным факелом и пойманной бабочкой в левой руке (рис. 4.30). Глина светло-коричневая (7.5YR 6/4) с включением частиц пироксена и извести. Происходит из слоя № 4 с северной стороны от «Базилики 1935 г.». Археологические раскопки Г. Д. Белова в 1935 г. [Белов 1938, с. 22, 24].
 30. Грузило (ХМ КП-21378) в форме усеченной пирамиды (h 6,2; осн. 3,2 × 3,2 см) (рис. 3.31). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,2 × 0,8 см): склонившийся Эрот-землепашец за плугом вправо (рис. 4.31). Глина красная (5YR 5/6) с включением частиц пироксена и извести, ангоб светло-желтая (5Y 7/3). Происходит из засыпи «угловой» цистерны в III квартале. Археологические раскопки Р. Х. Лёпера в 1911 г. [Лёпер 1930, с. 91–92]. III–II вв. до н. э.
 31. Фрагментированное грузило (ИКАМ 37102/28) в форме усеченной пирамиды (h 7,9 см) (рис. 3.32). На верхней плоскости — оттиск инталии (1,1 × 0,8 см), идентичный № 31 (рис. 4.32). Глина от светло-серого до оливкового оттенков (5Y 7/2–4) с включением частиц пироксена и извести. Происходит из VIII квартала (Пом. 6–7А, подвал) в Северном районе Херсонеса. Археологические раскопки С. Г. Рыжова в 1985 г. III–II вв. до н. э.

32. Грузило (ИКАМ 37298/153) в форме усеченной пирамиды (h 6,0; осн. 3,4 × 3,5 см) (рис. 3.33). На верхней плоскости — оттиск перстня с врезным изображением на шинке (1,2 × 0,6 см): Эрот-Танатос, опирающийся на потушенный факел; в прижатой к груди правой руке держит небольшой округлый предмет (рис. 4.33). Глина темно-серая (5Y 4/1), ангоб светло-коричневый (10YR 8/3). Происходит из раскопок М. И. Золотарева в 1995 г. в Северном районе Херсонеса у «Базилики 1935 г.» (локус 7037 в Юго-Западной части квартала № 7). В слое, как и в перекрывающем его локусе № L7029, встречаются вещи эллинистического и римского времени. Возможна примесь материалов из раскопок Г. Д. Белова (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3278. Л. 19, 54). Вторая половина III в. до н. э. Аналогии: [Неверов 1988, № 368–375; Dimitrova-Milcheva 1981, № 148, 149; Platz-Horster 1987, № 10].
33. Грузило (ИКАМ 37143/21) в форме усеченной пирамиды (h 5,7 см) (рис. 3.34). На верхней плоскости — неполный оттиск инталии (0,6 × 0,8 см): Эрот с распахнутыми крыльями *en face* (рис. 4.34). Происходит из раскопок О. И. Домбровского на участке античного театра в 1988 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2876/1; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2879. Л. 50). Глина светло-коричневая (7.5YR 7/4) с включением крупных частиц пироксена. Конец IV — начало III в. до н. э.
34. Грузило (ИКАМ 35272/196) в форме усеченной пирамиды (h 5,6; осн. 3,9 × 3,8 см) (рис. 3.35). На верхней плоскости — неполный оттиск инталии (d 1,3 см), идентичный № 34, но более четкий (рис. 4.35). Глина светло-коричневая (10YR 6/3) с включением крупных частиц пироксена. Археологические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, место и год раскопок неизвестны (1904 г.?).
35. Фрагмент венца пифоса (ИКАМ 37417/21) (d венца ок. 44–45 см) (рис. 3.36) с оттиском (2,0 × 1,4 см) металлического перстня овальной формы: коленопреклоненный Эрот на алтаре с луком вправо (рис. 4.36). Гераклея, конец IV–III вв. до н. э. Происходит из раскопок Г. Н. Николаенко античной усадьбы в балке Бермана в 2004 г.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Золотарев М. И., Малкина Р. Отчет об археологических исследованиях у «Базилики 1935 г.» в Херсонесе в 1995 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3278. Л. 1–148.
- Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В., Костромичева Т. И. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1981 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2248. Л. 1–53.
- Николаенко Г. М., Домбровский О. И. Отчет о раскопках на участке Античного театра в 1988 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2876/1. Л. 1–24.
- Николаенко Г. М., Домбровский О. И. К отчету о раскопках Античного театра в 1988 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2879. Л. 1–75.
- Рыжов С. Г. Отчет о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса в 1982 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2346. Л. 1–47.
- Рыжов С. Г., Андреева О. А. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2002 г. Т. I. Текст // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3682. Л. 1–90.
- Рыжов С. Г., Андреева О. А. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2004 г. Т. I. Текст // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3662. Л. 1–40.
- Тюрин М. И. Отчет об археологических разведках в Нахимовском и Гагаринском районах г. Севастополя в 2015 году. Т. I // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4479. Л. 1–138.
- Тюрин М. И. Отчет об археологических разведках в Нахимовском и Гагаринском районах г. Севастополя в 2015 году. Т. II // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4480. Л. 1–274.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. 349 с.
- Болонкина Е. В. К вопросу о назначении пирамидальных грузил (по материалам коллекции Керченского заповедника) // Научный сборник Керченского заповедника. 2014. Вып. IV. С. 71–84.
- Бутягин А. М. Комплекс керамических грузил из усадьбы на акрополе Мирмекия // ТГЭ. 2008. Вып. XLI. С. 108–123.
- Бутягин А. М., Колосов В. П. Пирамидальные керамические ткацкие грузила: опыт массового анализа // БЧ. 2019. С. 83–86.
- Вдовиченко И. И. О роли музыки в жизни варваров и эллинов Северного Причерноморья // ПИФК. 2004. № 14. С. 124–141.
- Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях // МИА. 1952. № 25. С. 395–414.
- Зуйков Ю. В. Пирамидальные подвески-грузила и клейма на них // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 84–90.
- Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт классификации) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
- Коваленко С. А., Попова Е. А. Оттиски античных гемм и перстней на керамике из раскопок Чайкинского городища в Северо-Западном Крыму // ВДИ. 2011. № 1 (276). С. 45–52.
- Краснодубец Е. М. Оттиски личных печатей и метки на керамических изделиях из раскопок в районе Античного театра Херсонеса Таврического // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2017. С. 128–135.
- Краснодубец Е. М. Оттиски гемм с изображением Эротов на херсонесских кувшинах // Уваровские Таврические чтения III. Древности Юга России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Севастополь, 2018. С. 55–58.
- Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 104–138.
- Лёпер Р. Х. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического [(неизданные материалы раскопок Р. Х. Лёпера 1908–1913 гг.) с приложением генерального плана северо-восточной части Херсонеса и разрезов к нему на I и II таблицах] // ХСб. 1930. Вып. III. С. 5–139.
- Любовь и эрос в античной культуре. Каталог выставки/под ред. Д. В. Журавлева. М., 2006. 168 с.

- Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Путеводитель по выставке. Л., 1926. 101 с.
- Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. 152 с.
- Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. М., 2007. 368 с.
- Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. 144 с.
- Неверов О. Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988. 191 с.
- Неверов О. Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье / под ред. С. Л. Соловьева. СПб, 2000. С. 24–45.
- Онайко Н. А. О Фанагорийских грузилах (по материалам из раскопок 1936–1940 гг. и 1947–1952 гг. // МИА. 1967. № 57. С. 154–160.
- Петрова Э. Б., Даниленко В. Н. В стране героев и богов: Античные крылатые слова и выражения от альфы до омеги. Симферополь, 2008. 624 с.
- Скржинская М. В. Образ Эроса в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. 2007. № 2. С. 16–23.
- Скржинская М. В. Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья // БИ. 2012. Вып. XXVI. С. 59–167.
- Соломоник Э. И. Греческие надписи из раскопок театра в 1964 г. // Херсонес Таврический: ремесло и культура / под ред. И. А. Антоновой и В. В. Борисовой. Киев, 1974. С. 5–13.
- Соломоник Э. И. Херсонесские глиняные грузила с надписями // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 138–158.
- Тюрин М. И. Мерные кувшины Херсонеса: новые находки, вопросы эпиграфики, метрологии и хронологии // Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения». Севастополь, 2011. С. 284–286.
- Тюрин М. И. Раскопки античной усадьбы древнего земельного участка 320 на Гераклеяском полуострове в 2016–2017 гг. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 133–136.
- Dimitrova-Milcheva A. Antique engraved gems and cameos in the National archeological museum in Sofia. Sofia, 1981. 103 p., ill.
- Furtwängler A. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896. 391 S.; 71 Taf.
- Henkel F. Die römischen Fingerringe der Rheinlande und der benachbarten Gebiete. Berlin, 1913. 387 S.
- Lawall M. Transport Amphoras and Loomweights: Integrating elements of ancient Greek economies? // Greek and Roman Textiles and Dress: an interdisciplinary anthology. Oxford and Philadelphia, 2014. P. 150–189.
- Maaskant-Kleibrink M. Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague. Wiesbaden: Steiner Verlag, 1978. Vol I: 380 p., 37 fig.; vol. II: 189 p. of plates.
- Platt V. Burning Butterflies: Seals, Symbols and the Soul in Antiquity // Pagans and Christians: from Antiquity to the Middle Ages. Oxford, 2007. P. 89–99.
- Platz-Horster G. Die antiken Gemmen aus Xanten im Besitz des Niederrheinischen Altertumsvereins, des Rheinischen Landesmuseum Bonn, der Katholischen Kirchengemeinde St. Viktor und des Regionalmuseums Xanten. Köln, 1987. 162 S., 51 Taf.
- Richter G. Engraved Gems of the Romans. L., 1971. 307 p.
- Richter G. M. A. Catalogue of engraved gems: Greek, Etruscan, and Roman (Metropolitan Museum of Art, New York). Roma: L'Erma di Bretschneider, 1956. 144 p., 75 pl.
- Spier J. Ancient gems and finger rings: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum. Malibu, California, 1992. 184 p.
- Zwierlein-Diehl E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Band II: Stiftung Preußischer Kulturbesitz — Staatliche Museen Berlin. München, 1969. 324 S., 96 Taf.
- Σταμπολίδης Ν. Χρ. Έρωσ. Από τη Θεογονία του Ησιόδου στην Ύστερη Αρχαιότητα. Κατάλογος έκθεσης στο Μουσείο Κυκλαδικής Τέχνης. Αθήνα, 2009. 312 σ.

REFERENCES

- Belov G. D. *Otchet o raskopkakh v Hersonese za 1935–1936 gg.* Simferopol', 1938. 349 p.
- Bolonkina E. V. K voprosu o naznachanii piramidal'nyh gruzil (po materialam kollekcii Kerchenskogo zapovednika). *Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika*, 2014, iss. IV, pp. 71–84.
- Butjagin A. M. Kompleks keramicheskikh gruzil iz usad'by na akropole Mirmekija. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 2008, iss. XLI, pp. 108–123.
- Butjagin A. M., Kolosov V. P. Piramidal'nye keramicheskie tkackie gruzila: opyt massovogo analiza. *Bosporskie Chteniya*, 2019, pp. 83–86.
- Dimitrova-Milcheva A. *Antique engraved gems and cameos in the National archeological museum in Sofia*. Sofia, 1981, 103 p., ill.
- Furtwängler A. *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin, 1896, 391 s., 71 Taf.
- Gajdukevich V. F. K voprosu o tkackom remesle v Bosporskih poselenijah. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1952, no. 25, pp. 395–414.
- Henkel F. *Die römischen Fingerringe der Rheinlande und der benachbarten Gebiete*. Berlin, 1913. 387 S.
- Lawall M. Transport Amphoras and Loomweights: Integrating elements of ancient Greek economies? In: Harlow M., M. Nosch (eds.). *Greek and Roman Textiles and Dress: an interdisciplinary anthology*. Oxford; Philadelphia, 2014, pp. 150–189.
- Καc Β. Ι. Grecheskie keramicheskie klejma epohi klassiki i ellinizma (opyt klassifikacii). *Bosporskie Issledovaniya*. 2007, vol. XVIII, 480 p.
- Kovalenko S. A., Popova E. A. Ottiski antichnyh gemm i perstnej na keramike iz raskopok Chajkinskogo gorodishha v Severo-Zapadnom Krymu. *Vestnik drevnej istorii*, 2011, no 1 (276), pp. 45–51.

- Krasnodubets E. M. Ottiski gemm s izobrazheniem Erotov na hersonesskih kuvshinah. In: *Uvarovskie Tavricheskie chtenija III. «Drevnosti Juga Rossii». Tezisy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Sevastopol, 2018, pp. 55–58.
- Krasnodubets E. M. Ottiski lichnyh pechatej i metki na keramicheskikh izdelijah iz raskopok v rajone Antichnogo teatra Hersonesa Tavricheskogo. In: *Antichnye relikvii Hersonesa: Otkrytija, Nahodki, Teorii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Sevastopol, 2017, pp. 128–135.
- Kruglikova I. T. Remeslennoe proizvodstvo prostoj keramiki Pantikapeja. *Materialy i Issledovaniya po Arheologii*. 1957, no 56, pp. 104–138.
- Ljubov' i eros v antichnoj kul'ture. Katalog vystavki*. Ed. by D. V. Zhuravlev. Moscow, 2006, 168 p.
- Loeper R. H. Severo-vostochnye kvartaly Hersonesa Tavricheskogo [(neizdannye materialy raskopok R. H. Loepera 1908–1913 gg.) s prilozheniem general'nogo plana severo-vostochnoj chasti Hersonesa i razrezov k nemu na I i II tablicah]. *Hersonesskij sbornik*, 1930, iss. III, pp. 5–139.
- Maaskant-Kleibrink M. *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague*. Wiesbaden, 1978, vol I: 380 p., 37 fig.; vol. II: 189 p. of plates.
- Maksimova M. I. *Antichnye reznye kamni Ermitazha. Putevoditel' po vystavke*. Leningrad, 1926, 101 p.
- Maksimova M. I. *Artjuhovskij kurgan*. Leningrad, 1979, 152 p.
- Menar R. *Mify v iskusstve starom i novom*. Moscow, 2007, 368 p.
- Neverov O. Ja. *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha*. Saint Petersburg, 1988, 191 p.
- Neverov O. Ja. *Gemmy antichnogo mira*. Moscow, 1983, 144 p.
- Neverov O. Ja. Ottiski pechatej na keramicheskikh izdelijah iz Severnogo Prichernomor'ja. *Antichnoe Prichernomor'e*. Saint Petersburg, 2000, pp. 24–45.
- Onajko N. A. O Fanagorijskih gruzilah (Po materialam iz raskopok 1936–1940 gg. i 1947–1952 gg. *Materialy i Issledovaniya po Arheologii*, 1967, no 57, pp. 154–160.
- Petrova E. B., Danilenko V. N. *V strane geroev i bogov: Antichnye krylatye slova i vyrazhenija ot al'fy do omegi*. Simferopol, 2008, 624 p.
- Platt V. Burning Butterflies: Seals, Symbols and the Soul in Antiquity. In: L. A. Gilmour (ed.) *Pagans and Christians: from Antiquity to the Middle Ages*. Oxford, 2007, pp. 89–99.
- Platz-Horster G. *Die antiken Gemmen aus Xanten im Besitz des Niederrheinischen Altertumsvereins, des Rheinischen Landesmuseum Bonn, der Katholischen Kirchengemeinde St. Viktor und des Regionalmuseums Xanten*. Köln, 1987, 162 S., 51 Taf.
- Richter G. *Engraved Gems of the Romans*. London, 1971, 307 p.
- Richter G. M. A. *Catalogue of engraved gems: Greek, Etruscan, and Roman (Metropolitan Museum of Art, New York)*. Roma, 1956, 144 p., 75 pl.
- Skrzhinskaja M. V. Mify o bogah v kul'ture i iskusstve antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ja. *Bosporskie Issledovaniya*, 2012, iss. XXVI, pp. 59–167.
- Skrzhinskaja M. V. Obraz Erota v predstavlenii grecheskogo naselenija Bospora, Hersonesa i Ol'vii. *Rossijskaja arheologija*, 2007, no 2, pp. 16–23.
- Solomonik E. I. Grecheskie nadpisi iz raskopok teatra v 1964 g. In: Antonova I. A., Borisova V. V. (eds.). *Hersones Tavricheskij: remeslo i kul'tura*. Kiev, 1974, pp. 5–13.
- Solomonik E. I. Hersonesskie glinjanye gruzila s nadpisjami. *Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju epohu*. Kiev, 1994, pp. 138–158.
- Spier J. *Ancient gems and finger rings: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu, California, 1992, 184 p.
- Tyurin M. I. Mernye kuvshiny Hersonesa: novye nahodki, voprosy epigrafiki, metrologii i hronologii. *Materialy X Nauchnoj konferencii «Lomonosovskie chtenija»*, Sevastopol, 2011, pp. 284–286.
- Tyurin M. I. Raskopki antichnoj usad'by drevnego zemel'nogo uchastka 320 na Geraklejskom poluostrove v 2016–2017 gg. *Istorija i arheologija Kryma*, 2018, vol. VIII, pp. 133–136.
- Vdovichenko I. I. O roli muzyki v zhizni varvarov i ellinov Severnogo Prichernomor'ja. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2004, no. 14, pp. 124–141.
- Zujkov, Ju. V. Piramidal'nye podveski-gruzila i klejma na nih. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arheologii*, 1993, vol. 207, pp. 84–90.
- Zwierlein-Diehl E. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Band II: Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz Antikenabteilung, Berlin*. München, 1969, 324 S., 96 Taf.
- Σταμπολίδης Ν. Χρ. *Έρωσ. Από τη Θεογονία του Ησιόδου στην Ύστερη Αρχαιότητα. Κατάλογος έκθεσης στο Μουσείο Κυκλαδικής Τέχνης*. Αθήνα, 2009. 312 σ.

РЕЗЮМЕ

Со времени раннего эллинизма изображения Эрота являются одними из наиболее распространенных сюжетов на резных камнях, что обусловлено их абсолютной универсальностью как амулетов и удостоверяющих печатей. До сих пор при раскопках Херсонеса Таврического находки гемм этого периода чрезвычайно редки. Однако оттиски, оставленные на различных керамических изделиях, расширяют наше представление о разнообразии сюжетов эллинистической глиптики.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, оттиски, ткацкие грузила, Эрот, эллинизм

E. M. Krasnodubets

SEAL IMPRESSIONS OF HELLENISTIC SIGNET RINGS WITH THE IMAGES OF EROS ON CERAMIC WARES FROM CHERSONESOS IN TAURICA AND ITS CHORA

SUMMARY

Since the time of early Hellenism, images of Eros are among the most prevalent scenes depicted on carved stones, due to their absolute universality as amulets and seals. Until now, during the excavations of Chersonesos in Taurica, gems of this period are extremely rarely found. However, the impressions on various ceramic wares expand our understanding of the variety of subjects of the Hellenistic glyptics.

Key words: Chersonesos in Taurica, seals, loom weights, Eros, Hellenism

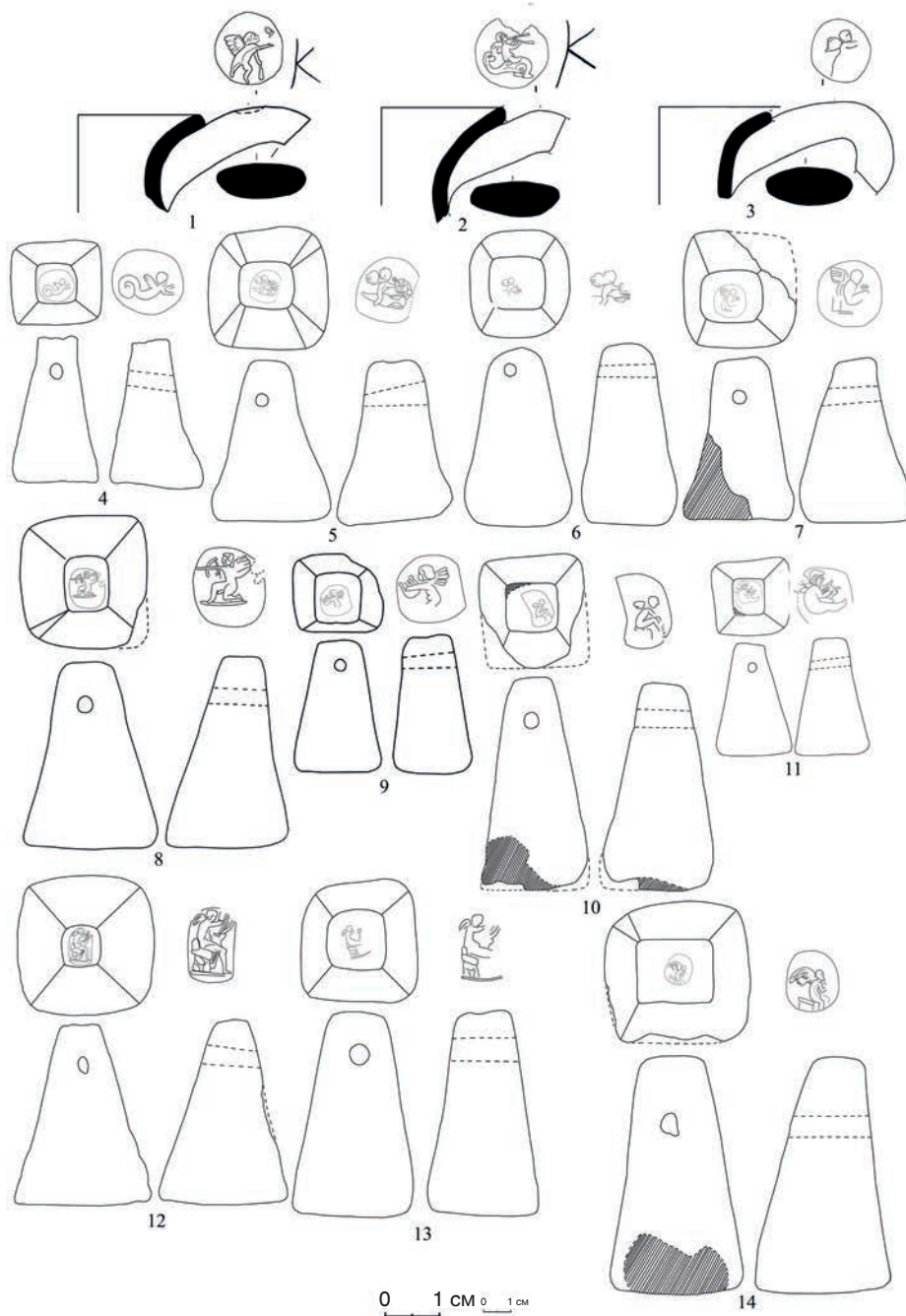

Рис. 1. 1-3 — фрагменты кувшинов-ольп, 2-14 — ткацкие грузила с оттисками перстней-печатей.

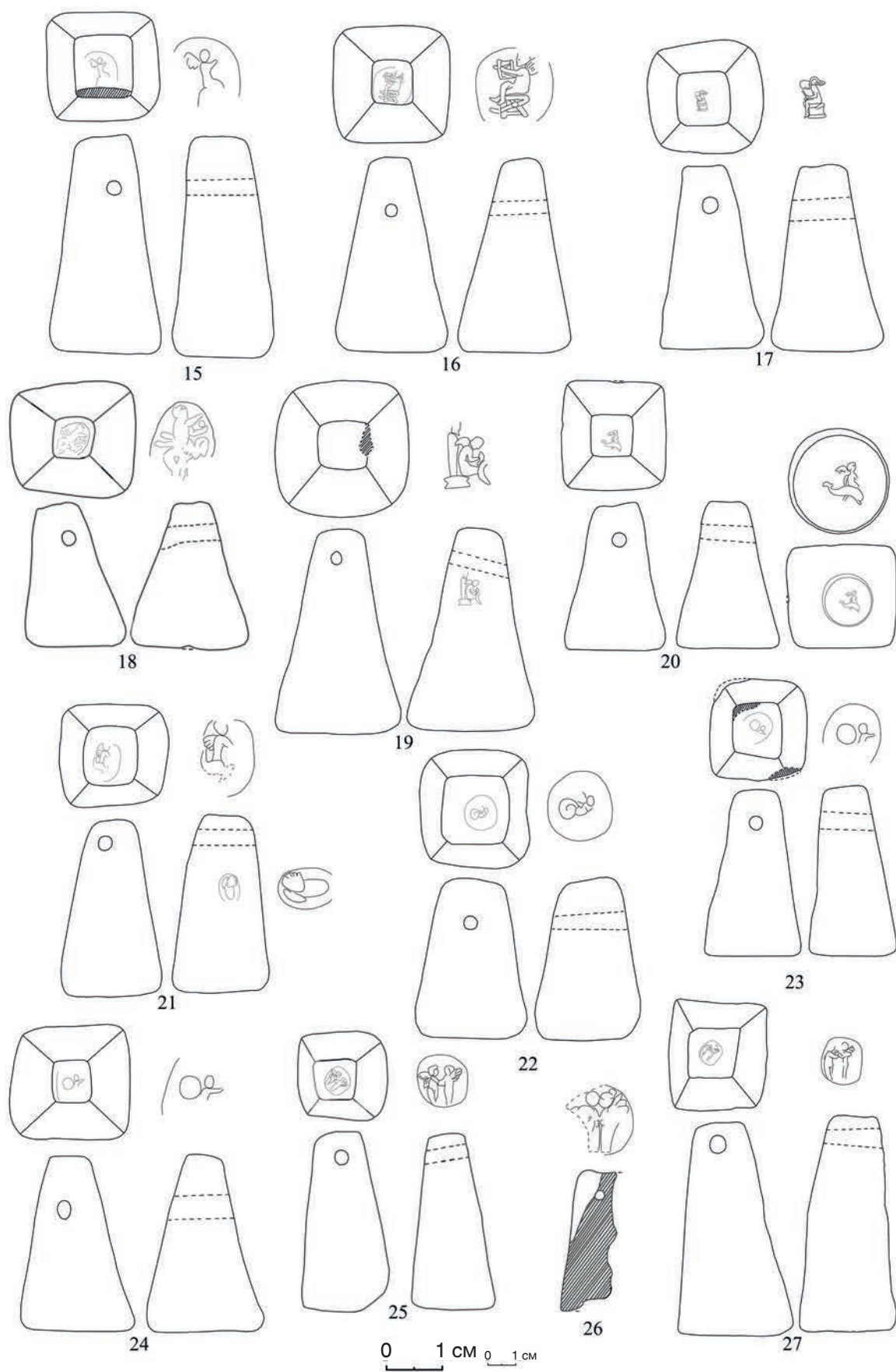

Рис. 2. 15–27 ткацкие грузила с оттисками перстней-печатей.

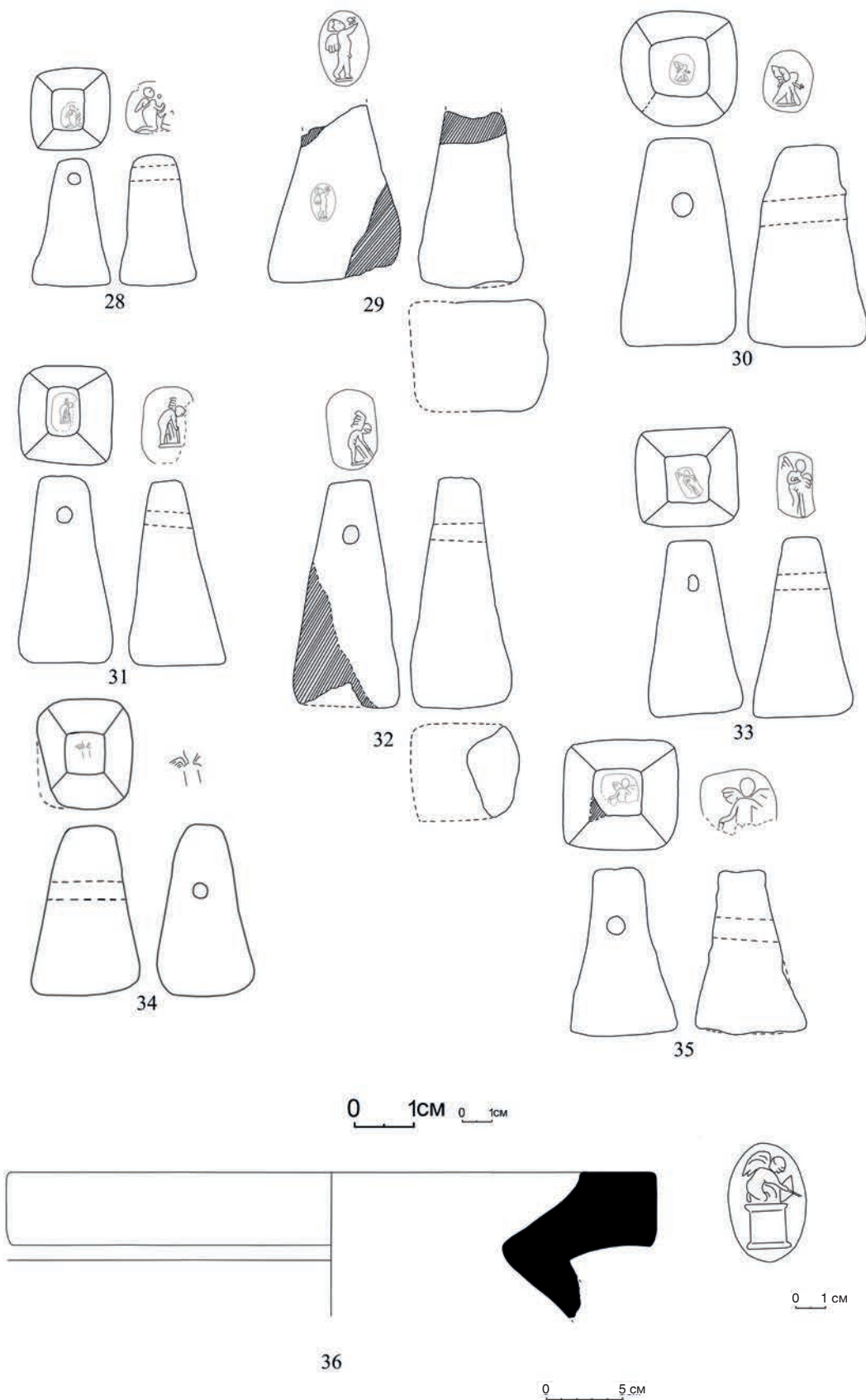

Рис. 3. 28-35 — ткацкие грузила, 36 — фрагмент пифоса с оттисками перстней-печатей.

Рис. 4. Оттиски перстней-печатаей на керамических изделиях: 1-3 — кувшинах-ольпах; 4-35 — ткацких грузилах; 36 — пифосе.

СКИФСКИЙ «СЛЕД» НА БЛИЖНЕЙ ХОРЕ ХЕРСОНЕСА (I в. до н. э. — I в. н. э.)

В период затяжной скифо-херсонесской войны скифами были захвачены земли херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму. Во второй половине II–I в. до н. э. на разрушенных греческих городищах появляются скифские поселения. Скифские слои перекрывают греческие постройки на городищах Чайка, Кара Тобе, Южно-Донузлавское, Беляус, Кульчук, Тарпанчи, а также в малых городах Керкинитиде и Карлос Лимене [Дашевская 1991, с. 6].

В это же время скифы продолжают набегать на ближнюю хору Херсонеса на Гераклеяском полуострове (рис. 1). «Следы» этих набегов фиксируются в слоях пожаров на многих сельских усадьбах, в том числе и на комплексе укрепленных построек IV в. до н. э. — XIII в. н. э. на 347-м земельном участке, расположенном в устье балки Бермана (рис. 1, 2). К. Э. Гриневичу, возглавлявшему Гераклеяскую экспедицию Херсонесского музея в 1928–1929 г., принадлежит честь открытия этого уникального для херсонесской хоры памятника. Исследователь выявил планировку сооружений комплекса в различные хронологические периоды, в раскопках сооружений комплекса зафиксировал слои благополучной жизни, слои пожаров, каменных развалов и многочисленных перестроек. После продолжительного перерыва Гераклеяская экспедиция (руководитель Г. М. Николаенко) в 1990-х гг. возобновила работы на памятнике, которые с небольшими перерывами продолжаются по настоящее время (рис. 3).

Композиционным центром основного комплекса построек в IV–II вв. до н. э. была прямоугольная в плане центральная башня, стены которой сложены из тщательно обработанных и плотно пригнанных друг к другу каменных блоков в системе сухой кладки. Башня служила не только надежным жилищем, но и святилищем. В кладке юго-восточной стены с наружной

стороны было вырублено пять небольших культовых ниш¹ (рис. 3) «для помещения в них терракотовых изображений богов и богинь и для помещения небольших алтарей, которые, кстати сказать, и были найдены во время раскопок в разных местах здания» [Гриневич 1928, с. 48, 50–51], в том числе терракотовая статуэтка Диониса конца IV — III в. до н. э. [Шевченко 2016, с. 48, № 217]. В раскопках винодельни, которая находилась на юго-западной стороне усадьбы, в непосредственной близости от центральной башни, найдены протомы богини-сотеиры Кибелы второй половины III — II в. до н. э. [Шевченко 2016, № 37], терракотовая статуэтка Диониса II в. до н. э. [Шевченко 2016, с. 51, № 242]; несколько статуэток Силена второй половины III — первой половины II в. до н. э. [Шевченко 2016, с. 53–54, № 251, 258, 259]. Эти находки свидетельствуют о существовании на усадьбе в IV–II вв. до н. э. святилища богов земледельческого круга.

В конце III — начале II в. до н. э. в связи с участвовавшими разрушительными набегами скифов башни на поселениях и усадьбах херсонесской хоры по внешнему периметру укрепляются каменными поясами. В их числе была усилена центральная башня основного комплекса. При этом, чтобы не закрывать культовые ниши, вдоль юго-восточной стены был проложен только фундамент каменного пояса. К. Э. Гриневич отмечал, что «пространство между ней и фундаментом пирамидальной башни было полно золы и остатков разных сосудов, из них некоторые со следами смолистых веществ» [Гриневич 1928, с. 55].

В конце II в. до н. э., очевидно, во время очередного «налета» скифов, произошел пожар, уничтоживший все постройки основного комплекса. В пожаре погибает и святилище. Жители

¹ О пяти культовых нишах пишет К. Э. Гриневич, в настоящее время определены места расположения четырех.

вынуждены были покинуть свои дома, и на какое-то время постройки оказались в руках варваров. К. Э. Гриневич отметил, что в раскопках помещений вместе с фрагментами греческой керамики найдены многочисленные лепные черноглиняные черепки скифского типа.

Разрушив усадьбы и наделы на Гераклейском полуострове, скифы подступили к стенам Херсонеса. Понимая, что своими силами справиться с врагами будет очень сложно, херсонеситы обратились за помощью к честолюбивому понтийскому царю Митридату VI Евпатору, сославшись на договор 179 г. до н. э. (IOSPE I² 402), заключенный с правителем Понтийского царства Фарнаком I о взаимной военной помощи. Митридат, продолжавший политику своего деда Фарнака, «с радостью послал войско в Херсонес» (Strabo VII. 4.3) под командованием полководца Диофанта. В 113–111 гг. до н. э. воины Диофанта в ходе нескольких кампаний вместе с херсонесским ополчением разбили скифов и спасли город от разрушения. Благодарные граждане поставили на акрополе возле алтарей Девы и Херсонаса медную статую доблестного полководца в полном вооружении, а на тыльной стороне пьедестала подробно изложили ход войны со скифами (IOSPE I² 352).

Набеги варваров прекратились, появилась возможность заняться восстановлением хозяйства на хоре. Возвращение к спокойной жизни было недолгим. К концу I в. до н. э. скифы возобновляют набеги на хору, и Херсонес вынужден снова предпринять активные действия по сохранению земельных наделов. Эта ситуация отражена в одной из надписей рубежа эр (IOSPE I² 355), где говорится о гражданине, который, будучи эпимелетом, принял ряд экстренных мер по защите от скифов и прежде всего позаботился о безопасности хоры [Соломоник 1984, с. 7].

В результате принятых мер наступает относительное затишье, но около середины I в. н. э. скифы, получив поддержку вторгшихся в Крым сарматов, вновь совершают разрушительные набеги, и херсонесское ополчение встает на защиту своей земли. Может быть, среди защитников, павших в бою, был Ксанф, сын Лагорина. «В битве за Родину был он завистливым сгублен Ареем» (IOSPE I² 482) [Соломоник 1990, с. 83 № 88; Макаров 2013, с. 314].

«Следы» скифских набегов I в. до н. э. — I в. н. э. удалось выявить в слоях пожаров и каменных завалов в помещениях основного ком-

плекса. Среди керамических фрагментов найдены профилированные обломки лепных сосудов, близкие образцам из скифских слоев на греческих усадьбах херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму.

В каменном развале, покрывавшим пепельно-земляной слой на винодельне (кв. Д-1; Д-2), найден лепной светильник I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.9) и фрагмент вместилища лепной чашечки-курильницы на ножке, аналогичной мисочкам, найденным на городище «Чайка» (рис. 4.7, 8). Такие чаши-курильницы III/II в. до н. э. — II/III в. н. э., найдены практически на всех позднескифских памятниках Крыма и являются их отличительным признаком [Власов 2015, с. 84].

При расчистке каменно-земляной засыпи в северном углу помещения 12 (кв. Ж-3), расположенном на северо-западной стороне усадьбы, вблизи центральной башни, обнаружены фрагменты черепицы античного периода, кремневый оселок и обломок верхней части слепленных мисочек (вместилища) трехрожкового лепного светильника-курильницы на ножках (рис. 4.4). Идентичное изделие — три слепленные мисочки на ножках, расположенные по одной линии, — найдено на «Чайке» в скифском слое I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.6) [Дашевская, 1991, с. 18; табл. 23.4]. В скифском слое этого времени на Тарпанчи также найдены трехрожковые курильницы на ножках, но они отличаются своей формой: чашечки расположены на разном уровне, ножки не слеплены.

Несколько интересных находок было сделано на обширном огороженном участке, в конце эллинистического периода пристроенном к основному комплексу с северо-западной стороны (кв. 3-1 — 3-4; И-1 — И-4). На этом участке открыты: в средней части сооружение А, состоящее из двух помещений — № 25 и 26; в западном углу сооружение Б — круглое в плане помещение 27; в северном углу сооружение Г — помещение № 28 и участок В в кв. 3-3 — 3-4; И-3, на площади которого постройки пока не выявлены.

В 1929 г. К. Э. Гриневич заложил с внешней стороны стены 15 квадрат III (совр. кв. 3-4 в углу стен № 15 и 19). Исследователь отмечает, что «во всех слоях квадрата III найдены фрагменты черноглиняных сосудов скифского типа». Среди этих находок фрагмент лепного лощеного кувшина конца II в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.12), аналогичного кувшину, найденному в погребении на Беляусском могильнике [Да-

шевская 1991, с. 29; табл. 48/12] и ручка лепного сосуда с рубчатой наружной гранью I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.11). Подобные ручки найдены в скифских слоях Калос Лимена и Южно-Донузлавского городища [Дашевская 1991, табл. 19/2; табл. 22/18].

В 2008 г. Гераклеяская экспедиция Херсонесского музея-заповедника продолжила исследования на этом участке. В стратиграфической траншее, проложенной в квадратах 3-3 и 3-4 (кв. III по Гриневичу 1929 г.) между сооружением А и стеной 19, в верхнем уровне серовато-коричневого суглинка найден культовый лепной сосудик в виде человеческой головы, на которой в верхней части сохранилось дно вылепленной чашечки-курильницы и уши, на лице — нос, обозначенный защипами, и подбородок. Голова удерживалась на ножке с плоским основанием, имитирующих шею и плечи (рис. 4.2). Подобные сосуды найдены на «Чайке» в скифском слое II в. до н. э.; в жертвенной яме, открытой за южной стеной Неаполя Скифского; а также на скифских поселениях за пределами Крыма (Золотая Балка, Елизаветинское). Такие антропоморфные фигурки связывают с культом плодородия [Дашевская 1991, с. 14–15]. В той же стратиграфической траншее найден фрагмент лепной миски, по верхнему краю которой вылеплены «защипы», имитирующие ручку. I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.10). Подобные миски найдены на Тарпанчи и Южно-Донузлавском городище [Дашевская 1991, табл. 22/13; 15].

В помещении 25 у дверного проема в слое суглинка было выявлено «горелое» пятно, в котором найдены обломки лепных жаровен, кувшиновидный светильник II–I вв. до н. э., возможно, начала I в. н. э. и фрагменты «мегарской» чаши II–I вв. до н. э.

Всю площадь помещения № 26, смежного с помещением № 25, покрывал горелый слой толщиной 0,60 м, состоявший из смеси золистой супеси и хаотично расположенных широких пятен и линз золы и сажи, которые перемежались скоплениями крупных камней. В слое горелой супеси найден обломок лепной вотивной статуэтки богини (рис. 4.1), датируемой первыми веками н. э. Сохранилась часть верха левой стороны обнаженной фигуры: грудь и плечевая часть руки [Шевченко 2016, № 440]. Горелую супесь покрывал слой суглинка, наполненный фрагментами красноглиняных и светлоглиняных узкогорлых амфор и краснолаковой посуды

I–III вв. н. э. Среди них фрагмент донца краснолаковой миски с клеймом типа «ступня в сандалиии», конец I — начало II в. н. э.

Интересные находки были сделаны и в круглом в плане помещении № 27. Помещение сверху было перекрыто мощным, толщиной в среднем 0,50 м, слоем мусорного гумусированного грунта, насыщенного мелким бутовым камнем. Под мусорным слоем выявлен завал крупных камней, перемешанных со светло-коричневым суглинком. Подошва завала лежала на дне скальной вырубке, составляющей нижний уровень сооружения. На нижнем уровне каменного завала и на близком расстоянии друг от друга были найдены: известняковая чаша-жертвенник — блок, имеющий форму куба, с конусовидным углублением на верхней плоскости (рис. 4.3), три фрагмента зернотерок. В этом же слое была найдена лепная чашечка (вместилище) трехрожкового светильника-курильницы на ножках, I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 4.5).

* * *

Найденные лепные изделия, характерные для скифской культуры — вотивная статуэтка богини, чашечка-курильница в виде человеческой головы, слепленные мисочки трехрожковых светильников на ножках, миниатюрные мисочки на ножке, а также известняковая чаша-жертвенник и зернотерки — могли быть культовыми предметами. Очевидно, во время налетов на ближнюю херсонесскую хору в I в. до н. э. — I в. н. э. скифы использовали комплекс построек на 347-м земельном участке в балке Бермана для отправления земледельческих культов.

В середине — начале третьей четверти I в. н. э., когда на помощь Херсонесу пришел римский полководец Тиберий Плавтий Сильван [Храпунов 1988, с. 125–126], скифам пришлось ближнюю хору Херсонеса покинуть.

В почетном декрете в честь полководца говорится о религиозной церемонии, происшедшей за пределами города, которой варвары воспользовались для нападения. Налетев с большим войском, состоявшим из скифов, сарматов и тавров, варвары «устроили пожары на хоре» (IOSPE I², 369). Но на двенадцатый день кто-то явился со стороны херсонеситов и провел переговоры со скифским царем по поводу мирного урегулирования отношений [Соломоник 1984, с. 9–10]. Поход римских солдат во главе с Тиберием Плавтием Сильваном против скифов завершился тем, что «царь скифов был отогнан

от осажденного им Херсонеса», а на границах новению варваров на Гераклеяский полуостров хоры сооружен вал, препятствовавший проник- [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА

- Власов В. П. Лепная керамика городища Алма-Кермен // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 79–94.
Гриневиц К. Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. // Крым. 1928. № 2 (8). С. 34–71.
Гриневиц К. Э. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. 1929. № 2 (10). С. 28–50.
Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 142 с.
Макаров И. А. О надгробии Ксанфа, сына Лагорина, из Херсонеса Таврического (IOSPE I² 482) // Monumentum Gregorianum: Сб. науч. статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2013. С. 310–326.
Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. 144 с.
Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. 110 с.
Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2001. 828 с.
Храпунов И. Н. Экономические и политические взаимоотношения поздних скифов с Херсонесом // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 125–126.
Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016. 518 с.

REFERENCES

- Vlasov V. P. Lepnaja keramika gorodishcha Alma-Kermen. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii, 2015, iss. XX, pp. 79–94.*
Grinevich K. Je. Raskopki Geraklejskoj jekspedicii 1928 g. *Krym, 1928, no. 2 (8), pp. 34–71.*
Grinevich K. Je. Socialogicheskie problemy issledovanija proshlogo Sevastopol'skogo rajona. *Krym, 1929, no. 2 (10), pp. 28–50.*
Dashevskaja O. D. Pozdnie skify v Krymu. Moscow, 1991, 142 p.
Makarov I. A. O nadgrobii Ksanfa, syna Lagorina, iz Xersonesa Tavricheskogo (IOSPE I² 482). *Monumentum Gregorianum: Sbornik Nauchnyh Statej pamjati akad. G. M. Bongard-Levin.* Moscow, 2013, 310–326.
Solomonik Je. I. *Graffiti s xory Xersonesa.* Kiev, 1984, 144 p.
Solomonik Je. I. *Kamennaja letopis' Xersonesa.* Simferopol, 1990, 110 p.
Soročan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Xersonesa.* Har'kov, 2001, 828 p.
Hrapunov I. N. Jekonomicheskie i politicheskie vzaimootnosheniya pozdnix skifov s Hersonesom // *Problemy issledovanija antichnogo i srednevekovogo Hersonesa. 1888–1988. Tezisy dokladov.* Sevastopol, 1988, p. 125–126.
Shevchenko A. V. *Terrakoty antichnogo Hersonesa I ego blizhnej sel'skoj okrugy.* Simferopol, 2016, 518 p.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются находки лепных сосудов, относящихся к I в. до н. э. — I в. н. э., то есть к периоду, когда скифы совершали разорительные набеги на ближнюю хору Херсонеса Таврического. Следы этих набегов фиксируются в слоях пожаров и разрушений на многих сельских усадьбах, в том числе и на усадьбе 347-го участка. Здесь в слоях разрушений найдены предметы культового инвентаря: лепной сосудик в виде человеческой головы, лепная votивная статуэтка богини, лепные чашечки-курильницы, трехрожковые светильники-курильницы на ножках и другие ритуальные предметы, характерные для скифской культуры. Очевидно, во время налетов на ближнюю хору Херсонеса скифы использовали греческие постройки для отправления своих культов.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, хора, скифы, культовые предметы.

G. M. Nikolaenko

THE SCYTHIAN «TRACE» IN THE NEARBY CHORA OF CHERSONESOS (I BC — AD I)

SUMMARY

The article deals with the findings of handmade vessels of the I BC–I AD — the period when the Scythians made devastating raids on the chora of Tauric Chersonesos. Traces of these raids are recorded in the conflagration and deconstruction layers of many farmhouses, including the farmhouse of the plot 347. Here, in the deconstruction layers, some objects of cult equipment were found: a handmade vessel in the shape of a human head, a handmade votive statuette of a goddess, handmade thymiateria in a form of cups, «tree-cup» footed lamps/incense burners (thymiateria), and other objects of cult equipment typical for the Scythian culture. Apparently, during the raids on the chora of Chersonesos, the Scythians were using Greek buildings to worship.

Keywords: Tauric Chersonesos, chora, Scythians, cult equipment.

Рис. 1. Схема земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове (по: Николаенко 2001).

Рис. 2. Основной комплекс сооружений IV в. до н. э. — XIII в. н. э. на 347-м участке. Съемка А. Ю. Аржанова, 2013 г.

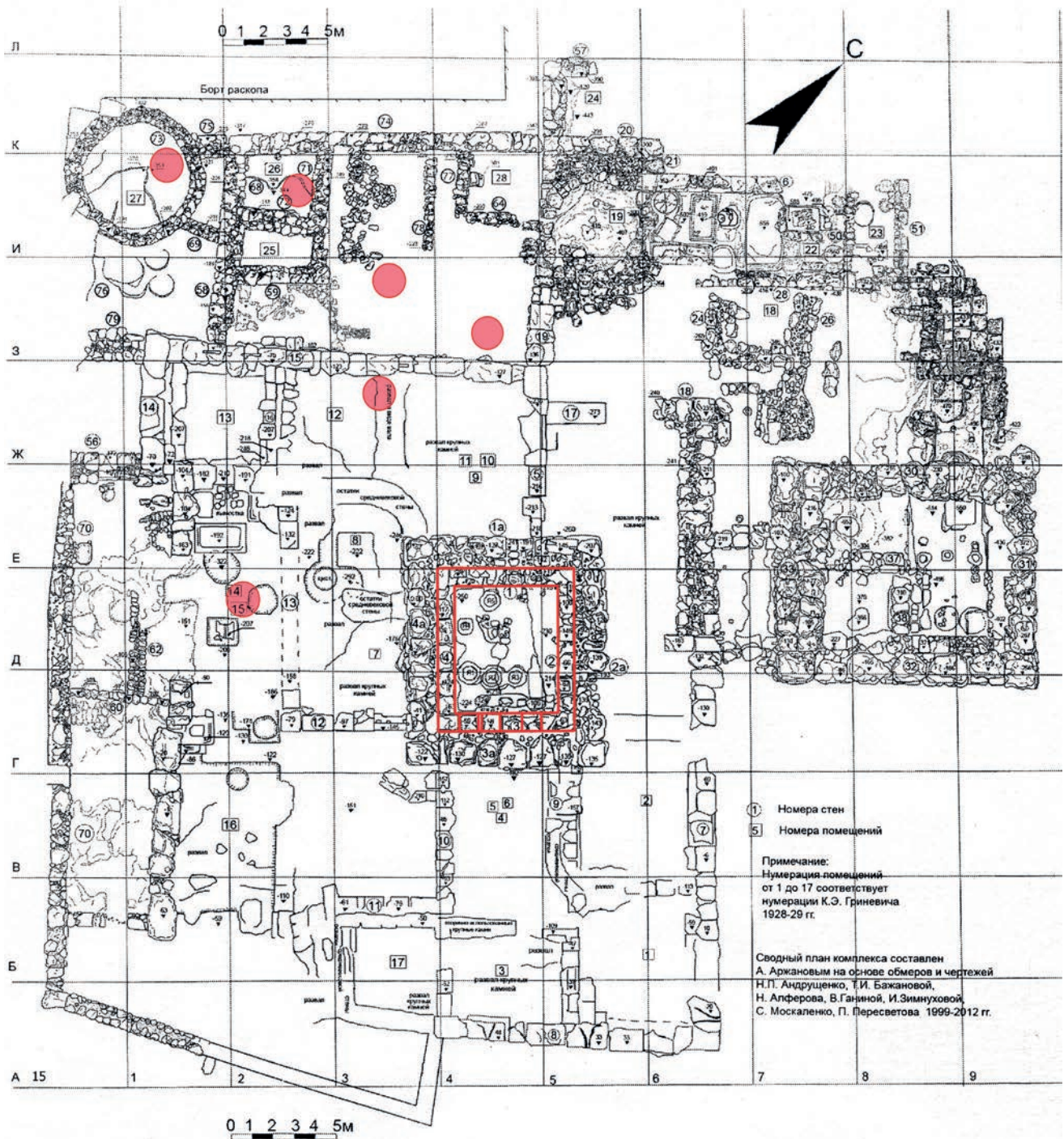

Рис. 3. Сводный план основного комплекса сооружений. Раскопки 1928–1929, 1990–1993 и 2003–2017 гг. Составлен А. Ю. Аржановым. Красными линиями отмечены стены башни IV–III в. до н. э. и культовые ниши, красными кружочками — места находок скифских лепных сосудов.

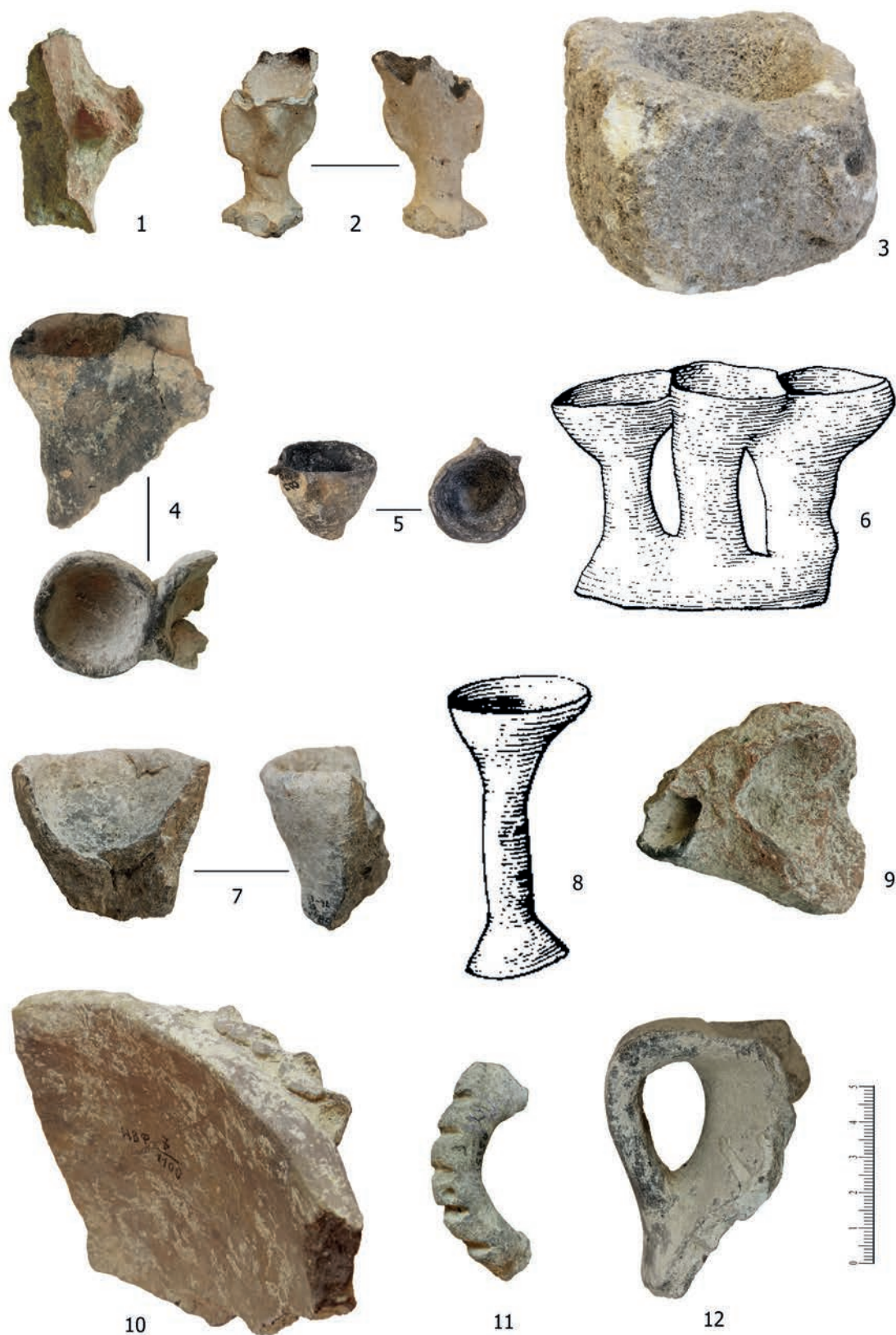

Рис. 4. Фото находок: 1 — votивная статуэтка богини; 2 — культовый сосудик в виде человеческой головы; 3 — известняковая чаша-жертвенник; 4 и 5 — чашечки трехрожковых светильников на ножках; 6 — трехрожковый светильник из раскопок городища «Чайка»; 7 — чашечка курильницы на ножке; 8 — чашечка-курильница на ножке из раскопок городища «Чайка»; 9 — лепной светильник; 10 — лепная миска по краю украшена «защипами» — имитация ручки; 11 — ручка сосуда с рубчатой наружной гранью; 12 — верхняя часть чернолощеного кувшина.

Л. А. Рыжова

КЛЕЙМА НА ДОНЬЯХ ПРИЗМАТИЧЕСКИХ БУТЫЛОК ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

В фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранится небольшая коллекция стеклянных призматических бутылок разных размеров и разных способов производства. К сожалению, целых форм немного. В основном это фрагменты стенок, ручек, доньев, венчиков сосудов. В литературе их называют «кубикасами», «бутылями», «бутылками», «штофами» и пр. Эти сосуды были широко распространены во всем античном мире от Восточного Средиземноморья до западных римских провинций. В поселениях и некрополях Северного Причерноморья они известны уже с I в. н. э. [Сорокина 1965, с. 226].

Херсонесские экземпляры, форма которых поддается определению, имеют кубическое или призматическое тулово с квадратным сечением, гладкими стенками, немного вогнутым или плоским дном, могут быть одноручными, двуручными или не иметь ручек вообще. Ручки обычно гребенчатые, либо имеют от двух и больше ребер на внешней поверхности, гладкие встречаются реже и обычно — в более поздних образцах.

Призматические бутылки могли быть изготовлены способом свободного выдувания в керамическую или каменную разъемную форму, в открытую половинную форму или свободным выдуванием с последующей доработкой стенок и дна сосуда вручную с помощью плоских инструментов. Неразъемная форма обычно использовалась только однократно, так как стекло при отжиге слабо сжимается. [Isings 1957, p. 64; Çiğdem Gençler 2009, s. 48, Энтелис 1982, с. 45–48; Алексеева, Арсеньева 1966, с. 178]. На дне бутылок можно видеть ретроградное клеймо, а также следы использования понтии для дальнейшего оформления горла, венчика, ручек сосуда. Из-за фрагментарности херсонес-

ских сосудов с клеймами полностью восстановить форму их тулова сложно.

На доньях призматических бутылок бывают клейма двух типов: эпиграфические и анэпиграфические. Первые представляют собой буквенные сочетания, монограммы, имена, иногда даже целые фразы, вторые — геометрические знаки в виде окружностей, вписанных друг в друга, выпуклые точки в центре и по углам дна, реже — изображения животных, растений. В более поздних экземплярах встречаются комбинации букв и геометрических фигур [Pirling 2006, p. 287; Barkóczy 1988, Taf. XXXII. 347, 348].

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА

Полностью сохранившихся эпиграфических клейм дошло до нас крайне мало. Обычно мы видим отдельные буквы или часть слова, по которым реконструировать клеймо практически невозможно.

1. Три фрагмента дна одного и того же сосуда из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, беспаспортные. (Таб. 1.1). Коллекция 36572.

На дне две выпуклые окружности (диаметр 7,0 и 4,0 см), между которыми сохранились буквы ОУ, расположенные на расстоянии 1,5 см друг от друга, и OD — на расстоянии 1,0 см. Были ли выпуклые точки по углам дна, как это встречается в сосудах такого типа, из-за его фрагментарности нельзя определить. Дно кувшина толстое, вогнутое в середине. Его толщина в центре — 0,8 см. Размер дна — 8,0 × 8,0 см. В центре «рваный» след понтии. Стекло прозрачное, голубое. Стеклянная масса содержит много мелких пузырьков («мошка»). Следы иризации только на сколах.

2. Фрагмент дна, идентичный предыдущему, из раскопок римской цитадели К. Э. Гриневичем в 1927 г. Инв. № 28658. (Табл. 1.2).

На дне две выпуклые окружности (диаметр 7,0 и 2,5 см), между которыми фрагмент буквы, возможно, Y. Размер дна 9,5 × 9,5 см, толщина 0,4–0,5 см. Стекло прозрачное, голубое. Иризация «радужная». Вероятно, использовалась понтия при формовке сосуда.

По сопутствующему материалу этот фрагмент можно датировать временем от I в. н. э. до начала II в. н. э.

3. Фрагмент центральной части дна бутылки из раскопок Р.Х. Лёпера в северо-восточном районе городища (у батареи Канэ) в 1909 г. Инв. № 2970/09. (Табл. 1.3). Сохранились греческие буквы в центральной, выпуклой, части дна. Четко читаются только Т и ниже, под ней, Ф. В остальном можно лишь предположить, что перед литерой Т стоит I или Y. Слева от Ф прослеживаются три выпуклые вертикальные линии, возможно, E или E. В центре дна небольшой полукруглый след понтии. Стекло прозрачное, голубое, интенсивной окраски, со следами иризации. Размер фрагмента 5,0 × 4,0 см. Толщина дна 0,4–0,7 см.

4. Единственное клеймо на дне бутылки, которое читается, найдено в 1969 г. в римской цитадели (раскопки В.В. Борисовой). Инв. № 174/36761. (Табл. 1.4). Это фрагмент дна кувшина и части вертикальной стенки. Дно вогнуто глубоко, конусообразно. В одном углу сохранилась выпуклая точка. На дне выпуклая окружность (диаметр 5,0 см), внутри которой располагаются буквы в две строки: АЛЕ, ниже, под ними, ЭАН, т. е. АЛЕЭАН [ΔΡΟΣ]. Для последних букв имени, по-видимому, не хватило места. Возможно, для дна этого сосуда использовалась отдельная матрица, которая не совместилась с размером тулова бутылки.

Стекло прозрачное, зеленоватое («бутылочного» цвета), со следами иризации в местах сколов. В стеклянной массе небольшое количество крупных круглых пузырьков. Размер дна 7,0 × 7,0 см. Толщина дна в центре 0,5 см. Толщина стенки бутылки 0,2–0,4 см. На дне след понтии диаметром около 3,0 см.

Фрагмент по контексту может быть отнесен ко времени не раньше начала III в. н. э. и происходит, скорее всего, из Галлии.

Подобное клеймо на дне призматической бутылки из Рима опубликовано А. Киса. По его предположению, это штемпель мастерской, принадлежавшей мастеру-стеклоделу из Лиона, изготавливавшего стеклянные произведения искусства, который известен по надгробной над-

писи: *Opifex artis vitriae Julius Alexander, natione Afer, civis Carthaginensis*. [Kisa 1908, S. 194, 930].

5. Дно бутылки из раскопок некрополя Херсонеса у южной оборонительной стены в 1892 г. Раскопки Императорской археологической комиссии (табл. 1.5).

Здесь мы видим пример сочетания букв и геометрических фигур: по краям и в центре расположены выпуклые точки, а между ними, по периметру, буквы АМ Y ОМ IΣ. Судя по контексту, фрагмент можно датировать временем не позднее середины III в. н. э. [ОАК 1894, с. 116, рис. 72; Шабанов 2017, с. 96].

6. Фрагмент дна бутылки с клеймом найден в нартексе «базилики 1935 года». (Раскопки Г. Д. Белова). Инв. № 12/35657. (Табл. 1.6). Дно сосуда вогнуто. Между двумя выпуклыми окружностями расположены буквы [-]YNECIA (одна буква утрачена, последняя определяется предположительно). В центре дна небольшая выпуклая точка диаметром 0,7 см. Стекло зеленого цвета, с большим содержанием мелких пузырьков. На внешней стороне и на сколах следы иризации. Толщина дна в середине 0,5 см. Размеры сторон дна 8,0 × 8,0 см; диаметр окружностей 7,3 и 3,3 см. Толщина стенок 0,15–0,2 см. На дне след понтии диаметром 2,5 см.

Фрагмент, по определению С. Ф. Стржеleckого, относится ко времени Крымской войны, когда территорию Херсонеса занимали французы [Тотлебен 1863, л. 7; Иванов 2006, с. 97]. Многие участки базилики были разрушены при сооружении ими мостовой и траншеи. Вся средняя часть участка была перерыта [Белов 1938, с. 134–135]. Наш фрагмент обнаружен во 2-м слое нартекса с материалом средневекового времени и строительным мусором [ibid., с. 136]. Не потревоженные 3-й и 4-й слои участка содержат материал эллинистического и римского времени. Скорее всего, этот осколок попал в слой засыпи из более ранних слоев при строительстве мостовой. Особенности, характерные лишь для стеклоделия римского времени (состояние и цвет стеклянной массы, толщина стенок и дна, наличие понтии), указывают, что изготовлен он, вероятно, не ранее III в. н. э.

АНЭПИГРАФИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА

Пять клейм не имеют эпитафических элементов, а только геометрические знаки, выпуклые точки, розетты.

1. Два фрагмента доньев бутылок с идентичными клеймами найдены в одном и том же помещении II квартала городища. (Раскопки С. Г. Рыжова в 1976 г.). (Табл. 2.1). Инв. № 73/36950.

Вокругность диаметром 6,0 см вписан четырехугольник с вогнутыми сторонами. В центре и по углам — выпуклые точки. Стекло прозрачное со слабым зеленоватым оттенком и следами иризации. Размер дна 6,5 × 6,5 см. На дне след понтии диаметром 2,0–2,5 см. По контексту эти клейма датируются второй половиной I — серединой II в. н. э. Полных аналогий им пока не найдено, но близкие клейма часто встречаются как в Северном Причерноморье, так и в западных провинциях Римской империи: в Пантикапее, Танаисе, Ольвии, Аквилее, на Балканах [Журавлев, Ломтадзе 1999, с. 103; рис. 4.56, с. 110; Сорокина 1965, рис. 12.4; Barkóczy 1988, Taf. XXXVII. 406; Яценко 2007, табл. VIII. 103; Шабанов 2017, с. 95, 98]. Матрица с подобным клеймом найдена в римской крепости Апулия [Pánczél 2001, p. 187, pl. 2.17].

2. Дно бутылки из раскопок храма Юпитера Долихена в Балаклаве (Кадыковка). (Раскопки О. Я. Савели в 1999 г.). (Табл. 2.5). [Sarnowski, Savelja 2000]. Коллекция 37335.

Размер дна 8,0 × 8,0 см. На дне четыре выпуклые окружности диаметром 7,8; 5,8; 3,6 и 2,5 см. По углам выпуклые точки диаметром 1,5 см. Стекло ярко-голубое, прозрачное, со следами иризации. След понтии отсутствует.

3. Подобное клеймо в виде трех окружностей и выпуклых кружочков в центре и по углам из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича. (Место находки неизвестно). Коллекция 36272. (Табл. 2.3). На дне четыре выпуклые окружности диаметром 9,0; 7,0; 5,0 и 2,0 см. В центре выпуклая точка диаметром 0,6 см. По углам дна располагались выпуклые окружности диаметром 1,5 см, из которых сохранилась только одна. Размер фрагмента 9,0 × 4,3 см. Стекло ярко-голубое, прозрачное. След понтии отсутствует.

Такие клейма известны как в Восточном Средиземноморье, так и в западных провинциях Римской империи: Томы, Монтана (Болгария), Трир, где они датируются серединой II в. н. э. [Goethert-Polaschek 1977, Taf. 24.260; Vucovală 1968, p. 22, 32]. Аналогии есть и в Северном Причерноморье: Ольвия, Тира, Козырьское городище, Пантикапей, Танаис, Нимфей [Сорокина 1962, с. 219, рис. 6.7; Шелов 1965, с. 261, рис. 7;

Сорокина 1965, рис. 12.7, 9, 10; Кунина, Сорокина 1972, с. 162, рис. 7.23; Бураков 1976, табл. 12.25; Сон 1988, с. 51, рис. 4.2,3, с. 52; Кунина 1997, с. 287, кат. 166; Грач 1999, табл. 160.6; Шабанов 2015, стр. 48, кат. 15]. Подобные клейма датируются третьей четвертью I–II в. н. э. и относятся авторами публикаций к Галльско-Рейнскому региону. А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов также считают, что сосуды с таким орнаментом привозились на юг Восточной Европы из Галлии. [Дзиговский, Островерхов 2000, с. 156].

4. Фрагмент нижней части бутылки с клеймом на дне из раскопок Г. Д. Белова в 1940 (?) г. Паспортные данные отсутствуют. (Табл. 2.4).

Дно вогнуто в центре. Размеры дна 6,5 × 6,5 см. Стенки сосуда сохранились на высоту от 1,0 до 5,0 см. На дне клеймо в виде вогнутых линий. По углам — выпуклые окружности диаметром 1,5 см с точкой внутри. В центре дна слабо прослеживаются две окружности диаметром 3,0 и 1,5 см. Толщина дна в центре 0,5 см, толщина стенок 0,2 см. Стекло голубое, интенсивной окраски, прозрачное, с небольшим количеством мелких пузырьков, практически без следов иризации. Следа понтии нет.

Подобные клейма известны в Пантикапее [Сорокина 1965, рис. 12.4; Журавлев, Ломтадзе 1999, с. 103; с. 110, рис. 4.56], в Себасте [Çiğdem Gençler 2009, çizim VII. 62], причем автор публикации считает их привозными из западных провинций Римской империи. Матрица с аналогичным клеймом была найдена в мастерской на территории римской крепости Апулия. [Pánczél 2001, p. 187, pl. 2.17]. Датируются сосуды с такими клеймами временем не позднее II в. н. э.

5. Единственная целая бутылка с клеймом в виде шестилепестковой розетты из могильника «Совхоз-10» (раскопки С. Ф. Стржелецкого в 1962 г.) датируется по контексту второй половиной I — серединой II в. н. э. [Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 123; с. 118, табл. XXIX. 31; с. 212, Табл. 8]. (Табл. 2.6; рис. 1.1). Инв. № 54/36572.

Тулово сосуда прямоугольное, с мягкими гранями. Дно вогнуто. Горло узкое, расширяется к плечам. Венчик в виде валика. Ручка широкая, с ребрами на боковых сторонах. На дне след понтии диаметром около 1,5 см. Высота бутылки 11,2 см, высота тулова 6,8 см, диаметр венчика 3,4 см, диаметр горла 2,0–2,9 см, ширина ручки 2,0–3,8 см, размер дна 5,8 × 5,8 см. Стекло прозрачное, светлое, с голубым оттенком.

Аналогичная бутылка найдена в могильнике Бельбек IV, где по материалу погребения она относится к третьей четверти II в. н. э. (рис. 1,2) [Гущина, Журавлев 2016 (б), табл. 148,6; с. 71; Шабанов 2017, с. 95–96]. В западных провинциях Римской империи бутылки с клеймами в виде розетты известны в Аквилее, Помпеях, которые Л. Бергер датирует рубежом I–II вв. н. э. [Berger 1960, Taf. 21, S. 199, 207], в Аквинкуме, Интерциза, Бригеттио [Barkóczy 1988, Taf. XXXVIII. 422, 423]. Л. Баркоши считает, что они происходят из лимеса, где большинство из них найдены *in situ*, и датирует их II в. н. э. [ibid. S. 175]. Подобные клейма найдены на доньях бутылок при раскопках Ефеса, но, скорее всего, там они не местного производства, а привозные из других регионов Римской империи [Czurda-Ruth 1989, Abb. 6.78, 80, S. 137; S. 139]. В канабе римской крепости Апулии найдено большое количество матриц для изготовления призматических бутылок, в том числе и с подобным клеймом [Pánczél 2011, pl. 1,2].

Надо отметить, что розетты на бутылках из могильников «Совхоз-10» и Бельбек IV отличаются округлыми очертаниями листьев в отличие от остроконечных западных аналогов (рис. 1). Возможно, что они изготовлены в сирийских или малоазийских мастерских [Сорокина, Гущина 1980, с. 94–95; Гущина, Журавлев 2016а, с. 71], но могли быть и продукцией местных мастеров.

* * *

Определенного объяснения значению клейм на доньях бутылок до сих пор не найдено. Если относительно интерпретации эпиграфических клейм мнение исследователей в основном едино: все интерпретируют их как торговую марку владельца мастерской или имя мастера, то значение анепиграфических клейм определить сложнее. Оба вида клейм, скорее всего, являлись своего рода предметно-изобразительной рекламой, фирменным знаком, с помощью которых распространялась информация о том или ином товаре, о его качестве, и были своего рода страховкой от подделок, тем более, что конкуренция существовала не только среди торговцев, но и среди ремесленников, производивших тару для хранения продукции [Ученова, Старых 2002, с. 28–29].

Можно предположить, что для изготовления пресс-форм для стеклянных призматических бутылок существовали специальные мастерские,

работающие в том же районе, что и стекольные. Формы чаще всего изготавливались из вторично использованных мраморных и керамических изделий. Интересные находки таких пресс-форм обнаружены в канабе римского форта Апулии в Дакии, где в 1913 г. было обнаружено здание, известное как место гончарного производства. Долгое время эта мастерская никак не связывалась со стекольным производством, хотя отсюда происходит не только большое количество глиняных форм, матриц с клеймами для изготовления призматических бутылок, но и фрагменты стеклянных сосудов. В одной мастерской, принадлежавшей, по всей видимости, одному собственнику, работали мастера узких специализаций — гончары, камнерезы, стеклоделы. На основе нумизматического материала эти находки датируются второй четвертью II — серединой III в. н. э. [Pánczél 2011, p. 179–180].

Использовались призматические бутылки в основном для хранения и транспортировки жидкостей. Это могли быть масла, благовония, лекарственные, косметические средства. Их форма наиболее практична для упаковки в ящики или корзины. Примером этому служит находка в Каса-дель-Менандро в Помпеях, где квадратные бутылки и банки найдены в двух деревянных ящиках [Isings 1957, p. 63; Сорокина 1965, с. 228; Pirling 2006, S. 287; Çiğdem Gençler 2009, p. 46, 61]. Подобная находка известна в Каллатисе, где флаконы, стоящие в ящике, содержали следы каких-то химических веществ и красок, возможно, косметику, хотя автор публикации не отрицает и использование этих сосудов для фармацевтических целей [Vucovaľ 1977, fig. 17, 18] (рис. 2). Н.Н. Качалов, как и позднее Н.П. Сорокина, отмечали, что кувшины призматической и цилиндрической формы использовались для перевозки таких жидкостей, для которых требовались «емкости из нейтральных материалов», то есть не вступали в химическую реакцию с содержимым [Качалов 1959, с. 12–14; Сорокина 1997, с. 221]. Интересный набор призматических бутылок из раскопок Помпей, служивших мерами для измерения объема жидкости, опубликован С. Наппо. Объем каждой из них кратен большей и меньшей [Наппо 2001, с. 105] (рис. 3). При этом призматические бутылки вполне могли использоваться и как обычная столовая посуда, а сосуды крупных размеров — в качестве погребальных урн.

Единого мнения по поводу происхождения призматических бутылок до сих пор нет. Одни относят их производство к восточно-средиземноморским мастерским, другие — к производственным центрам западных Римских провинций.

По мнению К. Айсингс, бутылки, изготовленные способом свободного выдувания, большей частью с клеймами, происходят из района Средиземноморья [Isings 1957, p. 64]. Такие имена как Александрос, Исидорос, Бассос, Теодорос, Зосимос и другие имеют греческое или малоазийское происхождение. Кстати, в Аквилее на двух доньях обнаружено имя мастера-стеклодела женщины — Сентия Секунда (Sentia Sekunda), которая основала здесь свою вторую мастерскую (первая была в Восточном Средиземноморье) [Bořan 2015, p. 63]. Это была обычная практика, когда мастера-стеклоделы из Александрии, Сирии, Малой Азии не ограничивались только своим регионом для организации стекольного производства. Многие из них основывали мастерские в западных провинциях, принося туда собственные, испытанные и отработанные веками, методы производства стекла. Поэтому не удивительно, что на Западе можно видеть клейма с греческими именами и надписями.

А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов, как ранее отмечала Н. П. Сорокина, делят бутылки с прямоугольным туловом на средиземноморские и провинциально-римские. При этом считают, что их производство в западно-римских провинциях распространилось лишь во II–III вв.

н. э. и не без влияния восточно-средиземноморских мастеров-стеклоделов [Сорокина 1965, с. 228; Дзиговский, Островерхов 2000, с. 154]. Н. З. Кунина, неоднократно в своих работах обращаясь к находкам кувшинов с четырехгранным туловом из раскопок Пантикапея, относит их к мастерским галльско-рейнского региона. [Кунина 1984, с. 157].

Поскольку призматические бутылки предназначались для хранения и, особенно, для транспортировки товара, то постоянное перемещение их по разным регионам Римской империи затрудняет решение проблемы локализации производства. Во всяком случае, оно не может принадлежать какому-то одному локальному центру, несмотря на то, что на доньях бутылок, найденных в Восточном Средиземноморье и в западных провинциях Римской империи, встречаются однотипные клейма [Glušćević 1991, 148; Pánczél 2011, p. 177, 180]. Ареал распространения призматических бутылок, как с клеймами, так и без них, очень широк. Начиная с конца I в. до н. э. и до второй половины III в. н. э. они встречаются практически во всех поселениях и некрополях провинций Римской империи от Восточного Средиземноморья, Северного и Западного Причерноморья до Галлии и Рейнской области [Morin-Jean 1913, p 62; Isings 1957, p. 64; Качалов 1959, с. 94; Сорокина 1965, с. 226; Сорокина, Гущина 1980, с. 89, 98; Pirling 2006, S. 287]. Самые поздние находки из Галлии, Кёльна датируются первой половиной IV в. н. э. [Isings 1957, p. 67].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966, № 2. С. 176–188.
 Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976. 159 с.
 Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб, 1999. 328 с.
 Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М., 2016а. Ч. 1. 271 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
 Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М., 2016б. Ч. 2. 319 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
 Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Одесса, 2000. 258 с.
 Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // Древности Боспора. 1999. Т. 2. С. 98–113.
 Иванов А. В. Фортификационные сооружения нового времени на территории городища Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 2006. Вып. XV. С. 97–116.
 Качалов Н. Н. Стекло. М., 1959. 464 с.
 Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М., 1970. 276 с. (САИ. Вып. Д1-27).
 Кунина Н. З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела античного мира Эрмитажа) // ТГЭ. 1984. Т. XXIV. С. 147–164.
 Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Каталог. СПб., 1997. 360 с.
 Кунина Н. З. Два стеклянных кувшина из некрополя Нимфея // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 119–124.
 Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные балзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
 Наппо С. Помпеи. Атлас чудес света. М., 2001. 168 с.

ОАК за 1892 год. СПб., 1894. 174 с.

Сон Н. О. Скляні посудини з Тіри // Археологія. 1988. № 63. С. 47–56.

Сорокина Н. П. Анатолийские стеклянные сосуды I–II вв. из Северного Причерноморья // Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В. И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 214–224.

Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1950 гг. // Пантикапей. М., 1962. С. 209–236. (МИА. Вып. 103).

Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 202–248. (МИА. Вып. 127).

Сорокина Н. П., Гущина И. И. Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. юго-западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 89–100. (Труды ГИМ. Вып. 51).

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2004. № 4. С. 27–277.

Тотлебен Э. И. (сост.). Атлас планов и чертежей к описанию обороны г. Севастополя. СПб., 1863.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. М., 2002. 304 с.

Шабанов С. Б. Клейма на стеклянных сосудах римского времени из Северного и Северо-Западного Причерноморья // ПИФК. 2017. № 1 (55). С. 88–104.

Шабанов С. Б. Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Каталог. Симферополь, 2015. 160 с.

Шелов Д. Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // Acta Archaeologica. 1965. Т. XVII. С. 251–274.

Энтелис Ф. С. Формование и горячее декорирование стекла. Л., 1982. 121 с.

Яценко Е. Г. Стеклянные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.) // Вестник Танаиса. 2007. Вып. 2. С. 173–210.

Barkóczy L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest, 1988. 223 S.

Berger L. Römische Gläser aus Vindonissa. Basel, 1960. 98 S.

Boțan Sever-Petru. Vase de sticlă în spațiul dintre Carpați și Prut (secolele II a. Chr. — II p. Chr.). Cluj-Napoca, 2015. 363 p. (Pontica et Mediterranea, vol. IV).

Bucovală M. Atestări arheologice ale practicilor medico-farmaceutice în Dobrogea // Pontica. 1977. Vol. X. P. 9–96.

Bucovală M. Vase antice de sticlă la Tomis. Constanta, 1968. 174 p.

Çiğdem Gençler. Elaiussa Sebaste antic yerleşimi cam buluntuları. Ankara, 2009. 273 s.

Czurda-Ruth B. Zu den römischen Gläsern aus den Hanghäusern von Ephesos // Kölner Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte. 1989. Bd. 22. S. 129–140.

Drăghici C. Glassware from Tomis: Chronological and Typological Aspects // Annales du 18-e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Thessaloniki, 2009. P. 211–216.

Gluščević S. Kvadratične staklene boce s pečatom iz rimske luke u Zatonu // Diadora. 1991. Vol. 13. S. 147–170.

Goethert-Polaschek K. Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz am Rhein, 1977. 349 S.

Isings C. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta, 1957. 185 p.

Kisa A. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908. Bd. I–III. 979 S.

Morin-Jean. La Verrerie en Gaule sous l'empire Romain. Paris, 1913. 307 p.

Pánczél S. P. The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum // Marisia. Studii și materiale XXXI arheologie. Târgu Mureș, 2011. P. 175–188.

Pirling R., Siepen M. Die Funde aus den römischen Gräbern von Krefeld-Gellep. Katalog der Gräber 6348–6361 // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. 2006. Serie B, Bd. 20. 618 S.

Sarnowski T., Savelja O. Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Jupiter Dolichenus. Warschau, 2000. 274 S. (Światowit Supplement Series A: Antiquity, vol. V).

REFERENCES

Alekseeva E. M., Arsen'eva T. M. Steklodelie Tanaisa. *Sovetskaya arheologiya*, 1966, no. 2, pp. 176–188.

Barkóczy L. *Pannonische Glasfunde in Ungarn*. Budapest, 1988. 223 S.

Berger L. *Römische Gläser aus Vindonissa*. Basel, 1960. 98 S.

Boțan Sever-Petru. *Vase de sticlă în spațiul dintre Carpați și Prut (secolele II a. Chr. — II p. Chr.)*. Cluj-Napoca, 2015, 363 p. (Pontica et Mediterranea, vol. IV).

Bucovală M. Atestări arheologice ale practicilor medico-farmaceutice în Dobrogea. *Pontica*, 1977, vol. X, pp. 91–96.

Bucovală M. *Vase antice de sticlă la Tomis*. Constanta, 1968, 174 p.

Burakov A. V. *Kozyrskoe gorodishche rubezha i pervyh stoletij nashej ery*. Kiev, 1976. 159 p.

Çiğdem Gençler. *Elaiussa Sebaste antic yerleşimi cam buluntuları*. Ankara, 2009, 273 s.

Czurda — Ruth B. Zu den römischen Gläsern aus den Hanghäusern von Ephesos. *Kölner Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte*, 1989, Bd. 22, S. 129–140.

Drăghici C. Glassware from Tomis: Chronological and Typological Aspects. *Annales du 18-e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*, Thessaloniki, 2009, pp. 211–216.

Dzигovskij A. N., Ostroverhov A. S. *Steklyannaya posuda kak istoricheskoe yavlenie v pamyatnikah skifo-sarmatskogo vremeni Ukrainy, Moldovy i Rossijskogo Podon'ya (VI v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Odessa, 2000, 258 p.

Entelis F. S. *Formovanie i goryachee dekorirovanie stekla*. Leningrad, 1982. 121 p.

Gluščević S. Kvadratične staklene boce s pečatom iz rimske luke u Zatonu. *Diadora*, 1991, vol. 13, pp. 147–170.

Goethert-Polaschek von K. Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz am Rhein, 1977, 349 S.

- Grach N. L. *Nekropol' Nimfeya*. Saint Petersburg, 1999, 328 p.
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016 (a), part 1, 271 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, iss. 205).
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016 (b), part 2, 319 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, iss. 205).
- Isings C. *Roman Glass from dated Finds*. Groningen; Djakarta, 1957, 185 p.
- Ivanov A. V. Fortifikatsionnyye sooruzheniya novogo vremeni na territorii gorodishcha Khersonesa Tavricheskogo *Khersonesskiy sbornik*, 2006, iss. XV, pp. 97–116.
- Kachalov N. N. *Steklo*. Moscow, 1959, 464 p.
- Kisa A. *Das Glas im Altertume*. Leipzig, 1908, Bd. I–III, 979 S.
- Kropotkin V. V. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoj Evrope (II v. do n. e. — V v. n. e.)*. Moscow, 1970, 276 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D1-27).
- Kunina N. Z. K voprosu o zapadnom importe stekla na Bospor (po materialam nekropolya Pantikapeya iz sobraniya otdela antichnogo mira Ermitazha). *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira*, Leningrad, 1984, pp. 147–164. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, t. XXIV).
- Kunina N. Z. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha. Katalog*. Saint Petersburg, 1997, 360 p.
- Kunina N. Z. Dva steklyannykh kuvshina iz nekropolya Nimfeya. *Hudozhestvennye izdeliya antichnykh masterov*. Leningrad, 1982, pp. 119–124.
- Kunina N. Z., Sorokina N. P. *Steklyannye bal'zamarii Bospora*. Leningrad, 1972, pp. 146–177.
- Morin-Jean. *La Verrerie en Gaule sous l'empire Romain*. Paris, 1913, 307 p.
- Nappo S. *Pompei. Atlas chudes sveta*. Moscow, 2001, 168 p.
- Otchet Imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1892 god. Saint Petersburg, 1894, 174 p.
- Pánczél S. P. The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum. In: *Marisia. Studii și materiale XXXI arheologie*, Târgu Mureș, 2011, pp. 175–188.
- Pirling R., Siepen M. Die Funde aus den römischen Gräbern von Krefeld-Gellep. Katalog der Gräber 6348–6361. *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie B*, 2006, Bd. 20, 618 S.
- Sarnowski T., Savelja O. *Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Jupiter Dolichenus*. Warschau, 2000. 274 S. (Światowit Supplement Series A: Antiquity, vol. V).
- Shabanov S. B. Klejma na steklyannykh sosudah rimskogo vremeni iz Severnogo i Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2017, iss. 1 (55), pp. 88–104.
- Shabanov S. B. *Rimskoe steklo. Steklyannye sosudy iz sobraniya Central'nogo muzeya Tavridy. Katalog*. Simferopol', 2015, 160 p.
- Shelov D. B. Italijskie i zapadnorimskie izdeliya v trgovle Tanaisa pervykh vekov n. e. *Acta Archaeologica*, 1965, t. XVII, pp. 251–274.
- Son N. O. Sklyani posudini z Tiri. *Arheologiya*, 1988, no. 63, pp. 47–56.
- Sorokina N. P. Anatolijskie steklyannye sosudy I–II vv. iz Severnogo Prichernomor'ya. In: *Antichnyj mir. Vizantiya: K 70-letiyu prof. V. I. Kadeeva*. Har'kov, 1997, pp. 214–224.
- Sorokina N. P. Steklo iz raskopok Pantikapeya 1945–1950 gg. *Pantikapej*. Moscow, 1962, pp. 209–236. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, iss. 103).
- Sorokina N. P. Steklyannye sosudy iz Tanaisa. *Drevnosti Nizhnego Dona*. Moscow, 1965, pp. 202–248. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, iss. 127).
- Sorokina N. P., Gushchina I. I. Steklyannye izdeliya iz mogil'nikovpervykh vekov n. e. yugo-zapadnogo Kryma. *Istoriya i kul'tura Evrazii po arheologicheskim dannym*. Moscow, 1980, pp. 89–100. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, iss. 51).
- Strzheleckij S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. Naselenie okrugov Hersonesa v pervoj polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovhoz № 10»). *Stratum plus*, 2004, pp. 27–277.
- Totleben E. I. (sostavitel'). *Atlas planov i chertezhej k opisaniyu oborony g. Sevastopolya*. Saint Petersburg, 1863.
- Uchenova V. V., Staryh N. V. *Istoriya reklamy*. Moscow, 2002, 304 p.
- Yacenko E. G. Steklyannye sosudy rimskogo i pozdneantichnogo vremeni iz Tanaisa (po materialam iz raskopa XIX, issledovaniya 1993–2000 gg.). *Vestnik Tanaisa*, 2007, iss. 2, pp. 173–210.
- Zhuravlev D. V., Lomtadze G. A. Kompleks II v. n. e. s akropolya Pantikapeya. *Drevnosti Bospora*, 1999, t. 2, pp. 98–113.

РЕЗЮМЕ

Стеклянные призматические бутылки с квадратным сечением известны в Северном Причерноморье уже с I в. н. э. Такие сосуды изготавливались способом свободного выдувания в разъемную или в открытую половинную форму, иногда с помощью формовки стенок плоскими инструментами вручную. На дне этих бутылок часто можно видеть клейма в виде монограмм, имен, целых фраз или геометрических знаков. При раскопках Херсонеса и его окрестностей было найдено 12 клейм, к сожалению, в основном во фрагментах (9 из них публикуются впервые). Значение клейм до сих пор не ясно, но можно предположить, что это торговые марки мастерской или фирменные рекламные знаки продукции. Ареал изготовления четырехгранных бутылок с клеймами — от Восточного Средиземноморья до Западных провинций Римской империи, где они известны с I до конца III в. н. э. Самые поздние находки датируются первой половиной IV в. н. э. Херсонесские четырехгранные бутылки хронологически охватывают время от I до середины III в. н. э., при этом, со II в. н. э. преобладает продукция мастерских западных регионов Римской империи.

Ключевые слова: призматические бутылки, клеймо, Херсонес, Римский период.

L. A. Ryzhova

MARKS ON THE BOTTOMS OF PRISMATIC BOTTLES FROM THE EXCAVATION OF CHERSONESOS

SUMMARY

Glass prismatic bottles with a square cross section have been known in the Northern Black Sea region since the 1st century AD. Such vessels were made by free blowing into a detachable or open half mold, sometimes by manually molding the walls with flat tools. At the bottom of these bottles you can often see hallmarks in the form of monograms, names, whole phrases or geometric signs. During the excavations of Chersonesos and its environs, 12 hallmarks were found, unfortunately, mainly in fragments (9 of them are published for the first time). The meaning of the stamps is still not clear, but it can be assumed that these are trademarks of the workshop or branded product advertising signs. The area of production of tetrahedral branded bottles extends from the Eastern Mediterranean to the Western provinces of the Roman Empire, where they are known from the 1st to the end of the 3rd century AD. The latest finds date from the first half of the 4th century AD. Chersonesos tetrahedral bottles chronologically cover the time from I to the middle of the III century AD, while, since the II century AD the production of the workshops of the western regions of the Roman Empire had been prevailed.

Key words: prismatic bottles, marks, Chersonesos, the Roman Period.

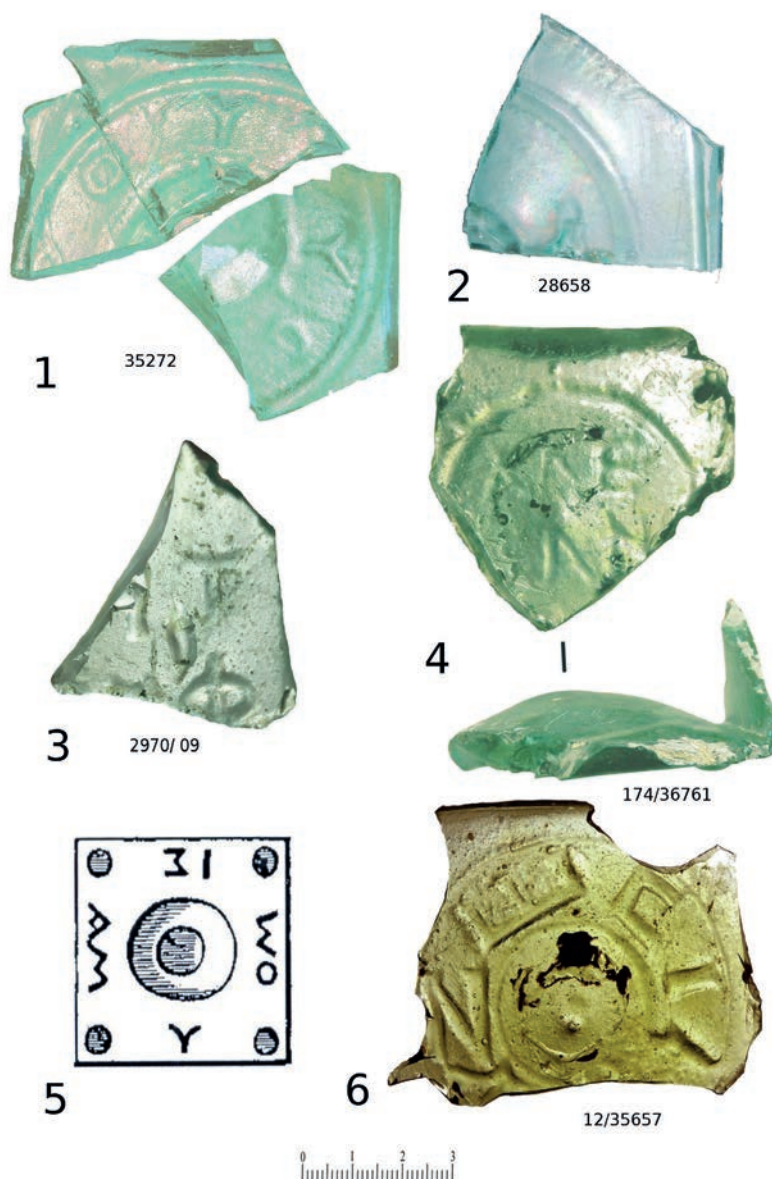

Табл. 1. Эпиграфические клейма на доньях призматических бутылок.

Табл. 2. Анэпиграфические клейма на доньях призматических бутылок.

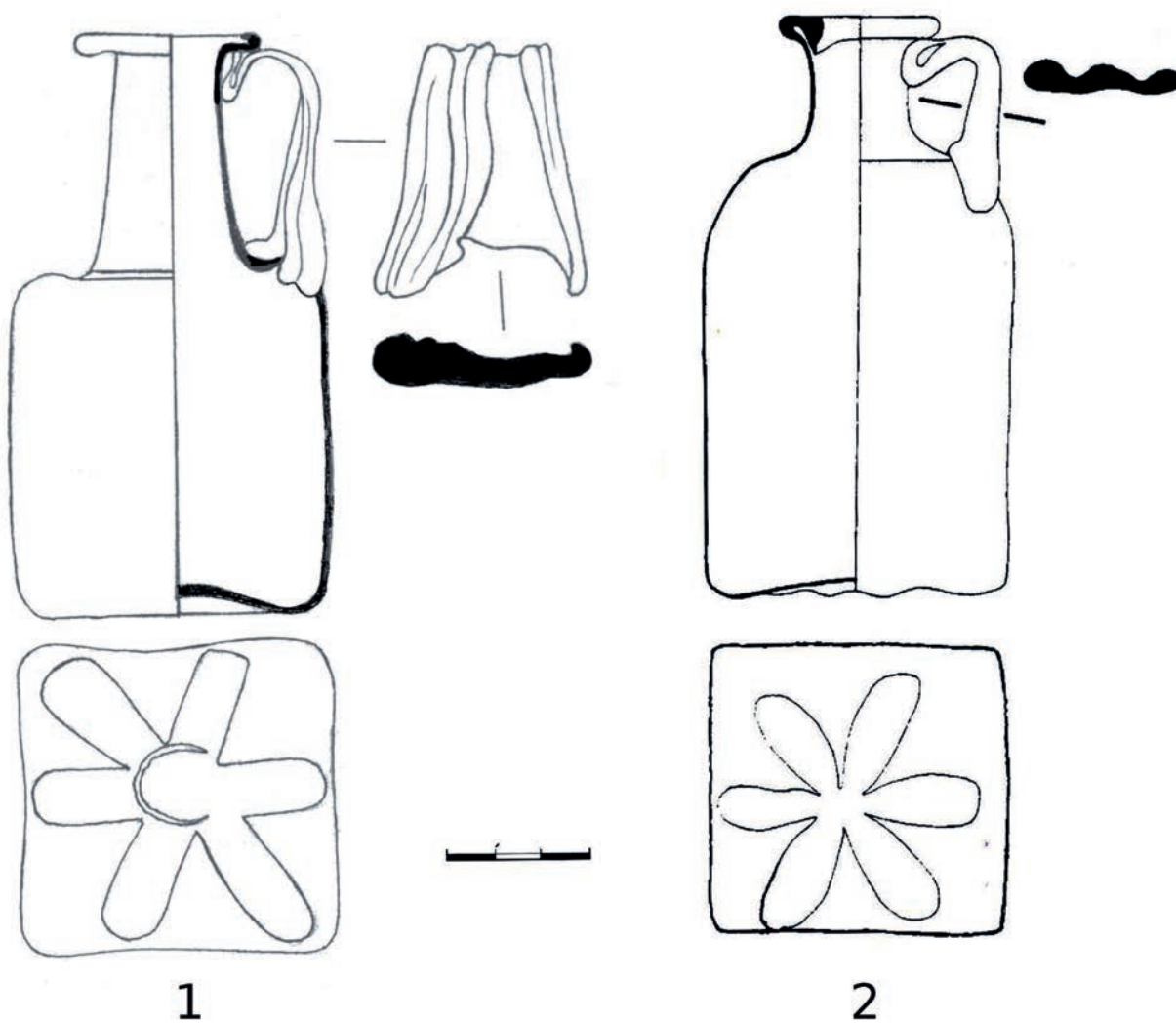

Рис. 1. Бутылки с клеймами из могильников.
1 — Совхоз-10 [рис. Л. А. Рыжовой];
2 — Бельбек IV [по: Гущина, Журавлев 2016б, табл. 148.6].

Рис. 2. Деревянный ларец с флаконами из Каллатиса (по: Bukovalä 1977, fig. 17, 18).

Рис. 3. Набор призматических бутылок из Помпей (по: Наппо 2001, с. 105).

М. В. Ступко, Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко

**УЧАСТОК ХРИСТИАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ IV–V ВВ. ВБЛИЗИ ХРАМА
БОГОРОДИЦЫ ВЛАХЕРНСКОЙ В КАРАНТИННОЙ БАЛКЕ
(ИССЛЕДОВАНИЯ 2006–2007 ГГ.)**

История исследования херсонесского некрополя начинается с небольших раскопок, проведенных в 1853 г. графом А. С. Уваровым вблизи храма Богородицы Влахернской в Карантинной балке [Тункина 2002, с. 527–528]. С 1890 г. под руководством членов Императорской Археологической Комиссии проводились систематические исследования Херсонеса Таврического, включавшие и раскопки городского некрополя. В разное время работами руководили К. К. Косцюшко-Валюжинич (1890–1907 гг.), Н. И. Репников (1908 г.), Р. Х. Лёпер (1909–1916 гг.) [Зубарь 1982, с. 4–8]. За время раскопок было открыто более четырех тысяч разновременных погребальных комплексов. Ранний период исследований некрополя характеризуется накоплением материала, появлением первых наблюдений и обобщений. Особенностью этих исследований являлось отсутствие единой методики ведения раскопок, фиксации и обработки полученных материалов [Стоянов 2000, с. 129–130]. В последующее время (1935–1996 гг.) участки некрополя исследовались экспедициями различных научно-исследовательских и учебных центров по уже отработанной методике, дающей более полную и системную информацию об исследуемых объектах.

В настоящее время наиболее перспективным представляется археологическое изучение двух участков херсонесского некрополя — западного, примыкающего к западной стене Херсонесского городища, и участка на западном берегу Карантинной бухты в районе храма Богородицы Влахернской (рис. 1–4). Наши исследования, проведенные в конце прошлого и начале нынешнего веков, убедительно доказали, что обширнейшие по площадям работы, проведенные на некрополе Херсонеса в дореволюционный период, тем не менее оставляют место для новых замечательных открытий.

В конце XIX — начале XX столетия была раскопана значительная часть территории некрополя от башни Зенона и вдоль берега Карантинной бухты до храма Богородицы Влахернской (рис. 5, 6). В последующие годы работы на обоих участках некрополя проводились эпизодически. Некрополь постоянно разрушался строительными работами и грабительскими раскопками. В 2002–2003 гг. был разграблен небольшой участок некрополя в 30–40 м к юго-западу от крестообразного Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской.

Ранней весной 2003 г. по свежим грабительским следам нами был расчищен доступ в камеру одного из разграбленных склепов, где, по сообщению информаторов, сохранились настенные росписи. В результате проведенной расчистки дромоса склепа (№ 2/2006) информация полностью подтвердилась. Тогда же погребальное сооружение было осмотрено, сделана фотофиксация всех фрагментов росписи, взяты фрагменты черепов, разбросанных грабителями. Затем вход в склеп был закрыт, а дромос засыпан землей. Еще тогда при осмотре мы обратили внимание, что один фрагмент фресок был подрублен по периметру изображения. Позднее грабители древностей вернулись вновь и выпилили и выломали вместе со скалой один из фрагментов росписи, — идущую влево птицу (голубя), держащую в клюве зеленую веточку с красным круглым плодом-ягодой или цветком (рис. 14.7, 8). Но об этом мы узнали только летом 2006 г., когда приступили к плановым раскопкам.

В 2006–2007 гг. экспедиция музея-заповедника «Херсонес Таврический» исследовала группу херсонесских склепов на участке некрополя вблизи загородного храма Богородицы Влахернской (рис. 7, 8). Все памятники находятся на площади незаконных садовых

участков. Большая часть склепов была открыта черными копателями в конце XX и в самом начале XXI в. Только один из всех исследованных склепов на данном участке не был ограблен ни в древности, ни в наши дни. Приведем основные результаты наших раскопок по годам исследования.

В 2006 г. были проведены охранные исследования участка некрополя Херсонеса в Карантинной балке у Загородного храма. Здесь обнаружены восемь ранее неизвестных склепов. В сезоне 2006 г. были полностью доследованы склепы № 1 (склеп с рисунками по сырой штукатурке и граффити), склеп № 2 (склеп с фресковыми росписями) [Ступко и др. 2007, с. 189–192] и склеп № 5 (без штукатурки).

Склеп № 1/2006 г. имеет плоский потолок-свод высотой около 1,75 м. В камеру ведет прямой дромос (впускная яма) с плоским дном и отвесными бортами. Склеп имел по одному локулу (погребальной лежанке) с трех сторон почти квадратной в плане камеры (кроме входной). Стены и потолок камеры, а также и локулов были полностью оштукатурены (рис. 9.1). На поверхности штукатурок нами выявлены следующие изображения и надписи, выполненные по сырой штукатурке (рис. 9.2; рис. 10.1–4; рис. 11.1, 2). Только одна надпись нанесена уже позднее по сухой штукатурке.

Надпись № 1: эпитафия Димитрия, сына Сагорна, из Гераклеи.

Надпись № 2 гласит: Телехний гераклеот ради памяти написал.

Надпись № 3: Ахиллид сын Николая (граффити по сухой штукатурке).

Изображения и надписи в основном нанесены по сырой штукатурке, что указывает на их одновременность. Надписи не имеют упоминаний о христианстве, но выполнены они одновременно и, очевидно, одной рукой, среди сюжетов присутствуют кресты и хризмы, поэтому сомневаться в их принадлежности христианам не приходится. Из текстов следует, что некто Димитрий из Гераклеи умер в Херсонесе, а его земляк Телехний похоронил его в склепе и в память о нем написал эпитафию. Он же нарисовал кресты, монограмму Христа и многочисленные корабли. Кем были эти люди? Херсонес никогда не прерывал связей со своей метрополией Гераклеей Понтийской, которая находилась в Малой Азии — одном из основных центров распространения христианства. Гераклеоты могли

прибыть в Херсонес по торговым делам или с миссионерской задачей; впрочем, они могли и сочетать одно с другим. Судя по некоторым деталям в изображении судов, Телехний явно разбирался в корабельном деле.

Рисунки парусников в склепе 1/2006 г. достаточно реалистичны. Конструктивные особенности и детали оснастки даны автором очень подробно и явно со знанием дела. Различные ракурсы корпусов, раскрытые и наполненные ветром паруса, развевающийся штандарт, выброшенный на канате якорь, опущенные в воду рулевые весла придают динамичность картинам. Безусловно, эти рисунки несут серьезную семантическую нагрузку. С древнейших времен люди связывали образ корабля с представлениями о жизни и смерти. У многих народов мира ладья является средством перемещения душ умерших в иной мир. В христианской идеологии корабль символизировал представление о спасении души, а также и саму церковь, которая ведет верующего безопасным путем через штормовые волны житейского моря. Склеп использовался для подзахоронений, о чем говорит более поздняя надпись с именем Ахиллида, сына Николая, процарапанная по штукатурке. Характерно, что христианин-гераклеот был погребен на христианском участке херсонесского некрополя вместе с местными христианами.

При раскопках склепа № 1/2006 г. найдены следующие предметы: глиняная лампа, набор пряжек, поясной наконечник (рис. 15.2, 15, 16, 18, 19, 20, 22) и монеты. Относительно последних. На полке над лазом обнаружены монеты следующих императоров: Валентиниана II — 3 экз.; Феодосия I — 1 экз.; Грациана — 1 экз.; Констанция II — 2 экз.; сильно затертые монеты времени Второй элевтерии — 2 экз.; собственно в камере склепа найдены монеты императоров: Валентиниана II — 1 экз.; Валента — 1 экз.; монеты АЕЗ IV в. — 2 экз. Ряд монет происходит из засыпи дромоса склепа: Прокопий — 1 экз.; Феодосий I — 2 экз.; Аркадий — 3 экз.; Грациан — 1 экз.; Констанций II — 1 экз.; Валент — 2 экз.; Константин II — 1 экз.; Гераклея римского времени — 1 экз.; Валентиниан II — 1 экз.; Керкинитида — 1 экз.; античная монета со стертым изображением — 1 экз. Возле дромоса склепа была найдена амфора без верхней части, по-видимому, использовавшаяся в качестве вазона (рис. 15.4).

Склеп № 2/2003–2006 г. Склеп имел форму трапеции. Впускная яма соединена с камерой прямоугольным лазом. Лаз был запечатан снаружи плоской каменной плитой. В стенках камеры устроены три погребальных лежанки-локула (рис. 12), затем большая часть стены и потолок склепа были покрыты штукатуркой и расписаны. Потолок склепа очерчен по периметру квадрата широкой красной полосой. По его центру внутри периметра квадрата помещена композиция, ядро которой занимает Константиновский крест или монограмма имени Христа (рис. 13.1, 2).

Хризму обрамляют чередующиеся концентрические венки и окружности. Внутренний венок-гирлянда разделен на четыре равных части в виде двух красных и двух зеленых канатных оплеток. Объем венку придают желтые полосы, положенные кистью поверх изображения элементов оплетки. Изначально мастер вывел желтой линией окружность, а затем дорисовал оплетки. Далее следует венок с двумя смещенными относительно хризмы ленточными перемычками. Ленты и окантовки оттенены белыми тонкими обводами, придающими объем изображению. От окантовок сверху вниз и справа налево изображены распушенные зеленые хвойные ветви. Изображение ветвей нанесено чередующимися длинными и короткими мазками, нанесенными поверх красной полосы. И, наконец, композицию замыкает окружность, прочерченная красной полосой. Внешний диаметр ее около метра (рис. 13.1, 2).

Правую полку-лежанку очерчивает красная полоса, а выше нее стилизованный растительный орнамент, состоящий из волнообразных сплетающихся зеленых линий, внутри которых помещены красные грозди-троеточия (рис. 13.3). На дальней стенке ниши изображены две зеленые ветки с листьями и ягодами красного цвета — по три на каждой (рис. 13.6, 7). Ближе к входу в камеру на стенке ниши-лежанки помещена надпись, вписанная в окружность (рис. 13.4, 5). По своду ниши изображены четырехлепестковые цветки, приблизительных размеров 20 на 20 см (рис. 14.4–6). Такие же цветки иррегулярно расположены на стенках и полусводе центрального и левого погребальных локулов. Всего таких цветков выявлено 29 штук. Все они аналогичны друг другу. Лепестки выполнены алой краской. Трехчастные листочки между лепестками нарисованы тем-

но-зеленой краской. Эти цветы особенно примечательны, поскольку имеют по четыре лепестка, передающих форму креста.

Центральную композицию росписи левой ниши представляет декоративная гирлянда, нарисованная красной и зеленой красками в виде сложной растительной композиции (рис. 14.2, 3). С правой оконечности второй лежанки изображение птицы, скорее всего, голубя с цветком или ягодкой в клюве (рис. 14.7–9).

Все надписи в склепах переведены московским эпиграфистом Андреем Виноградовым. В данном случае присутствие надписи — знак высокого уважения со стороны единоверцев. До сих пор случаев, когда кого-либо из погребенных в склепах удостоивали специальной надписи, в Херсонесе не было известно. Хризма на куполе сама по себе уже указывает на особенные заслуги погребенных в склепе. Еще граф А. С. Уваров полагал, что монограмма Христа в склепах ранних христиан являлась символом награды святых и мучеников. Не случайно и изображение венков. Венок у ранних христиан являлся венцом победителя (*corona triumphalis*), который преодолел смерть и слился с богом, став святым [Уваров 2001].

При расчистке грунта в камере склепа были обнаружены различные предметы одежной фурнитуры (рис. 15.5–7, 8–14, 17, 20, 23) и клинок железного ножа (рис. 17.1). Кроме того, в комплексе склепа присутствуют монеты следующих императоров: Констанция Галла — 1 экз., Констанция II — 7 экз., Аркадия — 3 экз., Юлиана II — 1 экз., монеты IV в. Æ3–1 экз., Æ4–1 экз.

В 2006 г. на этом участке некрополя нами были предварительно обследованы восемь ранее неизвестных склепов, включая два вышеописанных. Все они вскрывались и подвергались ограблению в разное время. Все обнаруженные сооружения нанесены на сводный план участка некрополя (рис. 7). В сезоне 2006 г. нами полностью исследованы склепы № 1 (склеп с граффити), склеп № 2 (склеп с росписями 2003 г.) и склеп № 5/2006 г. (рис. 16). Склеп № 3/2006 г., также частично ограбленный, оказался наполовину затоплен водой, а потому в том сезоне не исследовался. Из него было изъято только три черепа, два из которых имели искусственную деформацию. В исследованных склепах найдено около трех десятков железных гвоздей от гробов (рис. 17.3–12), большей частью фрагментированных из-за полной деметаллизации

изделий. В склепах и пространстве между ними при расчистках найдено значительное количество фрагментов стеклянных изделий: кубков, тарелок, бальзамариев, лампад (рис. 18). Данные артефакты попали сюда, очевидно, в результате совершения погребально-поминальных обрядов. В пространстве между дромосами склепов 4/2006 г. и 5/2006 г. обнаружены остатки небольшой тризны в виде пятна зольника около 0,6 м в диаметре, перекрытого двумя калиптерами встык, заложеными сверху разноразмерными плоскими камнями. В золе найдены фрагменты раковин мидий и гребешка, клешни крабов.

В тот период, когда проводились работы на данном объекте, на соседнем участке римского времени в один из дней был обнаружен свежий грабительский шурф, видимо, пробитый ночью. При его расчистке выявлено погребение II в. н. э., совершенное по обряду кремации (рис. 2.4; рис. 19). В грабительском раскопе виднелись края плоских двубортовых черепиц, расположенных в ряд. Нами была произведена зачистка черепиц по месту и собраны валяющиеся в отвале фрагменты. В результате сборки получилась выкладка из двух фрагментированных черепиц. Подобные черепицы находили широкое применение в строительстве в первые века нашей эры. Возможно, и в данном случае они являли собой символическую кровлю. Такие черепицы имели стандартные размеры около 42 на 57 см, высоту борта 5,5–6,0 см (тип III с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой). Могильная яма имела размеры 1,9 на 0,9 м. В могилу был установлен гроб, а затем на месте совершена кремация. После чего могильная яма была перекрыта двумя или тремя черепицами. При исследовании могилы обнаружен следующий инвентарь: фрагментированные светильник (рис. 20.1), курильница (рис. 20.2) и кувшин (рис. 20.3), стеклянные и пастовые бусы (рис. 20.4–5), бронзовые браслеты (рис. 20.8, 9), бронзовые рифленые кольца (рис. 20.10–13), бронзовый гвоздь и свинцовое кольцо (рис. 20.14,15), шплинт и выгнутая пластина (рис. 20.16,17). На принадлежность могилы ко времени не позднее второй половины II в. н. э. указывают не только характерные керамические изделия и данная разновидность браслета, но и бронзовая монета императора Адриана провинциального чекана (рис. 30.30).

Склепы № 4/2006 г. (рис. 16), 6/2006 г. и 7/2006 г. (рис. 21), обнаруженные нами по грабительским шурфам, были в разной степени засыпаны землей. Склеп № 8 (рис. 22) оказался приспособлен дачниками для бытовых целей. При обследовании участка вокруг дромоса найдено достаточно много монет, связанных с комплексом склепа. Большинство монет римские, IV в., следующих императоров: Константина II — 2 экз.; Константа — 2 экз.; Валентиниана II — 1 экз.; Валента — 2 экз.; Льва I — 1 экз.; Константина I — 1 экз.; Констанция II — 1 экз.; Юлиана Отступника — 1 экз. Кроме того, найден сильно затертый трессис эпохи 2-й элевтерии (II–III вв.).

Итак, участок исследований находится в нескольких десятках метров к юго-западу от Загородного храма, ниже границы раскопов 1904–1905 гг. по склону Карантинной балки. Нами идентифицированы и нанесены на сводный план находящиеся по соседству погребальные сооружения, раскопанные более ста лет назад. Это колумбарий № 1480 и впущенный в его дромос склеп № 1481. Склепы № 1477, 1478, 1555, 1556 и 1557, расположенные в непосредственной близости и в рядовке с обнаруженными нами неизвестными склепами. Также был выявлен и нанесен на сводный план склеп с росписями № 2086 (склеп 1905 г.) (рис. 7). По грабительским шурфам и нашим зачисткам удалось получить представление о стратиграфии участка. Соединив стенки шурфов в графике, нам удалось составить два поперечных разреза участка склона по линии восток — запад (рис. 8).

Все склепы вырублены в скальном монолите, образующем здесь правый склон Карантинной балки. Нижняя часть склона скального массива покрыта почвой. Этот в основном наносной пласт грунта заполняет тальвег балки. В системе расположения склепов на данном участке прослеживаются две линии сооружений, вытянутые вдоль склона. Большинство склепов ориентировано входами под склон, близко к оси запад-восток. Склепы № 2/2006 г. и 3/2006 г. расположены перпендикулярно другим по линии север-юг. Входы развернуты в разные стороны. Склеп № 6/2006 г. развернут вниз по склону. Конструктивно все склепы очень близки и типичны для херсонесского некрополя. В них ведет прямой дромос без ступенек или с одной ступенькой (склепы № 4/2006 г. и 7/2006 г.), прямоугольный лаз. От лаза в камеру существу-

ет переход. Этот спуск обустроен одной или двумя ступенями. Камеры в плане прямоугольной или трапециевидной формы. В стенах камер устроены по одному или по два (один над другим) погребальных локула. Склеп № 6/2006 г. отличается необычной конструкцией.

Склеп № 4/2006 г. (рис. 16). Инвентарь представлен только монетами. Все монеты, по-видимому, перемещены внутри склепа. Склеп ограблен, тем не менее монет довольно много, и все они, очевидно, относятся к комплексу склепа. К самым ранним выпускам относятся монеты Констанция II чеканки Никомедии — 2 экз.; чекана Константинополя — 1 экз.; монеты Константа чекана Никомедии — 2 экз. Наиболее поздние монеты — Льва I Макеллы (457–474 гг.) и его жены Элии Верины (475–480 гг.) чекана Херсонеса.

Склеп № 5/2006 г. был вскрыт и ограблен в недавнее время. Ориентирован по направлению запад-запад-юг — восток-восток-север. В конструктивных деталях склеп достаточно типичен. Он имеет подпрямоугольную в плане камеру и шесть погребальных локулов, по два в каждой стенке (рис. 16). В камеру ведет прямой дромос с плоским дном и отвесными бортами. Длина его около 2,15 м, а ширина в среднем составляет 0,9 м. Впускная яма соединена с камерой прямоугольным лазом высотой около 0,76 м и шириной около 0,68 м. Вход в склеп был запечатан снаружи плоской каменной плитой. Ее размеры 1,0 на 1,1 на 0,2 м. От лаза к полу камеры вел перепад и две каменные ступени (рис. 40–43). Высота перепада около 0,68 м. Верхняя ступенька высотой около 0,27 м, длиной до 0,18 м и шириной около 0,55 м. Нижняя 0,28 на 0,31 на 0,67 м соответственно. Размеры камеры около 2,6 м (длина камеры) на 2,53 м (ширина). Погребальные локулы вырублены тщательно, однако не имеют геометрически правильной формы.

При осмотре камеры склепа обнаружены часть лицевой пластины человеческого черепа, мелкие человеческие кости. Определить число погребенных не представляется возможным. Если исходить из того, что в данном склепе в каждом локуле совершалось одно захоронение, то в склепе могли быть погребены шесть тел. На полу камеры следов последующих подзахоронений не обнаружено. В локулах и по полу найдено много железных гвоздей (рис. 17.6–8, 12). Часть или все погребения, очевидно, со-

вершались в деревянных гробах или на деревянных помостах. Единственный предмет, частично сохранившийся после разграбления склепа, это верхняя часть стеклянного сосудика со сливом на венчике (рис. 18.2). Другие стеклянные изделия представлены фрагментом тарелки и фрагментом перстня из темного непрозрачного стекла (рис. 18.1, 6). Из предметов фурнитуры найдена железная поясная пряжка (рис. 17.2). Из камеры склепа и района дромоса происходит серия монетных находок. Всего найдено 33 монеты. Среди них одна явно поздняя, из верхнего слоя грунта у ограды дромоса. Это херсонская литая монета времени правления императора Константина VIII (948–959 гг.). Все остальные — это римские монеты IV в. императоров: Лициния I (308–324 гг.) — 1 экз.; Констанция II (337–361 гг.) — 11 экз.; Константа (337–350 гг.) — 4 экз.; Валента (364–378 гг.) — 3 экз.; Валентиниана II (375–383 гг.) — 2 экз.; Магна Максима (383–388 гг.) — 1 экз.; Грациана II (367–383 гг.) — 2 экз.; Константина II (337–340 гг.) — 1 экз.; коммеморативный выпуск Константина Великого — 3 экз., неопределенные императоры IV в. — 4 экз. Монеты принадлежат монетным дворам Константинополя, Никодии, Кизика, Антиохии, Фессалоники и Гераклеи.

Склеп № 6/2006 г. В камере только два погребальных локула по сторонам под потолком, а ближе к задней стенке потолок подпирает колонна, вырубленная в монолите. Грунт в склепе перемешан, тем не менее, он содержал ряд монет, которые принадлежали следующим императорам: Констанций II — 5 экз., Валент — 6 экз., Констант — 1 экз., Валентиниан I — 1 экз., Феодосий I — 1 экз., Аркадий — 1 экз., Лев I — 1 экз., IV в. Æ4.

Склеп № 2086/1905 г. Как мы уже говорили, в полевом сезоне 2006 г. нам удалось определить место всемирно известного расписного склепа (№ 2086/1905 г.) (рис. 23), пребывавшего со времен Гражданской войны в забвении. Склеп был завален мусором. В центральном локуле с аркосолью размещалась лежанка бомжа. Стены и потолок склепа были покрыты копотью, грязью и мхом. Потолок просверлен снаружи, а в отверстие вставлена старая трехрожковая люстра. Мы произвели очистку склепа от мусора. Очистили локулы и смыли часть грязи со стен. Нам открылись кое-где сохранившиеся фрагменты штукатурки с росписями. Отдельные элементы росписей удалось сопо-

ставить с имеющимися изображениями, выполненными М. И. Скубетовым и опубликованными М. И. Ростовцевым (рис. 24). Стала очевидной условность выполненных М. И. Скубетовым рисунков. Эта условность проявляется в искажении пропорций и масштаба, а также в отсутствии некоторых детализаций в отображении теней и др. Несмотря на плачевное состояние и утраты, на что указал еще в 1914 г. М. И. Ростовцев [Ростовцев 1914, с. 460], росписи представляют огромный интерес и имеют выдающееся значение. Представляется возможным еще спасти и сохранить их.

Склеп № 10/2007 г. оказался единственным из исследованных нами, который не был подвергнут ограблению ни в древности, ни в новейшее время. Конструктивно относится к обычным для некрополя Херсонеса однокамерным трехлокульным склепам (рис. 25).

Дромос склепа, подпрямоугольный в плане, имеет размеры: ширину 0,75 м; длину 1,00 м; максимальную глубину 0,97 м; впущен в скалу. С восточной стороны имеет одну ступеньку, подрубленную для удобства спуска. Ступенька заглублена от поверхности на 0,2 м. Ширина ступеньки 0,29 м. Дромос от ступеньки плавно выполаживается ко входу в склеп, достигая наибольшей глубины у лаза. Вырублен более или менее ровно. Засыпь дромоса изначально была сделана на глино-известковом растворе, связывавшем каменную забутовку. При дозахоронениях первичная забивка дромоса была нарушена и выбрана так, чтобы в камеру можно было опустить тело усопшего. В окончательном виде забивка дромоса представляла собой каменный навал с пустотами, заполненными окружающим сыпучим грунтом (рис. 25). Остатки первичной структуры забивки прослежены нами только в нижней части задней стенки дромоса у ступени. В завале встречались мелкие фрагменты керамического боя различной посуды, основную массу которой составляют фрагменты амфор и кувшинов. Реже встречались части столовой, в том числе и краснолаковой, посуды. Единичны находки фрагментов черепиц, пифосов, лутериев и т.п. Найдены и монеты: Константа I (337–350 гг.), одна из них чеканена в Никомедии, вторая — неизвестно где; монеты коммеморативного выпуска Константина I (вторая четверть IV в.) — 2 экз.; монета Констанция II (337–361 гг.) чекана Антиохии; еще две монеты с испорченной легендой датируются широко

IV в. Вход в склеп был неплотно закрыт тесаной известняковой подпрямоугольной плитой размером 0,80 × 0,67 м. Над левым верхним углом образовалось отверстие в склеп. Вероятно, вовнутрь провалилась небрежно сделанная расклинка для плиты из мелких камней. Несколько расклиночных камней сохранилось на месте. Входное отверстие вырублено в светло-желтом известняке сарматского яруса. Правый откос проема выровнен поверх глубокой выбоины и укреплен при помощи водоупорного раствора из песка, толченой керамики и извести (цемянки). В ближней стене камеры под потолком устроен входной проем. От проема к полу камеры ведет небольшой перепад около 0,4 м, за которым находится лестница из трех ступеней, высеченных в скале. Лестница расположена непосредственно под проходом в камеру. Ширина первой ступени 0,2 м, второй 0,18 м, третьей 0,17 м. Длина ступеней 0,6 м, 0,4 м и 0,5 м соответственно. Высота ступеней: первой 0,39 м, второй 0,28 м, третьей 0,27 м. По полу от лестницы до левой стенки 0,95 м, до правой 0,6 м.

Склеп трапециевидный в плане, размерами по полу: вдоль ближней стенки — 2,60 м, вдоль левой — 2,45 м, вдоль центральной — 2,70 м, правой — 2,63 м, с диагоналями, считая от входа слева направо — 3,82 м и справа налево — 3,98 м. Высота камеры составляла около 1,6–1,7 м. Полость склепа грубо вырублена в слоистой скале с прослоями-пустотами. На высоту около 0,8 м стены склепа от пола были оштукатурены цемянковым раствором, выполнявшим роль гидроупора. Уровень последующих подтоплений грунтовой водой четко различим по периметру стен. Максимально уровень воды достигал 1,35–1,40 м. В задней и боковых стенах высечены по одному погребальному локулу. Высота камеры склепа 1,65–1,80 м.

Левый локул расположен почти по центру стены. Дно погребальной ниши ровное и слегка покатое и находится от пола камеры на высоте 0,68 м. В центральной части пол локула слегка прогнут на 0,06 м. Локул трапециевидный в плане имеет полуарочный свод с закругленными боковинами-откосами и плоским потолком. Заглублен в стену камеры склепа на 0,90 м по ближнему ко входу откосу и на 1,15 м по дальнему откосу. Высота локула варьируется в пределах 0,73–0,83 м. Длина по внешней кромке — 2,89 м, по внутренней — 2,82 м. Расстояние от вершины свода локула до потолка

камеры склепа 0,3 м. В локуле совершены два погребения с западной ориентацией.

Левый локул. Погребение 1 находилось ближе к дальней стене камеры локула. Кости не сохранились. Отпечаток тлена составляет в длину около 1 м, в ширину 0,3 м. При погребении найдены два браслета (рис. 27.21, 22), две простые серьги, четыре монеты (№ 211–214). Монеты императоров: Констанция II — 1 экз.; Константина I — 1 экз.; Константа I — 1 экз.; монета А4 IV в. Браслеты сделаны из бронзы. Один выполнен с окончаниями в виде стилизованных змеиных головок. Второй имеет обычные усеченные окончания с диаметральными насечками. Сережка бронзовая, сделанная в виде разомкнутого колечка, сужающегося на концах. Вторая подобная сережка была зафиксирована при раскопках. Она полностью разложилась. В области шеи найден бронзовый шейный обруч. Один его конец выполнен в виде колечка-петельки, за которое крепился второй конец, специально для этого изогнутый в форме крюка (рис. 27.20). Судя по небольшой длине отпечатка тлена и набору инвентаря, была похоронена девочка. **Погребение 2** расположено ближе к камере склепа. Длина отпечатка погребения 1,65 м, ширина 0,5 м. Кости не сохранились. Однако по отпечатку удалось установить, что это труположение на спине с вытянутыми вдоль тела конечностями. В площади отпечатка тлена обнаружено несколько железных гвоздей от гроба. Слева в области шеи найдена амулетница, скрученная из тонкого листа меди (рис. 27.19). В области пояса найдена серебряная пряжка с массивной дужкой, обычным щитком и язычком (рис. 27.15). Между колен найдено скопление монет, вероятно, кошелек (№ 192–210). Большая часть монет мелких номиналов, так называемые квадрансы. Императоры: Констант I — 3 экз.; Констанций II — 8 экз.; Валент — 1 экз., коммеморативный выпуск второй четверти IV в. — 2 экз., одна затертая монета 2-й элевтерии.

Центральный локул также расположен по середине стены. Дно локула прогнуто-плоское и находится от пола камеры на высоте 0,68 м по центру, 0,77 м по левому краю и 0,8 м по правому. Локул трапециевидный в плане, имеет полуарочный свод с закругленными боковинами-откосами, плавно переходящими в плоский потолок. Заглублен в стену на 1,17–1,19 м. Высота локула до 0,76 м. Длина по внешней кромке — 1,94 м. В левой стенке локула

имеется заглубление до 0,2 м при ширине около 0,65 м. Кости не сохранились. **Погребение 1** ориентировано головой на север. По отпечатку тлена длина погребения составляет 1,67 м. По краю локула уложено несколько крупных обломков плитфы. В районе стоп найдена бронзовая монета Валентиниана II (№ 215). Расстояние от вершины свода локула до потолка камеры склепа 0,17–0,20 м.

Правый локул аналогичен левому. Он заглублен в стену на 1,1 м по ближнему откосу боковой стены камеры локула и на 0,88 м по дальней. Высота локула 0,7 м. Длина по внешней кромке 1,99 м. От вершины свода локула до потолка камеры склепа 0,22 м. В правом локуле совершены четыре погребения. Кости не сохранились. **Погребения 1 и 2** совершены под дальней стенкой локула. Они ориентированы близко к востоку. Оба погребения детские. Погребения без инвентаря. Длина отпечатка тлена погребения № 1 — около 0,85 м, погребения 2–0,63 м. **Погребение 3** совершено в центральной части камеры. Оно ориентировано на запад. Судя по отпечатку тлена, длина погребения составляет 1,75 м. В области пояса погребения 3 обнаружена обычная бронзовая пряжка с обломанным прямоугольным щитком (рис. 27.16). При погребении 3 найдены перстень и колечко, одетые на один палец правой руки. Колечко с перстнем срослись щитками, дужки развалились (рис. 27.17,18). Щиток перстня прямоугольной формы. На поле щитка перстня врезаны четыре симметричные окружности, которые разделены вертикальными линиями из точек (рис. 27.17). Длина отпечатка тлена **погребения 4** составляет 1,8 м. Между областью головы погребения 3 и ступнями погребения 4 найдены бронзовые монеты Элии Флакциллы (№ 216 и 217). Кроме того, в ногах погребения 4 обнаружены еще три монеты императоров: Констанция II — 1 экз.; Феодосия I — 1 экз.; монета А2 IV в. — 1 экз. (№ 218, 219, 220). В площади обоих погребений найдены железные гвозди. Других вещей в локуле не обнаружено.

Камера склепа. На полу камеры склепа совершено восемь погребений. **Погребения 1, 1а, 2** сделаны вдоль стены под центральным локулом и ориентированы по направлению, близкому к южному. В области пояса сохранился кусок истлевшей материи, которым были покрыты погребения поперек. В области голов между погребениями 1 и 2 лежал кусок красноглиняной

плинфы, такой же, как и в центральном локуле. В ногах погребения 1 найден краснолаковый светильник (рис. 27.3). В углу камеры выше голов погребений найдена бронзовая монета Лициния (№ 221). **Погребение 1а** выделено условно антропологом А. В. Ивановым и интерпретировано как внутриутробный плод.

Погребение 3 и погребение 4 совершены вдоль левой стенки. Они ориентированы в западном направлении. Кости не сохранились. При совершении погребения 4 погребение 3 было частично потревожено и смещено к стене склепа. Поэтому размеры погребения 3 установить не представлялось возможным. В голове погребения 3 обнаружена крупная круглая бузина белого стекла. Погребение 4 уложено ступнями в левый ближний угол камеры. Длина погребения около 1,8 м. Ему принадлежит небольшой вотивный красноглиняный светильник (рис. 27.4), найденный в области правого колена у стенки склепа. Вероятнее всего, гробовые гвозди, найденные в площади погребений 3 и 4, принадлежат последнему. Для установки гробовой конструкции останки погребения 3, как уже отмечалось, были частично сдвинуты к стенке склепа. От соседнего погребения 5 погребения 3 и 4 отделены рядом разномерных камней.

Погребение 5. Кости не сохранились. Отпечаток тлена около 1,2 м. В области левого предплечья и плеча найдены две монеты $\text{Æ}2$ IV в. и Констанция II (№ 222, 223). Монета № 222 имела отверстие и использовалась как медальон. Справа в области таза найден небольшой глиняный горшочек (рис. 27.6). В площади погребения отмечены находки нескольких гвоздей. С другой стороны погребение было также отделено двумя уложенными камнями.

Погребение 7 совершено под правой стенкой. Труположение на спине, конечности вытянуты. Длина отпечатка погребения 1,78 м. Слева у бедра найден красноглиняный вотивный светильник со следами нагара на носике (рис. 27.5). Погребение отделено камнями от соседнего с ним безынвентарного детского погребения. Длина погребения 6 по отпечатку составляет 0,9 м.

В полевом сезоне 2007 г. изучена площадь вокруг дромоса **склепа № 8**. Дромос был выбран частично, и сохранилась надежда получить хронологический материал для датировки склепа. Для изучения древнего культурного слоя заложен шурф 1 × 2 м. До скального масси-

ва, в котором вырублен дромос, от современной дневной поверхности глубина составляла всего 0,4–0,5 м. Верхний горизонт отложений до 0,3 м соответствовал огородному слою. Ниже распростерся слой, соответствующий времени функционирования склепа. В этом слое ближе к поверхности скалы непосредственно у дромоса найдены монеты (№ 163–176) и чуть в стороне еще одна монета (№ 177). В северо-западном борту шурфа обнажилась разница грунта. Перекоп был удален по разнице. Им оказалась садовая яма под дерево.

При расширении шурфа от склепа 8/2006 г. в сторону дромоса склепа № 1557 (рис. 7) на глубине 0,35–0,40 м от поверхности была обнаружена заготовка дромоса, вырубленная в скале. Она представляет собой подпрямоугольное в плане углубление в скале, ориентированное по линии С — В, переменной ширины. В более широкой части максимальная ширина составляет 0,75 м, глубина 0,35 м. В противоположном конце углубления ширина составляет 0,6 м и глубина 0,2 м. Общая длина сооружения — 1,54 м. При расширении шурфа между заготовкой 3/2007 г. и дромосом склепа 8/2006 г. была найдена на уровне скалы бронзовая монета Валентиниана II (№ 177). Под западной стенкой этого же шурфа обнаружен комплекс украшений, состоявший из компактно уложенных на скальном основании ожерелья и двух бронзовых браслетов (рис. 29). Характер сокрытия комплекса говорит о ритуальном его характере, что коррелирует с выдвинутой нами версией о специфическом характере подобных сакральных актов на исследованном участке, о чем подробнее будет изложено далее.

Обратимся к статистическим и хронологическим данным, которые предоставляют нам монетные находки. Участок некрополя, на котором проводились раскопки, был почти полностью разграблен в начале 2000-х годов: из одиннадцати обследованных склепов нетронутым оказался только один.

Наиболее многочисленной категорией находок, найденных на протяжении двух полевых сезонов, были монеты, число которых составило 226 экземпляров (рис. 30–33). Такой количественный результат оказался неожиданным, несмотря на то, что, судя по масштабам грабежа, в руки исследователей попало не более половины монет, находившихся там изначально. Кроме того, использование металлодетекторов

позволило точно локализовать места находок монет, в то время как ранее монеты обнаруживались лишь при просеивании перемещенного грунта, что, давало информацию только о наличии монет [Зубарь, Робустова 1988, с. 139, 140]. Места обнаружения монетных находок и нанесение их на план участка выявили определенную системность в расположении этих находок [Ступко, Серебряков 2013, с. 204, рис. 5, 6]. Монеты — в основном римских имперских выпусков — в значительных количествах присутствовали как в камерах склепов при погребенных, так и вне их: после закрытия склепа монеты закапывались вокруг дромоса и внутри могильной ограды, очевидно, во время поминальных посещений. Из материалов раскопок следует, что на участке «святых могил» неоднократно совершались трапезы, по всей видимости, в ходе поминовения похороненных здесь христиан. На это указывают многочисленные фрагменты стеклянных кубков и стаканов, датированных IV–VI вв., а также многочисленные фрагменты краснолаковой столовой посуды, среди которой изрядная доля приходится на керамические кубки и чашки.

Статистические данные по монетам, относящимся непосредственно к ритуальным приношениям с участка «святых могил», выглядят следующим образом: выпуски Лициния (308–324 гг.) — 2 экз.; Галерия Валерия (308–311 гг.) — 1 экз.; Константина I (312–337 гг.) — 5 экз.; Константина II (337–340 гг.) — 7 экз.; Константа I (337–350 гг.) — 18 экз.; Констанция II (337–361 гг.) — 52 экз.; Делмация/цезаря (335–337 гг.) — 1 экз.; Констанция Галла/цезаря (351–354 гг.) — 1 экз.; Юлиана Апостата (361–363 гг.) — 2 экз.; Валента (364–378 гг.) — 29 экз.; Прокопия (8,5 месяцев 365–27.05.366 г.) — 1 экз.; Грациана (367–383 гг.) — 3 экз.; Валентиниана II (375–383 гг.) — 14 экз.; Феодосия I (378–395 гг.) — 11 экз.; Элия Флакцилла (379–386 гг.) — 2 экз.; Гонория (393–423 гг.) — 1 экз.; Магна Максима (383–388 гг.) — 1 экз.; Аркадия (395–408 гг.) — 8 экз.; Феодосия II и Валентианиана III (408–455 гг.) — 3 экз.; Льва I (457–474 гг.) — 2 экз.; Элия Верина (475–480 гг.) — 1 экз.; Анастасия I (491–518 гг.) — 1 экз.; коммеморативные выпуски второй трети IV столетия — 7 экз., не подлежащие определению — 37 (IV в.), 3 более ранних и 1 (VI в.). Из монет языческих времен: Керкинетида 300–290 г. до н. э. [Анохин 1979, № 414] — 1 экз.; Херсо-

нес 180–170 гг. до н. э. [Анохин 1977, № 161–163] — 1 экз.; Херсонес I в. н. э. [Анохин 1977, табл. XIV] — 1 экз.; Адриан 117–138 гг., Филиппополь, асс. — 1 экз.; Херсонес 192–211 гг., трессис [Анохин 1977, № 284] — 2 экз.; Херсонес нач. III в., дупондий. — 1 экз.; Херсонес 253–268 гг., дупондий [Анохин 1977, № 307] — 1 экз.

Монеты, не относящиеся к приношениям: Константин VII, 913–959, Херсон [Анохин 1977, № 414] — 1 экз.; Роман I 920–944 гг., Херсон [Анохин, 1977, № 411] — 1 экз.; Константин VIII, 5 выпуск, 948–959 гг., Херсон [Анохин 1977, № 430] — 1 экз.; Роман IV (1067–1071 гг.), Херсон [Анохин 1977, № 465] — 1 экз.; Крымское Ханство, Менгли-Гирей I, II-е правление, до 1515 г. — 1 экз.

По монетным дворам Римской империи выпуски распределяются следующим образом: Александрия — 4 экз.; Амбиум — 1 экз.; Антиохия — 18 экз.; Гераклея 12 экз.; Кизик — 12 экз.; Константинополь — 32 экз.; Никомедия — 25 экз.; Сисция — 4 экз.; Фессалоники — 10 экз.

Кроме того, были найдены две монеты Феодосия II типа «две фигуры по сторонам креста» херсонесского чекана [Туровский, Горбатов 2013, с. 128, 129; таб. 26, № 338] на отвале из камеры склепа 1/2009 г., а также херсонесские монеты Льва I и Элии Верины.

Таким образом, монетные приношения на описываемом участке состоят в абсолютном большинстве из позднеимперских монет, чеканенных на различных монетных дворах империи. Основная масса монетного материала имеет вполне четкие хронологические границы: 30-е гг. IV в. — 40-е гг. V в. То есть появление обряда с монетами коррелирует хронологически со временем легализации и начала преобладания христианства в первой четверти IV в. (311 г. — Никомидийский эдикт Галерия; 313 г. — Миланский эдикт Константина I; 325 г. — Никейский собор, уже разрешавший исповедание «языческих заблуждений»). Прекращение гонений и разрешение открытой исповеди христианства позволяло adeptам открыто совершать обряды поминовения своих собратьев по вере, не опасаясь осквернения их могил и личного преследования со стороны радикально настроенных язычников. Прекращение обряда приношения монет приходится на правление Феодосия II и, по всей видимости, связано с принятием в начале 438 г. «Кодекса Феодосия» [Ведешкин 2013, с. 38–47], что могло найти отражение на местном уровне

в повсеместном пресечении не только обряда приношения монет. На то же самое время, когда пресекается традиция монетных приношений (конец первой трети V в.), на херсонесском некрополе полностью прекращаются захоронения детей в амфорах и эпизодически еще встречавшиеся погребения по обряду кремации [Зубарь 1988, с. 133–135]. Надо заметить, что начало гонений уже на язычников приходится на время после II Вселенского собора 381 г., однако упомянутые обряды продолжали существовать не менее полувека.

По нумизматическим находкам можно сделать вывод, что данный участок некрополя с той или иной степенью активности посещался еще несколько веков вплоть до упадка Херсона в XII в. На это указывает наличие небольшого числа монет VI–XII вв., в том числе литые выпуски средневекового Херсона от Михаила III до Романа III.

Поминальную трапезу непосредственно на могиле можно рассматривать как пережиток языческой тризны, поскольку в православной христианской традиции поминальная трапеза совершается по возвращении домой. К рудименту языческих верований следует, вероятно, отнести и монетные приношения, известные еще с эллинистического времени.

Если подходить к вопросу приношения монет на могилы при погребении первых христиан в Херсонесе объективно, то следует констатировать, что ничего точно сказать нельзя. Можно предположить, что этот обычай является рудиментом языческих верований и погребальных практик. Но против этого говорят места находок монет — это, безусловно, не «обол Харона», так как монеты находятся где угодно, только не во рту и не в руке покойного. Можно предположить, что в глазах первых христиан такие приношения могли быть не напутственным даром умершему, а пожертвованием, возможно, в подражание двум лептам бедной вдовы [Мк. 12:41–44; Лк. 21:1–4]. Если это так, тогда смыслом оставления денег на могилах было стремление продемонстрировать, что принесшие их любят Бога и почитают покоящихся здесь праведников больше денег. Однако Православная церковь, стремившаяся свести к минимуму грубые материальные проявления в совершении своих обрядов, наполненных глубоким символизмом, по всей видимости, прекратила эту традицию, явно отдававшую язычеством. Точно так, соб-

ственно, классифицирует подобные проявления и современная Православная церковь [Ступко, Серебряков 2013, с. 213].

Завершая рассмотрение вопроса о монетах в херсонесских христианских склепах, нельзя обойти вопрос об информационной ценности этих находок как хронологических индикаторов. Последовательным противником использования монет для выяснения датировок склепов выступал видный исследователь херсонесского некрополя В.М. Зубарь. Его аргументация в основном сводится к следующему: особенность денежного обращения в Херсонесе на рубеже позднеантичной и раннесредневековой эпох характеризуется тем, что некоторые монеты (в частности, монеты 2-й элевтерии) находились в обращении два-три столетия и более, а потому в качестве хронологических индикаторов использоваться не могут [Зубарь 2009, с. 183–185]. Все эти соображения справедливы лишь отчасти. Клады VII в., содержавшие монеты II–III вв., действительно существуют, но к монетам, составляющим подношения в христианских склепах они отношения не имеют. Подавляющее большинство монет в подношениях составляют римские монеты христианских императоров постконстантиновского времени от Константина II, Констанция II, Константа I до Феодосия I и Аркадия. Только немногие склепы посещались до второй половины V в., о чем свидетельствуют находки монет Льва I. Обнаруженные монеты не имеют следов износа и поэтому выступают полноценными хронологическими индикаторами. Исходя из анализа монетных подношений в склепах ранних херсонесских христиан можно заключить, что подавляющее большинство памятников этой группы было создано в рамках конца 30-х — 40-х гг. IV в., тогда же были созданы и живописные росписи на некоторых из склепов этой группы. Время функционирования большинства склепов, то есть тот период, когда они использовались для поминальных посещений и подзахоронений, определяется временем правления императора Аркадия (начало V в.). Отдельные склепы использовались для этих целей до второй половины V в., на что указывает присутствие в числе монет херсонесских выпусков Льва I и его жены Элии Верины.

В самом финале исследований нами были осмотрены и частично расчищены еще два

склепа, находящиеся на западном слоне Карантинной балки почти на траверсе руин храма Богородицы Влахернской (рис. 2.5,6). Оба они имели схожую конструкцию. Склеп 11/2007 г. был ограблен примерно в середине/конце 70-х гг. XX века, что было выяснено по мусору, попавшему в незасыпанный грабительский шурф. Дромос оказался непривычно большим и глубоким, правильной формы. Локулы, оформленные по контуру декоративными валиками, имели форму аркосолий (рис. 34.1–3). Из инвентаря был найден бальзамарий (рис. 34.4) и бронзовая пряжка VII–VIII вв., которая дает предварительную датировку сооружения. Ни одной монеты в засыпи склепа найдено не было, что не характерно для остального участка. Севернее его был осмотрен склеп 12/2007, имевший двухкамерную конструкцию и схожее с предыдущим оформление (рис. 34.5, 6). Склеп был наполовину срезан по длине при сооружении бункера Военного ведомства в 1909 г.

Оба склепа полностью исследованы под руководством С. В. Ушакова в 2019 г., материалы в настоящий момент еще обрабатываются.

Выводы, сделанные нами по результатам раскопок, таковы. Все склепы на исследованном участке, очевидно, принадлежат адептам христианской религии. Относительно хронологии данных погребальных сооружений мож-

но уверенно заключить, что время их создания укладывается в рамки второй четверти IV в. Датировки монет, которые являются среди прочих хронологических индикаторов решающими, не противоречат датам других предметов, входящих в археологические комплексы склепов. Необходимо специально подчеркнуть, что набор артефактов во всех склепах группы практически не отличается.

Комплекс склепов на участке с погребениями христиан характеризуется большим аскетизмом по сравнению с комплексами языческих погребений предыдущих столетий. Отметим отсутствие богатых сервизов столовой посуды и дорогих украшений из драгоценных металлов. В состав комплексов склепов входят следующие категории предметов: светильники, как правило, красноглиняные, с носиком, с ручкой или без ручки, с круглым отверстием посередине щитка и рубчатым орнаментом вокруг отверстия; одежда и обувная фурнитура (фибулы, пряжки, детали поясов), фрагменты и целые стеклянные сосуды (прежде всего, бальзамарии).

Кроме аскетичности комплексов всех открытых склепов в пользу их христианской принадлежности свидетельствует то, что они находились в одном ряду с двумя склепами, принадлежность которых к христианам не вызывает никакого сомнения.

Приложение 1. Описание монет (рис. 30–33)

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
1	Валентиниан II, 375–383 гг. 22,5 мм; 5,7 г; →	Л. с. Бюст императора вправо. [VALENTINIAN] VS PF AVG Об. с. Император в полный рост, левой рукой опирается на щит, в правой лабарум, у правой ноги пленник на коленях. GLORIA RO [MANORVM]	Склеп 1/2006. Полка над лазом
2	Валентиниан II, 375–383 гг. Никомедия 22,5 мм; 5,7 г; →	Л. с. Бюст императора в шлеме вправо, перед грудью копье вправо. DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Император в доспехах стоит на корабле, правая рука вверх, в левой держава, у левой ноги согбенный пленник, слева венок. [GLORIA ROMANORVM]	Склеп 1/2006. Полка над лазом.
3	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 23 мм; 5,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в полный рост вправо с лабарумом и державой, правой ногой топчет согбенного врага; слева хризма. VIRTVS EXERCITVS/CONSA	Склеп 1/2006. Полка над лазом
4	Грациан, 367–383 гг. Никомедия 23 мм; 5,0 г; →	Л. с. Бюст императора в шлеме вправо, перед грудью копье вправо. DN GRATIAN [VS PF AVG] Об. с. Император в доспехах стоит на корабле, правая рука вверх, в левой держава, у левой ноги согбенный пленник, слева венок. GLORIA ROMANORVM/SMNA	Склеп 1/2006. Полка над лазом

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
5	Херсонес, нач. III в., дупондий 23 мм; 5,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора в венке вправо Об. с. Дева в рост в руках лук и стрела, слева у ног лань, точечный ободок	Склеп 1/2006. Полка над лазом сильно стерта
6	Херсонес 192–211 гг., трессис 19 мм; 3,0 г; ↑	Л. с. Асклепий Об. с. Гигиейя	Склеп 1/2006. Полка над лазом очень сильно стерта
7	Валентиниан II, 375–383 гг. 17 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. DN VALENTINI [ANVS PF AVG] Об. с. Ника шагает влево, в руке пальмовая ветвь, слева B [SALVS REIPUBLICA]	Склеп 1/2006. Полка над лазом
8	Констанций II?, 337–361 гг. 15 мм; 2,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Император в доспехах с овальным щитом поражает копьем конного врага [FEL TEMP] REPARATIO	Склеп 1/2006. Полка над лазом
9	Констанций II, 337–361 гг. 15 мм; 2,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN CON [STANTIVS] PF AVG Об. с. Император в доспехах с овальным щитом поражает копьем конного врага [FEL] TEMP REPARATIO. Слева M	Склеп 1/2006. Полка над лазом
10	IV в. н. э. АЕ4 15 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо] VS PF AVG Об. с. Две Ники с венками навстречу друг другу, между ними вертикально пальмовая ветка ... INEODR...	Склеп 1/2006. Полка над лазом
11	Валентиниан II, 375–383 гг.? Идентична № 7. 17 мм; 2,5 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Ника шагает влево, в руке пальмовая ветвь	Камера склепа 1/2006 сохранность плохая
12	Валент 364–378 гг.; Александрия 13 мм; 1,4 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DNV] ALEN [SPF AVG] Об. с. Ника с венком в руке влево ALE [H]	Камера склепа 1/2006
13	IV в. н. э. АЕ3 15 мм; 2,7 г; ↑	Л. с. Портрет Об. с. Фигура в рост	Камера склепа 1/2006
14	IV в. н. э. АЕ3 16 мм; 1,65 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Фигура императора в рост с лабарумом...PVBLIC...	Камера склепа 1/2006
15	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 13 мм; 1,3 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Ника влево, слева хризма. SALVS REIPUBLICA/CONSA	Засыпка дромоса, верхний слой
16	Аркадий, 383–408 гг. 12 мм; 0,7 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DNAR] CADIVS PFAVG Об. с. Ника влево. [SAL] VS REIPVB [LICA]	Засыпка дромоса, верхний слой
17	Прокопий 365–366 гг., Константинополь 20 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора влево [DNPRO] COPIVSPF AVG Об. с. Император в рост с лабарумом REP [.....] ITEVP	Дромос под пандусом, слева Половина монеты
18	Грациан, 367–395 гг., Сисция 22 мм; 5,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DNGRATIANVSPF AVG Об. с. Император в рост в доспехах, на левой руке Ника, правую подает варваре в трезубой короне. REPARATIO REIPVB/ASISC	Дромос под пандусом, слева
19	Констанций II, 337–361 гг. 15,5 мм; 1,8 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DNCONSTANTIVS [...] Об. с. Император в доспехах с овальным щитом поражает копьем конного врага [... RE] PARATIO. Слева M	Дромос под пандусом, слева

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
20	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 20 мм; 4,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в рост с лабарумом и державой GLORIA ROMANORVM/CONSG?	Группа монет у южной оградки дромоса
21	Валент 364–378 гг.; Константинополь 17 мм; 1,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN VALENS PF AVG Об. с. Ника с венком в руке влево SALVS REIPUBLICA/CONSE	Группа монет у южной оградки дромоса
22	Валент 364–378 гг. 14 мм; 2,4 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN VALENS PF Об. с. Ника с венком в руке влево SALVS REIPUBLICA/...	Группа монет у южной оградки дромоса
23	Константин II?, 337–340 гг. 14 мм; 1,6 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, [DN CONSTANTINVS] NVS PF AVG Об. с. Фигура в рост в шлеме	Группа монет у южной оградки дромоса
24	IV в. н. э. А4, Гераклея 13 мм; 2,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Император пронзает копьем конного врага .../[S] MHA	Группа монет у южной оградки дромоса
25	Аркадий, 383–408 гг., Константинополь 13 мм; 1,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN ARCADIVS PF AVG Об. с. Ника влево, за собой за волосы тащит пленного, слева хризма. SALVSITAS REIPUBLICAE/CONSG	Группа монет у южной оградки дромоса
26	Аркадий, 383–408 гг., Константинополь 13,5 мм; 1,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN ARCADIVS PF AVG Об. с. Ника влево, за собой за волосы тащит пленного, слева хризма. SALVSITAS REIPUBLICAE/CONSG	Группа монет у южной оградки дромоса
27	Валентиниан II, 375–383 гг., Константинополь 12 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Ника влево, за собой за волосы тащит пленного, слева хризма. SALVS REIPUBLICAE/CONSB	Группа монет у южной оградки дромоса
28	Керкинитида 300–290 г. до н. э. (Анохин, 1979, № 414) 22 мм; 6,9 г; →	Л. с. Скиф, сидящий на скале, в руке топорик — чекан, слева вертикально надпись — КЕРΚΙ Об. с. Конь влево, правая передняя нога поднята	Группа монет у южной оградки дромоса
29	Античная монета 20 мм; 7,0 г	Не читаема	Группа монет у южной оградки дромоса, сильно корродирована
30	Адриан 117–138 гг., Филиппополь, Асс. 21 мм; 5,8 г; ↑	Л. с. Портрет Адриана вправо, точечный ободок ΟΓΙΑΝΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΣ Об. с. Воин в шлеме влево. ΦΙΛΙΠΠΟΠΟΛΕΙΤΩΝ	Кремация 1/2006 (ю — в угол могилы)
31	Делмаций, 335–337 гг., Константинополь 12 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в венке вправо FL DELMATIVS NOB C Об. с. Два легионера с копьями, опираются на овальные щиты; между ними значок когорты GLORIAEXERCITVS/CON [...]	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
32	Валент 364–378 гг. 17 мм; 1,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN VA [LEN] S P [F] AVG Об. с. Ника с венком в руке влево SALVS REIPUBLICA/?	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
33	IV в. н. э. А4 13,5 мм; 1,5 г	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Фигура в рост	Шурф между коллектором и склепом 1/2006, очень плохой сохранности

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
34	Константин II?, 337–340 гг. 15,5 мм; 2,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, [FL CONST...] NOB [CAES] Об. с. Фигура в рост в шлеме	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
35	Константин? 15,5 мм; 2,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорты	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
36	Валент? 364–378 гг.; Александрия 12,5 мм; 1,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Ника с венком в руке влево SECVR [ITAS REIPUBLICAE]/ALEH	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
37	Константин VIII, 913–959, Херсон (Анохин, 1977, № 414) 16 мм; 2,35 г; →	Л. с. Буквы к и ω Об. с. Крест на «голгофе», по сторонам две точки	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
38	Роман I 920–944 гг., Херсон (Анохин, 1977, № 411) 18 мм; 3,0 г; ↑	Л. с. Монограмма н, по Анохину Об. с. Крест на «голгофе», по сторонам две точки	Шурф между коллектором и склепом 1/2006
39	Роман IV (1067–1071 гг.), Херсон (Анохин, 1977, № 465) 24 мм; 6,0 г; →	Л. с. Монограмма э, по Анохину Об. с. Изображения нет	Средневековая строительная свалка (глубина 0,8 м)
40	IV в. н. э. №4 13 мм; 1,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Фигура в рост	Склеп 2/2006 «Аристана», Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
41	Аркадий, 383–408 гг., Никомедия 21,5 мм; 3,9 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN ARCADIVS PF AVG Об. с. Император в рост влево с лабарумом и державой GLORIA ROMANORVM/SMNA	Склеп 2/2006 «Аристана», Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
42	Констанций Галл, 351–354 гг., Константинополь 21x16 мм; 5,5 г; →	Л. с. Бюст цезаря вправо, слева Δ. DN CL [CONST] ANTIVS NOB [CAES] Об. с. Император в доспехах, со щитом, пронзает копьем конного врага, слева Β. [FELTEMP REPA] RATIO/[CON] SB	Склеп 2/2006 «Аристана», Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
43	Феодосий I, 378–395 гг., Кизик 17 мм; 2,1 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN TH] EO [DO] SIVS PF AVG Об. с. Император в рост в доспехах и шлеме вышагивает вправо с лабарумом и державой GLORIA ROMA [NORVM]/SMKA	Склеп 2/2006 «Аристана», Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
44	Констанций II, 337–361 гг., Кизик 15 мм; 1,4 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах и плаще с копьем и державой SALVSREIPUBLICA/SMKS	Склеп 2/2006 «Аристана», Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
45	Констант I, 337–350 гг., Амбианум 14 мм; 1,5 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONSTANS PF AVG Об. с. Две Ники навстречу друг другу, в поднятой руке по венку между ними M	Склеп 2/2006, Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы
46	Аркадий, 383–408 гг., Кизик 13 мм; 1,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN AR] CADIVS PF AVG Об. с. Ника влево. [SAL] VS REIPVB [LICA]/SMKГ	Склеп 2/2006 Западный уступ дромоса 0,05–0,1 м от скалы

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
47	Провинциальный Рим 14 мм; 3,3 г; ↑	Л. с. Бюст бородатого императора Об. с. Два бюста лицом к лицу	Склеп 2/2006 Западный уступ дромоса 0,05 м от скалы, сильно потертая
48	Юстиниан I? VI в., пентануммий (Анохин, 1977, № 312) 14 мм; 3,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Стоящая фигура	Вост. обрез раскопа над дромосом склепа 2/2006, 0,4 м от поверхности, сильно стерта
49	Юлиан II Отступника 361–363 гг. 17 мм; 2,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN FLCLIVLIANVS NOB CS Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. FEL TEMP REPARATO	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, глубина 0,05–0,2 м от скалы
50	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 15 мм; 1,4 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, D [N CONS] TANTIVS [PF] AVG Об. с. Император в доспехах и плаще влево, с копьем и державой SALVSREIPUBLICA/SMNA	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, глубина 0,05–0,2 м от скалы
51	IV в., АЕ4, Никомедия 13 мм; 1,25 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMNA	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
52	IV в., АЕ3 17 мм; 2,9 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. [FEL TEMP RE] PARATIO	Корродирована, Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
53	Аркадий, 383–408 гг., Никомедия 23 мм; 3,9 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN ARCA [D] IVS P [F A] VG Об. с. Император в рост вправо с лабарумом и державой, ногой попирает врага; слева хризма VIRTVS EXERCITVS/SMNC	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
54	Констанций II, 337–361 гг., Фессалоники 18 мм; 1,5 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS PF] AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. [FEL TEMP RE P] ARATIO/SMTSA	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
55	Констанций II, 337–361 гг., Фессалоники 19 мм; 1,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS PF] AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. FEL TEMP RE PARATIO/SMTS	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
56	Констанций II, 337–361 гг., Константинополь 14 мм; 2,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS NOB] CAES Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. FEL ICITAS ROMANORVM/CONS	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
57	Констанция II, 337–361 гг., Никомедия 14 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMNA	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы
58	Констанция II, 337–361 гг., Никомедия 17 мм; 1,8 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANTIVS IVN NOB C Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева A. FELICITAS ROMANORVM/SMNA	Склеп 2/2006 возле юго-западного угла дромоса, 0,05–0,2 м от скалы

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
59	Констанций II, 337–361 гг., Константинополь 22 мм; 5,6 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева Г. FEL TEMP REPARATIO/CONSG	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
60	Аркадий, 383–408 гг., Никомедия 21 мм; 4,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, сверху венчающая Десница DN ARCADIVS PF AVG Об. с. Император в полный рост в доспехах и плаще, в правой руке лабарум, левой опирается на овальный щит, слева у ног связанный пленник, справа Т. GLORIA ROMANORVM/*SMNG	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
61	Констанций II, 337–361 гг., Гераклея 17 мм; 2,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева М. FEL TEMP REPARATIO/SMHA	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
62	Валентиниан II, 375–383 гг., Антиохия 17,5 мм; 3,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DNVA [LENTIN] IA NVS PF AVG Об. с. Император в шлеме и в тоге сидит на троне, в левой руке жезл, в правой — держава, голова повернута влево; слева Θ, справа — одна над другой Φ и К. CONCORDIA AVGGG/ANTS	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
63	Валент, 364–378 гг.; Константинополь 16 мм; 2,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN VALENS PF AVG Об. с. Ника с венком в руке влево SECVRITAS REIPVBLICA/CONS	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
64	Констант I, 337–350 гг., Константинополь 15 мм; 2,4 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, DNCONSTA [NS PF AVG] Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева Г. [FEL TEMP REPA] RATIO/CONSH	Склеп 3/2006, возле северо-западного угла дромоса, 0,1–0,4 м от скалы
65	Валентиниан I, 364–375 гг. 16x14 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN] VALENT [INI ANVS PF AVG] Об. с. Император в доспехах шагает вправо, в левой руке лабарум, правой держит за волосы пленника GLORI [AR] OMANORVM/SM...?	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы
66	Валент, 364–378 гг. 15 мм; 1,2 г; →	Л. с. Бюст императора вправо [DN VAL [ENS PF AVG] Об. с. Ника с венком в руке влево SECVRITAS REIPVBLICA/?	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы
67	Валент, 364–378 гг. 13,5 мм; 1,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN VAL ENS] PF AVG Об. с. Ника с венком в руке влево SECVRITAS REIPVBLICA/?	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы
68	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 13,5 мм; 1,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMANDI	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы
69	Констант 337–350 гг., Никомедия 13 мм; 1,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме из крупных звеньев вправо, [DN] CONSTANS [PF AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMNH	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
70	Валент, 364–378 гг., 15 мм; 2,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, легенда не читается Об. с. Ника с венком влево [SE] CVRITAS [REIPVBLICA]/?	Склеп 3/2006, Полка над лазом, 0,05–0,2 м от скалы, со сколом
71	Констанция II, 337–361 гг., Константинополь 20 мм; 4,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN C] ONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева M. FEL TEMP [REPA] RATIO/CONSA	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
72	Лициний I, 308–324 гг., Никомедия 20 мм; 4,7 г; ↑	Л. с. Бюст императора в венке вправо IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG Об. с. Юпитер-Хранитель влево в рост, в правой руке держит Нику на сфере, в левой посох; у ног слева орел с венком в клюве IOVI CONSERVATORI/SMN	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
73	Констант 337–350 гг., Кизик 16 мм; 1,8 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANS PF AVG Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMKA	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
74	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONSTANTIVS PF [AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMNH	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
75	Констант 337–350 гг. 14 мм; 1,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, [DN CONSTA] NS PF AVG Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/..KN?	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
76	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Константинополь 14,5 мм; 1,7 г; →	Л. с. Бюст императора Константина в накидке вправо, DN CONSTA [NVS PF AVCC] Об. с. Квадрига в галопе, вправо	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
77	IV в., АЕ3 17 мм; 1,7 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
78	Валент, 364–378 гг., Никомедия 14 мм; 1,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN VALEN [S PF AVG] Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
79	Констант 337–350 гг., Константинополь 15,5 мм; 2,6 г; ←	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONST [ANS PF AVG] Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага. FEL TEM [P REPA] RATIO/CONS	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
80	Констанций II, 337–361 гг., Кизик 20 мм; 4,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева M. FEL TEMP REPARATIO/SMKA	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
81	Валентиниан II, 375–383 гг., Фессалоники 16 мм; 2,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Император в доспехах шагает вправо, в левой руке лабарум, правой держит за волосы пленника GLORIAROMANORVM/TSA	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
82	Магн Максим 383–388 гг., Никомедия 15 мм; 2,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN MA] XIMVS [PF AVG] Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, [FEL TEMP REPARATIO]	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
83	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Антиохия 14 мм; 1,4 г; →	Л. с. Бюст Константина в накидке вправо CONSTANTINVS PT AVCC Об. с. Фигура в рост в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMANB	Склеп № 5/2006, Полка возле западного края дромоса
84	Констанций II? 337–361 гг. 15 мм; 0,76 г; ↑	Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага, слева M. FEL TEMP [REPARATIO]/S...	Склеп № 5/2006, Шурф за западной оградой дромоса
85	Константин VIII, Херсон, 5 выпуск, 948–959 гг., (Анохин, 1977, № 430)	Л. с. Монограмма n, по Анохину Об. с. Монограмма n, по Анохину	Склеп № 5/2006, Шурф за западной оградой дромоса
86	Валент,? 364–378 гг. 15 мм; 2,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Нике влево, перед ней звездочка [SECVRITAS] REIPVBLICA	Склеп № 5/2006, Шурф за западной оградой дромоса
87	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 15 мм; 2,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANT [IVS] PF AVG Об. с. Император в доспехах влево в плаще, в правой руке держава, левой опирается на штандарт? SALVS REIPVBLICE/SMNC	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
88	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONSTANTIVS PF [AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMAN...	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
89	Констанций II, 337–361 гг., Фессалоники 15 мм; 1,3 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONSTANTIVS PF [AVG] Об. с. Два легионера в полном вооружении по сторонам от значка кагорты GLORIA EXERCITVS/SMTS	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
90	IV в., АЕ4 15 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Портрет императора вправо Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
91	IV в., АЕ4 15 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Портрет императора вправо Об. с. Два легионера по сторонам от знака когорты	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
92	Валентиниан II, 375–383 гг., Фессалоники 17 мм; 2,3 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Император в доспехах шагает вправо, в левой руке лабарум, правой держит за волосы пленника GLORIAROMANORVM/TEG	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса
93	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 17 мм; — г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Император в доспехах влево в плаще, в правой руке держава, в левой штандарт? SALVS REIPVBLICE/SMNA	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса, фрагментирована
94	Констанций II, 337–361 гг. 15 мм; — г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, [DN CONSTANTIVS PF AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/...	Склеп № 5/2006, Южный край дромоса, фрагментирована
95	Грациан 367–383 гг., Константинополь 18 мм; 2,4 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN G [RA] TIANVS PF AVG Об. с. Император в доспехах шагает вправо, в левой руке лабарум, правой держит за волосы пленника [GLORIA] ROMANORVM/CONSG	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
96	Констант, 337–350 гг., Гераклея? 14 мм; 1,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме из крупных звеньев вправо, DN CONST [ANS PF AVG] Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорты GLORIA EXERCITVS/SMH...	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
97	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Антиохия 15 мм; 1,4 г; →	Л. с. Бюст императора Константина в накидке вправо CONSTANTINVS PT AVCC Об. с. Фигура в рост в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMANB	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
98	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Антиохия 15 мм; 1,0 г; →	Л. с. Бюст императора Константина в накидке вправо CONSTANTINVS PT AVCC Об. с. Фигура в рост в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMANB	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
99	Констанций II, 337–361 гг. 17 мм; 1,7 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
100	Валент, 364–378 гг., Кизик 14 мм; 1,8 г; →	Л. с. Бюст императора вправо. DN VALENS [PF AVG] Об. с. Нике влево, перед ней звездочка SECVRITA [S REIPVBLICA]/SMK	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
101	IV в., АЕ4 13 мм; 1,45 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
102	Константин II, 337–340 гг., Гераклея 16 мм; 1,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, CONSTANTINVS IVN NOB C Об. с. Два легионера в полном вооружении по сторонам от штандарта когорты GLORIA EXERCITVS/SMH...	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
103	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Два легионера в полном вооружении по сторонам от штандарта когорты GLO [RIA EXERC] ITVS/SMANAI	Склеп № 5/2006, пол камеры склепа
104	Феодосий I, 378–395 гг., Гераклея 20 мм; 4,4 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах в полный рост; в правой руке лабарум, в левой — держава GLORIA ROMANORVM/SMHB	Склеп 4/2006, камера склепа
105	Валентиниан II, 375–383 гг., Сисция 23 мм; 5,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN VALENTINIANVS IVN PF AVG Об. с. Император в полный рост, на левой руке держит Нике, правую подает для лобзания коленопреклоненному варвару в трехзубой короне REPARATIO REIPVB/ASIS	Склеп 4/2006, камера склепа
106	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 22 мм; 4,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в полный рост вправо; в правой руке лабарум, в левой — держава, ногой попирает связанного пленника. VIRTVS EXERCITVS/SMHB	Склеп 4/2006, камера склепа
107	Констанций II, 337–361 гг., Константинополь 17 мм; 1,7 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN CONSTANTIVS [PF AVG] Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага [FEL TEMP] REPARATIO/[C] ONSA	Склеп 4/2006, камера склепа
108	Валент, 364–378 гг., Фессалоники 16,5 мм; 1,8 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN VALENS PF AVG. Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум GLORIA ROMANORVM/TEST	Склеп 4/2006, камера склепа
109	Констанций II, 337–361 гг., Гераклея 16 мм; 1,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Два легионера в полном вооружении по сторонам от штандарта когорты GLORIA EXERCITVS/SMH...	Склеп 4/2006, камера склепа

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
110	Констанций II, 337–361 гг. 16 мм; 1,2 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Два легионера по сторонам от штандарта GLORIA EXERCITVS	Склеп 4/2006, камера склепа
111	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 13 мм; 1,45 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. венок, внутри него: VOT XX MVLT XXX/SMND	Склеп 4/2006, камера склепа
112	Валент, 364–378 гг. 15,5 мм; 2,3 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN VALEN [S] PF AVG. Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум	Склеп 4/2006, камера склепа
113	Констант 337–350 гг., Никомедия 15 мм; 1,6 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN CONSTA [NS PF A] VG Об. с. Ника влево; VICTORIA AVG/SMNG	Склеп 4/2006, камера склепа
114	Феодосий I, 378–395 гг. 25 мм; 5,1 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в рост вправо; в правой руке лабарум, в левой — держава, ногой попирает пленника. VIRTVS EXERCITVS/SM...	Склеп 4/2006, камера склепа
115	Феодосий II или Валентиниан III, 408– 455 гг., Херсонес (Коршенко, 2000, с. 226– 246) 19 мм; 3,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в шлеме с копьем и щитом вправо [DN THEODOSIVS PF AVG] Об. с. Две фигуры в рост, между ними процессионный крест [CONCORDIA AVG]	Склеп 4/2006, камера склепа
116	Констант, 337–350 гг., Никомедия 15 мм; 1,4 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, [DN CONSTA] NS PF AVG/SMNG Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMND	Склеп 4/2006, камера склепа
117	Гонорий, 393–423 гг. 19 мм; 2,3 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, DN [HON] ORIVS PF AVG Об. с. Император в рост с копьем и щитом слева, справа венчающая его Ника VIRTVS [EXERCITVS]	Склеп 4/2006, камера склепа
118	Валент, 364–378 гг., Константинополь 18 мм; 2,3 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN VALENS PF AVG Об. с. Император в рост шагает вправо, держит пленника за волосы, в левой — лабарум GLORIA RO [MANORVM]/CONSE	Склеп 4/2006, камера склепа
119	Элия Верина, 475–480 гг., Херсонес 19 мм; 3,6 г; ↑	Л. с. Бюст Верины вправо, AELVER [INA PFA] VG Об. с. Ника сидит на троне вправо, на коленях держит щит с хризмой SALVS.../CON	Склеп 4/2006, камера склепа
120	180–170 гг. до н. э., Херсонес, халк (Анохин, 1977, № 161–163) 15 мм; 2,4 г; →	Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме. Об. с. Ника влево	Склеп 4/2006, камера склепа
121	Галерия Валерия, 308– 311 гг., Фессалоники 27 мм; 5,2 г; ↑	Л. с. Бюст Г. Валерии вправо, GAL [VALE] RIA AVG Об. с. Венера в рост в длинной драпированной одежде вправо, в поднятой правой руке яблоко?, справа В, слева *. VENERI VICTRIC/SMTS	Склеп 4/2006, камера склепа
122	Элия Флакцилла, 379– 386 гг., Константинополь 21 мм; 4,2 г; →	Л. с. Бюст Э. Флакциллы вправо AEL FLACCILLA AVG Об. с. Фигура в рост в тоге, справа внизу крест SALVS REIPVBLICAE/CONSE	Склеп 4/2006, камера склепа
123	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 22 мм; 3,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в шлеме вправо, перед грудью копье вправо. DN THEODO [SIVS PF AVG] Об. с. Император в доспехах стоит на корабле, правая рука вверх, в левой держава, у левой ноги пленник, слева венок. GLORIA RO [MA] NORVM/CON	Склеп 4/2006, камера склепа

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
124	Лев I, 457–474 гг. 20 мм; 3,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо DN LEO PERP AVG Об. с. Император в полный рост с лабарумом вправо попирает ногой пленника .../CONS	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
125	Валент, 364–378 гг., Константинополь 17 мм; 2,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN VALENS PF AVG Об. с. Ника с венком влево SECVRITAS REIPVBLICA/CONSPG	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
126	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо, DN CONSTANTIVS PF [AVG] Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX/SMANH	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
127	Валент?, 364–378 гг. 14 мм; 2,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, DN VA [LENS PF] AVG Об. с. Ника с венком влево	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
128	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Антиохия. 14 мм; 1,2 г; →	Л. с. Бюст Константина в накидке вправо CONSTAN [TINVS PF AVG] Об. с. Фигура в рост в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMANL	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
129	Констанций II, 337–361 гг. 16 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DN CONS] TANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
130	Валент, 364–378 гг., Кизик 18 мм; 2,0 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, [DN VALENS] PF AVG Об. с. Император в рост шагает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум [GLORIA ROMANORVM]/SMKA	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
131	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 16 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо [DNCONS] TANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
132	Валент?, 364–378 гг. 16 мм; 1,9 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. Император в рост выступает вправо, держит пленника за волосы, в левой руке лабарум	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
133	Констанций II, 337–361 гг., Константинополь 16 мм; 2,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага/[C] ONSB	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
134	IV в., АЕ4, Константинополь 14 мм; 2,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Фигура в рост со штандартом и державой .../CON	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
135	Валент, 364–378 гг., Никомедия 15 мм; 2,2 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN VALENS] PF AVG Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум..../SMNE	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
136	Валент, 364–378 гг., Никомедия 14 мм; 1,4 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN VALENS] PF AVG Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум..../SMNE	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
137	IV в., АЕ4 13,5 мм; 1,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Ника влево	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
138	IV в., АЕ4 13 мм; 1,3 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Ника влево	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
139	Констанций II, 337–361 гг., Константинополь 15 мм; 2,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага.../[C] ONSB	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
140	IV — начало V в. 12 мм; 1,4 г	Нечитаемая	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
141	IV в. 11 мм; 1,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Фигура в рост в плаще со штандартом и державой...PVB...	Склеп 6/2006, вокруг юго-восточного угла дромоса
142	Аркадий, 383–408 гг., Константинополь 22 мм; 5,6 г; →	Л. с. Бюст императора вправо DN ARCADIVS PF AVGVSTVS Об. с. Император в полный рост в доспехах и плаще, с лабарумом и державой вправо попирает ногой поверженного врага VIRTVS EXERCITI/CONSG	Склеп 6/2006, камера склепа
143	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 21 мм; 5,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN THEODOSI [VS PF] AVG Об. с. Император в полный рост в доспехах и плаще, с лабарумом и державой вправо попирает ногой поверженного врага VIRTVS EXERCITI/CONSG	Склеп 6/2006, камера склепа
144	Валентиниан I, 375–383 гг. 23 мм; 5,0 г; →	Л. с. Бюст императора в шлеме вправо, перед грудью копье вправо [DN VALE] NTINIANVS PF AVG Об. с. Император в доспехах стоит на корабле, правая рука вверх, в левой державка, у левой ноги пленник. [GLORIA ROMANORVM]	Склеп 6/2006, камера склепа
145	Констант 337–350 гг., Никомедия 16 мм; 1,4 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо, CONSTANS PF AVG Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорт.../SMND	Склеп 6/2006, камера склепа
146	Крымское Ханство, Менгли — Гирей I, II-е правление, до 1515 г. AR акче 13x11 мм; 0,6 г; ↑; серебро		Засыпь над перемычкой между склепами 6/2006 и 7/2006, 0,4 м от поверхности
147	Аркадий?, 395–408 гг. 15 мм; 1,7 г; →	Л. с. Портрет императора в шлеме с гребнем в ¾ вправо Об. с. Император в рост вправо, держит на руке венчающую его Нике	Заготовка 2/2006
148	Констанций II, 337–361 гг., Фессалоники 18 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага [FEL TEMP] REPARATIO/SMT...	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
149	Константин II 337–340 гг., Кизик 17 мм; 1,2 г; →	Л. с. Бюст императора вправо, CONSTANTINVS MAV AVG Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорт GLOR [IAE] XERCITVS/SMKA	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
150	IV в., АЕЗ, наследники Константина I, Константинополь 16 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONST... Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага [FEL TEMP REPARATIO]/CONS...	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
151	Валент, 364–378 гг., Александрия 15 мм; 1,7 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN VALEVS PF AVG Об. с. Император в доспехах влево, поражает копьем конного врага [FEL TEMP REPARATIO]/ALEΔ...	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
152	Валент, 364–378 гг. 13 мм; 2,5 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN] VALEVS PF AVG Об. с. Нике с венком влево SECVR [ITAS REIPUBLICA]	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
153	Валент, 364–378 гг., Александрия 13 мм; 2,1 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN] VALEV [S PF AVG] Об. с. Нике с венком влево SECVR [ITAS REIPUBLICA]/ALEH	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
154	Валент, 364–378 гг. 12 мм; 2,0 г; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо [DN] VALEV [S PF AVG] Об. с. Нике с венком влево SECVRITAS R [EIPUBLICA]	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
155	IV в., АЕ4 13 мм; 1,0 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Венок, внутри: VOT XX MVLT XXX	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса
156	Валент, 364–378 гг. 14 мм; —; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN VALENS PF [AVG] Об. с. Император в рост выступает вправо, правой рукой держит пленника за волосы, в левой руке лабарум	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса. Фрагментирована
157	Констант?, 337–350 гг. 14 мм; —; ↑	Л. с. Бюст императора в диадеме из крупных звеньев вправо, DN CO [NSTANS PF AVG] Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорты GLORI [A EXERCITVS]	Склеп 7/2006, возле западного края дромоса. Фрагментирована
158	Херсонес, I в. н. э., халк. (Анохин, 1977, табл. XIV) 17 мм; 2,8 г; —	Л. с. Бюст императора? Вправо Об. с. Ника влево	Шурф между канализационным коллектором и склепом 1/2006 В очень плохом состоянии
159	Констанций II (?) IV в. 16 мм; 1,9 г; ↑	Л. с. Портрет императора вправо [DN] CONST [ANTIVS PF AVG] Об. с. Император в латах поражает конного врага копьем сверху, опираясь правым коленом на коня; [FEL TEMP REPARATIO/]	Склеп 4/2006, засыпь камеры
160	IV в. АЕ 2, 23 мм	Нечитаемая	Склеп 4/2006, засыпь камеры, сильно корродирована
161	Констанций II, 337–361 гг. 14 мм; 1,1 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо [DN CONST] ANTIVS PF AVG Об. с. Император в рост влево, в правой руке державка, у правого колена щит, в левой руке лабарум; [SAL] VS REI [PVBLICA]	Склеп 4/2006, засыпь камеры
162	Валент, 364–378 гг. 15x13 мм; 1,5 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо; [DN VALENS PF AVG] Об. с. Император в рост выступает вправо, на левой руке Нике; [GLORIA ROMANORVM/?]	Склеп 4/2006, засыпь камеры

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
163	Константин II (цезаря), 317–337 гг. 15 мм; 2,0 г; ↓	Л. с. Бюст цезаря Константина без диадемы вправо; DN C [ONSTANT] INVS Об. с. Император в рост, правую руку протягивает к коленопреклоненной фигуре слева, в правой лабарум	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
164	Констант I, 337–350 гг. 16 мм; 1,6 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN [CO] NST [A] NS [PF AV] G Об. с. Император в латах поражает конного врага копьем сверху, F [EL TEMP] REPARATIO/?	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
165	Валентиниан II, 375–383 гг., Константинополь 17 × 15 мм; 2,0 г; ↓	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо DN VALENTINIANVS PF [AVG] Об. с. Нике влево; SALVS [REIPVBLICA]/CONSA	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
166	Валент, 364–378 гг., Антиохия 15 мм; 2,1 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо [DN VALE] NS PF AVG Об. с. Император в рост вправо, правой рукой тащит пленного за волосы, слева перед собой — лабарум GLORIA [ROMANORVM]/ANTE	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
167	Валент, 364–378 гг., Константинополь 15,5 мм; 1,4 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо [DN VALEN] S PF AVG Об. с. Император в рост вправо [.....]/CONS	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
168	Лев I, 457–474 гг., Херсонес. 21 мм; 2,8 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN LEO [PE] RPETA [VG] Об. с. Император с лабарумом шагает вправо, в левой руке держава, у левой ноги связанный пленник; SALVS REIPVBLICA/CON	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,2 м от поверхности
169	Константин I, 312–337 гг. 22 мм; 3,2 г; ↓	Л. с. Бюст императора Константина в венке вправо; IMP CONSTANTINVS PF AVG Об. с. Женская фигура с поворотом влево, слева буква?, справа F,...IC.....DMITI/ΔT.	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
170	Констант I, 337–350 гг., Никомедия 15 мм; 1,9 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANS [PF AVG] Об. с. Император в латах поражает конного врага копьем сверху, опираясь коленом на крестец коня. [FEL TEMP REPARA] TIO/SMNS	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
171	Константин II, 337–340 гг., Гераклея 18,5 мм; 2,4 г; →	Л. с. Бюст императора Константина в диадеме вправо; [DN C ONST] ANTI [NVS PF] AVG Об. с. Два легионера в зеркальном отображении по сторонам от двух значков когорт. • GLORIA EXERCITVS/•SMHB•	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
172	Константин II, 337–340 гг., Антиохия 15 мм; 1,1 г; →	Л. с. Голова императора Константина в диадеме из точек вправо; CONSTANTI [NVS AVG] Об. с. Два легионера в зеркальном отображении по сторонам от двух значков когорт. [GLORIA] EXER [CI] TVS/SMANΔI	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
173	Констанций II, 337–361 гг., Гераклея 15 мм; 1,5 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо DN CONSTANTI [VS PF AVG] Об. с. Император в рост влево, в правой руке держава, у правого колена щит, в левой руке лабарум; GLORIA EXERCITVS/SMHB	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
174	Херсонес, 192–211 гг., трессис (Анохин, 1977, № 284) 20,5 мм; 5,1 г; ↓	Л. с. Фигура Асклепия в рост, надпись ХЕР ретроградно Об. с. Фигура Гигиены в хитоне, левая рука вытянута со сферой, правая согнута в локте, по сторонам буквы E N E, точечный ободок	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
175	Юлиан Отступник, цезаря, до 361 г, Кизик 15 мм, 2,1 г; →	Л. с. Бюст цезаря вправо; [DN] IVLIANVS NOV C Об. с. Ростовая фигура императора влево, в правой руке держава, в левой — лабарум [O] SPES [REIPVBLIC] A/SMKT	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
176	Констанций II, 337–361 гг., Кизик 16 мм, 2,3 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах, щит на левом плече, влево пронзает копьем сверху конного варвара, под ногами императора щит. [FEL TEMP] REPARATIO/SMKA	Склеп 8/2006, вокруг северо-западного угла дромоса, 0,4–0,5 м от поверхности
177	Валентиниан II, 375–383 гг., Фессалоники 22,5 мм; 5,8 г; ↓	Л. с. Бюст императора в кавалерийском шлеме с гребнем и диадемой вправо, перед грудью вправо копье [D] N VALEN [TINIAN] VS [PF AVG] Об. с. Император в рост влево на галере, правая рука поднята с открытой ладонью, у левой ноги пленник, слева Δ; [G] LORIA RO [MA] NORVM/TESA	3 м к С — 3 от дромоса склепа 8/2006, 0,5 м от поверхности
178	IV в. АЕ4, 15 мм; 0,6 г; →	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Император шатает вправо, слева рукой удерживает пленного за волосы	Над склепом 9/2007, 2 м севернее; 0,4–0,5 м от поверхности, обломок в 3/5 монеты
179	Констанций II (?) 337–361 гг. 15 мм; 1,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Император в рост шагает вправо, перед собой держит лабарум, позади себя за волосы держит пленника, стоящего на коленях; легенда не читаема, край монеты утрачен	Над склепом 9/2007, 2 м севернее; 0,4–0,5 м от пов-ти, обломок в 3/5 монеты
180	Анастасий I, 491–518 гг., декауумий 14 мм; 2,2 г; ↓	Л. с. Портрет императора вправо в диадеме, [DN ANA] STASIUS PF AVG Об. с. «Йота» в центре, слева дифферент Є, круговая надпись [CONCO] RD [IA]	Над склепом 9/2007, 2 м севернее; 0,4–0,5 м от поверхности, обломок в 3/5 монеты
181	Констант I, 337–350 гг., Никомедия 14,5 мм; 1,8 г; ↓	Л. с. Портрет императора в диадеме из крупных звеньев вправо; DN CONSTANS PF AVG Об. с. Круговой венки, в нем VOT XX MVLT XXX/SMNO	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса
182	Констант I, 337–350 гг., 17 мм; 1,2 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме из крупных звеньев вправо; [DN CO] NSTANS PF AVG. Об. с. Две Ники с венками в поднятых руках лицом друг к другу, круговая легенда: [VI] STORIAE [.] DAV [..]/?	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса
183	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Гераклея. 13,5 мм; 1,1 г; →	Л. с. Портрет императора Константина I в накидке вправо; CONSTANTINVS PT AVCC Об. с. Ростовая фигура в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMH [Δ]	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
184	IV в., АЕ4, 12 мм; 1,3 г; →	Л. с. Голова императора в точечной диадеме вправо Об. с. Император в латах влево поражает копьем конного врага сверху, опираясь коленом о крестец коня	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса. Маломодульная, легенда за краем.
185	IV в., АЕ4, 12 мм; 1,3 г; →	Л. с. Портрет императора вправо Об. с. Ростовая фигура с лабарумом	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса, сильно стерта
186	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15 мм; 1,5 г; →	Л. с. Портрет императора в точечной диадеме вправо; DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Два легионера в доспехах с копьями опираются на щиты с внутренней стороны, в зеркальном отображении, между ними штандарт когорты; [VIRTV] SEXERCITVS/SMANCI	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса
187	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, Гераклея 16 мм; 1,6 г; →	Л. с. Бюст императора в кавалерийском шлеме с диадемой влево; CONSTAN [TIN] OPOLI [S] Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/•SMHB	Склеп 10/2007, засыпь вокруг дромоса
188	IV в., АЕ4, Антиохия 14,5 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. Портрет императора в точечной диадеме вправо Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/SMANΔ	Склеп 10\2007 г., камера склепа, слева у ступеней
189	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 14 мм; 1,5 г; 135°	Л. с. Портрет императора вправо; [DN CON] STANTIVS [PF AVG] Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/SMAN [B]	Склеп 10\2007 г., камера склепа, слева у ступеней
190	Констанций II, 337–361 гг., Рим 17 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; [CONSTAN] TIVS PF AVG Об. с. Император в латах влево, поражает копьем конного врага сверху; FEL TEMP [RE] PARATIO/RP	Склеп 10\2007 г.; левый дальний угол камеры
191	IV в., АЕ4, 14 мм; 0,6 г; ?	Л. с. Портрет императора Об. с. Вероятно, как у № 190	Склеп 10\2007 г.; левый дальний угол камеры
192	Констанций II, 337–361 гг., Лугдунум 17×13 мм (обломана при чеканке); ↓; 1,6 г	Л. с. Бюст императора вправо; [C] ONSTANTIVS PF [AVG] Об. с. Император в латах влево, поражает копьем конного врага сверху; FE [LTEMP REPARATIO]/SMLS	Склеп 10\2007 г.; левый локул
193	IV в., АЕ4, 13 мм; 0,5 г; →	Л. с. Портрет императора вправо Об. с. Два легионера по сторонам от значка когорты	Склеп 10\2007 г.; левый локул, сильно корродированна
194	Констант I, 337–350 гг., Антиохия 14 мм; 1,5 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; [C] ONSTA [NS PF AVG] Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/SMAN	Склеп 10\2007 г.; левый локул
195	Константин I, 312–337 гг., Гераклея 19 мм; 2,5 г; ↓	Л. с. Бюст императора в венке вправо; CONSTAN [.....]. Об. с. В центре венка, в нем VOT XX, вокруг венка надпись, не читаема;/SMHA (?)	Склеп 10\2007 г.; левый локул
196	IV в., АЕ4, Коммеморативный выпуск, 13,5 мм; 1,2 г; →	Л. с. Портрет императора Константина I в накидке вправо; [CONSTANTINVS PF AVGG] Об. с. Ростовая фигура в тоге вправо, по сторонам девиз VN — MR	Склеп 10\2007 г.; левый локул

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
197	Констант I, 337–350 гг. 15×13 мм; 1,1 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; [DN CONSTA] NS PF AVG Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/?	Склеп 10\2007 г.; левый локул
198	Констанций II, 337–361 гг., Фессалоника 15 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; DN CONSTANT [IVS PF AVG] Об. с. Император в латах влево поражает копьем конного врага сверху, опираясь коленом о крестец коня; FEL TEMP RE [PARATIO]/SMTS	Склеп 10\2007 г.; левый локул
199	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 16 мм; 1,1 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/SMAN EI.	Склеп 10\2007 г.; левый локул
200	Херсонес, 253–268 гг., дупондий (Анохин № 307) 18×19 мм; 3,3 г; →	Л. с. Бюст императора вправо; ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ Об. с. Дева в хитоне вправо, у ног олень, в левой руке лук, вокруг точечный ободок; ΧΕΡΣ [Ο] ΝΙΣΟΥ	Склеп 10\2007 г.; левый локул
201	IV в., А4, 15 мм; 1,3 г; —	Л. с. Портрет императора (?) Об. с. Неразличима	Склеп 10\2007 г.; левый локул
202	IV в., А3, Гераклея 17 мм; 1,3 г; →	Л. с. Бюст правителя (цезаря) вправо. FL CL [.....] Об. с. Два легионера по сторонам от двух значков когорт; [VIR] T [VS EXERC] TVS/SMHB	Склеп 10\2007 г.; левый локул
203	IV в., А4, Коммеморативный выпуск, Никомедия 15 мм; 1,3 г; ↓	Л. с. Портрет императора Константина I в накидке вправо; [CONSTANTINVS PT AVCC] Об. с. Ростовая фигура в тоге вправо, по сторонам девиз VN — MR/SMNB	Склеп 10\2007 г.; левый локул
204	Валент, 364–378 гг., Константинополь 18 мм; 2,4 г; ↓	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо. DN VALENS PF AVG Об. с. Император в рост с лабарумом в левой руке выступает вправо, правой рукой держит коленопреклоненного пленника за волосы. GLORIA ROMANORVM/CONS•	Склеп 10\2007 г.; левый локул
205	IV в? 16×15 мм; 0,6 г (остаточный вес);?	Л. с. Бюст императора? Об. с. Не читается	Склеп 10\2007 г.; левый локул
206	Констант I, 337–350 гг., Кизик 15 мм; 1,7 г; ↓	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо; DN CONSTANS PF AVG Об. с. Венок в нем VOT XX MVLT XXX/SMKA	Склеп 10\2007 г.; левый локул
207	Констант I, 337–350 гг., Фессалоника 15 мм; 1,5 г; ↓	Л. с. Портрет императора в диадеме из крупных звеньев вправо; DN CONSTA [NS PF AVG] Об. с. Ввенок в нем VOT XX MVLT XXX/SMTSO	Склеп 10\2007 г.; левый локул
208	IV в., А4, Коммеморативный выпуск, Гераклея 15 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. Портрет императора Константина I в накидке вправо; CONSTANTINVS PF AVCC Об. с. Ростовая фигура в тоге вправо, по сторонам VN — MR/SMH...	Склеп 10\2007 г.; левый локул
209	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 14 мм (с утратами по краю); 1,1 г; →	Л. с. Портрет императора в диадеме вправо DN CONS [TANTIVS PF AVG] Об. с. Венок VOT XX MVLT XXX/SMNS	Склеп 10\2007 г.; левый локул
210	Констанций II, 337–361 гг., Гераклея 13 мм; 1,8 г; ↓	Л. с. То же, что и № 209; [DN CONSTAN] TIVS PF AVG Об. с. То же, что № 209/SMHB	Склеп 10\2007 г.; левый локул

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
211	Констанция II, 337–361 гг., Кизик 15 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. То же, что и № 209; DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. То же, что и № 209/SMKD	Склеп 10\2007 г.; левый локул
212	Констанций II, 337–361 гг., Гераклея 16,5 мм; 1,7 г; →	Л. с. То же, что и № 209; DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Два легионера по сторонам двух значков когорт VIRTUS EXERCITVS/SMHA	Склеп 10\2007 г.; левый локул
213	Констанций II, 337–361 гг., Антиохия 15,5 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. То же, что и № 209; DN CONSTAN [TIV] S PF AVG Об. с. То же, что и № 209/SMANB	Склеп 10\2007 г.; левый локул
214	Констант I, 337–350 гг., Никомедия 14,5 мм; 1,4 г; →	Л. с. То же, что и № 209; DN CONSTAN [S PF AVG] Об. с. То же, что и № 209/SMN...	Склеп 10\2007 г.; левый локул
215	Валентиниан II, 375–383 гг., Никомедия 23 мм; 4,3 г; ↓	Л. с. Бюст императора в шлеме с гребнем и диадемой вправо; DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Император в рост на галере вправо, справа у ног связанный пленник, правая рука поднята вверх, в левой лабарум GLORIA ROMANORVM/SMNK	Склеп 10/2007 центральный локул, в ногах погребенного
216	Элия Флакцилла, 378–395 гг. 22,5 мм; 5,0 г; ↓	Л. с. Бюст Элии Флакциллы в диадеме вправо; AELFLACCILLA AVG Об. с. Ростовая фигура в тоге, справа внизу крест [SALVS REIPVB] LICAE/CON...	Склеп 10/2007 правый локул, в головах погребенных, дальше от входа
217	Валентиниан II, 375–383 гг., Сисция 22×20,5 мм; 3,4 г; →	Л. с. Бюст императора в шлеме в диадеме вправо; DN VALENTINIANVS PF AVG Об. с. Император в рост, на левой руке венчающая его Ника, правую подает для лобзания коленопреклоненному варвару-царьку в трехзубой короне; [REPARATIO REIPVB]/[AS] IS [C]	Склеп 10/2007 правый локул, в головах погребенных, дальше от входа
218	Констанций II, цезарь 317–337 гг., Антиохия 19 мм; 2,1 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в рост с лабарумом вправо, попирает ногой пленника на коленях, в левой руке держава; VIRTUS EXERCITVS/CONI	Склеп 10/2007 правый локул, в ногах погребенного, ближе к выходу
219	Феодосий I, 378–395 гг., Константинополь 22 мм; 4,2 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо; DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в рост с лабарумом вправо, попирает ногой пленника, в левой руке держава; VIRTUS EXERCITVS/CONI	Склеп 10/2007 правый локул, в ногах погребенного, ближе к выходу
220	IV в., АЕ2, Никомедия 22 мм; 3,0 г (остаточный вес); →	Л. с. Бюст императора вправо Об. с. Не читается, под чертой SMN...	Склеп 10/2007 правый локул, в ногах погребенного, ближе к выходу, сильно корродирована
221	Лициний I, 308–324 гг., с отверстием, Кизик 23 мм; 2,4 г; ↓	Л. с. Бюст императора в венке вправо; IMPENHLICINLICINIVS PF AVG Об. с. Фигура в рост Юпитера-Хранителя, на правой руке держит Нике; IOVI CONSERVATORI/SMK	Склеп 10\2007 г., взрослый на полу слева, у правой руки
222	IV в., АЕ3, с отверстием 15×18 мм; 1,6 г; ↓	Л. с. Бюст императора влево Об. с. Фигура в рост	Склеп 10/2007 г., подросток на полу слева, у головы

№	Тип, параметры	Описание	Примечание, локализация
223	Констанций II, 337–361 гг. 15 мм; 1,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо; DN CONSTAN [TIVS PF AVG] Об. с. Венок, в нем [VOT XX MVLT XXX]/?.	Склеп 10/2007 г., подросток на полу слева, на уровне плеч
224	Констанций II, 337–361 гг. Оригинал диам. ок. 20 мм; обломок в 1/3 монеты	Л. с. Бюст императора вправо; [DN CONSTAN] TIVS PF AVG Об. с. Император в доспехах поражает копьем сверху конного врага; FEL TEMP [REPARATIO [/CON...	Склеп 10/2007 г. перед порогом слева
225	Феодосий I, 378–395 гг., Никомедия 21 мм; 4,1 г; →	Л. с. Бюст императора вправо; DN THEODOSIVS PF AVG Об. с. Император в рост вправо, попирает ногой связанного пленника на коленях, в правой руке лабарум, в левой руке держава; VIRTVS EXERCITVS/CONI	Склеп 1/2006, 1,2 м севернее С — В угла дромоса
226	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 16 мм; 1,5 г; ↓	Л. с. Бюст императора вправо; DN CONSTANTIVS [PF AVG]. Об. с. Император в рост влево, в правой руке держава, в левой копье; SPESREIPUBLICA/SMNB	Склеп 10/2007 г., 0,8 м южнее юго-западного угла дромоса
227	Констанций II, 337–361 гг., Никомедия 13 мм; 1,3 г; →	Л. с. Бюст императора в диадеме вправо DN CONSTANTIVS PF AVG Об. с. Венок, в нем VOT XX MVLT XXX/[SM] N [A]	Склеп 10/2007 г., 0,8 м южнее юго-западного угла дромоса
228	Феодосий II или Валентиниан III, 408– 455 гг., Херсонес (Коршенко, 2000, с. 226–246) 21 мм; 3,9 г; ↑	Л. с. Бюст императора в шлеме с копьем и щитом вправо [DN THEODOSIVS PF AVG] Об. с. Две фигуры в рост, между ними процессионный крест [CONCORDIA AVG]	Склеп 1/2006, в вынесенном из камеры склепа грунте
229	Феодосий II или Валентиниан III, 408– 455 гг., Херсонес (Коршенко, 2000, с. 226–246) 20,5×18 мм; 3,6 г; ↑	Л. с. Бюст императора в шлеме с копьем и щитом вправо [DN THEODOSIVS PF AVG] Об. с. Две фигуры в рост, между ними процессионный крест [CONCORDIA AVG]	Склеп 1/2006, в вынесенном из камеры склепа грунте

ЛИТЕРАТУРА

- Ведешкин М. А. Кодекс Феодосия «О язычниках, жертвоприношениях и храмах» // Научные ведомости БелГУ. Серия История. 2013. Вып. 27. № 15 (128). С. 38–47.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 1982. 146 с.
- Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. 188 с.
- Зубарь В. М. По поводу датировки новых христианских склепов некрополя Херсонеса — Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2009. С. 182–186. (БЧ, вып. X).
- Зубарь В. М., Робустова А. В. Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 135–141.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1: Описание и исследование памятников. СПб., 1914. XVIII, 537 с., 2 л. ил.
- Стоянов Р. В. Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum plus. 2000. № 3. С. 129–140.
- Ступко М., Серебряков С. Монетные приношения на «Святых могилах» некрополя Херсонеса в Карантинной балке. К постановке проблемы // Культів та поховальні пам'ятки у Вісло — Дніпровському регіоні: проблеми інтерпретації. Збірник наукових праць. Львів; Винники, 2014. с. 204–225. (Наукові Студії. Вип. 7).
- Ступко М. В., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А. О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // Sacrum et Profanum III. Севастополь, 2007. С. 189–192.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
- Туровский Е. Я. К вопросу о датировке херсонесских раннехристианских склепов у Загородного храма Богородицы Влахернской // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента». Севастополь, 2013. С. 334–339.
- Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты Античного и Средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь, 2013. 160 с.

REFERENCES

- Vedeshkin M. A. Kodeks Feodosiia «O iazychnikakh, zhertvoprinosheniakh i khramakh». *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istorii*, 2013, iss. 27, no. 15 (128), pp. 38–47.
- Zubar' V. M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e.* Kiev, 1982. 146 p.
- Zubar' V. M. *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa.* Kiev, 2005. 188 p.
- Zubar' V. M. Po povodu datirovki novykh khristianskikh sklepov nekropolia Khersonesa-Khersona. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia.* Kerch', 2009, pp. 182–186. (Bosporskie chteniia, iss. X).
- Zubar' V. M., Robustova A. V. Dva novykh rannesrednevekovykh sklepa Zapadnogo nekropolia Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1988, iss. 24, pp. 135–141.
- Rostovtsev M. I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. Tom 1: Opisanie i issledovanie pamyatnikov.* Saint Petersburg, 1914, XVIII, 537 p., 2 pl.
- Stoianov R. V. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo klassicheskogo i ellinisticheskogo periodov: istoriia izucheniia, problematika. *Stratum plus*, 2000, no. 3, 129–140.
- Stupko M., Serebriakov S. Monetnye prinosheniia na «Sviatykh mogilakh» nekropolia Khersonesa v Karantinnoi balke. K postanovke problemy. *Kul'tovi ta pokhova'l'ni pam'iatki u Vislo-Dniprov's'komu regionu: problemi interpretatsii. Zbirnik naukovikh prats'.* L'viv; Vinniki, 2014, pp. 204–225. (Naukovi Studii, iss. 7).
- Stupko M. V., Turovskii E. Ia., Filippenko A. A. O sud'bakh raspisnykh sklepov pervykh khristian Khersonesa. *Sacrum et Profanum III.* Sevastopol', 2007, pp. 189–192.
- Tunkina I. V. Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.). Saint Petersburg, 2002, 676 p.
- Turovskii E. Ia. K voprosu o datirovke khersonesskikh rannekhristsianskikh sklepov u Zagorodnogo khrama Bogoroditsy Vlahernskoi. *Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Cerkovnaya arheologiya: Hersones — gorod svyatogo Klimenta».* Sevastopol', 2013, pp. 334–339.
- Turovskii E. Ia., Gorbatov V. M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'.* Simferopol', 2013, 160 p.

РЕЗЮМЕ

В статье приводятся результаты исследований 2006–2007 гг. на участке раннехристианского некрополя Херсонеса в Карантинной балке возле храма Богородицы Влахернской. Дается описание и интерпретация фресковых росписей и граффити из склепов. На основании анализа полученных материалов устанавливается датировка функционирования комплекса и делаются выводы об однозначной принадлежности данных погребальных сооружений ранним христианам Херсонеса.

Ключевые слова: Херсонесский некрополь, ранние христиане, фресковые росписи, граффито, позднеримские монеты.

M. V. Stupko, E. Ya. Turovsky, A. A. Filippenko

PLOT OF CHRISTIAN NECROPOLIS OF IV–V CENTURY NEAR THE TEMPLE OF THE VIRGIN OF BLACHERNAE IN QUARANTINE GULCH (RESEARCH OF 2006–2007)

SUMMARY

The article presents the results of research 2006–2007 years on the site of the early Christian necropolis of Chersonesus in the Quarantine beam near the church of the Virgin of Blachernae. The description and interpretation of fresco paintings and graffiti from crypts are given. Based on the analysis of the obtained materials, the dating of the functioning of the IV–VAD complex is established, and conclusions are drawn about the unambiguous belonging of these burial structures to the early Christians of Chersonesos.

Keywords: Chersonesos necropolis, early Christians, fresco paintings, graffiti, late Roman coins.

Рис. 1. Спутниковый снимок объектов Херсонеса, доступных для археологических исследований: 1 — городище; 2 — западный некрополь; 3 — некрополь в Карантинной балке.

Рис. 2. Спутниковый снимок участка некрополя возле храма Богородицы Влахернской: 1 — руины храма; 2 — участок исследований 2006–2007 гг.; 3 — склеп 2086 (1905 г.); 4 — кремация 1/2006; 5 — склеп 11/2007; 6 — склеп 12/2007.

Рис. 3. Некрополь в Карантинной балке, вид с юго-востока:
1 — руины храма Богородицы Влахернской; 2 — участок исследований в 2006–2007 гг.;
3 — участок некрополя на берегу Карантинной бухты на территории войсковой части.

Рис. 4. Некрополь в Карантинной балке, вид с северо-запада от ул. Дм. Ульянова.

Рис. 5. Фрагмент сводного плана городища и некрополя Херсонеса Н. Янышева 1936 г.

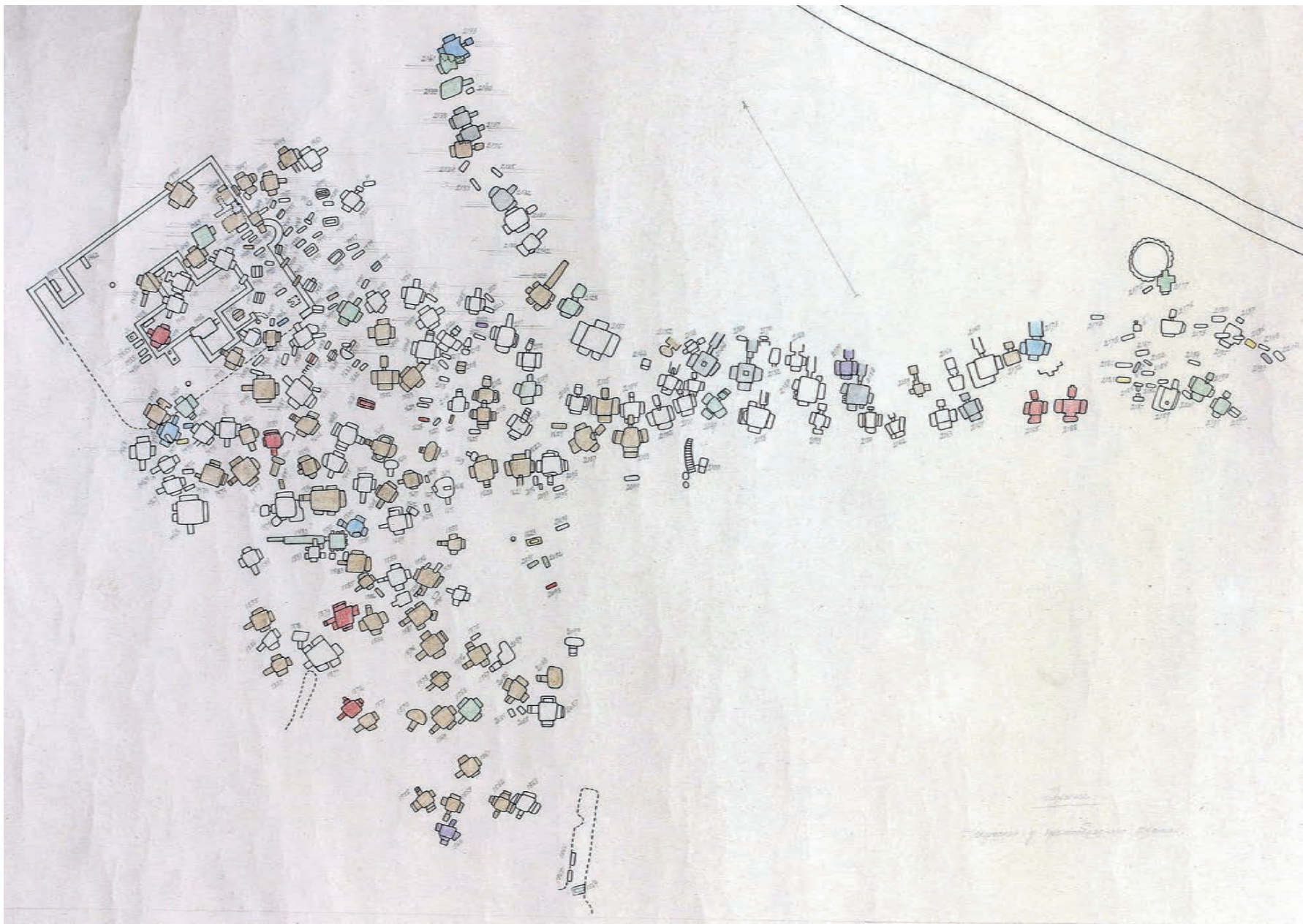

Рис. 6. Участок некрополя возле храма Богородицы Влахернской на плане М. И. Скубетова 1903 г.

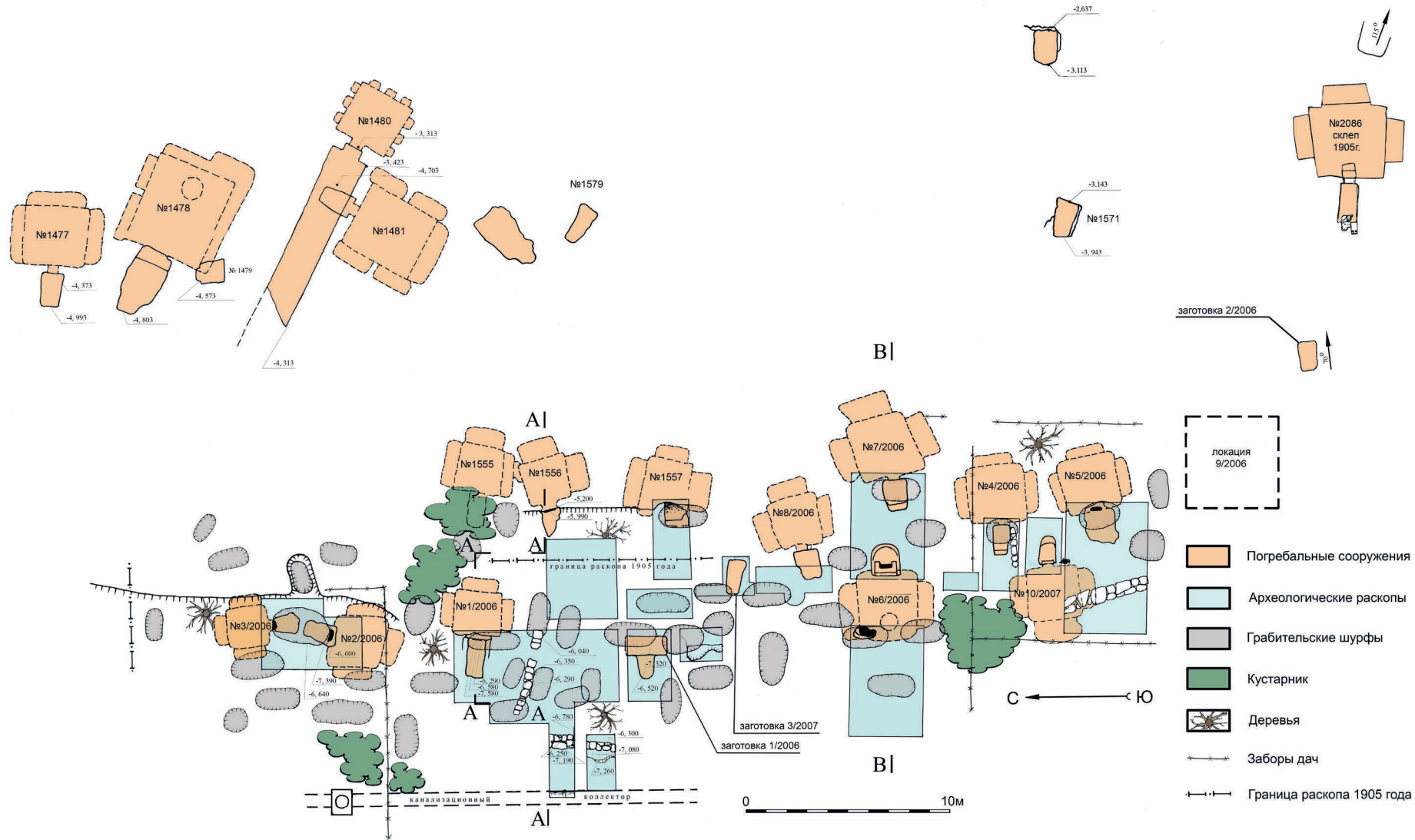

Рис. 7. План участка некрополя, исследованного в 2006–2007 гг.

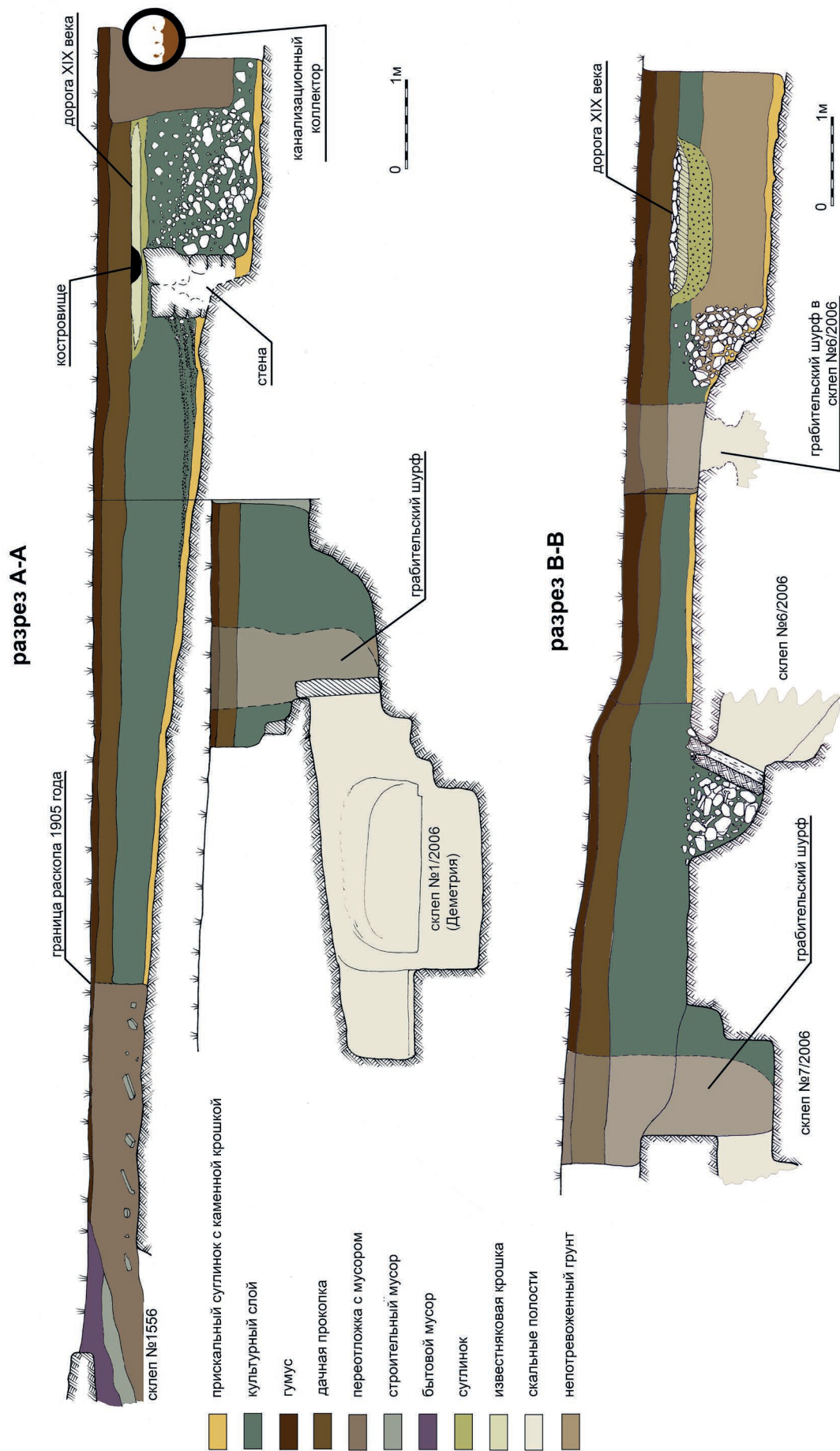

Рис. 8. Стратиграфические разрезы участка исследований 2006-2007 гг.

склеп 1/2006 (Деметрия)

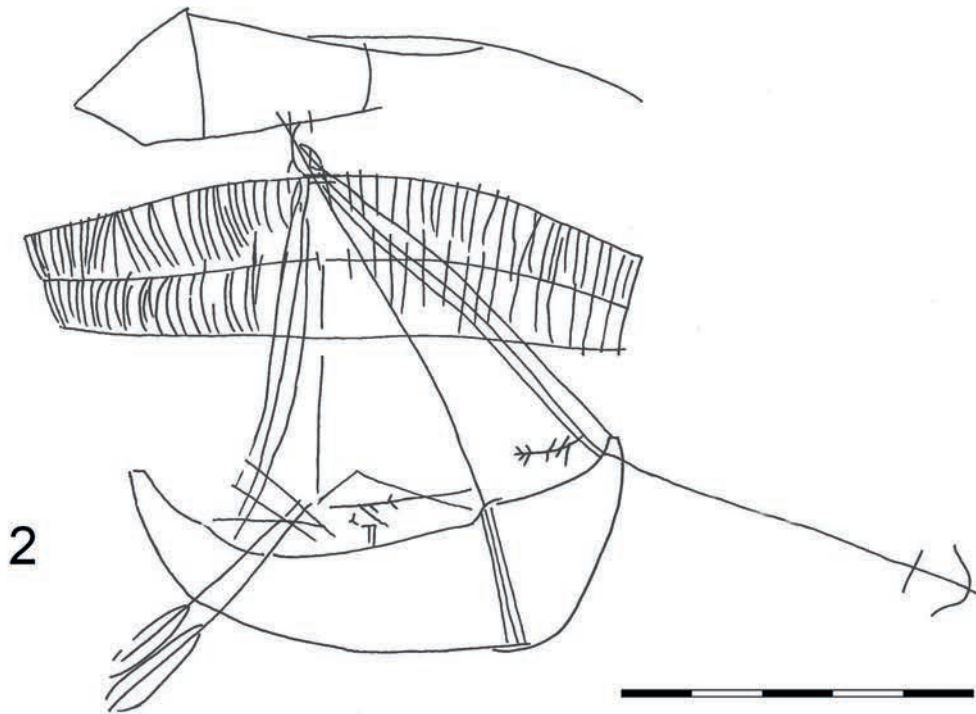
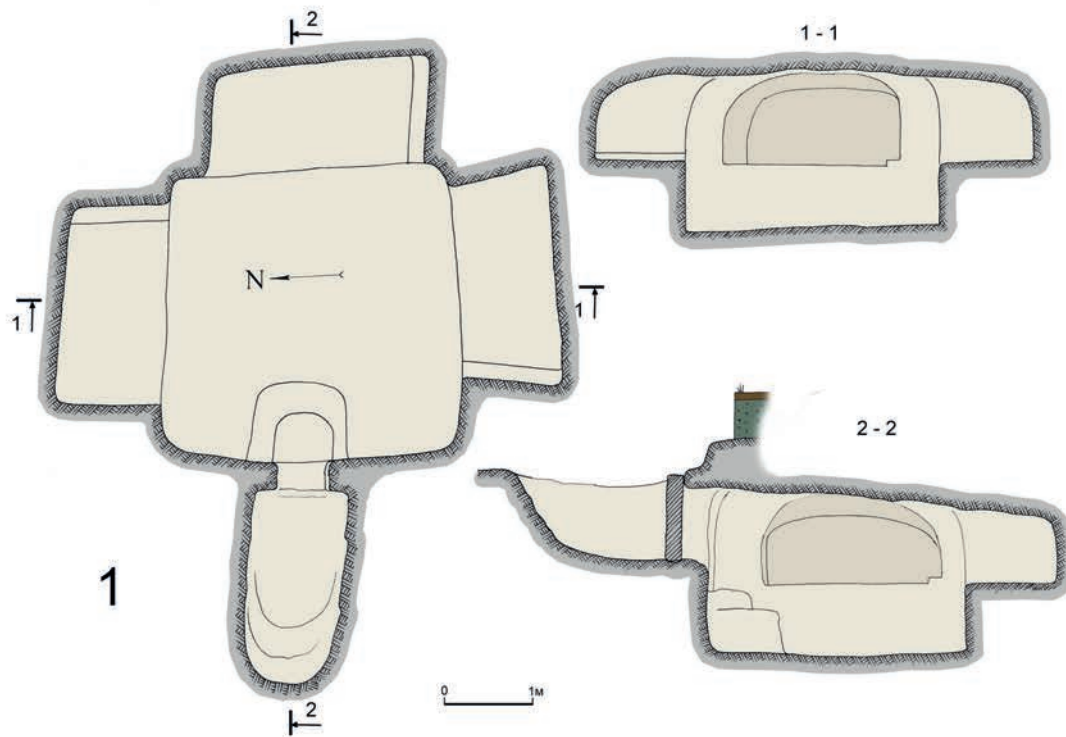

Рис. 9. Склеп 1/2006 (Деметрия):
 1 — план и разрезы склепа;
 2 — вариант реконструкции изображения парусного корабля на потолке склепа.

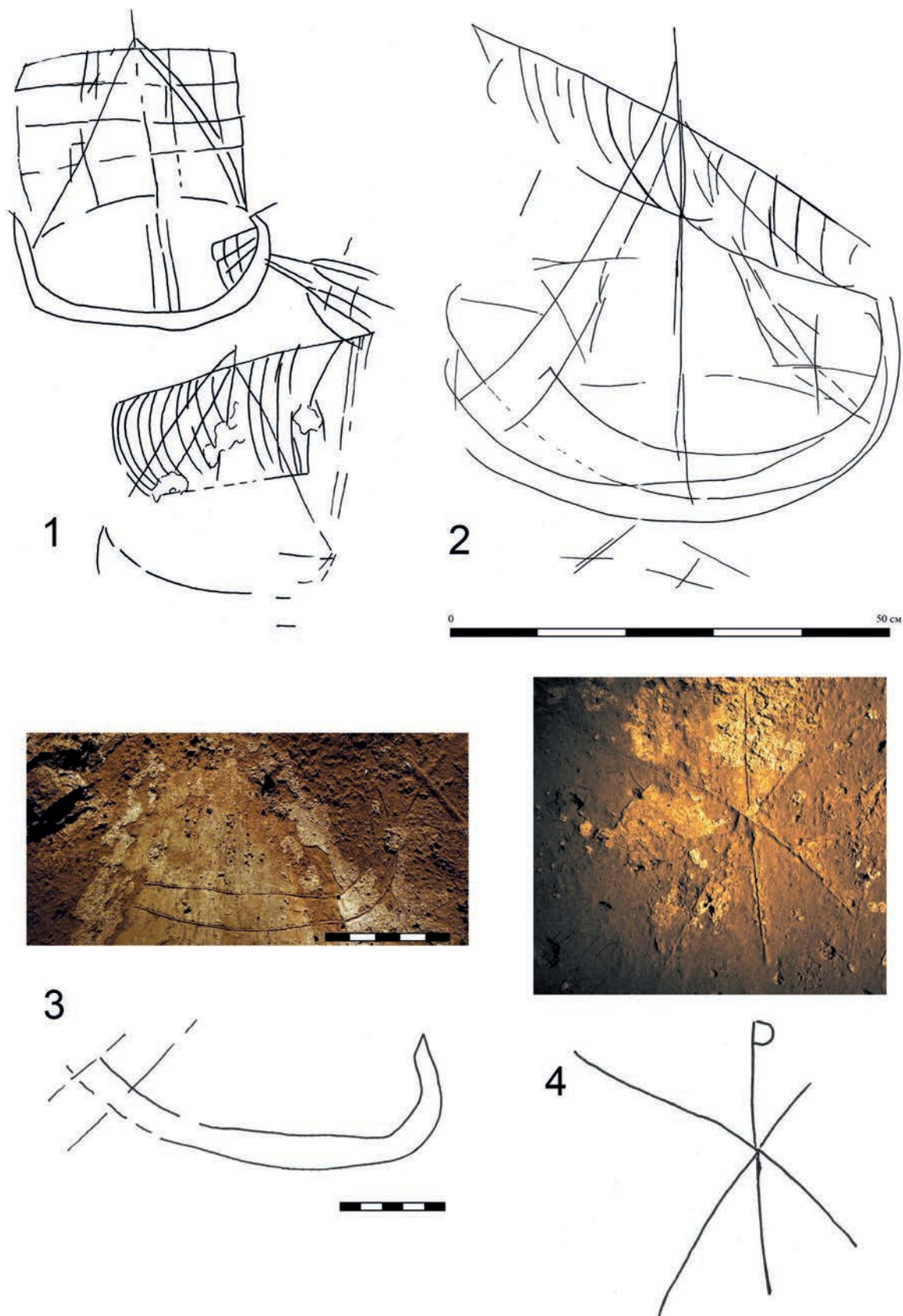
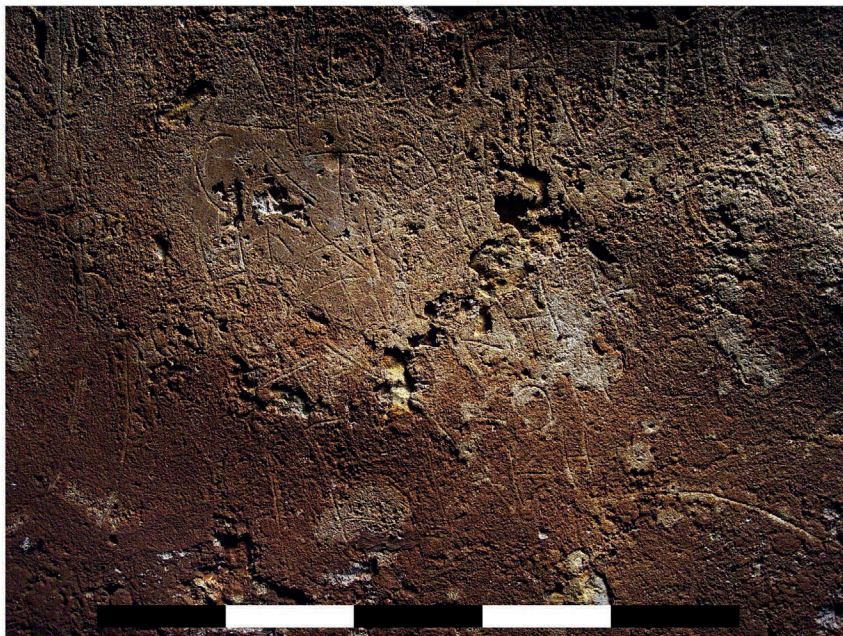

Рис. 10. Граффити в склепе 1/2006:
1 — вариант реконструкции изображений кораблей между центральным и правым локулами;
2 — изображение корабля на потолке склепа;
3 — изображение ладьи на стенке в правом углу камеры слева от входного лаза;
4 — изображение хризмы между входом и левым локулом.

1

ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ
 ΣΑΤΟΚΝΙΟΥ
 ΗΡΑΚΛΕΩΣ
 ΠΕΙΡΑΤΙΣ
 ΤΑΥΤΩΝ Η
 ΠΡΑΚΤΩΝ
 ΚΑΚΟΝΟΜΩΝ
 ΚΥΡΑΚΩΝ

2

ΤΗΜΕ ΧΙΜΙ ΣΗΡΑΚΛΕ
 ΟΤΗΣ ΜΗΝΗ
 ΕΓΡΑΥΕΝ ΧΑΡΙΝ

Рис. 11. Склеп 1/2006: 1 — надпись-эпитафия Деметрия Сторнина на потолке камеры; 2 — памятная надпись Телехния Гераклиота на боковой стенке центрального локула.

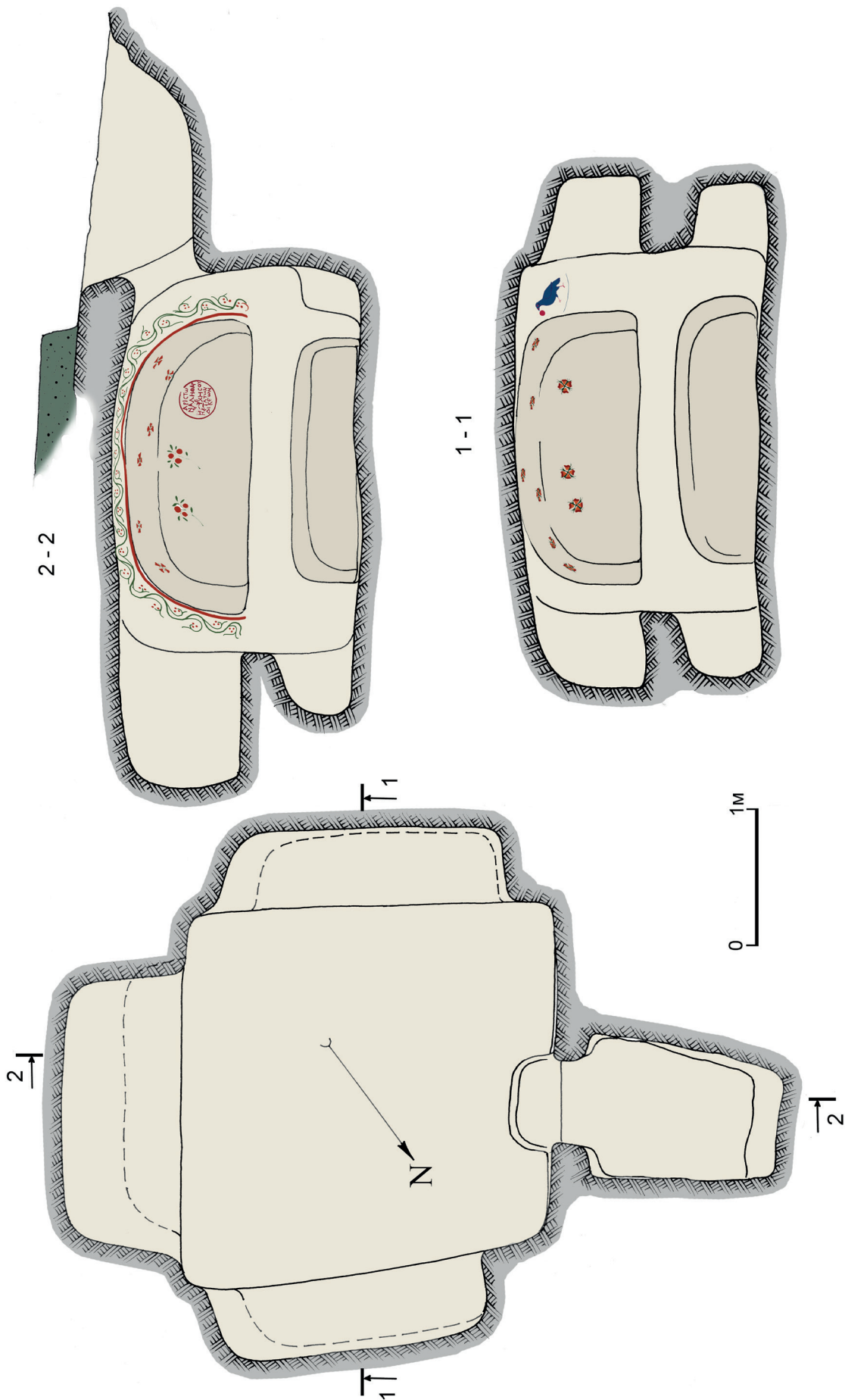

Рис. 12. Склеп 2/2006 (Аристона), план и разрезы.

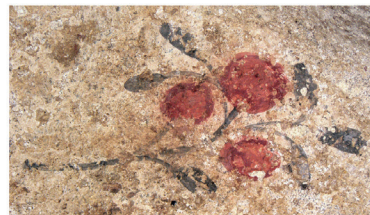

Рис. 13. Склеп 2/2006: 1, 2 — хризма в венке на потолке камеры, фото и вариант реконструкции;
3 — фресковая роспись правого локула; 4, 5 — медальон с эпитафией праведного Аристана;
6, 7 — ветка с плодами (гранат?), фото и вариант реконструкции.

Рис. 14. Склеп 2/2006: 1 — роспись левого локула; 2, 3 — растительная гирлянда и смоквы, фото и вариант реконструкции; 4-6 — цветы «константинки», фото и вариант реконструкции; 7, 8 — изображение птицы (куропатки?) с плодом в клюве; 9 — расположение изображения птицы на простенке между центральным и правым локулами; 10 — фрагмент прорисовки изображения птицы в росписи склепа 1909 г.

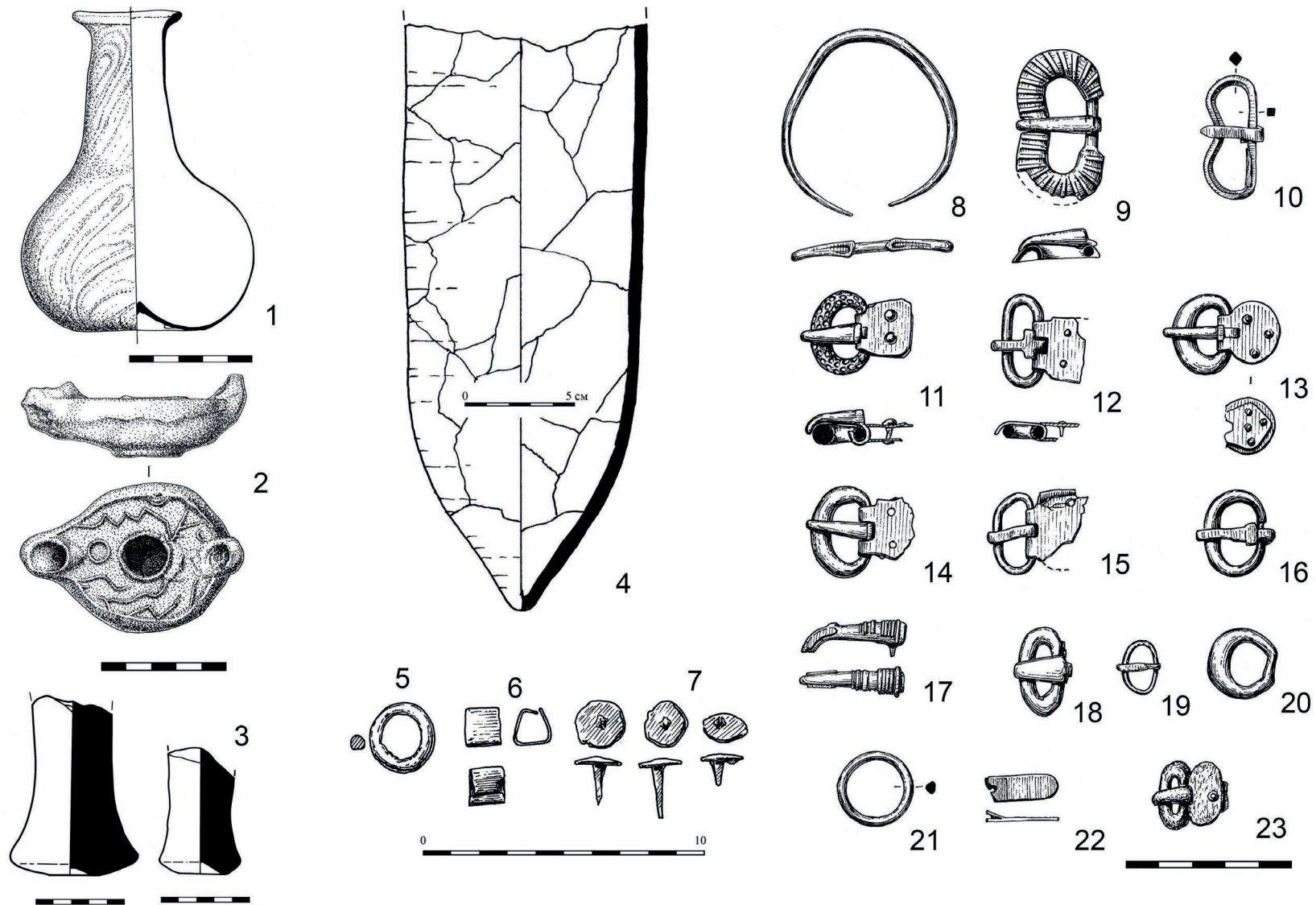
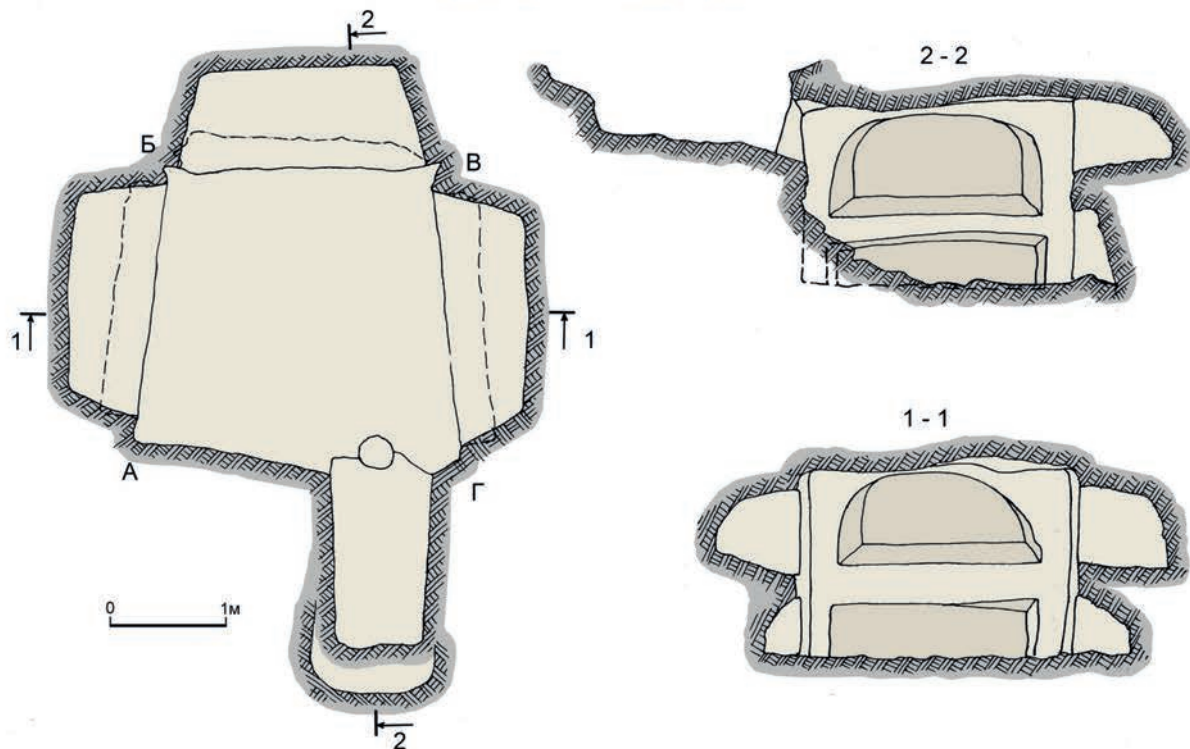

Рис. 15. Материалы из склепов 1/2006 и 2/2006 и пространства возле них:
 1 — стеклянный флакон (скл. 2/2006); 2 — светильник (скл. 1/2006); 3 — ножки амфор, Менды (слева) и Гераклеи (справа);
 4 — амфора, использовавшаяся как вазон (возле дромоса скл. 1/2006); 5, 6, 7 — металлические изделия (скл. 2/2006);
 8-14, 17, 20, 23 — пряжки (скл. 2/2006); 15, 16, 18, 19, 20, 22 — пряжки (скл. 1/2006);
 21 — бронзовое фурнитурное колечко.

склеп 4/2006

склеп 5/2006

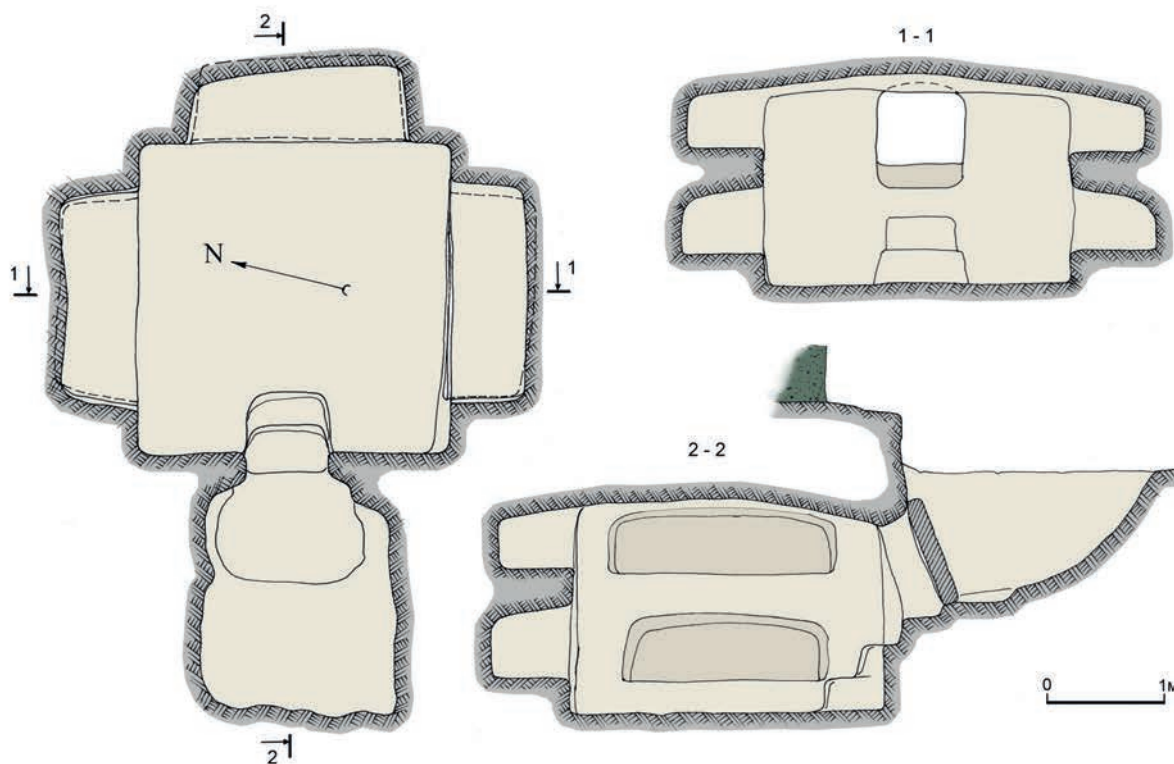

Рис. 16. Планы и разрезы склепов:
1 — склеп 4/2006 (по чертежам В. В. Моора и И. А. Снитко);
2 — склеп 5/2006.

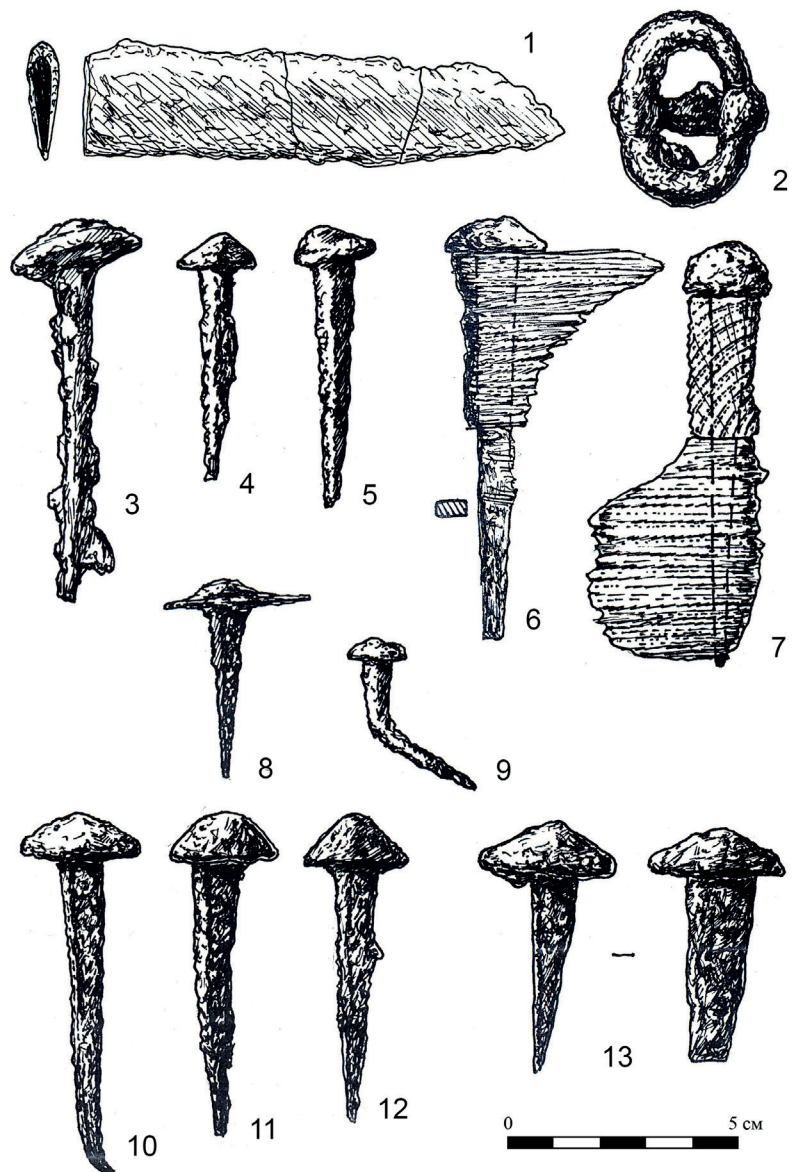

Рис. 17. Изделия из железа:
1 — клинок ножа (скл. 2/2006); 2 — пряжка (скл. 5/2006);
3-5 — гвозди (кремация 1/2006); 9-11, 13 — гвозди (скл. 2/2006);
6-8, 12 — гвозди (скл. 5/2006).

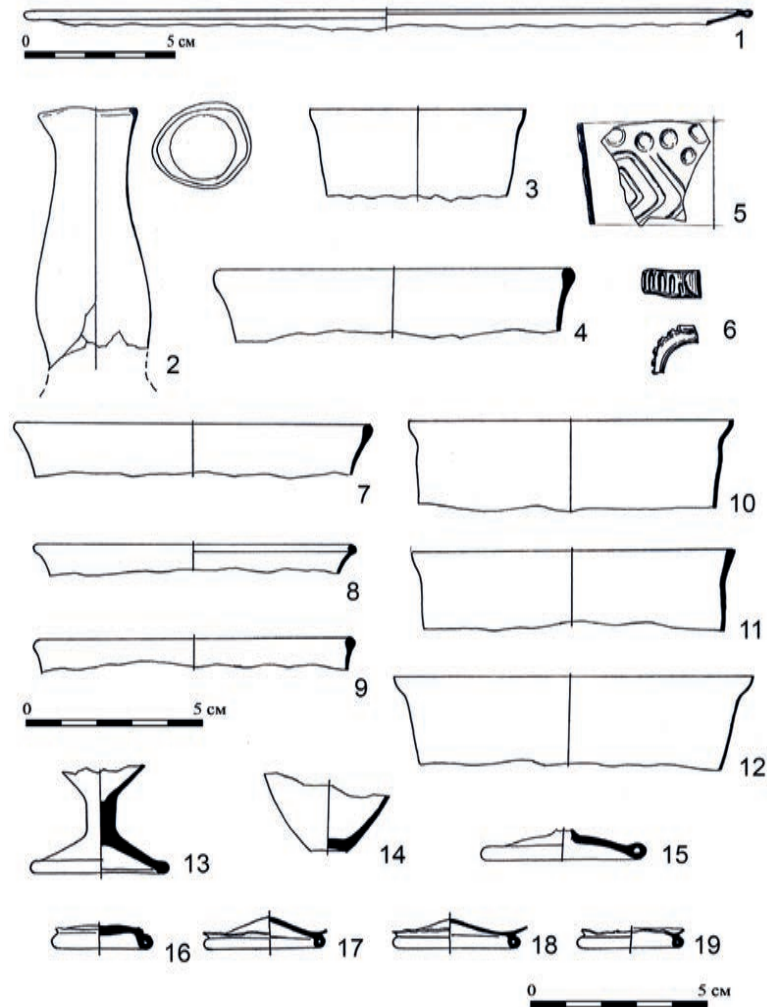

Рис. 18. Некрополь у храма Богородицы Влахернской.
Погребально-поминальный инвентарь.
Изделия из стекла: 1 — тарелка (р — н дромоса склю 5/2006);
2 — балзамарий (скл. 5/2006, прав. верх. локул);
3, 7-9, 12 — сосуды открытого типа (скл. 2/2006);
4, 10, 11 — сосуды открытого типа (скл. 1/2006);
5 — сосуда рельефного фрагмент (скл. 4/2006);
6 — перстня стеклянного фрагмент (скл. 5/2006);
13, 14, 18, 19 — рюмки (скл. 1/2006); 17 — рюмка (скл. 2/2006);
15, 16 — рюмки (скл. 4/2006).

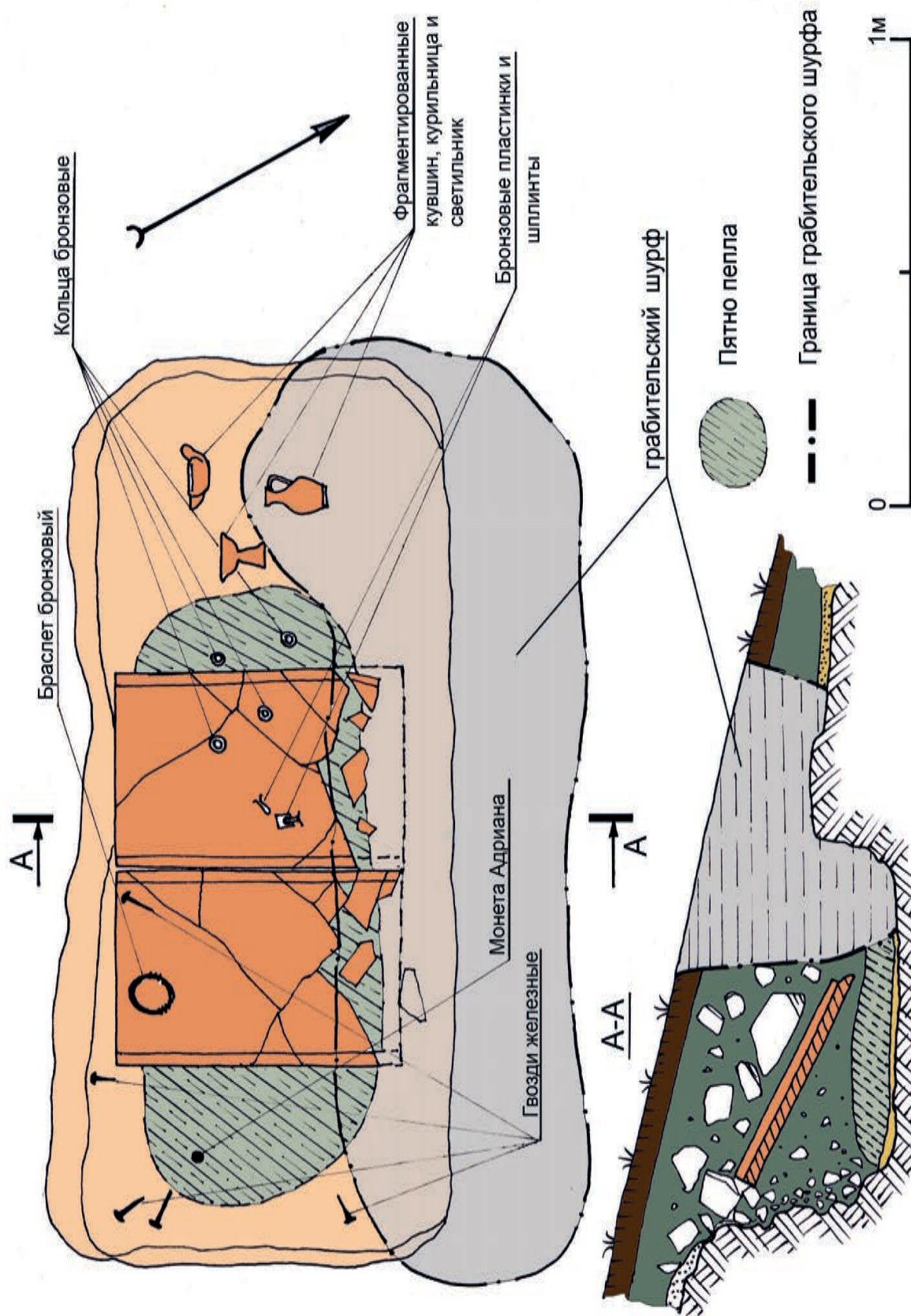

Рис. 19. Кремация 1/2006, план и разрез.

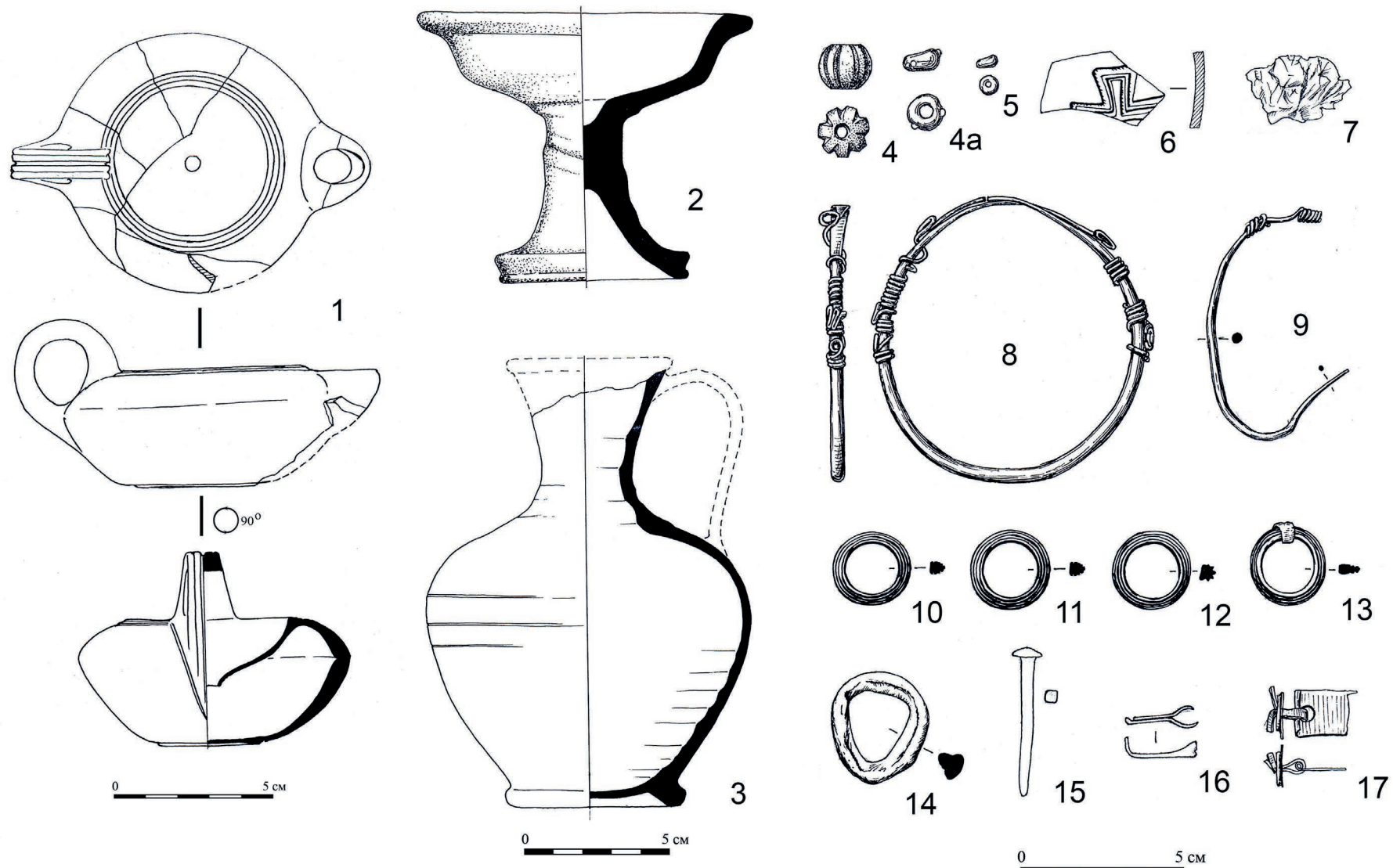
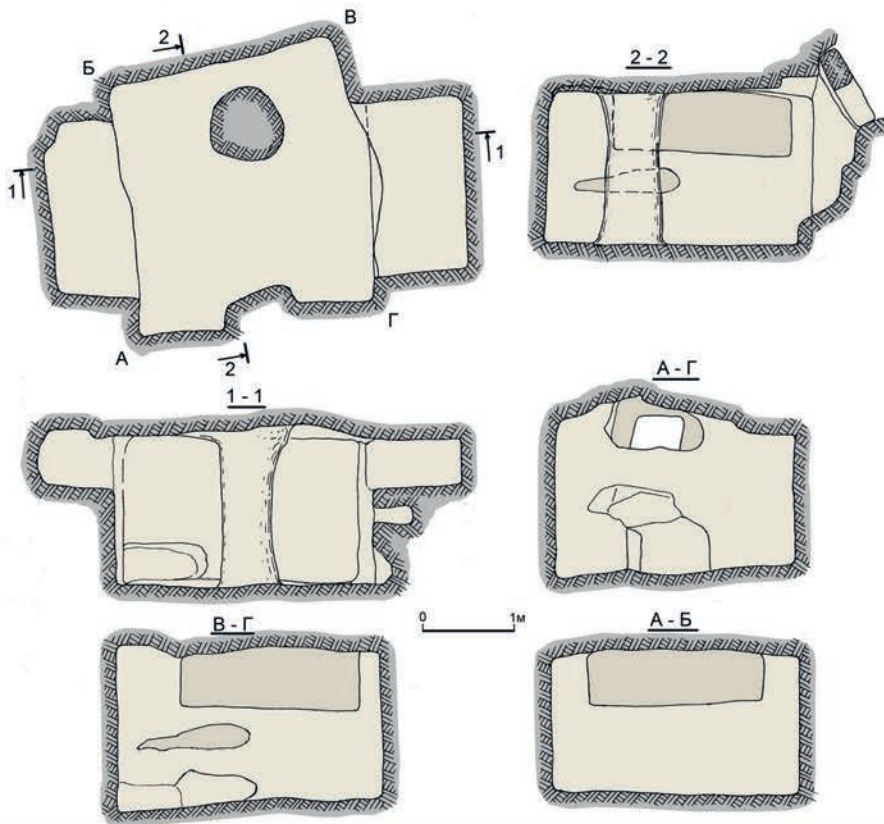

Рис. 20. Кремация 1/2006, погребальный инвентарь: 1 — светильник; 2 — курильница; 3 — кувшинчик;
 4-5 — бусины; 6 — фрагменты краснолакового блюда; 7 — наглазник из золотой фольги;
 8, 9 — целый и фрагментированный Æ браслеты; 10-13 — кольца Æ рифленые;
 14 — кольцо свинцовое; 15 — гвоздь Æ ; 16, 17 — детали крепежа Æ .

склеп 6/2006

склеп 7/2006

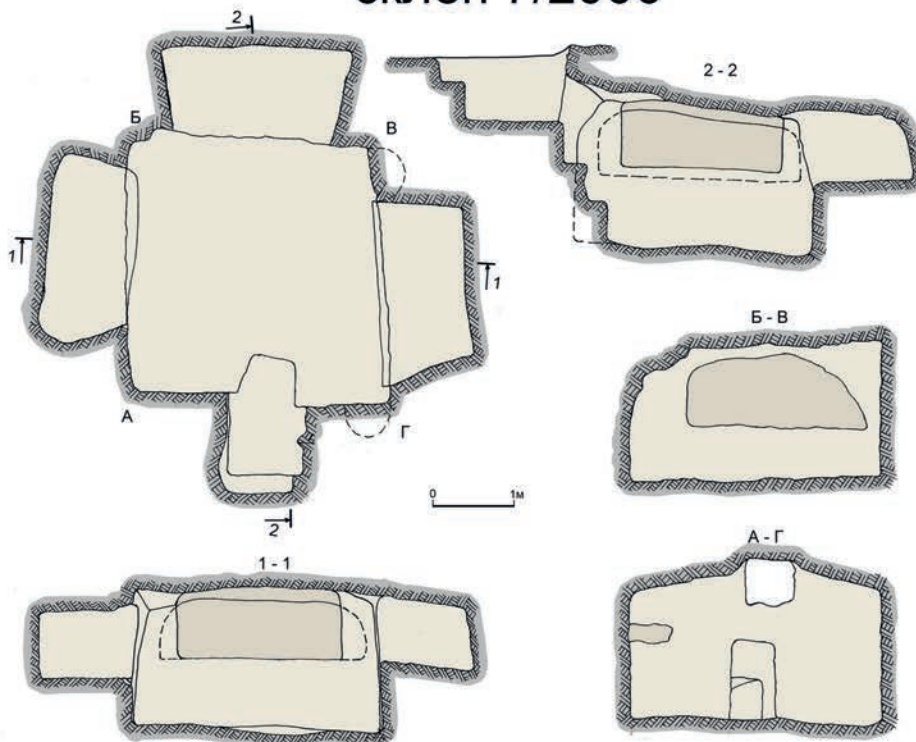

Рис. 21. Планы и разрезы склепов (по чертежам В. В. Моора и И. А. Снитко): склеп 6/2006; склеп 7/2006.

склеп 8/2006

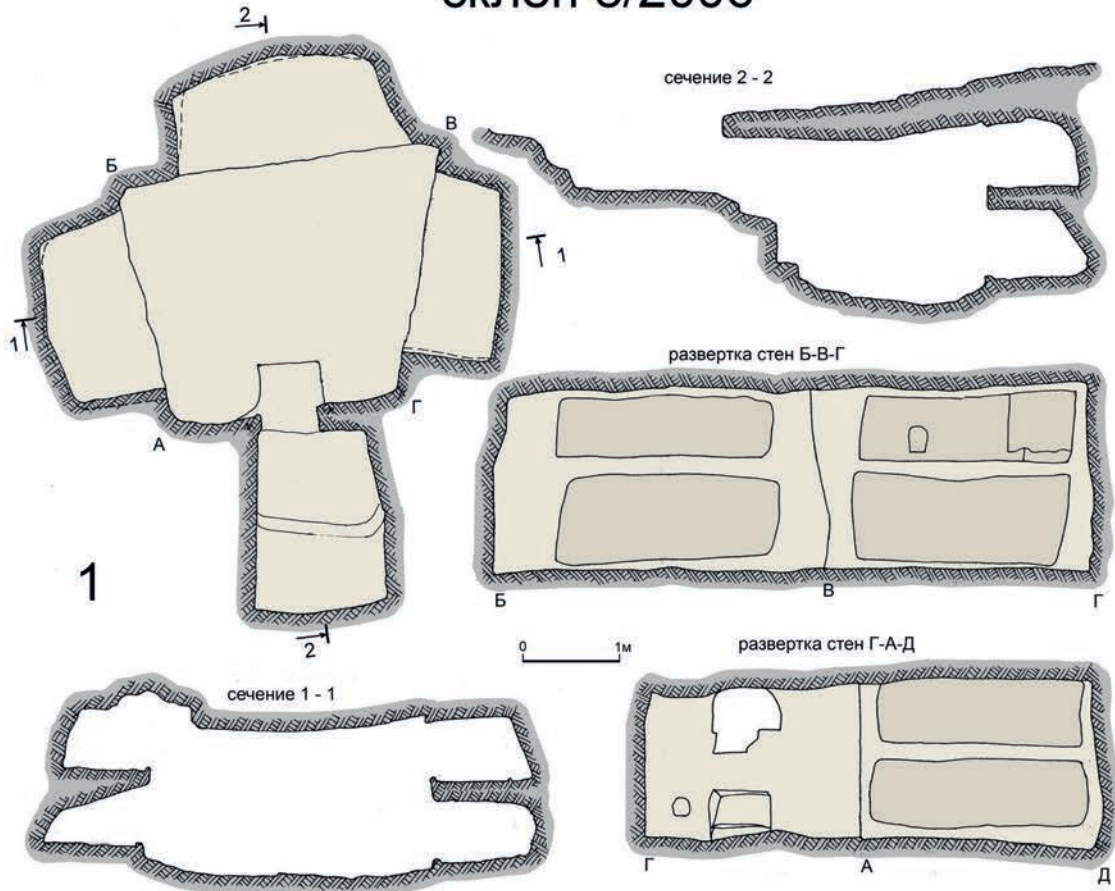

Рис. 22. Погребальные сооружения некрополя: 1 — склеп 8/2006, план, сечения и фасировки стенок (по чертежам В. В. Моора и И. А. Снитко); 2 — фото заготовки дромоса 3/2007.

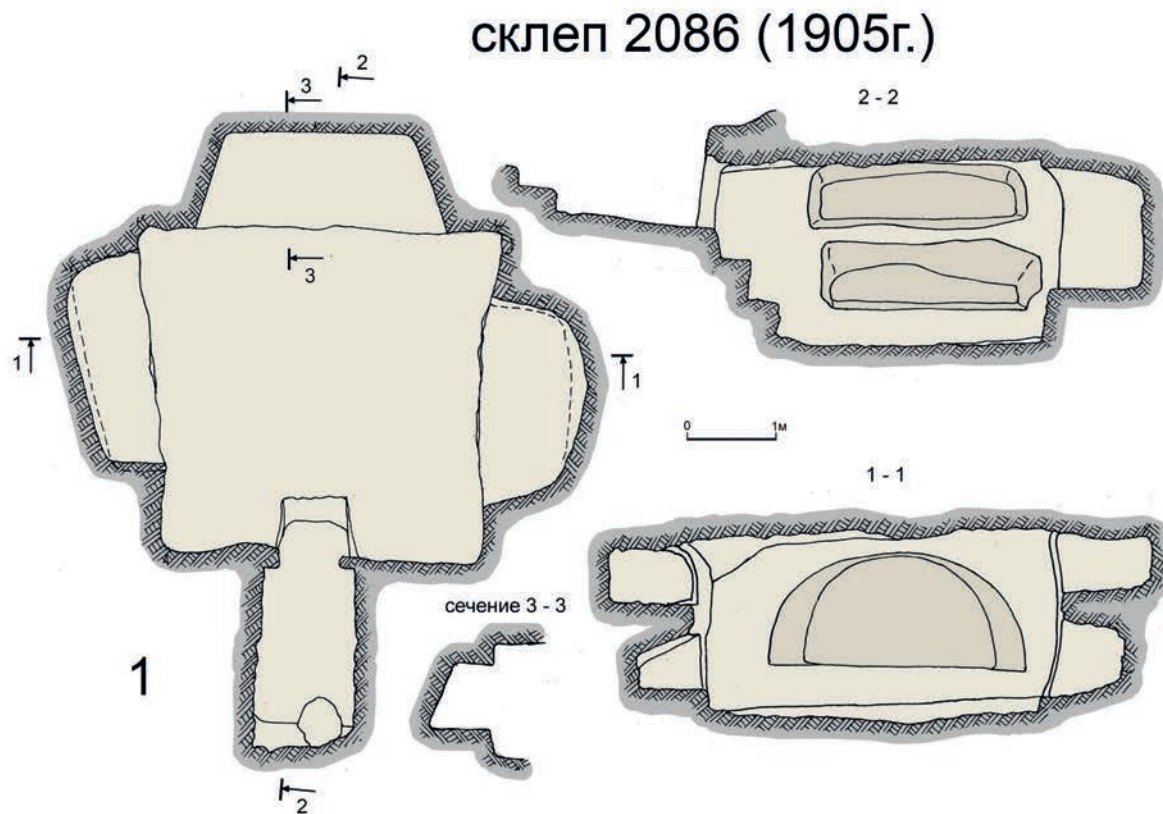
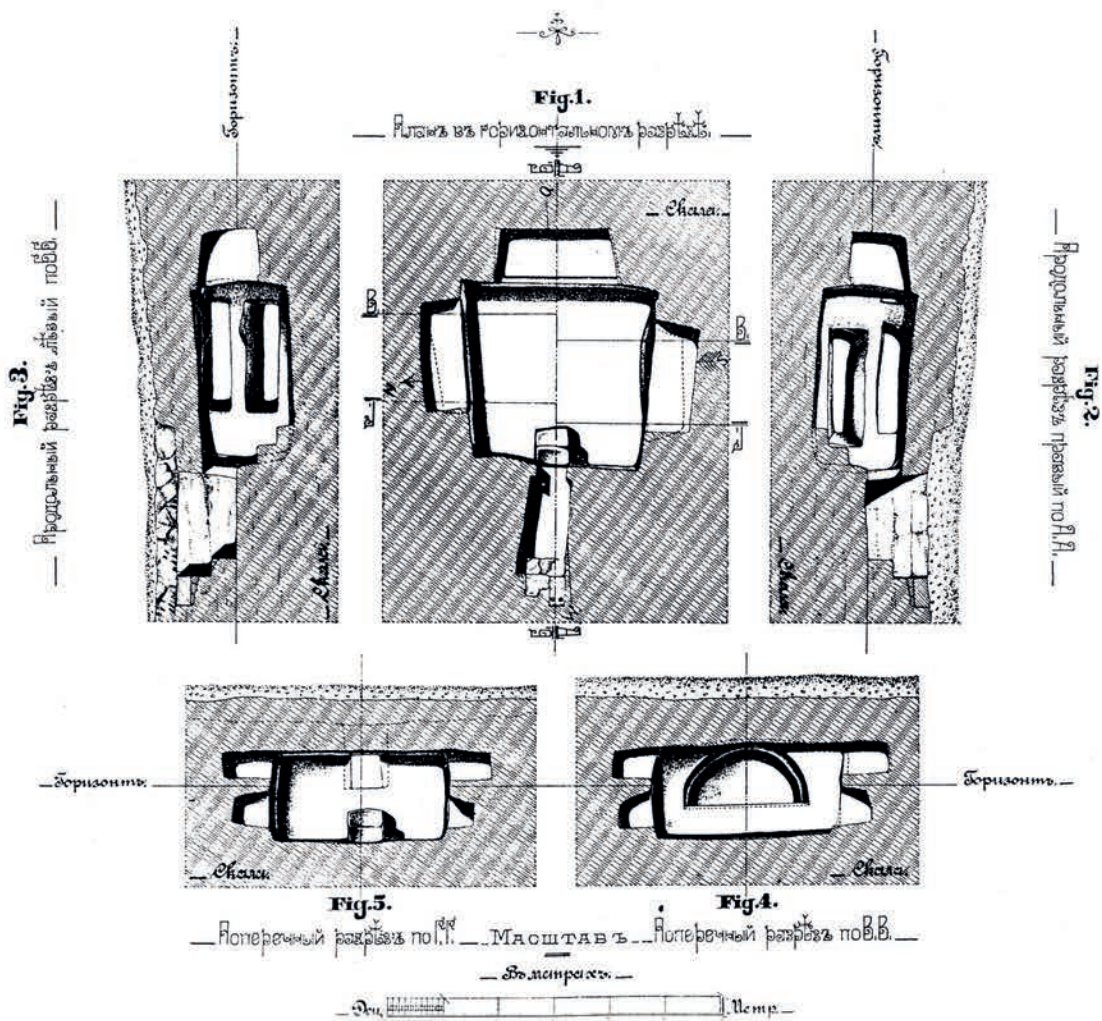

Рис. 23. Склеп 2086 (1905 г.): 1 — план и разрезы (по чертежам В. В. Моора и И. А. Снитко); 2 — современное состояние росписей в центральном локуле — аркосолии.

1. Склепъ, открытый въ 1905 г. въ Херсонесѣ (съ черт. М. И. Скубетова).

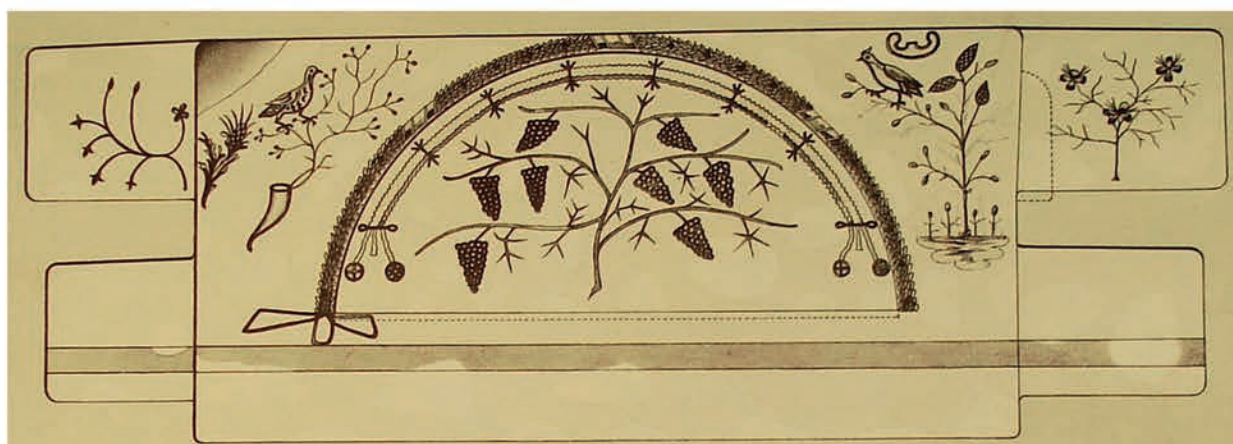

Рис. 24. Склеп 2086 (1905 г.): 1 — чертеж М. И. Скубетова; 2 — прорисовка М. И. Скубетова.

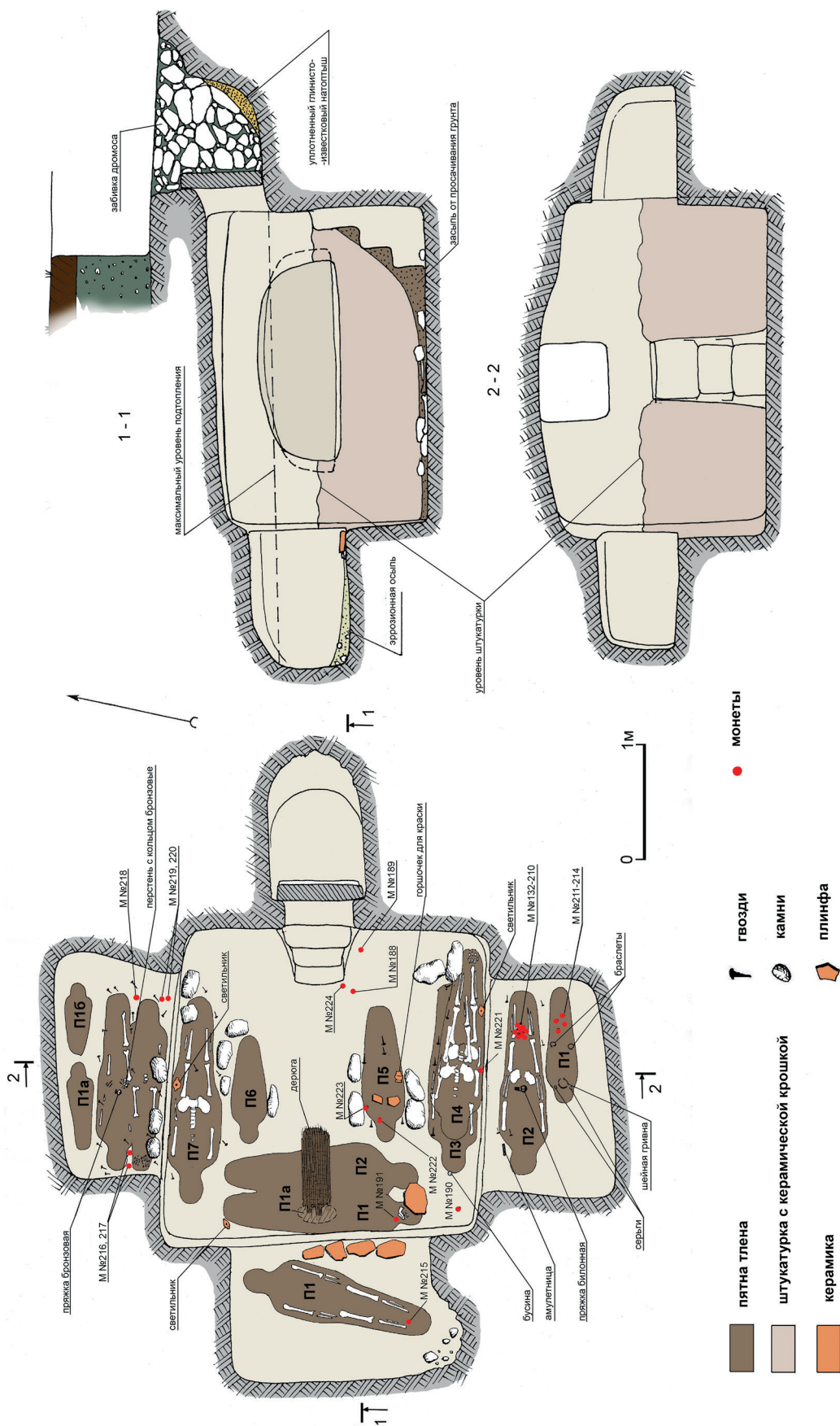

Рис. 25. Склеп 10/2007. План с расположением погребений.

Рис. 26. Склеп 10/2006: 1 — забивка дромоса; 2 — закладная плита in situ; 3 — центральный локул, видна оштукатуренная нижняя часть камеры; 4 — Правый локул, линия максимального подтопления указана стрелкой; 5 — место погребений 1 и 2 в камере склепа под центр. локулом; 6 — остатки дерюги на погр. 1 и 2 в камере склепа; 7 — лаз и лестница, по стокоторой виден уровень затека грунта; 8 — зачищенные погр. 3 и 4 в камере склепа под левым локулом.

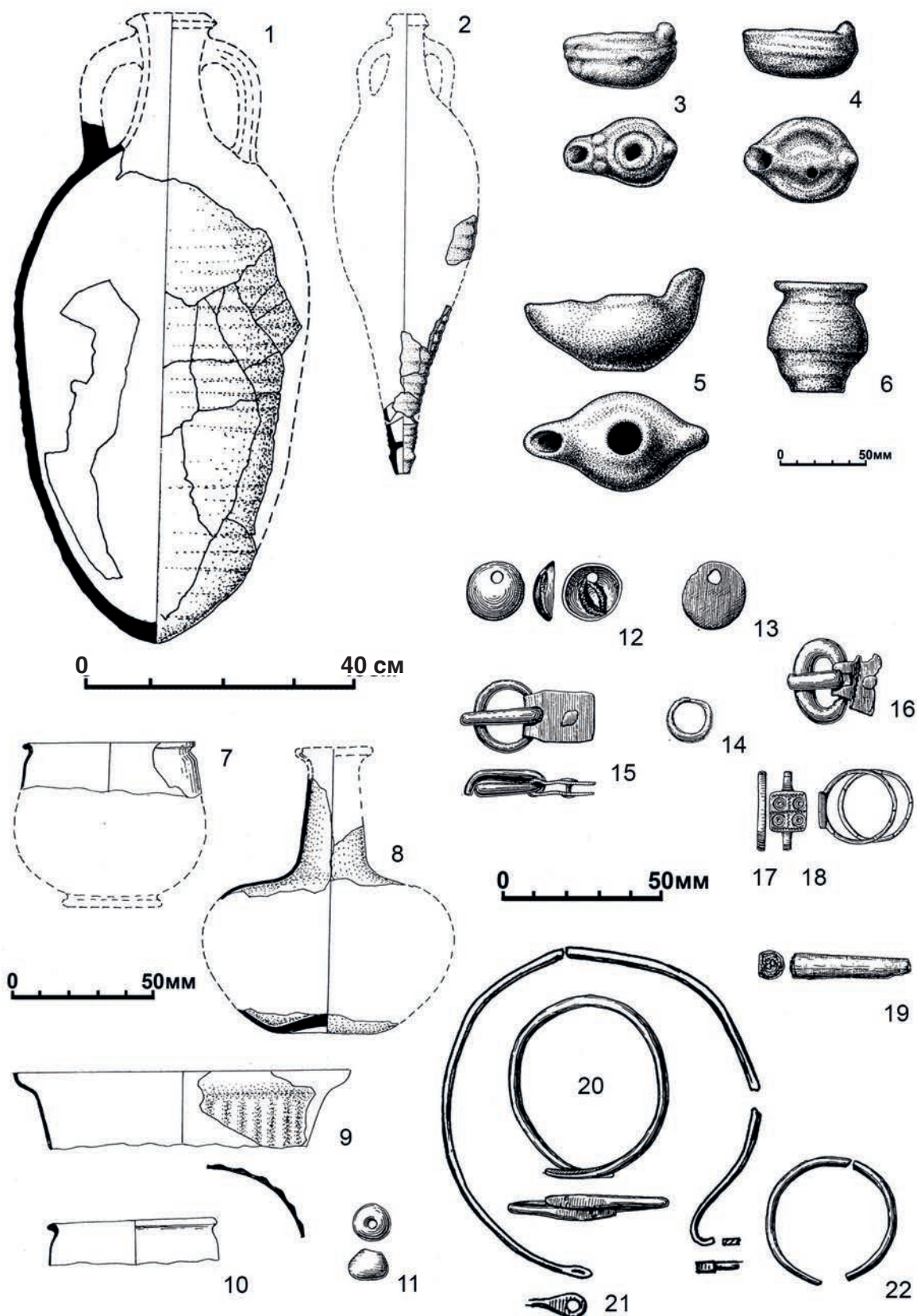

Рис. 27. Склеп 10/2007, инвентарь: 1 — амфор светлоглиняных херсонесского производства тулово; 2 — фрагменты амфоры красноглиняной типа Torģiachiōi; 3-5 — светильники; 6 — баночка для краски; 7, 10 — кубков стеклянных фрагменты; 8 — флакона стеклянного фрагменты; 9 — лампы стеклянной фрагменты; 11 — бусина стеклянная; 12 — нашивка; 13 — подвеска из стертой монеты; 14 — серьга \mathcal{A} ; 15, 16 — пряжки \mathcal{A} ; кольцо и перстень \mathcal{A} ; 17, 18 — кольцо и перстень \mathcal{A} ; 19 — амулетница \mathcal{A} и Pb; 20, 22 — браслеты \mathcal{A} ; 21 — шейная гривна \mathcal{A} .

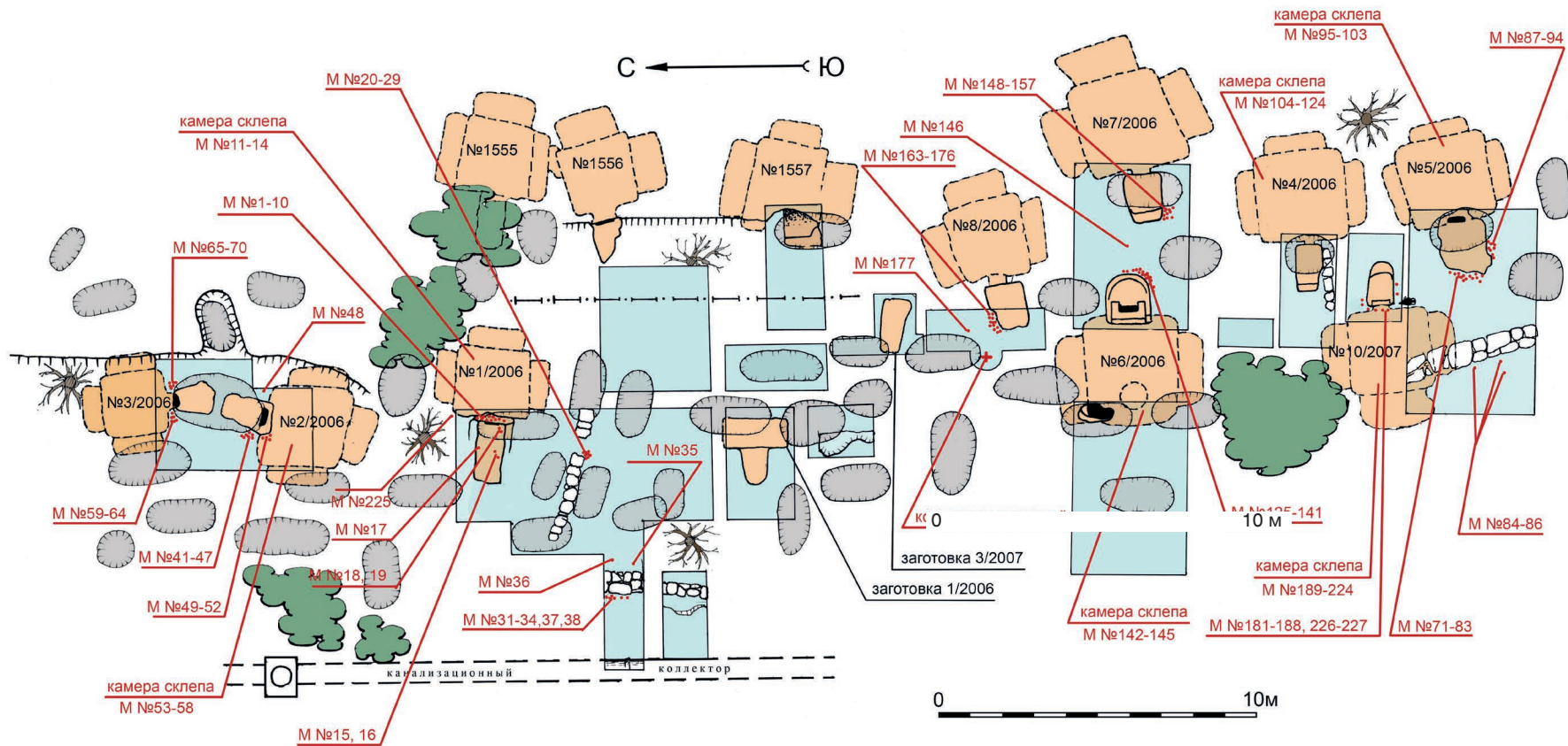

Рис. 28. План участка исследований 2006–2007 гг. с локализацией монетных находок.

Рис. 29. Жертвенное приношение на некрополе — ожерелье:
1 — плакированная золотом копия солида Аркадия;
2, 3 — подвески; 4, 5 — кольца Æ височные?; 6-17 — бусы.

Рис. 30. Монеты сезона 2006 г.

Рис. 31. Монеты сезона 2006 г.

Рис. 32. Монеты сезона 2006 г.

Рис. 33. Монеты сезона 2007 г.

Рис. 34. Склепы верхнего участка некрополя возле храма Богородицы Влахернской:
 1-3 — виды ограбленного склепа 11/2007; 4 — бальзамарий из скл. 11/2007;
 5, 6 — виды современного состояния склепа 12/2007 в срезе бункера военного ведомства 1909 г.

А. Ю. Аржанов

ВИНОДЕЛИЕ В БЛИЖНЕЙ ОКРУГЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Историография вопроса

Виноделие средневекового Крыма в настоящий момент изучено меньше, чем виноделие античного периода. Пожалуй, можно говорить лишь о процессе накопления данных, количественной оценке и картографировании средневековых винодельческих комплексов, датировке отдельных из них. Так, ещё Е. В. Веймарном было выделено в Горном Крыму 13 мест расположения винодельческих комплексов, содержащих «не менее 103 крупных давлений для винограда, имеющих, безусловно, производственное значение» [Веймарн 1960]. В настоящее время на средневековых памятниках Горного Крыма в той или иной мере описано около 140 давящих площадок [Айбабин 2011, с. 217; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 159; Ганцев 2018; Герцен, Науменко 2018, с. 619, 627; Гуськов 2016; Фокин, Белый 2015]. Белым пятном на карте средневековых винодельческих комплексов юго-западного Крыма выглядит ближайшая округа Херсонеса-Херсона — Гераклеяский полуостров. На схеме Е. В. Веймарна ближайший к Херсонесу средневековый винодельческий комплекс отмечен в поселении у Загайтанской скалы. Две скальные винодельни, связанные с пещерными комплексами, фиксируют в Сарандинакиной балке близ Севастополя авторы третьей главы Гераклеяского сборника 1936 года [Гераклеяский сборник 2019, с. 138, № 17; с. 138, № 20], ограничиваясь чисто словесным описанием, не сопровождаемым анализом материала. С. Ф. Стржелецкий хоть и называет несколько скальных виноделен в ближней округе Херсонеса, но относит их к античному периоду [Стржелецкий 1961, с. 116]. Т. Ю. Яшаева отмечает наличие винодельни в исследованной ею поздневизантийской пещерной лавре XIII–

XV вв. [Яшаева 2006, с. 327], а также публикует данные о заброшенном во второй половине IX–X вв. винодельческом комплексе у пещерного храма 2 на мысе Виноградном [Яшаева 2010, с. 388]. Также в самом Херсонесе М. И. Золотаревым были исследованы два винодельческих комплекса, время прекращения функционирования которых было им определено серединой VII в одном случае и V–VI вв. — в другом. К сожалению, конструкцию этих виноделен проследить не удалось, отмечено лишь, что винодельческий комплекс в XLVI квартале содержал три резервуара размерами 1,2 × 0,9 м. Эти резервуары были составлены из крупных известковых плит, внутренняя поверхность и стыки которых «покрыты ровным слоем розовой цемьянки, характерным для херсонесских производственных сооружений римского времени» [Золотарев 2004, с. 137].

Чтобы дополнить известную к сегодняшнему моменту информацию, в настоящей статье мы вводим в научный оборот ещё семь винодавящих площадок, относящихся, по нашему мнению, к средневековому периоду истории Херсонеса-Херсона и его округи.

Описание открытых средневековых виноделен Гераклеяского полуострова

Четыре ранее не известные винодельни зафиксированы раскопками Г. М. Николаенко, одна — разведками М. В. Ступко в 2017 г.¹, две открыты в ходе разведок автора настоящей работы в 2018 г. Все они относятся к стационарным монолитным с одной давящей площадкой

¹ Приношу свою искреннюю благодарность Г. М. Николаенко и М. В. Ступко за разрешение на использование материалов.

и следами использования рычажного пресса. Материал, полученный в ходе исследований, позволяет отнести их к средневековому периоду. Помимо факта занятия виноградарством и виноделием, анализ самих площадок, в сочетании с сообщениями письменных источников, позволяет с некоторой условностью и приближением получить данные о топографии средневековых поселений Гераклеяского полуострова и количестве их населения. Итак, перечислим открытые в последние годы средневековые винодельни Гераклеяского полуострова (рис. 1).

№ 1. Винодельня ОАН «Пещерный комплекс с винодельней на северном склоне балки Бермана» (рис. 2.1; 3.1).

Открыта разведками автора в 2018 г. Вырублена в так называемом «скальном лбе» верхней террасы северного склона балки. Представляет собой подтёсанную скальную поверхность формой в плане близкой к трапецевидной, размерами 2,40 м (С), 1,97 м (В), 1,75 м (Ю), 1,93 м (З). По центру задней стенки расположена ниша размерами 0,3 × 0,4 м, глубиной 0,2–0,3 м, предназначенная, скорее всего, для упора рычага вторичного отжима. Передняя (южная) стенка площадки частично разрушена, слив не сохранился. Яма суслоприёмника ярко не выражена, в переходе скальной террасы читается вырубка размерами 1,0 × 1,2 м, глубиной около 0,1 м, куда, по-видимому, подставлялся сосуд, предназначенный для сбора сусла.

Материал, зафиксированный при расчистке площадки, представляет собой маловыразительные фрагменты керамики. Также в заполнении зафиксирован обломок каменного жернова и край венчика тонкостенного сосуда из стекла оливкового оттенка с включениями мелких светлых пузырьков, а также фрагмент поливного сосуда.

№ 2. Винодельня ВК-1 на древнем земельном участке № 268 (рис. 2.2; 3.2).

Открыта в 2017 г. разведками Г. М. Николаенко при участии автора настоящей работы. Вырублена также в «скальном лбе» одной из верхних террас северного склона Нижне-Юхариной балки. По конструкции аналогична вышеописанной, размеры — 2,0 м (С), 1,7 м (В), 1,7 м (Ю), 1,5 м (З). По центру задней стенки расположена ниша для упора рычага размерами 0,25 × 0,50 м, глубиной 0,15–0,25 м, с пазом глубиной в 0,05 м по центральной оси нижней поверхности. Передняя (южная) стенка площадки

оформлена бортиком высотой 0,05–0,20 м, с канавкой слива посередине. Яма суслоприёмника ярко не выражена, в переходе скальной террасы читается вырубка размерами 1,1 × 1,2 м, глубиной около 0,2 м, куда, по-видимому, подставлялся сосуд, предназначенный для сбора сусла.

Материал, полученный при расчистке, состоит из небольшого количества фрагментов керамики, из которых в качестве датирующего можно выделить фрагмент верхней части амфоры с мелким зональным рифлением и углублениями, выполненными гребёнчатым штампом, а также фрагмент венчика небольшого кувшина или горшка с плоской ручкой. В комплексе эти фрагменты позволяют говорить о достаточно широком периоде середины IX — первой половины XI в.

№ 3. Винодельня ВК-2 на древнем земельном участке № 268 (рис. 2.3; 3.3).

Открыта в 2017 г. разведками Г. М. Николаенко при участии автора настоящей работы. Сохранилась значительно хуже предыдущих, но, с большой долей вероятности, представляет тот же тип виноделен, что и № 1 и 2. Так же вырублена в «скальном лбе» верхней террасы северного склона Нижне-Юхариной балки на расстоянии 185 м к северо-востоку от предыдущей. Представляет собой остатки площадки, аналогичной вышеописанным. Реконструируемая форма в плане близка к трапецевидной. Сохранившиеся размеры сторон: 1,60 м (С, полностью), 1,00 м (В, частично), 1,75 м (З, частично). По центру задней стенки частично читается ниша шириной 0,25 м, глубиной 0,15 м. Передняя (южная) стенка площадки полностью разрушена, слив не сохранился. Наличие ямы или подрубки под суслоприёмник не установлено.

Керамический материал, собранный при расчистке площадки, маловыразителен. Из датирующих фрагментов можно упомянуть лишь горло причерноморской амфоры VIII–IX вв. со слегка отогнутым уплощённым венчиком и уплощённой ручкой.

№ 4. Винодельня ВК-4 ОАН «Комплекс укрепленных сельскохозяйственных построек» в балке Бермана («Усадьбы Гриневича») (рис. 2.4; 4.1).

Открыта раскопками Г. М. Николаенко в 2013–2017 гг. на участке памятника «Подземный-1» при участии автора настоящей работы. Размеры давяльной площадки 3,15 × 3,20 м, глубина — 0,45 м. С северо-восточной и юго-восточной

стороны находятся скальные борта. По задней, юго-западной, стороне выложена стена с разрывом в середине. По бокам давяльной площадки примерно на две трети её длины прослежены остатки стен, что даёт основание предположить наличие крыши. Сливной канал между площадкой и суслоприёмником оформлен в виде скального лотка длиной 0,30 м, нависающего на 0,05 м над приёмным резервуаром. Размеры ямы суслоприёмника 1,75 × 1,50 м, глубина — 1,40 м. На дне суслоприёмника расположена круглая ямка-отстойник диаметром 0,60 м и глубиной 0,15 м. Северо-восточный борт суслоприёмника подрублен полукругом в плане с расширением диаметра от дна ямы к верхнему краю. В верхних краях южного и восточного углов приёмного резервуара зафиксированы две подрубки (рис. 6.1), полукруглые в разрезе, по-видимому, представляющие опоры для оси крыши, закрывающей суслоприёмник между периодами использования. В пользу данного предположения также может говорить наличие столбовой ямки диаметром около 0,15 м, расположенной на расстоянии 0,20 м от северного угла приёмного резервуара (рис. 6.2). Скорее всего, к этому столбу крепились крышка суслоприёмника в поднятом положении. Устройство приёмного резервуара заставляет предположить два строительных периода в использовании винодельни: первоначально резервуар был прямоугольным и не предполагал установки сосуда, затем был подрублен для установки пифоса. В приведённых в отчёте в качестве аналогий ближневосточных винодельнях римского и византийского времени суслоприёмники в плане прямоугольные. Через борт от суслоприёмника вырублена ещё одна яма округлой формы диаметром 1,55 м, глубиной 0,15–0,20 м. Предназначение этой ямы неясно, есть два предположения. Первое предположение — в данном углублении помещалась опорная конструкция рычажного механизма, второе — эта яма связана с позднейшим использованием винодельни в качестве накопительной водосборной системы.

В заполнении на полу давяльной площадки отмечены фрагменты стенок амфор с мелким зональным рифлением, плоские ручки и донца кувшинов. В яме суслоприёмника был зафиксирован вертикально стоящий фрагмент стенки пифоса с обручем-валиком (рис. 6.3). Индивидуальные находки представлены литой херсонской монетой времени Михаила III (842–867 гг.) из слоя засыпи давяльной площадки, полови-

ной куфического фельса конца VIII в., найденного в скальных вырубках около суслоприёмника, монетой с монограммой «ро» и гладкой обратной стороной, железными ножами [Николаенко и др. 2012–2015].

№ 5. Винодельня ВК-5 ОАН «Комплекс укрепленных сельскохозяйственных построек» в балке Бермана («Усадьбы Гриневича») (рис. 2.5; 4.2).

Открыта раскопками Г.М. Николаенко в 2014–2015 гг. на участке памятника «Подземный-1» при участии автора настоящей работы. Представляет собой вырубленное в пологом скальном склоне балки четырёхугольное пространство подвального типа. Давильная площадка находится внутри подвального помещения и имеет размеры 4,0 × 3,3 м. Поверхность давяльной площадки представляет тёсанную скальную поверхность с сохранившимися по краям следами известковой обмазки. В задней стене находится выруб в форме неправильного четырёхугольника, в котором зафиксирован паз прямоугольной формы полупараболического сечения. Яма-суслоприёмник параболической в сечении формы, диаметром 1,1–1,2 м и глубиной 0,72 м, вырублена в скале. Вокруг ямы, на половине её окружности, прослеживается невысокий скальный бордюр. На расстоянии 0,15 м от края бордюра по направлению к северу в скале зафиксирована столбовая ямка диаметром 0,16–0,17 м и глубиной 0,10 м.

После прекращения функционирования винодельни подвальное помещение переоборудовалось в жилое. Происходит сужение пространства за счёт выкладки стены вдоль юго-восточного скального борта, появляется и поперечная, северо-восточная, стена. Слой на полу помещения толщиной 0,04–0,10 м состоит из серого рыхлого золистого суглинка и, скорее всего, образован остатками зольника последнего периода функционирования жилого помещения, смешанного с золовыми наносами, образовавшими до обрушения стен. В материале отмечены фрагменты амфор с зональным рифлением, плоских ручек высокогорлых кувшинов, ручки сосудов с пальцевыми вдавлениями. Также отмечены фрагменты кухонной посуды, кости животных, большое количество раковин виноградных улиток [Николаенко и др. 2014–2015].

№ 6. Винодавяльная площадка ОАН «Комплекс со скальной винодельней на северном склоне балки Бермана» (рис. 2.6; 5.1).

Открыта разведками автора настоящей работы в 2018 г. Расчищена давальная площадка и суслоприёмник. Внутренние размеры площадки около 3,0 × 2,0 м. Заглубление в скальную породу 0,1–0,3 м. Там, где скальные борта имеют наименьший размер (северо-западный угол, северный и западный борта), сохранились остатки стен, надстроенных по краю скального борта. В юго-западном углу площадки скальные борта образуют канал, возможно, служивший для подачи воды при промывке винодельни. Сливной канал расположен по центру южного борта, с другой стороны оформлен в виде высеченного в скале лотка. Суслоприёмник представляет собой усечённый конус с расширением к нижней части. На дне суслоприёмника небольшая ямка, по-видимому, служившая отстойником. Общая конструкция суслоприёмника не предполагает установки в него керамического сосуда, вместе с тем следов обмазки суслоприёмника по скале каким-либо раствором также не зафиксировано, в отличие от давольной площадки, где имеются следы известковой или цемянковой обмазки. В целом конструкция винодавольной площадки весьма схожа с конструкцией площадки № 4. Важной деталью является наличие на обеих упомянутых площадках больших каменных частично обработанных блоков, отличающихся размером и формой от камней, являющихся развалами стен виноделен. Возможно, эти блоки служили грузами при рычажном давлении вторичного отжима, хотя подтвердить данное предположение и дать инженерную реконструкцию процесса давления возможно только при дальнейших исследованиях и накоплении материала. Археологический материал, полученный в ходе расчистки площадки, состоит из фрагмента ручки сосуда с красным лакообразным покрытием, фрагментов поливной керамики (рис. 10.4). На краю северного скального борта площадки найдена монета (рис. 10.5) времени Романа IV (1067–1071 гг.). На самом дне суслоприёмника, заполненного камнями и рыхлым грунтом, были зафиксированы два железных предмета, уложенные выступающими частями в ямку-отстойник (рис. 10.1). Один предмет размерами 43,5 × 11,4 см, другой размерами 36,4 × 10,6 см (рис. 10.2). По форме эти предметы были интерпретированы в качестве наконечников пахотного орудия. Их парность заставляет предположить, что данные предметы являются сош-

никами, то есть наконечниками двузубой сохи. Очевидно ценные, но тяжёлые предметы были спрятаны на дно суслоприёмника и заброшены сверху камнями при бегстве обитателей данного комплекса в виду, скорее всего, военной опасности. Дату этого события могут подсказать два фрагмента поливных сосудов, также обнаруженные на скальном дне суслоприёмника. По цвету глины, поливы и характеру декора сосудов данные фрагменты датируются серединой — второй половиной XIV в.² (рис. 10.3), соответственно, событие, вызвавшее бегство обитателей, произошло не ранее этого времени. В сочетании с датировкой фрагментов поливной керамики, обнаруженной в заполнении давольной площадки, возможно выделить более узкий период: от 60-х до 80-х гг. XIV в. Трудно сказать, свидетельством каких именно событий второй половины XIV в. является данный клад, но можно говорить о том, что на Гераклеяском полуострове в это время существовало какое-то население, которое занималось сельскохозяйственным производством. Выбор же места сокрытия предметов заставляет думать, что и собственно винодельня продолжала использоваться в описываемый период. В целом археологический материал данного памятника лежит в хронологическом диапазоне от римского времени до середины/второй половины XIV в.

№ 7. Винодавальная площадка ОАН «Усадьба (балка Бермана)» (рис. 2.7; 5.2).

Открыта в 2017 г. в ходе работ по паспортизации памятников, выполненных экспедицией ГИА МЗ ХТ под руководством М. В. Ступко при участии автора настоящей работы. Открытая винодельня представляет собой давальную площадку неправильной формы, врезанную вертикально в скальный массив на самом краю скальной террасы. Наибольшая длина площадки вдоль террасы — 2,0 м, наибольшая ширина перпендикулярно к террасе — 1,7 м. Измеренная площадь — 2,6 кв. м. Высота борта от 0,17 м в западной части, где борт выражен неявно, смыкаясь с покатою скалой, до 0,30 м над каналом стока и до 0,76 м в северо-восточном углу. В этом же углу на высоте 0,55 м от поверхности площадки расположена ниша для упора рычага вторичного отжима размерами 0,2 × 0,3 м и глубиной 0,2 м. Направление оси ниши и, соответ-

² Автор настоящей работы выражает самую искреннюю благодарность Н. В. Гинькут за определение материала.

ственно, оси, по которой размещался рычаг — около 45 градусов к линии восточного борта площадки. На противоположном от ниши, южном, борту площадки по линии предполагаемого размещения рычага видна подтёска борта, обеспечивающая опускание рычага до необходимой высоты. Таким образом, рычаг был расположен по диагонали и выходил рабочим концом за борт винодельни. Расстояние от ниши до борта по оси размещения рычага — 1,6 м. Учитывая глубину ниши упора рычага, толщину борта и необходимое расстояние хвата, длина рычага должна составлять не менее 2,5 м при поперечном его сечении не менее 0,10–0,15 м. Рабочая высота борта, равная максимально возможной толщине слоя уложенного винограда — 0,23 м. Канал стока сусла оформлен в виде отверстия в южном борту давяльной площадки. Оформление в виде скального лотка отсутствует. Суслоприёмник в виде вырубленного в скале резервуара отсутствует. Под сливным отверстием борт скальной террасы (то есть внешний борт площадки) подрублен в виде полусферы. Скорее всего, суслоприёмником служил небольшой пифосообразный сосуд. К сожалению, расчистка винодельни не дала датирующего материала.

Строительные приёмы и особенности конструкций

Рассматривая все перечисленные винодельни в комплексе, необходимо отметить, что их можно разделить на два основных типа, если исходить из способа вырубки и общего их устройства.

Первый тип представлен объектами № 1–3, которые врезались в вертикальный борт скальной террасы перпендикулярно ему. Винодельни этого типа не имеют суслоприёмников в виде скальных резервуаров, сбор сусла осуществлялся, по-видимому, в небольшие пифосы или пифосообразные сосуды. Конструкция ниш для упора рычага в винодельнях данного типа не предполагает какого-то его механического или шарнирного закрепления. Очевидно, рычаг просто упирался в эту нишу. Вокруг этих виноделен не найдено каких-либо камней значительных размеров, которые могли использоваться в качестве гирь на рычаге. Исходя из сегодняшней археологической ситуации, мы предполагаем, что давление на рычаг осуществлялось только силой и весом человека.

Винодельни второго типа представлены объектами № 4–6. Они врезались вертикально в покатый склон. В целом винодельни второго типа имеют большие размеры давяльных площадок, более сложную конструкцию, тщательнее оформлены. Места для закрепления рычагов в них позволяют установить рамную конструкцию с шарнирным креплением, но механизм притягивания рычага пока неясен. Конструкции, которые можно связать с винтовым или воротным механизмом притягивания рычага, на данный момент не выявлены, хотя размеры площадок и конструкции задних стенок предполагают использование таких механизмов. Присутствие на площадках № 4–6 больших каменных блоков позволяет также предположить, что давление на рычаг было усилено каменным грузом, но механизм этого усиления на данный момент неясен: в блоках отсутствуют отверстия или пазы для обвязки. Винодельни № 4 и 5, скорее всего, были крытыми. Об этом говорят остатки стен вокруг винодельни № 4 и подвальная конструкция винодельни № 5. Отдельно в этом ряду стоит винодельня № 7, сочетающая признаки I и II типов, являющаяся своеобразным переходным вариантом между ними. Её площадка представляет собой вертикальную врезку, отёсана тщательно, но скальный резервуар для сбора сусла отсутствует, а ниша рычага небольшая, механического закрепления не предполагает. Мощная столбовая ямка рядом с давяльной площадкой позволяет предположить наличие навеса и над этой площадкой, но более точно можно будет об этом говорить лишь по результатам полноценных раскопок.

Вопросы датировки

На данном этапе исследования вопрос о датировке площадок является весьма непростым. Археологические слои «жизни» как в самих площадках, так и в суслоприёмниках отсутствуют, да они и не могли сформироваться при их функционировании, так как винодельни в период своего существования тщательно чистились. Слой засыпи, с материалом которого приходится работать, сформирован после прекращения использования виноделен. Это намывной слой, содержащий фрагменты предметов с территории вокруг площадок. Конечно, фрагменты материала, обнаруженные в самих площадках, но попавшие туда, скорее всего, с окружающей

территории, могут коррелировать со временем существования виноделен, но всё же к их датировкам надо подходить с осторожностью, особенно когда неясна целиком общая ситуация поселений, в состав которых эти площадки входили. Тем не менее мы попробуем наметить хронологический ряд, используя имеющиеся данные.

Отправной точкой нам послужат винодельни № 4 и 5, входящие в состав участка «Подземный-1» поселения на древнем земельном участке № 347 в балке Бермана. Данный архитектурный комплекс, в который входят несколько сооружений пещерного типа, а также наземные постройки и скальные винодельни (рис. 7), имеет широкую датировку от VII до рубежа XI–XII вв. В этих рамках выделяются два периода активного функционирования: в течение VII в. и в период с середины IX по рубеж XI–XII вв., сами же пещеры комплекса использовались и позднее, вплоть до нового и новейшего времени. Обе винодельни, если судить по строительным приёмам, архитектурным связям и по общей планировке комплекса, относятся к первому строительному периоду. Определить более точную дату начала существования комплекса на современном этапе исследований достаточно сложно. Стратиграфическая ситуация данного участка раскопок характеризуется отсутствием сформированных слоёв жизни, так как все сооружения комплекса в процессе их функционирования постоянно зачищались до скалы, на отдельных участках комплекса скала была открыта ещё в XIX в. Катастрофических одномоментных разрушений на территории комплекса не выявлено, часть зданий была заброшена не позднее рубежа XI–XII вв. и постепенно разрушалась. Керамический материал сильно фрагментирован, археологически целые формы практически отсутствуют. В силу этого обстоятельства датировка по керамическому материалу возможна только в широких пределах, причём приходится учитывать как наличие определённых фрагментов, так и отсутствие тех или иных синхронных групп керамики. Так, например, несмотря на присутствие в материале стенок амфор типа LRA 1 и LRA 2, имеющих широкую датировку V–VII вв. (рис. 8.1), на всей исследованной территории комплекса (около 750 кв. м.) полностью отсутствуют фрагменты краснолаковой посуды, в том числе и поздних типов. На других

же участках памятника в балке Бермана такие фрагменты присутствуют. Более информативными оказываются индивидуальные находки: предметы из металла и стекла (рис. 8.2–7). Среди стеклянного материала обращают на себя внимание несколько фрагментов рюмок. Как правило, фиксируются и определяются донца рюмок. Все их можно отнести к первому типу по Л. А. Голофаст. Этот тип стеклянных сосудов появляется в Средиземноморье в конце V, доминирует во второй половине VI и на всём протяжении VII в. В Херсонесе подобные типы сосудов находятся и в комплексах XI в. [Голофаст 2001, с. 155–156]. Помимо фрагментов сосудов также зафиксированы фрагменты стеклянных браслетов, характерных для материальной культуры Крыма X–XI вв. Среди металлических находок, датирующих первый строительный период комплекса сооружений, выделяются фрагмент пряжки типа «Сиракузы» первого типа (рис. 8.2), датирующийся VII в. [Хайрединова 2016, с. 245]; фрагмент пряжки типа «Салона-Истрия» (рис. 8.4), даты бытования которого в Крыму определяется также VII в., исключая, возможно, самое его начало и конец [Айбабин 1999, с. 316, табл. XXX; Гавритухин 1995]; фрагмент железной дуговидной фибулы (рис. 8.3), ближайшая аналогия которой, сопровождаемая также пряжкой типа «Сиракузы», отмечена в материалах могильника середины VII–IX вв. [Омелькова 1990, с. 82].

Таким образом, учитывая массовый керамический материал, время бытования которого доходит до середины VII в., и отталкиваясь от индивидуальных находок, наиболее вероятным временем создания комплекса сооружений «Подземный-1», включая обе винодельни, мы считаем вторую четверть — середину VII в.

Как было сказано выше, во втором строительном периоде винодельня № 5 перестраивается в жилое помещение, её суслоприёмник заполняется пищевыми отходами в виде обломков костей и раковин виноградных улиток, а также фрагментами кухонной посуды. Стратиграфическая ситуация в помещении, возникшем в винодельне № 5, а также материал, зафиксированный на полу помещения и в яме суслоприёмника, приведён на рис. 9. Время функционирования жилого помещения определено нами в рамках IX–XI вв. Суслоприёмник винодельни № 4 во втором строительном периоде дорабатывается для установки пифоса.

Монетный комплекс участка «Подземный-1» включает в себя 44 монеты, из них определены 34, датирующиеся второй половиной IV–XIII — XIV вв. Хронологически они распределены следующим образом:

Время:	Кол-во монет:
IV в.	5
V в.	3
VI в.	4
VII в.	не обнаружено
VIII в.	1
IX в.	12
X в.	4
XI в.	4
XII в.	не обнаружено
XIII–XIV вв.	1

Следует обратить внимание, что все монеты IV–VI вв. сильно истёрты, среди монет IX в. встречаются экземпляры как плохой сохранности, так и в хорошем состоянии. Монеты X–XI вв. и восточная монета XIII–XIV вв. также сильно истёрты, что свидетельствует об их долгом нахождении в обороте. Более точно удалось определить 20 монет. Из них: Константин II — 1 экз., Аркадий — 1 экз., Гонорий — 2 экз., Анастасий I — 1 экз., Юстин II — 2 экз., Лев V — 1 экз., Михаил III — 1 экз., Василий I (I выпуск) — 4 экз., Василий I (II выпуск) — 2 экз., Василий I (III выпуск) — 3 экз., Лев VI и Александр — 1 экз., Никифор — 1 экз. Помимо перечисленных стоит отметить половину куфического фельса VIII в., восточную монету XIII–XIV вв., а также 3 экз. с монограммой «Ро» и крестом, и 1 экземпляр с монограммой «Ро» и гладкой обратной стороной. На основании всех приведённых данных можно предположить, что наиболее интенсивное монетное обращение на данном памятнике происходило в период второй половины IX в. Античные монеты, судя по значительной истёртости, также находились в обороте в этот период. Использование античных монет наряду с более поздними во второй половине IX в. зафиксировано в одном из кладов округи средневекового Херсона [Кропоткин 1962, с. 34, № 217]. На основании монетных данных, учитывая массовый керамический материал, серединой IX в. мы датируем начало второго строительного периода участка «Подземный-1». В это время прекратилось функционирование винодельни № 5,

а винодельня № 4, по-видимому, продолжала использоваться.

Материал винодельни № 1 (северный склон балки Бермана), к сожалению, единичен и невыразителен и даёт очень широкие временные рамки существования комплекса в средневековый период (рис. 11.1).

Винодельни № 2 и 3 (Нижне-Юхарина балка) содержат в своей засыпи материал IX–X вв. (рис. 11.2,3); также материал этого времени (фрагменты амфор с зональным рифлением, кувшины с верхним пальцевым вдавлением на ручке, а также фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками) преобладает на всей территории поселения древнего земельного участка № 268.

Клад предметов в суслоприёмнике винодельни № 6 (северный склон балки Бермана) в сочетании с фрагментами поливной посуды заставляет предположить, что этот комплекс функционировал в XIV в. Самый же ранний материал в заполнении площадки в заложенном неподалёку шурфе, а также собранный на поверхности памятника, даёт нам период не позднее VII в.

В отношении винодельни № 7 (северный склон балки Бермана) можно лишь отметить, что общая ситуация по результатам разведок границ памятника позволяет предполагать существование в этом месте средневекового поселения, возникшего, как и многие другие, на строительных остатках когда-то существовавшей здесь античной усадьбы. Археологический материал данного поселения, относящийся к средневековому периоду, лежит в широком диапазоне от V–VII вв. до XIII–XIV вв. (рис. 12.2–4). В заполнении же самой давяльной площадки зафиксирован и античный материал (рис. 12.1).

Для построения хронологического ряда наших виноделен обратимся также и к аналогиям в Таврике. При большом объёме зафиксированных давяльных площадок (около 140) данных об их датировке немного, но всё же они есть. А. И. Айбабин, описывая несколько винодавлен, открытых раскопками на плато Эски-Кермен, отмечает, что одна из них была перекрыта часовней, построенной не ранее IX в. Саму винодельню исследователь связывает с усадьбой III, возникшей в «хазарский период»; тем же периодом датируется ещё одна площадка; в отношении третьей, выявленной раскопками Н. И. Реп-

никова в 1936 г., данных о датировке нет [Айбабин 2011]. Хазарский период в применении к рассматриваемому памятнику определяется А. И. Айбабиным с начала VIII в. по 841 г. [там же, с. 225]. Винодельни Эски-Кермена имеют некоторые общие черты с винодельнями Гераклеяского полуострова II типа. К этим чертам можно отнести вертикальную врезку, наличие оформленного в виде лотка сливного канала, наличие суслоприёмника с ямкой отстойника. Вместе с тем, небольшие размеры давящих площадок (2,0–4,5 кв. м) сближают их с нашими винодельнями первого типа.

В 2019 г. были опубликованы и скальные винодельни Мангупа [Герцен и др. 2019]. Всего исследователями представлено 12 винодавлений, разделённых на два типа: «монолитные бортовые виноградодавильни с простой системой сбора виноградного сусла» (10 давлений) и «так называемые «винтовые прессы», от которых сохранились скальные вырубки под станины деревянной конструкции в виде буквы «Н»» (2 давящие). Все эти винодельни датируются фемным периодом в истории Мангупа, то есть второй половиной IX — серединой XI в. Размеры давящих площадок находятся в диапазоне от 1,89 до 6,31 кв. м со средним значением площади в 4–5 кв. м. Все они обладают каналом слива в виде высеченного лотка и суслоприёмником, вырубленным в скале. Таким образом, по своим конструктивным особенностям они ближе ко второму типу виноделен Гераклеяского полуострова, хотя и несколько меньше в размерах, чем наши винодельни № 4, 5, 6.

Основываясь на археологическом материале, общей периодизации памятников, а также учитывая приведённые аналогии, можно предположить, что средневековые скальные винодельни Гераклеяского полуострова второго типа возникли в VII в. и предназначались для товарного производства. Развитием данного типа являются винодельни Эски-Кермена и Мангупа. На Гераклеяском же полуострове в результате смены населения во второй половине IX в. н. э., после периода запустения ближней округи Херсона в VIII в., винодельни второго типа частично продолжали использоваться, но одновременно появляется другой тип, предназначенный для удовлетворения прежде всего внутреннего потребления. Этот вариант виноделен являет определённую деградацию и упрощение строительных приёмов. Переходной формой от вто-

рого типа к первому и иллюстрацией процесса изменения технологии создания виноделен представляет собой винодельня № 7, сочетающая признаки обоих вариантов.

Расчёт производительности виноделен

Для расчёта производительности средневековых виноделен Гераклеяского полуострова мы используем данные и формулы, разработанные Н. И. Винокуровым для античного виноделия [Винокуров 1999, с. 70–72, 89] с учётом данных, применяемых Г. М. Николаенко при изучении виноделия эллинистической хоры Херсонеса [Николаенко, Бажанова 2013, с. 120]. Отталкиваясь от этих данных, попробуем вычислить приблизительное количество площадей виноградников и возможное количество потребителей.

Формула разовой загрузки винодавящей площадки по Н. И. Винокурову: $M_{рз} = 62,48Sh$: h , где S — площадь давящей площадки, h — высота бортов, H — постоянная высоты в 0,2 м. Сезонная загрузка по этнографическим данным — 200 раз в сезон. Выход вина: 60% первичного отжима плюс 20% от первичного выхода при рычажном давлении. Среднюю урожайность примем в значении 7 тонн с гектара виноградников³. Среднее потребление боспорянина, рассчитанное Н. И. Винокуровым по данным Катона, составляет 0,6778 л в день, 247,397 л в год. Для средневековой Европы нам известны постановления Ахенского собора 816 г., которые устанавливают меру потребления вина для священников и монахов в размере от двух до пяти либр в день (Institutio Canoniorum Aquisgranensis, cap. CXXII) [также: Nagy 2009]. Отталкиваясь от римского значения либры (327,45 грамма), получим величину потребления 0,65–1,60 л в день, используя каролингский фунт (408 грамм), что логичнее в данном случае, получаем значение 0,8–2,0 л в день. Как можно видеть, минимальное потребление, рассчитанное по античным и средневековым источникам, достаточно близко: 0,6–0,8 л в день. Усредним минимальное ежедневное потребление до 0,7 л в день, 255,5 л в год. Полученные данные представим в таблице (табл. 1).

³ Минимальное значение, взятое Г. М. Николаенко для расчёта площадей виноградников и производительности античной винодельни усадьбы участка № 193.

**Таблица 1. Расчёт производительности
и потребления средневековых виноделен Гераклеяского полуострова.**

винодельня	площадь (кв. м)	высота бортов (м)	разовая загрузка (кг)	разовый выход (л)	сезонная произво- дительность (л)	площадь виноградников (га)	количество потребителей (чел., округлено)
№ 1	4,3	0,1	134,3	96,7	19343,8	3,84	76
№ 2	3,4	0,1	106,2	76,4	15295,1	3,03	60
№ 3	2,56	0,1	79,9	57,5	11516,3	2,28	45
№ 4	9,66	0,3	905,3	651,8	130368,2	25,87	510
№ 5	13,21	0,4	1650,7	1188,5	237703,9	47,16	930
№ 6	6,56	0,2	409,8	295,1	59021,1	11,71	231
№ 7	2,6	0,23	186,8	134,5	26901,3	5,34	105
всего					500150	99,23	1957

Осознавая всю условность и приблизительность подсчётов, попробуем тем не менее проанализировать полученные данные. Особенный интерес вызывает возможность сравнить расчётные данные с данными исторической топографии. Такая возможность представляется нам на винодельнях № 2 и 3, относящихся к одному средневековому поселению, а именно к поселению древнего земельного участка № 268. В настоящий момент две эти винодельни составляют всю известную производственную мощность данного поселения. По расчётам, для их загрузки требовались виноградники площадью 5,31 га. При рассмотрении исторической топографии данной местности мы предположили расположение виноградников на северном (географически) склоне балки как на наиболее солнечном участке поселения. Площадь территории склона, находящаяся в ограде предполагаемых межевых стен поселения и свободная от пещерных сооружений и других построек, полученная в результате геодезических измерений, составляет 5,03 га. Как можно видеть, разными путями мы получили достаточно близкие числа. Эти сведения должны быть подтверждены или опровергнуты в ходе дальнейших археологических исследований на рассматриваемом памятнике. Если наши выкладки верны, то численность населения данного посёлка можно оценить приблизительно в 105 человек. Площадь строительных остатков усадеб данного поселения на настоящий момент оценивается в 2200 кв. м, не считая пещерных комплексов и удалённых от жилого ядра построек, рассматриваемых нами в качестве хозяйственных. Такая площадь жилых остатков, с учётом дворов,

вполне достаточна для размещения указанного количества населения.

Из этих расчётов следует и другой вывод: производительность виноделен на комплексе укрепленных сельскохозяйственных построек древнего земельного участка № 347 в балке Бермана явно была выше потребностей одного поселения. Мощность виноделен № 4 и 5 требовала более 70 га виноградников и могла покрыть годовую потребность 1500 человек. С большой долей вероятности можно утверждать, что эти винодельни носили товарный характер. Возможно, поздняя перепланировка винодельни № 5 в жилое помещение связана с появлением в непосредственной близости других виноделен — № 1, 6 и 7, — что лишило винодельческий комплекс виноделен № 4 и 5 необходимого объёма винограда.

Расчёты приводят нас ещё к одному выводу: и площадь виноградников, и расчётное количество потребителей слишком малы для средневекового Херсона и его ближайшей округи, даже если предположить одновременное существование всех описанных виноделен. Поэтому можно думать, что находки скальных виноделен будут продолжаться, тем более, все описанные нами объекты находятся на достаточно небольшой площади. Трудность обнаружения таких объектов, на наш взгляд, состоит в том, что эти винодельни не находятся непосредственно в границах усадеб, подобно античным. Скорее всего, они размещались в непосредственной близости от виноградников.

Так как археологические исследования на Гераклеяском полуострове продолжаются, то представленным расчётам предстоит про-

верка новыми данными. А для более полной характеристики раннесредневекового виноделия Гераклейского полуострова следует обратиться также к динамике производства амфорной тары в Херсоне.

Динамика производства амфорной тары

А. Л. Якобсон, анализируя керамическое производство в средневековой Таврике, отмечал: «...следует иметь в виду, что хронологическая последовательность гончарных печей в Северном Причерноморье — в Таврике (Херсонесе и Пантикапее), в городах Таманского полуострова, в частности, в Фанагории, обрывается в IV в. На протяжении нескольких последующих столетий (V–VII вв.) они здесь неизвестны. Гончарные печи появляются вновь только в VIII–IX вв. <...> Все сказанное склоняет к мысли если не об отсутствии в раннесредневековой Таврике сколько-нибудь развитого ремесленного производства керамики, то, по крайней мере, о слабости его» [Якобсон 1979, с. 17].

Авторы Херсонесской классификации 1971 г. (далее ХК-71) к типам амфор, наиболее вероятно производившимся в Херсонесе, относят типы IV, XIV, XXV. Тип IV — амфоры корчаги с цилиндрическим корпусом, датируются IV–VII вв. Тип XIV — яйцевидные амфоры с зональным рифлением, датируются VIII–IX вв., возможно, до XI в. Тип XXV — плоскодонные амфоры с бугристой внутренней поверхностью, датирующиеся XI–XIV вв., преобладающие в поздних слоях XII–XIV вв. С большой долей вероятности к произведённым в Херсонесе, по мнению авторов ХК-71, относятся типы V (желобчатые, V–VII вв.), VI (с яйцевидным корпусом) и VII (грушевидные со сложнопрофилированными ручками, V–VI вв.). «Все они имеют сходство между собой, и в то же время мы не знаем совершенно идентичных в других местах. Типы XXIII и XXIV также очень похожи друг на друга (они как бы составляют разные варианты одной группы) и среди позднесредневековых амфор по количеству занимают второе место. Все их можно считать херсонесскими. Мы говорили, что кувшины-амфоры с плоскими ручками, по крайней мере частично, производились в Херсонесе» [Антонова и др. 1971, с. 96]. К типам, производство которых могло быть частично херсонесским, частично других центров, относятся типы I (с перехватом, варианты III–V и V–VII вв.), II (остродонные с кониче-

ским корпусом, V–VII вв.), XI (с мелким рифлением, VI–VII вв.), XII (с густым рифлением IV–VI вв., возможно, бытуют и в VII в.), XIX (круглодонные с удлинённым корпусом, VIII–XI вв.), XXI (с воронкообразным венчиком, X–XI вв.). Остальные типы амфор отнесены к привозным [там же, с. 97].

Авторы Херсонесской классификации 1995 г. (далее ХК-95) не рассматривают подробно вопрос производства раннесредневековых амфор в Херсоне и его округе, отмечая только, что амфоры VIII–X вв. производились в крымских печах как по соседству с Херсоном, так и в отдалении от него. Указано, что для класса 24 известны места производства: печь у Ялты и гончарный комплекс в Карантинной бухте [Романчук и др. 1995, с. 47, 51].

В. Н. Чхаидзе, описывая средневековые амфоры, найденные при раскопках в Фанагории, упоминает несколько типов, относящихся к херсонесскому производству. Все эти типы относятся ко II группе, выделяемой автором: «раннесредневековые амфоры с яйцевидным, вытянутым желобчатым корпусом» [Чхаидзе 2012, с. 129]. Общая датировка группы — период от второй четверти VI до первых десятилетий XI в. Из выделяемых типов в Херсонесе (но не исключительно) производились следующие⁴: тип VIII (в комплексах Херсона относятся к X в.), тип IX (общая датировка — от второй половины VI до второй половины IX в.), тип X (от второй половины VI до рубежа VII–VIII вв., отдельные сосуды — до второй половины IX в.), тип XII (от второй половины VII до первых десятилетий XI в.). Известны по находкам в следующих печах Херсонеса: типы VIII, IX — в районе Песочной бухты и в районе Радиогорки, тип X — в район Песочной бухты, тип XII — в районе Радиогорки. В группе III (раннесредневековые амфоры яйцевидной формы с зональным рифлением) выделяется тип XVI, датируемый периодом от 570–580 гг. до начала XI в., производство которого также можно предполагать в Херсонесе [там же, с. 150–152, 155, 160].

Среди 35 известных гончарных центров Таврики VIII–X вв. [Паршина и др. 2001], связанных с производством амфорной тары, в Херсонесе и его округе в настоящий момент выделяются следующие.

⁴ Морфологические отличия разных типов амфор сознательно опущены, так как задача данного раздела — показать общую динамику производства амфор.

1. Печь в районе Радиогорки. Датируется Л.А. Рыжовой VIII–IX вв. [Рыжова 1982], Л.В. Седикова датирует эту печь второй половиной — концом IX в. [Седикова 1994, с. 439]. Среди производившихся в этой печи сосудов преобладают амфоры с бороздчатым туловом. Отмечены также фрагменты больших тарных сосудов с округлыми стенками и наклонно срезанным венчиком диаметром 24 см. В единичном экземпляре представлен сосуд с шаровидным туловом, узким коротким горлом и венчиком диаметром 13 см [там же, с. 434].

2. Печь в районе Песочной бухты. Датируется В.В. Борисовой VIII–IX вв. [Борисова 1960, с. 45], А.Л. Якобсоном — первой половиной X в. [Якобсон 1979, с. 53], Л.В. Седиковой — второй половиной — концом IX в. В данной печи производились амфоры, столовая и кухонная посуда. Амфоры представлены сосудами с бороздчатым туловом, а также сосудами с горизонтально отогнутым венчиком. Столовая посуда представлена кувшинами и горшочками, кухонная — горшками [Седикова 1994, с. 435–439].

3. Гончарный комплекс в верховьях Карантинной бухты. Долгое время считался лишь предположительным местом производства амфор. Но исследования подводной экспедиции музея-заповедника Херсонес Таврический, проведённые под руководством А.А. Букатова, выявили в кутовой части Карантинной бухты залежи керамического боя, под которыми зафиксированы пятна гари. В материале есть находки деформированных и бракованных изделий, куски пережжённой глиняной обмазки. Весь материал относится к амфорам с мелким зональным рифлением (тип XIV по ХК-71 или класс 24 по ХК-95) [Букатов, Дюженко 2018, с. 26].

Таким образом, сопоставляя полученные данные с предполагаемой датировкой виноделен Гераклеяского полуострова, можно говорить, что широкое товарное производство, требующее транспортной тары, определённо существовало в ближней округе Херсона во второй половине IX в. В этот период используются как винодельни раннего времени, так и появляются новые, меньшей производительности, нацеленные на внутреннее потребление домохозяйств. Для периода IV–VI вв. производство амфор, в отсутствие находок гончарных центров, остаётся на данный момент лишь гипотетической возможностью. Отдельно выделим период VII в., для которого мы предполагаем

появление больших виноделен, способных обеспечить товарное производство вина, но не можем с уверенностью говорить о производстве амфор и, следовательно, о широком винном экспорте. Выскажем догадку, что производство вина в этом столетии полностью было ориентировано на внутренний, местный, рынок, который в этом случае должен был обладать значительной ёмкостью.

Выводы

Прежде всего обратим внимание на общую характеристику развития виноделия в позднеантичный и раннесредневековый период в Средиземноморье. Здесь необходимо отметить, что винодельни в виде двух последовательно соединённых скальных резервуаров известны от Испании до Ближнего Востока начиная с конца эпохи бронзы и на протяжении всего средневековья. Технологический скачок в производстве вина происходит с применением рычажных механизмов, использующих воротный и винтовой способы притягивания рычага. По мнению Т. Льюит, основанном на сообщениях Катона и Плиния Старшего и на анализе археологических источников, распространение такой технологии началось в римский период, начиная со II в. до н. э. [Lewit 2012, p. 137]. Важным представляются наблюдения Т. Льюит о том, что широкое распространение рычажных прессов с механизмом притягивания рычага в первые века нашей эры характерно для Италии, Галлии и Испании, а начиная с IV в. н. э. в количественном отношении преобладают винодельни Сиро-Палестинского региона, Египта, Малой Азии и Кипра [Lewit 2012, p. 139]. Данная ситуация характерна для периода IV–VII вв., на протяжении которого Восточное Средиземноморье становится основным центром производства и экспорта вина. В середине VII в. ближневосточное производство резко уменьшается, что связано с арабским завоеванием этого региона. Данная ситуация в Крыму может быть отслежена по падению импорта керамической тары. Так, время поступления амфор LR1 на Боспор ограничивается серединой VII в. [Смокотина 2014, с. 74]. Распространение других типов ближневосточной керамики в Крыму также не выходит за эти пределы. С середины VII в. также снижается уровень сельскохозяйственного производства, в том числе виноградарства и виноделия, в Малой Азии, что

подтверждается комплексным анализом археологических памятников, данными палинологии и климатологии [Roberts et al. 2013]. Известные ранее центры импорта амфорной тары уступают место региональным производителям [Orait 2018, p. 702].

В Херсонесе после расцвета виноделия в III–II вв. до н. э. также следует значительный спад. В первые века нашей эры появляются новые винодельни как в самом городе, так и в его округе, но в значительно меньшем количестве, чем в эллинистический период [Зубарь 2009, с. 237]. Для периода IV–VI вв. на данный момент известны лишь две винодельни на территории городища, исследованные М. И. Золотаревым. В VII в. появляются крупные товарные винодельни на поселениях в балке Бермана. Важно, что данные винодельни выглядят созданными на весьма высоком архитектурном и технологическом уровне в отсутствие прямой предшествующей строительной традиции именно таких, вырубленных целиком в скале, сооружений в регионе (винодельни как римского периода, так и предполагаемые V–VI вв. были совсем иными — составными, сооруженными из отдельных деталей с большим использо-

ванием раствора). Все это наводит на мысль, что появление нового типа виноделен стало результатом переноса (или все же «заимствования»?) строительной ближневосточной традиции в раннесредневековый Херсон. Распространение её на остальной территории Крыма в свете имеющихся данных произошло, по всей видимости, на более позднем этапе. Как бы то ни было, к концу VIII — началу IX в. амфоры крымского производства экспортируются на территорию Хазарского каганата и даже в регион Адриатики [Čechová 2014, p. 105]. Расцветом средневекового виноделия в Таврике можно считать период второй половины IX — первой половины X в., когда наиболее широко распространяются амфоры местных производственных центров [Паршина и др. 2001, с. 76]. Отдельные раннесредневековые винодельни продолжают использоваться, возможно, со значительными перерывами, до конца XIV в.

Конечно, представленная линия развития средневекового виноделия в Херсоне и его округе является гипотезой, подтвердить, скорректировать или опровергнуть которую могут лишь дальнейшие археологические исследования в этой области.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Николаенко Г. М., Марченко Л. В., Калашников М. В., Аржанов А. Ю., Костусев А. В. Отчёт о раскопках укрепленного комплекса построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347 хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове в 2012 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4229/1.
- Николаенко Г. М., Марченко Л. В., Калашников М. В., Аржанов А. Ю., Костусев А. В. Отчёт о раскопках укрепленного комплекса построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347 хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове в 2013 г. Часть I. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4286/1.
- Николаенко Г. М. Отчёт о раскопках укрепленного комплекса построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347 хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове в 2014 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4320/1.
- Николаенко Г. М., Аржанов А. Ю. Отчёт о раскопках укрепленного комплекса построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347 хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове в 2015 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4478.

ИСТОЧНИКИ

- Institutio canonicorum Aquisgranensis/ed. A. Werminghoff // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio, 3. Concilia, 2. Concilia aevi karolini, 1. Hanover, 1906. P. 307–421.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
- Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2011. Вып. XVI. С. 214–239.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017. 366 с.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
- Борисова В. В. Средневековая гончарная печь // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. I. С. 42–46.
- Букатов А. А., Дюженко Т. В. Подводные археологические разведки в бухтах Карантинная и Казачья в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. 8. С. 26–28.
- Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АНУ. 1960. Вып. 10. С. 109–114.
- Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. 191 с.
- Гавритухин И. О. Пряжки с коробчатой петлёй на Юго-Востоке Европы // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 201–214.

- Ганцев В. К. Скальные винодавильни в районе монастыря Челтер-Коба и Сюреньского укрепления: современная историко-винедческая база и перспективы изучения // III Свято-Владимирские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси / ред.-сост. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2018. С. 19–21.
- «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография Н. И. Репникова, П. П. Бабенчикова, В. П. Бабенчикова, Е. В. Веймарна / под ред. Ю. А. Виноградова, Т. Н. Смекаловой. СПб, 2019. 204 с. (Серия: Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. I).
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавильни Мангупа // ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΚΟΛΙΣ. XI Международный Византийский Семинар: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 79–86.
- Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Гуськов А. А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология. 2016. № 7. С. 239–247.
- Золотарев М. И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 2. С. 135–138.
- Зубарь В. М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н. э. — VI н. э. // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 226–295.
- Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. 89 с. (Серия: САИ. Вып. Е4-04).
- Николаенко Г. М., Бажанова Т. И. Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. № 132) на Гераклейском полуострове // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 117–158.
- Омелькова Л. А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 73–94.
- Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье: Сборник научных статей / отв. ред. М. И. Гладких. Киев, 2001. С. 52–81.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 169 с.
- Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII–IX века вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 149–156.
- Седикова Л. В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 434–440.
- Смокотина А. В. Амфоры LR1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
- Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. Вып. VI. 247 с.
- Фокин П. А., Белый А. В. Строение тарапанов средневекового городища Кыз-Кермен (Крым, Бахчисарайский р-н): результаты геологического обследования // Причерноморье в Средние века. 2015. Вып. IX. С. 181–192.
- Хайрединова Э. А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
- Чхайдзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. 590 с.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
- Яшаева Т. Ю. Винодельческий комплекс у пещерного храма 2 на мысе Виноградном // Археологічні дослідження в Україні — 2010. Киев; Полтава, 2011. С. 388.
- Čechová M. The Importance of the Northern Black Sea for the Byzantine Empire in the 6th — 10th centuries. Economic and Military Importance of Cherson: Doctoral Dissertation. Universita Karlova v Praze, 2014. 165 p.
- Lewit T. Oil and wine press technology in its economic context: Screw presses, the rural economy and trade in Late Antiquity // *Antiquité tardive*. 2012. Vol. 20. P. 137–149.
- Nagy B. Monasztikus szőlőtermesztés és borfogyasztás a középkori Nyugaton // Dénesi T.; Csoma Z. (szerk.): «ad vinum diserti...»: Monostori szőlő- és borgazdálkodás. Budapest, 2009. Pp. 41–52.
- Opait A. Local and imported wine at Pompeiopolis, Paphlagonia // RCRF. 2018. Acta 45. P. 701–713.
- Roberts N., Cassis M., Doonan O., Eastwood W., Elton H., Haldon J., Izdebski A., Newhard J. Not the End of the World? Post-Classical Decline and Recovery in Rural Anatolia // *Human Ecology*. 2013. Vol. 41. No. 4. P. 305–322.

REFERENCES

- Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', 1999, 352 p.
- Aibabin A. I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, iss. XVI, pp. 214–239.
- Aibabin A. I., Khairedinova E. A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)*. Simferopol', 2017, 366 p.
- Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A. I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1971, iss. 7, pp. 81–101.
- Borisova V. V. Srednevekovaia goncharnaia pech'. *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia*, 1960, iss. I, pp. 42–46.
- Bukatov A. A., Diuzhenko T. V. Podvodnye arkheologicheskie razvedki v bukhtakh Karantinaia i Kazach'ia v 2017 g. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, 2018, iss. 8, pp. 26–28.
- Veimarn E. V. O vinogradarstve i vinodelii v drevnem i srednevekovom Krymu. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii akademii nauk Ukrainy*, 1960, vol. 10, pp. 109–114.
- Vinogradov Iu. A., Smekalova T. N. (ed.). «*Gerakleiskii sbornik*» 1936 g. Saint Petersburg, 2019, 204 p.
- Vinokurov N. I. *Vinodelie antichnogo Bospora*. Moscow, 1999, 191 p.
- Gavritukhin I. O. Priazhki s korobchatoi petlei na Yugo-Vostoке Evropy. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1995, iss. IV, pp. 201–214.

- Gantsev V.K. Skal'nye vinodavil'ni v raione monastyria Chelter-Koba i Siuren'skogo ukrepleniia: sovremennaia istochnikovedcheskaia baza i perspektivy izucheniia. In: *III Sviato-Vladimirskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1030-letiiu Kreshcheniia Rusi*. Sevastopol', 2018, pp. 19–21.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E. K izucheniiu istorii Mangupa VIII–XI vv. Sostoianie istochnikovoi bazy i perspektivy issledovaniia. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, iss. XXIII, pp. 615–640.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Gantsev V. K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa In: ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i Polis. *XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar: materialy nauchnoi konferentsii*. Simferopol', 2019, pp. 79–86.
- Golofast L. A. Steklo rannevizantiiskogo Khersona. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, iss. VIII, pp. 97–260.
- Gus'kov A. A. Mnogoobrazie tarapanov peshchernogo goroda Kachi-Kal'on. *Speleologiya i spelestologiya*, 2016, No. 7, pp. 239–247.
- Zolotarev M. I. Organizatsiia vinodeliia v pozdneantichnom Khersonese. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Bosporskii fenomen: problemy khronologii i datirovki pamiatnikov*. Saint Petersburg, 2004, vol. 2, pp. 135–138.
- Zubar' V. M. Iz istorii ekonomicheskogo razvitiia Khersonesa-Khersona vo vtoroi polovine I v. do n. e. — VI n. e. *Bosporskie issledovaniia*, 2009, iss. XXI, pp. 226–295.
- Kropotkin V. V. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, 1962, 89 p.
- Nikolaenko G. M., Bazhanova T. I. Khersonesskaia sel'skaia usad'ba drevnego zemel'nogo uchastka № 193 (st. № 132) na Gerakleiskom Poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, 2013–2014, vol. XVIII, pp. 117–158.
- Omel'kova L. A. Rannesrednevekovyi mogil'nik v Bel'bekskoi doline. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1990, iss. 25, pp. 73–94.
- Parshina E. A., Teslenko I. B., Zelenko S. M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. In: Gladkikh M. I. *Morskaia torgovlia v Severnom Prichernomor'e*. Kiev, 2001, pp. 52–81.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995, 169 p.
- Ryzhova L. A. Goncharnaia pech' VIII–IX veka vblizi Khersona (v raione Radiogorki). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1982, iss. 19, pp. 149–156.
- Sedikova L. V. Keramicheskie pechi IX v. v Khersonese. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1994, iss. IV, pp. 434–440.
- Smokotina A. V. Amfory LR1 na Bospore. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, iss. XIX, pp. 68–87.
- Strzheletskii S. F. Klery Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskii sbornik*, 1961, iss. VI, 247 p.
- Fokin P. A., Belyi A. V. Stroenie tarapanov srednevekovogo gorodishcha Kyz-Kermen (Krym, Bakhchisaraiskii r-n): rezul'taty geologicheskogo obsledovaniia. *Prichernomor'e v Srednie veka*, 2015, iss. IX, pp. 181–192.
- Khairedinova E. A. Priazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniia*, 2016, iss. XXXIII, pp. 242–265.
- Chkhaidze V. N. *Fanagoriia v VI–X vekakh*. Moscow, 2012, 590 p.
- Yakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*. Leningrad, 1979, 164 p.
- Yashaeva T. Yu. Vinodel'cheskii kompleks u peshchernogo khrama 2 na myse Vinogradnom. *Arheologichni doslidzhennia v Ukraïni — 2010*. Kiev; Poltava, 2011, p. 388.
- Čechová M. *The Importance of the Northern Black Sea for the Byzantine Empire in the 6th — 10th centuries. Economic and Military Importance of Cherson*. Doctoral Dissertation. Universita Karlova v Praze, 2014. 165 p.
- Lewit T. Oil and wine press technology in its economic context: Screw presses, the rural economy and trade in Late Antiquity. *Antiquité tardive*, 2012, vol. 20, pp. 137–149.
- Nagy B. Monasztikus szőlőtermesztés és borfogyasztás a középkori Nyugaton. In: Dénesi T.; Csoma Z. (szerk.): «*ad vinum disert...*»: *Monostori szőlő- és borgazdálkodás*. Budapest, 2009, pp. 41–52.
- Opait A. Local and imported wine at Pompeiopolis, Paphlagonia. *RCRF*, 2018, Acta 45, pp. 701–713.
- Roberts N., Cassis M., Doonan O., Eastwood W., Elton H., Haldon J., Izdebski A., Newhard J. Not the End of the World? Post-Classical Decline and Recovery in Rural Anatolia. *Human Ecology*, 2013, vol. 41, no. 4, pp. 305–322.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы организации процесса виноделия в ближней округе раннесредневекового Херсона. Даны описания открытых в ходе археологических работ виноделен, по способу вырубки и устройству давящих площадок они разделены на два типа. На основании размеров выполнены расчёты их возможной производительности, требуемой площади виноградников, возможного количества потребителей. В результате анализа строительных приёмов, археологического материала и общей ситуации в Средиземноморье предложена дата начала товарного виноделия в ближней округе раннесредневекового Херсона — середина VII века.

Ключевые слова: хора Херсонеса, средневековый Херсон, раскопки, византийский период, скальные винодельни, вино.

Aleksey Arzhanov

THE WINEMAKING IN CHERSON'S CLOSE ENVIRONS DURING EARLY MEDIEVAL AGE

SUMMARY

The present paper is devoted to the problem of the winemaking in Cherson's Close Environs during Early Medieval Age. The author describes seven rock wineries at Heracleans Peninsula (Sevastopol, Crimea) that were discovered as a result of archaeological research. These wineries are divided into two building types. Approximate calculations of productivity and number of users are based on the size of these wineries. To the author opinion commercial wine making in Cherson's Close Environs during Early Medieval Age started in 7th century.

Key words: Chora of Chersonesos, Medieval Cherson, archaeological researches, Byzantine period, rock wineries, wine making.

Рис. 1. Гераклейский полуостров.

1 — расположение описываемых в тексте виноделен;
2 — взаимное расположение виноделен в балке Бермана.

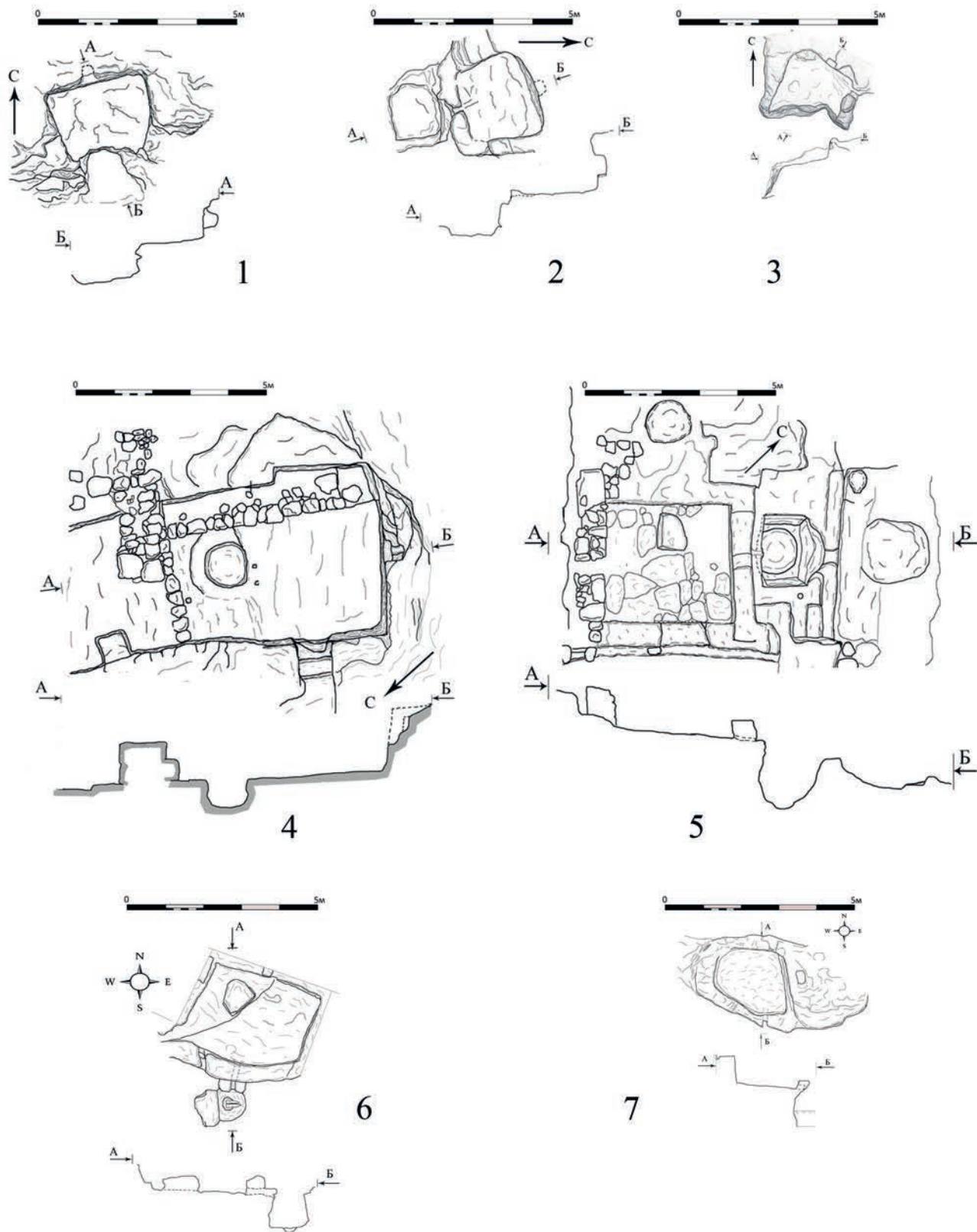

Рис. 2. Планы и разрезы виноделен.

1

2

3

Рис. 3. Винодельни № 1-3.

Рис. 4. Аэрофотография участка «Подземный-1» комплекса укрепленных сельскохозяйственных построек в балке Бермана.
1 — винодельня № 4; 2 — винодельня № 5.

1

2

Рис. 5. Винодельни № 6-7.

Рис. 6. Архитектурные детали суслоприёмника винодельни № 4. 1 — пазы в бортах суслоприёмника; 2 — ямка под столб; 3 — фрагменты пифоса; 4 — канал стока сусла.

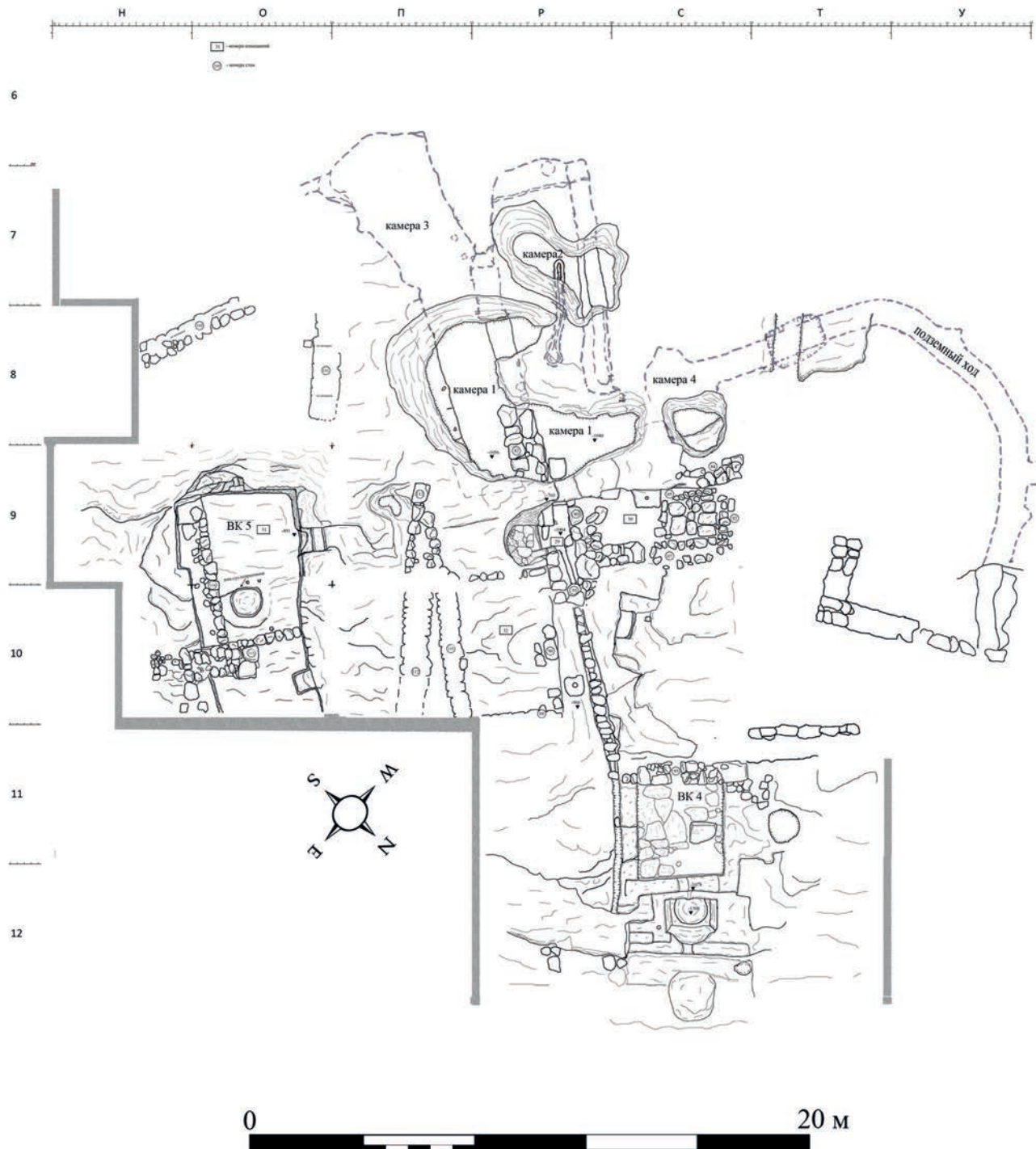

Рис. 7. План участка «Подземный-1» комплекса укрепленных сельскохозяйственных построек в балке Бермана.

Рис. 8. Материал первого строительного периода участка «Подземный-1» комплекса укрепленных сельскохозяйственных построек в балке Бермана. 1 — стенки амфор LRA1 и LRA2; 2 — фрагмент пряжки типа «Сиракузы»; 3 — железная фибула; 4 — фрагмент пряжки типа «Салона-Истрия»; 5 — донце рюмки; 6, 7 — фрагменты пряжек.

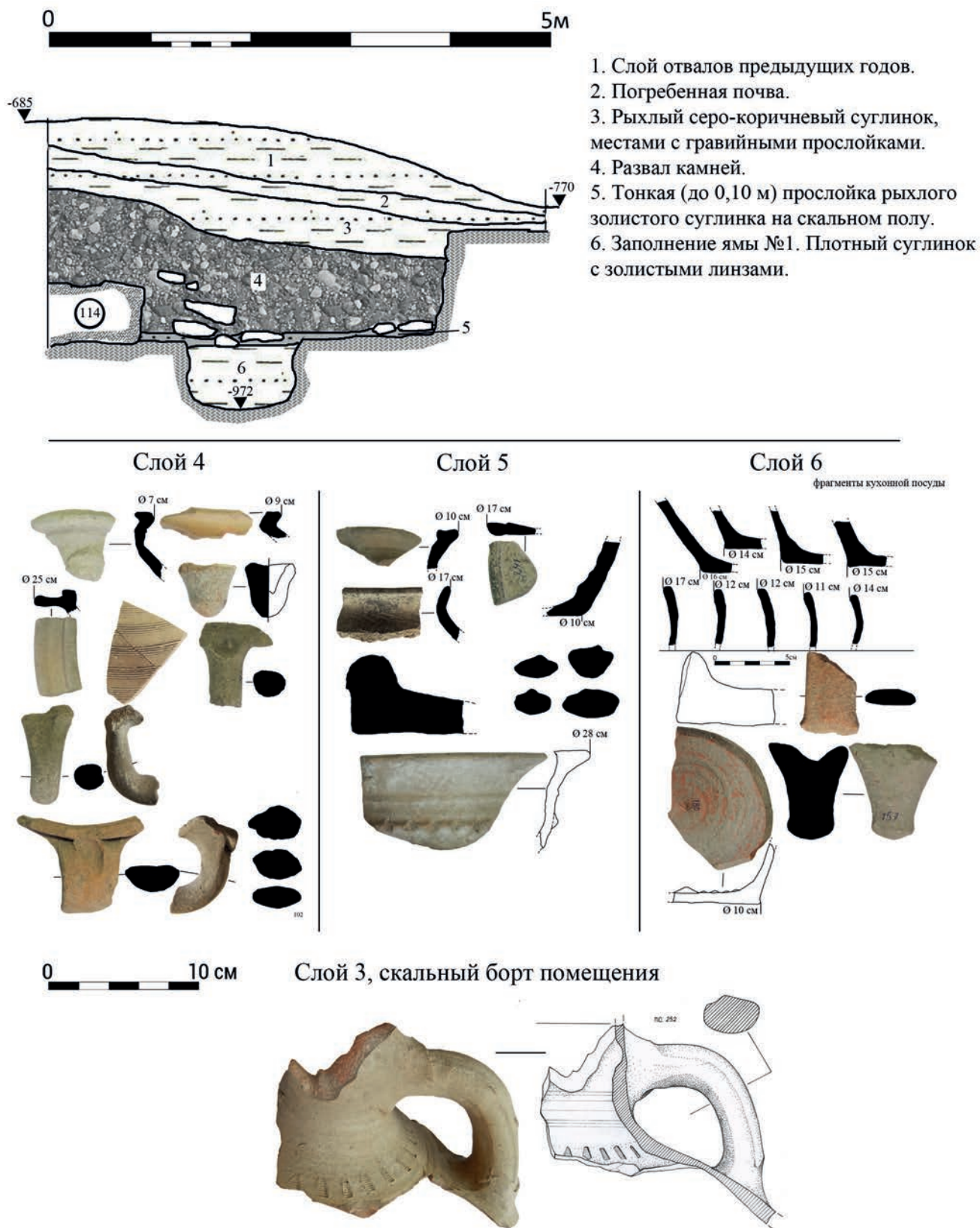

Рис. 9. Стратиграфия и материал винодельни № 5, переоборудованной в жилое помещение во втором строительном периоде участка «Подземный-1» комплекса укрепленных сельскохозяйственных построек в балке Бермана.

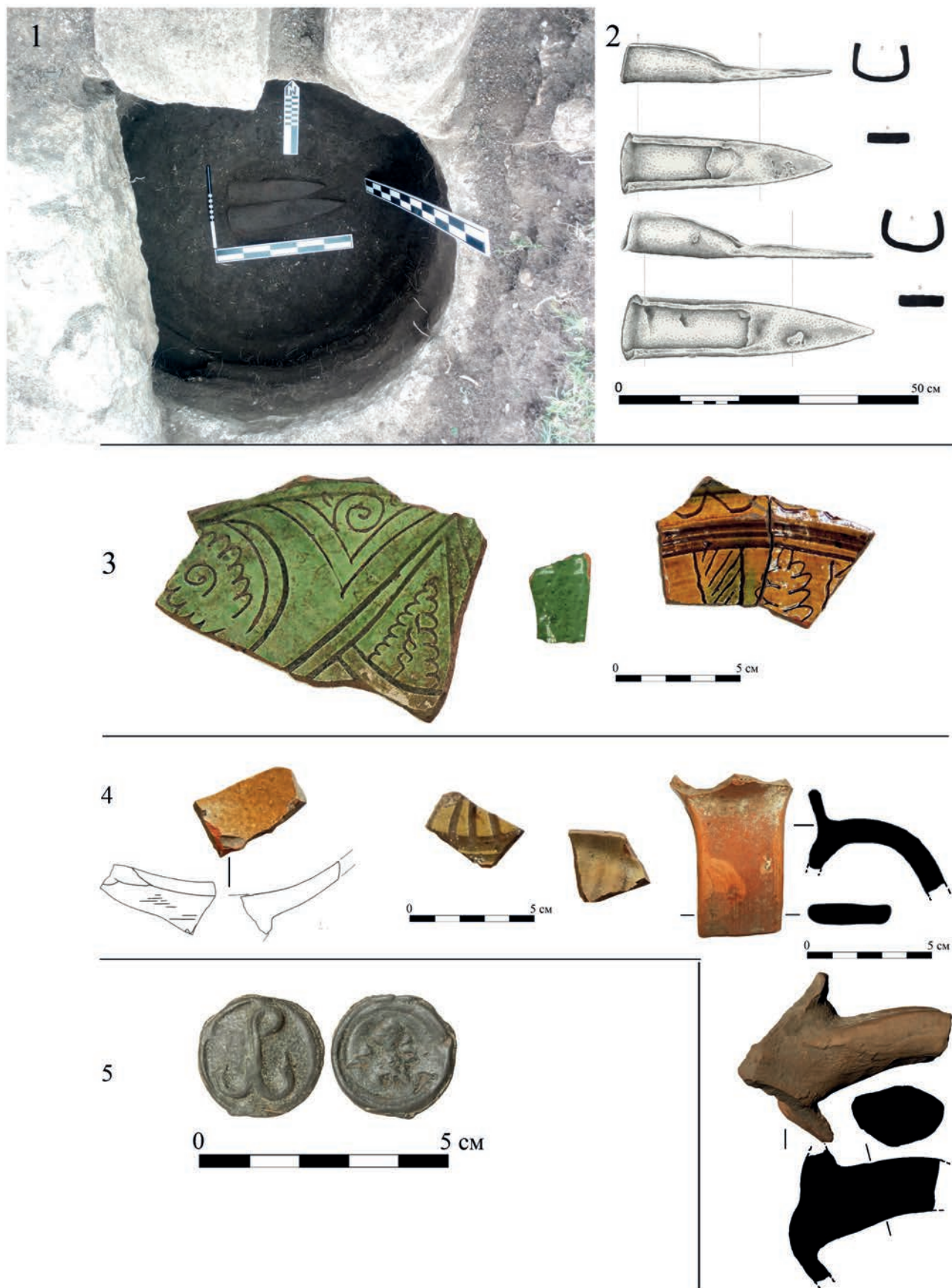

Рис. 10. Материал винодельни № 6. 1 — клад пахотных предметов в сулоприёмнике; 2 — пахотные орудия; 3 — керамический материал со скального дна сулоприёмника; 4 — материал заполнения давяльной площадки; 5 — монета, найденная на северном скальном борту давяльной площадки.

Рис. 11. Материал из заполнения виноделен. 1 — винодельня № 1, балка Бермана; 2 — винодельня № 2, древний участок № 268, Нижне-Юхарина балка; 3 — винодельня № 3, древний участок № 268, Нижне-Юхарина балка.

Рис. 12. Материал разведок на ОАН «Усадьба (балка Бермана)».
 1 — заполнение давяльной площадки; 2 — подъемный материал;
 3 — шурф у северной границы памятника; 4 — шурф у южной границы памятника.

Е. В. Струкова

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЕРП ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА. ИСТОРИЯ ХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

В 2018 г. в реставрационную лабораторию металла отдела научной реставрации Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» поступил железный серп из византийской экспозиции. Серп был склеен из шести фрагментов. Несколько швов склейки разошлись, фрагменты отделились, и экспонировать его дальше в таком виде не представлялось возможным.

Музейная карточка серпа (№ 793) содержала очень лаконичную информацию: «1910 год, раскопки Лёпера у западной оборонительной стены. Серп железный с черенком для насадки ручки. Кривая лезвия серпа сильно изогнута, обломан конец лезвия, XIV в., размер 36,0 см» с приложением фотографии. В какой именно период была сделана эта фотография, установить довольно сложно: на ней серп изображен с действительно обломанным концом лезвия и состоит из двух фрагментов — рукоять с большей частью лезвия и обломанный конец. Сколько раз предмет ранее реставрировался, тоже не известно. Как мы видим по дате находки (1910 г.), возраст серпа как коллекционной единицы весьма почтенный — этому экспонату на сегодняшний день исполнилось уже 110 лет. Поэтому представляется интересным попытаться узнать его историю от времени обнаружения и до сегодняшнего дня. К сожалению, сохранившиеся данные весьма скупы и отрывочны, но все же кое-что удалось выяснить благодаря документам архива Херсонесского музея.

В первую очередь были просмотрены материалы о раскопках Р. Х. Лёпера за 1910–1911 гг. В черновиках полевых описей никакого упоминания о серпах найдено не было, однако в чистовом варианте описи предметов, найденных в 1910 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 103. Л. 5), найдена запись: «179. Куски железного серпа 120999/21000». Нет никаких сомнений, что

речь идет о нашем экспонате, поскольку в карточке он числится именно под номером 21000. Теперь становится понятно, что при обнаружении серп состоял именно из двух фрагментов (20999/21000), и что фотография в карточке соответствует тому состоянию, в каком серп был найден. Следующим вопросом, ответ на который проявил бы историю серпа в качестве музейного экспоната, был вопрос о времени включения его в экспозицию. В 1932 г. был разработан тематическо-экспозиционный план средневекового зала, однако этот план не включал такие экспонаты, как серпы (см. топографический ключ Феодального отдела, 1938: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 420). Следовательно, в довоенную экспозицию наш предмет включен не был.

С началом Великой Отечественной войны Севастополь, как известно, стал одним из первых городов, подвергшихся вражеским бомбардировкам. Атаки с воздуха проводились почти каждые сутки. В этих условиях было принято решение об эвакуации музейной коллекции, архива и библиотеки. Организатором, руководителем и сопровождающим лицом эвакуации был назначен сотрудник музея Станислав Францевич Стржелецкий. Судя по его отчету от 20 января 1942 года, эвакуировано было весьма солидное количество единиц музейного хранения, из которых только «нумизматический кабинет» составлял около 15 тысяч монет (цифра в отчете значит «под вопросом»). Из этого же документа мы узнаем краткую историю долгого (106 дней) и тяжелого путешествия коллекции из Севастополя до места назначения — г. Свердловск.

16 сентября материалы были подготовлены к погрузке. Уже при погрузке на корабль 18 сентября часть ящиков с экспонатами была повреждена вследствие слабости упаковки.

Груз прибыл в Поти, откуда 26 сентября отправился железнодорожным путем в Тбилиси. Такой маршрут был обусловлен тем, что вагон для эвакуации музея не был выделен, но Станиславу Францевичу удалось погрузить экспонаты и материалы в чужой, направляющийся в Тбилиси. Там этот вагон был передан для дальнейшего следования коллекции к месту назначения, однако вследствие отсутствия финансирования его отправка задержалась до 10 октября (см. отчет об эвакуации С. Ф. Стржелецкого 1941 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 460. Л. 21 (7)). После длительного пути, сопровождавшегося частыми и затяжными остановками, 12 ноября груз прибыл в Баку, а 22 ноября — в Красноводск. Последовавшие за этим перегрузки экспонатов и дальнейшее продвижение на восток через ст. Арысь, Чкалов и Челябинск происходило при непрерывных морозах, достигавших -38°C . Прибывшие 26 декабря 1941 г. к месту назначения материалы срочно нуждались в размещении, ревизии и оценке их состояния, поскольку в пути испытывали воздействие различных неблагоприятных условий. Такими условиями были, во-первых, уже упомянутые морозы, а также непредвиденные погрузки-разгрузки, во время которых ящики с экспонатами по несколько суток находились под дождем и снегом. Во-вторых, при упаковке коллекции использовались материалы, доступные сотрудникам музея в сложившихся военных условиях, в результате чего упаковочная тара получилась слабой и неспособной должным образом защитить предметы коллекции (см. отчет об эвакуации С. Ф. Стржелецкого 1941 г.: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 460. Л. 21 (7)).

Благодаря самоотверженным действиям Станислава Францевича и свердловских коллег коллекция получила место для размещения, а ученые — возможность вести с ней совместную научную работу. Эвакуированные экспонаты, как уже было сказано выше, нуждались не только в оценке состояния, но и в ревизии. Главной причиной этого было отсутствие полной эвакуационной описи (например, на весь архивный материал описи составить не успели). В настоящее время в архиве Херсонесского музея сохранилась одна эвакуационная опись, касающаяся экспонатов. Она содержит информацию о двух с небольшим тысячах единиц. В ней под порядковыми номерами 2050 и 2051 фигурируют два серпа «с обломанными конца-

ми». Размеры серпа под номером 2051 близки к размерам нашего — 0,35 м (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 492. Л. 31). Однако коллекционные номера 5406 и 5407 говорят о том, что, скорее всего, это были другие экспонаты, к тому же в описи ничего не сказано о вторых фрагментах. Можно, конечно, осторожно предположить, что коллекционные номера могли меняться (с этим мы сталкивались в музейной практике неоднократно), а второй фрагмент просто не указан из-за спешки, ведь, как мы видим по порядковому номеру, серпы идут практически последними в этой описи. Но это всего лишь догадки. Зато мы видим, что такие экспонаты, как орудия сельскохозяйственного труда, подлежали эвакуации, и, опираясь на данный документ, можно предположить уже с большей уверенностью, что наш экспонат просто не попал в первую опись, хотя был эвакуирован вместе с остальными предметами коллекции. Однако бесспорные подтверждения этого на сегодняшний день, к сожалению, найти чрезвычайно сложно.

После освобождения Севастополя в 1944 г. коллекция вернулась в Херсонес, и музей возобновил свою работу. В топочлюче к экспозиции Средневекового отдела 1946 г. значится такой экспонат: «Серп-I б/н» (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 573. Л. 12). В тематическо-экспозиционном плане 1947–1948 гг. в разделе «сельское хозяйство» в списке экспонатов значатся *серпы* (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 591. Л. 41). Топочлюч Средневекового отдела 1950 г. сообщает нам о наличии в экспозиции Серпа-I с номером 5406 (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 596. Л. 42). Скорее всего, этот предмет перешел в обновленную экспозицию из экспозиции 1946 г., и, как мы видим по номеру, совершенно точно был в эвакуированной коллекции.

Достоверная история серпа как выставочного экспоната под номером 21000 начинается только в 1982 г., когда была открыта новая экспозиция. По свидетельству заведующей Отделом византийской истории Т. Ю. Яшаевой, этот серп находится в экспозиции с самого ее открытия. Несомненно, что перед открытием все выставочные предметы, в том числе и серп, были отреставрированы реставраторами Херсонесского музея и подготовлены к экспонированию. Также повторим, что, скорее всего, именно тогда на реставрацию серп пришел уже не в двух, а в шести фрагментах.

В 2018 г. серп поступил на повторную реставрацию во фрагментированном состоянии: три

фрагмента были склеены друг с другом, а два фрагмента отделились в результате деградации клея; все названные фрагменты были приклеены толстым клеевым слоем к дублирующей основе из оргстекла (основа повторяла форму предмета на плоскости). Рукоять серпа отделилась как от самого предмета, так и от дублирующей основы и находилась отдельно (рис. 1). Все фрагменты были покрыты мощным густым слоем защитного консервирующего покрытия. Ко времени поступления предмета в реставрацию покрытие и клей на швах деградировали, приобрели желтизну, а по краям стали ломкими. Цвет металлической поверхности был неравномерный — на всех фрагментах присутствовали рыжие, светло-коричневые и белесые пятна. Под слоем консервационного покрытия просматривались крошечные участки остатков почвы и рыхлых продуктов коррозии железа. Фрагменты серпа имели глубокие продольные трещины, расслоения, которые повышали хрупкость предмета и являлись дополнительной угрозой сохранности экспоната (рис. 2).

Для проведения полного цикла необходимых реставрационных мероприятий необходимо было в первую очередь демонтировать фрагменты с дублирующей основы и удалить старое консервационное покрытие. Можно было предположить, что покрытием и клеем послужил клей БФ-2¹, который в 80-е гг. широко использовался в реставрации. И действительно, при подборе растворителя в ходе реставрационных исследований самый эффективный результат показала смесь этиловый спирт/ацетон 1:1, которая является лучшим растворителем клея БФ-2.

При осуществлении демонтажа с дублирующей основы капли смеси растворителей заливались в пространство между серпом и оргстеклом с помощью пипетки и шприца. Затем предмет был оставлен на некоторое время под полиэтиленовой пленкой для замедления испарения растворителя. После того, как клей размягчился, основа была удалена. На места склеек фрагментов были наложены компрессы. Для этого были использованы медицинский бинт и полиэтиленовая пленка: бинт смачивался в растворителе и плотно накладывался

на место стыковки фрагментов, затем также плотно оборачивался пленкой.

Следующим шагом после демонтажа было удаление консервационного покрытия. Для этого также использовались компрессы, но они накладывались уже не локально. Каждый фрагмент полностью заворачивался в ватно-марлевый лоскут, который фиксировался белой ниткой. Затем с помощью пипетки компресс был пропитан растворителем, после чего каждый фрагмент был обернут пленкой.

В результате размягчения и растворения полимера большая его часть осталась на бинте, а остатки удалены с поверхности с помощью ватных тампонов, смоченных растворителем, и бамбуковых палочек. После удаления консервационного покрытия, цвет поверхности фрагментов стал более равномерным, исчезли белесые и рыжие пятна.

Очаги активной коррозии не были обнаружены ни на поверхности предмета, ни в глубоких трещинах, однако исследование с помощью магнита показало наличие хорошего металлического ядра. Поэтому было принято решение не проводить отдельных стабилизационных мероприятий, а защиту металла произвести методом ингибирования поверхности. Ингибиторы коррозии — это вещества, которые при незначительных концентрациях способны замедлять скорость коррозионных процессов или даже полностью останавливать их. В нашем случае для этого был применен водно-спиртовой раствор танина:

Танин — 200 г.

Спирт этиловый — 150 г.

Вода дистиллированная — 1000 г.

Каждый фрагмент был сначала увлажнен дистиллированной водой, а затем обработан раствором танина. Раствор наносился на поверхность с помощью щетинной кисти и растирался в течение нескольких минут. После нанесения раствора все фрагменты были оставлены на два дня для сушки на открытом воздухе. Это было сделано для формирования защитного таннатного слоя, который образуется в присутствии кислорода [Шемаханская 1989, с. 37–38; Минжулин 1992, с. 57]. Через два дня операция была произведена повторно, а затем все фрагменты были высушены в сушильном шкафу при температуре 100 °С и подготовлены к нанесению нового консервационного покрытия.

¹ Бутираль (поливинилбутираль) фенольный (фенолформальдегидный) терморезистивный однокомпонентный полимеризующийся клей, разработанный советским химиком Г. С. Петровым.

В качестве консервационного покрытия был использован один из наиболее известных и широко применяемых материалов в мировой реставрационной практике — Paraloid B-72². Раствор Paraloid B-725% в ксилоле наносился мягкой кистью на слегка разогретую поверхность фрагментов. Ксилол, как растворитель B-72, обладает меньшей летучестью, чем этанол или ацетон. Благодаря этому свойству при образовании полимерной пленки, молекулы имеют время выстроиться в наиболее удобном порядке, и таким образом получается равномерное хорошее защитное покрытие [Буршнева 2019]. Подогрев же поверхности был произведен для того, чтобы избежать побеления полимера в условиях нашего влажного воздуха.

После формирования полимерной пленки и завершения процесса консервации наступила очередь восстановления формы экспоната. Поскольку местоположение всех фрагментов было известно изначально, тратить время на подбор и поиск нужных мест стыковок не было необходимости. Для склеивания использовался 30% раствор того же Paraloid B-72, но в качестве растворителя использовался уже ацетон. Как наиболее летучий растворитель он быстрее испаряется, что способствует ускорению склеивания шва. Когда фрагменты плотно склеились, швы были заполнены мастиковочной массой. Следует сказать, что глубокие трещины, в том числе на месте расслоений металла, были еще до склейки укреплены мастикой (рис. 3). Для изготовления мастики использовался все тот же полимер — Paraloid B-72 в качестве связующего (20% в ацетоне), а в качестве наполнителя — сухие пигменты, подобранные по цвету, близкому к цвету металла [Буршнева 2019]. Мастика укладывалась в трещины тонкими слоями с помощью металлических стоматологических шпателей. Мастиковка глубоких трещин — довольно длительный процесс, поскольку каждый последующий слой мастики наносится только после полного высыхания предыдущего.

После того, как предмету была возвращена экспозиционная целостность, его поверхность

была обработана восковой композицией. Эта операция была проведена по двум причинам. Во-первых, воск служит дополнительным защитным покрытием, что никак не может быть излишним в условиях нашего влажного морского воздуха, образующего достаточно агрессивную окружающую среду для экспонатов в негерметичных витринах. Во-вторых, восковое матирование улучшает эстетический вид экспонатов — смягчает яркость, приглушает блеск (рис. 4).

В настоящее время коллекция херсонесского музея-заповедника постоянно пополняется новыми предметами из раскопок различных экспедиций, работающих на городище и в округе Херсонеса, и составляет 245.728 единицы хранения³. Разумеется, в этой коллекции предметы, которые были найдены более ста лет назад, уже составляют меньшую часть, но этим они особенно дороги и хранителям, и исследователям. Судьба их складывалась, как мы видим, непросто. Одним из таких экспонатов и является наш серп, который разрушился из 2 до 6 фрагментов. Причин для подобного разрушения могло быть множество. Это, возможно, и эвакуация в Свердловск, и тяжелые послевоенные условия — сложности хранения, агрессивная окружающая среда, морской воздух, частая сырость, смена сезонов, сухость печного отопления и пр. Теперь уже невозможно точно установить, когда и каким образом были получены эти повреждения. Более или менее достоверно известно только время, когда была произведена предпоследняя реставрация, которая помогла на длительное время сохранить серп не просто как единицу фондового хранения, а как экспонат в витрине выставочного зала. Задачей повторной реставрации было восстановление экспозиционного вида памятника для продолжения его демонстрации в экспозиции государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Задача была выполнена, и вскоре средневековый серп снова займет свое место в витрине зала Византийской экспозиции.

² Сополимер этилметакрилата с метилакрилатом, разработанный компанией «Rohm and Haas».

³ Коллекция Основного фонда составляет 222.794 единицы, Научно-вспомогательного фонда — 22.934 единицы.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Лёпер Р. Х. Описание памятников, найденных в 1910 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 103. Л. 1–5.
Описание эвакуированных памятников № 1–2077, 1941 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 492. Л. 1–31.
Стрелецкий С. Ф. Отчет об эвакуации Государственного Херсонесского музея. Сентябрь–декабрь 1941 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 460. Л. 19–21.
Топографический ключ Средневекового отдела ГХМ, 1946 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 573. 12 л.
Топографический ключ Феодального отдела Государственного Херсонесского музея, 1938 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 420. Л. 1–8.
Топоключ Античного и Средневекового отделов ГХМ, 1950 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 596. Л. 1–42.
Яacobson А. Л. Тематико-экспозиционный план экспозиции Средневекового отдела ГХМ, 1947–1948 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 591. Л. 1–41.

ЛИТЕРАТУРА

- Буршнева С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа (учебно-методическое пособие для практических занятий по реставрации металла). Казань, 2019. 61 с.
Минжулин А. И. Введение в реставрацию металла. Киев, 1992. 100 с.
Шемаханская М. С. Реставрация металла. Методические рекомендации. М., 1989. 155 с.
Шемаханская М. С. Металлы и вещи: история, свойства, разрушение, реставрация. М., 2015. 288 с.

REFERENCES

- Burshneva S. G. *Restavracija arheologičeskikh i jetnografičeskikh predmetov iz zheleza (učebno-metodičeskoe posobie dlja praktičeskikh zanjatij po restavracii metalla)*. Kazan, 2019, 61 p.
Minzhulin A. I. *Vvedenie v restavraciju metalla*. Kiev, 1992, 100 p.
Shemahanskaja M. S. *Restavracija metalla. Metodičeskie rekomendacii*. Moscow, 1989, 155 p.
Shemahanskaja M. S. *Metally i veshhi: istorija, svojstva, razrushenie, restavracija*. Moscow, 2015, 288 p.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается история хранения и реставрации одного из экспонатов Византийской экспозиции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» — железного серпа из раскопок Р. Х. Лёпера (1910 г.). В первой части статьи прослежена — насколько это позволяют архивные материалы — судьба данного предмета от момента его находки до открытия экспозиции средневекового зала в 1982 г. Вторая часть посвящена реставрации экспоната. Подробно описана степень сохранности предмета, ход и особенности всех этапов реставрации, а также результаты, полученные после завершения всех реставрационных мероприятий.

Ключевые слова: спасение культурных ценностей, история сельскохозяйственных орудий, реставрация и консервация, серп, черный металл, мастиковка, полимерный клей, восполнение, пигменты.

E. V. Strukova

IRON SICKLE FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESOS. HISTORY OF STORAGE AND CONSERVATION

SUMMARY

The article discusses the history of storage and restoration of one of the exhibits of the Byzantine exposition of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve «Tauric Chersonesos» — an iron sickle from the excavations of R. Kh. Loeper (1910). The first part of the article is an attempt to trace the fate of this item from the moment of its discovery to the opening of the exposition of the medieval hall in 1982. The second part is devoted to the restoration of the exhibit. The degree of preservation of the subject, the course and features of all stages of restoration, as well as the results obtained after completion of all restoration measures are described in details.

Keywords: rescue of cultural values, history of farming tools, restoration and conservation, sickle, ferrous metal, mastic, polymer glue, replenishment, pigments.

Рис. 1. Серп до повторной реставрации.

Рис. 2. Фрагменты серпа до реставрации: клеевое покрытие, оргстекло, трещины и расслоения.

Рис. 3. Мастиковка трещин и расслоений.

Рис. 4. Серп после реставрации.

СКИФСКАЯ И САРМАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Г. В. Медведев

КАМЕННЫЙ ПОДКУРГАННЫЙ СКЛЕП С ПЛАТО КАПАК-ТАШ

Могильник находится к югу от с. Петрово Белогорского района в Крыму на плато Капак-Таш¹. Некрополь расположен на плато, вытянутом по линии С — Ю, в 1,5 км к западу от русла р. Зуя, на ее левом берегу. Со всех сторон плато ограничено склонами балок. Могильник состоит из двух параллельных рядов каменных ящиков в оградах и без них, общим числом более пятидесяти, а также из семи насыпей [Пуздровский, Медведев 2002, с. 5] (рис. 1).

В 1979–1980 гг. памятник исследовался В. А. Колотухиным. Большинство сооружений представляли собой таврские ящики VI–V вв. до н. э., перестроенные в позднескифское время в склепы. По наличию золы, угольков и кальцинированных костей автор предположил (ошибочно) на памятнике присутствие обряда кремации². Были открыты также впускные погребения средневековых кочевников [Колотухин 1981, с. 260–261].

В 1989 г. Симферопольской экспедицией ИА АН УССР на памятнике проведены небольшие охранные работы. Тогда был исследован разрушенный во время военных учений каменный ящик в кромлехе, который располагался рядом с курганом № 11980 года. Инвентарь, обнаруженный в погребальном ящике этого кургана, исследователи относят к V–VI вв. до н. э. и к в. до н. э. — I в. н. э. [Зайцев, 1999, с. 137, рис. 6.1; Пуздровский, 2007, с. 26].

Летом 2001 г. памятник подвергся масштабному ограблению. После этого сотрудники экспедиции Таврического национального уни-

верситета им. В. И. Вернадского (ныне — КФУ им. В. И. Вернадского), которые проводили исследования Нейзацкого могильника, осуществили сбор материалов из грабительских шурфов на кургане № 1 [Пуздровский, 2007, с. 26; Храпунов и др. 2010, с. 12–13, рис. 44]. Часть материала из склепа была опубликована в монографии А. Е. Пуздровского [2007, рис. 53–56].

В 2002 г. Альминской экспедицией КФ ИА НАНУ проведены охранные исследования кургана № 1³.

Курган № 1 расположен на северной оконечности плато, в 75 м к северу от основной группы погребальных сооружений (рис. 1). В плане насыпь овальной формы, ориентирована длинной осью по линии С — Ю с небольшим отклонением к западу, размером 15 × 13 м. Сохранившаяся высота 0,7 м, в древности она могла достигать 1 м. Каменный склеп находился в центре кургана (рис. 2).

К началу работ в 2002 г. на вершине кургана зафиксирован новый грабительский шурф. Из него мародеры пробили ход в восточном направлении, разрушив участок стены каменного склепа, и остановились, лишь дойдя до забутовки насыпи. Аналогичные норы были пробиты под северную стенку, где они опустились до горизонта погребений. У шурфа лежали отвалы из пережженного до красноты известнякового бута и обожженных и спекшихся костей. В заполнении склепа обнаружены предметы погребального инвентаря. Среди них находились: серебряная серьга с петелькой и крючком (рис. 12.13), бусы из стекла и фаянса (рис. 16.28, 32, 33, 35–42), венчик родосской амфоры (рис. 18.2), венчик чернолаковой чашки (рис. 18.9), а также фрагменты гончарных

¹ В действительности памятник находится ближе к с. Барабаново — около 2 км к югу (рис. 1). Во избежание путаницы в официальной документации лучше сохранять прежнее название и привязку памятника.

² При исследованиях в 2002 г. это не нашло подтверждения. Насыпи использовались в 20-е гг. XX в. в качестве печей для обжига извести.

³ Исследования проведены Альминской экспедицией КФ ИА НАНУ по открытому листу на имя А. Е. Пуздровского.

и лепных сосудов (рис. 18.10, 14, 17), бронзовая ворворка (рис. 16, 80), костяная пронизь усеченно-пирамидальной формы (рис. 13.26), бусы из сердолика, монокромного стекла, глазчатые (рис. 16.69–79). Часть предметов из отвалов была собрана сотрудниками экспедиции Таврического национального университета в 2001 г. [Храпунов и др. 2010, рис. 44].

Входная яма

При сооружении входной ямы сначала был вырыт котлован прямоугольной формы размером приблизительно 3,0 × 2,0 м, впущенный с уровня древней дневной поверхности в скалу на 1,0–1,2 м, с небольшим уклоном к северу (рис. 4–6). Одновременно с ним была вырублена и камера склепа. У южной стенки камеры, по оси входной ямы, стояла плита порога размером 1,3 × 0,6 × 0,3 м (рис. 5–7). Вдоль восточной и западной стенок коридора, у входа в камеру, установлены известняковые плиты трапециевидной формы в орфостатной системе, взятые, вероятно, из разрушенных таврских ящиков. Западная плита имеет размеры 2,0 × 1,0–1,5 × 0,3–0,4 м, восточная — 2,1 × 1,1–1,3 × 0,32–0,38 м (рис. 5; 6). Затем в южной части котлована были уложены ступеньки, состоящие из трех плит, пространство между ними забито бутом и щебнем. Верхняя из плит размером 1,0 × 0,9 × 0,2 м находится на глубине 0,25 м от современной поверхности южной полы кургана и несколько смещена к западу. Средняя плита, размером 1,1 × 0,5 × 0,25 м, находится на глубине 0,6 м, а нижняя, размером 1,1 × 0,5 × 0,3 м, на глубине 1,0 м от поверхности ЮЗ угла раскопа (рис. 4–6). Одновременно с ними были достроены западная и восточная стены входной ямы — камни частично перекрывают ступеньки. Кладки в нижней части, высотой до 1,0 м, сложены из разнокалиберного бута в иррегулярной технике. Мелким щебнем забиты щели между обломками более крупных размеров, ширина стен около 0,5 м. На этот массив уложены горизонтально плиты более крупных размеров: восточной стены — 1,5 × 0,8 × 0,3–0,4 м, западной — 1,1 × 0,6 × 0,2 м. На участке западной стены вплотную примыкает забутовка насыпи (рис. 4–6). Надо полагать, что в древности на эти кладки, несколько выступавшие над поверхностью насыпи, были уложены плиты перекрытия, одна из которых

сохранилась в южном поле (рис. 4). Ширина входной ямы составила 1,2 м.

Стратиграфия заполнения входной ямы. Последние ограбления входной ямы, судя по всему, произошли в 60-х — 70-х гг. XX в., о чем может свидетельствовать бутылочное стекло и обрывки жести от пищевых продуктов в дерновом слое. В верхнем слое также найдены мелкие фрагменты амфоры и лепных сосудов (рис. 17.3, 9, 10). Под дерном залегал слой чернозема вперемешку с мелким бутовым камнем. Толщина которого составила 0,2 м в южной части и 1,5 м в северной (рис. 5–8). В нем встречены мелкие, сильно окатанные, но достаточно многочисленные фрагменты керамики, из которых можно отметить профильные части амфор (Родос, Синопа), а также гончарных столовых сосудов (рис. 18.3–7, 12, 13, 18). Ниже, между ступеньками и порогом, залегал слой желтого рыхлого суглинка мощностью 0,5 м, насыщенного бутовым камнем, мелкими фрагментами керамики и костей. На участке перед входом в камеру он был нарушен грабительским перекопом. Этот слой образовался уже во время функционирования склепа. Он оказался насыщен фрагментами амфор позднеэллинистического времени, но встречено много мелких обломков лепной посуды, в том числе с валиком и сосцевидным налепом под венчиком (рис. 18.1). Относительно этой керамики можно предположить, что она попала в заполнение входной ямы из насыпи, грунт брался из близлежащей территории, где лепная посуда отмечена в выбросах из кротовин. Между ступеньками входа прослежен плотный желтый суглинок с мелкими фрагментами амфор и гончарных сосудов, аналогичных по структуре находкам из вышележащего слоя суглинка с бутом. Слой переотложенной глины толщиной 0,05 м покрывает поверхность скальной крошки у входа. На самом дне ямы встречены дробленые фрагменты керамики, среди которых преобладали стенки фасосских и херсонесских амфор, а также найдены обломки бронзовых серег (рис. 13.8, 11, 17). Возможно, во II в. до н. э. производился ремонт входной ямы, во время которого были добавлены ступени (под ними залегают керамика), а также дополнены кладки обрамления.

Камера склепа

Архитектура. Камера склепа находилась почти в центре насыпи, она трапециевидной формы,

вытянута длинной осью по линии С — Ю (отклонение составляет 15°), что было вызвано, вероятно, топографическими особенностями плато. Длинные оси входной ямы и камеры не совпадают (последняя смещена на 0,5 м к западу), хотя и параллельны друг другу. Камера представляла собой сооружение, заглубленное на 2 м от уровня древней дневной поверхности. По всей вероятности, первоначально был сооружен котлован размерами 6,0 × 5,0–5,5 м, а глубиной около 1,5 м. Затем внутри была сооружена погребальная камера трапециевидной формы размером 4,5 × 3,0–3,5 м. По периметру котлована возведены западная, северная и восточная стены толщиной около 1 м, как это видно по поперечному разрезу восточной стены в грабительском шурфе (рис. 4; 6; 7), и длиной 3,7 м, 2,9 м и 3,8 м соответственно. Кладка сложена из рваных по слою известняковых плит размером 0,8–1,0 × 0,6–0,9 × 0,1–0,2 м в иррегулярной постелистой технике, на земляном растворе. Она однолицевая, с забивкой щелей между плитами мелким камнем, с элементами выравнивания по ряду. Пространство между стенкой котлована и плитами, заполнили бутлом. Высота стен в древности составляла не менее 1,5 м (верхние ряды кладок утрачены). Сохранившаяся высота стен составляет 1,1–1,2 м или 7–8 рядов. Западная стена сложена из более массивных плит, северная из камней среднего размера. Наиболее мелкий плитчатый известняк применялся при сооружении северо-восточного участка кладки, где прослежено более 10 рядов (рис. 5; 6; 8). Из-за массивности кладки, давления насыпи или наличия впускного захоронения к западу от склепа, нарушившего кладку, западная стена еще в древности «сползла» в камеру (рис. 4; 5), перекрыв частично своим развалом остатки уже нарушенных к тому времени захоронений и погребального инвентаря. Разрушения произошли до захоронения кочевника.

Следует отметить архитектуру привходовой части камеры и южной стены. Вход со стороны камеры обрамляли два вертикально стоящих камня. Один из них (восточный) сохранился полностью (1,9 × 0,9 × 0,2–0,25 м), второй (западный) — с утратами верхней части (1,6 × 0,65 × 0,2–0,25 м). Расстояние между ними составляет 0,8 м. При расчистке каменного завала на этом участке были обнаружены упавшие плиты перекрытия входа, нарушенные не-

однократными проникновениями грабителей в камеру. К восточному камню с востока примыкали три массивные плиты общей высотой 0,65 м, сложенные в одной технике с кладкой восточной стены камеры. Этот участок сильно поврежден грабительским перекопом (рис. 7).

Юго-западный угол камеры закруглен и оформлен следующим образом. К западному камню примыкает плита размером 0,8 × 0,7 м, а за ним — после закругления — находился еще один вертикально стоящий камень размером 1,4 × 0,65 м. Промежуток между ними заполнен однолицевой кладкой в иррегулярной постелистой системе. Состоит из тщательно подогнанных под внутреннюю конфигурацию плитчатых обломков известняка среднего и мелкого размера, с забивкой щелей щебнем (рис. 5).

Перекрытие камеры, скорее всего, представляло собой накатник из бревен, уложенных поверх стен или даже в перевязку с ними. Если бревна лежали по линии З — В, то их длина была около 4 м, что вполне возможно. Перекрытие из каменных плит при таких размерах камеры маловероятно.

Все стены камеры склепа несут следы воздействия огня, они прокалены до красноты, а на многих участках камень разрушился. На восточной и западной стене сохранились обширные участки, покрытые слоем извести (до 0,5 см толщиной). Все это свидетельствует об использовании камеры склепа на заключительном этапе в качестве печи для обжига извести.

Пол камеры, вырубленный в скальном грунте, имеет небольшое понижение в северном направлении, перепад составляет от входа до северной стенки 0,12 м. По всей площади над скальным грунтом прослежена глиняная подмазка зеленоватого цвета. У северной стенки ее толщина составляет 0,5 см, у входа — до 1,0 см. На этом стерильном в археологическом плане слое была расположена вымостка из камней плитчатого известняка полигональной конфигурации размером в среднем 0,03 × 0,25 × 0,05 м. Несколько плиток сохранилось в привходовой части (рис. 4). В центре камеры плитки вымостки прослежены тоже, но ее невозможно было зафиксировать, так как камни спеклись вместе с вышележащим массивом костей в однородную массу.

Стратиграфия заполнения камеры и общая характеристика находок. Полная стратиграфия

камеры прослежена только в северной части, где заполнение не было нарушено современным грабительским перекопом. Сверху залегал дерновый слой мощностью 0,1–0,12 м. Под ним прослежен слой чернозема с мелким щебнем толщиной 0,3 м в северной части камеры, постепенно выклинивающийся к входу. Большая часть заполнения камеры на глубину 2 м от современной дневной поверхности представляла собой массив из обожженного бутового камня с известью и гумусом, довольно рыхлым по структуре.

Проникнув в 60-е или в 70-е гг. XX в. в камеру, грабители лишь частично потревожили массив из костных останков с находками. А затем на этом участке побывали грабители в 2001 г. В ЮВ части камеры, в рыхлом слое гумуса со щебнем и обожженным бутом, найдено на разной глубине (от 0,5 до 2,0 м) большое количество предметов погребального инвентаря. Обнаружены: фрагменты гончарных чашек, тарелок (рис. 14.2, 10; 15.2) и кувшинов (рис. 17.2, 4, 11); поддон чернолаковой тарелки с оттиском штампа в виде спирали из насечек (рис. 17.12); фрагмент флакона, покрытого орнаментом, нанесенным белой краской (рис. 14.12); площадка с отверстием, сделанная из конической ножки амфоры (рис. 13.25). Также в заполнении склепа найдены фрагменты лепной посуды: это полный профиль чашки (рис. 9.7; 17.1) и фрагменты орнаментированных и витых ручек (рис. 14.13; 18.22). Кроме того, обнаружены: полный профиль курильницы на массивной ножке (рис. 16.81), а также фрагменты лепной курильницы с шаровидным туловом, орнаментированным врезными каннелюрами и отверстием в массивном венчике (рис. 15.1).

С глубины 2,0 м от современной дневной поверхности на большей части площади камеры (кроме участков, потревоженных грабителями) прослежен слой костных останков, спекшихся с камнями, щебнем, предметами погребального инвентаря. В этом слое найдены: шесть лепных пряслиц различной формы (рис. 14.4–9); обломки бронзовых (рис. 9.16, 18, 21, 23; 13.18, 19, 21, 22, 24) и железных браслетов (рис. 11.4, 5); бронзовые височные кольца (рис. 12.12), бронзовые (рис. 13.7–11) и серебряные серьги (рис. 13.12–17), бронзовая обойма с остатками кольца и заклепкой (рис. 12.14); три железных пряжки с выступами (рис. 10.2), фрагмент железного колчанного крюка (рис. 10.3); бронзо-

вая лучковая фибула с плоской спинкой, орнаментированной «змейкой» (рис. 12.1); обломки фибулы среднелатенской (?) схемы (рис. 12.11); костяные пронизи (рис. 13.2); раковина каури с отверстием (рис. 13.3); обломок крупной полихромной стеклянной пронизи с глазками (рис. 16.6); кусок реальгара; железный колчаный крюк с широким пластинчатым щитком (рис. 10.4).

Возле ступеньки входа расчищена линза желтого суглинка, насыщенного битыми фрагментами керамики, среди которых есть несколько ручек амфор, гончарных (рис. 17.7, 8, 10; 18.2) и лепных сосудов.

На поверхности этого массива; на расстоянии 0,5 м от центральной части восточной стенки камеры обнаружены несгоревшие, прекрасно сохранившиеся поленья осины и дуба длиной около 1 м, покрытые корой. Это еще раз подтверждает версию об использовании склепа в качестве печи для обжига извести.

Под северной стенкой строители печи, вероятно, наткнулись на погребение средневекового кочевника, сопровождавшееся конским захоронением. Кости животного (череп, конечности, лопатки, таз) встречены здесь в беспорядочном положении на глубине от 2,0 до 2,6 м (рис. 9). К нему же относятся железные удила с двумя подвижными кольцами хорошей сохранности (рис. 9.2; 10.1), а также бронзовый сферический бубенчик с прорезью и петелькой для подвешивания (рис. 9.4; 13.20). Над местом находки последнего, на глубине 1,0 м, при зачистке кладки северной стены, обнаружена половина бронзовой обкладки ритона (?), повторяющей форму и рельеф бараньего рога (рис. 11.1). По краю предмета имеются четыре отверстия и обломанная серебряная сцепка. Возможно, ритон был повешен на стену, что и объясняет такое стратиграфическое его местоположение в склепе.

Само погребение кочевника разрушено. Возможно, именно ему принадлежат длинные кости и череп, обнаруженные под плитой вывалившейся внутрь камеры западной стены (рис. 9). Здесь же, у северной стенки, лежала бронзовая пряжка с кольцевой проволочной рамкой и подвижным язычком, очень примитивная по исполнению (рис. 9.1; 10.5). Таким образом, погребение кочевника было впущено вдоль северной стенки склепа, для чего, вероятно, разобрали часть еще сохранившегося к тому

времени накатника. Умерший лежал, вероятно, головой на запад.

Извлеченный из камеры антропологический материал позволяет предварительно определить, что в склепе было захоронено около 30 человек: взрослых, подростков и детей. Значительная часть костных останков перегорела и спеклась в однородную массу, однако вдоль стен и по углам сохранились кости, не подвергавшиеся воздействию высокой температуры. Здесь же, над полом, зафиксированы и предметы погребального инвентаря, относящиеся к разным периодам функционирования склепа.

Слева от входа лежали раздавленный гончарный кувшин с биконическим туловом (рис. 9.9; 13.26) и лепная чашка, подражающая античной керамике (рис. 9.7; 17.14). В ЮЗ углу найдены: железный нож с горбатой спинкой (рис. 9.17; 18.21б), почти целый гончарный флакон веретенообразной формы (рис. 9.5; 14.3), фрагмент краснолаковой чашки с загнутым краем (рис. 9.6; 14.11). К северо-востоку от этих предметов обнаружен железный колчаный крюк (рис. 9.8; 11.2).

В северо-западном углу, под плитами стены, но в нижнем горизонте (рис. 9), зачищена целая чернолаковая солонка (рис. 9.22; 14.1), бронзовый браслет с завязанными концами (рис. 12.2), а к востоку от них — лепная чашка (рис. 9.3; 17.13).

Значительное количество предметов из нижнего слоя найдено в СВ углу камеры: бронзовая серьга с бусиной (рис. 9.14; 13.15), проволочный браслет с несходящимися концами (рис. 9.23; 12.3), два бронзовых наконечника стрел (рис. 12.5, 7), перстни с пластинчатым щитком и заходящими друг за друга концами (рис. 9.11, 13; 13.4, 5), костяной цилиндр с отверстиями, возможно, деталь музыкального инструмента (рис. 9.15; 13.1), железный нож (рис. 9.20; 18.21а), бронзовое височное кольцо (рис. 12.4), бусы из гагата и стекла (рис. 9.10; 16.7, 9–13).

В центре камеры обнаружены фрагменты железных браслетов (рис. 9.18; 11.4, 5) и бронзовая дисковидная пластина, возможно, от медальона (рис. 9.19; 10.6). А у входа — наконечник стрелы бронзовый (рис. 9.24; 12.6).

На дне камеры склепа обнаружено большое количество бус и пронизей (175 шт.) из таких материалов как янтарь, сердолик, гагат, фаянс, стекло, кость и бронза (рис. 16.8, 17, 18, 20–25,

27, 32, 43, 53, 55). Не все бусы удалось извлечь; к сожалению, их стратификация затруднена многократными ограблениями и тем, что они легко попадали из верхних в нижние ярусы погребений.

Предметы погребального инвентаря

Фрагменты амфорной тары. Среди немногочисленных фрагментов амфор удалось определить некоторые типы по профильным частям.

1. Херсонесской амфоры тип I-A-3, I-A-4 (рис. 18.7) по типологии Монахова [1989, с. 138, табл. 11].

2. Фасосской амфоры тип II-C-3 (рис. 18.3, 4) по Монахову [2003, с. 76, табл. 49].

3. Родосской амфоры тип 1-E-2 (рис. 18.2) [Монахов 2003, с. 119, табл. 82.6].

4. Ручка амфоры, расчлененная неглубокими продольными бороздками (рис. 17.7) и относящаяся к «мирмекийскому» типу [Зеест, 1960, табл. XXX; Абрамов 1993, с. 47, рис. 6, 12].

Чернолаковая и краснолаковая и гончарная посуда. Небольшое количество профильных частей и отдельных целых форм посуды удалось установить.

1. Солонка чернолаковая, диаметр венчика — 5,0 см; дно — 3,5 см; высота — 3,0 см (рис. 14.1), по типологии Егоровой относится к типу «footed» [2009, рис. 25].

2. Тарелки чернолаковой поддона фрагмент с насечками на дне (рис. 17.12) [Егорова 2009, рис. 23].

3. Тарелки краснолаковой полный профиль; размеры: диаметр венчика — 8,4 см; диаметр дна — 3,4 см; высота — 2,7 см (рис. 14.10); относится к типу III-D-E по Труфанову [1997, с. 189, 191].

4. Чашки краснолаковой округло-конической с плавно загнутым краем фрагменты, реконструируемый диаметр венчика — 9,7 см (рис. 14.1). Относится к типу 14,6 по Журавлеву [2007, с. 375, рис. 4, 32].

5. Чашка гончарная округло-конической формы и загнутым краем (2 экз.). Размеры первого экземпляра: диаметр венчика — 6,0 см, диаметр поддона — 3,0 см, высота — 3,0 см (рис. 14.2); размеры второго экземпляра: диаметр венчика — 10 см, диаметр поддона — 5,3 см, высота — 5,4 см (рис. 15.2). Подобные чашки хорошо известны в Крыму в первых веках нашей эры [Дашевская 1991, рис. 54, 20].

6. Флакон гончарный веретенообразной формы (рис. 14.3). Подобные флаконы встречаются в конце I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. [Сокольский, 1976, рис. 54, 1, 7; Высотская, Махнева 1983, с. 71, рис. 3, 15, 16; Пуздровский 2007, рис. 164,1; Труфанов 2009, с. 138, 199; 2018, с. 88; Медведев 2019, с. 101].

7. Флакона гончарного фрагмент корпуса с орнаментом в виде полосок, которые нанесены белой краской (рис. 14.12).

8. Кувшина гончарного с биконическим корпусом фрагменты, реконструируемые размеры: диаметр дна 4,3 см, сохранившаяся высота 6,0 см (рис. 13.26).

Лепная посуда представлена небольшим количеством фрагментов профильных частей.

1. Чашка лепная без поддона (2 экз.). У первой диаметр венчика — 8,0 см; диаметр дна — 4,0 см; высота — 4,0 см (рис. 17.13). У второй, конической формы с расширяющимся дном, диаметр венчика — 9,0 см; диаметр дна — 5,0 см; высота — 3,5 см. (рис. 17.1). По типологии Власова тип 1В; встречаются во II–I в. до н. э. [Власов 1997, с. 256–258, табл. VI, 13, 16, 17]. Похожие сосуды известны в некрополе Неаполя Скифского [Сымонович 1983, табл. I].

2. Чашка лепная полусферической формы на кольцевом поддоне. Размеры: диаметр венчика — 6,5 см; диаметр дна — 4,0 см; высота — 3,5 см. (рис. 17.14). Данные сосуды характерны для позднескифской культуры II–I в. до н. э. [Сымонович 1983, табл. I. 6].

3. Фрагменты стенки лепной керамики с валиком на стенке и венчика лепного сосуда с выступом (рис. 17.5; 18.1, 8). Лепная керамика с похожим орнаментом известна на памятниках позднескифской культуры [Высотская, 1979, рис. 38, 2; 39, 10, 15, 16; Власов 1997, табл. X, 11–13].

4. Курильницы с усеченно-конической чашечкой и расширяющейся к низу ножкой, размерами: диаметр венчика — 16,0 см; диаметр дна — 4,0 см; высота — 11,5 см (рис. 16.81). По типологии Власова можно отнести к типу 1А, который встречается в основном во II–III вв. н. э. [Власов 1997, с. 273–258, табл. VIII; Труфанов 2009, с. 138, 143, табл. 7].

5. Курильница лепная (во фрагментах) с шаровидным каннелированным туловом и отверстием в венчике. Реконструируемые размеры сосуда: диаметр венчика — 9,0 см; диаметр дна — 5,2 см; высота — 15,8 см (рис. 15.1).

Относится к типу II первого варианта [Синика и др. 2014, с. 87, рис 13, 2]. Подобные курильницы были широко распространены в Поднепровье, Нижнем Подунавье, Приазовье, Прикубанье, известны они и в Крыму. Исследователи считают, что время существования этих сосудов — конец IV–I в. до н. э. [Пуздровский 2007, рис. 54, 11; Меньшова 2012, с. 109–110; Синика и др. 2014, с. 79, 93, рис. 13, 2, 3; Зайцев 2017, с. 124, рис. 1].

6. Кувшина лепного нижнего прилепа ручки, орнаментированного продольными каннелюрами фрагмент (рис. 18.22).

Изделия из бронзы, серебра. В данной группе собраны находки, относящиеся к разным хронологическим периодам.

1. Наконечники бронзовых стрел втульчатых (3 экз.) размерами: 2,4 × 0,7; 2,5 × 0,6; 3,0 × 0,6 м (рис. 12.5–7); типы II. 6.7 и II. 4.6 по Мелюковой [1964, с. 28, рис. 1] или типы 2 и 5 по Колтухову, Сенаторову. Встречаются подобные наконечники стрел в скифских погребениях Крыма начиная с конца VI до IV в. до н. э., а также в сарматских и позднескифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма в качестве амулетов [2015, с. 115, 215, рис. 12, 7–37, 49–50; Медведев 2019, с. 104].

2. Бронзовая ворворка конической формы с вогнутыми боками, ее размеры: диаметр верха — 0,7 см; диаметр низа — 1,4 см; высота — 1,8 см (рис. 16.80). Такие изделия встречаются в скифских погребениях начиная со второй половины VI по V в. до н. э., но отдельные экземпляры доживают до IV в. до н. э., а возможно, и позже [Могилов 2008, с. 75, рис. 141; 142, 1–43; Колтухов 2012, с. 129; Колтухов, Сенаторов 2016, с. 167].

3. Бронзовые и серебряные серьги диаметром от 1,2 до 2,2 см (рис. 12.8, 9, 10; 13.6–11, 13–17). Встречаются как в скифских погребениях IV–III вв. до н. э., так и в позднескифских [Петренко 1978, с. 34; Колтухов 2012, с. 132, рис. 105, 10–20, 28, 294; Колтухов, Сенаторов 2016, с. 169–171; Дашевская 2014, табл. 47, 28–32; 64, 3–5, 9–12].

4. Серьга бронзовая с бусиной диаметром 1,6 см (рис. 13.15). Данный обряд встречается в скифское время IV–III вв. до н. э. [Петренко 1978, с. 36; Колтухов 2012, с. 132].

5. Височные кольца бронзовые диаметром от 3,0 до 3,5 см (рис. 12.10, 12). Такие кольца встречаются как в скифское, так и в поздне-

скифское время [Колтухов 2012, с. 132; Сымонович 1983, с. 31, рис. 19, 103, табл. XXXI].

6. Серьги серебряные из ложновитой проволоки, диаметром 1,4 и 1,8 см (рис. 13.12, 23). Такие серьги известны на территории Крымской Скифии во второй половине I в. до н. э. — I в. н. э. [Труфанов 2009, с. 228, рис. 64, 19–21].

7. Фибулы бронзовые фрагменты средне-латенской (?) (рис. 12.10). В. Кропотов относит время существования данных фибул к последней четверти II — концу I в. до н. э., К. Хелльстрем верхнюю дату ограничивает серединой I в. н. э. [Кропотов 2010, с. 48–51, рис. 21; Hallström 2018, Taf. 49, 83. 1; 80; 85].

8. Фибула бронзовая лучковая, украшенная проволочной «змейкой», размерами 6,8 × 3,0 см (рис. 12.1). По типологии данный тип фибул по Амброза относится к серии II, вариант 2; или к группе 4, форма 3 (по Кропотову); IV. 1e 2 (по Хелльстрем). Эти специалисты относят их в основном ко второй половине II — первой половине III в. н. э. [Амброз 1966, с. 52; Труфанов 2009, рис. 57, 1–6; Кропотов 2010, с. 135; Hallström 2018, Taf. 49, 83. 1; 80; 85].

9. Браслеты бронзовые (5 экз.): 1) браслет бронзовый с завязанными концами (2 экз.), диаметром 9,5 см и 6,3–4,5 см (рис. 12.2; 13.19); относится к типу III (по Высотской) и встречаются в погребениях позднескифской культуры с I в. до н. э. по II в. н. э. [Высотская 1994, рис. 33; Труфанов 2009, рис. 63, 6; Гаврилов, Труфанов 2015, рис. 32, 2, 5]; 2) браслет бронзовый с окончаниями в виде змеиных головок (во фрагментах), реконструируемый диаметр около 5,5 см. (рис. 13.24); скорее всего, этот браслет относится к типу IIБ (по Труфанову); встречаются подобные браслеты во второй половине I в. до н. э. — начале I в. н. э. [Труфанов 2005, рис. 1, 5]; 3) браслет железный с обмоткой из бронзовой проволоки (во фрагментах), диаметр составил 7,0 см (рис. 11.3); он относится к типу XI (по Высотской) и встречается во II–III вв. н. э. [Высотская 1994, с. 112]; отдельные экземпляры известны и в I в. н. э. [Труфанов 2009, рис. 63, 3; Храпунов 2011, рис. 44, 6; Медведев, 2010, рис. 2. 37; Гаврилов, Труфанов 2015, с. 100, рис. 33, 12; Пуздровский, Медведев 2015, с. 251, рис. 3, 6]; 5) браслет бронзовый с несомкнутыми концами, диаметром 7,0 см (рис. 12.3); скорее всего, данный экземпляр можно отнести к типу IV, такие известны на Усть-Альминском некрополе во II в. н. э. [Высотская 1994, с. 110, рис. 33; Труфанов 2009, рис. 63. 2].

10. Перстни бронзовые пластинчатые (2 экз.). Один из них — с заходящими друг за друга концами, диаметром 1,5 см (рис. 13.4, 5). Такие перстни встречаются в позднескифских погребениях во II–I вв. до н. э. [Сымонович 1983, табл. XXX, 27, 33, 41, 46, 59; Дашевская 1991, табл. 67, 27].

11. Поясные пряжки железные с выступом (3 экз.), размерами 2,0 × 5,0 см; 2,0 × 4,5 см; 2,5 × 3,5 см (рис. 10.2). Данные пряжки известны в позднескифских погребениях во II/I в. до н. э. — I в. н. э. [Сымонович 1983, рис. 19, 186, 192; табл. XXXIX, 1–3, 5, 10, 15, 19, 24, 25, 28, 31, 32, 58; Дашевская 1991, табл. 62, 21].

12. Железные колчаные крюки (рис. 10.3, 4; 11.2): 1) фрагмент с полый верхней частью; фрагмент средней части корпуса размерами 19,5 × 1,5 и 9,0 × 1,5 × 1,5 см; 2) крюк с широким пластинчатым щитком 7,0 × 3,0 × 1,5 см. Аналогичные колчаные крюки встречались в позднескифских некрополях Неаполя Скифского и Беляусского некрополя во II/I в. до н. э. — I в. н. э. [Сымонович 1983, рис. 19, 149, 150, 194, табл. XVII, 4, 5, 6, 11; Дашевская 1991, табл. 62, 2, 4, 9, 10; 2014, табл. 46А, 1; 97, 5; 128, 5].

13. Удила железные с двумя подвижными кольцами, размерами 15,0 × 6,5 см; диаметр колец 6,5 см (рис. 10.1). Данные удила относят к типу VII и датируют достаточно широко, они известны в средневековых погребениях в IX–XIV вв. [Федоров-Давыдов 1966, с. 20, рис. 2; Плетнева 1973, с. 15–16, рис. 3,5; Майко 2014, с. 119, рис. 134, 10, 15].

14. Бубенчик бронзовый сферической формы с боковой прорезью и петелькой, диаметром 1,5 см (рис. 13.20). Близкие аналогии бубенчику не удалось найти. Похожие бубенчики встречаются в средневековых погребениях степи и в Крыму в X–XIV вв. [Федоров-Давыдов 1966, с. 111; Майко 2014, с. 150–153].

15. Ритона (?) бронзовой обкладки с рельефной фигурной поверхностью половинка (по краю — 4 отверстия и серебряная сцепка) размерами 21,0 × 5,5 см (рис. 11.1).

16. Пряжка бронзовая с кольцевой проволочной рамкой и подвижным язычком, диаметром 3,0 см (рис. 10.5).

Бусы. В склепе выявлено около 46 типов бус и подвесок из стекла, фаянса, сердолика, гагата, кости, раковины.

Бусы из одноцветного стекла типов 1а, 2, 5, 15, 16, 21, 26, 28, 29, 31, 32, 55, 56, 61, 68, 102,

116, 117, 123, 131, 139, 142, 146 (по Алексеевой). Или типы 1, 2, 4, 5, 5а, 6, 8б, 9, 12А, 26, 30, 36, 37, 65, 68 (по Стояновой) и типы 120, 121 (по Tempelemann-Maczyńska). Данные типы бус встречаются с IV в. до н. э. по IV в. н. э. Преобладают бусы, встречающиеся во II–III вв. н. э. (рис. 16. 1–5, 7, 8, 10–14, 27–39, 41, 42, 49–53, 55–76) [Алексеева 1978, с. 12, 23, 29–31, 33, 63–67, 69, 70, 71; Стоянова 2004, с. 264–267, 271; 2012 с. 76–79, 81; Tempelemann-Maczyńska 1985, Taf. 2, 120, 121].

Бусы из многоцветного стекла: 1) с глазчатым орнаментом, типы 26а, 26г, 27а, 29а, 31б, 40, 58б (рис. 16.6, 16–18, 20–23, 77, 78); данные типы бус имели распространение в III–I вв. до н. э. [Алексеева 1975, с. 59–61, 63, 65, 66]; 2) со спиралевидным орнаментом, тип 215а (по Алексеевой) (рис. 16.24); встречаются с позднего эллинизма по первые века н. э. [Алексеева 1978, с. 45]; 3) треугольные подвески с продольно-полосатым орнаментом, тип 193 (рис. 16.25); такие подвески встречаются в I в. до н. э. — II в. н. э.; 4) округлые продольно-полосатые типа 194 (рис. 16. 54), известны в I–II вв. н. э. [Алексеева 1978, с. 43]; 5) интерес представляет редко встречающаяся округло-сжатая бусина с орнаментом, выполненным в технике «ретицелла», тип 418 (рис. 16.19) [Алексеева 1982, с. 38]; две подобные бусины найдены в Северо-Западном Крыму в Беляусском могильнике, еще одна происходит из могильника Куру-Баш, что в районе Феодосии, в погребениях II в. до н. э. [Дашевская 2014, с. 17; табл. 21, 23; Гаврилов, Труфанов 2012, с. 52, рис. 5, 4е].

Фаянсовые бусы представлены типами 11 и 16 г (рис. 16.40, 26) [Алексеева 1975, с. 33] или 3 и 122 [Стойнова 2004, с. 267].

Гагатовые бусы, тип 12, и цилиндрические, тип 26 (рис. 16.9, 48). Бусы типа 12 датируются II в. до н. э., а цилиндрические (тип 26) широко известны в погребениях с I в. до н. э. по IV в. н. э., преобладают в I–III вв. н. э. [Алексеева 1978, с. 13–14; Стоянова 2004, с. 28].

Янтарные бусы представлены типами 7 и 44 (рис. 16.30, 43). Они хорошо известны в погребениях первых веков нашей эры [Алексеева 1978, с. 24; Стоянова 2004, с. 292].

Сердоликовые бусы представлены двумя типами: 2а и 3б (рис. 16.45, 79). Бусы типа 2а были распространены в I–III вв. н. э., а типа 3б — в III–I вв. до н. э. [Алексеева 1982, с. 15–16; Стоянова 2004, с. 290–291].

Пронизи из кости представлены типом 9 (рис. 13.2) и относятся к I в. н. э. [Алексеева 1982, с. 16].

Подвеска из раковины каури относят к типу 7 (рис. 13.3), а в погребальном обряде встречаются достаточно долгое время — с VI в. до н. э. по III в. н. э. [Алексеева 1982, с. 30–31].

Предметы быта

1) Костяное изделие цилиндрической формы с продольным сквозным отверстием и двумя боковыми, размерами 7,5 × 0,7 см; возможно, это деталь музыкального инструмента (?) (рис. 13.1).

2) Пряслица лепные усеченно-конической (2 экз.), биконической (1 экз.), сферической (2 экз.) и цилиндрической (1 экз.) форм. Размеры всех шести экземпляров: 1) диаметр 1,5–3,0, высота 1,7 см; 2) диаметр 1,2–2,5, высота 1,6 см; 3) диаметр 1,2, высота 2,0 см; 4) диаметр 2,3–3,0 см; 5) диаметр 2,0–3,0 см; 6) диаметр 1,3–2,2 см (рис. 14.4–9). Данные типы пряслиц достаточно широко использовались как в скифское, так и в позднескифское время.

Подкурганый каменный склеп был сооружен одновременно и ориентирован по оси С — Ю (с отклонением 15°), камера имела трапециевидную форму. Каменные сооружения такого типа появляются у скифов Предгорного Крыма во второй половине IV в. до н. э., вероятно, под влиянием этнокультурных и строительных традиций населения Азиатского и Европейского Боспора; такие сооружения имели широкое распространение среди варваров в Предгорном Крыму [Масленников 1995, рис. 14, 3; Колтухов 2005, с. 277–286, рис. 9]. К сожалению, ранний этап функционирования склепа почти неизвестен, возможно, он использовался во второй половине IV в. до н. э. — первой половине III в. до н. э. (его захоронения разграблены). С данным склепом можно уверенно связать следующие находки: чернолаковую солонку, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, бронзовую ворворку, фрагменты херсонесских и фассосских амфор, отдельные типы бус. Ко времени сооружения склепа таврский могильник из каменных ящиков уже, вероятно, не функционировал. Наиболее интенсивно склеп использовался в позднескифское время (во II — I вв. до н. э.). С этим горизонтом захоронений свя-

заны фрагменты бронзовой среднелатенской фибулы, колчаные и портупейные крюки, поясные пряжки, гончарные флаконы, чашки, лепная курильница с каннелюрами на тулове, пластинчатые перстни, бронзовые браслеты с завязанными концами, полихромные стеклянные бусы. По мнению А. Е. Пуздровского, в позднескифский период, вероятно, существовал хронологический разрыв: в I–II вв. н. э. склеп не использовался. Инвентарь, который можно было бы датировать этим временем, в склепе отсутствует. Использование склепа было продолжено лишь со второй половины II в. н. э. [2007, с. 26]. Ко II–III вв. н. э. относят следующий инвентарь: как бронзовая лучковая фибула с орнаментированной спинкой, набор стеклянных бус из глухого красного и белого стекла цилиндрической и призматической формы, краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, ручка амфоры «мирмекийского» типа. Эти находки датируются концом II — первой половиной III в. н. э. Нельзя исключить того, что склеп мог использоваться и в I в. н. э. (хотя и не очень интенсивно), возможно, в первой половине этого столетия, о чем свидетельствуют отдельные предметы погребального инвентаря, который имел распространение и в это время.

Следующим этапом было захоронение в северной части камеры средневекового кочевника вместе с конем и железными удилами. К сожалению, конская сбруя этого типа и бронзовый бубенчик имеют широкую дату (IX–XIV вв.). Скорее всего, обкладка ритона (?) связана с этим горизонтом. Среди инвентаря, собранного сотрудниками Нейзацкой экспедиции на могильнике Капак-Таш, был найден наконечник железной стелы. Он, скорее всего, происходит из публикуемого склепа [Храпунов и др. 2010, рис. 44, 20] и относится к типу BIV (по Федорову-Давыдову) [1966, рис. 3]; также имеет достаточно широкую датировку [Майко 2014, 219]. Стрелы этого типа были найдены во впускном погребении в Белогорском районе в курганных группах «Ароматное 1» и «Бешарань», датируются они в рамках XI–XIII и X–XIV вв. [Копьева, Колтухов 2016, с. 26, рис. 3, 2; Копьева 2018, с. 58, рис. 13, 1, 2].

Новейший этап функционирования склепа связан уже с относительно недавним прошлым: в 20-е и 30-е гг. XX в. почти все каменные сооружения в курганах на плато Капак-Таш были

использованы в качестве печей для обжига извести; в качестве исходного материала, вероятно, брались плиты от таврских каменных ящиков. Дата этого события подтверждается массовым производством извести в связи с индустриализацией и в других районах Крыма. Осмотр грабительских шурфов показал, что стены гробниц, как и в склепе кургана № 1, обожжены до красноты, а в отвалах отмечены такие же спекшиеся кости и предметы погребального инвентаря. Не исключено, что при сооружении печей заполнение каменных склепов и ящиков выбрасывалось за их пределы. Подобная ситуация имела место, когда поздние скифы освобождали их от костей и погребального инвентаря предшествующего времени.

«Коллективные» захоронения в погребальной камере склепа № 1 на плато Капак-Таш, совершенные в IV–III и II–I вв. до н. э., как и собственно погребения кургана Беш-Оба 1, синхронны ранним этапам существования городища Ак-Кая/Вишенное [Зайцев, Мордвинцева 2010, с. 176; Колтухов 2019, с. 318].

Для подкурганых склепов с «коллективными» погребениями в Предгорном Крыму можно выделить два периода функционирования — это скифский и позднескифский [Колтухов 2001, с. 65; 2005, с. 259; Гаврилов, Крамаровский 2001, с. 41; Кропотов 2006, с. 39; 2007, с. 97; Медведев 2007, с. 65; Зайцев 2010, с. 176]. А время появления обряда с многоазовыми погребениями в последнее время исследователи все чаще относят к IV в. до н. э.

По ряду черт погребального обряда подкурганых склепы рядом черт отличаются от позднескифских грунтовых [Кропотов 2006, с. 39; 2007, с. 97]. В особенности это относится к подкурганым склепам в Центральном и Юго-Восточном Крыму. В юго-западной части полуострова подкурганых погребений ранее II–I вв. до н. э. пока не выявлено [Пуздровский и др. 2010, с. 205; Волошинов, Лобода 2005, с. 26; Медведев 2019а, с. 35].

Исследование каменного подкурганного склепа № 1 с плато Капак-Таш, связано с рядом исследовательских проблем, имеющих отношение к происхождению каменных сооружений данного типа, к изучению скифской и позднескифской культур Крыма и наличию преемственности между ними, к влиянию и контактам с античными центрами и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. 163 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы северного Причерноморья [т. 1]. М., 1975. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеева Е. М. Античные бусы северного Причерноморья [т. 1]. М., 1978. 120 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеева Е. М. Античные бусы северного Причерноморья [т. 3]. М., 1982. 109 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 204–303.
- Волюшинов А. А., Лобода И. И. Бахчисарайский историко-культурный заповедник и археологические исследования в Юго-Западном Крыму // Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки/под ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь, 2005. С. 26–27.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население Крыма и культура в первые века н. э. Киев, 1983. С. 66–80.
- Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. 208 с.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 206 с.
- Гаврилов А. В., Крамаровский М. Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ. 2001. Вып. 1. С. 23–43.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А. Могильник II–I вв. до н. э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.) // Археологический альманах. Донецк, 2012. № 28. С. 43–70.
- Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014. 284 с.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д 1–7).
- Егорова Т. Н. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма: монография. М., 2009. 256 с.
- Егорова Т. Н. Чернолаковая керамика V–IV вв. до н. э. с прочерченным штампованным орнаментом из раскопок Пантикапея // «С Митридата дует ветер». Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова/под ред. О. Л. Габелко. М., 2015. С. 63–67.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 167–176.
- Зайцев Ю. П. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований/под ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь, 2017. С. 121–131.
- Зайцев Ю. П. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–147.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. 182 с. (МИА, № 83).
- Колотухин В. А. Раскопки могильника на плато Капакташ // АО 1980 г. М., 1981. С. 260–261.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь, 2016. 291 с. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. 17).
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах на землях Соломона Крыма // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 66–78.
- Колтухов С. Г. О времени сооружения кургана Беш-Оба IV/3 Аккайского (Белогорского) курганного могильника // АДІУ. 2019. Вып. 2 (31). С. 315–319.
- Колтухов С. Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ, вып. 118).
- Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. Донецк, 2012. Вып. 27. 268 с.
- Колтухов С. Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності Степового Причерномор'я і Криму. 2005. Вип. XII. С. 259–299.
- Копьева Т. А., Колтухов С. Г. Исследование курганов в окрестностях сел Ароматное и Крымская Роза в Белогорском районе Крыма // История и археология Крыма. 2016. Вып. III. С. 52–72.
- Копьева Т. А. Курган «Бешарань 1» срубной культуры с погребениями поздних кочевников Средневековья в Белогорском районе Крыма // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII. С. 22–35.
- Кропотов В. В., Лесков А. М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Северного Причерноморья. 2006. Вып. 84. С. 25–39.
- Кропотов В. В. О времени появления курганов с «коллективными погребениями» в Предгорном Крыму // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Матеріали міжнародної наукової конференції/ред. С. А. Скорий. Київ; Чигирин, 2007. С. 95–97.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 386 с.
- Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 465 с.
- Медведев Г. В. К истории исследования погребального обряда Крымской Скифии // Древняя Таврика. Сборник научных трудов, посвященный 80-летию Т. Н. Высотской/под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь, 2007. С. 59–68.
- Медведев Г. В. Могилы с коллективными погребениями из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 219–234.
- Медведев Г. В. Наконечники стрел архаических типов из Усть-Альминского некрополя // ХСб. 2019. Вып. XX. С. 99–111.
- Медведев Г. В. Водосборная цистерна эллинистического времени с поселения Вилино (Рассадное) — как погребальное сооружение позднескифской культуры // Eminak. 2019a. Вып. 3 (27). С. 9–46.
- Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. 92 с. (САИ. Вып. Д 1–4).

- Меньшикова В. А. Лепные курильницы с каннелюрами из Северо-Восточного Приазовья // Древности Северного Причерноморья во III–II вв. до н. э./под. ред. Н. П. Теленова. Тирасполь, 2012. С. 106–110.
- Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ — Кам'янець-Подільський, 2008, 439 с.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989. 158 с.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. 352 с.
- Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М., 1973. 102 с. (САИ. Вып. Е1–19).
- Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. Отчет об охранных раскопках могильника Капак-Таш в 2002 г. // Архив ФГБНУ института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34/1.
- Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. Парные погребения первых веков н. э. на Усть-Альминском некрополе // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 250–269.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Медведев Г. В. Каменный подкурганый склеп с «коллективными» захоронениями у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 199–206.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 480 с.
- Синика В. С., Меньшова В. А., Тельнов Н. П. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–III вв. до н. э. // Stratum plus. 2014. № 3. С. 65–101.
- Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 128 с.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Би. 2004. Вып. V. С. 263–319.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2004 гг.). Симферополь, 2012. 100 с.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. 176 с.
- Труфанов А. А. Краснолаковые ойнохонии Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь, 2018. Вып. III. С. 85–102.
- Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 181–192.
- Труфанов А. А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золото-Ордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. 275 с.
- Храпунов И. И. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац/под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь, 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. И., Смекалова Т. Н., Власов В. П. Археологические разведки в Предгорном Крыму между долинами рек Бюк-Карасу и Бельбек. Симферополь, 2010. 94 с. (Материалы к археологической карте Крыма. IV).
- Hallström K. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordshwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. — 3 Jh. n. Chr.). Bonn, 2018. X, 382 S. mit 72 Abb. und 94 Taf. (Archäologie in Eurasien, 39).
- Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. xi, 339 S., 80 Taf., 3 Beilagen. (Römisch-germanische Forschung, 43).

REFERENCES

- Abramov A. P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskiy sbornik*, 1993, vol. 3, 163 p.
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* (t. 1). Moscow, 1975, 104 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. G1–12).
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* (t. 1). Moscow, 1982, 109 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. G1–12).
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* (t. 2). Moscow, 1978, 120 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. G1–12).
- Dashevskaya O. D. *Nekropol' Belyausa*. Simferopol', 2014, 284 p.
- Dashevskaya O. D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, 1991, 140 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D1–7).
- Egorova T. N. *Chernolakovaia keramika IV–II vv. do n. e. s pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma*. Moscow, 2009. 256 p.
- Egorova T. N. Chernolakovaia keramika V–IV vv. do n. e. s procherchennym shtampovannym ornamentom iz raskopok Pantikapeia. In: O. L. Gabelko (ed.). «S Mitridata duet veter». *Bospor i Prichernomore v antichnosti. K 70-ti letiiu V P Tolstikova*. Moscow, 2015, pp. 63–67.
- Fedorov-Davyidov G. A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu Zoloto-Ordynskikh hanov. Arheologicheskie pamyatniki*. Moscow, 1966. 275 p.
- Gavrilov A. V., Kramarovskiy M. G. Kurgan u s. Krinichki v Yugo-Vostochnom Krymu. *Bosporskie issledovaniya*, 2001, vol. 1, pp. 23–43.
- Gavrilov A. V., Trufanov A. A. Mogilnik II–I vv. do n. e. gorodischa Kuru-Bash (po materialam raskopok 2011 g.). *Arheologicheskij almanah*, Doneck, 2012, vol. 28, pp. 43–70.
- Hallström K. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordshwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. — 3 Jh. n. Chr.)*. Bonn, 2018. X, 382 S. mit 72 Abb. und 94 Taf. (Archäologie in Eurasien, 39).
- Hrapunov I. I. Nekotoryye itogi issledovaniy mogilnika Neyzats. In: I. N. Hrapunov (ed.). *Issledovaniya mogilnika Neyzats*. Simferopol', 2011, pp. 13–113.

- Hrapunov I. I., Smekalova T. N., Vlasov V. P. *Arheologicheskie razvedki v Predgornom Kryimu mezhdou dolinami rek Biyuk-Karasu i Belbek*. Simferopol', 2010, 94 p. (Materialy k arheologicheskoy karte Kryima, vol. IV).
- Kolotuhin V. A. Raskopki mogilnika na plato Kapaktash. *Arheologicheskie otkryitiya 1980 g.*, Moscow, 1981, pp. 260–261.
- Koltuhov S. G. O kryimskikh kurganakh s «kollektivnymi pogrebeniyami». *Pozdnie skify Kryima*. Moscow, 2001, pp. 59–70. (Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo Muzeya, iss. 118).
- Koltuhov S. G. O vremeni sooruzheniya kurgana Besh-Oba IV/3 Akkayskogo (Belogorskogo) kurgannogo mogilnika. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2019, vol. 2 (31), pp. 315–319.
- Koltuhov S. G. Skify Severo-Zapadnogo Kryima v VII–IV vv. do n. e. (pogrebalnye pamyatniki). *Arheologicheskij almanah*, Doneck, 2012, vol. 27, 268 p.
- Koltukhov S. G., Senatorov S. N. Skifskiy pogrebeniya v kurganakh na zemlyakh Solomona Kryma. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2015, vol. II, pp. 66–78.
- Koltukhov S. G., Senatorov S. N. *Skify Predgornogo Kryma v VII–IV vv. do n. e. Kurgany 1890–1892 i 1895 gg. (Po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo)*. Simferopol', 2016, 291p. (Materials for archeological map of Crimea, iss. 17).
- Koltukhov S. G. Sklepy varvarskogo naseleniya Stepnoho y PredhornoHo Kryma v skyfskoe vremia. *Starozhytnosti Stepovoho Prichernomor'ya i Krymu*, 2005, vol. XII, pp. 259–299.
- Kop'eva T. A., Koltukhov S. G. Issledovaniye kurganov v okrestnostyakh sel Aromatnoye i Krymskaya Roza v Belogorskom rayone Kryma. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2016, vol. III, pp. 52–72.
- Kop'eva T. A. Kurgan «Besharan 1» sрубnoy kulturyi s pogrebeniyami pozdnhkochevnikov Srednevekovyia v Belogorskom rayone Kryima. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2018, vol. VII, pp. 22–35.
- Kropotov V. V. *Fibuly sarmatskoy epohi*. Kiev, 2010, 384 p.
- Kropotov V. V. O vremeni poyavleniya kurganov s «kollektivnymi pogrebeniyami» v Predgornom Kryimu. In: S. A. Skoriy (ed.). *Ranniy zalizniy vik Evraziyi: do 100-richchya vid dnya narodzhennya O. I. Terenozhkina. Materialy mizhnarodnoy naukovoyi konferentsiyi*. Kiev; Chigirin, 2007, pp. 95–97.
- Kropotov V. V., Leskov A. M. Kurgan s «kollektivnym pogrebeniem» u s. Krnichki (po materialam rabot 1957 g.). *Kultura narodov Severnogo Prichernomor'ya*, 2006, vol. 84, pp. 25–39.
- Mayko V. V. *Vostochniy Kryim vo vtoroy polovine X–XII vv.* Kiev, 2014, 465 p.
- Medvedev G. V. K istorii issledovaniya pogrebalnogo obryada Kryimskoy Skifii. In: Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva (ed.). *Drevnyaya Tavrika. Sbornik nauchnykh trudov posvyaschennyiy 80-letiyu T. N. Vyisotskoy*. Simferopol', 2007, pp. 59–68.
- Medvedev G. V. Mogilyi s kollektivnymi pogrebeniyami iz Ust-Almingskogo nekropol'ya. *Arheologicheskij almanah*, Doneck, 2010, vol. 22, pp. 219–234.
- Medvedev G. V. Nakonechniki strel arhaicheskikh tipov iz Ust-Almingskogo nekropol'ya. *Hersonesskiy sbornik*, 2019, vol. XX, pp. 99–111.
- Medvedev G. V. Vodobornaya tsisterna ellinisticheskogo vremeni s poseleniya Vilino (Rassadnoe) — kak pogrebalnoe sooruzhenie pozdneskifskoy kulturyi. *Eminak*, 2019a, vol. 3 (27), pp. 9–46.
- Melyukova A. I. *Vooruzhenie skifov*. Moscow, 1964, 92 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D1–4).
- Menshikova V. A. Lepnyie kurilnitsyi s kannelyurami iz Severo-Vostochnogo Priazov'ya. in: N. P. Telenov (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya vo III–II vv. do n. e.* Tiraspol, 2012, pp. 106–110.
- Mogilov O. D. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoy Evropy*. Kiev; Kamianets-Podil'skiy, 2008, 439 p.
- Monakhov S. Yu. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza*. Saratov, 1989, 158 p.
- Monakhov S. Yu. *Grecheskie amfory v Prichernomore. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov v keramicheskoi tare*. Moscow; Saratov, 2003, 352 p.
- Pletneva S. A. *Drevnosti chernykh klobukov*. Moscow, 1973, 102 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. E1–19).
- Puzdrovskii A. E., Trufanov A. A., Medvedev G. V. Kamennyi podkurganniy sklep s kollektivnymi zakhoroneniiami u s Brianskoe v Yugo-Zapadnom Krymu. *Arkheologicheskii almanakh*, Doneck, 2010, vol. 22, 119–206.
- Puzdrovskiy A. E. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol', 2007, 480 p.
- Puzdrovskiy A. E., Medvedev G. V. Parniyie pogrebeniya pervyih vekov n. e. na Ust-Almingskom nekropole. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2015, vol. II, pp. 250–269.
- Sinika V. S., Menshova V. A., Telnov N. P. Lepnyie kuril'nicy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya IV–III vv. do n. e. *Stratum plus*, 2014, № 3, pp. 65–101.
- Sokolskiy N. I. *Tamanskiy tolos o rezidentsiya Hrisaliska*. Moscow, 1976, 128 p.
- Stoyanova A. A. Busy i podveski iz mogilnika Neyzats (po materialam raskopok 1996–2001 gg.). *Bosporskie issledovaniya*, 2004, vol. V, pp. 263–319.
- Stoyanova A. A. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2004 gg.)*. Simferopol', 2012, 100 p.
- Symonovich E. A. *Naselenie stolicy pozdneskifskogo carstva (po materialam Vostochnogo nekropol'ya Neapolya skifskogo)*. Kiev, 1983, 172 p.
- Tempelemann-Maczyńska M. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein, 1985, xi, 339 S., 80 Taf., 3 Beilagen. (Römisch-germanische Forschung, 43).
- Trufanov A. A. Hronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 2009, vol. 4, pp. 111–328.
- Trufanov A. A. Krasnolakovye ojnohoji Ust'-Al'mingskogo nekropol'ya. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Simferopol', 2018, vol. III, pp. 85–102.
- Trufanov A. A. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov Yugo-Zapadnogo i Central'nogo Kryma). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 181–192.
- Vlasov V. P. Lepnaia keramika Pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 204–303.

- Voloshinov A. A., Loboda I. I. Bakhchisaraiskii istoriko-kulturnyi zapovednik i arkhologicheskie issledovaniia v Yugo-Zapadnom Krymu. In: Zaytsev Yu. P. (ed.). *Drevnie sokrovishcha Yugo-Zapadnogo Kryma. Katalog vystavki*. Simferopol', 2005, pp. 26–27.
- Vysotskaia, T. N. *Neapol — stolitsa gosudarstva pozdnykh kifov*. Kiev, 1979, 208 p.
- Vysotskaya T. N. *Ust' — Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, 1994, 206 p.
- Vysotskaya T. N., Mahneva O. A. Novyie pozdneskifskie mogilniki v Tsentralnom Krymu. *Naselenie Kryima i kultura v pervyie veka n. e.* Kiev, 1983, pp. 66–80.
- Zaytsev Yu. P. Krepost Ak-Kaya v epohu ellinizma. In: Yu. P. Zaytsev (ed.). *Krym v epohu ellinizma. Mezhhkulturnye protsessy po dannym noveyshih arheologicheskikh issledovaniy*. Simferopol', 2017, pp. 121–131.
- Zaytsev Yu. P. Skilur i ego tsarstvo (Novyie otkryitiya i novyie problemy). *Vesntik drevnej istorii*, 1999, № 2, pp. 127–147.
- Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. Kurgan s «kollektivnyimi» pogrebeniyami iz okresnostey gorodischa Ak-Kaya. *Arheologicheskij almanah*, Doneck, 2010, vol. 22, pp. 167–176.
- Zeest I. B. *Keramicheskaya tara Bospora*. Moscow, 1960, 182 pp. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 83).

РЕЗЮМЕ

В статье публикуется подкурганый каменный склеп с плато Капак-Таш. Таврский ящик, перестроенный в склеп, ограблен в древности и в наше время. В 20-е годы XX столетия использовался в качестве печи для обжига извести. В результате исследований, удалось определить три этапа использования склепа: 1) вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. — скифами; 2) II–I вв. до н. э. возможно, первая половина I в. н. э. и вторая половина II — первая половина III в. н. э. — поздними скифами; 3) X–XIV вв. — кочевническое погребение с конем.

Ключевые слова: курганный могильник, каменный склеп, позднескифская культура, скифы.

G. V. Medvedev

**STONE CRYPT UNDER THE BARROW
ON THE KAPAK-TASH PLATEAU**

SUMMARY

In the article it is published a stone crypt under the barrow on the Kapak-Tash plateau. The Taurian box, rebuilt into a crypt, was robbed in antiquity and in our time. In the 20s of the XX century it was used as a lime kiln. As a result of research, it was possible to determine three stages of the use of the crypt: 1) the second half of the IV — the first half of the III century BC — Scythians; 2) II–I centuries BC, perhaps the first half of the 1st century AD and the second half of II — the first half of III century AD — late Scythians; 3) X–XIV centuries — nomadic burial with a horse.

Keywords: burial mound, stone crypt, Late Scythian culture, Scythians.

Рис. 1. Географическое положение курганного некрополя на плато Капак-Таш (Крым, Белогорский район). (Фрагмент карты Генерального штаба L-36-117, издание 1988, командир части полковник М. А. Приходько, масштаб 1:100000). 1 — курган № 1.

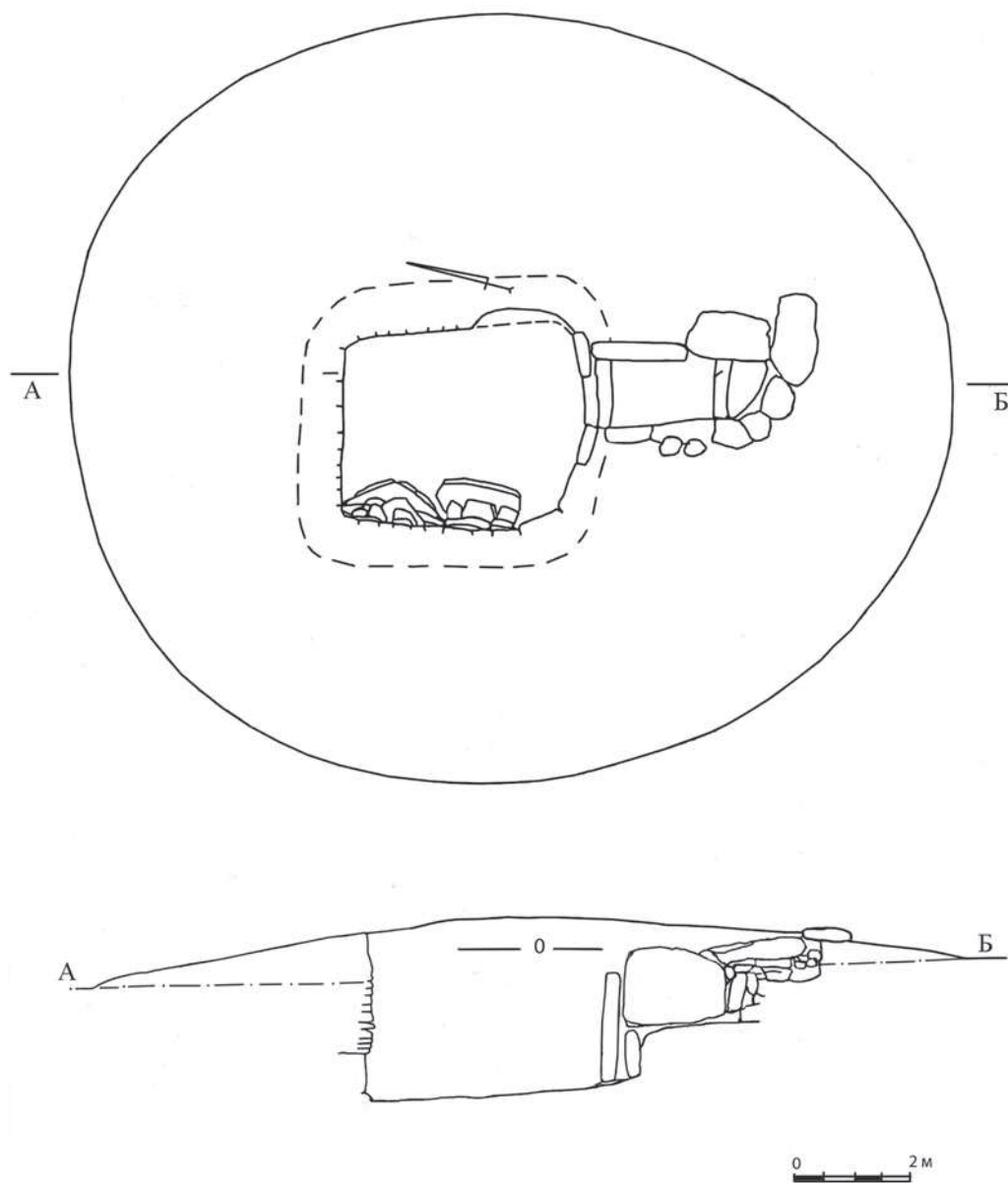

Рис. 2. Каменный подкурганный склеп № 1 с плато Капак-Таш. План и разрез.

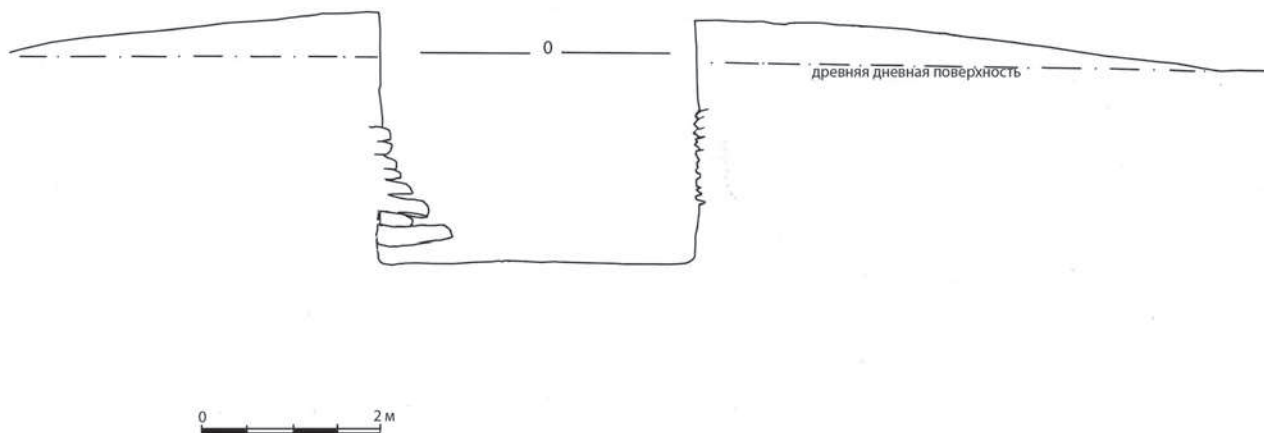

Рис. 3. Склеп № 1 с плато Капак-Таш. Разрез камеры.

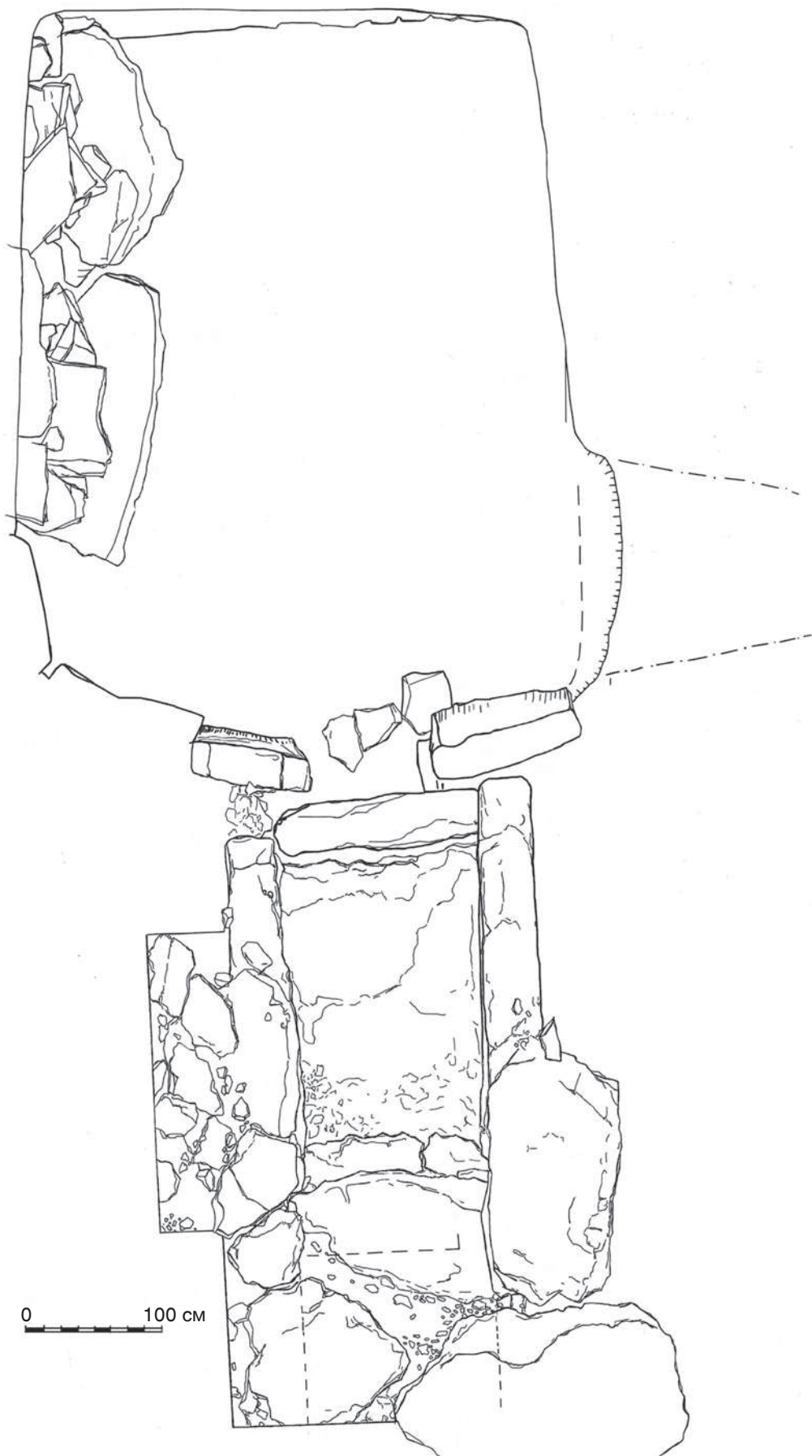

Рис. 4. Склеп № 1 с плато Капак-Таш. План камеры с входной ямой.

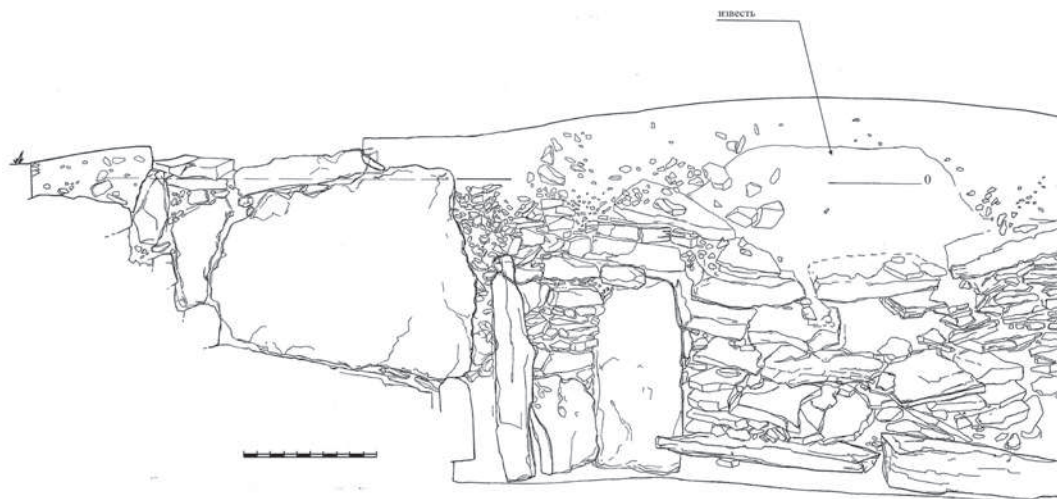

Рис. 5. Склеп № 1. Фасировка западной стены камеры и входной ямы.

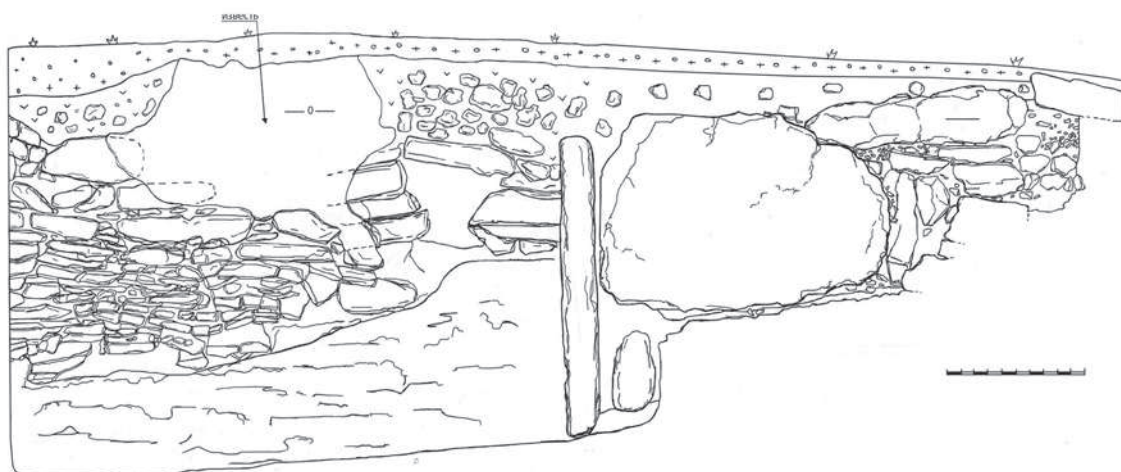

Рис. 6. Склеп № 1. Фасировка восточной стены камеры и входной ямы.

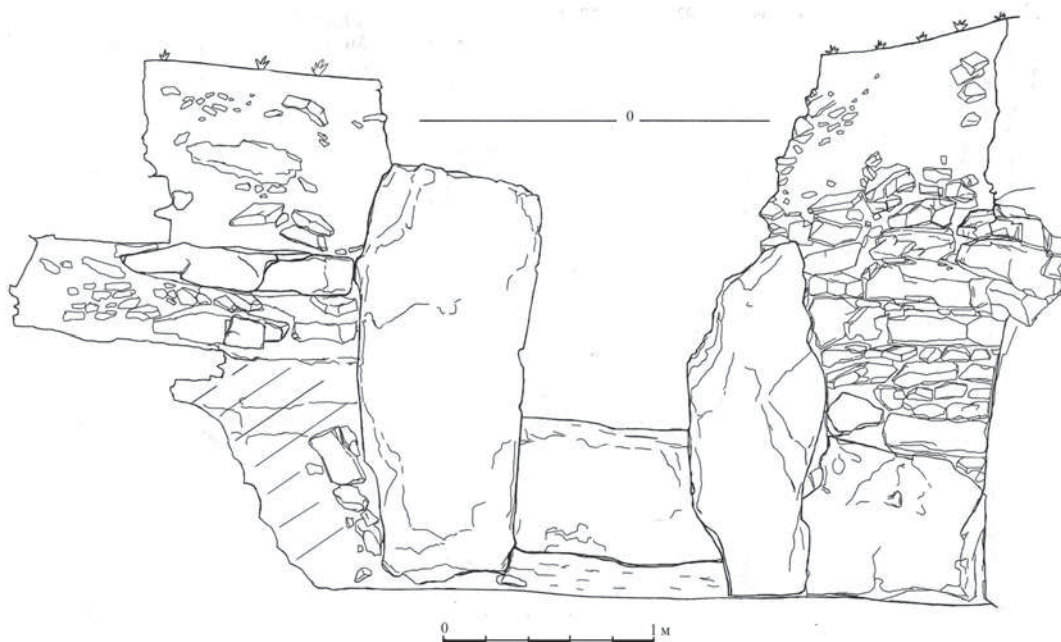

Рис. 7. Склеп № 1. Фасировка южной стены со входом в камеру.

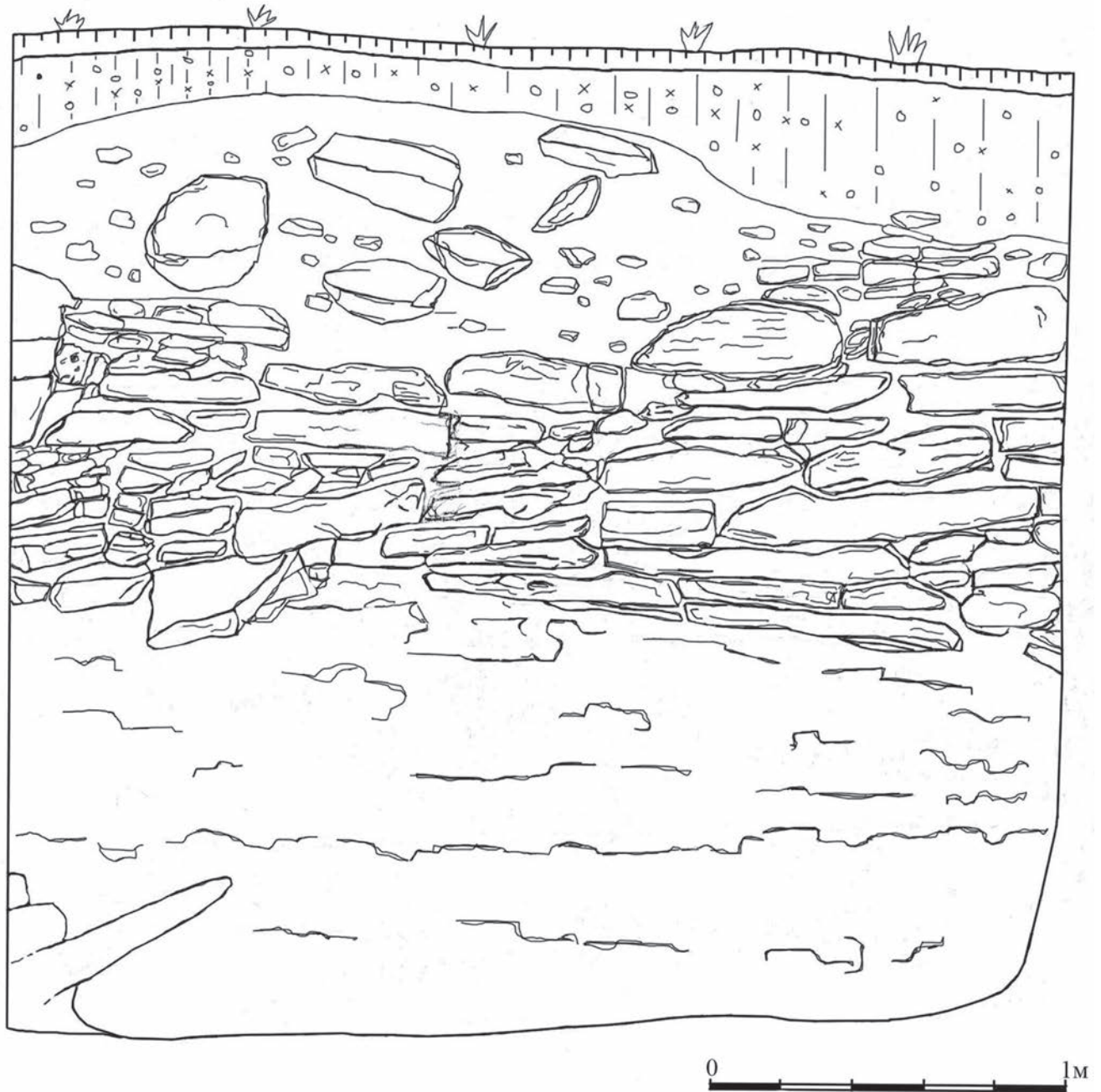

Рис. 8. Склеп № 1. Фасировка северной стены склепа.

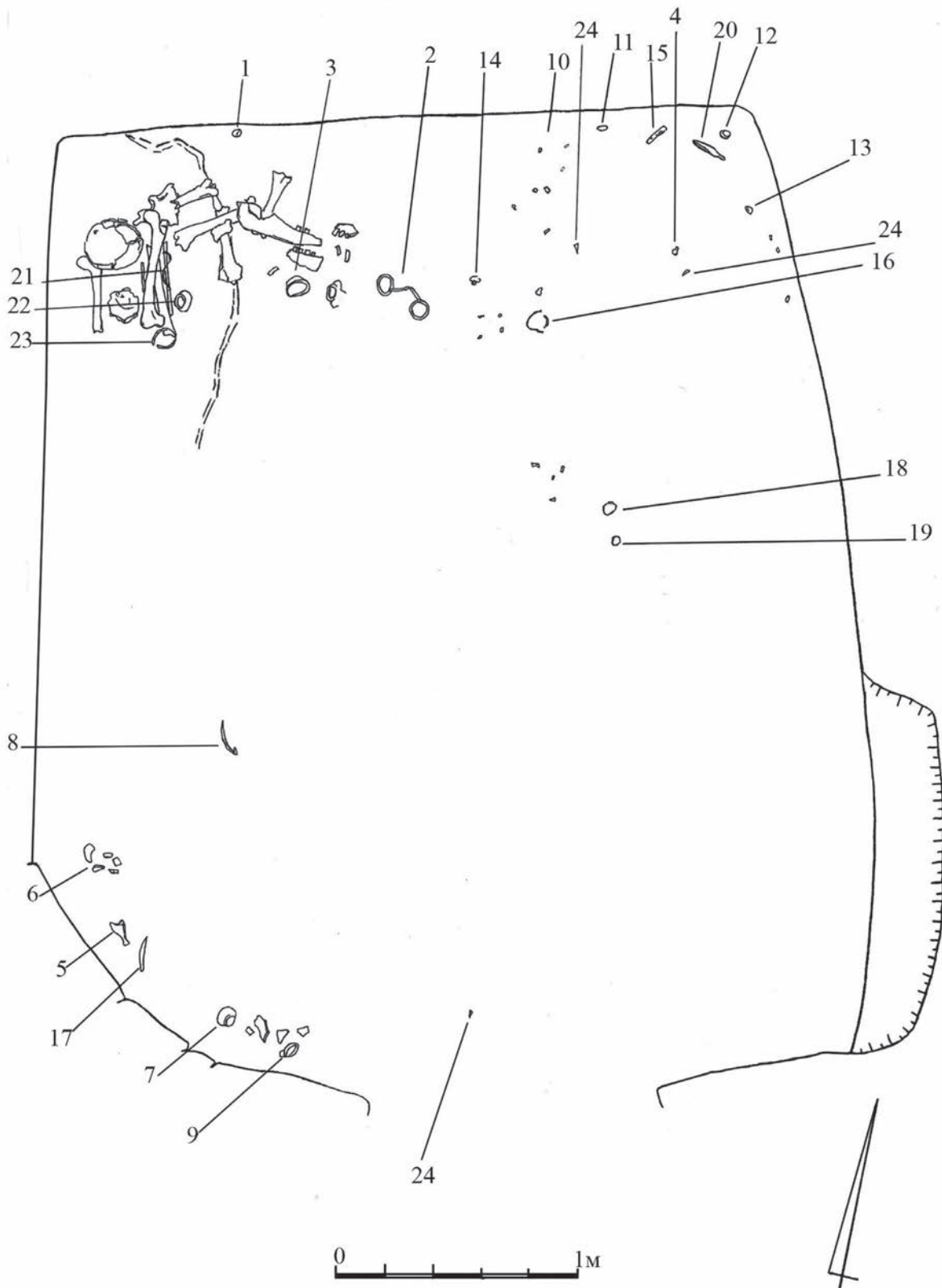

Рис. 9. Склеп № 1 с плато Капак-Таш. План камеры с входной ямой:

- 1 — пряжка железная; 2 — удила железные; 3 — чашка лепная; 4 — бубенчик бронзовый;
 5 — флакона фрагменты; 6 — тарелки гончарной фрагменты; 7 — чашка лепная; 8 — крюк железный;
 9 — кувшина гончарного фрагменты; 10 — бусы; 11 — бронзовый перстень; 12 — бронзовое кольцо;
 13 — бронзовый перстень; 14 — серьга с бусиной; 15 — пронизь из кости; 16 — браслет; 17 — фрагмент ножа железного; 18 — браслет; 19 — пластина бронзовая; 20 — ножа железного фрагмент; 21 — браслет бронзовый;
 22 — солонка чернолаковая; 23 — браслет бронзовый; 24 — наконечники стрел бронзовые.

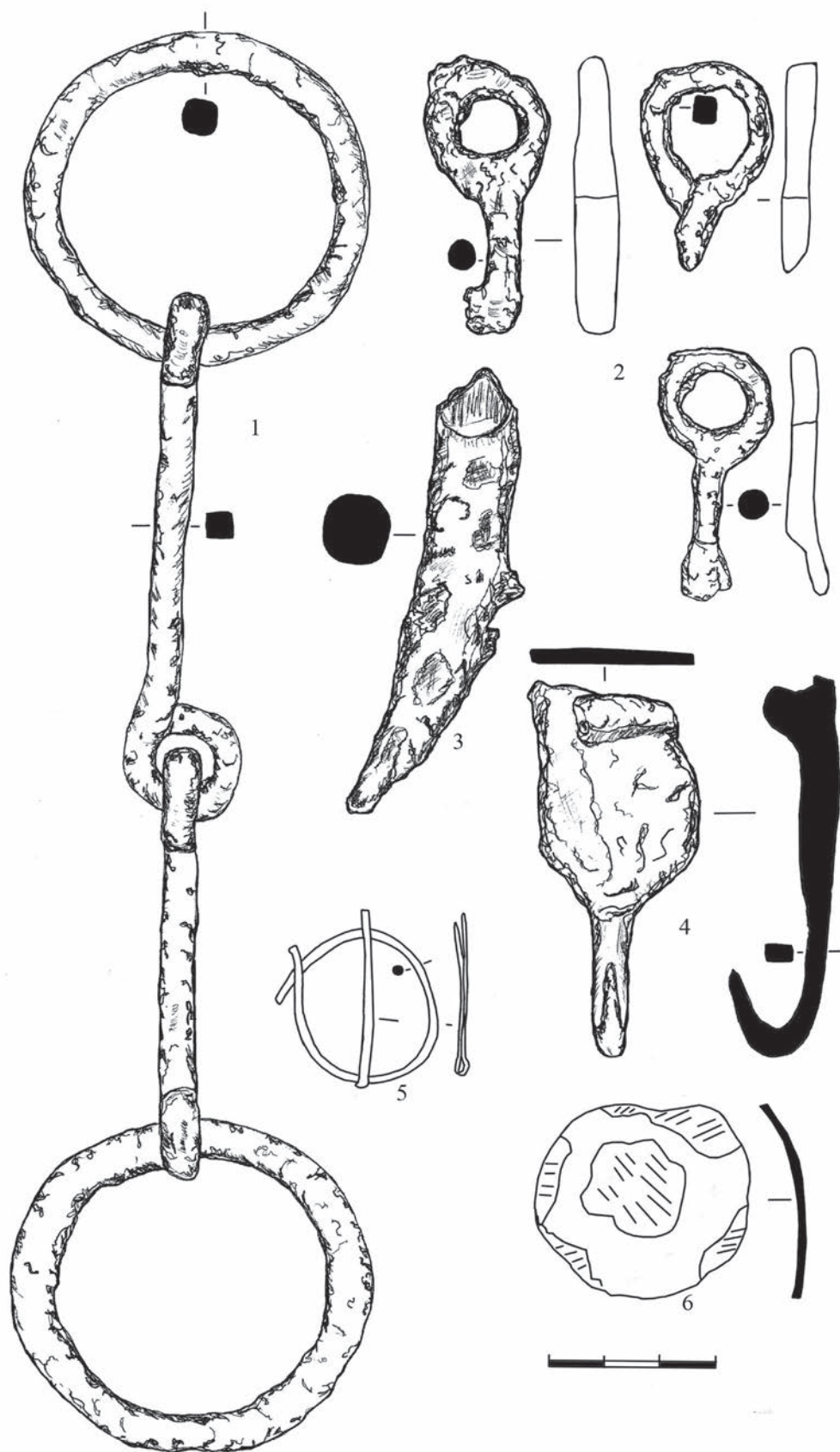

Рис. 10. Склеп № 1. Железные и бронзовые изделия из камеры: 1 — удила железные с двумя подвижными кольцами; 2 — пряжки железные с выступом; 3 — крюка колчанного железного средней части корпуса фрагмент; 4 — колчанного железного крюка с широким пластинчатым щитком фрагмент; 5 — пряжка с кольцевой проволочной рамкой и подвижным язычком; 6 — пластина бронзовая дисковидной формы.

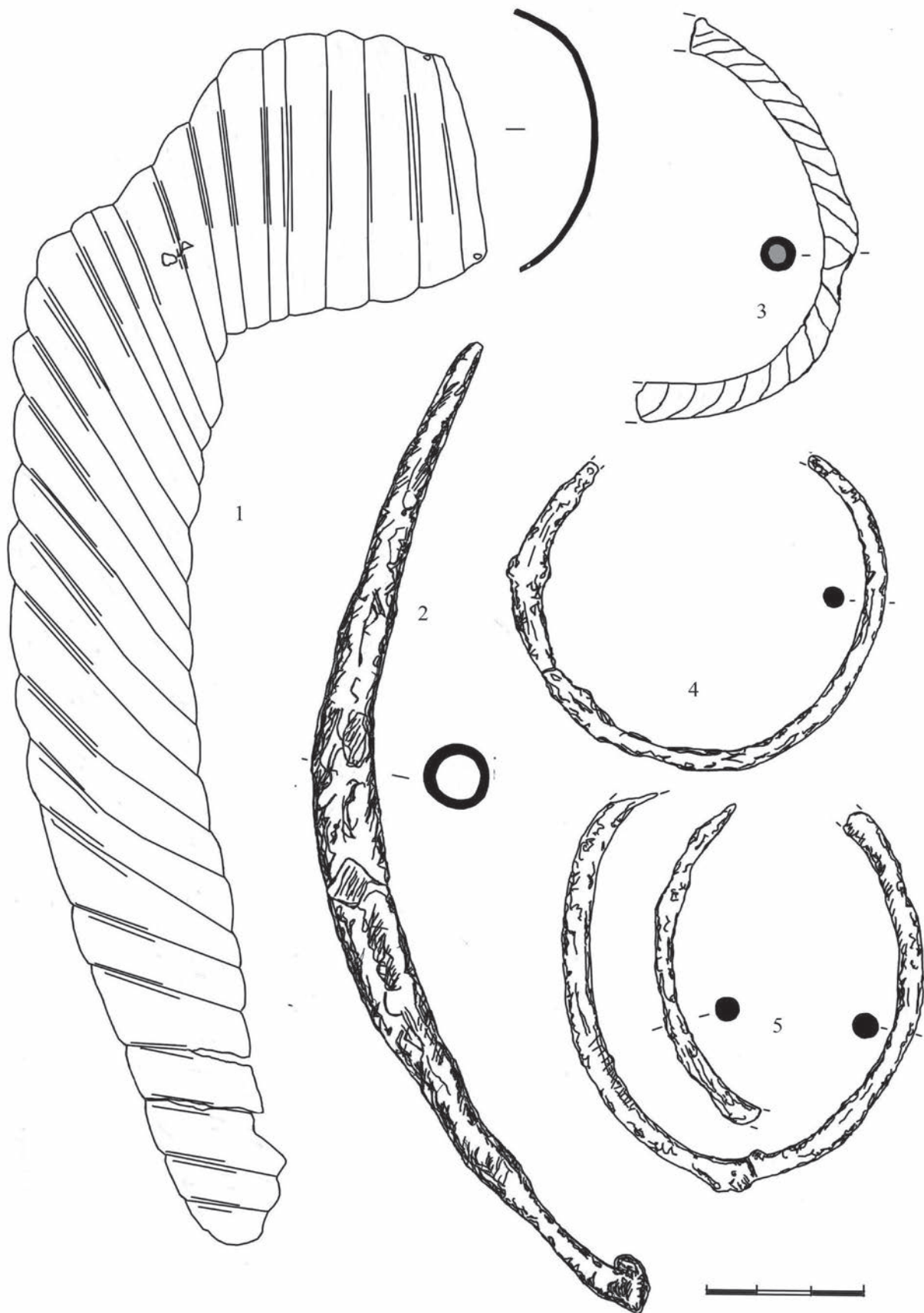

Рис. 11. Склеп № 1. Железные и бронзовые изделия из камеры: 1 — ритона бронзовой обкладки с рельефной фигурной поверхностью половина; 2 — крюк колчанный железный; 3 — браслета бронзового фрагменты; 4, 5 — браслетов бронзовых фрагменты.

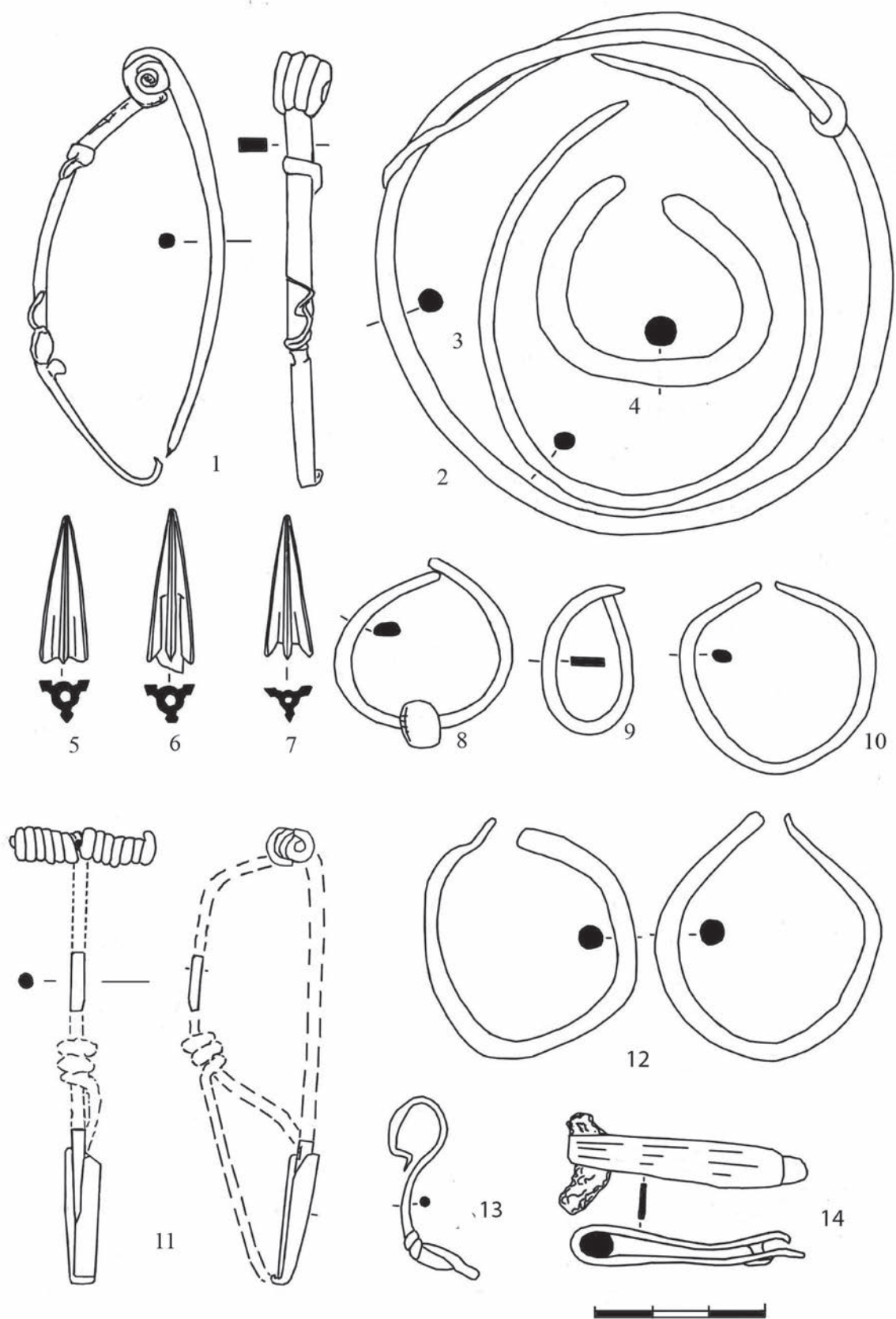

Рис. 12. Склеп № 1. Находки из бронзы: 1 — фибула лучковая; 2 — браслет бронзовый с перевязанными концами; 3 — браслет бронзовый с заостренными несходящимися концами; 4 — серьга бронзовая; 5-7 — наконечники бронзовых стрел; 8 — серьга бронзовая со стеклянной бусиной; 9,10 — серьги бронзовые; 11 — фрагменты бронзовой фибулы; 12 — кольца височные; 13 — серьга серебряная (деформирована); 14 — обойма с бронзовой с заклепкой и фрагментом кольца.

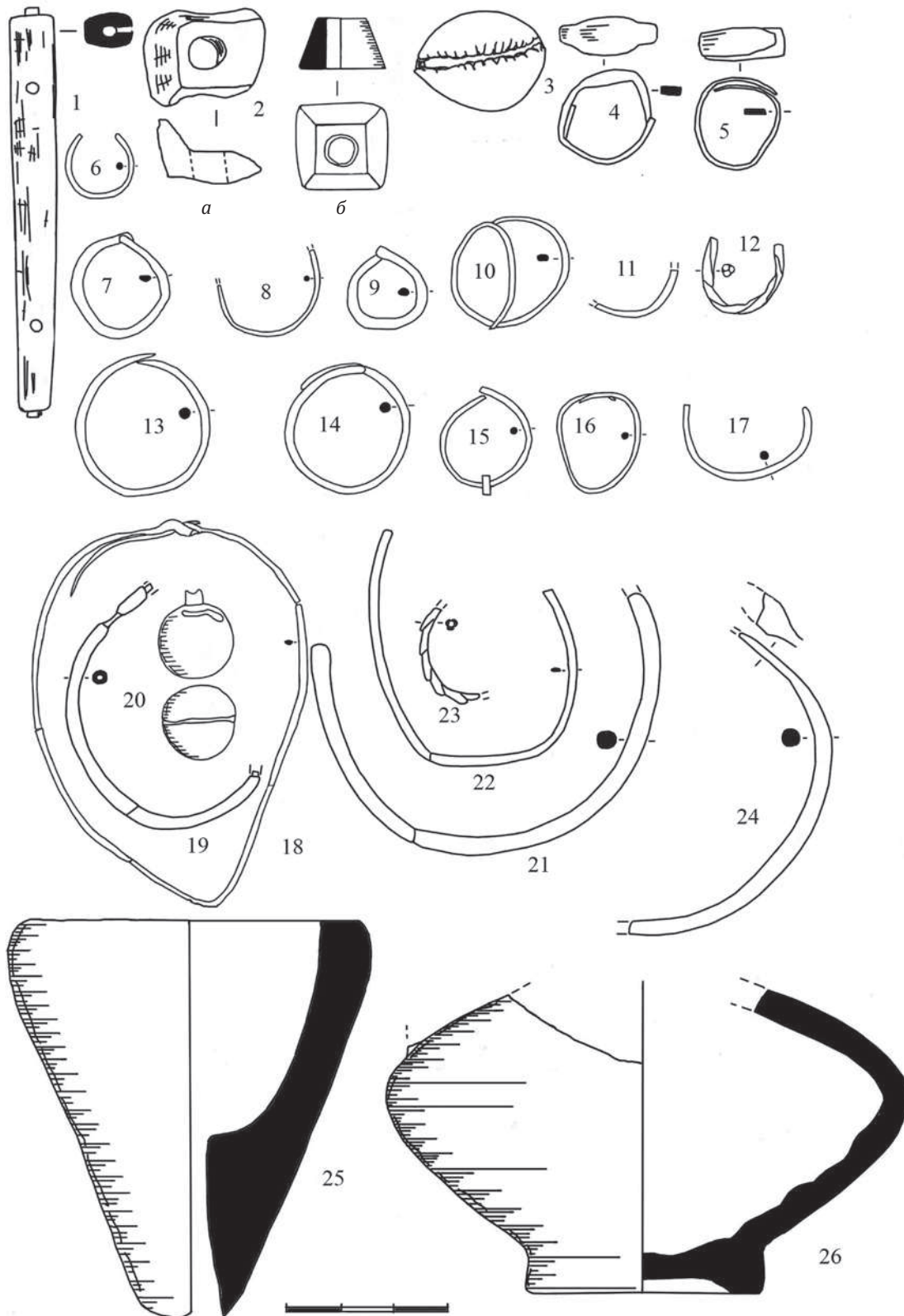

Рис. 13. Склеп № 1. Предметы из металла и фрагменты гончарных сосудов: 1 — костяное изделие цилиндрической формы с продольным сквозным отверстием и двумя боковыми; 2 — игла костяная; 3 — раковина каури; 4, 5 — перстни бронзовые; 7-11 — серьги бронзовые; 6, 12, 13-17 — серьги серебряные; 18, 19, 21, 22, 24 — браслетов бронзовых фрагменты; 20 — бубенчик бронзовый; 23 — серьги бронзовой фрагменты; 25 — чашки из конической ножки светлоглиняной амфоры фрагмент; 26 — кувшина гончарного с биконическим корпусом нижняя часть.

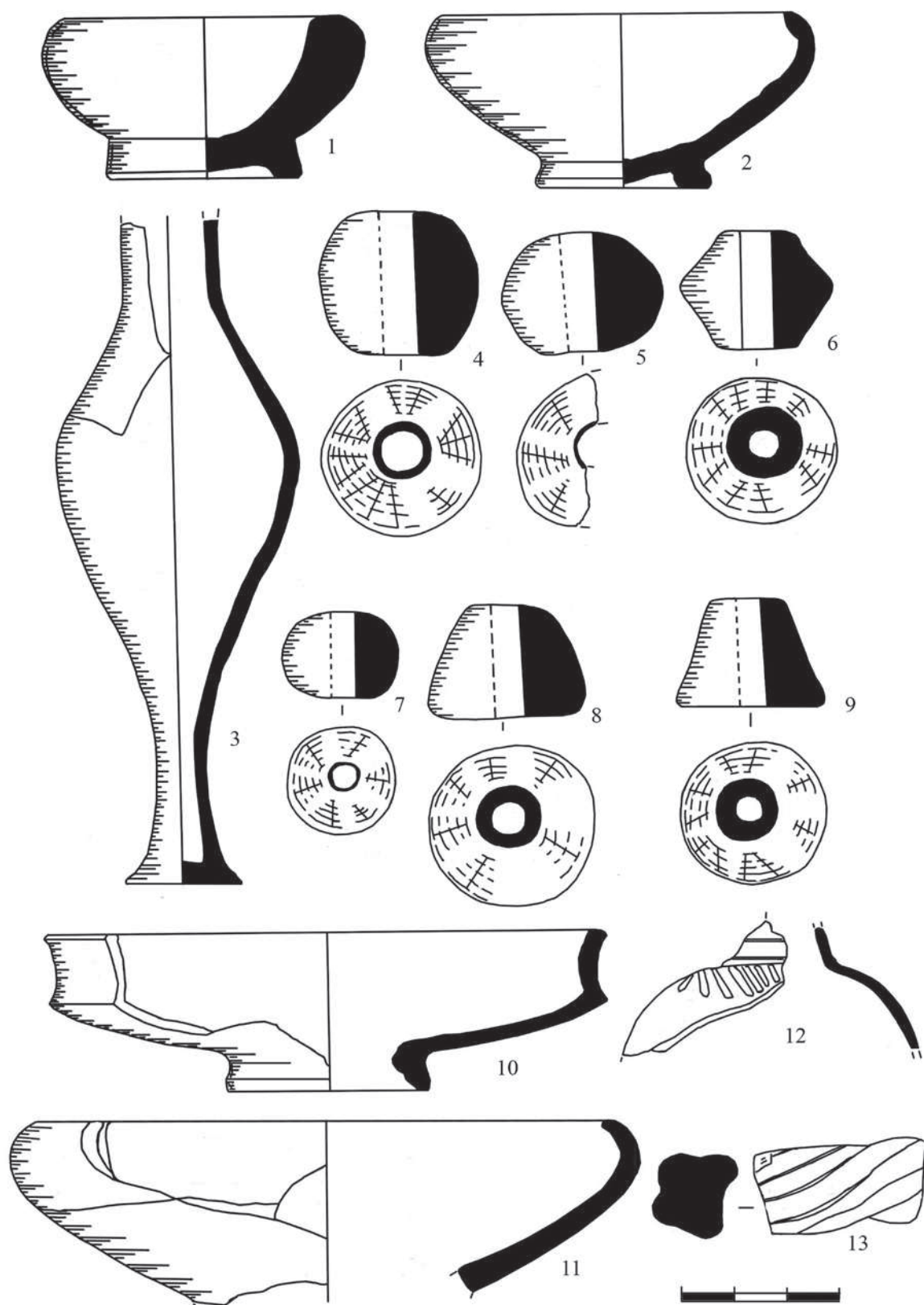

Рис. 14. Склеп № 1. Пряслица, фрагменты гончарной и лепной посуды: 1 — солонка чернолаковая; 2 — чашки гончарной профиль; 3 — флакона гончарного веретенообразной формы фрагменты; 4-9 — пряслица лепные; 10 — тарелки краснолаковой профиль; 11 — миски гончарной краснолаковой; 12 — флакона гончарного корпуса с орнаментом белой краской фрагмент; 13 — ручки лепной витой фрагмент.

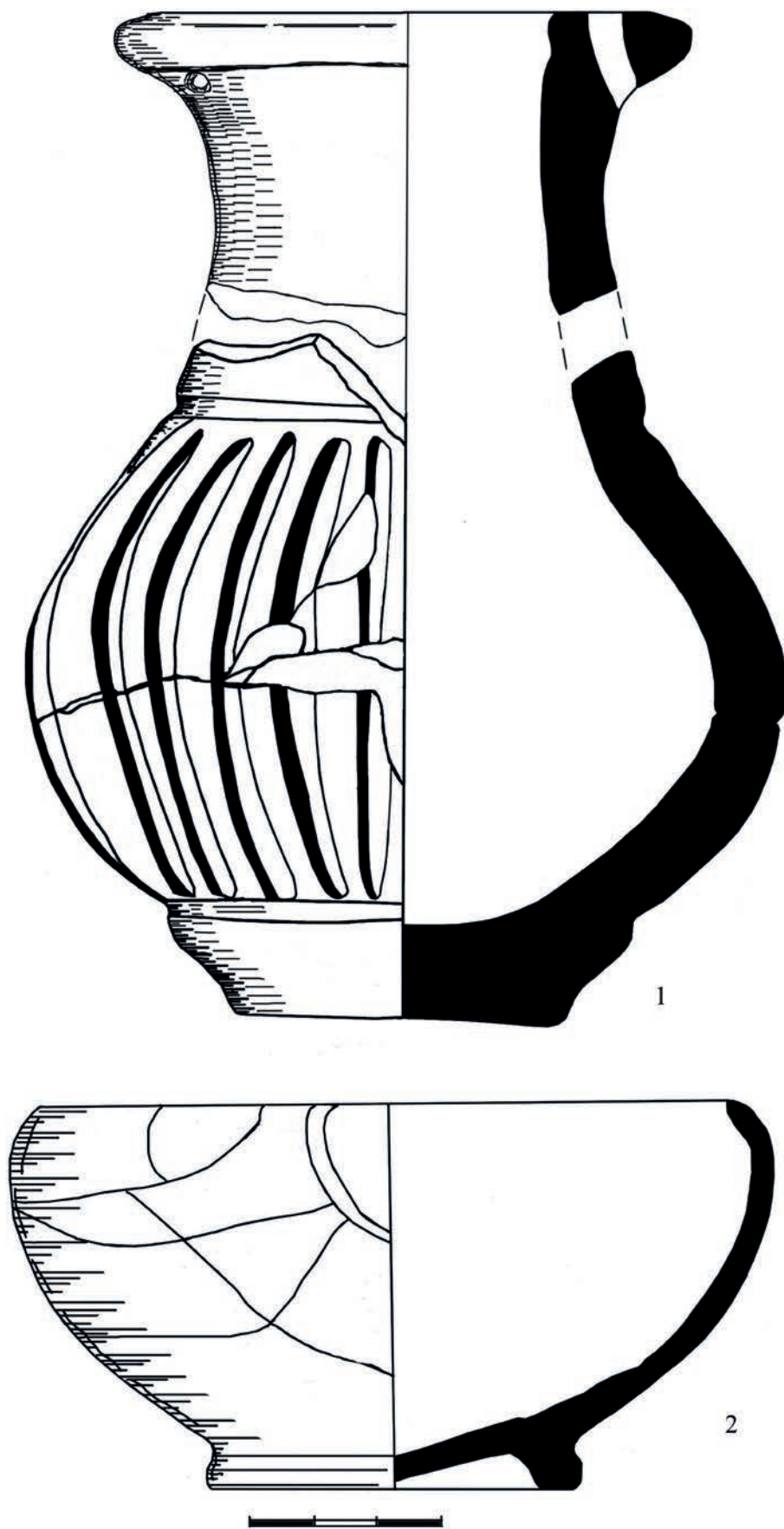

Рис. 15. Склеп № 1. Фрагменты лепной курильницы и гончарной чашки:
 1 — курильница лепная с шаровидным каннелированным туловом; 2 — гончарной чашки фрагменты.

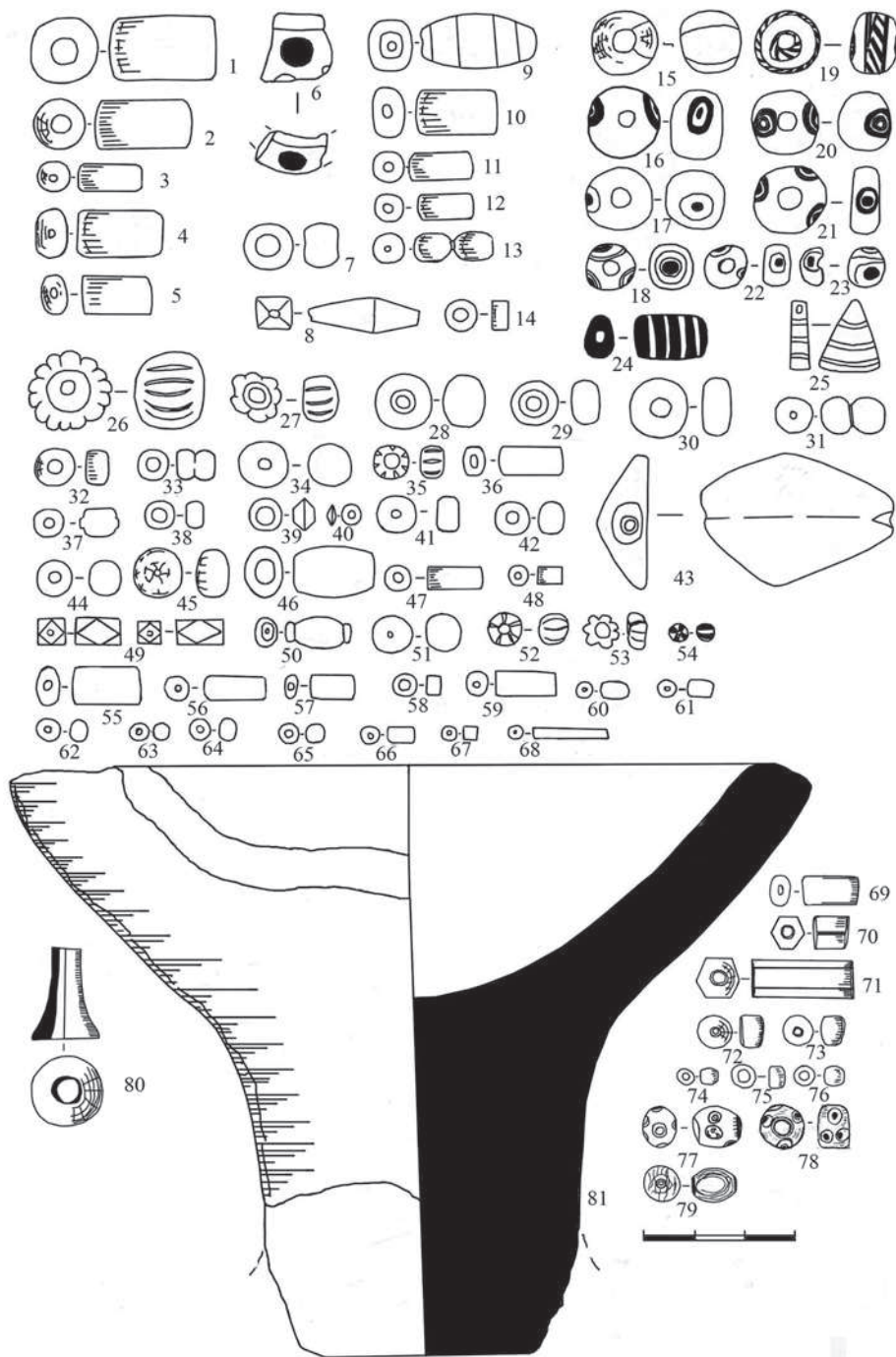

Рис. 16. Склеп № 1. Бусы и лепная курильница: бусы: стекло 1, 3 — цилиндрические красные; 2 — цилиндрические белые; 4, 5 — призматические красные; 6 — фрагмент глазчатой; 7 — круглые белые; 8 — в форме четырнадцатигранников зеленого прозрачного цвета; 9 — гагатовые бочковидные с процарапанными линиями по краям; стекло: 10 — призматические голубые; 11 — цилиндрические белые; 12 — цилиндрические красные; 13 — сдвоенные с металлической прокладкой; 14 — сжато-цилиндрическая синяя; 15 — округлые красные с желтым; 16-23 — округлые с глазчатым орнаментом; 24 — цилиндрические полихромные со спиралевидным орнаментом; 25 — подвески треугольной формы синие с белыми полосками; 26 — фаянсовая ребристая; стекло: 27 — ребристая белая прозрачная; 28 — округлосжатая синяя; 29-30 — округлосжатые белые; 31-33 — сдвоенные с металлической прокладкой; 32 — округлосжатая синяя; 34 — округлое белое; 35 — прозрачное стекло; 36 — призматическая белая; 37 — с металлической прокладкой; 38 — округло-сжатая белая; 39, 40 — фаянсовые; 41, 42, 44 — округло-сжатые, округлые белые; 43 — янтарная; 45 — сердоликовая; стекло: 46 — бочковидная белая; 47, 48 — гагат; 49 — в форме четырнадцатигранника белая и зеленая; 50 — с металлической прокладкой; 51 — округлые белые; 52, 53 — ребристые прозрачные; 54 — круглая полосатая; 56-62 — белые; 63-66 — белые; 67-68 — красные; 69 — стекло призматическое; 70, 71 — стекло белое и желтое в форме восьмигранника; 72-76 — с металлической прокладкой; 77, 78 — с глазчатым орнаментом; 79 — сердоликовая; 80 — бронзовая ворворка; 81 — курильница лепная.

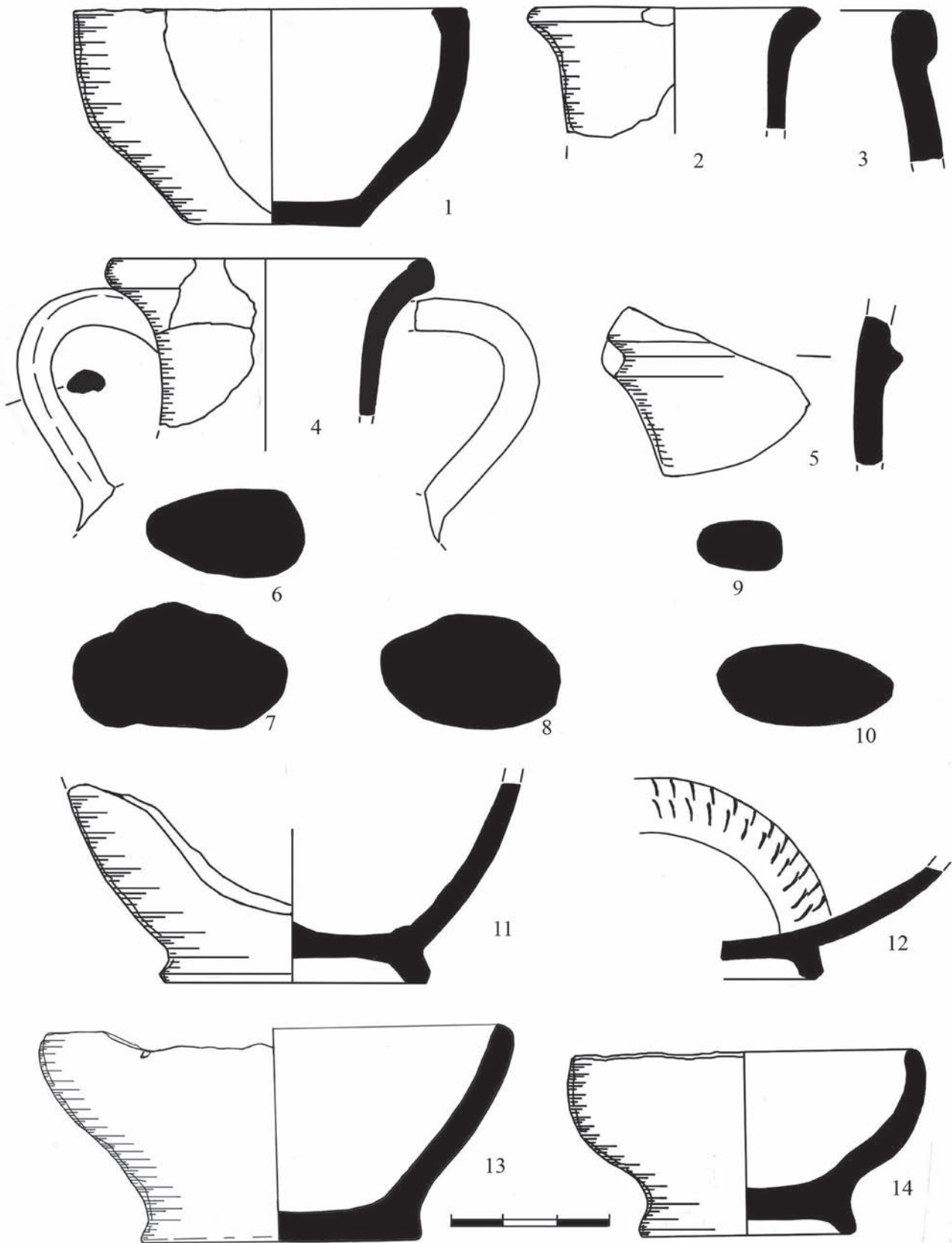

Рис. 17. Склеп № 1. Гончарная и лепная посуда: 1 — чашки лепной полный профиль; 2 — кувшина гончарного венчика фрагмент; 3 — амфоры красноглиняной венчика фрагмент; 4, 11 — кувшина гончарного горла и ручек и нижней части фрагменты; 5 — стенки с валиком от лепного сосуда; 6-8, 10 — ручек амфор красноглиняных фрагменты; 9 — ручки лепного сосуда фрагмент; 12 — тарелки чернолаковой дна фрагмент; 13, 14 — чашки лепные.

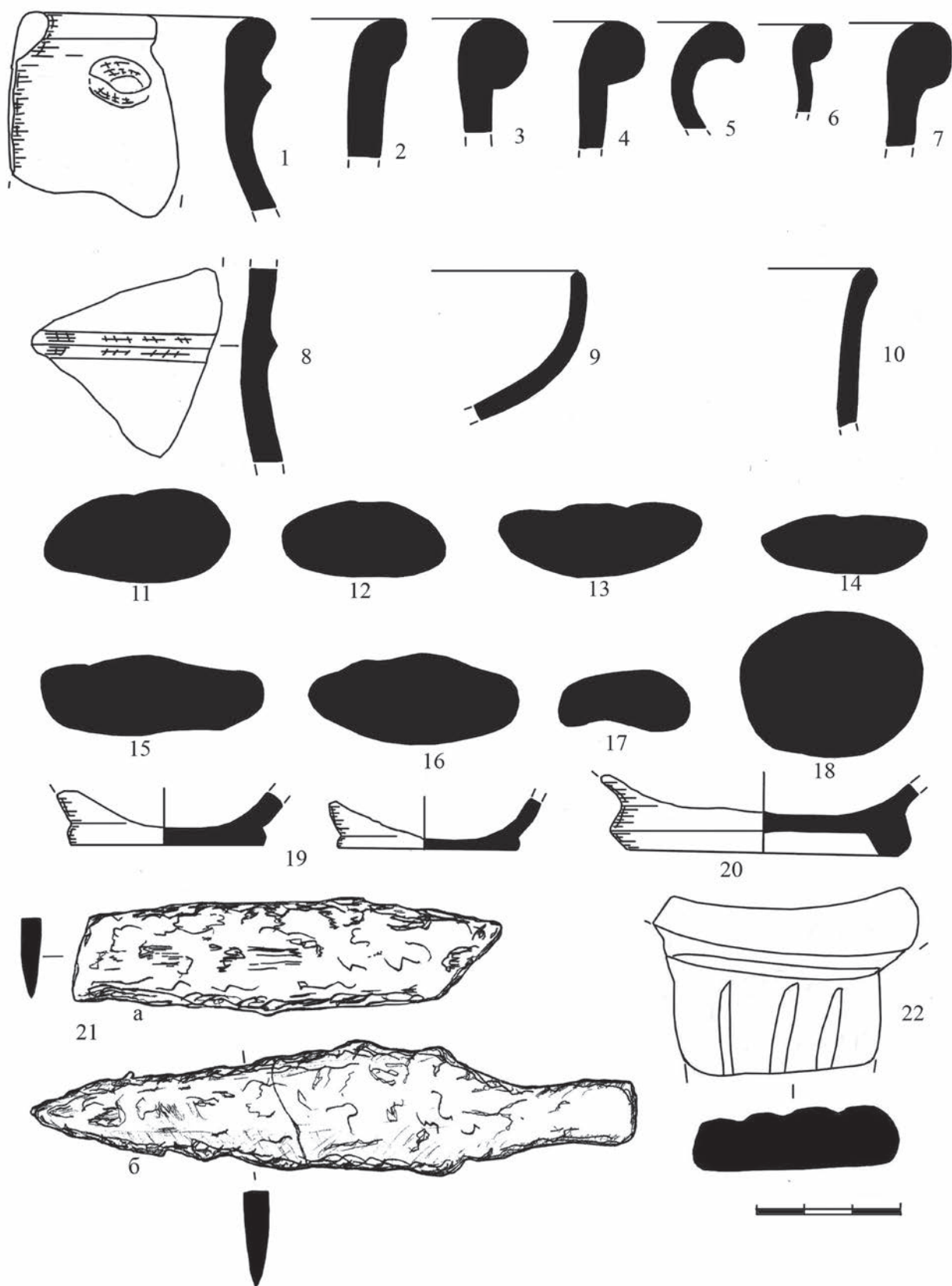

Рис. 18. Склеп № 1. Фрагменты железных ножей, гончарной и лепной посуды: 1, 8 — лепных сосудов профильных частей фрагменты; 2-4, 7 — венчиков амфор фрагменты; 5, 6 — венчиков сосудов гончарных фрагменты; 9 — миски гончарной фрагмент профиля; 11-16, 18 — амфор красноглиняных ручек фрагменты; 17 — сосуда лепного ручки фрагмент; 19, 20 — поддонов гончарных сосудов фрагменты; 21 — ножей железных фрагменты; 22 — кувшина лепного ручки орнаментированной продольными каннелюрами фрагмент.

М. Ю. Трейстер

ИМПОРТНЫЕ БРОНЗОВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ I В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.

1. Введение

Римские бронзовые колокольчики (*tintinabulae*) имели различную форму, которая нашла отражение в нескольких типологических схемах их классификации [Galliazo 1979, p. 157–158; Kneifel 1985, S. 9–16; Nowakowski 1988, S. 69–146; Flügel 1993, S. 99–103, Taf. 33–34; Künzl 1993, S. 385–386; Lund Hansen 2005, p. 85–89; Pomberger 2018, S. 1–18].

Среди колокольчиков, найденных в погребениях кочевников Сарматии¹, а также погребениях варварских могильников Юго-Западного Крыма [Дашевская 1991, с. 38, табл. 70.1–8; Труфанов 2009, с. 235–237, рис. 67; Гущина, Журавлев 2016, с. 110–111; Стоянова 2016, с. 140–143, тип 43, рис. 5–10] и меотских городищ Нижнего Подонья [Косяненко 1997, с. 153–164; 2008, с. 123–133], преобладают экземпляры, вероятнее всего, изготовленные в мастерских Северного Причерноморья. Тем не менее не исключено, что часть колокольчиков из комплексов Азиатской Сарматии могли быть импортами из провинций Римской империи или с территории Боспорского царства. Наряду с западными импортными колокольчиками к кочевникам Южного Приуралья в позднесарматское время попадали и колокольчики, вероятно, изготовленные в Парфии. Все эти материалы рассмотрены ниже.

¹ Находки из курганных могильников Приднепровья [Simonenko 2008, Taf. 42.3d; 76.21; 86.1–3; 113.3; Симоненко 2011, с. 111–113, рис. 68], Нижнего Подонья и Прикубанья [Raev 1986, p. 39; Косяненко 1997, с. 153–164; 2008, с. 126–128; Marčenko, Limberis 2008, S. 321–323, Karte 14]. — О колокольчиках в позднесарматской культуре Приуралья см. [Малашев, Яблонский 2008, с. 65–66].

2. Типы колокольчиков

2.1. Колокольчики цилиндрической формы с вогнутыми стенками и массивной граненой петлей-навершием (Nowakowski A)

Оба колокольчика из погребения № 1 кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 1) [Прохорова, Гугуев 1992, с. 145, рис. 3.7–8; 154; Gossel-Raeck, Stutzinger (Hrsg.) 2003, S. 162, Nr. 143], а также пара колокольчиков из кургана № 20/1975 могильника Центральный-IV [Раев, Науменко 1993, 152, № 6, рис. 3.4] на Нижнем Дону и колокольчик из погребения № 2 кургана № 39 могильника Лебедевка-VI [Малашев 2013, с. 117 (ошибочно определенный как железный), рис. 79.9] в Южном Приуралье относятся к типу цилиндрических с вогнутыми стенками и массивной граненой петлей-навершием (Ohlenroth A, Kneifel II, Nowakowski A, Flügel A, Pomberger II, Galliazo C2, Müller B, Nicolay A; Eckardt, Williams 4) [Ohlenroth 1925, S. 151; Galliazo 1979, p. 157–158; Kneifel 1985, S. 9–16; Nowakowski 1988, S. 75–78; Flügel 1993, S. 99–101, Nr. 165–175, Taf. 33; Müller 2002, S. 53, 194–195, Nr. 613–625, Taf. 58–61; Nicolay 2007, p. 58, pl. 94, nos. 212.6, 82.96, 204.5; Pomberger 2013, S. 1–4, Nr. 3–5; 2018, p. 9–13; Eckardt, Williams 2018, 184, fig. 2; 185]. Такие колокольчики, которые иногда называют тюльпановидными, в первые века н. э. были довольно широко распространены как в Римской империи², так и за ее пределами, особенно на севере европейского *Barbaricum*'а, на территории современных Польши и стран Балтии [Nowakowski 1988, S. 91, Abb. 13; Künzl 1993, S. 385–386; Lund Hansen 2005, p. 87–88, figs. 37–38]. Колокольчики рассматриваемого типа, как правило, были связаны с конской упряжью, причем это справедливо как для находок с территории Римской

² См., в частности, находки из Северной Италии [Galliazo 1979, p. 158; Giovannini, Tasca 2016, p. 108–110, nos. 10E. 5–9].

империи, так и из *Barbaricum*'a [Lund Hansen 2005, p. 88–89], хотя высказываются предположения и о том, что их наиболее важная функция в варварском контексте носила магический характер [Nowakowski 1988, S. 100]. Как уже отмечалось в литературе, форма таких колокольчиков не дает оснований для более подробной периодизации [Lund Hansen 1987, S. 146; 2005, p. 87].

Не такие массивные колокольчики меньших размеров с аналогичными петлями для подвешивания происходят, например, из раскопок амфитеатра в Падуе [Zampieri, Lavarone (eds.) 2000, p. 195, no. 382] и из Сан-Вито-аль-Тальяменто [Giovannini, Tasca 2016, p. 108–110, nos. 10E. 5–9]. Об их широком распространении уже в раннеавгустовское время свидетельствуют находки из римских лагерей Обераден и Камбодунум [Flügel 1993, S. 100, Anm. 339]. Серии аналогичных колокольчиков происходят из Галлии [Аугст: Furger, Schneider 1993, S. 164, 165, Abb. 8. — Вьенн: Boucher 1971, p. 198, nos. 618, 624] и Батавии [Nicolay 2007, p. 58, pl. 94, nos. 212.6, 82.96, 204.5]. Однако наряду с образцами, которые датируются концом I в. до н. э. и I в. н. э., известны находки колокольчиков такой же формы в комплексах, датируемых вплоть до позднеантичной эпохи [Nowakowski 1988, S. 105–106], в том числе в Западном Причерноморье (Новы: Gencheva 2013, p. 92, nos. 242, 244) и Юго-Западном Крыму (из погребения № 811/2003 Усть-Альминского могильника [Пуздровский, Труфанов 20176, с. 73, 261, рис. 151.2]). Близкие по форме тулова с аналогичной формы петлей-навершием бронзовые колокольчики были найдены: при раскопках храма Юпитера Долихена в Бригедио, который был возведен в начале III в. н. э. и разрушен в правлении Максимиана Фракийца [Nowakowski 1988, S. 75–76, Abb. 3]; в погребении № 94 в Мойтыне с конским скелетом (Польша) [Nowakowski 1988, S. 100, Abb. 18], в кладе из Ридера в Баварии [Garbsch 2003, S. 307, Nr. 1, Abb. 7.1].

Обычно величина таких бронзовых колокольчиков не превышала 10 см. Колокольчики из Кобяково имеют высоту 10,0 и 10,7 см. На их фоне выделяется своими необычно крупными размерами (в. общ. 15,6 см с навершием-ручкой) колокольчик из погребения с «Золотой маской» в Керчи [Бутягин (ред.) 2009, с. 165, № 47; Трейстер 2009, с. 57–58], превосходя по своим размерам два больших бронзовых колокольчика аналогичной формы (в. с петлей

13,8 и 14,4 см), происходящих из клада бронзовой посуды и золотых украшений I в. н. э., найденного в Хаворе на о. Готланд [Nowakowski 1994, S. 139, Abb. 5b; Lund Hansen 2005, p. 85–88, figs. 34–36].

2.2. Колокольчики цилиндрической формы с прямыми стенками

Массивный литой колокольчик цилиндрической формы со слегка отогнутым краем, скругленной вершиной и петлей полукруглой формы рассматриваемого типа с железным язычком происходит из погребения № 1 кургана № 26/1971 у хут. Алитуб, комплекса рубежа I в. до н. э. — I в. н. э. [Засецкая и др. 1999, с. 59–60] или начала I в. н. э. [Глебов 2002, с. 36]. Авторы публикации описывают корпус колокольчика как тюльпановидный, что неверно, так как он не вогнут по сторонам, а имеет почти прямую цилиндрическую форму и расширяется у самого нижнего края. Петля колокольчика полусферическая, с овальным отверстием (рис. 2.4) [Засецкая и др. 1999, с. 56, рис. 3, 10; с. 57]³. Форма отверстия необычная: как правило, у массивных литых колокольчиков с петлями разных форм отверстие круглое. Близкие пропорции и петлю аналогичной формы, но с округлым отверстием имеет массивный бронзовый колокольчик из сарматского погребения I в. н. э. в Новопетровке, однако нижний край этого колокольчика — вертикальный, без отгиба [Simonenko 2008, S. 75–76, Nr. 100.2, Taf. 113.3]. Хотя близкие по форме колокольчики известны в комплексах вельбарской и черняховской культуры и В. Новаковски определяет их как римские импорты [Nowakowski 1988, S. 97, 98, Abb. 16; S. 102, 103, Abb. 20.6], точные и хронологически близкие аналогии колокольчику из погребения у хут. Алитуб мне не известны. И по форме, и по оформлению петли колокольчик из Алитуба очевидно восходит к значительно более крупным (в. 13,4–14,2 см) колокольчикам конца III–II в. до н. э., представленным 5 экземплярами, найденными вместе с остатками колесницы⁴ в склепе на Васюриной горе (Таманский полуостров) [Ростовцев 1913–1914, с. 56, № 7, табл. XX, 3; Власова 2004, с. 168, 169, рис. 27].

³ В статье не приводится подробное описание колокольчика и не публикуются его размеры. Судя по рисунку, высота корпуса с петлей — около 7,3 см, основание: 4,9 × 5,8 см.

⁴ См. о колеснице и датировке этого погребения: Трейстер 2012, с. 470–490; Treister 2013, S. 89–104.

Массивный литой колокольчик цилиндрической формы с полусферической верхней частью (в. 6,0 см, дм. основания 6,0 × 5,0 см) с железным двухчастным язычком и утраченным навершием был найден в датированном второй половиной I — началом II в. н. э. погребении взрослой женщины № 2/1993 у пос. Комсомольский [Дворниченко и др. 2002, с. 229, рис. 14.1–2] в Нижнем Поволжье. Точные аналогии этому колокольчику мне не известны, хотя форма его тулова близка некоторым колокольчикам из могильников Юго-Западного Крыма, которые были отлиты вместе с массивными гранеными навершиями [Гущина, Журавлев 2016, с. 111, табл. 86.17].

2.3. Колокольчики конической формы или кеглевидные (*Nowakowski C*)

Массивный цельнолитой довольно крупный (в. общая 7,25 см, дм. основания 5,45 см) колокольчик из кургана III-24/1926 у с. Харьковка в Заволжье, датированного в рамках I — начала II в. н. э., имеет аналогичное граненое оформление петли, но тулово — конической формы с почти вертикальными стенками внизу, плавно сужающимися к петле в верхней части (рис. 2.1) [Гущина, Мошкова 1990, с. 34, 43, рис. 2.21]. По своей форме он больше всего соответствует типу C «Kegelförmige Glocken» (по классификации В. Новаковского; Kneifel III, Müller A) [Nowakowski 1988, S. 78–80, Abb. 6–7]. Впрочем, у упомянутых кеглевидных колокольчиков стенки плавно сужаются, начиная от основания.

Ближайшими параллелями колокольчику из Харьковки являются литые колокольчики из погребений последней трети I — середины II в. н. э. варварских могильников Северо-Западного Причерноморья (Ульмены) [Nowakowski 1988, S. 113, Abb. 26.9], Юго-Западного Крыма (Усть-Альминский [Дашевская 1991, с. 38, табл. 70.7; Труфанов 2009, с. 235–237, рис. 67.14, 20, 25; Пуздровский, Труфанов 2017а, с. 40–41, 185, рис. 84.11; Труфанов 2017, с. 36, рис. 3.1; цв. вклейка 2.5], Бельбек-IV [Гущина, Журавлев 2016, с. 111, табл. 17.4 (погребение № 27); 26.8 (погребение № 39.2); 62.6 (погребение № 27); 70.13 (погребение № 117); 86.17 (погребение № 140); 118.10 (погребение № 183); 134.7 (погребение № 204)]) и Нижнего Приднепровья (Красный Маяк [Симоненко и др. 2015, с. 33–34, № 23, рис. 32.2; 33.2]), а также из погребения I в. н. э. некрополя Фанагории⁵. Известны колоколь-

⁵ Погребение № 95/1964. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Не опубликован.

чики такой формы (но, как правило, значительно меньших размеров), и в Италии, и в римских провинциях⁶, и в царских погребениях в Мероэ (гробница принца Ариканхакера [Dunham 1957, p. 125, nos. 28–30; fig. 82, pl. LIV. f, i]).

2.4. Колокольчики конической формы с декором или треугольными вырезами на тулове

Малые колокольчики конической формы, некоторые с кольцевыми горизонтальными врезными линиями, находились в деревянной шкатулке в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-I (рис. 2.8–10) [Беспалый и др. 2007, с. 32–33, № 41, 44, табл. 32.2ж, з, к; Безуглов и др. 2009, с. 40, рис. 20.2–4; с. 42, 45]. Три подобных колокольчика были найдены в районе шкатулки также и в погребении № 1 кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 1.3–5) [Прохорова, Гугуев 1992, с. 145, рис. 3.9; с. 152]. Подобный же колокольчик был найден и в погребении № 2/1993 могильника у пос. Комсомольский в Нижнем Поволжье [Дворниченко и др. 2002, с. 227, рис. 15.4].

Подобные колокольчики, украшенные концентрическими линиями, известные по находкам из Италии (Помпеи [Cool 2016, p. 254–256, nos. 67–68, fig. 9.5]) и римских провинций [Boucher 1971, p. 198, nos. 625–632; Furger, Schneider 1993, S. 164, 165, Abb. 8] и сарматских погребений Карпатского бассейна [Vaday 1989, S. 274, Nr. 330, Taf. 113.4]⁷, среди материалов из Северного Причерноморья чрезвычайно редки — мне известна находка из погребения № 108/1968 некрополя Тирамбы, датирующегося в рамках I в. до н. э. — I в. н. э. [Коровина 1987, с. 60].

Литые колокольчики конической формы с рядами треугольных вырезов на тулове [Nowakowski 1988, S. 116–118, Abb. 27; Marčenko, Limberis 2008, S. 322] довольно редко встречаются как в античных городах Северного Причерноморья (Танаис, погребение № 79

⁶ Галлия: Вьенн [Boucher 1971, p. 198, nos. 628, 632]; Париж: [Bonnet J. (ed.) 1989, p. 120, no. 58]. — Виндоницца [Unz, Deschler-Erb 1997, S. 60, Nr. 2353–2355 с аналогиями, Taf. 76]. — Камбодунум [Flügel 1993, S. 102, Nr. 181–182, Taf. 34]. Хальтерн [Müller 2002, S. 53, 194, Nr. 605–612, Taf. 56–57]. — Самофракия [Dusenbery 1998, p. 1047, XS-496]. — Сарды [Waldbaum 1983, p. 43, no. 98, pl. 8]. — Зеугма [Khamis 2013, p. 138, 139, fig. 94]. См. также аналогичный колокольчик из собрания Университета Хайдельберга [Borell 1989, S. 133, Nr. 150, Taf. 54].

⁷ См. также маленькие конические колокольчики с петлей без декора [Vaday 1989, S. 284, Nr. 411, Taf. 127.3–4; Grumeza 2014, p. 83, fig. 25.15; pl. 48.3].

[Шелов 1961, с. 30–31, табл. XXXVIII. 8; Косяненко 2008, с. 124]. — Тирамба, случайная находка, 1962 (ГМИИ им. А. С. Пушкина). — Возможно, из Керчи [Richter 1915, p. 465, no. 1846]], так и в сарматских погребениях Нижнего Приднепровья (Усть-Каменка [Nowakowski 1988, S. 116; Косяненко 2008, с. 129; Simonenko 2008, S. 63, Nr. 54, Taf. 42.3d; Eckardt, Williams 2018, p. 193, fig. 7 left]). Значительно чаще они встречаются в позднескифских некрополях Крыма [Сымонович 1983, с. 98, табл. XLIV. 18, 20; Nowakowski 1988, S. 84–86, Abb. 10.18, 20; Высотская 1994, с. 138, табл. 42.38; Marčenko, Limberis 2008, S. 322; Стоянова 2012, с. 73, рис. 8.20; 11.13; 2016, с. 142, тип 34д, рис. 9.4–6], в некрополях меотских городищ Нижнего Подонья, в первую очередь, Кобякова городища I — начала II в. н. э. [Косяненко 1997, с. 153, 162, рис. 1.3–7; 2008, с. 123, рис. 9.11; 32.3; 61.8; 86.5; 127.8; Ларенок 2013, с. 37, № 8, табл. 24.5; с. 97, № 8, табл. 63.9; с. 213, № 3, табл. 134.9], а также Крепостного городища [Горбенко, Косяненко 2015, с. 117, рис. 3.1], в сарматских погребениях в Прикубанье⁸, на Северном Кавказе и в Закавказье [Косяненко 1997, с. 157; 2008, с. 127–128; Бакушев, Ильюков 2012, с. 79, рис. 1; 80; Алиева 2015, с. 6–9].

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии такие колокольчики представлены относительно большим количеством экземпляров — известны находки из погребения № 4, кургана № 2/1984 могильника Московский-II [Ильюков, Власкин 1992, с. 161, 162, № 222, рис. 41.11; Косяненко 1997, с. 155; 2008, с. 125–126] и погребения № 2 кургана № 102/1982 могильника у хут. Новый [Ильюков, Власкин 1992, с. 117, рис. 30.10; с. 118, № 139; Косяненко 1997, с. 155; 2008, с. 125], в междуречье Сала и Маныча, из погребений Чертовицкого-I могильника на Верхнем Дону (рис. 3) (Чертовицкий-I могильник. Курган № 13 [Медведев 1990, с. 68, 70, рис. 28.6; с. 72; 2008, с. 44, рис. 34.6; 48.9; Косяненко 1997, с. 159; 2008, 130]. — Курган № 5/40 (1978). Погребение № 1 [Медведев 1990, с. 36,

37, рис. 11.8; с. 62; 2008, с. 44, рис. 23.8; 48.8; Косяненко 1997, с. 159; 2008, с. 130]), из разрушенного позднесарматского погребения у с. Ильевка в междуречье Волги и Дона [Скрипкин 1978, с. 77–79, рис. 1.7], из кургана № 11 могильника Авиловский-II на р. Иловле [Сергацков 2000, с. 85, рис. 103.5] и из кургана № 1/2003 могильника Горелый-I в Саратовском Поволжье [Балановский, Тихонов 2009, с. 11, № 15, рис. 12.3; Бакушев, Ильюков 2012, с. 80].

Высказывались точки зрения как о местном, северопричерноморском, происхождении этого типа колокольчиков [Nowakowski 1988, S. 84, 86, 116], так и о том, что их следует считать импортами [Marčenko, Limberis 2008, S. 322]. На территории Римской империи колокольчики такого типа встречены только в Британии [Eckardt, Williams 2018, p. 187, 188, fig. 3; 192, fig. 6], при этом не известно ни одной находки из комплексов, поэтому на сегодняшний день есть основания считать этот вопрос открытым [ср. Eckardt, Williams 2018, p. 193–195], тем более что колокольчик конической формы с треугольными вырезами (правда, других пропорций, со слегка вогнутыми стенками) был найден и среди материалов из катакомбных погребений сарматского времени в Южном Казахстане [Подушкин 2015, с. 72, рис. 3.14].

2.5. Колокольчики конической формы со срезанной вершиной (близкие Nowakowski B)

К варианту цельнолитых массивных колокольчиков относятся находки из датирующихся в рамках конца II — первой трети III в. н. э. комплексов из Нижнего Подонья: из погребения № 1 кургана № 20/1984 могильника Ново-Александровка-I [Vespały 1986, p. 77, no. 12, pl. 62.6; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 74, № 20; с. 75, рис. 41.7] (двух) (рис. 4.1), из погребения № 2 кургана № 4/1987 могильника Валовый-I [Беспалый и др. 2007, с. 16, № 1, табл. 14.3–4; Безуглов и др. 2009, с. 21, 22, рис. 7.7–8] (двух) (рис. 5–6), из погребения № 1 кургана № 20/1975 могильника Центральный-IV [Раев, Науменко 1993, с. 152, № 6, рис. 3.3] (двух), и Южного Приуралья: из кургана № 3/1971 (кость № 3) могильника Темясово [Пшеничнюк, Рязанов 1976, с. 135, 136, рис. 3.3; Боталов, Гуцалов 2000, с. 135; Боталов 2009, с. 191; Малашев 2013, с. 117, рис. 79.2], погребения № 1 кургана № 24/2000 могильника Покровка-10 (двух) [Малашев, Яблонский 2008, с. 13, 65–66, 281, рис. 157.7–8; Малашев 2013, с. 117, рис. 79.1] (рис. 7) и со-

⁸ Курган «Острый» [Гущина, Засецкая 1989, с. 93, № 8, табл. I; Marčenko, Limberis 2008, Taf. 3.4]. — Усть-Лабинская, курган № 32/1902 [Гущина, Засецкая 1994, с. 66, № 376/2, табл. 42; Marčenko, Limberis 2008, S. 351, Nr. 54.4, Taf. 84.5–6]. — Усть-Лабинская, городище № 2, погребение № 18/1938 [Nowakowski 1988, S. 108, Abb. 24.12; 116; Marčenko, Limberis 2008, S. 322, 357, Nr. 77.1, Taf. 112.1; Eckardt, Williams 2018, p. 193, fig. 7 right]. — Старокорсунское городище № 3, погребение № 323 [Marčenko, Limberis 2008, S. 372, Nr. 170.1, Taf. 178.6; Eckardt, Williams 2018, p. 193, fig. 7 center].

оружения № 12 могильника Сарытау-I (двух) [Боталов, Гуцалов 2000, с. 90, рис. 30.7–8; 96 Боталов 2009, с. 191, 197, рис. 43. II. 7–8]. Отметим, что в комплексе кургана № 20 могильника Центральный-IV два таких колокольчика образовывали набор вместе с колокольчиками типа А, по классификации В. Новаковски [Раев, Науменко 1993, с. 152, № 6, рис. 3.4]. В целом они близки по форме кеглевидным колокольчикам, однако, характеризуются плавным перегибом при переходе плавно сужающихся или почти вертикальных кверху стенок к верхней площадке, в центре которой имеется цилиндрическое возвышение с отверстиями для подвешивания. Вряд ли исходя из формы тулова можно называть ее «полукруглой» (*halbkugelige*), как это делает В. Новаковски [Nowakowski 1988, S. 80].

Близкими параллелями являются колокольчики, найденные в Аугсте, отличающиеся тем, что возвышение для подвешивания имеет коническую форму со срезанной вершиной — колокольчик, найденный в инсуле № 24, датируется по сопровождающему материалу концом II — началом III в. н. э. [Furger, Schneider 1993, S. 161, Abb. 3; S. 165, Abb. 8]. Аналогичной формы колокольчики с подобным оформлением петли известны и в Северной Италии [Zampieri, Lavarone (eds.) 2000, p. 193–194, nos. 377–378], и в Бригецио [Nowakowski 1988, S. 80, 81, Abb. 8], и в окрестностях Лиона [Boucher et al. 1980, p. 85, no. 408], и в Британии [Eckardt, Williams 2018, 183–184, fig. 2; type 2a]. Среди находок в погребениях кочевников Северного Причерноморья ближайшая параллель происходит из кургана № 47 между станицами Казанская и Тифлисская [Гущина, Засецкая 1994, с. 50, № 137, табл. 14; Marčenko, Limberis 2008, S. 322, 347, Nr. 41.1, Taf. 65.7].

Внимания заслуживают и колокольчики конической формы со слегка выпуклыми стенками, практически сходящимися вверху, где имеется лишь небольшая горизонтальная площадка. В верхней части в тулове колокольчика имеется пара отверстий в горизонтальной плоскости для крепления перекладки для язычка. О том, что колокольчики такой формы появляются не позднее I в. до н. э., свидетельствует находка из погребения № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III (рис. 2.2) [Skvorcov, Skripkin 2006, S. 256, Nr. 8; 257, Abb. 9.8; Скворцов, Скрипкин 2008, с. 101, № 8, рис. 9.8; 15.1]. Их использование в III в. н. э. подтверждает колокольчик из кургана № 2/1967 в Лебедев-

ке (рис. 8.4) [Багриков, Сенигова 1968, с. 76, 77, рис. 6.1; L'uomo d'oro 1998, p. 237, no. 512; Мошкова 2009, с. 106, рис. 5.2; 107; Малашев 2013, с. 117, рис. 79.8]. Впрочем, по своим размерам колокольчик из Майеровского значительно меньше колокольчика из Лебедевки.

2.6. Колокольчики полусферической формы

Крупные литые колокольчики с корпусом полусферической формы происходят из погребения № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III второй половины I в. до н. э. [Skvorcov, Skripkin 2006, S. 256, Nr. 7; 257, Abb. 9.7; Скворцов, Скрипкин 2008, с. 101, № 7, рис. 9.7; 15.1], а также из относящегося ко II в. н. э. погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I [Беспалый и др. 2007, с. 28, № 9, табл. 30.5; Безуглов и др. 2009, с. 28, 40, рис. 20.1].

У относительно крупного колокольчика (в. 7,0 см, дм. основания 9,6 см) из могильника Майеровский-III петля небольшая округлого сечения (рис. 2.3), тогда как более крупный колокольчик из Валового (в. 10,7 см, дм. основания 9,0 см) отличается массивной округлой петлей на ромбовидном в плане основании, припаянном сверху к тулову колокольчика (рис. 2.7).

По форме корпуса и петли колокольчик из могильника Майеровский-III находит параллель в Прикубанье (погребение середины — второй половины I в. н. э. в кургане у аула Хатажукаевский, массивный, более крупный колокольчик высотой 11,0 см [Гущина, Засецкая 1989, с. 88, 103, № 59; с. 134, табл. VII; Marčenko, Limberis 2008, S. 321, 337, Nr. 7.3, Taf. 11.9; Фирсов 2010, с. 343, рис. 29]). Особое внимание следует обратить на аналогичные колокольчики с подобными маленькими петлями в богатом женском погребении кургана I, 20 в Тулхарском могильнике Бишкентской долины Таджикистана [Мандельштам 1966, с. 16, табл. LV. 11–12], которое датируется в рамках последней трети II–I в. до н. э. [Горбунова 2001, с. 143], т. е. синхронном погребению из Заволжья.

Близкими параллелями колокольчику с петлей с атташем из Валового являются находки из скопления ритуальных предметов в погребении последней трети I в. н. э. № 1 склепа № 853/2004 Усть-Альминского могильника [Пуздровский, Труфанов 2017а, с. 24, 185, рис. 55.3], а также из комплекса случайных находок в Троянах (вместе с ковшом типа Эггерс 140) [Отчет археологической комиссии за 1913–1915, с. 201, рис. 255; Simonenko 2008, S. 71, Nr.

91.2a, Taf. 86.1; Дзнеладзе 2016a, с. 82 (тип 9, вариант 3)]. Подобные колокольчики с атташами для петли близкой формы известны и по находкам в царских погребениях в Мероэ (гробница принца Ариканхакера [Dunham 1957, p. 125, nos. 28–30; fig. 82, no. 21–12.30, pl. LIV. e, i, k; LV. A]).

Колокольчик такого же типа, по мнению А.В. Симоненко [Симоненко 2011, с. 112], найден в кургане № 49 между станицами Казанской и Тифлисской, датированном первой половиной II в. н. э. — между тем, ни по пропорциям, ни по конструкции петли этот колокольчик кеглевидной формы не имеет ничего общего с рассмотренными выше [Гущина, Засецкая 1994, с. 50, 91, № 148, табл. 15; Marčenko, Limberis 2008, S. 322, 348, Nr. 42.1, Taf. 70.7].

Малые колокольчики полусферической формы, некоторые из которых имели кольцевые горизонтальные врезные линии, находились в деревянной шкатулке в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 2.5, б) [Беспалый и др. 2007, с. 32–33, № 41, 44, табл. 32.2. e, u; Безуглов и др. 2009, с. 40, рис. 20.5, б; с. 42, 45]. Аналогичный колокольчик происходит из захоронения 10-летней девочки в погребении № 3 кургана № 1/1984 у с. Красногоровка [Косяненко 1997, с. 155; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 146, № 6]. Подобные небольшие колокольчики (в. ок. 1,5–2,0 см), как правило, без декора, вытисненные из тонкого листа, с проволочными петельками для подвешивания, вставленными в отверстия в вершине, по одному, часто в составе ожерелий, были найдены и в сарматских погребениях первых веков н. э. в Нижнем Поволжье (Ковалевка, курган № 8/2014, погребение № 2 [Дьяченко, Кривошеев 2016, с. 107, № 7; с. 108, рис. 3.9]. — Бердия, курган № 8/1993, погребение № 4 [Сергацков 2000, с. 79, рис. 96.21]. — Октябрьский-II, курган № 1/1993, погребение № 1 [Мордвинцева, Мыськов 1999, с. 184, 185, рис. 5.22; с. 188–189]). Такие колокольчики известны и на территории Римских провинций [Muller 2002, S. 53, 195, Nr. 634, Taf. 62].

Подобные колокольчики, украшенные концентрическими линиями, встречаются в Британии [Crummy 1983, p. 38, no. 1610, fig. 41; p. 51, nos. 1808, 1811; Eckardt, Williams 2018, p. 199, fig. 10.1], Германии [Müller 2002, S. 53, 195, Nr. 633, Taf. 62], в сарматских погребениях Баната [Grumeza 2014, p. 83, fig. 25.14; pl. 73.9], а также в могильниках варварского населения Юго-

Западного Крыма, происходя из погребений, датируемых концом II — серединой III в. н. э. [Труфанов 2009, с. 236, рис. 67.34, 35, 37; 237; 2014, с. 189, № 1; с. 206, рис. 12.1].

Особое внимание привлекают малые полусферические колокольчики, поверхность которых оформлена врезанными окружностями — они были найдены в погребениях первой половины III в. н. э. в Южном Приуралье, в частности, в кургане № 32 могильника Целинный-I [Боталов, Гуцалов 2000, с. 106, 107, рис. 35.5; Боталов 2009, с. 191, 205, рис. 48. III. 5; Малашев 2013, с. 117, рис. 80.12] и кургане № 1 могильника Георгиевский бугор [Боталов, Гуцалов 2000, с. 80, рис. 28.26; с. 81; Боталов 2009, с. 191, 198, рис. 44. II. 26; Малашев 2013, с. 117, рис. 80.12]. Ближайшими параллелями этим колокольчикам и по форме, и по декору являются колокольчик из датирующегося концом II — первой половиной III в. н. э. сарматского погребения в кургане XI/6 в Хортобаги в Подунавье [Nowakowski 1988, S. 111, 113, Abb. 26.10], а также находки из Интерциссы и Регенсбурга, датирующиеся второй половиной III–IV в. н. э. [Nowakowski 1988, S. 81, 82, Abb. 9; Pomberger 2018, p. 12, fig. 12 справа]. Подобные колокольчики характерны и для черняховской культуры [Nowakowski 1988, S. 101–102, 103, Abb. 20.3–5].

2.7. Колокольчики полусферической формы с отогнутым краем (близкие Nowakowski B)

Четыре цельнолитые колокольчика из погребения III в. н. э. в кургане № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону [Volkov, Guguev 1986, p. 73, pl. 55.1–4] имеют в целом полусферическую форму, массивную петлю, но характеризуются отогнутым наружу нижним краем. Хотя близкие по форме колокольчики с отогнутым наружу нижним краем известны в Северном Причерноморье уже в I в. до н. э. (Кепы, курган № 18/1978, погребение № 5 [Журавлев и др. 2006, с. 39, 42, рис. 19.4; Žuravlev et al. 2007, S. 246–247, 248, Abb. 62.1]) и в I в. н. э. (Артезиан, гробница № 160/2004 [Винокуров 2014, с. 96, 527, рис. 431.4]), большая часть параллелей происходит из погребений второй половины II — первой половины III в. н. э. могильников Юго-Западного Крыма [Дашевская 1991, с. 38, табл. 70.3; Труфанов 2009, с. 236, рис. 67.29, 36, 44; с. 237; Пуздровский, Медведев 2015, с. 251, № 3, рис. 3.8; Пуздровский, Труфанов 2015, с. 213, рис. 15.5; Гущина, Журавлев 2016, с. 110,

табл. 157.23, 25; Стоянова 2016, с. 141, № 134в, рис. 7.1–11; Труфанов и др. 2019, с. 266, рис. 3.7]. Подобный же колокольчик был найден в составе наборного браслета из бус в катакомбном погребении могильника Культобе в Южном Казахстане [Подушкин 2015, с. 71, 72, рис. 3.11]. Аналогичный колокольчик происходит из Лиона [Boucher et al. 1980, p. 84, no. 405].

2.8. Колокольчик с навершием в форме двусторонней женской головки

Особое внимание привлекает колокольчик, найденный в погребении, датирующемся не позднее середины III в. н. э., в кургане № 3/1971 у с. Темясово в Башкирии, не вписывающийся в существующие классификации колокольчиков.

Колокольчик с вытянутым туловом, плавно закругляющимся сверху, со скульптурным навершием в форме двусторонней женской головки с высокой прической в форме двух округлых пучков и горизонтальным округлым отверстием на уровне шеи. Поверхность тулова внизу и сверху украшена горизонтальными канавками, между которыми вся поверхность тулова колокольчика украшена косыми длинными насечками, образующими зигзаг. Кроме того, поверхность украшена нерегулярно расположенными кружками с точками в центре, которые также образуют ряд между горизонтальными концентрическими канавками по нижнему краю (рис. 8.3) [Пшеничнюк, Рязанов 1976, с. 135, 136, рис. 3.2; Боталов, Гуцалов 2000, с. 135; Юнусова (ред.) 2007, с. 62 (илл. внизу справа); Боталов 2009, с. 191]. С. А. Яценко предполагает, что изображен персонаж аланского эпоса с «янусовидной головой» [Яценко 2011, с. 209, прим. 14].

Колокольчики с фигурными навершиями среди материалов провинциально-римского круга мне не известны. Я также не знаю каких-либо близких аналогий среди переднеазиатских⁹, центрально-азиатских¹⁰ или китайских¹¹ древностей.

2.9. Колокольчики с литыми навершиями в форме катушки с петлей

Два колокольчика с литыми навершиями в форме вертикальных катушек с петлями были най-

⁹ О колокольчиках, получивших распространение в Парфии, см. [Toll 1946, p. 121–122; Musche 1988, S. 173–175, Taf. LIX–LX; Wehry 2013, S. 106–111].

¹⁰ См. о колокольчиках из Центральной Азии [Мандельштам 1966, с. 134–135, табл. LV; Литвинский 1973, с. 48–53].

¹¹ См. китайские колокольчики в коллекции Смитсоновского института: <https://music.si.edu/spotlight/fsg-bells>

дены при раскопках объекта № 2/2007 могильника Сарытау II в Западном Казахстане, датирующегося III в. н. э.

Один из них имеет сложную форму: с верхней куполовидной частью и нижней — в виде цилиндра с вогнутыми стенками; части разделены между собой горизонтальным валиком (рис. 8.1). Второй колокольчик — низкое полусферическое тулово, украшенное концентрическими канавками вверху, в центральной части и у основания (рис. 8.2) [Бисембаев, Дуйсенгали 2009, с. 31–33, рис. 3.1–5; фото 4; Бисембаев и др. 2012, с. 515, 518, фото 1.1].

Ближайшие параллели таким навершиям мы обнаруживаем на колокольчиках из Таксилы [Marshall 1951, p. 599, nos. 350–351, pl. 176; Musche 1988, S. 174, Nr. 23.11, Taf. LX], при этом два из них, датирующиеся II в. до н. э. и I в. н. э., имеют низкую полусферическую форму тулова [Marshall 1951, p. 599, no. 350; pl. 176; Musche 1988, S. 174, Nr. 23.11, Taf. LX], чрезвычайно близкую форме тулова второго колокольчика из Сарытау. Аналогичное бронзовое навершие происходит и из разрушенного погребения III в. н. э. в одиночном кургане с. Мухраново в Оренбургской области, доследованного в 1996 г. Д. В. Мещеряковым¹².

2.10. Колокольчик из сосуда во вторичном использовании

Необычен найденный в погребении № 1 кургана № 20/1984 могильника Ново-Александровка-I второй колокольчик с цилиндрическим туловом и низкой цилиндрической площадкой в центре вершины, в которой пробиты два отверстия для петли. Очевидно, что колокольчик был сделан из перевернутого бронзового кубка с низким кольцевым поддоном, на котором хорошо видны концентрические бороздки от обработки на токарном станке. Отверстия пробиты изнутри и очень неаккуратно — их края не обработаны [Bespaly 1986, p. 77, no. 12, pl. 62.10; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 74, № 19; с. 75, рис. 41.6].

Е. И. Беспалый [Bespaly 1986, p. 77] определяет сосуд, из которого сделан колокольчик, как пиксиду. Такие пиксиды на кольцевых поддонах мне не известны. Также и размеры сосуда делают такое предположение маловероятным. Аналогия кубку, из которого был сделан колокольчик, происходит из Помпей [Tassinari 1993, I, p. 74; II, p. 164, тип L1320, no. 6828A]. Что же

¹² Не опубликован. Хранится в Оренбургском государственном педагогическом университете, № 8.

касается переделки импортных вещей с приданием им новых функций, то такие примеры по находкам из погребений кочевников Евразии рубежа и первых столетий н. э. хорошо известны, в частности, медальоны импортных серебряных и бронзовых сосудов переделывались в фалары конской упряжи [см., например, Трейстер 2014, с. 143; Treister 2016, p. 83–84].

3. Находки наборов колокольчиков

Наборы колокольчиков типов, рассмотренных выше, происходят преимущественно из погребений первых веков н. э. на Нижнем Дону.

В кургане № 10/1987 в Кобяково в женском погребении была найдена пара массивных колокольчиков одного типа (массивных цилиндрических с граненой петлей и вогнутыми стенками): один — в ногах погребенной, другой — у северо-восточной стенки деревянного ящика (рис. 1) [Прохорова, Гугуев 1992, с. 154], при этом три маленьких бронзовых колокольчика конической формы были обнаружены в районе шкатулки [Прохорова, Гугуев 1992, с. 152].

Пара цельнолитых колокольчиков конической формы со срезанной вершиной и цилиндрической и петлей-навершием были найдены в заполнении входного колодца погребения № 2 кургана № 4/1987 могильника Валовой-1 (судя по находке в погребении зеркала-подвески и ножниц, это было женское погребение) (рис. 5–6) [Беспалый и др. 2007, с. 16, № 1, табл. 14.3–4; Безуглов и др. 2009, с. 21, 22, рис. 7.7–8]. Два аналогичных колокольчика и третий — из бронзового сосуда во вторичном использовании — в женском погребении № 1 кургана № 20/1984 могильника Ново-Александровка-1 были найдены под перевернутым верх дном бронзовым тазом (рис. 4) [Bespaly 1986, p. 77, no. 12, pl. 62.6; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 74, № 19–20; с. 75, рис. 41.6–7]. Два подобных колокольчика вместе с еще одной парой — массивных цилиндрических с граненой петлей и вогнутыми стенками — происходят из частично ограбленного погребения № 1 кургана № 20/1975 могильника Центральный-IV. Они стояли рядом среди набора бронзовой и керамической посуды [Раев, Науменко 1993, с. 152, № 6, рис. 3.3]. Четыре цельнолитых колокольчика в кургане № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону находились у входа в погребальную камеру и предположительно оформляли его [Volkov, Guguev 1986, p. 73].

Особого внимания заслуживает набор колокольчиков из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-1. Крупный колокольчик с петлей с атташем (рис. 2.7) был найден среди сосудов и амулетов, сложенных за головой погребенного [Беспалый и др. 2007, с. 28, № 9, табл. 30.5; Безуглов и др. 2009, с. 28, 40, рис. 20.1]. Кроме того, в заполнении шкатулки, стоящей в ногах погребенной, находилось 16 маленьких колокольчиков полусферической и конической формы, часть из которых была украшена кольцевыми горизонтальными врезными линиями. У некоторых колокольчиков утрачены петли и язычки, в одном случае вместо язычка использована стеклянная бусина, нанизанная на железную проволоку (рис. 2.5, 6, 8–10) [Беспалый и др. 2007, с. 32–33, № 41, 44, табл. 32.2. e — к; Безуглов и др. 2009, с. 40, рис. 20.2–6; с. 42, 45].

В Нижнем Поволжье пара колокольчиков была обнаружена в женском погребении I в. до н. э. могильника Майеровский-III (рис. 2.2, 3). Колокольчики двух разных типов и размеров стояли с внешней стороны левого колена погребенной [Skvorcov, Skripkin 2006, S. 256, Nr. 7–8; 257, Abb. 9.7–8; Скворцов, Скрипкин 2008, с. 101, № 7–8, рис. 9.7–8; 15.1]. Также колокольчики двух разных типов были найдены в погребении № 2 у пос. Комсомольский: один, маленький конической формы, находился у правого плеча погребенной [Дворниченко и др. 2002, с. 227, рис. 15.4], второй — массивный, цилиндрический — вместе с разнообразными амулетами, вероятно, лежал в кожаном чехле [Дворниченко и др. 2002, с. 229, рис. 14.1–2].

4. Выводы

По сравнению с варварским населением Юго-Западного Крыма или меотских городищ Нижнего Подонья сарматы в первые века н. э. использовали колокольчики значительно реже. В предшествующий период находки бронзовых колокольчиков, как небольших массивных литых конической формы с вертикальным навершием с маленькой округлой петлей в женских погребениях сарматов Нижнего Поволжья [Скрипкин (ред.) 2013, с. 101 (илл. вверху справа); с. 261, № 191–192], так и колокольчиков подобной формы с маленькой петлей без навершия, отделенной от корпуса валиком, в погребениях Южного Приуралья, также чрезвычайно

редки. Колокольчик из погребения № 10 кургана № 3/1995 могильника у с. Нижняя Павловка в Оренбургской области [Богданов 2018, с. 116, рис. 7.11; с. 118], которое можно датировать в рамках III–II вв. до н. э. по своей форме, с одной стороны, очень близок бронзовым колокольчикам из элитного парного погребения IV в. до н. э. могильника Филипповка-I в Южном Приуралье [Трейстер и др. 2012, с. 118, № А13.2.3.29, цв. табл. II. 26.5; рис. II. 84.2–3; Яблонский 2013, с. 100–101, № 390–401], с другой — колокольчику из могильника Бобои-Дархан в Западной Фергане [Литвинский 1973, с. 49, табл. 6.7].

Среди колокольчиков, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, преобладают экземпляры, изготовленные, вероятно всего, в мастерских Северного Причерноморья. Есть основания полагать, что часть колокольчиков из комплексов Азиатской Сарматии могли быть импортами из провинций Римской империи или с территории Боспорского царства. Есть также свидетельства и об изготовлении колокольчиков из импортных бронзовых кубков. Наряду с западными импортными колокольчиками к кочевникам Южного Приуралья в позднесарматское время попадали и колокольчики, изготовленные, вероятно, в Парфии.

В Азиатской Сарматии колокольчики происходят — за редчайшими исключениями (погребение 10-летней девочки в могильнике Красногоровка-I [Косяненко 1997, с. 155; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 146, № 6], мужское погребение в кургане № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону [Volkov, Guguev 1986, p. 73, pl. 55, 1–4]) — из погребений взрослых и пожилых женщин [Кривошеев 2014, с. 108]. Для сравнения укажем, что все колокольчики, найденные в некрополе меотского Кобяковского городища, были обнаружены по одному в погребениях детей в возрасте до 7 лет [Косяненко 1997, с. 153–154; 2008, с. 123]. На территории Дагестана в погребениях сарматского времени колокольчики были найдены также преимущественно в женских, реже — в детских погребениях [Бакушев, Ильюков 2012, с. 80], в могильниках Бишкентской долины Таджикистана I в. до н. э. — II в. н. э. — исключительно в женских погребениях [Мандельштам 1966, с. 134–135], в Парфии — как в женских (Дура-Эвропос [Toll 1946, p. 121]), так и в детских погребениях [Wehry 2013, S. 107]. В могильниках римского времени на территории Британии — как в жен-

ских погребениях, так и в погребениях маленьких детей [Eckardt, Williams 2018, p. 197, table 4]. Обычай помещать колокольчики, часто подвешенные на браслетах, в погребения маленьких детей характерен и для других западных провинций Римской империи [Deschler-Erb 1996, S. 72–73, Anm. 540–541; Dasen 2015, p. 188, 189, fig. 3; Eckardt, Williams 2018, pp. 197–198]. Есть все основания предполагать, что указанная корреляция объясняется магической функцией колокольчиков как «шумящих» амулетов и оберегов в самых разных обществах [Toll 1946, p. 121–122; Литвинский 1973, с. 53; Богданова 1980, с. 82–83; Косяненко 2008, с. 132–133; Бакушев, Ильюков 2012, с. 82; Wehry 2013, S. 107; Eckardt, Williams 2018, pp. 195–196; Parker 2018, pp. 57–68].

Находки колокольчиков концентрируются в основном в Нижнем Подонье, значительно реже они встречаются в Верхнем Подонье, Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. При этом для отдельных типов колокольчиков выявляются определенные закономерности в распространении. Так, если массивные колокольчики с туловом тюльпановидной формы и граненой петлей и конической формы со срезанной вершиной при преобладании находок на Нижнем Дону и в бассейне Сала встречались также и в Южном Приуралье, то маленькие колокольчики конической формы с треугольными вырезами на корпусе ни на Нижнем Дону, ни в Южном Приуралье не известны, но встречаются в могильниках Верхнего Дона, в бассейне р. Сал, а также в Нижнем Поволжье (рис. 9).

Наиболее ранние из массивных литых колокольчиков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии происходят из погребения I в. до н. э. могильника Майеровский-III (рис. 9.13). К ранней группе колокольчиков относятся также находки из Алитуба (рис. 9.4), Кобяково (рис. 9.3), Комсомольского (рис. 9.9) и Харьковки (рис. 9.14), в целом датирующиеся в рамках I — начала II в. н. э. К этому же времени относятся и большинство колокольчиков с треугольными вырезами на корпусе (рис. 9.5–7, 10–12). Остальные колокольчики происходят из погребений позднесарматской культуры, датирующихся в рамках середины II — середины III в. н. э.

Учитывая размеры публикуемых колокольчиков и их вес, трудно предположить, что они могли быть украшением конской сбруи, тем более что в погребениях не прослеживается ника-

кой связи между ними и деталями конской узды (даже в тех случаях, когда таковая находилась в этих погребениях, как в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника, колокольчики были найдены отдельно от деталей конской узды, компактно размещенной в юго-восточной части ящика). Предположение о связи колокольчика в одном из погребений Нижнего Поволжья с набором конской узды [ср. Мордвинцева, Мыськов 1999, с. 189], на мой взгляд, контекстом находки не подтверждается.

В тех же случаях, когда это были не крупные, а мелкие колокольчики, они входили в состав ожерелий, подобно тому, как это имело место в близких хронологически погребениях на Северном Кавказе, где отмечается также их использование как элементов костюма [Бакушев, Ильюков 2012, с. 79–80].

Можно также предположить, что их могли использовать в каких-то ритуальных действиях. В погребении взрослой женщины № 2/1993 могильника у пос. Комсомольский в Нижнем Поволжье бронзовый колокольчик был найден вместе с разнообразными амулетами, которые все вместе, вероятно, находились в кожаном чехле рядом с навершием железного кандебра [Дворниченко и др. 2002, с. 229].

Наборы колокольчиков происходят преимущественно из погребений первых веков н. э. на Нижнем Дону. Есть основания считать, особенно в тех случаях, когда были найдены вместе большие группы колокольчиков, что они могли быть элементами каких-то музыкальных инструментов, подобно более ранней находке 12 колокольчиков (трех групп, по раз-

мерам и весу), положенных в мешочке между голеньями женского скелета из элитного парного погребения IV в. до н. э. могильника Филипповка-I в Южном Приуралье [Трейстер и др. 2012, с. 118, № А13.2.3.29, цв. табл. II. 26.5; рис. II. 84.2, 3; Яблонский 2013, с. 100–101, № 390–401] — не случайно в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I шестнадцать колокольчиков разных типов были сложены в шкатулку. Для рассматриваемого периода подобные комплексные массовые находки колокольчиков в погребениях известны по находкам из кувшинных погребений на территории Азербайджана, где в отдельных комплексах были встречены находки 4, 8, 9 и даже 18 колокольчиков [Алиева 2015, с. 6–9].

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФГФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. — III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б. А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы: М. Е. Филимоновой и И. Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), А. П. Медведеву (ВГУ, Воронеж), К. Б. Фирсову (ГИМ, Москва), О. А. Халяпиной (ГИКМ, Оренбург), Л. А. Краевой, Д. В. Мещерякову, Н. Л. Моргуновой (ОГПУ, Оренбург), А. Г. Язовских (РОМК, Ростов-на-Дону), М. В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ). Особая благодарность В. К. Гугуеву (Ростов-на-Дону) и З. Самашеву за предоставленные фотографии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕНТГЕНО-ФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА (%) БРОНЗОВЫХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ. АНАЛИЗ НА СПЕКТРОМЕТРЕ BRÜKER (АНАЛИТИК С. В. ХАВРИН, 2016).

№ пробы	Инв. №	Происхождение	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Рис.
BR1	АИАПМЗ, 21222/51	Ново-Александровка-I, курган № 20/1984, погребение № 1	осн.	-	<0,9	<0,3	-	-	1-3	<0,4	сл.	4.1
BR2	АИАПМЗ, 21222/52		осн.	-	7-8	<0,2	-	-	сл.	<0,3		4.2
BR16	ГЛИАМЗ, 12117/13	Кобяково, курган № 10/1987	осн.	сл.	10-12	сл.	-	-	<0,6	сл.		1.2

ЛИТЕРАТУРА

- Алиева Г. И. Об античных бронзовых колокольчиках Галатепе // Актуальные проблемы исторических наук (археология). Киев, 2015. с. 6–9.
- Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия общественные науки. 1968. № 2. С. 71–89.
- Бакушев М. А., Ильюков Л. С. Бронзовые колокольчики албано-сарматского времени с территории Дагестана // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8, № 3. С. 78–83.
- Балановский А. В., Тихонов В. В. Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I» // Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы. Балашов, 2009. с. 8–22.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009. 128 с.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганый могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону, 2007. 186 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России. 2).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону, 2018. 224 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2).
- Бисембаев А. А., Дуйсенгали М. Н. К вопросу о гуннских погребальных объектах в Западном Казахстане // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1. с. 28–34.
- Бисембаев А. А., Мамедов А. М., Дуйсенгали М. Н., Мамиров Т. Б. Результаты работ Областного центра истории, этнографии и археологии в Актыубинской области в 2006–2012 гг. // «Кадырбаевские чтения — 2012». Материалы III Международной научной конференции/под ред. А. А. Бисембаев. Актобе, 2012. С. 514–519.
- Богданов С. В. Культурно-хронологические комплексы скифо-сарматской эпохи I Нижнепавловского курганного могильника в степном Приуралье // Stratum plus. 2018. № 3. с. 103–133.
- Богданова Н. А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых вв. н. э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным/под ред. Т. Б. Поповой. М., 1980. С. 71–86. (Труды ГИМ 51).
- Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009. 672 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000. 267 с.
- Бутягин А. М. (ред.). Тайна золотой маски. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж/под ред. А. М. Бутягина. СПб., 2009. 204 с.
- Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. Симферополь; Керчь, 2014. 680 с. (БИ. Supplementum. 12).
- Власова Е. В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского/под ред. Е. Н. Ходза. СПб., 2004. С. 158–174.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 206 с.
- Глебов В. П. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. 2002. № 1–2. с. 28–41.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М. История исследования и новые античные открытия на территории города Азова // Наследие веков. 2015. № 3. с. 113–122.
- Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. 2011. Вып. 35. С. 126–151.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М., 2016. Ч. 1: 272 с.; ч. 2: 320 с. (Труды ГИМ. 205).
- Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы/под. ред. М. П. Абрамовой. М., 1989. С. 71–141. (Труды ГИМ. 70).
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 172 с.
- Гущина И. И., Мошкова М. Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б. Н. Гракова и П. с. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии/под ред. А. И. Мелюковой. М., 1990. С. 26–47.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 141 с. (САИ Д1-7).
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Сергацков И. В. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // НАВ. 2002. Вып. 5. с. 224–250.
- Дзэнеладзе Е. С. Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья. Дисс. ... к. и. н. Киев, 2016. 282 с. (Институт археологии НАНУ).
- Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В. Погребальный комплекс I в. н. э. из раскопок курганного могильника Ковалевка // НАВ. 2016. Вып. 15.1. С. 105–115.
- Журавлев Д. В., Ильина Т. А., Ломтадзе Г. А., Сударев Н. И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной/под ред. Д. В. Журавлева. М., 2006. с. 12–46. (Труды ГИМ. 159).
- Засецкая И. П., Ильюков Л. С., Косяненко В. М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. 1999. № 2. с. 51–60.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. 289 с.
- Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Косяненко В. М. Роль бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам позднеантичных памятников) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г./под ред. В. Я. Кияшко. Азов, 1997. Вып. 14. С. 153–164.

- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов, 2008. 544 с. (Донские древности. 9).
- Кривошеев М. В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»/под ред. Л. Т. Яблонского, Н. С. Савельева. Уфа, 2014. С. 105–112. (Уфимский археологический вестник. 14).
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ростов-на-Дону, 2013. Ч. I. 448 с.
- Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. 211 с.
- Малашев В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. Дисс. ... к. и. н. М., 2013. 206 с. (Институт археологии РАН).
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М., 2008. 365 с.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М., Л., 1966. 232 с. (МИА. 136).
- Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 252 с.
- Мордвинцева В. И., Мысков Е. П. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский // АВ. 1999. Вып. 6. С. 179–191.
- Мошкова М. Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г. И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем/под ред. А. Г. Фурасьева. СПб., 2009. С. 99–113.
- Отчет археологической комиссии за 1913–1915 гг. Пг., 1918. 295 с.
- Подушкин А. Н. Сарматская атрибутика в археологических комплексах катакомбных погребений Арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н. э. — III в. н. э.) // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 4: История. 2015. Вып. 5 (35). с. 67–78.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
- Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. Парные погребения первых веков веков н. э. на Усть-Альминском некрополе // История и археология Крыма. 2015. № 2. С. 250–269.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. 2015. № 2. С. 200–231.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2). Симферополь; М., 2017а. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 3). Симферополь; М., 2017б. 300 с.
- Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала/под ред. Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа, 1976. С. 132–149.
- Раев Б. А., Науменко С. А. Погребение с римскими импортами в Ростовской Области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева)/под ред. Б. А. Раева. Новочеркасск, 1993. С. 151–160, 183–187.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. 537 с. 112 табл.
- Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 396 с.
- Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб, 2011. 272 с.
- Симонович Э. А., Сікоза Д. М., Дзনেладзе О. С. Пізньюскіський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011–2015 років. Херсон, 2015. 156 с.
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // НАВ. 2008. Вып. 9. с. 98–116.
- Скрипкин А. С. Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы/отв. ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М., 1978. с. 77–81.
- Скрипкин А. С. (ред.). Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея/под ред. А. С. Скрипкин. Волгоград, 2013. 288 с.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь, 2012. 100 с.
- Стоянова А. А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей/под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь, 2016. с. 122–165.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. 171 с.
- Трейстер М. Ю. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна золотой маски. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж/под ред. А. М. Бутягина. СПб., 2009. С. 43–62.
- Трейстер М. Ю. Еще раз о колеснице из Первого Среднего кургана Васюриной Горы // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 470–490.
- Трейстер М. Ю. К находке фалара из медальона эллинистической чаши в кургане № 20 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) // ВДИ. 2014. № 2. С. 125–150.
- Трейстер М. Ю., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т. А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.)/под ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М., 2012. Т. 2. С. 84–156.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А. Могильник I–III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. 2014. № 1. С. 183–209.

- Труфанов А. А. Парное детское погребение из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. 2017. № 6. С. 33–41.
- Труфанов А. А., Медведев Г. В., Соломоненко А. Е., Лысенко В. А., Деваев А. С. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. № 11. С. 265–268.
- Фирсов К. Б. Государственный исторический музей. Памятники скифо-сарматского времени и раннего средневековья из Прикубанья // Античное наследие Кубани. III/под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М., 2010. С. 328–352.
- Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). М., 1961. 94 с. (МИА. 98).
- Юнусова А. Б. (ред.). Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН/под ред. А. Б. Юнусова. Уфа, 2007. 220 с.
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). М., 2013. 232 с.
- Яценко С. А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности второй половины II — первой половины III века нашей эры // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 197–213.
- Bespaly E. I. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. P. 75–78. (BAR. Intern. ser. 278).
- Bonnet J. (ed.). Les bronzes antiques de Paris. Musée Carnavalet/J. Bonnet (ed.). Paris, 1989. 512 p.
- Borell B. Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall. Mainz, 1989. 188 S. (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg. 3.1).
- Boucher S. Vienne. Bronzes antiques. Paris, 1971. 229 p. (Inventaire des collections publiques françaises. 17).
- Boucher S., Perdu G., Feugère M. Bronzes antiques du Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon II (Instrumentum, Aegyptiaca). Lyon; Paris, 1980. 135 p.
- Cool H. E. M. The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI. 1 Pompeii: Excavations 1995–2006. Oxford, 2016. 304 p. (Archaeopress Roman Archaeology. 17).
- Crummy N. The Roman Small Finds from Excavations in Colchester, 1971–1979. Colchester, 1983. 446 p. (Colchester Archaeological Reports. 2).
- Dasen V. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity // The Materiality of Magic/D. Boschung, J. N. Bremmer (eds.). Paderborn, 2015. P. 177–204. (Morphomata. 20).
- Deschler-Erb E. Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei // Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl/E. Deschler-Erb (Hrsg.). Zürich; Egg, 1996. S. 13–139. (Monographien der Kantonsarchäologie Zürich. 27).
- Dunham D. Royal Tombs at Meroë and Barkal (The Royal Cemeteries of Kush, IV). Boston, 1957. 218 p.
- Dusenbery E. B. The Necropoleis (Samothrace XI). Princeton, 1998. 1252 p.
- Eckardt H., Williams S. The sound of magic? Bells in Roman Britain // Britannia. 2018. Vol. 49. P. 179–210.
- Flügel Ch. Die römischen Bronzegefäße von Kempton-Cambodunum. (Cambodunumforschungen V). Kallmünz, 1993. 114 S. (Materialhefte zur bayerischen Archäologie 63).
- Furger A., Schneider C. Die Bronzeglocke aus der Exedra des Tempelareals Sichelten 1 // Jahresberichte aus Augst und Kaiseraugst. 1993. Jg. 14. S. 159–172.
- Galliazo V. Bronzi romani del Museo Civico di Treviso. Roma, 1979. 232 p. (Collezioni e Musei Archeologici del Veneto. 11).
- Garbsch J. Der römische Bronzeglockenfund von Monatshausen in Oberbayern // Archeološki Vestnik. 2003. T. 54. S. 299–314.
- Gencheva E. The Everyday Life of the Roman Legionary on the Lower Danube. The Catalogue of the Exhibition. Sofia, 2013. 116 p.
- Giovannini A., Tasca G. Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale. San Vito al Tagliamento. Pordenone, 2016, 256 p.
- Gossel-Raeck B., Stutzinger D. (Hrsg.). Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Frankfurt, 2003. 175 S.
- Grumeza L. Sarmatian Cemeteries from Banat (late 1st — early 5th centuries AD). Cluj-Napoca, 2014. 413 p.
- Khamis E. Copper Alloy Objects // Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology/W. Aylward (ed.). Los Altos, California, 2013. Vol. III. P. 93–166.
- Kneifel H. Römische Glocken und Jagdpfeilen aus Lauriacum // Mitteilungen des Museumsvereins Lauriacum Enns. 1985. Bd. 23. S. 9–16.
- Künzl E. Glocken und verschiedene Geräte // Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz. Plünderungsgut aus dem römischen Gallien 1/E. Künzel (Hrsg.). Mainz, 1993. S. 385–391. (Monographien des RGZM. 34/1).
- Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien. København, 1987. 487 S. (Nordiske Fortidsminder. B/10).
- Lund Hansen U. The Roman Bronze Vessels and Bells // E. Nylén, U. Lund Hansen, P. Manneke. The Havor Hoard. The Gold. The Bronzes. The Fort. Stockholm, 2005. P. 53–95. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens — Handlingar, Antikvariska Serien. 46).
- Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J., Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, 2008. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. 25).
- Marshall J. Taxila. Vols. 1–3. Cambridge, 1951. 895 p.
- Müller M. Die römischen Buntmetallfunde von Haltern. Mainz, 2002. 243 S. (Bodenaltertümer Westfalens. 37).
- Musche B. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden; New York; København; Köln, 1988. 350 S.

- Nicolay J. Armed Batavians. Use and Significance of Weapons and Horse Gear from non-military Contexts in the Rhine Delta (50 BC — AD 450). Amsterdam, 2007. 408 p. (Amsterdam Archaeological Studies. 11).
- Nowakowski W. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum // *Archaeologia Polona*. 1988. T. XXVII. S. 69–146.
- Nowakowski W. *Tintinnabula* auf den Ostseeinseln. Die römischen Bronzeglocken auf den Inseln Gotland und Bornholm // *Fornvännen*. 1994. T. 89.3. S. 133–143.
- Ohlenroth L. Oberstdorf: Nebelhornweg (1500 m ü. M.) Fund einer römischen Glocke // *Das schwäbische Museum. Zeitschrift für Kultur, Kunst und Geschichte Schwabens*. 1925. S. 151–154.
- Parker A. «The Bells, The Bells!». Approaching *Tintinnabula* in Roman Britain and Beyond // *Material Approaches to Roman Magic: Occult Objects and Supernatural Substances*/S. McKie, A. Parker (eds.). Oxford, 2018. P. 57–68. (Theoretical Roman Archaeology Conference Themes in Roman Archaeology. 2).
- Pomberger B. M. Glocken der römischen Kaiserzeit aus der Sammlung des Landesmuseums Burgenland. 2013. 4 S. https://www.academia.edu/8040378/Glocken_der_r%C3%B6mischen_Kaiserzeit_aus_der_Sammlung_des_Landesmuseums_Burgenland
- Pomberger B. M. Roman Bells in Central Europe: Typologies and Discoveries // *Musicarchaeology Vienna — Online Publication 2018_1*, 1–18. https://www.academia.edu/36120431/Roman_Bells_in_Central_Europe_Typologies_and_Discoveries
- Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. 135 p. (BAR. Intern. ser. 278).
- Richter G. M. A. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1915. 491 p.
- Simonenko A. V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, 2008. S. 1–264. (Archäologie in Eurasien. 25).
- Skvorcov N., Skripkin A. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // *EurA*. 2006. Bd. 12. S. 251–267.
- Tassinari S. Il vasellame bronzeo di Pompei. Vols. I–II. Roma, 1983. Vol. I — 274 p.; II — 518 p. (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi. 5).
- Toll N. The Necropolis. Haven, 1946. 150 p. (Excavations at Dura Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936. Part II).
- Treister, M. Der Wagen aus dem Ersten Mittleren Kurgan auf dem Vasjurin-Berg (Tamanhalbinsel) // *EurA*. 2013 (2016). Bd. 19. S. 89–104.
- Treister M. On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2016. Vol. 22.2. P. 55–95.
- Unz C., Deschler-Erb E. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Brugg, 1997. 86 S. (Veröffentlichungen der Gesellschaft Pro Vindonissa. 14).
- L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakistan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. Venezia, 1998. 253 p.
- Vaday A. Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok (Antaeus 17–18, 1988–1989). Budapest, 1989. 510 S.
- Volkov I. V., Guguev Yu. K. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. P. 73–74. (BAR. Intern. ser. 278).
- Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis. Cambridge, Mass.; London, 1983. 216 p. (Archaeological Exploration of Sardis. 8).
- Wehry B. Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēh Ḥamad/Magdala. Diss. Freie Universität Berlin, 2013. 578 S.
- Zampieri G., Lavarone B. (eds.). Bronzi antichi del Museo Archaeologico di Padova. Catalogo della Mostra/G. Zampieri, B. Lavarone (eds.). Roma, 2000. 240 p.
- Žuravlev D., Lomtadze G. A., Il'ina T. A., Sudarev N. I. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // *EurA*. 2007. Bd. 13. S. 215–255.

REFERENCES

- Alieva G. I. Ob antichnykh bronzovykh kolokol'chikakh Galatepe. In: *Aktual'nye problemy istoricheskikh nauk (arkheologiya)*. Kiev, 2015. S. 6–9.
- Bagrikov G. I., Senigova T. N. Otkrytie grobnits v Zapadnom Kazakhstane (II–IV i XIV vv.). *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoj SSR. Seriya obshchestvennyye nauki*, 1968, no. 2, pp. 71–89.
- Bakushev M. A., Il'yukov L. S. Bronzovye kolokol'chiki albano-sarmatskogo vremeni s territorii Dagestana. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 78–83.
- Balanovskij A. V., Tikhonov V. V. Pogrebenie znatnoj sarmatki iz kurgannogo mogil'nika «Gorelyj I». In: *Nasha malaya Rodina: ee istoriya, razvitie, problemy*. Balashov, 2009, pp. 8–22.
- Bezuglov S. I., Glebov V. P., Parusimov I. N. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyj mogil'nik Valovyj I)*. Rostov-on-Don, 2009, 128 p.
- Bespalyj E. I., Bepalaja N. E., Raev B. A. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyj mogil'nik «Valovyj 1»*. Rostov-on-Don, 2007, 186 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. 2).
- Bespalyj E. I., Luk'yashko S. I. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyj mogil'nik u s. Novoaleksandrovka*. Rostov-on-Don, 2018, 224 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Iss. I. Vol. 2).
- Bisembaev A. A., Dujsengali M. N. K voprosu o gunnskikh pogrebal'nykh ob'ektakh v Zapadnom Kazakhstane // *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2009, no. 1, pp. 28–34.

- Bisembaev A. A., Mamedov A. M., Dujsengali M. N., Mamirov T. B. Rezul'taty rabot Oblastnogo tsentra istorii, etnografii i arkheologii v Aktyubinskoj oblasti v 2006–2012 gg. In: A. A. Bisembaev (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya — 2012. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Aktobe, 2012, pp. 514–519.
- Bogdanov S. V. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы skifo-sarmatskoj epokhi I Nizhnepavlovskogo kurgannogo mogil'nika v stepnom Priural'e. *Stratum plus*, 2018, no. 3, pp. 103–133.
- Bogdanova N. A. Semantika i naznachenie nekotorykh amuletov iz mogil'nikov pervykh vv. n. e. Yugo-Zapadnogo Kryma. In: T. B. Popova (ed.). *Istoriya i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym*. Moscow, 1980, pp. 71–86. (Trudy GIM. 51).
- Botalov S. G. *Gunny i tyurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya)*. Chelyabinsk, 2009, 672 p.
- Botalov S. G., Gutsalov S. Yu. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepej*. Chelyabinsk, 2000, 267 p.
- Butyagin A. M. (ed.). *Tajna zolotoj maski. Katalog vystavki. Gosudarstvennyj Ermitazh*. St. Petersburg, 2009, 204 p.
- Vinokurov N. I. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e*. Simferopol'; Kerch', 2014, 680 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum. 12).
- Vlasova E. V. Kurgan Vasyurinskaya gora na Tamanskom poluostrove In: E. N. Khodza (ed.). *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. Sbornik statej. K shestidesyatiletiju Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo*. St. Petersburg, 2004, pp. 158–174.
- Vysotskaya T. N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, 1994, 206 p.
- Glebov V. P. Pogrebenie s monetami iz mogil'nika Shaumyana i voprosy khronologii srednesarmatskoj kul'tury. *Donskaya arkheologiya*, 2002, nos. 1–2, pp. 28–41.
- Gorbenko A. A., Kosyanenko V. M. Istoriya issledovaniya i novye antichnye otkrytiya na territorii goroda Azova. *Nasledie vekov*, 2015, no. 3, pp. 113–122.
- Gorbunova N. G. Skotovody Baktrii, Sogda i T'Sentral'nykh Kyzylkumov. *Arkheologicheskij Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2011, iss. 35, pp. 126–151.
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016. Pt. 1: 272 p. Pt. 2: 320 p. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeja. 205).
- Gushchina I. I., Zasetskaja I. P. Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskoj grupy iz raskopok N. I. Veselovskogo v Prikuban'e (I v. do n. e. — II v. n. e.). In: M. P. Abramova (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy*. Moscow, 1989, pp. 71–141. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeja. 70)
- Gushchina I. I., Zasetskaja I. P. *«Zolotoe kladbishche» rimskoj epokhi v Prikuban'e*. St. Petersburg, 1994, 172 p.
- Gushchina I. I., Moshkova M. G. Kurgany u s. Khar'kovka v Zavolzhe (raskopki B. N. Grakova i P. S. Rykova v 1925, 1926 gg.). In: A. I. Melyukova (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arkheologii*. Moscow, 1990, pp. 26–47.
- Dashevskaya O. D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, 1991, 141 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1-7).
- Dvornichenko V. V., Plakhov V. V., Sergatskov I. V. Sarmatskie pogrebeniya u poselka Komsomol'skij Astrakhanskoj oblasti. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 2002, iss. 5, pp. 224–250.
- Dzneladze E. S. Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya. Ph. D. dissertastion. Kiev, 2016, 282 p.
- D'yachenko A. N., Krivosheev M. V. Pogrebal'nyj kompleks I v. n. e. iz raskopok kurgannogo mogil'nika Kovalevka. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 2016, iss. 15.1, pp. 105–115.
- Zhuravlev D. V., Il'ina T. A., Lomtadze G. A., Sudarev N. I. Materialy kurgannogo nekropolja Kep: kurgan 17 (18). In: D. V. Zhuravlev (ed.). *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ja. Pamjati N. P. Sorokinov*. Moscow, 2006, pp. 12–46. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeja. 159).
- Zasetskaja I. P., Il'yukov L. S., Kosyanenko V. M. Pogrebal'nyj kompleks srednesarmatskoj kul'tury u khut. Alitub. *Donskaya arkheologiya*, 1999, no. 2, pp. 51–60.
- Il'yukov L. S., Vlaskin M. V. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha*. Rostov-on-Don, 1992, 289 p.
- Korovina A. K. Raskopki nekropolja Tiramby (1966–1970). Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina, 1987, iss. 8, pp. 3–70.
- Kosyanenko V. M. Rol' bronzovykh kolokol'chikov v pogrebal'nom obryade (po materialam pozdneantichnykh pamyatnikov). In: V. Ya. Kiyashko (ed.). *Istoriiko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g., Azov, 1997, iss. 14. pp. 153–164.*
- Kosyanenko V. M. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)*. Azov, 2008, 544 p. (Donskie drevnosti. 9).
- Krivosheev M. V. Importnaya metallicheskaya posuda kak marker znatnykh pogrebenij pozdnesarmatskogo vremeni. In: L. T. Yablonskij, N. S. Savel'ev (eds.). *Sarmaty i vneshnij mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii»*. Ufa, 2014, pp. 105–112. (Ufimskij arkheologicheskij vestnik. 14).
- Larenok V. A. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov nekropolja Kobjakova gorodishcha iz raskopok 1999–2000 gg.* Rostov-on-Don, 2013, pt. I, 488 p.
- Litvinskij B. A. *Ukrasheniya iz mogil'nikov Zapadnoj Fergany*. Moscow, 1973, 211 p.
- Malashev V. Yu. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n. e.* Ph. D. Dissertation. Moscow, 2013, 206 p. (Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences).
- Malashev V. Yu., Yablonskij L. T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)*. Moscow, 2008, 365 p.
- Mandel'shtam A. M. *Kochevniki na puti v Indiyu*. Moscow; Leningrad, 1966, 232 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 136).
- Medvedev A. P. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya)*. Voronezh, 1990, 220 p.
- Medvedev A. P. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa*. Moscow, 2008, 252 p.
- Mordvintseva V. I., Mys'kov E. P. Kurgany sarmatskoj znati u poselka Oktyabr'skij. *Arkheologicheskie vesti*, 1999, iss. 6, pp. 179–191.

- Moshkova M. G. Zhenskoe pogrebenie v kurgane 2 iz Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa (raskopki G. I. Bagrikova). In: A. G. Furas'ev (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoj i Dunaem*. St. Petersburg, 2009, pp. 99–113.
- Otchet arkheologicheskoy kommissii za 1913–1915 gg.* Petrograd, 1918, 295 p.
- Podushkin A. N. Sarmatskaya atributika v arkheologicheskikh kompleksakh katakombnykh pogrebenij Arysskoj kul'tury Yuzhnogo Kazakhstana (I v. do n. e. — III v. n. e.). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Ser. 4, Istoriya, 2015, iss. 5 (35), pp. 67–78.
- Prokhorova T. A., Guguev V. K. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobjakovskogo mogil'nika. *Soviet Archaeology*, 1992, no. 1, pp. 142–161.
- Puzdrovskij A. E., Medvedev G. V. Parnye pogrebeniya pervyh vekov vekov n. e. na Ust'-Al'minskom nekropole. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2015, no. 2, pp. 250–269.
- Puzdrovskij A. E., Trufanov A. A. Dva sklepa v central'noj chasti Ust'-Al'minskogo nekropolja. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2015, no. 2, pp. 200–231.
- Puzdrovskij A. E., Trufanov A. A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2004–2007 gg.* Simferopol; Moscow, 2017a, 372 p. (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Jugo-Zapadnom Krymu. 2).
- Puzdrovskij A. E., Trufanov A. A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2000–2003 gg.* Simferopol, Moscow: IP Zueva Publ., 2017b, 300 p. (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Jugo-Zapadnom Krymu. 3).
- Pshenichnyuk A. Kh., Ryazapov M. Sh. Temyasovskie kurgany pozdnesarmatskogo vremeni na yugo-vostoke Bashkirii. In: R. G. Kuzeev, N. A. Mazhitov, A. Kh. Pshenichnyuk (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala*. Ufa, 1976, pp. 132–149.
- Raev B. A., Naumenko S. A. Pogrebenie s rimskimi importami v Rostovskoj oblasti. In: B. A. Raev (ed.). *Skifiya i Bospor (materialy konferentsii pamyati akademika M. I. Rostovtseva)*. Novocherkassk, 1993, pp. 151–160, 183–187.
- Rostovtsev M. I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. St. Petersburg, 1913–1914. 537 p., 112 pl.
- Sergatskov I. V. *Sarmatskie kurgany na Ilovle*. Volgograd, 2000, 396 p.
- Simonenko A. V. *Rimskij import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ja*. St. Petersburg, 2011, 272 p.
- Simonenko O. V., Sikoza D. M., Dzneladze O. S. *Pizn'oskis'kij mogil'nik Chervonij Majak. Doslidzhennja 2011–2015 rokiv*. Kherson, 2015, 156 p.
- Skvortsov N. B., Skripkin A. S. Pogrebenie sarmatskoj znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 2008, iss. 9, pp. 98–116.
- Skripkin A. S. Pozdnesarmatskij kompleks iz Nizhnego Povolzh'ya. In: V. I. Kozenkova, Yu. A. Krasnov, I. G. Rozenfel'dt (eds.). *Voprosy drevnej i srednevekovoj arkheologii Vostochnoj Evropy*. Moscow, 1978, pp. 77–81.
- Skripkin A. S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoj oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja*. Volgograd, 2013, 288 p.
- Stoyanova A. A. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)*. Simferopol, 2012, 100 p.
- Stoyanova A. A. Podveski iz mogil'nika Nejjats. In: I. N. Khrapunov (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*. II. *20 let issledovanij mogil'nika Nejjats. Sbornik nauchnykh statej*. Simferopol, 2016, pp. 122–165.
- Symonovich E. A. *Naselenie stolitsy pozdneskijskogo tsarstva*. Kiev, 1983, 171 p.
- Treister M. Yu. Posuda i predmety utvari iz serebra i bronzy. In: A. M. Butyagin (ed.). *Tajna zolotoj maski. Katalog vystavki. Gos. Ermitazh*. St. Petersburg, 2009, pp. 43–62.
- Treister M. Yu. Eshche raz o kolesnice iz Pervogo Srednego kurgana Vasyurinoj Gory. *Drevnosti Bospora*. 2012. Vol. 16, pp. 470–490.
- Treister M. Yu. K nakhodke falara iz medal'ona ellinisticheskoy chashi v kurgane no. 20 mogil'nika Noin-Ula (Severnaya Mongoliya). *Vestnik drevnej istorii*, 2014, no. 2, pp. 125–150.
- Treister M. Yu., Shemakhanskaya M. S., Yablonskij L. T. A13. Kompleksy s predmetami akhemenidskogo kruga mogil'nika Filippovka-I. In: M. Yu. Treister, L. T. Yablonskij (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoj kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.)*. Moscow, 2012, vol. 2, pp. 84–156.
- Trufanov A. A. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 2005–2009, no. 4, pp. 117–328.
- Trufanov A. A. Mogil'nik I–III vv. n. e. u s. Holmovka i vpusknye pogrebeniya pervyh vekov n. e. v kurganah Yugo-Zapadnogo Kryma. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2014, no. 1, pp. 183–209.
- Trufanov A. A. Parnoe detskoe pogrebenie iz Ust'-Al'minskogo nekropolja. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2017, no. 6, pp. 33–41.
- Trufanov A. A., Medvedev G. V., Solomonenko A. E., Lysenko V. A., Devaev A. S. Issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2018 g. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 2019, no. 11, pp. 265–268.
- Firsov K. B. Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. Pamyatniki skifo-sarmatskogo vremeni i rannego srednevekov'ya iz Prikuban'ya. In: G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznetsov (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani*. Moscow, 2010, vol. III, pp. 328–352.
- Shelov D. B. *Nekropol' Tanaisa (raskopki 1955–1958 gg.)*. Moscow, 1961, 94 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 98).
- Yunusova A. B. (ed.). *Muzej arkheologii i etnografii. Katalog muzejnoj ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovanij Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*. Ufa, 2007, 220 p.
- Yablonskij L. T. *Zoloto sarmatskikh vozhdjev. Elitnyj nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)*. Moscow, 2013, 232 p.
- Yatsenko S. A. K diskussii ob oformlenii pozdnesarmatskoj etnokul'turnoj obshchnosti vtoroj poloviny II — pervoj poloviny III veka nashej ery. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 2011, iss. 12, pp. 197–213.
- Bespaly E. I. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: B. A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986, pp. 75–78. (BAR. Intern. ser. 278).
- Bonnet J. (ed.). *Les bronzes antiques de Paris. Musée Carnavalet*. Paris, 1989, 512 p.
- Borell B. Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall. Mainz, 1989, 188 S. (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg. 3.1).
- Boucher S. *Vienne. Bronzes antiques*. Paris, 1971, 229 p. (Inventaire des collections publiques françaises. 17).

- Boucher S., Perdu G., Feugère M. *Bronzes antiques du Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon II (Instrumentum, Aegyptiaca)*. Lyon; Paris, 1980, 135 p.
- Cool H. E. M. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI. 1 Pompeii: Excavations 1995–2006*. Oxford, 2016, 304 p. (Archaeopress Roman Archaeology. 17).
- Crummy N. *The Roman Small Finds from Excavations in Colchester, 1971–1979*. Colchester, 1983, 446 p. (Colchester Archaeological Reports. 2).
- Dasen V. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity. In: D. Boschung, J. N. Bremmer (eds.). *The Materiality of Magic*. Paderborn, 2015, pp. 177–204. (Morphomata. 20).
- Deschler-Erb E. Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In: E. Deschler-Erb (Hrsg.). *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl*. Zürich; Egg, 1996, S. 13–139. (Monographien der Kantonsarchäologie Zürich. 27).
- Dunham D. *Royal Tombs at Meroë and Barkal*. Boston, 1957, 218 p. (The Royal Cemeteries of Kush. IV).
- Dusenbery E. B. *The Necropoleis*. Princeton, 1998, 1252 p. (Samothrace: Excavations conducted by the Institute of Fine Arts, New York University. XI).
- Eckardt H., Williams S. The sound of magic? Bells in Roman Britain. *Britannia*, 2018, vol. 49, pp. 179–210.
- Flügel Ch. *Die römischen Bronzegefäße von Kempten-Cambodunum. (Cambodunumforschungen. V)*. Kallmünz, 1993, 114 S. (Materialhefte zur bayerischen Archäologie 63).
- Furger A., Schneider C. Die Bronzeglocke aus der Exedra des Tempelareals Sichelen 1. *Jahresberichte aus Augst und Kaiseraugst*, 1993, Jg. 14, S. 159–172.
- Galliazo V. *Bronzi romani del Museo Civico di Treviso*. Roma, 1979, 232 p. (Collezioni e Musei Archeologici del Veneto. 11).
- Garbsch J. Der römische Bronzeglockenfund von Monatshausen in Oberbayern. *Archeološki Vestnik*, 2003, T. 54, S. 299–314.
- Gencheva E. *The Everyday Life of the Roman Legionary on the Lower Danube. The Catalogue of the Exhibition*. Sofia, 2013. 116 p.
- Giovannini A., Tasca G. *Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale*. San Vito al Tagliamento. Pordenone, 2016. 256 p.
- Gossel-Raeck B., Stutzinger D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt, 2003, 175 S.
- Grumeza L. *Sarmatian Cemeteries from Banat (late 1st — early 5th centuries AD)*. Cluj-Napoca, 2014. 413 p.
- Khamis E. Copper Alloy Objects. In: W. Aylward (ed.). *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Los Altos, California, 2013, vol. III, pp. 93–166.
- Kneifel H. Römische Glocken und Jagdpfeilen aus Lauriacum. *Mitteilungen des Museumsvereins Lauriacum Enns*. 1985. Bd. 23. S. 9–16.
- Künzl E. Glocken und verschiedene Geräte. In: E. Künzl (Hrsg.). *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz. Plünderungsgut aus dem römischen Gallien 1*. Mainz, 1993. S. 385–391. (Monographien des RGZM, 34/1).
- Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien*. København, 1987, 487 S. (Nordiske Fortidsminder. B/10).
- Lund Hansen U. The Roman Bronze Vessels and Bells. In: E. Nylén, U. Lund Hansen, P. Manneke. *The Havor Hoard. The Gold. The Bronzes. The Fort*. Stockholm, 2005, pp. 53–95. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens — Handlingar, Antikvariska Serien. 46).
- Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz, 2008, S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. 25).
- Marshall J. *Taxila*. Cambridge, 1951, vols. 1–3, 895 p.
- Müller M. *Die römischen Buntmetallfunde von Haltern*. Mainz, 2002. 243 S. (Bodenaltertümer Westfalens. 37).
- Musche B. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln, 1988, 350 S.
- Nicolay J. *Armed Batavians. Use and Significance of Weapons and Horse Gear from non-military Contexts in the Rhine Delta (50 BC — AD 450)*. Amsterdam, 418 p. (Amsterdam Archaeological Studies. 11).
- Nowakowski W. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum. *Archaeologia Polona*, 1988, T. XXVII, S. 69–146.
- Nowakowski W. *Tintinnabula* auf den Ostseeinseln. Die römischen Bronzeglocken auf den Inseln Gotland und Bornholm. *Fornvännen*, 1994, T. 89.3, S. 133–143.
- Ohlenroth L. Oberstdorf: Nebelhornweg (1500 m ü. M.) Fund einer römischen Glocke. *Das schwäbische Museum. Zeitschrift für Kultur, Kunst und Geschichte Schwabens*, 1925, S. 151–154.
- Parker A. «The Bells, The Bells!». Approaching *Tintinnabula* in Roman Britain and Beyond. In: S. McKie, A. Parker (eds.). *Material Approaches to Roman Magic: Occult Objects and Supernatural Substances*. Oxford, 2018, pp. 57–68. (Theoretical Roman Archaeology Conference Themes in Roman Archaeology. 2).
- Pomberger B. M. *Glocken der römischen Kaiserzeit aus der Sammlung des Landesmuseums Burgenland*. 2013. 4 S. https://www.academia.edu/8040378/Glocken_der_r%C3%B6mischen_Kaiserzeit_aus_der_Sammlung_des_Landesmuseums_Burgenland
- Pomberger B. M. Roman Bells in Central Europe: Typologies and Discoveries. In: *Musicarchaeology Vienna — Online Publication 2018_1*, 1–18. https://www.academia.edu/36120431/Roman_Bells_in_Central_Europe_Typologies_and_Discoveries
- Raev B. A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986, 135 p. (BAR. Intern. ser. 278).
- Richter G. M. A. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes. The Metropolitan Museum of Art*. New York, 1915. 491 p.
- Simonenko A. V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz, 2008, S. 1–264. (Archäologie in Eurasien. 25).

- Skvorcov, N., Skripkin A. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *EurA*, 2006, Bd. 12, S. 251–267.
- Tassinari S. *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Vols. I–II. Roma, 1983. Vol. I — 274 p.; II — 518 p. (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi. 5).
- Toll N. *The Necropolis*. Haven, 1946, 150 p. (Excavations at Dura Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936. Part II).
- Treister, M. Der Wagen aus dem Ersten Mittleren Kurgan auf dem Vasjurin-Berg (Tamanhalbinsel). *EurA*. 2013 (2016), Bd. 19, S. 89–104.
- Treister M. On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2016, vol. 22.2, pp. 55–95.
- Unz C., Deschler-Erb E. *Katalog der Militaria aus Vindonissa*. Brugg, 1997, 86 S. (Veröffentlichungen der Gesellschaft Pro Vindonissa 14).
- L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakistan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia, 1998, 253 p.
- Vaday A. *Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok (Antaeus 17–18, 1988–1989)*. Budapest, 1989, 510 S.
- Volkov I. V., Guguev Yu. K. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. In: B. A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986, pp. 73–74. (BAR. Intern. ser. 278).
- Waldbaum J. C. *Metalwork from Sardis*. Cambridge, Mass.; London, 1983, 216 p. (Archaeological Exploration of Sardis 8).
- Wehry B. *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēḥ Ḥamad/Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin, 2013, 578 S.
- Zampieri G., Lavarone B. (eds.). *Bronzi antichi del Museo Archaeologico di Padova. Catalogo della Mostra*. Roma, 2000, 240 p.
- Žuravlev D., Lomtadze G. A., Il'ina T. A., Sudarev N. I. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi. *EurA*, 2007, Bd. 13, S. 215–255.

РЕЗЮМЕ

По сравнению с варварским населением Юго-Западного Крыма или меотских городищ Нижнего Подонья, сарматы в первые века н. э. использовали колокольчики значительно реже. Среди колокольчиков, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, преобладают экземпляры, вероятнее всего, изготовленные в мастерских Северного Причерноморья. Есть основания полагать, что часть колокольчиков из комплексов Азиатской Сарматии могла представлять собой импорты из провинций Римской империи или с территории Боспорского царства. Есть также данные, свидетельствующие об изготовлении колокольчиков из импортных бронзовых кубков. Наряду с западными импортными колокольчиками к кочевникам Южного Приуралья в позднесарматское время попадали и колокольчики, вероятно, изготовленные в Парфии.

В Азиатской Сарматии находки колокольчиков концентрируются в основном в Нижнем Подонье, значительно реже они встречаются в Верхнем Подонье, Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. При этом для отдельных типов колокольчиков выявляются определенные закономерности в распространении. Колокольчики происходят — за редчайшими исключениями — из погребений взрослых и пожилых женщин. Для сравнения укажем, что все колокольчики, найденные в некрополе меотского Кобяковского городища, были обнаружены по одному в погребениях детей в возрасте до 7 лет. На территории Дагестана в погребениях сарматского времени колокольчики были найдены также преимущественно в женских, реже — в детских погребениях. Есть все основания предполагать, что указанная корреляция объясняется магической функцией колокольчиков как амулетов и оберегов.

Учитывая размеры публикуемых колокольчиков и их вес, трудно предположить, что они могли быть украшением конской сбруи, тем более что в погребениях не прослеживается никакой связи между ними и деталями конской узды даже в тех случаях, когда последние были положены в могилы. В тех же случаях, когда это были не крупные, а мелкие колокольчики, они входили в состав ожерелий, подобно тому, как это имело место в близких хронологически погребениях на Северном Кавказе, где отмечается также их использование как элементов костюма. Можно также предположить, что их могли использовать в каких-то ритуальных действиях, поскольку в некоторых случаях их находили среди скоплений амулетов. Наборы колокольчиков происходят преимущественно из погребений первых веков н. э. на Нижнем Дону. Есть основания считать, особенно в тех случаях, когда были найдены вместе большие группы колокольчиков, что они могли быть элементами музыкальных инструментов.

Ключевые слова: Азиатская Сарматия, Подонье, Поволжье, Южное Приуралье, Северное Причерноморье, Юго-Западный Крым, Кавказ, Римская империя, римские импорты, Парфия, бронзовые колокольчики, амулеты, музыкальные инструменты.

Mikhail Treister

**IMPORTED BRONZE BELLS IN THE BURIALS OF THE NOMADS
OF ASIAN SARMATIA OF THE 1ST CENTURY BC — 3RD CENTURY AD**

SUMMARY

Compared with the barbarian population of South-Western Crimea or the Maiotian settlements of the Lower Don region, Sarmatians in the first centuries A. D. used bells much less often. Among the bells found in the burials of the nomads of Asian Sarmatia there predominate specimens, most likely manufactured in the workshops of the North Pontic region. There is reason to suggest that some of the bells from the burials of Asian Sarmatia could have been imported from the provinces of the Roman Empire or from the territory of the Bosporan Kingdom. There is evidence of the local manufacture of bells from imported bronze goblets. Along with western imported bells, nomads from the South Urals in the Late Sarmatian period also received bells, probably made in Parthia.

In Asian Sarmatia, the finds of bells are concentrated mainly in the Lower Don basin, much less often they were found in the Upper Don and Lower Volga areas, as well as in South Urals. Moreover, for certain types of bells, certain patterns in distribution are revealed. The bells occur with the rarest exceptions from the burials of adult and older women. For comparison, all the bells found in the necropolis of the Maiotian Kobyakovo fortified settlement were discovered by one in the burials of children under 7 years. In the territory of Dagestan, in the burials of the Sarmatian time, bells were also found mainly in female, less often in children's burials. There is every reason to believe that this correlation is explained by the magical function of bells as amulets and charms.

Given the size of the published bells and their weight, it is difficult to assume that they could have been used for the decoration of the horse harness, moreover, they were never found in the burials close to the details of the horse's bridle, even in rare cases when the details of horse harness were put in the graves. Small bells were part of necklaces, similar to the case in chronologically close burials in the North Caucasus, where their use as elements of costume is also noted. It can also be assumed that they could be used in some kind of ritual actions, since in some cases they were found among clusters of amulets. Bells sets come mainly from the burials of the first centuries AD in the Lower Don basin. There is reason to believe, especially in those cases when large groups of bells were found together, that they could be used as elements of musical instruments.

Key-words: Asian Sarmatia, Don, Volga, South Urals, North Pontic regions, South-Western Crimea, Caucasus, Roman Empire, Roman imports, Parthia, bronze bells, amulets, musical instruments

Рис. 1. Кобяково. Курган № 10/1987. Колокольчики бронзовые. Общие виды. Таганрог, ГЛИАМЗ. 1 — инв. № 12117/126; 2 — инв. № 12117/13; 3 — инв. № НВ 5724/11; 4 — инв. № НВ 5724/48; 5 — инв. № НВ 5724/10. Фото В. К. Гугуева, 2013 (1); М. Ю. Трейстера, 2015 (2-5).

Рис. 2. Колокольчики бронзовые. Общие виды.

1 — Харьковка. Курган III-24/1926. Москва, ГИМ, инв. № 58702. Оп. Б 271/155;
 2-3 — Майеровский-III. Курган № 4/2002. Погребение № 3Б. Москва, ГИМ, инв. № 112873. Оп. Б 2078/56-57;
 4 — Алитуб. Курган № 26/1971. Погребение № 1. Ростов-на-Дону, РОМК; 5-10 — Валовый-I. Курган № 9/1987.
 Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/224-249. 25309/258-274.
 Фото ГИМ (1-3), М. Ю. Трейстера, 2015 (4), Азов, АИАПМЗ (5-10).

Рис. 3. Чертовицкий-I. Курган № 5/40 (1978). Погребение № 1.
Колокольчик бронзовый. Общие виды.
Воронеж, ВГУ, инв. № 634. Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 4. Ново-Александровка. Курган № 20/1984. Погребение № 1.
Колокольчики бронзовые. Общие виды. Азов, АИАПМЗ,
1 — инв. № 21222/52; 2 — инв. № 21222/51. Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 5. Валовый-1. Курган № 4/1987. Погребение № 2.
Колокольчик бронзовый. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/124.
Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 6. Валовый-І. Курган № 4 / 1987. Погребение № 2.
Колокольчик бронзовый. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309 / 125.
Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 7. Покровка 10. Курган № 24/2000. Погребение № 1.
Колокольчик бронзовый. Оренбург, ГИКМ, инв. № Ором 18337/655.
Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

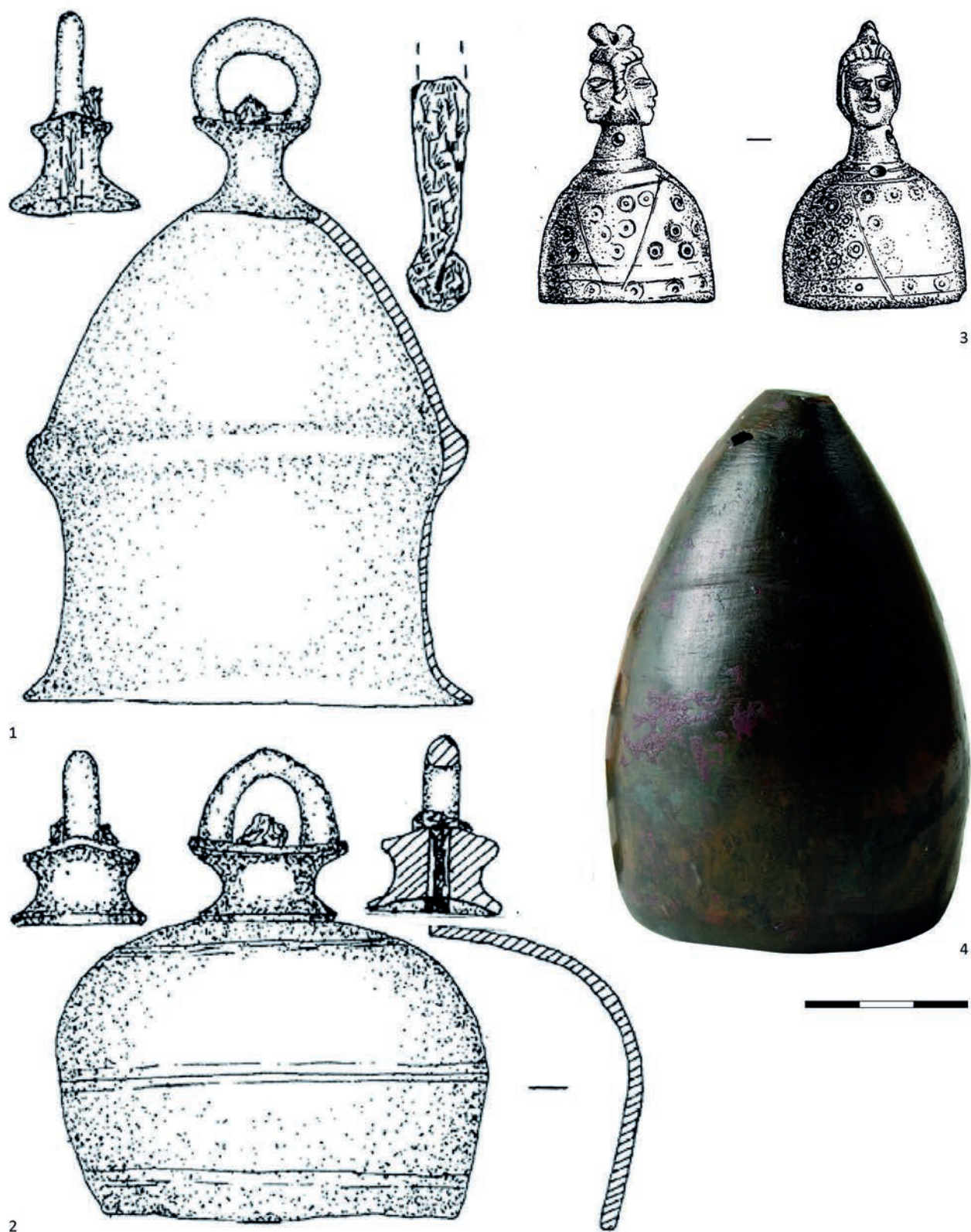

Рис. 8. Колокольчики бронзовые.

1-2 — Сарытау-II. Объект 2/2007. Актөбе, ОИКМ (по: Бисембаев, Дуйсенгали 2009);
 3 — Темясово. Курган № 3/1971. Костяк № 1. Уфа, МАЭ, инв. № 230/1, 2 (по: Малашев 2013),
 4 — Лебедевка. Курган № 2/1967. Астана, НМРК. ҒОМА № 415. ҚРҰМ УҚ ТК₂-1124.
 Фото З. Самашева.

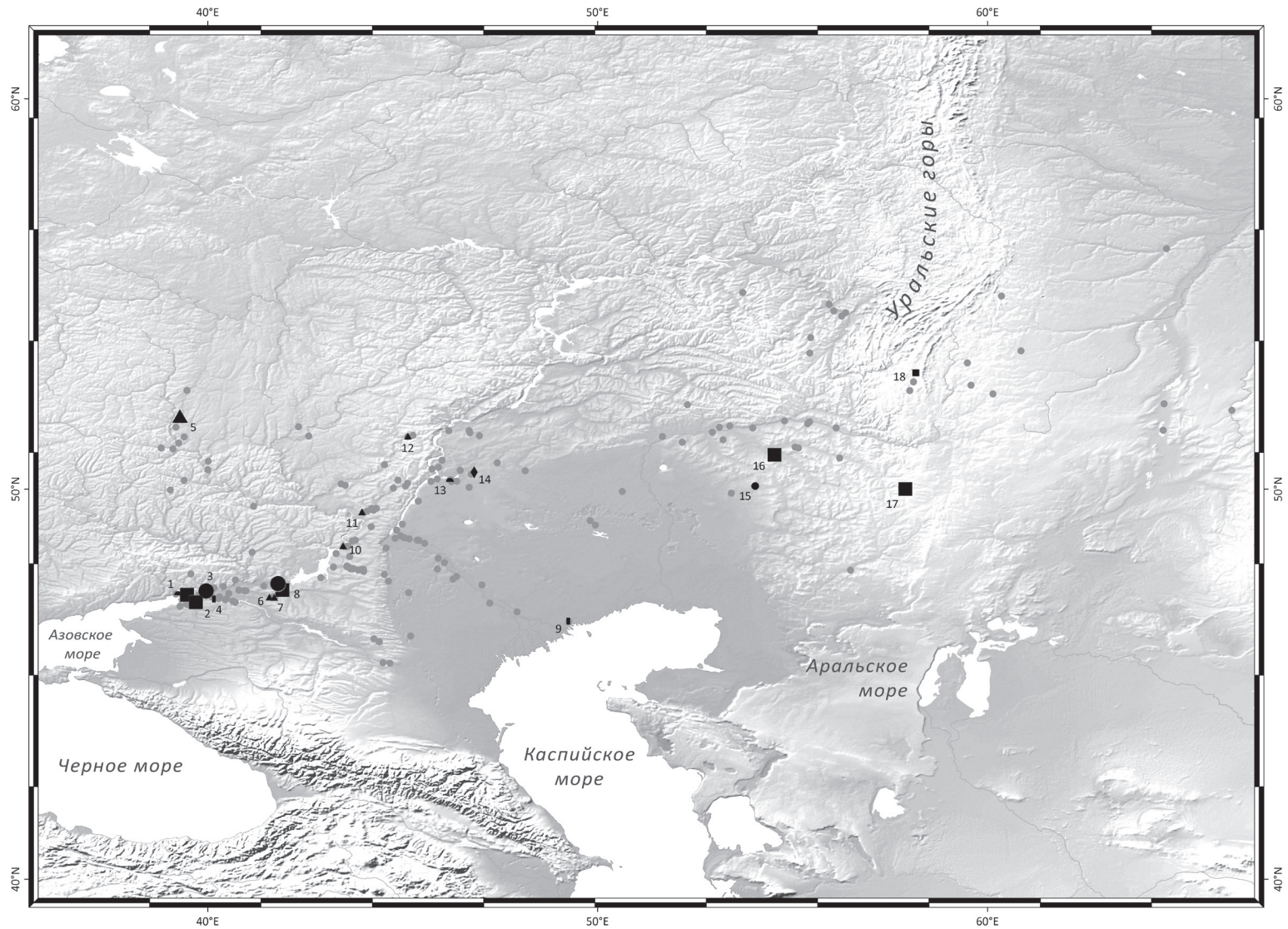

Рис. 9. Карта. Находки некоторых типов бронзовых колокольчиков в Азиатской Сарматии. Кругок — колокольчики тюльпановидной формы. Квадрат — колокольчики конической формы со срезанной вершиной. Треугольник — колокольчики конической формы с треугольными вырезами. Ромб — массивные колокольчики кеглевидной формы. Полукруг — массивные колокольчики полусферической формы. Прямоугольник — массивные колокольчики цилиндрической формы. 1 — Валовый-I; 2 — Ново-Александровка-I; 3 — Кобяково; 4 — Алитуб; 5 — Чертовичский-I; 6 — Московский-II; 7 — Новый; 8 — Центральный-IV; 9 — Комсомольский; 10 — Ильевка; 11 — Авиловский-II; 12 — Горелый-I; 13 — Майеровский-III; 14 — Харьковка; 15 — Лебедевка-VI; 16 — Покровка-10; 17 — Сарытау-I; 18 — Темясово. Серыми кружками обозначены комплексы с импортами. Подоснова — Г. П. Гарбузов, карта — М. Ю. Трейстер, 2019.

А. А. Труфанов

СКЛЕП 649 ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Усть-Альминский некрополь расположен в Юго-Западном Крыму, в устье р. Альма (рис. 1). Он связан с находящимися поблизости остатками позднескифского городища, возникшего в конце II в. до н. э. (или на рубеже II–I вв. до н. э.) [Высотская 1994, с. 12] и просуществовавшего до середины III в. н. э.

Исследование памятника продолжается несколько десятилетий. Выявленные на его территории погребальные сооружения представлены грунтовыми склепами, подбойными и плитовыми могилами, а также грунтовыми могилами с перекрытием или без него. Самые ранние склепы появились здесь еще в I в. до н. э. [Высотская 1994, с. 133] или в конце II — первой половине I в. до н. э. [Зайцев 1997, с. 168]. На первом этапе функционирования могильника они составляли преобладающий, а может быть, и единственный тип используемых погребальных сооружений. Но большинство обнаруженных на территории некрополя склепов появилось в более позднее время, во второй трети или около середины I в. н. э., одновременно с распространением индивидуальных могил. В некоторых из этих склепов в относительно короткий период было совершено от одного до трех захоронений, после чего эти склепы прекратили использовать. Другие погребальные сооружения продолжали функционировать длительное время. Тела усопших (обычно в гробах) размещали поверх более ранних захоронений. К середине II в. н. э. или чуть позже все или почти все эти погребальные сооружения перестали функционировать. Спустя какое-то время строители могил могли наткнуться на такой заброшенный склеп и использовать его камеру для совершения одного или нескольких новых захоронений. На то, что обнаружение подобных склепов, по крайней мере, иногда происходило случайно, указывают довольно значитель-

ные хронологические отрезки, разделяющие первый этап функционирования этих погребальных сооружений и время их вторичного использования. Предположение о случайности обнаружения старых склепов подкрепляется еще и тем, что порой подзахоронение осуществлялось не через входное отверстие, а впускалось через пробитый свод или стенку камеры [Труфанов 2010, с. 166]. Не столь уверенно можно судить о ситуациях, когда проникновение в камеру склепа, долгое время оставшегося запечатанным, было вновь осуществлено через входное отверстие. Здесь, по-видимому, определяющим фактором следует считать длительность перерыва в функционировании погребального сооружения.

Данная статья представляет собой публикацию материалов исследования склепа 649, выявленного на территории Усть-Альминского некрополя и примечательного тем, что в его использовании выделяются два этапа, разделенные длительным перерывом.

Склеп был раскопан в 1997 г. Альминской экспедицией, возглавляемой А. Е. Пуздровским. Исследование погребального сооружения проводилось под руководством Ю. П. Зайцева, им же был начерчен план погребений. При подготовке соответствующего отчета обнаруженные вещевые находки были зарисованы автором этой статьи, но их фотографирование при этом не осуществлялось.

Краткая информация о найденных в склепе вещах упоминалась впоследствии в научных работах [Пуздровский 2007, с. 194, 196, рис. 81.3; 84.2, 3; 99.2, 4, 22–25; 109.22; 131.2; 159.4; 164.4; 193.5; Труфанов 2009, с. 295, рис. 88.4], но в полном объеме материалы исследования данного погребального сооружения не публиковались. В 2019 г., имея целью осуществить такую публикацию, я вновь осмотрел и на этот раз сфо-

тографировал находки, хранящиеся в фондах Бахчисарайского музея¹. Это позволило уточнить отображающие их рисунки, но следует отметить, что более чем два десятилетия, прошедшие со времени раскопок, негативно сказались на сохранности отдельных предметов, ввиду чего на приводимых фотографиях они представлены в более фрагментированном виде, чем были в период подготовки иллюстраций к отчету. Некоторые вещи находились на экспозиции, поэтому сфотографировать их мне не удалось.

Склеп 649 был обнаружен на северо-западной окраине могильника, приблизительно в 10 м к северу от древней дороги, пересекающей некрополь в направлении городища. Входная яма трапециевидных очертаний размерами 1,60 × 0,90–1,20 м ориентирована по линии ЮВ — СЗ (рис. 1). Спуск в яму оформлен в виде двух ступеней высотой 0,20 и 0,30 м, вырубленных в ее юго-восточной части. Дно понижается в направлении камеры. Яма выкопана в плотных суглинистых отложениях, ее заполнение в юго-восточной части представляло собой плотный однородный суглинок, а в северо-западной состояло из более рыхлого суглинка с примесью гумуса, с мелкими камнями и прослойками темного черноземного грунта.

Из ямы в камеру вело округлое входное отверстие размерами 0,60 × 0,65 м. Заклад состоял из большой известняковой плиты размерами 0,85 × 0,70 м, толщиной 0,10–0,12 м, отваленной в древности, а также из подпиравших ее более мелких обломков известняка и песчаника.

Погребальная камера вытянутой трапециевидной формы размерами 2,05 × 1,55–1,85 м расположена к северо-западу от входной ямы. Ее высота у входа составляла около 1,40 м, но, вероятно, изначально была меньшей, так как свод сооружения, понижающийся в направлении дальней стенки, оказался в этой области частично обрушенным. У дальней северо-западной стенки высота свода составляла 0,65–0,70 м. Дно камеры, сооруженное на 0,80 м ниже дна входной ямы, располагалось на глубине 3,30–3,32 м от уровня современной поверхности.

Погребальная камера была заполнена рыхлым натечным грунтом, состоявшим из смеси

суглинка и гумуса, в котором встречались крупные куски плотного «материкового» суглинка, представлявшие собой куски обвалившегося потолка. Над юго-западной частью камеры находилась могила 666, и обвал свода привел к ее частичному разрушению. В придонной части заполнения камеры рядом с входным отверстием найдено несколько разрозненных костей и фрагменты черепов, смещенных сюда в древности, вероятно, при совершении последнего захоронения. Всего же в склепе выявлены остатки четырех погребений.

Погребение 1 (рис. 2) находилось у юго-западной стенки камеры. Оно представляло собой костяк подростка, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, в деревянном гробу размерами 1,54 × 0,45 м. Сохранились четкие контуры бурого древесного тлена от гроба. Сохранность костей очень плохая. У черепа найдена крупная округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2.4; 3.4). В области грудной клетки обнаружена фрагментированная бронзовая лучковая фибула (рис. 2.1; 3.1). В районе запястья левой руки находился бронзовый пластинчатый браслет с окончаниями в виде змеиных голов (рис. 2.2; 3.3). У левого бедра лежали астрагалы (3 экз.) (рис. 2.3; 3.2).

Погребение 2 (рис. 2) находилось в центральной части камеры. Совершено в деревянном гробу, от которого осталось пятно древесного тлена размерами 1,70 × 0,45 м. В пределах контуров этого пятна находился костяк взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Череп и левая плечевая кость отсутствовали. Вероятно, они были смещены в древности и находились среди костей, обнаруженных у входного отверстия. В области грудной клетки найдена бронзовая лучковая фибула (рис. 2.5; 4.1), на запястье правой руки находился браслет из согнутого стержня с утолщенными концами (рис. 2.11; 4.10). Поверх правой бедренной кости лежала большая бронзовая пряжка (рис. 2.8; 4.6). В районе левой бедренной кости выявлены фрагменты бронзовых пластин с заклепками, одна из которых, возможно, являлась остатками щитка от упомянутой пряжки (рис. 2.12; 4.7), а вторая представляла собой наконечник ремня (рис. 2.12; 4.2). На костях стоп обеих ног найдено по одной бронзовой пряжке (рис. 2.6, 7; 4.4, 5), рядом с каждой из которых лежало по бронзово-

¹ Приношу благодарность хранителю музейных предметов И. И. Неневоле за помощь, оказанную мне при работе в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

му наконечнику ремня (рис. 2.9, 10; 4.8, 9). Между щиколотками обнаружена бронзовая римская монета Септимия Севера 209 г. н. э. (рис. 2.16; 4.3) [Mattingly 1936, p. 120, № 226, pl. VI. 20].

Л. с.: Голова императора, увенчанная венком, вправо. SEVERVS PIVS AVG.

Об. с.: Юпитер, стоящий влево, в левой руке скипетр, в правой молнии, с двумя детьми, стоящими справа и слева от него. P. M. TR. P. XVII. COS. III P. P.

К северо-востоку от правой берцовой кости погребенного, в пределах контуров гроба лежала меловая бусина призматической формы (1 экз.) (рис. 2.15; 4.12). В этой же области найдены железный нож (рис. 2.14; 4.11) и оселок из песчаника (рис. 2.13; 4.13).

Погребение 3 (рис. 2) располагалось у северо-восточной стенки камеры, и было совершено в деревянном гробу, от которого сохранилось четкое пятно бурого древесного тлена размерами 2,10 × 0,55 м. В пределах этого пятна находился костяк взрослого человека, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, кисти рук прижаты к бедрам. На позвоночнике и суставах конечностей прослежены патологические изменения. Череп и часть иных костей скелета отсутствовали. Очевидно, они, как и в случае с погребением 2, были смещены в древности при совершении более позднего погребения 1. В области грудной клетки найдена бронзовая биконическая бусина с продольными желобками (рис. 2.18; 5.3). На запястье правой руки находился бронзовый браслет из согнутого круглого в сечении стержня с утолщенными концами (рис. 2.20; 5.1). Неподалеку обнаружен еще один, почти аналогичный бронзовый браслет, отличающийся тем, что его окончания были уплощенными (рис. 2.19; 5.2). В районе правого бедра лежала бронзовая пряжка (рис. 2.17; 5.5). К востоку от левой бедренной кости обнаружен фрагмент железного шила (рис. 2.21; 5.6). Рядом с ногами погребенного в пределах гроба лежали две крупные кости животного (рис. 2.23, 24). Между стопами найдена бронзовая римская монета Фульвии Плавтилы 202–205 гг. н. э.² (рис. 2.22; 5.4) [Mattingly 1936, p. 270, № 369].

Л. с.: Бюст императрицы вправо. [PLAVT] ILLA AVGVVS [TA].

² С 202 г. н. э. жена императора Каракаллы, начало чеканки, в 205 г. н. э. — ссылка, в 212 г. н. э. — смерть.

Об. с.: Венера, стоящая влево, держит в правой протянутой руке яблоко, в левой руке пальмовую ветвь, опираясь на щит, слева стоит Купидон. [V] ENVS VICTR [IX].

В юго-восточном углу камеры выявлены остатки деревянной шкатулки с бронзовыми и железными деталями замка (рис. 2.27; 7.1–7), а также фрагменты пластинчатых предметов из железа (рис. 7.8, 9), вероятно, тоже имевших отношение к ее конструкции. Здесь же найдены обломки железных предметов кольцевидной формы, предположительно являвшихся частями удила (рис. 2.28; 5.7). Рядом стояла стеклянная чашка (диаметр венчика 8,9 см, высота 5,1 см, диаметр поддона 3,8 см) (рис. 2.30; 5.8). В этой же области находилась краснолаковая тарелка (диаметр венчика 13,0 см, высота 4,0 см, диаметр поддона 4,1 см) (рис. 2.29; 6.4), по-видимому, первоначально стоявшая на деревянной шкатулке и упавшая на бок после того, как та истлела. К юго-западу от остатков шкатулки стояла массивная лепная курильница (диаметр венчика 13,5 см, высота 11,7 см, диаметр поддона 10,0 см) с залощенной поверхностью (рис. 2.25; 10.8), в которую была помещена краснолаковая чашка (диаметр венчика 11,9 см, высота 5,6 см, диаметр поддона 4,2 см) (рис. 2.26; 6.2).

Между гробами и дальней северо-западной стенкой камеры поверх смещенных останков погребения 4 лежала узкогорлая светлоглиняная амфора типа D [Шелов 1978, с. 18] (диаметр венчика 5,0 см, высота 47,0 см, диаметр ножки 3,8 см) с дипинти на плечиках (рис. 2.33; 8). Рядом лежала гончарная ойнохоя, ручка которой была отбита в древности (высота 18,2 см, диаметр тулова 11,6 см, диаметр поддона 5,4 см) (рис. 2.32; 3.5). Неподалеку от нее найдена краснолаковая тарелка (диаметр венчика 12,0 см, высота 3,3 см, диаметр поддона 4,2 см) (рис. 2.31; 6.3). Здесь же, у северо-западной стенки камеры стоял краснолаковый кувшин (диаметр венчика 6,0 см, высота 14,6 см, диаметр поддона 4,6 см) (рис. 2.35; 6.1). Рядом с ним лежала лепная курильница на высокой ножке (диаметр венчика 9,5 см, высота 15,3 см, диаметр поддона 6,7 см) (рис. 2.36; 5.9).

Погребение 4 (рис. 2). У северо-восточной стенки камеры под захоронением 3 выявлены остатки деревянной (дубовой?) колоды, в которой было совершено погребение 4, являвшееся наиболее ранним в склепе. Кости, принадле-

жавшие данному погребению, так же, как и куски относящейся к нему колоды при совершении погребения 3 были сдвинуты к дальней северо-западной стенке камеры. Все кости, находившиеся в перемешанном виде, принадлежали останкам одного взрослого человека. При просеивании грунта, содержавшего скопление этих костей, найдены два бронзовых предмета, по-видимому, являвшихся деталями сосуда (рис. 2.34; 10.4, 5), сильно окислившаяся серебряная цилиндрическая подвеска (рис. 10.3), фрагменты бронзового перстня и обломок овальной вставки из желтого стекла с изображением Афины (рис. 10.1). В этой же области найдены бусы (рис. 10.2), среди которых бочковидные (3 экз.) (рис. 10.2а) и округлые (4 экз.) (рис. 10.2б) из стекла и сердолика, а также фаянсовые короткоцилиндрические (45 экз.) (рис. 10.2в) и агатовые бочковидные (4 экз.) (рис. 10.2г). В этом же грунте найдены многочисленные золотые бляшки с отверстиями, предназначенные для нашивки на одежду, в том числе фигурные (13 экз.) (рис. 9.4), каплевидной формы (66 экз.) (рис. 9.5), полусферические (182 экз.) (рис. 9.6) и треугольные (2 экз.) (рис. 9.1). Здесь же обнаружены цепочки из золотой проволоки с подвесками (9 экз.) (рис. 9.2) и золотые пронизи в виде рифленых трубочек, среди которых имеются как целые изделия, так и фрагментированные (51 экз.) (рис. 9.1).

Кроме того, в грунте заполнения камеры найдены лепная курильница со сквозными отверстиями (диаметр венчика 3,6 см, высота 4,6 см, диаметр дна 3,2 см) (рис. 10.7) и разбитый гончарный флакон (диаметр венчика 1,1 см, высота 7,6 см, диаметр дна 1,9 см) (рис. 10.6). Помимо перечисленных предметов с погребением 4 связана и лепная курильница (рис. 2.25; 10.8), стоявшая в юго-восточной части камеры, о которой сообщалось выше. Судя по набору нашивных бляшек, характерных для женских захоронений, погребение 4 было женским.

Время сооружения склепа 649 может быть определено на основании анализа находок из нижнего яруса. Судя по тому, что на дне камеры выявлены остатки только одной деревянной колоды, а также исходя из количества и состава смещенных костей, можно предположить, что в ранний период функционирования склепа в его камере было совершено всего одно захоронение. Следовательно, все смещенные вещи, имеющие раннюю датировку, следует считать

относящимися к этому захоронению и рассматривать как единый комплекс.

В числе таких находок две лепные курильницы, одна из которых представляет собой относительно крупный сосуд с валиком в средней части (рис. 10.8), а вторая — более мелкий, плоскодонный, со сквозными отверстиями (рис. 10.7). Курильницы найдены в разных местах погребальной камеры, но не вызывает сомнений, что обе они составляют единый комплект. Наборы из парных курильниц известны по находкам в ряде захоронений второй половины I — начала II в. н. э. Усть-Альминского некрополя [Пуздровский 2007, рис. 83.1–7, 10, 11; 2011, с. 283, рис. 10.3, 4; Труфанов, Мордвинцева 2018, рис. 4.3, 4], могильников Опушки [Стоянова 2018, с. 89, рис. 6.1, 3] и Бельбек IV [Гущина, Журавлев 2016а, рис. 114.5, 6].

Крупные курильницы, входящие в состав этих наборов, формально близки, но имеют и некоторые различия. По наблюдениям А. Е. Пуздровского, основанным на материалах Усть-Альминского некрополя, можно проследить эволюцию формы от сосудов «с цилиндрическим туловом» (вариант 1) к курильницам «с чашей на массивной подставке» (вариант 2), а от них — к сосудам «с выраженной чашей на массивной полый ножке» (вариант 3) [Пуздровский 2011, с. 277]. По своим характеристикам сосуд из склепа 649 относится к варианту 3, имеющему позднюю хронологическую позицию относительно двух предыдущих. Хронологические рамки каждого варианта А. Е. Пуздровским определены не были, но даже с учетом этой неопределенности, согласно предложенной исследователем схеме, курильницу из склепа 649, находящуюся в конце эволюционного ряда, следует относить ко времени более позднему, чем «середина I в. н. э.».

С ранним погребением 4 связан также гончарный флакон (рис. 10.6). Он относится к известному типу изделий, различающихся формальными деталями, пропорциями и размерами, но в целом составляющих довольно компактную в морфологическом и хронологическом отношении группу. Это небольшие плоскодонные сосуды с яйцевидным или сферическим туловом и узким цилиндрическим горлом с отогнутым венчиком, некоторые имеют частичное краснолаковое покрытие. Считается, что такие флаконы распространяются на территории Римской империи и в прилегающих рай-

онах в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. и почти повсеместно выходят из употребления до второй половины I в. н. э. [Anderson-Stojanovic 1987, p. 113]. По мнению А. Е. Пуздровского, подобные сосуды (включая и флакон из склепа 649)³ можно датировать «от первых десятилетий до середины I в. н. э.» [Пуздровский 2007, с. 171]. Вместе с тем есть основания считать, что в Северном Причерноморье такие флаконы продолжали использоваться и некоторое время после середины века. Корреляция находок показала, что варварские погребения Крыма с такими сосудами можно датировать в пределах второй трети I в. н. э. (30/50 — ок. 70 г. н. э.) [Труфанов 2009, с. 128, 195].

Цилиндрические полые подвески с двумя петлями, изготовленные из бронзы или серебра, аналогичные по форме той, что была обнаружена в склепе 649 (рис. 10,3), появляются в Крыму около середины I в. н. э. и продолжают попадать в погребения на протяжении всей второй половины I в. н. э. [Труфанов 2009, с. 231, рис. 65.7, 8, 16; Стоянова 2012, с. 76, рис. 26.3, табл. 6.33], а, возможно, и до второй или третьей четверти II в. н. э. [Гущина, Журавлев 2016, с. 174; 2016а, рис. 164.10, 11]. Зачастую торцы таких подвесок украшены стеклянными вставками.

Раннее погребение из склепа 649 упоминалось А. Е. Пуздровским в параграфе, посвященном описанию находок из захоронений середины — третьей четверти I в. н. э. (фаза B1a в его периодизации) [Пуздровский 2007, с. 101, 171], что, полагаю, можно расценивать как мнение данного исследователя относительно времени совершения этого погребения. Однако, как отмечалось выше, в более поздней работе указанным автором была предложена типология курильниц [Пуздровский 2011, с. 277], в соответствии с которой массивный сосуд из склепа 649 следует относить к 3 варианту, занимающему позднюю хронологическую позицию в ряду изделий данного типа. В связи с этим возникает противоречие между предложенной ранней датировкой комплекса и поздней датой курильницы. Это вынуждает датировать раннее погребение в широких рамках второй половины I в. н. э., допуская его совершение в последней трети столетия.

³ В тексте монографии А. Е. Пуздровского содержится ошибка: указано, что флакон относится к погребению 3 (649/3) [Пуздровский 2007, с. 171], тогда как на самом деле он связан с погребением 4 (649/4).

По мнению А. А. Стояновой, парные курильницы (вставленные одна в другую) и золотые нашивные бляшки являются «этническими индикаторами», позволяющими связывать «этническую принадлежность» погребений с сарматами [Стоянова 2018, с. 98]. Близкого мнения придерживался А. Е. Пуздровский, хотя и высказывался более осторожно, отмечая, что рассматриваемые курильницы имеют многочисленные аналогии в древностях среднесарматской культуры, а нашивные бляшки «находят параллели в богатых сарматских погребениях на широкой территории, хотя известны в некрополях Боспора, Херсонеса и Ольвии» [Пуздровский 2007, с. 128, 147]. Со своей стороны, воздерживаясь от этнических определений, ограничусь лишь констатацией того, что оба признака присущи ряду варварских погребений Крыма, отличающихся высоким имущественным и, вероятно, социальным статусом усопшего.

Спустя более сотни лет после совершения раннего захоронения и консервации камеры склепа 649 начал использоваться вновь, в результате чего в его камеру попали гробы с захоронениями 3 и 2. Через какое-то время здесь же было совершено последнее погребение 1. О некотором временном интервале свидетельствует то, что при совершении захоронения 1 черепа погребений 2 и 4 были смещены в сторону, то есть связки шейных позвонков уже успели разложиться.

В монографии «Крымская Скифия» А. Е. Пуздровский отмечает, что, по его мнению, весь верхний ярус погребений склепа 649, соответствующий позднему этапу его функционирования, на основании монет датируется «не ранее конца первой четверти III в.» или «втор. четв. III в. н. э.» [Пуздровский 2007, с. 194, 196]. Напомню, что монета Плавтиллы была чеканена в период 202–205 гг. н. э., а монета Септимия Севера (193–211 гг. г. э.) выпущена в 209 г. н. э. Вероятно, определяя дату захоронений верхнего яруса, исследователь исходил из того, что обе монеты некоторое, пусть и непродолжительное, время находились в обращении. Степень их потертости различна. Изображение на монете Плавтиллы более стерто, завитки волос в прическе императрицы сглажены и почти не просматриваются. На монете Септимия Севера, напротив, изображение четкое, хорошо различаются рельефные детали прически и венка. Но и в том, и в другом случае изношенность мо-

нет в целом может быть охарактеризована как незначительная. Большой ущерб им нанесла коррозия, что особенно заметно в случае с монетой Плавтиллы.

Из верхнего яруса захоронений происходят две бронзовых лучковых подвязных фибулы. Одна из них представляет собой застежку (высота 9,6 см) с нижней тетивой и бронзовым стержнем в пружине, со сплошной проволочной обмоткой спинки (рис. 4.1). В.В. Кропотов включил ее в число изделий группы 4, серии II, варианта 4, формы 2 своей типологии, отметив, что такие фибулы в основном характерны для крымских комплексов «заклучительной части II — первой половины III в. н. э.», но изредка продолжали применяться и во второй половине III в. н. э. [Кропотов 2010, с. 136, 147, 333].

Вторая фибула сохранилась в виде фрагмента, ее пружина и игла утрачены (рис. 3.1). Спинка застежки приблизительно до середины или чуть выше украшена проволочной обмоткой. Сохранившаяся высота фибулы составляет 6,1 см, что с учетом изгиба спинки позволяет реконструировать ее приблизительно до 7,0 см.

Большинство найденных в склепе пряжек связано с погребением 2. Одна из них (рис. 4.6) представляет собой бронзовое изделие с плоской овальной рамкой и прямым язычком, выходящим за ее пределы. Неподалеку от места обнаружения этой пряжки найден обломок бронзового пластинчатого изделия с заклепкой (рис. 4.7), возможно, являвшийся остатками щитка от этой же пряжки.

Две другие бронзовые пряжки из погребения 2 (рис. 4.4, 5) обнаружены в районе щиколоток и, по-видимому, имеют отношение к обуви. Изделия состоят из овальной рамки и прогнутого фасетированного язычка, чуть выступающего за рамку, с овальным щитком с одной заклепкой. Соответствуют пряжкам типа 1б из могильника Нейзац, встреченным в комплексах III в. н. э. [Храпунов 2016, с. 98, 99].

Вместе с упомянутыми пряжками найдены два бронзовых ременных наконечника (размеры: 6,7 × 1,1 см и 6,7 × 1,0 см) (рис. 4.8, 9). Это изделия, состоящие из фасетированной лицевой пластины, верхний край которой украшен насечками, и прикрепленной к ней при помощи заклепки короткой тыльной пластины. Отличаясь лишь сужением в средней части пластины, по своим основным признакам они могут быть причислены к наконечникам разновидности

Н3а в типологии В.Ю. Малашева, характерным для погребений первой половины III в. н. э., но изредка попадающим и в комплексы второй половины этого столетия [Малашев 2000, с. 197, 199, 209]. В типологии наконечников из могильника Нейзац близкие изделия, происходящие из погребений III в. н. э., составляют тип II (варианты 3 и 4а) [Храпунов 2008, с. 62, 65, 66, рис. 2.1–9].

Еще одна бронзовая пряжка относится к погребению 3 (рис. 5.5). У нее вытянутая прямоугольная рамка, язычок утрачен.

Пластинчатый браслет с окончаниями в форме змеиных голов (рис. 3.3) по форме окончаний и особенностям декора соответствует браслетам (тип VI-B), получившим в Крыму распространение во второй половине II — первой половине III в. н. э. [Труфанов 2001, с. 76].

Найденная у северо-западной стенки камеры узкогорлая светлоглиняная амфора (рис. 8) относится к сосудам типа D по Д.Б. Шелову, обычно считающимся индикаторами первой половины III в. н. э. [Шелов 1978, с. 19] или конца II — первой половины III в. н. э. [Абрамов 1993, с. 47]. Высказаны и мнения о более длительном бытовании подобных сосудов. В частности, С.Ю. Внуков отнес существование таких амфор (вариант C-IVD) к последней четверти или концу II — второй половине III в. н. э. [Внуков 2006, с. 166, 167].

Обе найденные в склепе краснолаковые тарелки относятся к сосудам одного типа (рис. 6.3, 4). Это небольшие сосуды с вертикальным бортиком на низком кольцевом поддоне с резким переходом косых стенок в горизонтальное дно. Подобные тарелки (тип III-D-4 по А.А. Труфанову) встречены в ряде крымских комплексов (Неаполь Скифский, Перевальное, Черноречье) конца II — первой половины III в. н. э. [Труфанов 1997, с. 189]. В типологии краснолаковой керамики из могильников Бельбекской долины, составленной Д.В. Журавлевым [Журавлев 2010], точных соответствий этим сосудам не имеется.

Краснолаковая усеченно-коническая чашка или миска с плавно загнутым утолщенным венчиком (рис. 6.2) близка сосудам (формы 14.6 и 14.7) из погребений конца II–III в. н. э. [Журавлев 2010, с. 54, 55, табл. 23.159, 160], отличаясь от них большей массивностью венчика.

Вещевые находки из погребений 1–3, относящихся к верхнему ярусу, в целом кажутся археологически синхронными, относящимися

к одной хронологической группе. На основании только этих вещей и без учета монет весь ярус можно было бы датировать концом II — первой половиной III в. н. э. Принимая же во внимание время чеканки обеих монет и степень их потертости, можно прийти к выводу, что захоронения верхнего яруса были совершены не ранее второго десятилетия III в. н. э.

Несмотря на довольно большое количество вещей, сопровождавших захоронения верхнего яруса, среди них почти нет предметов, которые могли бы помочь в определении пола погребенных. Здесь отсутствует оружие, встречающееся в мужских погребениях, но отсутствуют также и вещи, характерные для женских захоронений: серьги, зеркала, пряслица, не выявлено скопленный бус на груди, в районе запястий или в области ног погребенных.

В юго-восточном углу камеры находились остатки шкатулки (рис. 2.27; 7.1–7), которую можно считать предметом женского вещевого набора, но ее местоположение допускает отношение к любому из выявленных захоронений, включая самое раннее. Датировочными элементами этой шкатулки являются детали замка. В их числе бронзовая накладка в виде прямоугольной пластины с фигурными выступами на углах, вырезом для ключа, двумя вырезами для внешних запорных деталей (т. н. ригелей) и отверстиями для гвоздей (рис. 7.4), а также бронзовая задвижка (иначе — внутренняя запорная деталь, засов) с крючком на конце (рис. 7.7). При этом среди найденных деталей находился только один ригель (рис. 7.3), а второй отсутствовал.

Деревянные шкатулки с прямоугольными бронзовыми накладками более простой формы, с вырезом для одного ригеля и без выступов на углах, судя по многочисленным находкам, получили широкое распространение в Крыму и были чрезвычайно популярны в среде местных варваров на протяжении первых веков н. э. Но шкатулки, запиравшиеся двумя ригелями, для фиксации которых использовались задвижки с крючком, подобные найденной в склепе 649, относятся к числу редких для данной территории находок и обнаружены они лишь в относительно ранних комплексах. Детали такой шкатулки происходят из могилы 176 (Бельбек IV), отнесенной к последней четверти I в. н. э. [Гущина, Журавлев 2016, с. 157; 2016а, рис. 113.5]. Задвижка этой же формы найдена

в склепе 590/5 (Усть-Альма) [Труфанов 2009, рис. 92.5] вместе с фибулой с S-видным завитком на конце приемника и браслетами с зооморфными окончаниями (тип VIII-Б) второй половины I — первой половины II в. н. э. [Труфанов 2001, с. 77]. Прочие детали конструкции при этом отсутствовали, что, вероятно, указывает на вторичное использование предмета. Сознаю, что двух упомянутых комплексов недостаточно для обоснования вывода о том, что период поступления шкатулок с «двойным» замком к варварам Крыма был кратким, но фактом является и то, что в более поздних погребениях подобных находок нет.

Ввиду этого можно предположить, что шкатулка из склепа 649 связана с самым ранним захоронением в его камере — с погребением 4, хотя имеются и некоторые возражения, основанные на контексте обнаружения находки. Стеклянная чаша (рис. 2.30; 5.8) и краснолаковая тарелка (рис. 2.29; 6.4), относящиеся ко второму этапу функционирования камеры, располагались так, будто их разместили, когда деревянная шкатулка еще была цела и сохраняла форму. Чаша стояла рядом со шкатулкой, не пересекая контуров древесного тлена, а тарелка находилась на боку, как если бы первоначально была поставлена на крышку шкатулки, а затем свалилась набок после того, как шкатулка истлела. Учитывая эти обстоятельства, можно представить, что шкатулка, и сосуды оказались в склепе одновременно, или их попадание сюда разделено незначительным интервалом. С другой стороны, следует признать, что в закрытой погребальной камере при благоприятных микроклиматических условиях древесина шкатулки могла оставаться нетленной довольно долгое время.

Рядом со шкатулкой найдены обломки железного предмета (или предметов) (рис. 2.28; 5.7), реконструируемого как удила, что, можно расценивать в качестве указания на наличие в склепе, по крайней мере, одного мужского захоронения. Хотя при этом следует подчеркнуть, что упомянутая реконструкция находки является всего лишь предположительной. Полагаю, что с мужским захоронением могла быть связана и найденная в склепе амфора (рис. 2.33; 8).

Едва ли не единственным предметом, способствующим в определении пола его владельца и вместе с тем четко привязанным к конкретному погребению, является браслет с окон-

чаниями в виде змеиных головок (рис. 3.3). Судя по тому, что подобные браслеты в могильниках варварского населения Крыма часто встречаются в одних комплексах с прочими маркерами женского пола, их можно считать признаком именно женских захоронений. Надежно зафиксированные случаи попадания таких браслетов в мужские погребения мне не известны. По-видимому, ношение браслетов с изображением змеи являлось частью исключительно женской субкультуры. Если так, то погребение 1, к которому относился подобный браслет, следует считать женским.

На основании анализа комплекса вещей можно предположить, что сооружение склепа 649 и совершение в нем погребения 4 произошло во второй половине I в. н. э. Захоронение принадлежало женщине, наряд которой украшали многочисленные золотые бляшки, что свидетельствует о высоком имущественном и, вероятно, социальном положении усопшей. Затем склеп долгое время оставался закрытым, причем его свод находился в необрушенном состоянии, и камера не была заполнена грунтом.

В первой половине III в. н. э. в этот склеп последовательно поместили гробы с погребениями 3 и 2, сдвинув при этом остатки раннего

захоронения к дальней северо-западной стенке. Обращает на себя внимание то, что раннее захоронение при этом не было подвергнуто полностью и целенаправленному разграблению. Кости были сдвинуты к стенке, все или многие из связанных со смещенным захоронением вещей, в том числе золотых, остались в камере.

Через некоторое время (в рамках первой половины III в. н. э.) в этом же склепе было совершено погребение 1. По-видимому, вынимать закладную плиту из входной ямы при этом не стали, а лишь отклонили ее для того, чтобы проникнуть внутрь. В процессе установки гроба оба черепа и часть костей предшествующих погребений 2 и 3 были смещены к входному отверстию. После совершения последнего захоронения закладную плиту не стали прислонять вплотную к входному отверстию, а оставили в отклоненном положении. Возможно, все объясняется простой небрежностью или какими-то постпогребальными действиями. Но нельзя исключать и того, что такое положение плита приобрела позже в результате попытки ограбления, прерванного в связи с тем, что перспектива продолжения земляных работ показалась грабителям не соответствующей их корыстным ожиданиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. С. 4–135.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. II (петрография, хронология, проблемы торговли). СПб., 2006. 320 с.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 208 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М., 2016. Ч. 1. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М., 2016а. Ч. 2. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) / под ред. В. Н. Зинько. Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Зайцев Ю. П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // БИАС. 1997. Вып. I. С. 156–166.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.
- Малашев В. Ю. Периодизация ремесленных изделий позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / под ред. Ю. К. Гугуева. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е. Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма // Stratum plus. 2011. № 4. С. 271–290.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь, 2012. 100 с.
- Стоянова А. А. Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.) / под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь, 2018. Вып. IV. С. 83–101.
- Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // БИАС. 1997. Вып. I. С. 181–192.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма / под общ. ред. И. И. Гущиной и Д. В. Журавлева. М., 2001. С. 71–77. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum plus. 2010. № 4. С. 145–195.

- Труфанов А. А., Мордвинцева В. И. Погребение I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // ПИФК. 2018. № 3. С. 30–46.
- Храпунов И. Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.) / под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь, 2016. Вып. II. С. 97–121.
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Anderson-Stojanović V. R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 1987. Vol. 91. P. 105–122.
- Mattingly H. The Roman imperial coinage. Vol. IV. Part I. Pertinax to Geta. London, 1936. 406 p.

REFERENCES

- Abramov A. P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskii sbornik*, 1993, vol. 3, pp. 4–135.
- Anderson-Stojanović V. R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology*, 1987, vol. 91, pp. 105–122.
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Necropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016, part 1, 272 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia, vol. 205).
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Necropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016a, part 2, 320 p.
- Khrapumov I. N. Nakonechniki remnei iz mogil'nika Neizats. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, vol. XIV, pp. 61–79.
- Khrapumov I. N. Serebrianye i bronzovye priazhki iz mogil'nika Neizats. In: I. N. Khrapumov (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*, Simferopol, 2016, vol. II, pp. 97–121.
- Kropotov V. V. *Fibuly sarmatskoi epokhi*. Kiev, 2010, 384 p.
- Malashev V. Yu. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni. In: Yu. K. Guguev (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, 2000, vol. 1, p. 194–232.
- Mattingly H. *The Roman imperial coinage*. Vol. IV, part I. Pertinax to Geta. London, 1936. 406 p.
- Puzdrovskiy A. E. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol, 2007, 480 p.
- Puzdrovskiy A. E. Pogrebeniia sarmatskikh «zhritc» iz Yugo-Zapadnogo Kryma. *Stratum plus*, 2009. № 4, pp. 271–290.
- Shelov D. B. Uzkoгорlye svetlogliniane amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, 1978, vol. 156, pp. 16–21.
- Stoianova A. A. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)*, Simferopol, 2012, 100 p.
- Stoianova A. A. Pogrebeniie s provintsial'no-rimskim zerkalom i dvumia kuril'nitsami iz mogil'nika Opushki v Krymu. In: I. N. Khrapumov (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*, Simferopol, 2018, vol. IV, pp. 83–101.
- Trufanov A. A. K voprosu o khronologii brasletov s zoomorfnyimi okonchaniiami (po materialam krymskikh mogil'nikov pozdneslifsikogo vremeni). In: I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev (eds.) *Pozdnie Skify Kryma*, Moscow, 2001, pp. 71–77. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia, vol. 118).
- Trufanov A. A. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 2009, № 4, pp. 117–328.
- Trufanov A. A. Pogrebeniia III v. n. e. na yugo-zapadnoi okraine Ust'-Al'minskogo nekropolia. *Stratum plus*, 2009, № 4, pp. 145–195.
- Trufanov A. A. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov Yugo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kryma). In: Khrapumov I. N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istorico-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 1997. vol. I, p. 181–192.
- Trufanov A. A., Mordvintseva V. I. Pogrebeniie I v. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropolia (Yugo-Zapadnyi Krym). *Problemy isyorii, filologii, kul'tury*. 2018, № 3. pp. 30–46.
- Vnukov S. Yu. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e.). Part II (petrografiia, khronologiya, problem torgovli)*. St. Petersburg, 2006, 320 p.
- Vysotskaia T. N. *Ust'-Al'minskogo gorodishche i nekropol'». Kiev, 1994, 208 p.*
- Zaycev Yu. P. Sklep № 390 Ust'-Al'minskogo pozdneslifsikogo nekropolia. In: I. N. Khrapumov (ed.). *Bakhchisaraiskii istorico-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 1997. vol. I, p. 156–166.
- Zhuravlev D. V. Krasnolakovaia keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III v. n. e. (po materialam pozdneslifsikikh nekropolei Bel'bekskoi doliny). In: V. N. Zin'ko (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Supplementum, Simferopol, 2010, vol. 9, 320 p.

РЕЗЮМЕ

Статья представляет собой публикацию материалов раскопок грунтового склепа 649, исследованного в 1997 г. на территории позднескифского Усть-Альминского некрополя, расположенного в Юго-Западном Крыму. Склеп был сооружен во второй половине I в. н. э. для совершения богатого захоронения представительницы социальной элиты. После этого он долгое время оставался запечатанным, но в первой половине III в. н. э. начал использоваться вновь. В это время в его погребальной камере было совершено еще три захоронения, в том числе с монетами, что позволяет соотносить эти погребения с абсолютными датами.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Усть-Альминский некрополь, склеп, погребения, римские монеты.

A. A. Trufanov

A CATACOMB 649 FROM THE UST'-AL'MA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA)

SUMMARY

In 1997 during excavations in the Late Scythian Ust'-Al'ma necropolis, situated in the South-Western Crimea, there was discovered a catacomb 649. The catacomb was made in the second half of the 1st century AD. It was used for a burial of a rich woman belonged to a group of the barbarian social elite. After that the catacomb was sealed for more than 100 years. In the first half of the 3rd century AD the catacomb began to be used again. At this time three burials were made in it. Among burial goods roman coins were found, thus making possible to accurately date these burials.

Keywords: South-Western Crimea, Ust'-Al'ma necropolis, catacomb, burials, roman coins.

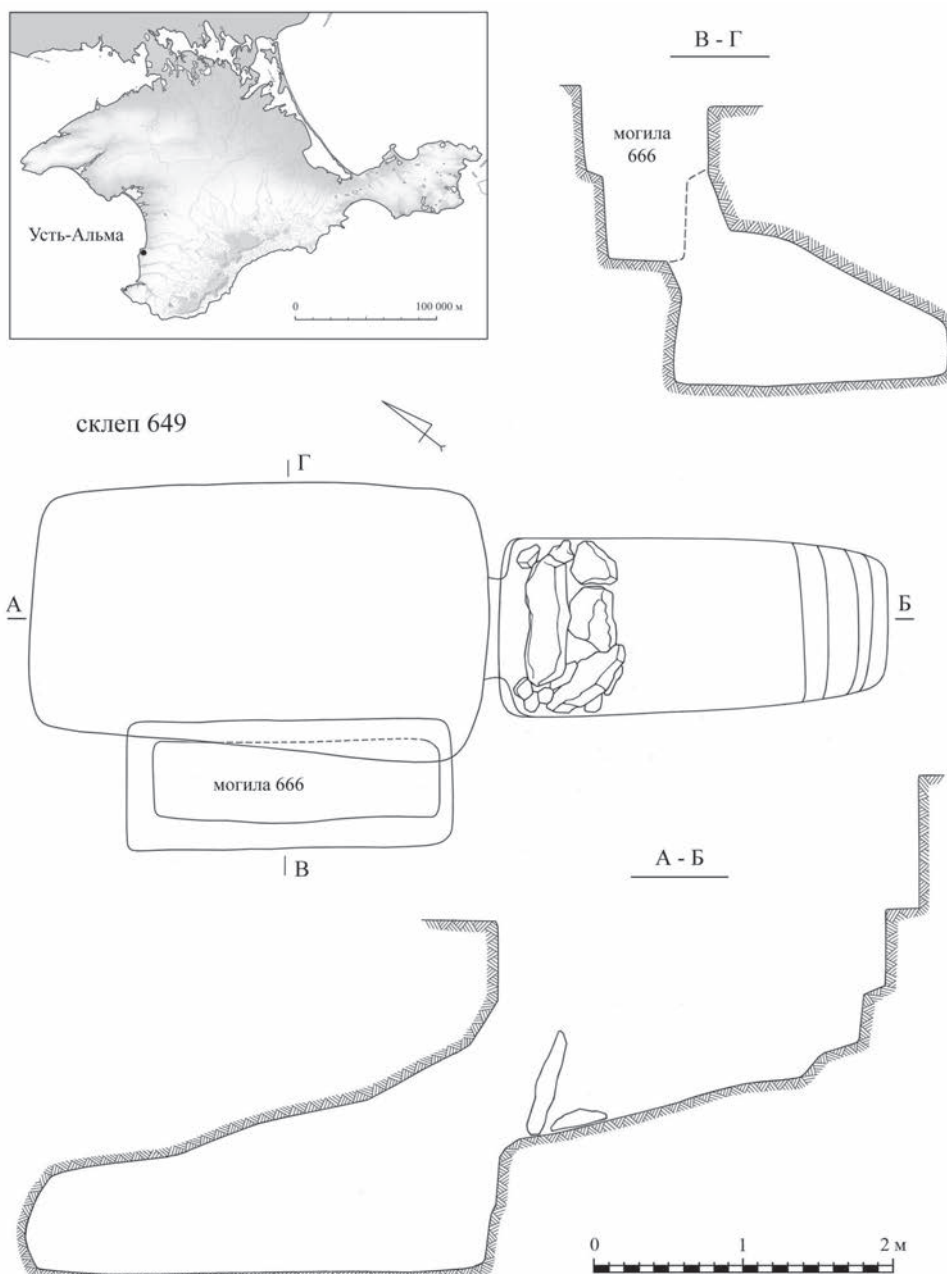

Рис. 1. Месторасположение Усть-Альминского некрополя. Склеп 649. План, разрезы.

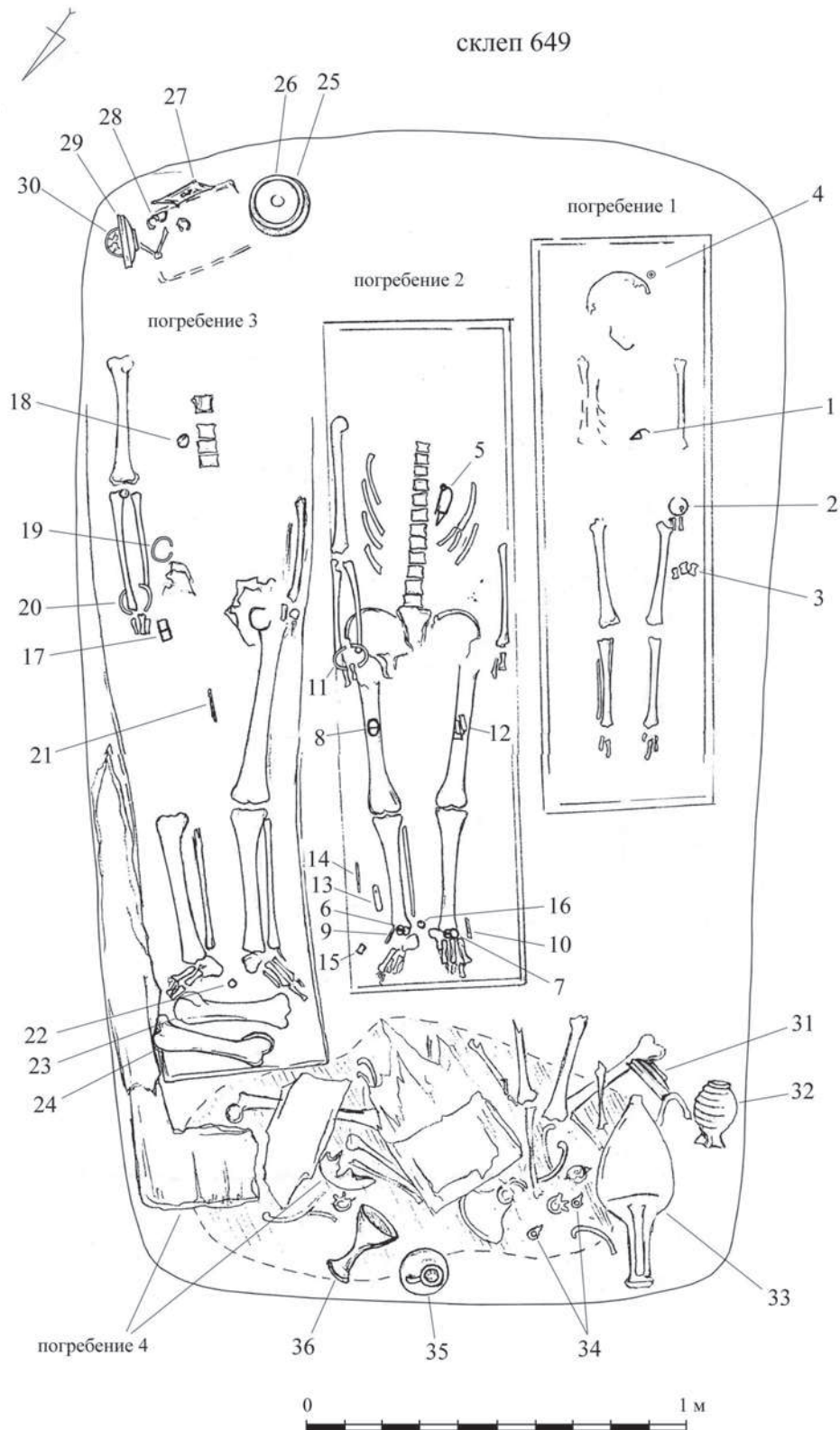

Рис. 2. Склеп 649. План погребений.

Погребение 1: 1 — фибула, 2 — браслет, 3 — астрагалы, 4 — бусина;
погребение 2: 5 — фибула, 6–8 — пряжки, 9, 10 — наконечники ремней,
 11 — браслет, 12 — пластины, 13 — оселок, 14 — нож, 15 — бусина, 16 — монета;
погребение 3: 17 — пряжка, 18 — бусина, 19, 20 — браслеты,
 21 — шило, 22 — монета, 23, 24 — кости животного;
погребальная камера: 25 — курильница, 26 — чашка, 27 — шкатулка,
 28 — удила (?), 29 — тарелка, 30 — стеклянная чашка, 31 — тарелка,
 32 — ойнохоя, 33 — амфора, 34 — ручки сосуда, 35 — кувшин, 36 — курильница.

Рис. 3. Склеп 649. Находки.

Погребение 1: 1 — фибула (бронза), 2 — астрагал (кость), 3 — браслет (бронза), 4 — бусина (стекло); 5 — гончарная ойнохоя (может относиться к погребению 1, 2 или 3).

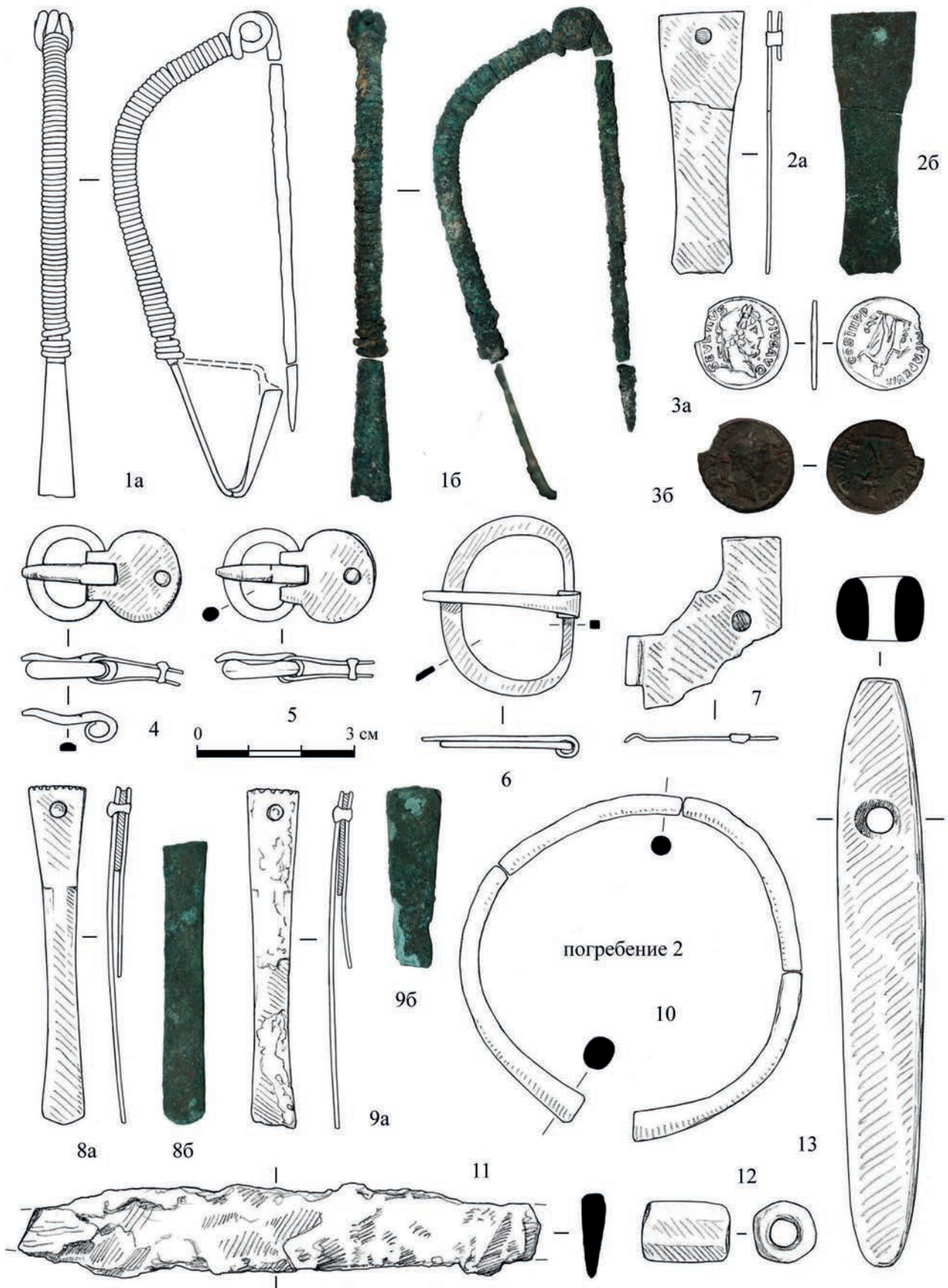

Рис. 4. Склеп 649. Находки. Погребение 2: 1 — фибула, 2 — наконечник ремня (?), 3 — монета, 4-6 — пряжки, 7 — фрагмент щитка пряжки (?), 8, 9 — наконечники ремней, 10 — браслет, 11 — нож, 12 — бусина, 13 — оселок (1-10 — бронза, 11 — железо, 12 — мел, 13 — песчаник).

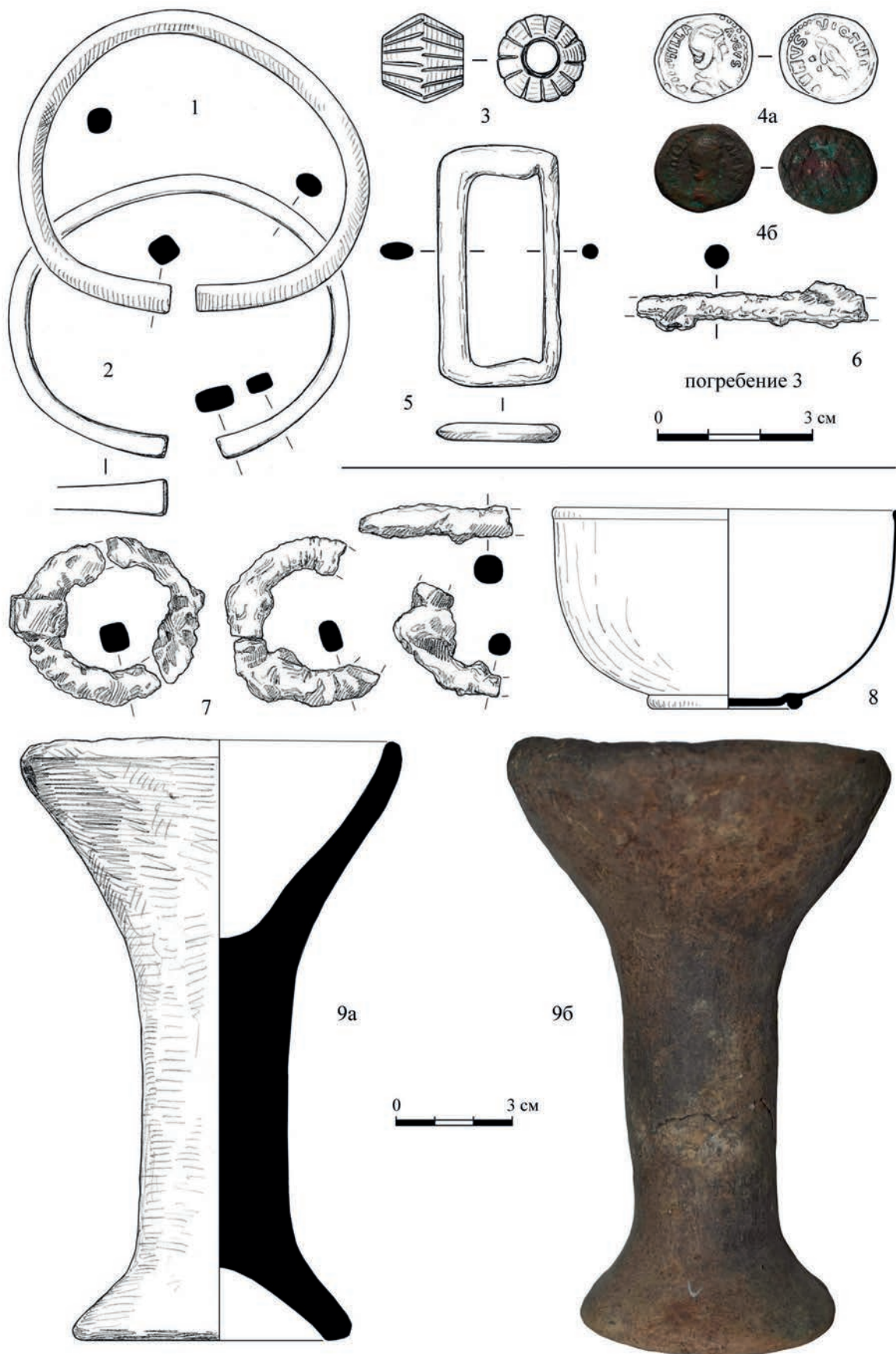

Рис. 5. Склеп 649. Находки. Погребение 3: 1, 2 — браслеты, 3 — бусина, 4 — монета, 5 — пряжка, 6 — шило; погребения 1-3: 7 — фрагменты удилища (?), 8 — чашка, 9 — лепная курительница (1-5 — бронза, 6, 7 — железо, 8 — стекло, 9 — глина).

Рис. 6. Склеп 649. Погребения 1-3: Краснолаковые сосуды:
1 — кувшин, 2 — чашка, 3, 4 — тарелки (1-4 — глина).

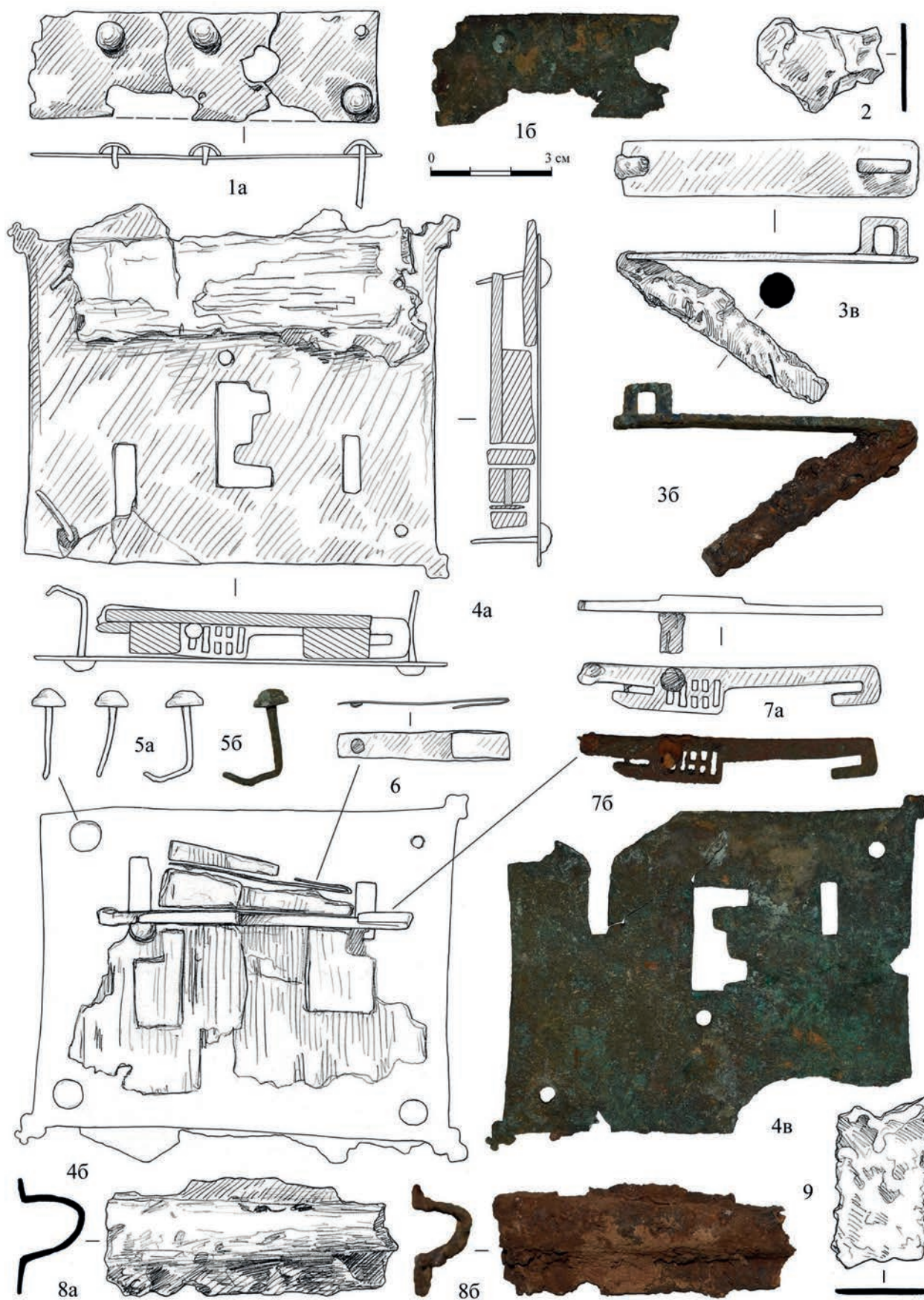

Рис. 7. Склеп 649. Находки. 1-7 — детали шкатулки, 8 — предмет из согнутой пластины, 3 — фрагмент пластины (1, 2, 5 — бронза, 3, 6, 7 — бронза, железо, 4 — бронза, с остатками древесины, 8, 9 — железо).

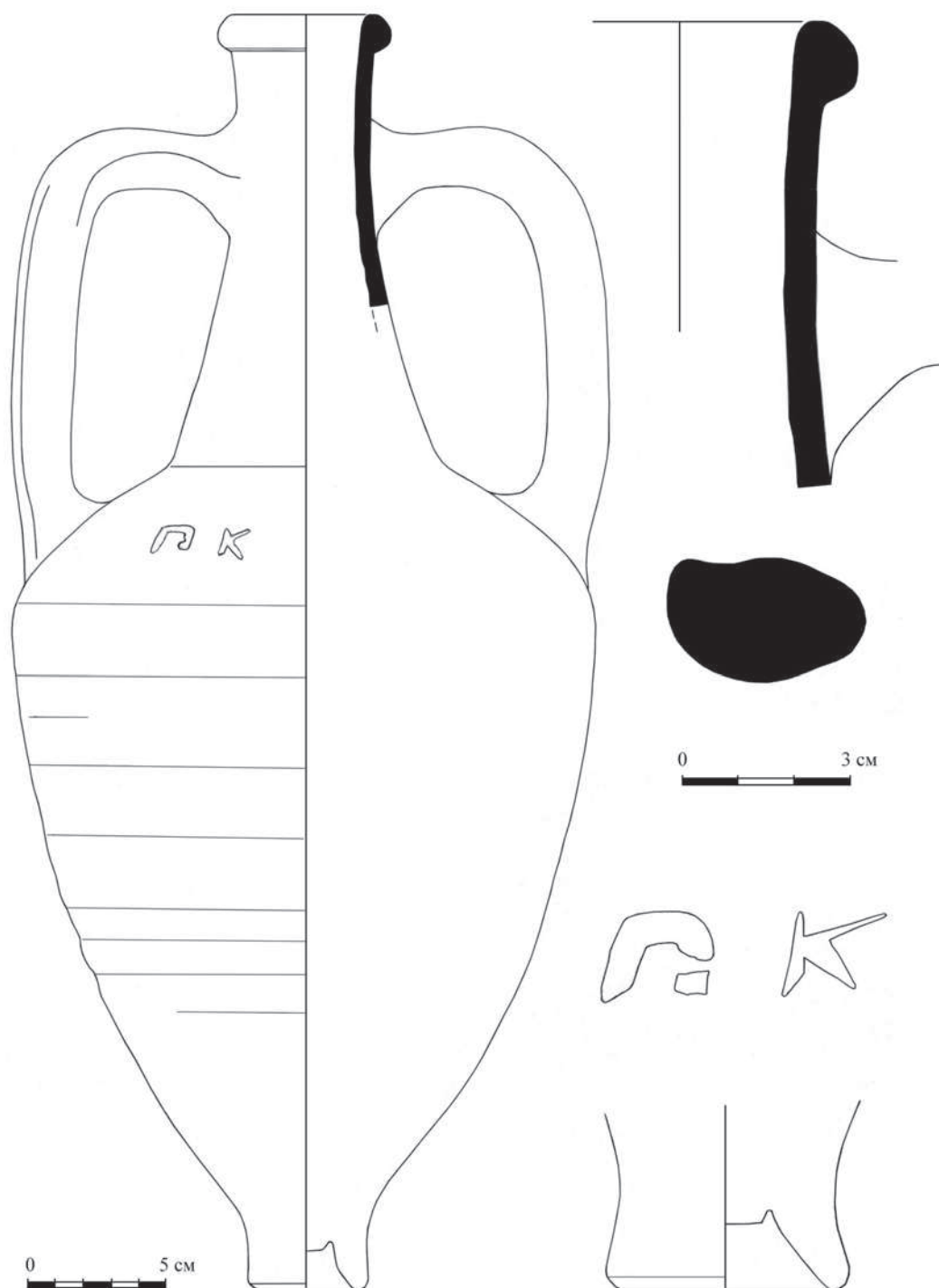

Рис. 8. Склеп 649. Погребения 1-3. Узкогорлая светлоглиняная амфора.

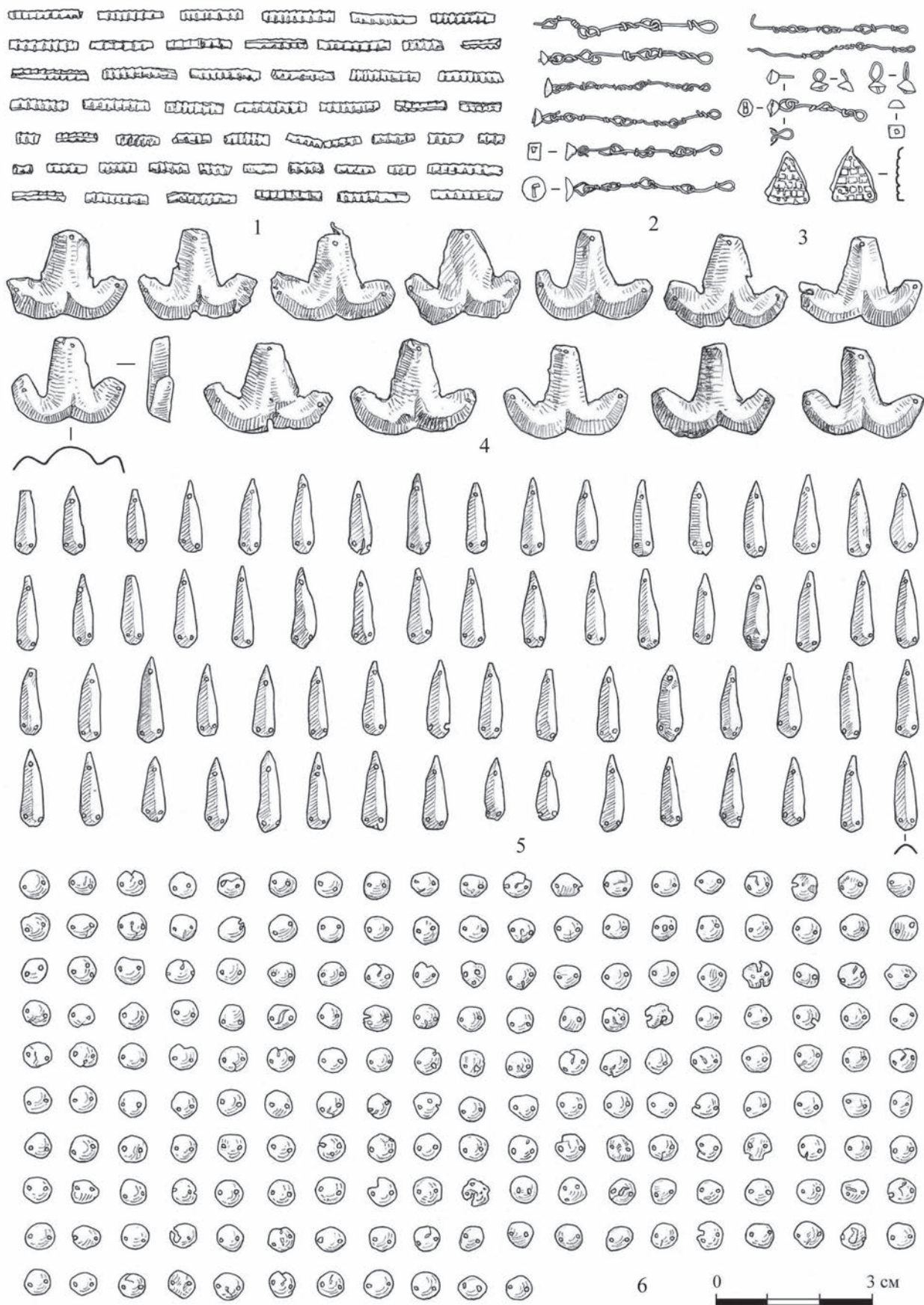

Рис. 9. Склеп 649. Находки.
Погребение 4: 1 — пронизи, 2 — цепочки с подвесками, 3-6 — бляшки (1-6 — золото).

Рис. 10. Склеп 649. Находки. Погребение 4: 1 — фрагмент вставки, 2 — бусы (а, б — стекло, сердолик, в — фаянс, г — агат), 3 — подвеска, 4, 5 — детали сосуда, 6 — гончарный флакон, 7, 8 — лепные курильницы (1 — стекло, 3 — серебро, 4, 5 — бронза, 6-8 — глина).

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

И.Е. Суриков

СОЧИНЕНИЕ ПСЕВДО-СКИМНА В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНЫХ ГРЕЧЕСКИХ ЖАНРОВ ПЕРИПЛА И ПЕРИЕГЕЗЫ¹

Автор, о котором далее пойдет речь, в общем-то, достаточно хорошо известен (в некоторых пассажах) отечественным антиковедам, особенно тем из них, кто занимается Северным Причерноморьем. В частности, без ссылок на него не обходится, например, ни одна работа об основании Херсонеса Таврического. Ведь одно из наиболее важных, ключевых античных свидетельств об этом событии содержится именно у Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn. 822–827 Müller); в нем речь идет о выведении названной апойки Гераклеей Понтийской при участии Делоса. В том же сочинении имеется и интересная информация (которую совершенно невозможно игнорировать), освещающая ряд вопросов истории региона Боспора Киммерийского. Иными словами, перед нами памятник весьма важный для специалистов по понтийским делам в античности.

А в то же время всерьез этим памятником в российской науке никто не занимался. Хотя, наверно, каждому из нас приходилось делать в своих исследованиях ссылки типа «Ps.-Scymn.» (иногда можно встретить также вариант “[Scymn.]”, также вполне имеющий право на существование) — и далее номер строки (или номера строк) по изданию Мюллера [Müller. 1855, p. 196–237] либо Диллера [Diller 1952, p. 165–176] (а в последнее время порой и по изданию Маркотта [Marcotte 2002, p. 104–149]). Но при всем том мало кто специально задумывался об этом античном писателе и, в частности, о том, почему имя «Скимн» в подобного рода ссылках обязательно (и вполне резонно) сопровождается оговоркой «Псевдо-».

С Псевдо-Скилаком (который, будучи тоже одним из античных географов, неизбежно —

«по аналогии» — вспоминается в связи со Псевдо-Скимном) все как раз значительно проще. Скилак Кариандский, живший в VI в. до н. э., упоминается еще Геродотом (IV. 44). Это достаточно известный представитель раннегреческой исторической и географической науки. Дошедший до нас перипл, связывавшийся в античности обычно с именем Скилака, а ныне фигурирующий в изданиях как «перипл Псевдо-Скилака», в его окончательном виде относится к IV в. до н. э.; кто на самом деле подготовил этот окончательный вариант — неизвестно. Тем не менее практически несомненно, что в него вошли (пусть даже в виде, в той или иной степени измененном) «куски» из подлинного сочинения Скилака. В любом случае Скилак был авторитетом, и не удивительно, что кто-то поставил его имя под своим трудом. В античности подобный «плагиат наоборот» относился к достаточно распространенным явлениям.

Псевдо-Скимн — совсем другое дело. Тот текст, которому посвящена данная статья, в античности никем с именем Скимна не связывался. Оговорим сразу, что эллинистический автор Скимн Хиосский действительно существовал. Время его литературного творчества падает на первую четверть II в. до н. э.; он принадлежал к кругу так называемых «малых греческих географов». Скимн написал некую «Периегезу» — в прозе, на ионийском диалекте (вероятно, подражая архаическим историкам и географам в духе Гекатея Милетского). Это произведение состояло как минимум из 16 книг, но сохранилось лишь 9 небольших фрагментов (их публикацию и необычайно детальную для энциклопедического жанра трактовку см. в статье [Gisinger 1927, col. 664–671]).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта 18-09-00486.

В XVII веке издатель Л. Гольштейн, публикуя древнегреческий ямбический текст географического содержания, почему-то обозначил его как сочинение Скимна Хиосского; с этого-то и пошла данная ложная традиция. Ошибка была изобличена довольно быстро. Действительно, совершенно ясно, что в перипле Псевдо-Скимна упоминаются некоторые события, о которых никак не мог знать «настоящий» Скимн. Например, о династии Атталидов в Пергаме говорится как об уже закончившейся. В тексте содержится упоминание о «Хронике» Аполлодора Афинского, что в случае авторства Скимна было бы совершенно исключено. Можно было бы привести и ряд других примеров, относящихся к содержанию памятника, но, думается, вышеупомянутых вполне достаточно. Далее, Скимн, как упоминалось выше, писал прозой, а в данном случае перед нами поэма (хотя, строго говоря, ничто, кроме стихотворного размера, поэмой ее не делает). Дабы как-то скоррелировать сложившееся обыкновение связывать интересующее нас произведение со Скимном Хиосским и совершенную очевидность того факта, что оно на деле Скимну не принадлежит, и стали называть автора Псевдо-Скимном. Кто на самом деле был этим автором — сказать действительно невозможно. Высказывались, конечно, разные гипотезы. О. Диллер настойчиво на протяжении многих лет (один из последних примеров — [Diller 1983, p. 137–148]) доказывал, что в действительности таковым следует считать некоего Павсания Дамасского; с Диллером безоговорочно согласился Х. Хабихт [Хабихт 1999, с. 121].

Но это вызывает сильные сомнения. О Павсании Дамасском практически ничего не известно, сама его идентичность под сомнением, равно как и время жизни. Его иногда даже отождествляют со знаменитым периегетом Павсанием — автором «Описания Эллады», который, как известно, являлся выходцем с эллинистического Востока (к этой проблеме см. [Fratesantonio 2009, S. 9]). Такое отождествление, впрочем, не представляется верным, тем более что имя Павсаний у античных греков было достаточно распространенным.

Новейший издатель труда Псевдо-Скимна Д. Маркотт (на его издание мы ссылались чуть выше) выдвинул гипотезу, согласно которой автором этого произведения был не кто иной, как вышеупомянутый Аполлодор

Афинский (ок. 180–110 гг. до н. э.) — знаменитый филолог-эрудит, один из крупнейших представителей эллинистической учености, прославившийся прежде всего своей «Хроникой». Однако это представляется крайне маловероятным и даже, пожалуй, исключенным. Достаточно упомянуть, что в интересующем нас сочинении (Ps.-Scymn. 16 sqq.) «Хроника» Аполлодора фигурирует как творение *другого* писателя. Справедливо поэтому Б. Браво, автор последнего по времени монографического исследования о Псевдо-Скимне [Bravo 2009], отвергает тезис Маркотта и делает вывод, что Псевдо-Скимн тоже был афинянином, но это, в плане идентификации, все, что мы можем сказать.

Также относительно недавно появилась книга о Псевдо-Скимне, написанная болгарским ученым К. Бошнаковым [Бошнаков 2007]. Автор ее выдвигает весьма оригинальную гипотезу: дескать, интересующее нас сочинение было создано около 120 г. до н. э. (при вифинском царе Никомеде III) малоизвестным греческим писателем Семом Делосским. Датирован тут памятник, в общем-то, достаточно правильно (о времени написания трактата см. ниже), но вот относительно авторства встает куда больше вопросов. Сам К. Бошнаков пишет о предложенной им идентификации с очень большой уверенностью [Бошнаков 2007, p. 61], однако нам эту уверенность разделить трудно. Никаких прямых данных в пользу отождествления Псевдо-Скимна с Семом Делосским не имеется (о Семе вообще почти ничего не известно), а косвенные доводы, приводимые Бошнаковым, выглядят скорее слабыми. Достаточно упомянуть вот о чем. «Наиважнейшим», «решающим» доказательством своего тезиса болгарский антиковед называет следующий [*ibid.*, p. 55]: Сем Делосский, по свидетельству византийского словаря «Суда», написал, помимо прочего, труд Περίοδοι в двух книгах, а произведение Псевдо-Скимна, вероятно, называлось, тоже Περίοδοι (хотя это всего лишь догадка) и также состояло из двух книг («Европа» и «Азия»). Если настолько несерьезен *самый сильный* из аргументов К. Бошнакова, читатель сам может судить, чего стоят остальные.

Вряд ли попытки идентифицировать автора перипла Псевдо-Скимна когда-либо приведут к успеху. В нашем распоряжении слишком мало

данных. Из самого сочинения можно сделать только вывод о времени его создания (да и этот вопрос нельзя считать однозначно решенным, см. ниже), но не о личности писателя. Перед нами — анонимное древнегреческое произведение. Но, коль скоро писать просто «труд, принадлежащий анониму» было бы слишком абстрактно и расплывчато (мало ли в античности было анонимов!), представляется вполне резонным (как «наименьшее зло») удерживать традиционное обозначение «Псевдо-Скимн» (несмотря даже на то, что в действительности памятник, повторим, к Скимну никакого отношения не имеет и предположение о наличии такого отношения было совершенно ошибочным). Это делает сразу ясным для всех, о каком именно тексте идет речь.

Что можно сказать о жанровой принадлежности интересующего нас источника? Она достаточно своеобразна. Если говорить пока в максимально общих чертах, то перед нами — географический трактат, написанный стихами. Такое в античности делали не так уж и часто. Сочинения по географии начали появляться у эллинов весьма рано, столь же рано, как и исторические. Собственно, две науки росли как «близнецы-братья» [Engels 2007; Engels 2008; Engels 2009; Romm 2010; Juchnevičienė 2012; Bucciattini 2016] начиная уже с Гекатея Милетского, однако писали и историки, и географы, как правило, прозой.

Пожалуй, в качестве ближайшей параллели Псевдо-Скимну можно упомянуть «Описание ойкумены» Дионисия Александрийского (Дионисия Периегета). Однако последнее было написано много позже (во II в. н. э.), да к тому же в гекзаметрах, то есть в ином стихотворном размере по сравнению с Псевдо-Скимном (последний писал ямбическими триметрами в их «комическом» варианте, как он и сам оговаривает). В качестве образца, на который он ориентировался, наш автор эксплицитно упоминает «Хронику» Аполлодора — сочинение, правда, не географическое, а историческое, но написанное тем же «комическим стихом»; эта особенность и привлекла в первую очередь внимание Псевдо-Скимна, ей он и подражает.

Труд Псевдо-Скимна называют то периплом, то периегезой; в сущности, ни одно из этих двух определений не является ошибочным, и они в данном конкретном случае не противоречат друг другу. Чтобы наша мысль

стала яснее, позволим себе экскурс в тематику общего характера.

Представители древнегреческой географической науки использовали два основных вида текстов, которые можно охарактеризовать, соответственно, как теоретико-географические и описательные (дескриптивные). Крупнейшим автором первых был знаменитый ученый Эратосфен Киренский (см. о нем и значении его трудов: [Möller 2005; Bianchetti 2016]), вычисливший окружность земного шара и сделавший много других замечательных открытий; но как раз произведения такого рода почти не содержат (по понятной причине) данных по истории как таковой и поэтому редко используются историками-антиковедами в качестве источника.

Впрочем, даже среди дескриптивных текстов приходится делать дальнейшее разделение. Так, Клавдий Птолемей в своем географическом труде тоже практически не дает исторического материала, поскольку его интересует совсем другое — максимальное уточнение местоположения того или иного пункта. Его данные могут быть весьма ценными и для историков, но чаще всего они служат предметом узкоспециальных штудий, — как правило, сугубо историко-географического характера.

Нас же в данной статье интересуют прежде всего памятники, относящиеся к двум тесно связанным жанрам: периегезе и периплу. Различие между ними, по большому счету, только в том, что в первом жанре описывался тот или иной путь по суше, во втором — по морю. Соответственно, авторов периегез (периегетов) иногда называют «гидами», а авторов периплов — «лоцманами». Такого рода определения, понятно, следует воспринимать только метафорически (подробнее см.: [Подосинов 1998]).

В периегезах уделяется большее внимание событиям прошлого, поскольку в них при описании городов и местностей постоянно идет речь о памятниках истории и культуры; в периплах же интерес к прошлому проявляется в существенно меньшей степени, поскольку писались они в первую очередь для мореходов, которым важнее было знать, где лучше причалить, а не где осмотреть достопримечательности (см. о формировании и развитии жанра перипла в целом: [González Ponce 1998]).

Крупнейшим греческим периегетом, так сказать, классиком жанра был Павсаний, жив-

ший во II в. н. э.² Впрочем, во многом он воспринимается нами в качестве такового потому, что его сочинение «Описание Эллады» — самая большая по объему периегеза из числа тех, которые дошли до нас полностью. Строго говоря, в последнем твердой уверенности нет. Существуют и мнения, согласно которым либо мы все-таки не имеем ее полного текста, либо же автор по каким-то причинам не довел свой труд до конца. Дело в том, что в нем изложена информация не обо всей Элладе, а лишь о Южной Греции (Пелопоннес) и части Средней (Аттика, Беотия, Фокида). Совершенно не затронуты области, лежавшие севернее и северо-западнее (в том числе важная в историческом и культурном отношении Фессалия), а также острова Эгейского моря и заселенные греками земли на его восточном побережье, — при том, что мы ныне воспринимаем эти территории как неотъемлемую, интегральную часть эллинского культурного ареала (при этом часть весьма значимую, вспомним хотя бы Ионию!). Может быть, Павсаний считал иначе? Вопрос придется оставить открытым.

Как бы то ни было, его произведение является одним из самых ценных нарративных источников по античной истории. Павсаний не был ни географом, ни историком в строгом смысле слова. Наиболее корректно было бы назвать его именно путешественником — достаточно эрудированным и, главное, любознательным. Неумоимо, с большой охотой странствовал он по различным регионам Греции, максимально пристально всматриваясь и запоминая все, что он увидел и услышал, будь то древние памятники архитектуры, скульптуры, живописи либо рассказы местных жителей о событиях отдаленного или более близкого прошлого.

Исторические воззрения Павсания весьма просты и незамысловаты (см. краткую, но полезную характеристику: [Маринович, Коше-

² Павсаний, разумеется, также относится к числу авторов, отнюдь не обойденных вниманием исследователей. Укажем несколько достаточно новых работ о нем, представляющихся нам интересными: [Habicht 1984; Frateantonio 2009; Pirenne-Delforge 2010; Aukjärvi 2012]. В отечественной историографии Павсанием занимался Г. П. Чистяков, в 1983 г. посвятивший ему кандидатскую диссертацию «Павсаний как исторический источник» [Чистяков 1983.], которая не была опубликована в виде отдельной книги. Упомянутый ученый считал, что Павсаний являлся нетипичным периегетом и поэтому его труд нельзя рассматривать в качестве образца данного жанра.

ленко 1994]); к получаемой им информации он относился зачастую без подобающей критики, порой принимая на веру различные вымыслы. Однако его несколько наивное повествование несет в себе безусловную прелесть и очарование, оставляет впечатление, несколько схожее с трудом Геродота. Павсаний страстно влюблен в древность, и это у него проявляется буквально во всем. Так, наиболее подробно и тщательно он описывает самые старинные города, храмы, архаичные статуи, связанные с ними легенды.

Что же касается жанра перипла, то он возникает в Греции, как минимум, так же рано, как жанр периегезы, если не раньше. Это и не удивительно, учитывая, что эллины, особенно на ранних этапах своей истории, были по понятным причинам больше ориентированы на морские, а не на сухопутные путешествия. «С самого начала греческая география в равной мере представляла собой и *талассографию*» [Janni 2016, p. 21]. Первый перипл был составлен Скилаком Кариандским на рубеже VI–V вв. до н. э. Но, как нами отмечалось уже и выше, он, к великому сожалению, до нас не дошел, а тот труд, который известен как «Перипл Псевдо-Скилака», появился на свет веком (или более) позднее, хотя его неизвестный по имени автор, похоже, активно использовал данные самого Скилака.

Итак, обычно считается, что авторы периегез движутся по суше, авторы периплов — по морю. И в целом, безусловно, это соответствует действительности. Возвращаясь к Псевдо-Скимну, отметим, что он описывает известные ему места, исходя из их расположения на морских побережьях. В этом плане его произведение — перипл. Но тут нужно помнить, что греки, мыслившие всю свою жизнь только в связи с морем и никак иначе, только так и могли описывать обширные регионы ойкумены. Тем более, когда речь шла о средиземноморском бассейне — а ведь именно он является главным предметом интереса для нашего автора (во всяком случае, если судить по дошедшей части его сочинения; мы, конечно, не знаем, по какой модели он рассказывал — и рассказывал ли вообще, — например, о внутренних районах Азии).

С другой стороны, иногда (хотя не часто) Псевдо-Скимн все-таки отклоняется от своего морского маршрута в глубину материка, — в частности, когда повествует о земле кельтов или скифов. Приоритетное же его обращение к побережьям обусловлено, в числе прочего,

и тем обстоятельством, что он хочет осветить прежде всего тему колоний; последние же (особенно если иметь в виду греческие колонии) находились, как всем прекрасно известно, почти исключительно у самого моря или поблизости от него. Представляется, что определять произведение Псевдо-Скимна как периегезу было бы в каких-то отношениях даже точнее.

Это покажется еще более верным, если сопоставить данный памятник с более типичными текстами в жанре перипла. Периплы ведь не случайно часто называют античными лоциями. Обычно они содержат достаточно сухое изложение неких фактов, интересных и важных прежде всего для мореходов. В них поэтому наличествует скрупулезное перечисление расстояний между прибрежными пунктами (причем даются эти расстояния с немалой степенью точности, в стадиях), а также встречаются указания на очертания береговой линии и т. п.

Ничего подобного у Псевдо-Скимна мы не найдем. Так, цифры расстояний почти полностью отсутствуют. Античные капитаны и лоцманы никак не могли бы пользоваться данным трудом для своих нужд; да не для них он и предназначен. В качестве своей потенциальной аудитории автор видит широкий круг образованной читающей публики своей эпохи. Соответственно, он прежде всего стремится блеснуть разнообразной эрудицией. Уже во вступлении он дает длинный список источников, которыми пользовался при написании поэмы, прибавляя, что и лично побывал во многих местах, которые описывает. Нужно сказать, что эрудиция Псевдо-Скимна достаточно хаотична (и в этом он является типичным представителем круга второстепенных эллинистических ученых), и подчас какие-нибудь второстепенные, малозначимые нюансы интереснее ему, чем более важные подробности.

В целом перед нами, в общем-то, лишь сухой массив информации. Повторим, что истинно поэтического в сочинении мало. Лишь крайне редко встречаются более или менее оригинальные художественные образы (например, при описании вулкана на Липарских островах). Гораздо более живо написано (хотя является прозаическим), например, другое сочинение географически-дескриптивного жанра эллинистической эпохи — периегеза Гераклида Критика, о которой мы сейчас для сравнения скажем несколько слов.

Труд Гераклида (первая половина III в. до н. э.) «О городах в Элладе», сохранившийся лишь фрагментарно, имеет некоторые черты подлинной уникальности. Не случайно так высоко оценил его величайший филолог-классик У. фон Виламовиц-Меллендорф [Wilamowitz-Moellendorff 1881, S. 165]: «Несколько страничек из описания греческих городов, составленного Гераклидом, который своим эпитетом критикὸς демонстрирует принадлежность к «критической школе», по непосредственной живости изложения почти не имеют равных в греческой литературе». И слова Виламовица тем более знаменательны, что гораздо чаще он, тончайший ценитель античной словесности, позволял себе куда более нелицеприятные суждения по адресу того или иного ее представителя. Но Гераклид по справедливости заслужил столь высокую оценку; это — автор, повторим без преувеличений, уникальный и поразительный.

Практически вторит Виламовицу Х. Хабиخت, крупнейший современный специалист по истории эллинистических Афин, при этом, правда, указывая и на «другую сторону медали»: «Сочинение полно очень личностных суждений, часто афористичных или пародийно заостренных высказываний, придающих ему необычайную живость, однако именно поэтому не раз вызывающих (так в переводе. — *Ред.*) сомнения во взвешенности оценок» [Хабиخت 1999, с. 170].

Самое парадоксальное, однако, заключается в том, что о столь интересном, неординарном писателе ровным счетом ничего не известно (как, кстати, и о Псевдо-Скимне) — ни место рождения, ни сколько-нибудь точное время жизни, ни какие-либо иные биографические данные. Перед нами, так сказать, *nomē nudum* (да еще нужно учитывать, что само это имя — распространенное до банальности в древнегреческой культурной среде), разве что сопровождаемое эпитетом «критик» (критикὸς), — кстати, тоже не вполне ясным.

Поэтому случается, что принимают чтение Κριτικὸς (т. е. не Гераклид Критик, а Гераклид Критский), например, в [Peggin 1994]; но оно куда менее вероятно. Во-первых, хотя прилагательное Κριτικὸς существует, но в сочетании с антропонимом было бы уместнее Κρίης. Во-вторых, что еще более важно, этникон при имени указывал обычно на полисную принадлежность имярека, а полиса Крит, как извест-

но, никогда не существовало. Если бы Гераклид действительно был родом с Крита, то он, надо полагать, обозначался бы, допустим, как кноссянин, гортинец и т. п., то есть по своему полису. Разумеется, из всякого правила есть свои исключения (вспомним хотя бы тезку нашего автора — более знаменитого Гераклида Понтийского, чей этникон противоречит любым нормам). Но все же впредь будем именовать Гераклида, о котором идет речь, Критиком — это представляется нам более обоснованным.

Три довольно больших фрагмента из труда Гераклида «О городах в Элладе», составляющих, насколько можно судить, значительную часть этого сочинения (хотя и не дающих о нем исчерпывающего представления) сохранились в двух рукописях³: в одной — фрагменты 1 и 3, в другой — фрагмент 2, конец которого коррелирует с началом фрагмента 3, что позволяет установить правильную последовательность изложения.

В прошлом фрагменты, о которых идет речь, принято было приписывать известному перипатетику Дикеарху, автору «Жизни Эллады» (утрата этого труда, как неизбежно приходится констатировать, является одной из наиболее болезненных для антиковедения). Именно такая атрибуция встречается в классическом издании К. Мюллера «Малые греческие географы» [Müller 1855, p. 97–110]. Позже, однако, на основании ссылок у других писателей было установлено авторство Гераклида Критика.

Время написания труда может быть определено лишь с некоторой степенью приближенности. Вполне ясен *terminus post quem* — 294 г. до н. э., когда была основана Деметриада, поскольку этот город упоминается в тексте. Что же касается *terminus ante quem*, то мы согласны с А. Аренцем, что таковым должна служить Хремонидова война, начавшаяся ок. 267 г. до н. э. Более точных хронологических рамок, вопреки тому же Аренцу, мы не стали бы пытаться устанавливать. В любом случае трактат-периегеза «О городах в Элладе» был создан в первой половине III в. до н. э.

Иными словами, перед нами — текст, относящийся к эпохе раннего эллинизма, что уже

³ Подробно не останавливаемся на истории рукописного текста, поскольку этот вопрос (как и многие другие) подробно освещен в недавнем фундаментальном исследовании о труде Гераклида, к которому и отсылаем желающих знать детали [Arenz 2006].

само по себе делает его весьма примечательным памятником, ибо нарративные источники, датирующиеся этим временем, вообще говоря, в дефиците.

Предпринимались попытки отождествить нашего Гераклида с каким-нибудь другим носителем этого имени. Назывались, в частности, такие лица, как перипатетики Гераклид Понтийский (впрочем, этот вариант исключен по хронологическим соображениям) или Гераклид Лемб. Последнее предположение выглядит достаточно интересно, но его верификации препятствует то, что о Гераклиде Лембе мы тоже не имеем практически никаких биографических данных (одна из немногих работ о нем: [Bloch 1940]).

В любом случае принадлежность Гераклида Критика к перипатетической традиции сомнений не вызывает. Об этом достаточно явственно свидетельствуют такие, например, черты, восходящие к Аристотелю и Теофрасту, как повышенное внимание к этической проблематике, понимаемой в классификационном смысле — как описание свойств различных характеров, а также интерес к ботаническим сюжетам.

Весьма занятно, что три дошедших фрагмента Гераклида не похожи друг на друга, и если бы не было твердо известно, что они принадлежат к одному и тому же труду, это и в голову никому не могло бы прийти. Фрагмент 1 представляет собой периегезу Аттики, Восточной Беотии и части Евбеи; фрагмент 2 — подробное описание горы Пелион и ее природных богатств (особенно детально говорится о лекарственных растениях); фрагмент 3 — довольно наивная апология фессалийцев (к числу которых, возможно, принадлежал автор), сводящаяся к попытке продемонстрировать, что Фессалия и есть исконная Эллада, а, следовательно, ее жители являются, как минимум, полноценными эллинами.

Наиболее знаменателен, безусловно, фрагмент 1 — он же и самый пространственный из трех (собственно, благодаря ему-то наш автор и получил все те похвалы, которые приводились выше). Этот отрывок для любого, кто знакомится с ним, совершенно ломает традиционное представление о самом периегетическом жанре античных греков [Perrin 1994, p. 197] — то впечатление, которое складывается обычно на основе чтения известнейшего представителя данного жанра, Павсания.

В труде этого последнего, типичного представителя «Второй софистики», прежде всего бросаются в глаза благородная, архаизирующая сдержанность и внимание преимущественно к памятникам культуры и искусства, особенно к древнейшим из них. Люди как таковые, насколько можно судить, Павсания не слишком-то интересуют (во всяком случае, если иметь в виду людей настоящего, а не прошлого, которое столь дорого автору «Описания Эллады» и в которое он постоянно погружен).

Гераклид Критик являет резкий контраст вышеописанному. Во-первых, он-то как раз живет не минувшим, а своим временем. Во-вторых, для него наиболее важны именно люди — люди различных городов Эллады, со всеми своими характерными особенностями. К памятникам же он довольно холоден, говорит о них весьма редко и как будто с неохотой. Зато порой не упускает случая упомянуть о том, какие развлечения ждут проезжего в той или иной местности.

В этом смысле, кстати, текст Гераклида несравненно больше по сравнению с Павсаниевым напоминает нынешние коммерческие путеводители, ориентированные отнюдь не на знатоков, влюбленных в искусство и старину, а на праздного путешествующих, желающих легкого и приятного времяпрепровождения. В любом случае не приходится сомневаться, что сочинение «О городах в Элладе» отражает более раннюю стадию развития жанра периегезы по сравнению с «Описанием Эллады» Павсания.

«Гераклид описывает Афины как город в состоянии глубокого покоя», — справедливо замечает Хабиخت [Хабиخت 1999, с. 171]. Сказанное верно также и по отношению к другим городам Эллады, как они изображены нашим автором. Данное обстоятельство пытались даже использовать в качестве датирующего критерия, исходя из того, что периегеза Гераклида составлялась в период, когда в Греции не было никаких войн и конфликтов, иначе они нашли бы отражение в тексте.

Однако суждения такого рода представляются чрезмерно категоричными. Дело скорее в том, что жанровая принадлежность произведения во многом определяет его конкретное содержание. Подчеркнем: перед нами — не исторический труд, а путеводитель, зачем бы в нем было вести речь о войнах, даже если таковые и имели место? Возьмем современный путево-

дитель, допустим, по Кипру: вряд ли там будет акцентироваться конфликтная ситуация между греческой и турецкой частями острова. К чему отпугивать потенциальных туристов, сообщая не самые приятные подробности?

Итак, сведений о политических событиях в приводимом сочинении мы не найдем. Тем не менее существует мнение, что трактат «О городах в Элладе» — произведение все-таки политизированное, но проявляется это в ином. А именно в тех самых знаменитых гераклидовских характеристиках граждан различных греческих полисов. Характеристики эти предельно пристрастны и эмоциональны, а главное — односторонни до карикатурности, в чем может проявляться политическая тенденциозность автора.

По своему стилю трактат «О городах Эллады» имеет явственную риторическую окраску. Уже при беглом взгляде заметно, что Гераклид — приверженец стилистического направления азианизма в его «сентенциозной» разновидности.

При всей живости и прихотливости изложения во фрагменте 1 все-таки прослеживается некая основная схема, которой автор по большей части пользуется, описывая ту или иную местность. Последовательность, как давно уже было замечено, имеет такой вид:

1. Пункт, откуда путешествующий прибывает в данный город, расстояние в стадиях.
2. Характер пути.
3. Город: а) расположение, общий вид; б) улицы и дома; в) общественные здания.
4. Природные богатства местности (в самом широком смысле, от плодородия земли до обеспеченности водой).
5. Жители, их занятия, характер и т. п.
6. Стихотворные цитаты, подтверждающие характеристику города.

Цитаты подобного рода, правда, не обязательны, но все же встречаются весьма часто, это — один из характерных признаков стиля Гераклида Критика. Цитируемые поэты достаточно разнообразны (тут и Гомер, и Софокл с Еврипидом), но все-таки решительно преобладают фрагменты из комедий, что, возможно, отражает особенности вкуса автора. Или — не менее вероятно — дело в том, что комедиографы лучше всего отражали именно реалии современности, столь привлекавшие Гераклида.

Повествование же в сочинении Псевдо-Скимна, повторим, является более сухим, хотя формально это и стихи. Отметим, возвра-

щаясь к проблеме жанровых характеристик (и затрагивая связанный с этим вопрос о манере изложения), что как для периегез, так и для периплов характерен был так называемый годологический способ репрезентации пространства, в рамках которого оно изображалось в виде некоего пути (ὁδός). Произведение Псевдо-Скимна — не исключение, а, напротив, в полной мере подтверждение этого правила. Описание ойкумены у нашего автора совершенно годологично, что ведет, кстати, к характерным искажениям. Так, у него получается, будто бы Понт Евксинский и Адриатическое море отделены друг от друга всего лишь истмом (перешейком). В действительности же между этими водными бассейнами находится северная, самая широкая часть Балканского полуострова. Предпосылкой подобной аберрации является, несомненно, годологический подход, в контексте которого пространства внутри материка, не подлежащие описанию, оказывались просто иррелевантными. Кстати, что-то подобное имеем у Геродота, сильно преуменьшающего ширину Малой Азии (подробнее см. [Суриков 2011, с. 280–293]).

Можно ли сказать что-либо конкретное о времени написания трактата? В качестве его главного адресата, которому посвящено сочинение, выступает вифинский царь Никомед. В истории Вифинии имелись четыре монарха, носившие это имя. В данном случае можно, само собой, заведомо исключить Никомеда I (правил в 280–255 гг. до н. э.); обычно не рассматривается и вариант с Никомедом IV (правил в 95–74 гг. до н. э.). Остаются, соответственно, Никомед II (правил в 149–127 гг. до н. э.) и Никомед III (правил в 127–95 гг. до н. э.). Из них выбор обычно делается в пользу Никомеда III, и нельзя не признать, что эта точка зрения действительно представляется наиболее вероятной. Однако стопроцентно доказанной ее все-таки считать нельзя; в результате иногда (как, например, в недавнем издании Псевдо-Скимна, предпринятом Д. Маркоттом) рассматривается и вариант с Никомедом II. Как бы то ни было, выходит, что перед нами памятник, датирующийся второй половиной II в. до н. э., причем скорее четвертой, нежели третьей четвертью этого столетия.

Произведение (в том виде, как оно дошло до нас) имеет следующую структуру: вначале вступление, в котором автор характеризует

принимаемые им общие принципы изложения и перечисляет свои источники, а затем основная часть, делящаяся на две главы — «Европа» и «Азия». Было ли в конце еще и заключение — мы не знаем. Дело в том, что поэма сохранилась не полностью. До строки 747 идет связный текст (лишь с несколькими небольшими лакунами), а вот далее в нашем распоряжении лишь ряд разрозненных фрагментов, почерпнутых из цитат у более поздних писателей.

С содержательной же точки зрения полностью дошедший текст включает вступление (до строки 138) и большую часть главы «Европа», куда входит рассказ о местностях от Гибралтарского пролива до понтийской Месембрии и горы Гем. Фрагменты же освещают («по часовой стрелке») побережья Черного моря. Уже в рамках фрагментарной части поэмы заканчивается глава «Европа» и начинается глава «Азия» (со ст. 874 Müller = 875 Diller), от которой, получается, дошло лишь начало. Самые последние фрагменты относятся к региону Вифинии.

Тут перед нами, между прочим, тоже некая загадка. Почему сохранилось достаточно много «понтийских» фрагментов Псевдо-Скимна, но при этом *ни одного* фрагмента, повествующего о тех местностях, которые должны были бы следовать дальше по ходу изложения? Таковыми, по логике, должны были быть: западное и южное побережья Малой Азии, затем Сирия с Финикией, Египет, Ливия... В общем, вплоть до Гибралтарского пролива, с которого автор начал — с тем, чтобы, совершив «полный оборот», к нему вернуться. Именно так писались периплы и периегезы, начиная уже с Гекатея Милетского. Однако же о перечисленных странах в сочинении Псевдо-Скимна мы не имеем ни слова. Видимо, нельзя исключать того, что трактат Псевдо-Скимна по тем или иным причинам вообще не был завершен.

Оценки «Описания земли» как источника не единообразны. Встречаются, в частности, и достаточно уничижительные суждения, например: «Автор... мало чего стоит, за исключением сведений об Евксинском Понте, лигурийском и испанском побережьях, а также греческих колониях» [Warmington 1976, p. 968]. Но ведь это уже немало!

Кстати заметим, что нет особого смысла характеризовать тот или иной источник как абстрактно «ценный» или «малоценный». Любой

источник ценен (или, соответственно, малоценен) *для кого-то*. Например, для историка последнего века Римской республики записки Цезаря, речи и письма Цицерона имеют колоссальное значение; а, например, автору этих строк, в чей круг интересов входят совершенно иные сюжеты, весьма редко приходится обращаться к этим памятникам. Если смотреть с этой точки зрения, сочинение Псевдо-Скимна весьма важно в источниковом плане, в частности, для исследователей Причерноморья, которых особенно много в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Бошнаков К. Псевдо-Скимнос или Семос от Делос: Проучвания върху сведенията на елински автори за Западния Понт. София, 2007. IX, 263 с.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Павсаний: жизнь и творчество // Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., 1994. С. I–XXII.
- Подосинов А. В. Античная картография (факты и проблемы) // ВИ. 1998. № 8. С. 61–70.
- Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. 504 с.
- Хабихт Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. 416 с.
- Чистяков Г. П. Павсаний как исторический источник: Автореф. дисс.... к. и. н. М., 1983. 144 с. URL: <http://simposium.ru/ru/book/export/html/14455> (дата обращения: 09.12.2019)
- Akujärvi J. Pausanias // Jong I. J. F. de (ed.). Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative. Leiden; Boston, 2012. P. 235–255.
- Arenz A. Herakleides Kritikos «Über die Städte in Hellas»: Eine Periegesis Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges. München, 2006. 276 S.
- Bianchetti S. The «Invention» of Geography: Eratosthenes of Cyrene // Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition. Leiden; Boston, 2016. P. 133–149.
- Bloch H. Herakleides Lembos and his Epitome of Aristotle's Politeiai // TAPA. 1940. Vol. 71. P. 27–39.
- Bravo B. La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la second moitié du IIe siècle av. J.-C. Leuven, 2009. XXIV, 268 p.
- Bucciantini V. Geographical Description and Historical Narrative in the Tradition of Alexander's Expedition // Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition. Leiden; Boston, 2016. P. 98–109.
- Diller A. Studies in Greek Manuscript Tradition. Amsterdam, 1983. VII, 495 p.
- Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952. X, 200 p.
- Engels J. Demetrios von Kallatis «Über Asien und Europa» (FGrHist 85 F 1–6): Universalhistorie und Kulturgeographie zwischen Ephoros und Strabon // Rathmann M. (ed.). Studien zur antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 2009. S. 163–178.
- Engels J. Geography and History // Marincola J. (ed.). A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. 2. Oxford, 2007. P. 541–552.
- Engels J. Universal History and Cultural Geography of the Oikoumene in Herodotus' Historiiai and Strabo's Geographika // Pigoń J. (ed.). The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 144–161.
- Frateantonio C. Religion und Städtekonkurrenz: Zum politischen und kulturellen Kontext von Pausanias' Periegesis. Berlin; New York, 2009. VIII, 295 S.
- Gisinger F. Skymnos (1) // RE. 2 Reihe, Hbd. 5. Silacenis — Sparsus. 1927. Col. 661–687.
- González Ponce F. J. El corpus periplográfico griego y sus integrantes más antiguos: épocas arcaica y clásica // Pérez Jiménez A., Cruz Andreotti G. (eds.). Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas. Madrid, 1998. P. 41–75.
- Habicht C. Pausanias and the Evidence of Inscriptions // ClAnt. 1984. Vol. 3. № 1. P. 40–56.
- Janni P. The Sea of the Greeks and Romans // Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition. Leiden; Boston, 2016. P. 21–42.
- Juchnevičienė N. Historiographic Scientific Discourse and the Tradition of Geography // Aleksejeva B., Lāms O., Rūmniece I. (eds.). Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012. P. 22–29.
- Marcotte D. Les géographes grecs. T. 1. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre. Paris, 2002. CLXVIII, 310 p.
- Möller A. Epoch-making Eratosthenes // GRBS. 2005. Vol. 45. P. 245–260.
- Müller K. Geographi Graeci minores. Vol. 1. Paris, 1855. 1241 p.
- Perrin É. Héracléidès le Crétois à Athènes: les plaisirs du tourisme culturel // RÉG. 1994. Vol. 107. P. 192–202.
- Pirenne-Delforge V. Reading Pausanias: Cults of the Gods and Representation of the Divine // Bremmer J. N., Erskine A. (eds.). The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations. Edinburgh, 2010. P. 375–387.
- Romm J. Continents, Climates, and Cultures: Greek Theories of Global Structure // Raaflaub K. A., Talbert R. J. A. (eds.). Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies. Oxford, 2010. P. 215–235.
- Warmington E. H. Scymnus // Hammond N. G. L., Scullard H. H. (eds.). The Oxford Classical Dictionary. 2 ed. Oxford, 1976. P. 968.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von. Antigonos von Karystos. Berlin, 1881. VIII, 356 S.

REFERENCES

- Akujärvi J. Pausanias. In: Jong I. J. F. de (ed.). *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Leiden; Boston, 2012, pp. 235–255.
- Arenz A. *Herakleides Kritikos «Über die Städte in Hellas»: Eine Periegesis Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges*. München, 2006, 276 S.
- Bianchetti S. The «Invention» of Geography: Eratosthenes of Cyrene // Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden; Boston, 2016, pp. 133–149.
- Bloch H. Herakleides Lembos and his Epitome of Aristotle's Politeiai. *ТАРА*, 1940, vol. 71, pp. 27–39.
- Boshnakov K. *Psevdos-Skimnos ili Semos ot Delos: Prouchvaniya vurkhu svedeniya na elinski avtori za Zapadnaya Pont*. Sofia, 2007, IX, 263 p.
- Bravo B. *La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skimnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C.* Leuven, 2009, XXIV, 268 p.
- Bucciantini V. Geographical Description and Historical Narrative in the Tradition of Alexander's Expedition. In: Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden; Boston, 2016, pp. 98–109.
- Chistyakov G. P. *Pavsanij kak istoricheskij istochnik*. Moscow, 1983. Available at: <http://simposium.ru/ru/book/export/html/14455> (accessed: 09.12.2019).
- Diller A. *Studies in Greek Manuscript Tradition*. Amsterdam, 1983, VII, 495 p.
- Diller A. *The Tradition of the Minor Greek Geographers*. Lancaster, 1952, X, 200 p.
- Engels J. Demetrios von Kallatis «Über Asien und Europa» (FGrHist 85 F 1–6): Universalhistorie und Kulturgeographie zwischen Ephoros und Strabon. In: Rathmann M. (ed.). *Studien zur antiken Geschichtsschreibung*. Bonn, 2009, SS. 163–178.
- Engels J. Geography and History. In: Marincola J. (ed.). *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 2. Oxford, 2007, pp. 541–552.
- Engels J. Universal History and Cultural Geography of the *Oikoumene* in Herodotus' *Historiai* and Strabo's *Geographika*. In: Pigoń J. (ed.). *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008, pp. 144–161.
- Frateantonio C. *Religion und Städtekonkurrenz: Zum politischen und kulturellen Kontext von Pausanias' Periegesis*. Berlin; New York, 2009, VIII, 295 S.
- Gisinger F. Skymnos (1). In: Kroll W., Mittelhaus K. (eds.). *RE*. 2 Reihe, Hbd. 5, 1927, col. 661–687.
- González Ponce F. J. El corpus periplográfico griego y sus integrantes más antiguos: épocas arcaica y clásica. In: Pérez Jiménez A., Cruz Andreotti G. (eds.). *Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas*. Madrid, 1998, pp. 41–75.
- Habicht C. *Afiny: Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu*. Moscow, 1999, 416 p.
- Habicht C. Pausanias and the Evidence of Inscriptions. *CIAnt*, 1984, vol. 3, no. 1, pp. 40–56.
- Janni P. The Sea of the Greeks and Romans. In: Bianchetti S., Cataudella M. R., Gehrke H.-J. (eds.). *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden; Boston, 2016, pp. 21–42.
- Juchnevičienė N. Historiographic Scientific Discourse and the Tradition of Geography. In: Aleksejeva B., Lāms O., Rūmniece I. (eds.). *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 2012, pp. 22–29.
- Marcotte D. *Les géographes grecs. T. 1. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre*. Paris, 2002, CLXVIII, 310 p.
- Marinovich L. P., Koshelenko G. A. Pavsanij: zhizn' i tvorchestvo. In: Pausanias. *Opisanie Ellady*. Moscow, 1994, t. 1, pp. I–XXII.
- Möller A. Epoch-making Eratosthenes. *GRBS*, 2005, vol. 45, pp. 245–260.
- Müller K. *Geographi Graeci minores*. Paris, 1855, vol. 1, 1241 p.
- Perrin É. Héracléides le Crétois à Athènes: les plaisirs du tourisme culturel. *RÉG*, 1994, vol. 107, pp. 192–202.
- Pirenne-Delforge V. Reading Pausanias: Cults of the Gods and Representation of the Divine. In: Bremmer J. N., Erskine A. (eds.). *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 2010, pp. 375–387.
- Podosinov A. V. Antichnaya kartografiya (fakty i problemy). *Voprosy istorii*, 1998, no. 8, pp. 61–70.
- Romm J. Continents, Climates, and Cultures: Greek Theories of Global Structure. In: Raaflaub K. A., Talbert R. J. A. (eds.). *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 2010, pp. 215–235.
- Surikov I. E. *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii*. Moscow, 2011, 504 p.
- Warmington E. H. Scymnus. In: Hammond N. G. L., Scullard H. H. (eds.). *The Oxford Classical Dictionary*. 2 ed. Oxford, 1976, p. 968.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Antigonos von Karystos*. Berlin, 1881, VIII, 356 S.

РЕЗЮМЕ

В статье затрагивается ряд проблем, связанных с сочинением Псевдо-Скимна, которое является ценным источником по античным географическим знаниям, в частности, в связи с Причерноморским регионом. Поднимаются вопросы, имеющие отношение к авторству этой географической поэмы, ко времени ее написания и, в особенности — к ее жанровой принадлежности. Автор приходит к выводу, что данный памятник следует трактовать в контексте двух древнегреческих жанров — перипла и периегезы. Возможно, ко второму он даже несколько ближе. Для сравнения приводятся данные о нескольких видных периегетах (Павсании, Гераклиде Критике).

Ключевые слова: античная география, Псевдо-Скимн, перипл, периегеза, Гераклид Критик, Павсаний, Причерноморье.

I. E. Surikov

**THE WORK OF PSEUDO-SCYMNUS IN THE CONTEXT
OF ANCIENT GREEK GENRES OF *PERIPLUS* AND *PERIEGESIS***

SUMMARY

The article touches a number of problems connected with the work of Pseudo-Scymnus, which is a valuable source of evidence on ancient geographical knowledge, in particular — in connection with the Black Sea area. Questions are raised, which are related to the authorship of this geographical poem, to the time of its composing, and, most significantly, to its genre belonging. The author comes to the conclusion that the poem should be treated in the context of two Ancient Greek genres, the *periplus* and the *periegesis*. Perhaps it is even somewhat nearer to the latter. For comparison, data about some prominent *periegetai* (Pausanias, Heraclides Criticus) are cited.

Keywords: ancient geography, Pseudo-Scymnus, *periplus*, *periegesis*, Heraclides Criticus, Pausanias, Black Sea area.

В. В. Панченко

О военной организации Херсонеса в I в. до н. э. — III в. н. э.¹

При изучении военно-политической истории Херсонеса первых веков нашей эры основное внимание, как правило, обращается на присутствие римского гарнизона, что закономерно, учитывая то огромное влияние, которое оказывало размещение римских войск как на ситуацию в самом полисе, так и в Таврике в целом. Но при этом исследователи обычно обходят стороной вопрос о наличии/отсутствии собственных вооруженных сил у Херсонеса. Между тем имеются косвенные признаки их существования. В настоящей работе собраны воедино свидетельства, имеющие то или иное отношение к этой теме, которые позволяют высказать некоторые соображения о военной организации Херсонеса и предложить периодизацию их развития.

С момента основания Херсонес являлся независимым городом-государством и обладал собственными вооруженными силами. Информацию об их наличии на протяжении первых веков существования полиса сохранили прежде всего эпиграфические источники. Наиболее показательные примеры: 1) присяга граждан Херсонеса, которая датируется второй половиной IV — началом III в. до н. э. (IOSPE I² 401; IOSPE³ III 100); 2) декрет в честь Диофанта, сына Асклепидора, из Синопы, датируется концом II в. до н. э. (IOSPE I² 352; IOSPE³ III 8) — «граждане цветущего возраста» участвовали в первом походе Диофанта против скифов, «сильнейшие из граждан» участвовали во втором походе Диофанта, «отборные из граждан» на трех судах приняли участие в походе на Боспор и разгроме Савмака; 3) надпись в честь Агасикла, сына Ктесия, конец IV — начало III в. до н. э. (IOSPE I² 418; IOSPE³ III

151) — среди его достижений отмечено: «внесшему декрет о гарнизоне и обустроившему его» и «бывшему стратегом». Из этих и иных свидетельств можно сделать заключение о том, что изначально основу вооруженных сил Херсонеса составляло ополчение граждан, которое возглавлял стратег или коллегия стратегов.

Среди работ по рассматриваемой теме прежде всего необходимо отметить обобщающую монографию В. Д. Блаватского, посвященную военному делу античных государств и варварских племен Северного Причерноморья в широком временном диапазоне с VII в. до н. э. до IV в. н. э. [Блаватский 1954]. В силу общего характера указанного исследования в нем вооруженным силам Херсонеса римского периода уделено немного внимания. Диссертация И. А. Лисовой относится к числу специальных работ и целиком посвящена военному делу Херсонеса [Лисовой 1970]. Она охватывает античную эпоху в истории полиса — с V в. до н. э. до IV в. н. э., при этом основной акцент сделан на эллинистическом периоде, относительно хорошо освещенном источниками. Рассматривая ситуацию в первых веках нашей эры, И. А. Лисовой естественным образом уделяет основное внимание размещению римских войск в Херсонесе и его округе.

Хронологически рамки нашего исследования охватывают римский период истории города и ограничиваются серединой I в. до н. э. — концом III в. н. э. В отличие от эллинистического этапа источники о вооруженных силах Херсонеса рассматриваемого периода крайне разрозненны и скудны, в большинстве своем имеют косвенный характер. Основными и почти единственными свидетельствами являют-

¹ Статья является расширенным вариантом того материала, который был представлен в виде доклада на научной конференции «Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории» (Севастополь, 2019 г.). Текст доклада опубликован в материалах этой конференции: [Панченко 2019].

ся эпиграфические памятники разных типов (государственные декреты, почетные надписи, агонистические надписи, эпитафии). Их датировки часто размыты и спорны, текст фрагментарен и не всегда подлежит однозначному прочтению. При наличии в своде надписей Северного Причерноморья, подготовленного В. В. Латышевым, соответствующего памятника присутствует ссылка на второе издание первого тома — IOSPE I². При анализе текстов в основном использовался перевод И. А. Макарова из электронной публикации третьего издания этого свода, том III («Надписи Херсонеса и его окрестностей» — IOSPE³ III); также учитывался перевод Э. И. Соломоник. В тех случаях, когда был использован только перевод Э. И. Соломоник, это оговорено отдельно.

Середина I в. до н. э. — середина II в. н. э. На данном этапе Херсонес формально являлся самостоятельным городом-государством, поддерживал тесные связи с Боспорским царством и, видимо, эпизодически находился в той или иной степени зависимости от него. Об этом свидетельствуют нарративные источники. Страбон о ситуации I в. до н. э.: со времени походов Диофанта и «до настоящего времени Херсонес находился под властью правителей Боспора» (Strab. VII. 4.3). Флегонт Траллийский о ситуации в конце первой трети II в. н. э.: «Кесарь подчинил боспорскому царю Котису города, в числе которых был и Херсонес» (Phl. Trall. XV, fr. 22). Правление Котиса II относится к 123–132 гг. н. э.

Полис неоднократно подвергался варварской угрозе. В декрете, который относится к последней трети I в. до н. э. — середине I в. н. э., сообщается о нападении сарматов и скифов на Херсонес, при этом была разграблена и сожжена территория (IOSPE I² 369; IOSPE³ III 61) [Соломоник 1990, с. 28, № 18]. В энкомии из Пантикапея, который, скорее всего, датируется концом I в. н. э., упоминаются некие цари, которые пришли к Херсонесу для заключения союза с аланами. Этот союз варваров, очевидно, представлял для полиса прямую угрозу. Честуемое лицо, боспорский полководец, отвратил упомянутых царей от союза с аланами и тем самым отвел угрозу от Херсонеса [Сапрыкин 2005, с. 46, 62–65]. Варвары чувствовали себя безопасно даже на территории Гераклеяского полуострова. Согласно мнению Г. М. Николаенко, «следы» скифских набегов, происходивших с конца II в. до н. э. до середины I в. н. э., фик-

сируются в слоях пожаров на усадьбах ближней хоры повсеместно, в том числе и на комплексе укрепленных построек на участке 347 в балке Бермана. На территории погибшего в конце II в. до н. э. херсонесского святилища были найдены скифские лепные изделия I в. до н. э. — I в. н. э., которые могли служить культовыми предметами: чашечка-курильница в виде человеческой головы, мисочки на ножках, миниатюрные мисочки на ножке. Очевидно, скифы во время своих налетов на ближнюю хору использовали сакральный участок для отправления своих культов [Николаенко 2019, с. 205–207].

В период внешней опасности на защиту полиса, как и на протяжении предыдущих веков, вставали его граждане. Об этом свидетельствует стихотворная эпитафия Ксанфа, сына Лагорина, которая датируется концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. (IOSPE. I² 482; IOSPE³ III 195): «...Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты, | В битве за Родину был он завистливым сгублен Ареем...» [Соломоник 1990, с. 87, № 83]. И. А. Макаров в связи с этой надписью высказывает предположение, что Ксанф, скорее всего, принадлежал не к эфебам, а к следующей возрастной категории — от 20 до 30 лет, которая являлась важнейшей составляющей полисного ополчения. «В эпитафии, возможно, содержится намек на то, что Ксанф успел начать полисную карьеру, исполняя функции начальника эфебов или заместителя гимнасиарха» [Макаров 2013, с. 325].

Явным свидетельством в пользу наличия военной организации в Херсонесе и участия в ней граждан является мраморное надгробие первого архонта Газурия, сына Метродора (рис. 1) (IOSPE I² 471; IOSPE³ III 336). Правда, существуют значительные разногласия относительно датировки памятника. Э. И. Соломоник относил его к первым векам н. э. [Соломоник 1990, с. 83, № 87], В. В. Латышев — к римскому времени, ряд исследователей — к I в. н. э., В. И. Кадеев — ко II в. н. э. (на основании другой надписи с упоминанием Газурия, сына Метродора) [Кадеев 1981, с. 73, прим. 60]. Верхняя часть надгробия с изображением трех фигур не сохранилась. Ниже справа невысоким рельефом изображена паноплия гоплита: закрытый шлем, щит типа тюрeos, длинный меч, поножи, копье и лук с колчаном. Существует мнение, что коллегия стратегов была упразднена в то время, когда Херсонес вошел в состав державы Митридата

Евпатора [Кадеев 1981, с. 63]. Соответственно военные функции стратегов были переданы архонтам, которые на определенном этапе стали высшими должностными лицами полиса. Первый архонт, который руководил деятельностью коллегии архонтов, судя по воинским доспехам, изображенным на надгробии Газурия, командовал херсонесским ополчением [Кадеев, 1981, с. 73–74; Владимиров 2004, с. 268].

Фрагмент мраморного постамента содержит надпись в рельефном венке: «Поставленному во главе вспомогательного отряда, (который был послан) к царю Полемону и исполнившему обязанности командующего» (рис. 2) (IOSPE I² 419; IOSPE³ III 155) [Соломоник 1990, с. 26, № 15]. В указанном тексте, скорее всего, упомянут правитель Боспора Полемон I (14–8 гг. до н. э.), ставленник Рима, который провел все свое недолгое царствование в борьбе против местного населения [Сапрыкин 2002, с. 126]. Существует мнение, что в тексте имеется в виду Полемон II, которому императором Калигулой в 39 г. н. э. был дарован боспорский престол (Cass. Dio. LIX. 12.2) [Зубарь 2004, с. 44]. В любом случае надпись однозначно свидетельствует о том, что Херсонес был в состоянии отправить воинский контингент на помощь царю Боспора, видимо, не в ущерб собственной безопасности.

В тексте выбитого на большой мраморной плите декрета в честь гражданина, оказавшего важные услуги Херсонесу, описывается острая внутривластная борьба, которая выплеснулась за пределы города (IOSPE I² 355; IOSPE³ III 2). Памятник датируется разными исследователями в широком диапазоне от I в. до н. э. до середины I в. н. э. К сожалению, надпись сильно повреждена, большая ее часть не поддается прочтению, соответственно, в тексте сохраняется много неясностей, что способствует появлению разных трактовок описываемых событий [Кадеев 1981, с. 15–16, 60; Соломоник 1990, с. 28, № 17; Зубарь 2004, с. 40]. Из контекста следует, что в городе происходили волнения, и к власти пришел некий тиран. Человек, в честь которого издан декрет, «вселил в граждан отвагу» и возглавил борьбу против тирании. Вслед за тем над Херсонесом, очевидно, нависла угроза извне, ибо речь идет о том, что имярек «проявил наибольшую заботу в отношении безопасности территории», «быстро построил» (укрепления?), упоминаются «восстановление и починка стен». Когда жители города «испытывали нужду

в продовольствии», этот человек «в тяжелое время оказал услуги с помощью своих гостеприимцев», воодушевил граждан, «находившихся в ожидании военных опасностей». Затем последовало обращение к «величайшему императору и сенату», поход «из города с многочисленным отборным войском», видимо, окончательная победа над тираном и возвращение «херсонеситам их отеческой свободы». Вне зависимости от конкретного хода событий, который восстанавливается весьма смутно и оставляет почву для разного рода гипотетических конструкций, для нас важно упоминание о том, что в разгар борьбы «народ вооружился», а также то, что впоследствии с «многочисленным отборным войском» чествуемый гражданин выступил из города.

В тех случаях, когда херсонеситы не были в состоянии отразить нападение варваров собственными силами, они обращались за помощью к могущественным соседям и покровителям — Риму или Боспору. В 60-х гг. I в. н. э. легат Мёзии Тиберий Плавтий Сильван спас Херсонес от варваров [Зубарь 2004, с. 49–59]. В конце I в. н. э., как следует из упоминавшегося энкомия, боспорский полководец разрушил союз варварских царей и алан и тем самым отвел угрозу от полиса [Сапрыкин 2005, с. 46, 62–65]. В «послужном списке» Аристана, сына Аттины, выбитом на постаменте его статуи около 138 г. н. э., среди прочих должностей фигурируют две записи о его посольствах на Боспор: «Бывшего послом к царю Реметалку по поводу военной помощи и добившегося успеха» и «Бывшего послом к царю Реметалку во второй раз и добившегося успеха» (IOSPE I² 423; IOSPE³ III 160) [Соломоник 1990 с. 42, № 33].

Отдельного упоминания заслуживает система физического воспитания Херсонеса, которая, судя по источникам, находилась на достаточно высоком уровне. На протяжении первых веков нашей эры в городе существовала должность гимнасиарха. Гимнасиарх Демотел, сын Феофила, установил мраморную плиту с гимном в честь Гермеса, вестника богов, покровителя торговли и состязаний. Памятник датируется концом I — первой половиной II в. н. э. (IOSPE I² 436; IOSPE³ III 172) [Соломоник 1990, с. 63, № 54; Кадеев 1981, с. 81–82]. В полисе проводились спортивные состязания по основным олимпийским видам спорта. В частности, в списке победителей в агонах упоминаются следующие виды спорта: бег на один стадий, двойной

бег, бег на длинную дистанцию, борьба и кулачный бой (IOSPE I² № 434; IOSPE³ III № 170) [Соломоник 1990, с. 63, № 53]. В другом списке победителей агоний фигурируют такие «боевые» виды спорта как метание копья и метание копья на ремне (анкиломахия). Список датируется II в. н. э. (IOSPE I² 435; IOSPE³ III 173). Существуют и другие памятники с упоминанием разных видов спорта, в том числе метания копья (рис. 3) (IOSPE³ III 171) [Соломоник 1964, с. 57, № 20], пятиборья [Соломоник 1973, с. 95, № 127].

Показательно, что Плутарх в «Застольных беседах» утверждает, «что все гимнастические состязания являются подражанием воинским упражнениям». Рассуждая о степени важности спортивных агоний, он отмечает, что первая задача сражающихся в битве — нанести удар и самим защититься от удара, вторая задача — схватившись в рукопашную, умело пользоваться приемами захвата и опрокидывания, третья задача — или бежать в случае поражения, или преследовать бегущих в случае победы. «Понятно поэтому, что упражнение в кулачном бою, воспроизводящем приемы нападения и защиты, заняло первое место, борьба, обучающая рукопашной схватке, получила второе место, и бег, необходимый при любом исходе битвы, — последнее» (Plut. *Quaest. conviv.* II. 5).

В последнее время внимание херсонесских исследователей привлекли пряжки с овально-трапециевидной рамкой, найденные на территории Херсонеса в результате раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лёпера в XIX — начале XX в. По данным Д.А. Костромичёва, всего было обнаружено 18 пряжек с овально-трапециевидной рамкой, которые предположительно относятся ко второй половине I — началу II в. н. э. Среди этих пряжек нет ни одной идентичной, следовательно, их нужно рассматривать как изделия индивидуальные — в смысле, близком по значению к понятию «престижные», — и пользующиеся спросом только у определенной группы населения. Овально-трапециевидные пряжки распространены в широком ареале от Центральной Европы до Дальнего Востока и происходят, в подавляющем большинстве случаев, из мужских захоронений. Исследователь связывает пряжки с воинской субкультурой. Вероятно, херсонесские пряжки использовались воинами городских вооруженных сил [Костромичёв 2017].

Этот вывод подтверждает детальное изучение пряжки с шестистрочной греческой надписью на язычке (рис. 4). Перевод первой части надписи гласит: «(Иди) вперед к счастью и...». Соответственно, этот предмет использовался носителем греческого языка и греческих традиций. Пряжка относится к середине — второй половине I в. н. э. Подобные изделия следует рассматривать как престижные, изготовленные на заказ, что может означать их принадлежность воинам достаточно высокого социального статуса [Костромичёв, Намойлик 2017, с. 99–103].

Характер военно-политической ситуации, которая складывалась вокруг Херсонеса в середине I в. до н. э. — середине II в. н. э., и прежде всего практически постоянная внешняя угроза со стороны соседних варваров позволяют предположить, что полисная военная организация сохраняла основные черты эллинистического периода. Насколько известно, вооруженные силы Херсонеса в предыдущий период формировались на классической полисной основе, при которой воином являлся каждый полноправный гражданин, способный держать оружие. К военной службе привлекали мужчин с 18- до 60-летнего возраста. Существовал институт эфебии: на эфэбов возлагалась в основном функция пограничной охраны, дежурства на сторожевых постах города и пригородных усадьбах. Пехота составляла главный род войск. Богатые и зажиточные граждане служили в качестве тяжеловооруженных, из малоимущих формировалась легковооруженная пехота [Блаватский 1954, с. 69–76; Лисовой 1970, с. 8–9]. Особенность Херсонеса на протяжении его истории состояла в том, что он вел преимущественно оборонительные, а не наступательные войны [Лисовой 1970, с. 9]. Опорными пунктами полиса являлись многочисленные укрепления дальней и ближней хоры, в них размещались небольшие гарнизоны, которые могли активно реагировать на варварские набеги [Марченко 1996, с. 193]. В силу утраты Херсонесом ко II–I вв. до н. э. большинства прежних владений основной функцией эфэбов и иных военнообязанных граждан, видимо, стала дозорная служба по периметру владений, которые уменьшились до территории Гераклеяского полуострова, а также на городских стенах и тех укрепленных усадьбах ближней хоры, которые пережили смутное время скифских войн. Ключевыми пунктами обороны, скорее всего, являлись укрепленные поселения: в балках Бер-

мана и Хомутовой, на высоте Безымянной и некоторые другие [Николаенко 1998, с. 83–85]. Городское ополчение созывалось в случае возникновения серьезной внешней угрозы. В особых случаях формировался ограниченный контингент из числа «отборных граждан» для действий за пределами государства, как это было в случае с оказанием помощи царю Полемону. Первый архонт, судя по надгробию Газурия, сына Метродора, возглавлял вооруженные силы полиса.

Середина II — середина III вв. н. э. Во второй четверти II в. Херсонес получил долгожданную «элевтерию» и, соответственно, перешел в зависимость от Римской империи. В полисе и в ряде укрепленных пунктов юго-западной Таврики были размещены на постоянной основе римские гарнизоны под общим руководством трибуна [Зубарь 2004, с. 66–68; Зубарь 2004а]. По сути, римляне взяли на себя обязательства по обеспечению безопасности Херсонеса. Более того, в течение последних лет зафиксированы единичные находки элементов римского военного снаряжения II–III вв. н. э. на территории Гераклейского полуострова. С одной стороны, находки указывают на факт присутствия римских солдат на ближней хоре, а с другой, их малочисленность дает представление о небольшом составе римских воинских контингентов, размещенных на этой территории [Дорошко 2019]. Ярким примером активной политики Империи в регионе является визит прокуратора провинции Нижняя Мёзия Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды в 173/174 г., информация о котором сохранилась благодаря изданному херсонеситами декрету в его честь (IOSPE³ III 39). Исходя из анализа текста, В. П. Яйленко предполагает, что Херсонесу угрожала непосредственная опасность со стороны варварского окружения. Соответственно, деятельность Аполлониды в Херсонесе была направлена на установление мирных отношений полиса с варварами. По итогам успешного визита прокуратор Нижней Мёзии был провозглашен гражданином, булевтом и проедром, увенчан венком, удостоен множества почетных привилегий, а также установки изображений и статуи. Характерно, что в тексте декрета Аполлонид назван «спасителем» и «вождем мира» для херсонеситов [Яйленко 2017, с. 694–721]. Для этого периода нам не известны свидетельства о наличии городских вооруженных сил. Это, впрочем, не дает оснований говорить о полном отсутствии последних в том

или ином виде. Во-первых, для второй половины II в., а особенно для III в. в целом характерно уменьшение количества эпиграфических памятников. Во-вторых, роль граждан в защите интересов полиса после введения римского гарнизона естественным образом существенно снизилась.

В качестве аналогии целесообразно рассмотреть состояние вооруженных сил полисов Восточного Средиземноморья и Причерноморья после их вхождения в состав Римской империи. Изменение статуса существенно ограничило их самостоятельность во внешней и внутренней политике. А. К. Нефёдкин приходит к следующему выводу: «в римский республиканский период (в Малой Азии с 133 г. до н. э.) эллины продолжали сохранять свои военные полисные институты, в том числе систему военного командования, корпус эфэбов и обязанность военной службы граждан» [Нефёдкин 2017, с. 140]. Вместе с тем исследователь выделил ряд особенностей. Римские власти ограничивали наем «солдат удачи», в отличие от эллинистической эпохи роль наемников снижалась и увеличивалось значение службы самих граждан. Вооруженные силы городов в составе Римской империи в основном выполняли охранные и полицейские функции. В наступательных кампаниях участвовала молодежь призывного возраста, тогда как оборону вело все военнообязанное население. Если в республиканский период силы греческих полисов считались союзниками римлян и эллины воевали в собственных отрядах со своими командирами, то в имперский период они стали служить в легионах и вспомогательных когортах имперской армии и лишь при необходимости созывали ополчение [там же, с. 140; Нефёдкин 2018, с. 322–323].

Херсонес располагался на краю ойкумены, соседствовал с варварами, находился в зависимости от Римской империи, но при этом официально не входил в ее состав. Его статус в этом отношении — при всей специфике — не был, конечно, исключительным. Как представляется, близким (но отнюдь не идентичным) примером является Трапезунд, который входил в состав империи и на определенном (впрочем, весьма коротком) этапе имел статус «свободного» города. Подобно Херсонесу Трапезунд располагался вблизи границы империи. В 135 г. легат Каппадокии Флавий Арриан собрал армию для отражения аланского вторжения. В ее состав

помимо регулярных римских подразделений вошло провинциальное ополчение: «За тяжело-вооруженным войском пусть будет построено союзное войско: и те, кто из Малой Армении, и тяжеловооруженные трапезундцы, и колхи, и ризиане-копьяносцы» (Arr. *Acies contra Alanos*. 7). В комментариях к «Диспозиции против алан» Арриана А. К. Нефёдкин отмечает, что «это «союзное войско» (τὸ συμμαχικόν) не являлось *foederati* из вассальных государств, это — гражданское ополчение из бывшего Полемонова Понта на юго-восточном побережье Черного моря. Данный греческий термин для обозначения *auxilia* был распространен и в греческой эпиграфике. Ополченцы после кампании распускались» [Арриан 2010, с. 222, комм. 32]. Из дальнейшего текста Арриана следует, что жители Трапезунда помимо гоплитов поставили гимнетов (легковооруженных), имевших легкие копья (Arr. *Acies contra Alanos*. 14; 25; 29). Таким образом, наряду с колхами, ризианами и армянами, трапезундцы названы Аррианом союзниками (σύμμαχοι) Рима. Подобного рода союзники обязаны были по требованию римской провинциальной власти посылать свои вспомогательные контингенты в армию [Нефёдкин 2017, с. 136].

Любопытные свидетельства дошли до нас о военном воспитании и службе спартанцев из эпохи Антонинов. Сатирик Лукиан рассказывает, что в его время спартанские эфебы обучались гопломахии, то есть борьбе в тяжелом вооружении (Luc. *De salt*. 10). В одном списке спартанских магистратов упомянут Ниокл Младший, общественный раб, который дважды участвовал в походе «на персов» (IG V. 1.116, ll. 16–17; 116a, ll. 5–6). Эпитафия 26-летнего спартанца Диоскора сообщает о том, что он как союзник ходил походом «на персов» и умер в Гиераполе (IG V. 1.816). Мраморное надгробие из Спарты гласит: «Марк Аврелий Алексис, сын Феона, ходивший походом на персов, прожил 30 лет» (IG V. 1.817). В этих случаях, скорее всего, речь идет о парфянских войнах 161–166 и 172 гг. Таким образом, во второй половине II в. Спарта сохраняла статус союзного Риму города и была обязана поставлять вспомогательные контингенты [Нефёдкин 2018, с. 319–320].

Во время вторжения в Грецию в 170 г. косто-боки дошли до фокидского города Элатеи. Олимпоник Мнесибул, победитель в двойном беге с гоплитским щитом, собрал вокруг себя отряд из сограждан и дал варварам бой, в котором

погиб (Paus. X. 34.5). Существует предположение о том, что Элатея располагала своими городскими силами, которые в момент крайней опасности и возглавил Мнесибул. Видимо, полисные военные институты Элатеи продолжали функционировать во II в. [Нефёдкин 2018, с. 320].

На рассматриваемом этапе по причине размещения римских войск в Херсонесе и по периметру Гераклеяского полуострова роль вооруженных сил самого полиса была сведена к минимуму. По всей видимости, они выполняли полицейские и сторожевые функции на территории ближней хоры, где, судя по малочисленности соответствующих находок, присутствие римлян было крайне незначительным. Опорными пунктами по-прежнему могли оставаться укрепленные поселения в балке Бермана, в верховьях Хомутовой балки и на высоте Безымянной. Эти укрепления служили для охраны близлежащих земельных наделов, а также водных источников, откуда были протянуты нитки водопроводов в город. Дозоры могли размещаться в отдельных усадьбах, башни которых были дополнительно обнесены протейхизмами [Николаенко 1998, с. 83–85]. В частности, это усадьбы земельных участков № 9, 86, 152 (согласно любезно предоставленным Г. М. Николаенко сведениям). Можно предположить, что в это время — как и во многих городах Малой Азии и Балканской Греции — в случае угрозы по-прежнему созывалось городское ополчение. Оно взаимодействовало с римскими войсками в роли вспомогательных сил и, вероятно, имело статус «союзников» (σύμμαχοι) Рима. Единственное, что можно уверенно констатировать в рамках рассматриваемой темы, — херсонеситы продолжали заниматься физическими упражнениями. Об этом свидетельствует фрагмент мраморной плиты, украшенный карнизом, в котором упоминается гимнасиарх (рис. 5). Надпись датируется II — первой половиной III в. (IOSPE I² 437; IOSPE³ III 175) [Соломоник 1990, с. 63, № 55].

Вторая половина III в. н. э. На протяжении второй половины этого столетия Крымский полуостров подвергался неоднократным вторжениям варваров (боранов, готов, алан). Археология свидетельствует о том, что пострадали многие города Боспора и позднескифские поселения Юго-Западного Крыма [Айбабин 1999, с. 32–38]. Херсонес каким-то образом избежал разгрома. Еще в течение первой половины III в. римские войска были выведены из Харакса, Ка-

дыковки и других укреплений Таврики, находящихся за пределами полиса [ср.: Зубарь 2004а, с. 176]. В. М. Зубарь, ссылаясь на отсутствие соответствующих эпиграфических памятников, датированных второй половиной III в., и на результаты археологических раскопок Цитадели, настаивал на том, что в третьей четверти III в. римский гарнизон был полностью выведен из Херсонеса [Зубарь 2004б, с. 501]. Однако в связи с тем, что обнаруженный в ходе раскопок массовый археологический материал в свое время не был должным образом описан и систематизирован, такого рода даты вызывают сомнения [Айбабин 2015, с. 15–16]. На основании всестороннего анализа типов применявшихся римлянами Т-образных фибул Д. А. Костромичёв приходит к выводу о непрерывном присутствии римских войск в Херсонесе с середины III в. до первых десятилетий V в. [Костромичёв 2012, с. 119–122]. Дополнительным аргументом в пользу пребывания имперского гарнизона в городе во второй половине III в. являются недавно опубликованные материалы двух погребений римских солдат, которые относятся к этому времени [Журавлев, Дорошко 2018, с. 360–361]. В любом случае сокращение или даже полный вывод римского контингента из Херсонеса на фоне усиления варварской угрозы не могло не привести к повышению роли собственных вооруженных сил полиса.

История варварских вторжений второй половины III в. пестрит эпизодами ситуативного формирования жителями различных городов Римской империи ополчений, которые в ряде случаев успешно противостояли варварам. К 248 г. относится оборона Марцианополя, столицы провинции Нижняя Мёзия, о чем сохранился довольно подробный рассказ Дексиппа в его сочинении «Скифика». Оборону Марцианополя возглавил некто Максим, «человек бедный от рождения, преданный философии, готовый в этих обстоятельствах действовать не только за вождя, но и за доброго солдата». Дексипп, описывая ход событий, вообще не упоминает римских солдат, но ведет речь исключительно о горожанах, в одном случае он называет защитников города «мисийцами» (Dexipp. fr. 17), из чего можно заключить, что основу сопротивления составляли жители города. Варвары предприняли две попытки штурма, но обе они были успешно отбиты [по поводу данного эпизода см.: Ременников 1954, с. 46–47]. В 250 г.

«скифы» окружили столицу провинции Фракия Филиппополь. И хотя оборону возглавил наместник провинции Приск, горожане и жители окрестностей активно участвовали в отражении атак варваров (Dexipp. fr. 19) [см. также: Ременников 1954, с. 56–59]. Из письма императора Деция осажденным следует, что основными защитниками Филиппополя являлись местные поссессоры и городские богачи (Dexipp. fr. 18) [там же, с. 60]. В ходе масштабного вторжения 267 г. коалиция племен опустошила ряд областей Греции, захватила Афины, Коринф, Спарту, Аргос (Synzell. p. 717). В Аттике сопротивление варварам возглавил один из руководителей Афин, историк Дексипп. Он привлек две тысячи сограждан и организовал, так сказать, партизанскую войну против захватчиков: внезапные нападения, засады, в крайнем случае — оборона в лесу и отступление в горы (Dexipp. fr. 20) [там же, с. 114–118]. Избранная тактика оказалась успешной, в ходе дальнейших событий афиняне нанесли поражение варварам и с помощью римлян изгнали их из Аттики (SHA, Gall. XIII. 8). Предположительно к 269 г. относится осада варварами города Сиды в Памфилии. Историк Дексипп именует защитников Сиды «горожанами». Они собрали многочисленное ополчение и подготовили большой запас метательных снарядов. «Скифы» предприняли несколько неудачных попыток штурма, после чего ушли восвояси (Dexipp. fr. 22) [там же, с. 138–139].

Возможно, отголоски возрождения роли городского ополчения нашли отражение в первом фрагменте 53-й главы трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного. В пространном тексте идет речь о том, как Савромат из боспорян, сын Крискорона, собрав сарматов, населяющих берега Меотиды, выступил походом против римлян, разорил страну лазов и Понтику и дошел до реки Галис. Херсонеситы по просьбе императора Диоклетиана собрали мужей из соседних крепостей, поместили баллисты на колесницы и отправились к городу Боспору. В сражении у стен они с помощью военной хитрости разгромили боспорян, захватили Боспор и крепости на Меотидском озере и пленили семьи сарматов в качестве заложников. Угрожая убийством заложников, херсонеситы принудили Савромата прекратить поход, заключить соглашение с римлянами и вернуться восвояси. Возглавлял войско «стефанотор и протевонт страны херсонеситов» Хрест, сын

Папия (Const. Porth. *De adm. imp.* 53). При всей спорности сюжетной линии и многовариантности предложенных датировок и трактовок данный фрагмент опирается на некие местные источники [Виноградов 2013, с. 49–58]. В контексте рассматриваемой темы для нас имеет важное значение наличие традиции о существовании городского войска и о том, что его возглавлял руководитель города (видимо, первый архонт).

В заключение считаем целесообразным высказать некоторые соображения о количестве боеспособных мужчин, которое мог выставить Херсонес и которое было минимально необходимо для обороны полиса. М. В. Фомин предлагает при подобного рода оценках исходить из анализа соотношения длины периметра и численности гарнизона римских крепостей, таких как Марктбрайт (периметр — 2440 м, гарнизон около 12 тыс.), Ветер (периметр — 2900 м, гарнизон около 12 тыс.), Новезиум (периметр — 1970 м, гарнизон 6 тыс.), Хальтерн (периметр — 1700 м, гарнизон 6 тыс. человек). Это позволило исследователю предположить, что для успешной обороны на один метр периметра необходимо иметь до трех человек (включая обеспечение, резерв и т. д.) [Фомин 2015, с. 106]. Как нам представляется, указанная пропорция в приложении к Херсонесу является не вполне корректной, поскольку относится к легионным лагерям, в которых дислоцировались значительные силы: один или два легиона. Эти крупные воинские соединения предназначались не столько для защиты крепостей, сколько для обороны Нижней Германии, которая представляла собой одну из наиболее угрожаемых провинций Империи [Ле Божэ 2001, с. 233–244, 255]. Вместе с тем сам предложенный подход в целом выглядит вполне логичным. Протяженность оборонительных сооружений Херсонеса составляет около 2900 м, из них 1300 м — сухопутная линия. Отталкиваясь от этих данных, М. В. Фомин приходит к выводу о том, что в IV–V вв. общая численность херсонесского гарнизона в случае необходимости достигала 2000 человек (включая отряд из 500 византийских стратиотов). С учетом постоянных работ по совершенствованию инженерных сооружений, использованию метательных машин и возможной помощи из Константинополя сил гарнизона города было достаточно для решения как тактических, так и стратегических задач [Фомин 2015, с. 106–107]. Другой исходной циф-

рой для ответа на поставленный вопрос является численность населения города и его округи в первые века нашей эры. В исторической литературе присутствуют разные оценки — от 10 до 25 тысяч человек [Зубарь 2004а, с. 167; Журавлев и др. 2004, с. 190]. Вслед за В. И. Кадеевым и С. Б. Сорочаном мы считаем наиболее вероятной цифру в 10–15 тысяч человек [Кадеев, Сорочан 1989, с. 11–12]. Исходя из примерной численности населения, можно предположить, что Херсонес при возникновении серьезной угрозы мог выставить от 1000 до 1500 способных держать оружие мужчин. Это количество воинов совместно с римскими легионерами было способно обеспечить оборону периметра крепостных стен Херсонеса в первые века нашей эры, что в целом не противоречит расчетам М. В. Фомина.

* * *

Таким образом, на протяжении I в. до н. э. — III в. н. э. Херсонес, расположенный на краю ойкумены, предпринимал широкий спектр мероприятий по обеспечению безопасности: от дипломатических до военных. Полис, очевидно, имел собственные вооруженные силы, характер которых на различных этапах римского периода мог меняться в зависимости от внешних обстоятельств и присутствия/отсутствия римского гарнизона в городе. По результатам анализа военно-политической ситуации вокруг Херсонеса и имеющихся письменных и археологических свидетельств, рассматриваемый период можно условно разделить на три этапа: середина I в. до н. э. — середина II в. н. э.; середина II — середина III вв.; вторая половина III в. Первый этап (до размещения постоянного римского контингента) характеризуется наличием наибольшего числа источников, которые позволяют говорить о существовании собственных вооруженных сил. Опорными пунктами обороны, скорее всего, являлись укрепленные усадьбы и поселения: в балках Бермана и Хомутовой, на высоте Безымянной и в некоторых других местах. Караульную службу на укреплениях несли эфебы. При возникновении опасности созывалось городское ополчение, которое состояло из боеспособных мужчин. О втором и третьем этапах известий практически не сохранилось, и судить о наличии городской военной организации возможно в значительной мере по аналогиям. Можно предположить, что в это время — как и во многих городах Малой Азии и Балканской Греции — в случае серьезной угрозы по-преж-

нему созывалось городское ополчение. Оно взаимодействовало с римскими войсками в роли вспомогательных сил и, вероятно, имело статус «союзников» (σύμμαχοι) Рима. На третьем этапе в связи с выводом римских отрядов из Таврики и уменьшением/выводом римского гарнизона из Херсонеса роль собственных вооруженных сил полиса возросла. Характерно, что на протяжении всего рассматриваемого периода херсо-

неситы занимались физической подготовкой и участвовали в спортивных состязаниях. Военную организацию в первые века нашей эры возглавлял первый архонт. Общая численность городского ополчения в случае необходимости могла, вероятно, достигать 1000–1500 человек. Херсонеситы не только защищали полис и его хору, но и эпизодически участвовали в боевых действиях на территории Боспорского царства.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
- Айбабин А. И. О гарнизоне Римской империи в Херсонесе в IV в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ. Материалы научной конференции VII Международный Византийский Семинар. Севастополь, 1–5 июня 2015 года. Севастополь, 2015. С. 15–18.
- Ариан. Тактическое искусство/пер., коммент, вступ. статьи А. К. Нефёдкина. СПб., 2010. 286 с.
- Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. 158 с.
- Виноградов А. Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1. С. 40–58.
- Владимиров А. А. Государственное устройство // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004. С. 257–274.
- Дорошко В. В. Римское военное снаряжение из раскопок на Гераклеяском полуострове // ПИФК. 2019. Вып. 1 (63). С. 69–78.
- Дорошко В. В., Журавлев Д. В. Два погребения римских военнослужащих из некрополя Херсонеса Таврического // ВДИ. 2018. Т. 78. № 2. С. 349–364.
- Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004. С. 183–256.
- Зубарь В. М. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. — первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004. С. 31–72.
- Зубарь В. М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II — третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004а. С. 73–182.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III — начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004б. С. 495–519.
- Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. 144 с.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989. 136 с.
- Костромичёв Д. А. Римские фибулы Херсонеса // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 47–154.
- Костромичёв Д. А. Коллекция пряжек с овально-трапециевидной рамкой из Херсонеса // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Севастополь, 2017. С. 120–127.
- Костромичёв Д. А., Намойлик А. С. Пряжка с греческой надписью из некрополя Херсонеса Таврического // Археологический сборник. Вып. 41. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 89–106.
- Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001, 400 с.
- Лисовой И. А. Военное дело античного Херсонеса (V в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Воронеж, 1970. 18 с.
- Макаров И. А. О надгробии Ксанфа, сына Лагорина, из Херсонеса Таврического (IOSPE I², 482) // Monumentum Gregorianum: сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2013. С. 310–326.
- Марченко Л. В. Защита хоры // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 193–197.
- Нефёдкин А. К. Полисы Малой Азии и война (вторая половина II в. до н. э. — III в. н. э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2017. Вып. 17 (2). С. 125–144.
- Нефёдкин А. К. Эллинская милиция Балканской Греции (вторая половина II в. до н. э. — III в. н. э.) // Stratum plus. 2018. № 4. С. 317–326.
- Николаенко Г. М. Хора Херсонеса в римский период // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 83–88.
- Николаенко Г. М. Скифский «след» на ближней хоре Херсонеса. I в. до н. э. — I в. н. э. // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 17–19 сентября 2019 года. Севастополь, 2019. С. 204–207.
- Панченко В. В. О городском ополчении Херсонеса в I в. до н. э. — III в. н. э. // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 17–19 сентября 2019 года. Севастополь, 2019. С. 208–212.
- Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. 148 с.
- Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. 271 с.

- Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II вв. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. 196 с.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 284 с.
- Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. 112 с.
- Фомин М. В. О вооруженных силах Херсонеса в IV–V вв. // *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева*. Материалы. Харьков, 2015. С. 105–108.
- Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб., 2017. С. 694–753.

REFERENCES

- Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, 1999, 352 p.
- Aibabin A. I. O garnizone Rimskoi imperii v Khersonese v IV v. In: *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIIA I POLIS. Materialy nauchnoi konferentsii VII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*. Sevastopol, 2015, pp. 15–18.
- Blavatskii V. D. *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, 1954, 158 p.
- Doroshko V. V. Rimskoe voennoe snariazhenie iz raskopok na Gerakleiskom poluostrove. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2019, vol. 1 (63), pp. 69–78.
- Doroshko V. V., Zhuravlev D. V. Dva pogrebeniia rimskikh voennosluzhashchikh iz nekropolia Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2018, vol. 78, iss. 2, pp. 349–364.
- Fomin M. V. O vooruzhennykh silakh Khersonesa v IV–V vv. In: *Laurea I. Antichnyi mir i Srednie veka: Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadееva. Materialy*. Khar'kov, 2015, pp. 105–108.
- Kadeev V. I. *Khersones Tavricheskii v pervykh vekakh nashei ery*. Khar'kov, 1981, 144 p.
- Kadeev V. I., Sorochan S. B. *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia v I v. do n. e. — V v. n. e. (na materialakh Khersonesa)*. Khar'kov, 1989, 136 p.
- Kostromichev D. A. Rimskie fibuly Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, 2012, iss. XVII, pp. 47–154.
- Kostromichev D. A. Kolleksiia priazhek s oval'no-trapetsievidnoi ramkoi iz Khersonesa. In: *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoi konferentsii*. Sevastopol, 2017, pp. 120–127.
- Kostromichev D. A., Namoilik A. S. Priazhka s grecheskoi nadpis'iu iz nekropolia Khersonesa Tavricheskogo. *Arkheologicheskii sbornik*, 2017, vol. 41, pp. 89–106.
- Le Boek Ya. *Rimskaia armiiia epokhi Rannei Imperii*. Moscow, 2001, 400 p.
- Lisovoi I. A. *Voennoe delo antichnogo Khersonesa (V v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Abstract of kandidat. diss. Voronezh, 1970, 18 p.
- Makarov I. A. O nadgrobii Ksanfa, syna Lagorina, iz Khersonesa Tavricheskogo (IOSPE I², 482). In: *Monumentum Gregorianum: sbornik nauchnykh statei pamiati akademika G. M. Bongard-Levina*. Moscow, 2013, pp. 310–326.
- Marchenko L. V. Zashchita khory. *Khersonesskii sbornik*, 1996, iss. VII, pp. 193–197.
- Nefedkin A. K. (transl. and comm.). *Arrian. Takticheskoe iskusstvo*. St. Petersburg, 2010, 286 p.
- Nefedkin A. K. Polisy Maloi Azii i voina (vtoraia polovina II v. do n. e. — III v. n. e.). *Mnemon: Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2017, vol. 17 (2), pp. 125–144.
- Nefedkin A. K. Ellinskaia militsiia Balkanskoi Gretsii (vtoraia polovina II v. do n. e. — III v. n. e.). *Stratum plus*, 2018, no 4, pp. 317–326.
- Nikolaenko G. M. Khora Khersonesa v rimskii period. *Khersonesskii sbornik*, 1998, iss. IX, pp. 83–88.
- Nikolaenko G. M. Skifskii «sled» na blizhnei khore Khersonesa. I v. do n. e. — I v. n. e. In: *Antichnye Relikvii Khersonesa: Otkrytiia, Nakhodki, Teorii. Materialy nauchnoi konferentsii*. Sevastopol, 2019, pp. 204–207.
- Panchenko V. V. O gorodskom opolchenii Khersonesa v I v. do n. e. — III v. n. e. In: *Antichnye Relikvii Khersonesa: Otkrytiia, Nakhodki, Teorii. Materialy nauchnoi konferentsii*. Sevastopol, 2019, pp. 208–212.
- Remennikov A. M. *Bor'ba plemen Severnogo Prichernomor'ia s Rimom v III veke*. Moscow, 1954, 148 p.
- Saprykin S. Iu. *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh*. Moscow, 2002, 271 p.
- Saprykin S. Iu. Enkomii iz Pantikapeia i polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I — nachale II vv. n. e. *Vestnik drevnei istorii*, 2005, no 2, pp. 45–81.
- Solomonik E. I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa*. Kiev, 1964, 196 p.
- Solomonik E. I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa*. Kiev, 1973, 284 p.
- Solomonik E. I. *Kamennaia letopis' Khersonesa*. Simferopol, 1990, 112 p.
- Vinogradov A. Iu. Khersones-Kherson: dve istorii odnogo goroda. Imena, mesta i daty v istoricheskoi pamiati polisa. *Vestnik drevnei istorii*, 2013, no. 1, pp. 40–58.
- Vladimirov A. A. Gosudarstvennoe ustroistvo. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. — VI v. n. e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004, pp. 257–274.
- Yajlenko V. P. Khersones, Severnoe Prichernomor'e i Markomannskie voiny po dannym khersonesskogo dekreta 174 g. n. e. v chest' Tita Avreliia Kal'purniana Apollonida. In: Yajlenko V. P. *Istoriia i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n. e. — VII v. n. e.* Saint Petersburg, 2017, pp. 694–753.
- Zhuravlev D. V., Zubar' V. M., Sorochan S. B. Ekonomicheskoe razvitie, sotsial'nyi i etnicheskii sostav naseleniia. *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. — VI v. n. e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004, pp. 183–256.
- Zubar' V. M. Osnovnye etapy istoricheskogo razvitiia Khersonesa v seredine I v. do n. e. — pervoi polovine II v. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. — VI v. n. e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004, pp. 31–72.

Zubar' V. M. Khersones i rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike vo vtoroi polovine II — tret'ei chetverti III vv. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. — VI v. n. e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004, pp. 73–182.

Zubar' V. M., Sorochan S. B. Istoricheskoe razvitie Khersonesa v kontse III — nachale V vv. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. — VI v. n. e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004b, pp. 73–182.

РЕЗЮМЕ

Согласно эпиграфическим источникам, на протяжении I в. до н. э. — III в. н. э. Херсонес имел вооруженные силы, характер которых на различных этапах римского периода мог меняться в зависимости от внешних обстоятельств и наличия римского гарнизона. По результатам анализа военно-политической ситуации вокруг Херсонеса и имеющихся свидетельств, рассматриваемый период можно условно разделить на три этапа: середина I в. до н. э. — середина II в. н. э.; середина II — середина III вв.; вторая половина III в. На первом этапе (до размещения постоянного римского контингента) караульную службу на укреплениях хоры и стенах города, скорее всего, несли эфебы. В случае возникновения опасности созывалось городское ополчение, которое состояло из боеспособных мужчин. Можно предположить (по аналогии с городами Малой Азии и Балканской Греции), что на втором и третьем этапах в Херсонесе ситуативно созывалось ополчение. Ополчение, вероятно, имело статус «союзников» Рима. Во второй половине III в. в связи с выводом римских войск из Таврики и уменьшением/выводом римского гарнизона роль собственных вооруженных сил полиса возросла. Херсонеситы занимались физической подготовкой и участвовали в спортивных состязаниях, которые являлись подражаниями воинским упражнениям. Военную организацию в первые века нашей эры возглавлял первый архонт. Общая численность городского ополчения в случае необходимости могла достигать 1000–1500 человек. Херсонеситы не только защищали полис и его хору, но и эпизодически участвовали в боевых действиях на территории Боспорского царства.

Ключевые слова: Херсонес, военная организация, эпиграфика, ополчение, Рим, варвары, Боспор.

V. V. Panchenko

ABOUT THE MILITARY ORGANIZATION OF CHERSONESOS IN THE 1ST CENTURY BC — 3RD CENTURY AD

SUMMARY

According to epigraphic sources during the 1st century BC — 3rd century AD Chersonesos obviously had the armed forces, the character of which could change depending on external circumstances and the presence of the Roman garrison at different stages of the Roman period of history. According to the analysis of the military-political situation around Chersonesos and the available evidences, the period under consideration can be divided into three stages: the middle of the 1st century BC — middle 2nd century AD; middle 2nd — middle 3rd centuries AD; second half of the 3rd century AD. At the first stage (before the deployment of the permanent Roman contingent), the ephebs most likely carried guard duty, in case of danger an urban militia was convened. It can be assumed that in the second and third stages, by analogy with the cities of Asia Minor and Balkan Greece a militia was convened situationally. The militia probably had the status of allies of Rome. In the second half of the 3rd century AD, due to the withdrawal of Roman troops from Taurica and the reduction/withdrawal of the Roman garrison from Chersonesos, the role of the armed forces of the polis increased. Citizens of Chersonesos were engaged in physical training and participated in sports, which were imitations of military exercises. In the first centuries AD the military organization was headed by the first archon. The total number of urban militia, if necessary, could reach 1000–1500 men. Citizens of Chersonesos not only defended the polis and its chora but also occasionally participated in warfare on the territory of the Bosphorus kingdom.

Key words: Chersonesos, military organization, epigraphy, urban militia, Rome, barbarians, Bosphorus.

Рис. 1. Надгробие первого архонта Газурия, сына Метродора [по: IOSPE³ III № 336].

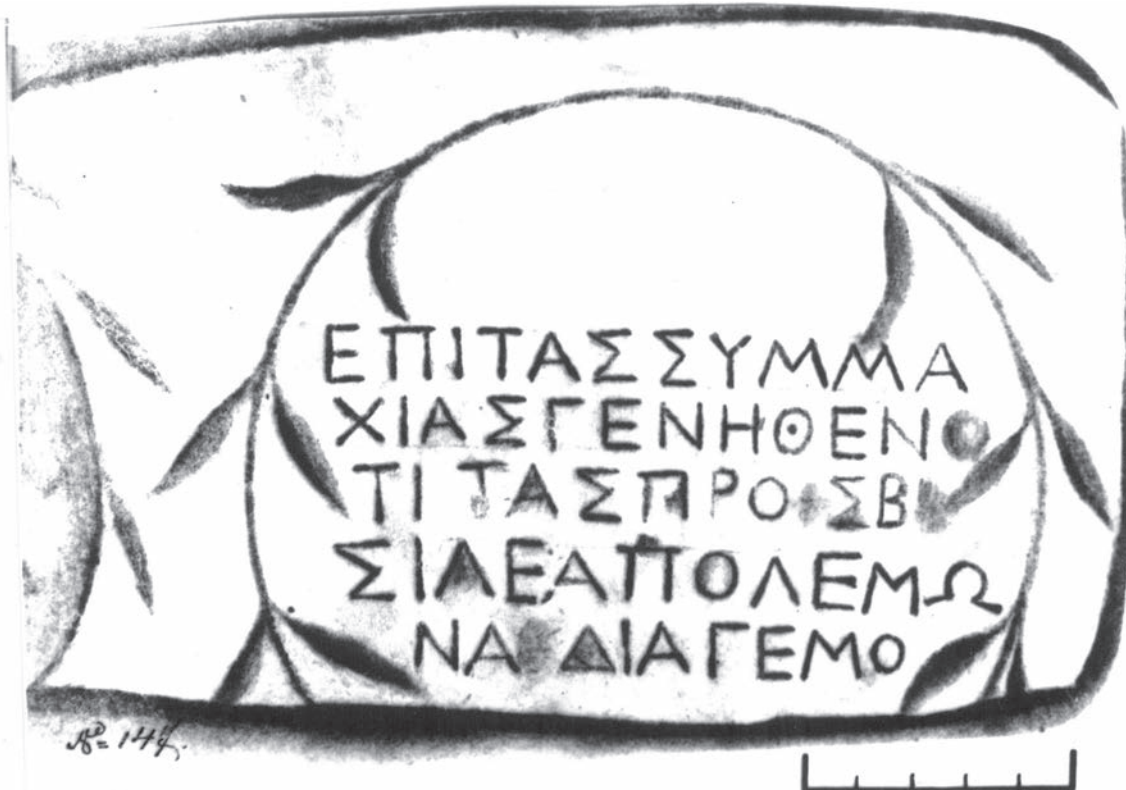

Рис. 2. Почетная надпись с упоминанием царя Полемона [по: IOSPE³ III № 155].

Рис. 3. Список победителей на спортивных состязаниях [по: IOSPE³ III № 171].

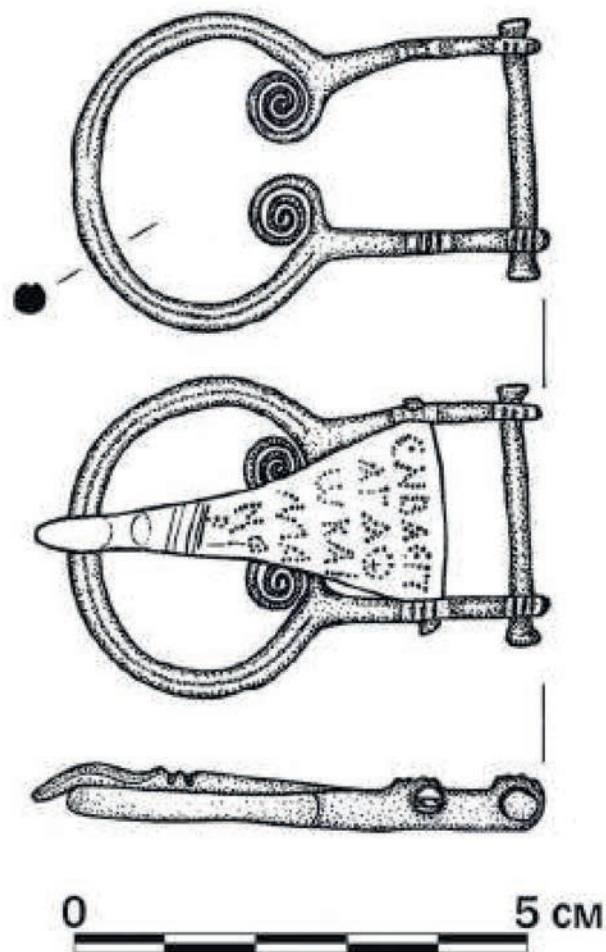

Рис. 4. Бронзовая пряжка с греческой надписью [по: Костромичёв, Намолик 2017, рис. 1.1, 1а].

Рис. 5. Надпись, упоминающая гимнасиарха.
II — первая пол. III в. н. э. [по: IOSPE³ III № 175].

ЭПИГРАФИКА

Ф.В. Шелов-Коведяев

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE II¹

6. О так называемой «вилле Басилида». Быть может, и не стоило бы вспоминать ошибки молодости начинающему (тогда) исследователю [Иванчик 1989, с. 51–52: текст 1987 года], кабы тот через почти десяток лет, будучи уже доктором наук, не переиздал свои тезисы практически без изменений [Кузищин, Иванчик 1998, с. 212–213]. А. И. Иванчик посчитал, что два начертанных скорописью дипинти ΒΑΣΙΛΑ на амфорах IV в. (см. рис. 1) скрывают в себе имя Басилид, т. к. «Из многочисленных имен, содержащих этот элемент, в просопографии Херсонеса встречается только» оно, «что позволяет условно восстановить его и в этом случае, хотя, конечно, другие восстановления ... (упоминаются Басилиск и Басилий. — *ФШК*) тоже возможны. Из возможных интерпретаций надписи наиболее вероятным представляется предположение о том, что это личное имя владельца амфор, а следовательно, и усадьбы. Предположение о том, что это имя винооторговца, маловероятно, поскольку одинаковая надпись нанесена на две разнотипные амфоры, видимо, происходящие из разных партий» [там же, с. 212]. Далее А. И. Иванчик делает вывод, что «для нее ... может быть принято условное наименование «усадьба Басилида» ... это имя ... в просопографии Херсонеса ... зафиксировано лишь однажды: на алтаре с посвящением Немесиде второй половины II — начала III в. Учитывая редкость этого имени в Херсонесе, а также греческий обычай сохранять имя в семье, передавая от деда к внуку, можно предположить родственную связь между двумя Басилидами» [там же, с. 213].

К сожалению, процитированные рассуждения изначально содержат в себе подрывающие их существенные неточности:

1. Э. И. Соломоник (на которую ссылается А. И. Иванчик), издавшая вотив Басилида, датировала его иначе — 2-й половиной II в. [Соломоник 1973, с. 90, № 126].

2. Тип амфоры — F — по классификации Д. Б. Шелова датируется С. М. Ильяшенко в пределах второй половины IV в. [Ильяшенко 2013, с. 100–101; ср. Гудименко, Ильяшенко 2000, с. 17–20]. Таким образом, разрыв — в два столетия! — между парой Басилидов (реальным и гипотетическим) оказывается слишком большим, чтобы их родственная связь могла рассматриваться всерьез.

3. На то же буквосочетание, кроме приведенных А. И. Иванчиком ЛИ, начинаются и Басилик, и Басилоген, и Басилофем, и Басилокл ... — список можно продолжать и продолжать, что окончательно подрывает доверие к его предположению. Апелляцию к тому, что в Херсонесе они пока не встречены, нельзя абсолютизировать, ибо археология все время открывает что-то новое, и неизвестное сегодня становится банальным уже завтра. Наконец, называть посвятителем в странной форме «Басилид Калоя» [Иванчик 1989, с. 51] вряд ли стоило. Понятно, что генитив от имени Καλός, которое, по-видимому, имел в виду А. И. Иванчик, звучит по-русски неблагозвучно. Но, во-первых, сына его носителя вполне приемлемо указать так, как было принято в старой русской науке — «Калоев». Во-вторых, Э. И. Соломоник абсолютно справедливо для столь позднего времени предложила возводить род. пад. Καλοῦ к номинативу Καλοῦς, чего ее интерпретатор почему-то не заметил.

В итоге А. С. Намойлик [Намойлик 2019, с. 51] недавно, сославшись на С. В. Ушакова

¹ В надежде продолжить публикацию своих наблюдений над надписями Херсонесского полиса я придал этой своей работе номер два, а самим заметкам — сплошную нумерацию, отталкиваясь от той позиции, на которой остановился в прошлом году [см. Шелов-Коведяев 2019, с. 322–333].

[см. Ушаков 2015, с. 293–295], в очередной раз пришла к выводу, что «на сегодняшний день амфоры с аналогичными дипинти найдены далеко за пределами Херсонеса, что указывает на принадлежность имени некоему лицу, занимавшемуся торговлей или транспортировкой амфор». Правда, она, в своей категоричности о географии распространения таких амфор, сама пала жертвой нечеткости С.В. Ушакова, из работы которого можно понять, что аналогичные дипинти найдены во всех центрах, которые он перечисляет. Проходить же дальше по ссылке С.В. Ушакова до публикаций самого С.М. Ильяшенко она, очевидно, не стала.

Впрочем, это не умаляет значения основного ее тезиса. Действительно, такие же сосуды с дипинти ΒΑΣΙΑ и ΒΑΣΙΑΙ были известны в Танаисе уже ко времени первой публикации А.И. Иванчика, а теперь происходят еще и с поселения Рогожкино XIII в его округе [Гудименко, Ильяшенко 2000, с. 17–20]. Если рисунки в статье двух авторов точны, то надписи нанесены двумя-тремя почерками (хотя до аутопсии утверждать это однозначно я не решаюсь), что позволяет говорить о том, что ΒΑΣΙΑ/ΒΑΣΙΑΙ был достаточно крупным поставщиком, поскольку на него работало несколько учетчиков. Почему именно поставщиком (который мог быть одновременно и производителем вина)? Так ведь ниже его имени читаются сокращения ЛИ потребителей в Танаисе и на Рогожкино XIII, которым предназначалась продукция.

Тем самым любопытный спор А.И. Иванчика с Д.Б. Шеловым относительно того, что должно стоять за аббревиатурой ΕΥΣΤΑΘ на одной из танаисских амфор — εὔσταθής «крепкий» (Шелов) или εὔσταθος «мерный, стандартный» (Иванчик) [Кузицин, Иванчик 1998, с. 212] становится чистой игрой ума. Ибо ΕΥΣΤΑΘ может быть и Евстаф (Εὔσταθης — как на островах Эгеиды [LGPN, s. v.]), и Евстафий (распространен по всей эллинской ойкумене). Равно и к ΕΥΣΤΑ с херсонесской амфоры, ставшей предметом изучения А.И. Иванчика, вполне подходят, кроме упомянутых выше, и Εὔσταχος, и Εὔστατος, представленные в Мегариде (что принципиально для Херсонеса) и других дорийских и западногреческих регионах [см. LGPN].

Так сходят со сцены и «Басилид», «потомок» посвятившего алтаря Немезиде, и его «вилла», и прочие лингвистические изыски. Однако, остается одна остроумная мысль А.И. Иванчи-

ка: литеры ΑΠ, стоящие, как правило, на самом верху горл стандартных светлоглиняных амфор рядом или друг под другом, могут представлять собой сокращение ἀπ (λοῦς): простое, т.е. «ординарное», вино.

7. О Гермях в Херсонесе. В 2000 г. И.А. Макаров [Макаров 2000, с. 112–118] обратился к дополнению опубликованного Э.И. Соломоник четырьмя годами ранее документу (см. рис. 2)², в котором она распознала «вероятно, ... постановление, связанное с культом Гермеса и посвященными ему состязаниями» [Соломоник 1996, с. 44; фото: рис. 2 на первой вклейке между с. 64 и 65]. Новый издатель попытался откорректировать чтения некоторых строк, а также в ряде случаев восстановить то, что Элла Исааковна оставила без реконструкции.

В целом принимая датировку (лишь уточняя ее до 2-й половины II в. до Р.Х.) и интерпретацию издательницы, он в дальнейшем продолжает работать с памятником со свойственной ему небрежностью. Во-первых, признав, что он не может ничего прочесть в остатках литер вверху камня и целиком заключив стоящее там в квадратные скобки, он, тем не менее, присваивает этой строке номер один, чем в дальнейшем сбивает читателя с толку, когда тот должен консультироваться с оригиналом. Во-вторых, в конце стк. 3 (у него — 4) дважды проставлена квадратная скобка: τὰ [ν [μαυτεῖαν. Притом, что остатки *альфы* на поверхности видны, и надо было бы написать — τὰ [ν (*курсивом* в греческом здесь и далее отмечены неполностью сохранившиеся буквы). В-третьих, вместо того, чтобы просто отметить, что реликты на плите требуют восстановления предлога именно в такой форме, он зачем-то упоминает и другой вариант — τὰ [δὲξαντα, — от которого он отказывается, пообещав позднее объяснить свой выбор ... о каковом обязательстве благополучно забывает! В-четвертых, в начале стк. 4 (у него — 5), восстанавливая первую эпиклезу Зевса, он игнорирует необходимость силлабического переноса, который неукоснительно соблюдается во всех строках. В-пятых, стремясь к искаженной в его понимании гиперакрибии, он создает из второго эпитета божества совершенно невозможного в русском Катгипердексия (вместо

² Приношу самую сердечную благодарность К.В. Зыковой, обеспечившей мою публикацию качественной фотографией, а также Н.Л. Демиденко и А.В. Зайкову, взявшим на себя труд организовать процесс съёмки.

обычного в отечественной науке Катипердексия), как выше — ножки у *каппы* и поперечную гасту у *альфы* (принято писать усики и перекладина соответственно). В-шестых, он также обходит стороной важнейший вопрос — возможную длину строки. Хотя это сильно помогло бы ему в работе, так как правый край плиты сохранился на уровне большинства сткк.: 2–9 (у него — 3–10). Более того, он показывает буквы АТ стк. 6 и ΣΑ стк. 7 стоящими в начале строк, а, на самом деле, они расположены дальше, прямо под началом имени Гермеса. Что же, он не сверялся с плитой? В-седьмых, в стк. 8 (у него — 9) перед *кси* указываются три пропавшие буквы, а после нее — одна, чего в реальности не наблюдается. В-восьмых, нет и никакого *кси*, за него принята *сигма* (ср. её форму в стк. 2). В-девятых, не отмечено, что по нижнему сколу просматриваются остатки ещё одной — десятой — строки.

Поскольку в начале стк. 4 (даю всюду мой счет) перед *омикроном* и *ню* угадываются не только вертикаль, но и обрывок горизонтали, это дает нам — ΤΟΝ. А это позволяет прочитывать в первой эпиклезе Зевса давно известное в Херсонесе (см. IOSPE I²413) Ὑπα] τον. Увлечшись буквалистским следованием посвящению из Стамбульского музея, где Зевс Катипердексий называется и Ктесием («домашним»), И. А. Макаров не стал просчитывать иные версии, что его, в конечном счете, и подвело. Ведь, коли опираться на его предложение для стк. 3, получаем τε ταῦτα κατὰ τὰ [ν μαντείαν, Δία Ὑπα]/τον, что дает длину строки в примерно 28 знаков с 12 из них в лакуне (при двух *йотах* в ней): вполне рядовая для этого времени протяженность. Вместо этого он слишком широко прибегает к дополнениям *exempli gratia*, против произвольного использования которых Луи Робер возражал столь часто и аргументированно, иллюстрируя свои слова возникающими отсюда ошибками, что даже нет необходимости ссылаться на какое-либо конкретное его высказывание: настолько очевидна, благодаря ему, пагубность подобной практики.

Оттолкнувшись же от указанных наблюдений, вполне можно представить и конструкцию многих иных строк. Например, в стк. 1 должен быть перенесен глагол из стк. 2, т.к. там перед *αῦωνας* необходим член, но предлагаемый И. А. Макаровым инфинитив τίθεσθαι переполняет лакуну. Поэтому, с учетом видимой впереди нее *сигмы*, лучше всего подходит θεῖναι (по-

скольку *αῦωνας* можно было также ἔχειν и ἄγειν [см. BE 70, 96 и 74, 465], то не исключены также ἄξει и σχῆναι), что выливается в [δ] ἄμου ψαφίς [μασι θεῖναι ἐν τῷ γυμνα] -: 30 графем при пяти *йотах*, которые занимают вполовину меньше места остальных литер, т.е. — 28,5; пропало в конце, при том, что единственная сохранившаяся *сигма* находится на уровне *альфы* в стк. 2, — 20, считая 4 *йоты* за две полноценные буквы — 18.

В стк. 2 выходит — σίωι τοῖς Ἡρμαίοις [τοῦς αῦωνας, ποιήσαι]: 33 при 7 *йотах*, в лакуне (*сигма* перед ней находится на уровне *мю* стк. 3) — 13 при двух *йотах*. Тогда стк. 4 должна читаться — τον Καθυπερδ [έξιον..... τῷ] (28); различимая *дельта* совпадает с *мю* в стк. 3, поэтому на глагол в лакуне должно оставаться не более семи полноценных знаков, и ἰλάσσασθαι не проходит. Вместо него годится σέβεσθαι, к тому же более распространенный в религиозном контексте. В стк. 5 следом за θεῶι Ἡρμ [ἄι θυσίαν συντελεῖν ...] остаются еще 4–5 м. б.

И общая длина строк, и размер лакун в таком варианте выглядят гармонично. Интервал между глаголом и упоминанием агонев не нарушает логики изложения и не превышает лимит допустимого [ср., например, BE 74, 466]. Сохранилось до половины текста, что само по себе важно для понимания документа. Выходит, что вверху камня должно было пропасть не более того, что предлагает И. А. Макаров, но без τε: [ἀκολούθως τοῖς νόμοις καὶ τοῖς τοῦ]. Впрочем, здесь предстоит еще работать, как и со сткк. 6 и 7.

А вот о сткк. 8 и 9 кое-что можно сказать уже сейчас. В первой из них после пар'άμες прочитываются *эпсилон*, *йота*, *сигма*, *пи*, *омикрон*, *йота*, *эпсилон*, *йота* и вертикаль. В сумме — пар'άμες εἰσποιεῖ | ... В стк. 9 поврежденные литеры ближе версии Э. И. Соломоник, тем более, что упоминание эфебов в именительном падеже допустимо после глагола. Вместо него по реликтам знаков лучше всего подходит παρατέμπουσι. Авторы документа (после двух пропускаемых пока строк) переходят, очевидно, к описанию порядка движения (процессии?), не исключено, при совершении ритуала, связанного с названными выше Зевсом и/или Гермесом: некто кого-то при- или проводит, а эфебы (?) кого-то/что-то (идола (?): ср. παρατέμπειν τὰ ἱερά в IG II²1078) сопровождают.

В собранном виде все вместе дает, принимая во внимание *йоты*:

№ строки	Реконструкция	длина строки в целом / йота = 0,5 м. б.	лакуна в целом / йота = 0,5 м. б.
2	[ἀκολούθως τοῖς νόμοις καὶ τοῖς τοῦ] [δ] ἄμου ψαφίς [μασι θεῖναι ἐν τῶι γυμνα]- σίωι τοῖς Ἡρμαίοις [τοὺς ἀγῶνας, ποιήσαι] τε ταῦτα κατὰ τὰ [ν μαντείαν, Δία Ὑπα]-	30/28,5 33/29,5 28	20/18 13/12 15/14
4	τον καὶ Καθυπερδ [ἔξιον σέβεσθαι, τῶι] θεῶι Ἡρμ [ἄι θυσίαν συντελεῖν + 4-5]	30/28 28-29	14/12
6	---- ΑΤΑ --- ---- ΣΑ ---		
8	παρ»ἄμῆς εἰσποιεῖ... παραπέμποσι [τὰ ἱερά? ... -----		

В целом получается вполне связный смысл: «согласно законам/обычаям и постановлениям народа устроить в гимнасии в праздник Гермей агоны, сделать это в соответствии с оракулом, Зевса Высшего, Высочайшего Покровителя почитать, богу Гермесу принести жертву ... ΑΤΑ... ΣΑ... с нами при-/проводит, эфебы (?) ... сопровождают ...».

8. О понимании IOSPE I²410. В 2001 году И. А. Макаров [Макаров 2001, с. 175–178] покусился на знание В. В. Латышевым древнегреческого языка. Но в результате потерялся в соотношении как времен, так и лексем между собою, и за малым не вконец запутал читателя.

Я и сам публично — письменно и устно — многократно подчеркивал, что не считаю В. В. Латышева безупречным. Однако, ныне справедливость призывает меня его защитить.

Комментируя латышевский перевод оборота Ἀντιβίων... βασιλεύσας... ἱερεὺς ἐών из посвящения IOSPE I²410, который гласит «Антивион ..., бывший царём, ... посвятил, будучи жрецом», И. А. Макаров исходит из убеждения, что магистратуры царя и жреца Девы в IV–III в. до Р. Х. исполнялись в Херсонесе Таврическом одним лицом. Поэтому он стремится содержательно объединить рассматриваемый вотив с двумя другими, а именно IOSPE I²414 и 415.

Однако получается это у него — увы! — как-то косноязычно. Ведь он предлагает читать «исполнив должность царя и жреца», теряя по пути одно из причастий. По-видимому, он хотел тем сказать, что Антивион, «будучи жрецом, исполнил и должность царя». Ну, как позволяет русский язык, впрочем, тоже требуя, чтобы сказуемое для того фигурировало в личной глагольной форме.

У И. А. Макарова же получилось нечто совсем иное. Ведь чтобы его версия прошла, потребно, чтобы по-гречески оба причастия стояли в одном времени, как реконструируется (!) в IOSPE I²414 и 415 (в них — в praesens: βασιλεύων и ἐών, № 414, и в обратном порядке, № 415). А в IOSPE I²410, замечу, в отличие от тех двух, expressis litteris, одно — в аористе, другое — в настоящем. В такой ситуации в греческом языке немисливо то, на чем настаивает современный автор под своеобразным впечатлением от русского словоупотребления.

В общем, латышевская интерпретация, а заодно с нею — и знание, что жрец Девы то имел прерогативы царя, то нет — должны быть реабилитированы. Итак: Антивион, отбыв в течение какого-то времени магистратуру царя, потом уж, передав ее другому гражданину, пребывает, когда ставит вотив за своего отца, жрецом.

9. О взимании в Херсонесе проституционной подати (по поводу так называемой Переписки из IOSPE I²404). Два годами позже И. А. Макаров [Макаров 2003, с. 123–136] замахивается на В. В. Латышева и М. И. Ростовцева уже купно. Начинает он с крайне неудачного дополнения стк. 2 интерпретируемого им документа (с. 124): [- - - ἐν καιρ] οἷς εὐδα [ϰονεστάτοις - - -], считая то эквивалентом латинского felicissimis temporibus. Если оставаться в рамках предложенной логики, то куда лучше для такой формулы было бы восстанавливать [- - - χρόν] οἷς κτλ., ибо в варианте И. А. Макарова, к сожалению, всё одно с другим не сходится. И вот почему.

Уже Адольф Вильгельм [Wilhelm 1938, S. 71–72; ср. BE 39, 563 и 63, 244] подытожил примеры, свидетельствующие, что καιροί в эпиграфи-

ке означают несчастливые, суровые времена, период тяжелых испытаний. Поэтому зачастую этот смысл усиливается соответствующим прилагательным — ἀναγκαῖότατον καιρόν/χρόνον [ср. BE 74, 417]. Луи Робер также давно [BE 51, 108] обратил внимание на то, что в надписях смысл καιρός даже очень близок πόλεμος. Недаром, например, в Кирене καιρός попадает в военном контексте, в том числе и в стихах, восхваляющих героя сражений [см. BE 77, 589 и 594]. В наших широтах надо указать, прежде всего, на словоупотребление IOSPE I²32 (A 37 и B 69), а у соседей — на ISE II 131, 6.

Единственным диссонансом в этом дружном хоре выглядит [см. BE 77, 418] плита из Эфеса (εὐτυχεστάτων καιρῶν τοῦ - - - Αὐτοκράτορος: что-то подобное, вместо агномен'а повелителя Империи, тогда можно было бы читать как раз в стк. 3, а не второй IOSPE I²404). Но, во-первых, это может быть локальной особенностью, не имеющей аналогов даже в своем регионе (в широком смысле слова) — в Малой Азии, Сирии, Аравии, Северной Африке (см. выше ссылки на BE). Во-вторых, в эфесском памятнике речь идет о гигантском римском строительстве, что показывает иной, нежели херсонесский, контекст. В-третьих, камень из Эфеса датирован правлением Марка Аврелия, следовательно, он не может служить, в силу большого временного разрыва, корректной аналогией херсонесской Переписке, если принять ее датировку Севером Александром [Макаров 2003, с. 124–125]. В-четвертых, значение выражения там не то, что видится И. А. Макарову, но — *felicitas temporum*. В-пятых, никак не объясняется, чем вызвано появление подобной формулы, предваряющей (с. 124) титулатуру императора, поскольку на имя такового (см. IOSPE I²404) остается слишком много места, что тоже оставляется без внимания (с. 125).

Данное обстоятельство (за изъятием эфесского исключения и знания фактов из Кирены и т. д.) становится известно И. А. Макарову лишь к 2015 году [Макаров 2015, с. 216, прим. 25]: «В документальном языке существительное οἱ καιροί («события») может указывать на трудные, а порой и критические обстоятельства (Wilhelm 1938, 71 f.; Gauthier 2003, 12). Ср. также ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE I²32 A l. 37) ... и B l. 69 ... и истрийский декрет в честь Агафокла, в котором ... (ISE II 131, l. 6) говорится о серьезных опасностях, угрожавших

гражданам», — благодаря [Gauthier 2003] Филиппу Готье (см. цитату (работа последнего вышла тем же годом, что и макаровская, но в последней игнорируется): во всяком случае, ранее декреты в честь Протогена и Агафокла И. А. Макарова в данном контексте не интересовали). Впрочем, он не упоминает рядом с А. Вильгельмом Л. Робера (видимо, недостаточно владея французским языком, он понял Ф. Готье так, что учитель одного всего лишь цитирует А. Вильгельма, что далеко от истины), а это новое для него знание не мотивирует его исправить собственное чтение 2003 года.

На самом же деле, по смыслу рескрипта легата Мёзии в ответ на прошение или постановление херсонесцев, который в нынешнем состоянии IOSPE I²404 открывает Переписку, куда продуктивнее видеть в ОУЛ его стк. 1 обрывок ссылки на обращение к римским властям Совета (и Народа?) Херсонеса, а в ΟΙΣΕΥΔΑ стк. 2 — окончание имени и дебют патронимика одной из пострадавших от произвола легионеров. Не обязательно заявительницы лёгкого поведения; скорее — вдовы, на чью недвижимость, по мысли автора рассматриваемой статьи, было обращено неправосудное взыскание. В Херсонесе для ее отца в близкое время находится ЛИ Εὐδαμος (IOSPE I²589). Для нее самой вполне приемлемы образования, оканчивающиеся на ~οῖς, к примеру, часто попадающиеся в греческом мире Εὐνοῖς или Εὐπλοῖς [см. *все* тома LGPN]. Тогда, действительно, и так далеко не банальный документ начинает играть новыми красками.

Поскольку *лямбда* стк. 1, согласно спецнабору на с. 367 IOSPE I² (ср. рис. 3), находится по вертикали точно на одной линии с *альфой* из слова ψήφισμα стк. 10, в которой после неё размещены ещё 44 буквы, примерно такова должна быть и лакуна в первой строчке, а в стк. 2 — в 41 литеру. С учётом названных ограничений весьма привлекательно выглядит следующее: [- - - - - ἢ β] ουλ [ἢ (καὶ ὁ δῆμος?) τῶν Χερσονησιτῶν μοι/ἡμῖν/τοῖς Βασιλεῦσι ἔγραψε (~αν?) | ὅτι - - - - - (καὶ) ἡ δεῖνα] οἷς Εὐδά [μου, τοῦ δεῖνος δὲ χήρα ἡδικήθη (σαν) (ὑπὸ) τῶν φρουρῶν (са 5–6 vel 2–3)]. Во второй половине стк. 1 оказывается либо 25 букв, плюс ещё около 20 мест на возможные ЛИ иных, кроме вдовы, потерпевших (без упоминания Народа и Императоров), либо — 45 (с ними); в стк. 2 во второй её части — 2–3 или 5–6 м. б. после имени её покойного мужа и профессии её обидчиков. Вся

именная и глагольная лексика реконструируется по аналогии с сохранившейся в тексте далее. Совет играл ко времени возникновения надписи доминирующую роль в политической структуре Херсонеса, поэтому ссылка на участие Народного собрания в написании протеста могла быть и опущена.

Вслед же за своим ошибочным стартом И. А. Макаров на протяжении восьми (!) страниц формулирует противоречащие друг другу (что становится, видимо, его визитной карточкой) тезисы о процедурах, связанных с взиманием налогов в пользу Рима. На с. 129 утверждается: «как показывает Переписка, за налоговые поступления с этой территории отвечал командир вексилляции в ранге военного трибуна». То же почти дословно повторяется на с. 135. А уже на следующей после 129-ой странице говорится: «как бы то ни было, у нас нет веских доводов в пользу того, что в Херсонесе (или где-либо еще) римская армия подменяла налоговый аппарат империи». На 131-ой же читаем: «Приходится констатировать, что на каком-то основании солдаты стали взимать проституционный налог с гражданского населения». Полное непонимание механизмов управления обнаруживает с. 134, где, по мысли автора, военные *сначала приступают* к взиманию налога на основании некоего перечня недвижимости *и только затем* посылают его по инстанции для утверждения. При этом список этот предназначается (с. 134), якобы, исключительно для полицейского контроля (а он, все же, есть нечто отличное от налогового администрирования. — *ФШК*). Наконец, финальным аккордом (с. 136) снова звучит лишь неограниченный полицейский контроль со стороны солдат, а не то, что предлагалось считать установленным на с. 129 и 135 (см. выше).

Столь затянута сумятица тем более удивительна, что к вполне приемлемому решению о сути конфликта между гражданами полиса и римской администрацией — выход легионеров за юридические рамки и географические границы своих полномочий — автор пришел уже на с. 131. Если же учесть и яркую лексическую и стилистическую чересполосицу внутри одного текста, о которой мне уже приходилось писать [Шелов-Коведяев 2019, с. 323 слл., 325 слл.], то создается впечатление, что снова налицо вставки И. А. Макаровым сво-

их сомнений в стройную конструкцию, созданную в иной логике и сохранившуюся в архиве Ю. Г. Виноградова.

10. Дом не Архелая, но Гераклия. В прошлом году А. С. Намойлик [Намойлик 2019, с. 50–52] издала коричневоглиняную колхидскую амфору из подвала эллинистического дома в XX квартале Херсонеса (см. рис. 4). Она верно прочла на ней имя Архелая и определила притяжательный характер надписи. В остальном, справедливо критикуя других за увлечение называть дома по именам, фиксируемым на найденных в них предметах (с. 51), в частности, обоснованно расправившись и с «виллой Басилада», и с «усадебой Эвклида», она и сама не избежала подобного соблазна (с. 51–52).

Предполагая, что амфора принадлежала именно хозяину дома, А. С. Намойлик прибегает к обоснованию, скорее, умозрительного характера: «тарные сосуды являлись принадлежностью домохозяйства в целом (не обязательно. — *ФШК*), в то время как предметы столовой посуды могли находиться в личном владении других домочадцев». Она, к сожалению, не замечает, что сформулированный ею тезис говорит как раз не в ее пользу.

Ведь именно вещи индивидуального пользования показывают свою неразрывную связь с тем человеком, который пометил их своим именем. Таковы лагинос из «дома Аполлония», чаша «дома Гордия», да и чаша Диодора и тарелка Афинаиды из того же домовладения, где была найдена амфора. Иное дело — тара: на ней может быть нанесено в генитиве ЛИ, к примеру, и поставщика, и дарителя (граффито ведь прочерчено неглубоко — с. 50) — того, *от кого* она поступила (ср. сокращение того же род. пад. в дипинти «Басилада»). Или же хозяин дома мог так отметить сосуд, содержимое которого было предназначено одному из членов его семьи, и предмет тем самым становился индивидуальной собственностью.

Поэтому не стоит торопиться, как это делает А. С. Намойлик (с. 52), выделять «дом Архелая» «из множества безымянных объектов на карте античного» Херсонеса. Скорее уж, исходя из сказанного, тут можно было бы говорить о «доме Диодора»: уж он-то точно в нем жил.

Впрочем, и в последнем нет никакой необходимости. Публикатор отчего-то не придает должного значения найденному тут же штампу астинома Гераклия, считая такового «членом

проживавшей здесь семьи или гостем дома» (с. 52). Более того, артефакт, как ей думается, мог быть просто утерян во время визита (с. 52). К сожалению, она не объясняет, как она представляет себе контекст такого происшествия. Что же, астином повсюду носил с собой именно этой штамповкой, которым метил подлежащую его надзору продукцию? Да и зачем? Вряд ли то может получить разумное толкование. У издательницы нет ответов.

Между тем материал печати (полудрагоценный камень [Новосёлова, Намойлик 2018, с. 98–99; Novoselova, Namoylik 2018, p. 289–290]),

да и достаточно значимая в экономике города фигура, которой соответствует печатка, говорят сами за себя. Нет, тут перед нами не простой домохозяин. Налицо все признаки именно домовладельца. Если уж необходимо как-то называть этот дом, то «домом Гераклия».

Кроме того, хочется надеяться, что в дальнейшем А. С. Намойлик уделит больше внимания графике *эпсилон* в имени Архелая. Может стать, что *возврат* к написанию его «птичьей лапкой» — одна из древнейших, если не самая древняя, его фиксация как минимум на нашей территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудименко И. В., Ильяшенко С. М. Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // *Донская археология*. 2000. № 2. С. 12–28.
- Иванчик А. И. Дипинти с усадьбы Клера 227 Гераклеяского полуострова и идентификация ее владельца // *Проблемы исследований античных городов. Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти В. Д. Блаватского*. Москва, январь 1987 г. М. 1989. С. 51–52.
- Ильяшенко С. М. Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н. э. // *БИ*. 2013. Вып. XXIX. 288 с.: ил.
- Кузищин В. И., Иванчик А. И. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического (результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.) // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 205–233.
- Макаров И. А. К интерпретации нового документа из Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2000. № 1. С. 112–118.
- Макаров И. А. Из эпиграфики Северного Причерноморья // *ВДИ*. 2001. № 1. С. 175–178.
- Макаров И. А. Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического (к интерпретации IOSPE P². 404) // *ВДИ*. 2003. № 4. С. 123–136.
- Макаров И. А. Новая надпись из Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2015. № 4. С. 210–226.
- Намойлик А. С. Дом Архелая: новый микротопоним на карте эллинистического Херсонеса // *Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез. 26–28 ноября 2019 г.»*. СПб, 2019. С. 50–52.
- Новоселова Н. Ю., Намойлик А. С. Халцедоновый (?) штамп астинома из Херсонеса Таврического: новейшая находка экспедиции Государственного Эрмитажа // *БФ. Материалы международной научной конференции*. 2018. Ч. 2. С. 98–105.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 282 с.
- Соломоник Э. И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // *ВДИ*. 1996. № 4. С. 43–53.
- Ушаков С. В. Об амфоре с «виллы Василида» на хоре Херсонеса // *Stratum plus*. 2015. № 4. С. 293–298.
- Шелов-Коведяев Ф. В. *De titulis Chersonesi Tauricae* // *ХСб*. 2019. Т. XX. С. 322–333.
- Gauthier Ph. *De nouveaux honneurs cultuels pour Philétaïros de Pergame: À propos de deux inscriptions récemment publiées* // *Studi ellenistici*. 2003. Т. XV. P. 9–23.
- Novoselova N., Namoylik A. A Chalcedonic Die of Astynomos ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ from Tauric Chersonesos // *Hyperboreus*. 2018. Vol. 24. Fasc. 2. P. 289–314.
- Wilhelm A. *Das Epithalamion in Lukianos' Συμπόσιον ἢ Λαπίθαι* // *Wiener Studien*. 1938. Bd. 56. S. 54–89.

REFERENCES

- Gauthier Ph. *De nouveaux honneurs cultuels pour Philétaïros de Pergame: À propos de deux inscriptions récemment publiées*. *Studi ellenistici*, 2003, T. XV, pp. 9–23.
- Gudimenko I. V., Il'yashenko S. M. *Nadpisi na pozdneantichnykh amforakh poseleniia Rogozhkiно XIII*. *Donskaya arkheologiya*, 2000, № 2, pp. 12–28.
- Il'yashenko S. M. *Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinyanykh amforakh Tanaisa i yego okrugy III–IV vv. n. e. Bosporskiye issledovaniia*, 2013, XXIX. Simferopol; Kerch, 288 p.
- Ivantchik A. I. *Dipinti s usad'by klера 227 Gerakleyskogo poluostrova i identifikatsiia eyo vladel'tsa. Problemy issledovaniy antichnykh gorodov. Tezisy dokladov III nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati V. D. Blavatskogo*. Moskva, yanvar' 1987 g. Moscow, 1989, pp. 51–52.
- Kuzischin V. I., Ivantchik A. I. «Usad'ba Basilidov» v okrestnostyakh Khersonesa Tavricheskogo (Rezultaty rabot Khersonesskoi istoriko-archeologicheskoi ekspeditsii istoricheskogo fakul'teta MGU v 1976–1987 gg.). *Vestnik drevnei istorii*, 1998, № 1 pp. 205–233.
- Makarov I. A. K interpretatsii novogo dokumenta iz Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2000, № 1, pp. 112–118.

- Makarov I. A. Iz epigrafiki Severnogo Prichernomor'ia. *Vestnik drevnei istorii*, 2001, № 1, pp. 175–178.
- Makarov I. A. Dokumental'noye dos'ye o naloge na prostitutsiyu iz Khersonesa Tavricheskogo (K interpretatsii IOSPE I². 404). *Vestnik drevnei istorii*, 2003, № 4, pp. 123–136.
- Makarov I. A. Novaya nadpis' iz Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2015, № 4, pp. 210–226.
- Namoilik A. S. Dom Arkhelaya: noviy mikrotoponim na karte ellinisticheskogo Khersonesa. In: *Greki i varvarskiy mir Severnogo Prichernomor'ia: kul'turnye traditsii v kontaktnykh zonakh. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Arkheologicheskiye istochniki i kul'turogenез. 26–28 noyabrya 2019 g.»*. S-Pb, 2019, pp. 50–52.
- Novosyolova N. Yu., Namoylik A. S. Kaltseonovyy (?) shtamp astinoma iz Khersonesa Tavricheskogo: noveishaya nakhodka ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. In: *Bosporskiy Fenomen. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. S-Pb, 2018, vol. 2, pp. 98–105.
- Novoselova N., Namoylik A. A Chalcedonic Die of Astynomos ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ from Tauric Chersonesos. *Hyperboreus*, 2018, Vol. 24, Fasc. 2, pp 289–314.
- Shelov-Kovedyaev F. V. De titulis Chersonesi Tauricae. *Khersonesskiy sbornik*, 2019, T. XX, pp. 322–333.
- Solomonik E. I. Novyye epigraficheskiye pamyatniki Khersonesa. Kiev, 1973, 282 p.
- Solomonik E. I. Grecheskiye nadpisi Khersonesa (Nakhodki poslednikh let). *Vestnik drevnei istorii*, 1996, № 4, pp. 43–53.
- Ushakov S. V. Ob amfore s «villy Basilida» na khore Khersonesa. *Stratum plus*, 2015, № 4, pp. 293–298.
- Wilhelm A. Das Epithalamion in Lukianos' Συμπόσιον ἢ Λαπίθα. *Wiener Studien*, 1938, Bd. 56, S. 54–89.

РЕЗЮМЕ

Публикация продолжает серию заметок о надписях Херсонеса Таврического. № 6 окончательно убирает с карты полиса так называемую «виллу Басилица». № 7 дает практически полную реконструкцию надписи, упоминающей праздник Гермей. № 8 доказывает, что надо вернуться к переводу В. В. Латышевым IOSPE I²410. № 9 исправляет чтение И. А. Макаровым начальных строк IOSPE I²404. № 10 показывает, что так называемый «дом Архелая» был резиденцией астинома Гераклия.

Ключевые слова: надпись, декрет, имя, астином, полис, амфора, Гермей, дипинто, граффито

F. V. Shelov-Kovedyaev

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE II

SUMMARY

The paper continues the series of notes concerning some inscriptions of Tauric Chersonesos. No. 6 definitively abolishes from the map of the city the so-called «Basileides' manor». No. 7 advances practically the full reconstruction of the inscription referring the games of Hermaiai. No. 8 proves that we need to return to the V. V. Latyshev's translation of IOSPE I²410. No. 9 corrects the I. A. Makarov's understanding of initial lines of IOSPE I²404 and discusses the sense of *καροί* in the Greek epigraphical texts. No. 10 demonstrates that so-called «Arkhelaios' house» was in reality the residence of *astynomos* ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ.

Keywords: inscription, decree, name, *astynomos*, *polis*, amphora, *Hermaiai*, dipinto, graffito

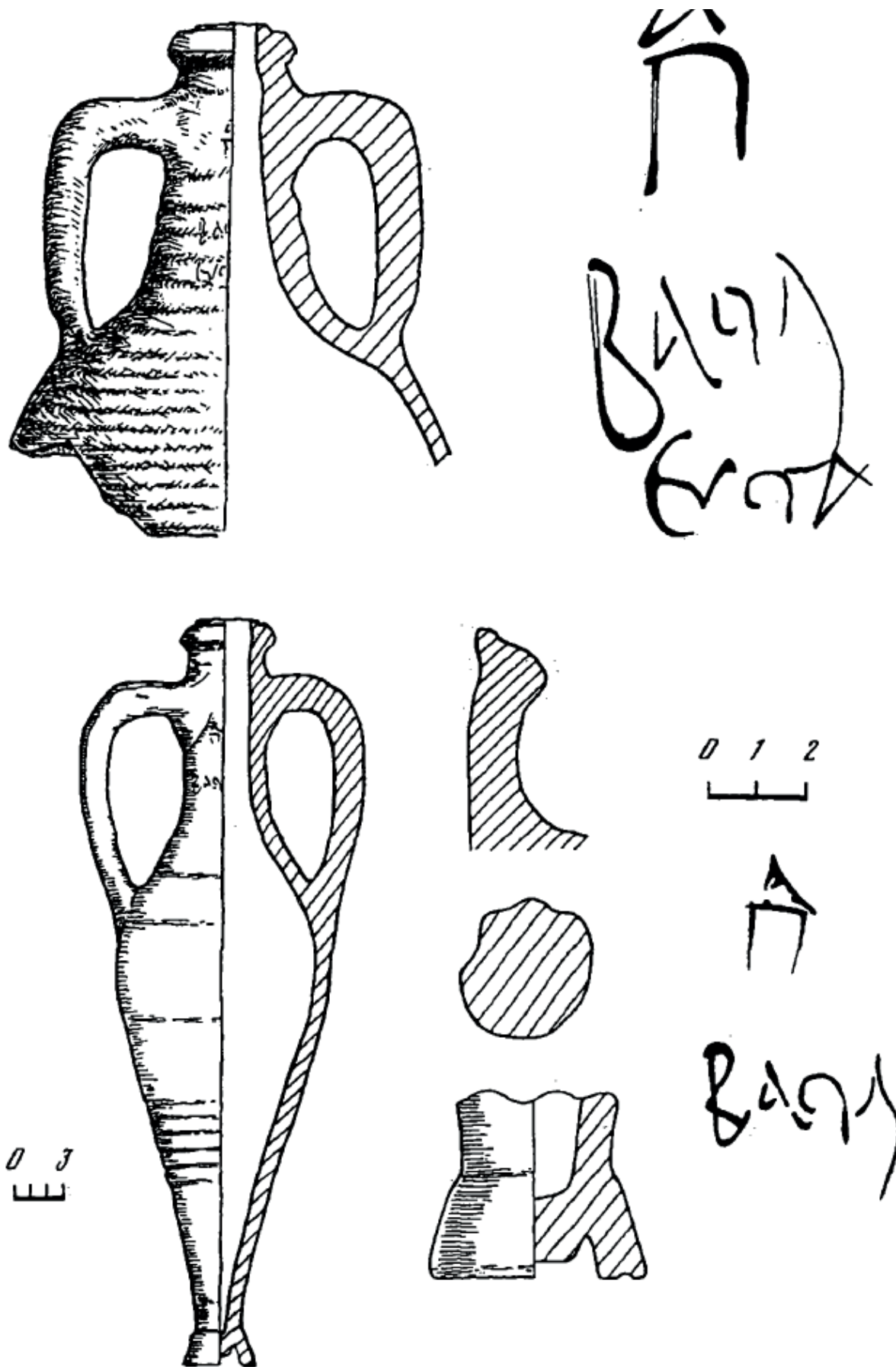

Рис. 1. Амфоры с надписями с 227-го клера Гераклейского полуострова (рис. С. Дурасова).

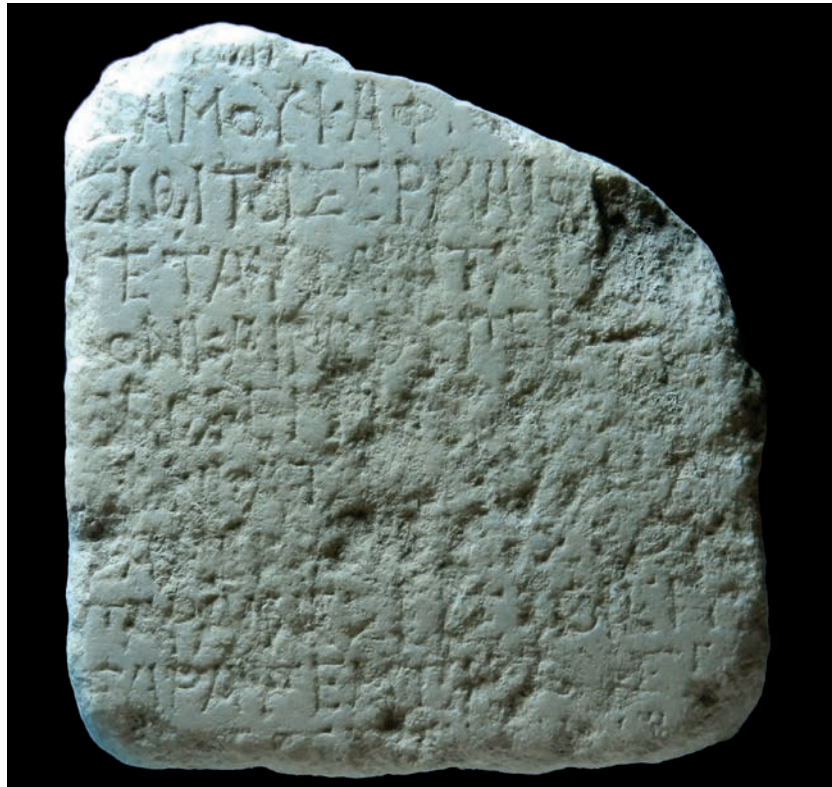

Рис. 2. Херсонесская надпись с упоминанием праздника Гермеи (фото К. В. Зыковой, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»).

Рис. 3. Фото с эстампажа строк 1-2 надписи о проституционной подати (по IOSPE I³).

Рис. 4. Граффито Архелая из Херсонеса.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХЕРСОНЕСА: БИОГРАФИИ, МУЗЕЙ, ИСТОРИОГРАФИЯ

П. М. Ляшук, Т. А. Прохорова

ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА М. С. ШЕМЯКИН (1823–1855): УБИТЫЙ И ЗАБЫТЫЙ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ «УВАРОВСКОЙ БАЗИЛИКИ» В ХЕРСОНЕСЕ

В сентябре 1848 г. во время поездки на Юг России по заданию Петербургского археолого-нумизматического общества граф Алексей Сергеевич Уваров посетил Севастополь (рис. 1). В путешествии его сопровождали художник, академик архитектуры Императорской Академии художеств М. Б. Вебель и французский нумизмат П. Ю. Сабатье. Молодому археологу было поручено осмотреть руины Херсонеса и сделать зарисовки некоторых древностей на городище. В итоге появилось краткое описание Херсонеса, в котором граф, однако, отмечал отсутствие подробного плана уцелевших развалин и указывал на необходимость изменения методики раскопок памятника [Тункина 1996, с. 171–172; Тункина 2002, с. 524]. Спустя пять лет, осенью 1853 г., Уваров вновь окажется в Херсонесе, только на этот раз в качестве руководителя археологических работ. Полевой сезон 1853 г. стал особенным: во-первых, изыскания велись в то время, когда уже прогремели выстрелы первых сражений Крымской войны; и во-вторых, в ходе этих работ, по настоянию архитектора А. А. Авдеева, Уваровым был исследован самый большой из выявленных в Херсонесе христианских храмов базиликального типа, который до наших дней носит название «Уваровская базилика» [Уваров [1854]].

Впоследствии памятник был описан во «Всеподданнейшем отчете об археологических разысканиях в России в 1853 г.» графа Уварова [Уваров 1910; Домбровский 2004, с. 11]. Базилика, длиной 52 м и шириной 22 м, состояла из трех нефов (рис. 2), разделенных двумя рядами из 11 колонн каждый. Боковые нефы и притворы имели мозаичные полы (тот, что

из южного нефа базилики, был сразу же вывезен в Петербург и теперь украшает «Зал Афины» Государственного Эрмитажа) [[Авдеев] 1859, стлб. 209], а центральный неф вымощен мраморными плитами. Мрамором также были отделаны стены, алтарная часть украшена настенной фресковой росписью. При раскопках графу удалось обнаружить значительное количество фрагментов архитектурных деталей (плит и колонн), а также 22 монеты в алтарной части храма [Айналов 1905, с. 2–4].

По мнению ряда исследователей, уникальный комплекс «Уваровской базилики» был разрушен летом 1855 г. фортификационными работами французов. В частности, траншеей с валом, которая проходила через все городище к северному флангу батареи № 57 («Батарея Наполеона») (рис. 3), которую возвели у «базилики Крузе». Назначением французских батарей в Херсонесе являлась борьба с русской береговой батареей № 10 (Карантинный форт), бастионом № 6 (Карантинный бастион) и передовыми земляными батареями у Карантинной слободки [Иванов 2006, с. 97–98]. Крымская кампания 1854–1856 гг. окончательно превратила остатки христианского храма в руины [Айналов 1905, с. 7]. Однако это положение вступает в явное противоречие с тем, что сообщал Н. Н. Мурзакевич по итогам своего визита в Херсонес в октябре 1860 г., и записью в тетрадях А. С. Уварова, относящейся к 1875 г. Оба автора отмечают, что «в древнем Херсонесе местность мало пострадала от траншей неприятельских» и фундамент «обширной базилики на самом берегу моря» хорошо виден [Тункина 2002, с. 529].

Любопытен еще один сюжет, связанный с открытием и дальнейшим исследованием «Уваровской базилики», а точнее — с производителем на ней первых раскопок. Благодаря донесению действительного члена Одесского общества истории и древностей капитана I ранга З. А. Аркаса от 30 марта 1851 г. на имя Н. Н. Мурзакевича, известно, что этим человеком являлся «один лейтенант по имени Шемякин», который случайно обнаружил на морском берегу «на развалинах Херсонеса, у башни, которая находится между пристанями, устроенными по западную сторону... — [кубики] мозаики, подобные Софийской церкви. Обстоятельство это заставило его привести нескольких рабочих людей и, открывая, нашел: на стенах окрашенную штукатурку¹, пол, выстланный крупным простым мозаиком, куски мраморных узких пилястр с резьбою прямых полукруглых линий, и на одном из них вырезан крест, а под этими мраморами нашлись остовы человеческие, но монет не оказалось никаких; мелкий же хороший мозаик красного цвета, в числе коих есть и золотистого, находят по всему пространству. Шемякин открыл только южную стену этого здания, и как он хотел присвоить себе все найденные им вещи, то Карантинное правление и я не позволили ему, и потому он прекратил свои занятия. По рассмотрению мной этого места, кажется, должна быть церковь длиной 13 [27,74 м] шириной 5,5 сажени [11,73 м], алтарь ее круглая башня, означенная в моей карте между пристанями, а примыкающая к нему стена — северная паперть — давно обрушилась в море, и камней нет. Рисовка на штукатурных² стенах очень похожа на рисовку под образами, но выше нет стен, на которых, вероятно, были изображены лики образов. Разноцветный мозаик, разбросанный по всему пространству, полагать должно, был на куполе и когда обрушился он, рассыпался. Впрочем, это одно только мое предположение. Чтоб удостовериться, нужно открыть все это место, но без содействия начальства сделать не можно. Отысканные Шемякиным мраморы: 10 кусков пилястр, одна мраморная база и несколько небольших кусков мрамора, без надписи, отобраны и хранятся в Карантине» [Тункина 2002, с. 525–526]. По настоянию З. А. Аркаса, коему было поручено следить за сохранностью

Херсонесского городища и препятствовать хищническим раскопкам на его территории, работы Шемякина, «проводимые без плана и ученой цели» [там же; Золотарев 2002, с. 50], были прекращены, а уже 12 августа 1851 г. все найденные мраморы были отправлены в Одессу. «Страсти» вокруг раскопок в Херсонесе стали известны императору Николаю I и закончились тем, что по Высочайшему повелению от 10 мая 1852 г. «несчастливого» автора изысканий на месте остатков базилики «было велено иметь под строгим замечанием» [Список флотским лейтенантам 1854, с. 230].

Личность «лейтенанта по имени Шемякин» (а им являлся лейтенант 33-го флотского экипажа Михаил Сергеевич Шемякин) не привлекала к себе особого внимания специалистов-археологов и историков науки. Отношение к данному персонажу всегда определялось интересом к работам, последовавшим вслед за его начинаниями, — раскопкам графа А. С. Уварова в Херсонесе в 1853 г. Напротив, исследователям обороны Севастополя 1854–1855 гг. лейтенант хорошо знаком и известен не как самовольный раскопщик и любитель антиков, а как командир трех батарей над восточным берегом Карантинной бухты напротив Херсонеса. Именно его батареи противостояли французской артиллерии на городище. Поэтому публикация основных биографических сведений из жизни указанного офицера Черноморского флота будет весьма уместной.

Михаил Сергеевич родился 30 сентября 1823 г. в г. Севастополе в семье прапорщика по гарнизонной артиллерии Сергея Фомича Шемякина (1791–1855). Батюшка Михаила происходил из солдатских детей г. Пернова (г. Пярну) Лифляндской губернии. К моменту рождения сына он уже прошел службу канониром лейб-гвардии в артиллерийском батальоне и фейерверкером в 4-й артиллерийской бригаде, в 1812–1814 гг. участвовал в боевых действиях против французов. За отличие в сражении под Полоцком в октябре 1812 г. был удостоен знака отличия Военного Ордена Святого Георгия. Впоследствии С. Ф. Шемякин участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.; в 1833 г. произведен в поручики, а в 1837 г. назначен командиром № 3 роты Севастопольского гарнизона 10-й гарнизонной артиллерийской бригады. Указом по Временному Присутствию Герольдии от 11 марта 1842 г. за № 1037 был утвержден

¹ В оригинале написано «щекатурку».

² В оригинале — «щекотурных».

с семейством в потомственном дворянстве по Симферопольскому уезду, внесен во вторую часть Родословной книги по собственным заслугам. В 1843 г. Сергея Фомича произвели в капитаны, в 1848 г. наградили орденом Святого Георгия 4-й степени «за 25 лет беспорочной выслуги в офицерских чинах»; в апреле 1853 г. «за отлично-усердную ревностную службу» пожаловали орден Святой Анны 2-й степени.

С 13 сентября 1854 г. с началом осады Севастополя капитан Шемякин находился в составе севастопольского гарнизона в должности коменданта приморской Константиновской батареи при входе в Севастопольскую бухту. По решению Походной Думы Георгиевских кавалеров от 15 ноября 1854 г. он был признан достойным ордена Святого Георгия 4-й степени «за храбрость», который заменили впоследствии на орден Святой Анны 2-й степени с Императорской короной, поскольку Сергей Фомич уже имел орден Святого Георгия 4-й степени за выслугу лет. Незадолго до смерти, 31 марта 1855 г., приказом по Севастопольскому гарнизону капитана Шемякина назначили «начальником артиллерии Константиновского форта». Он скончался до 13 апреля 1855 г., не пережив гибель сына [Ляшук 2008, с. 183–186; Крымская война 2009, с. 211–213].

Шемякин-старший был женат на дочери униатского священника Юлии Осиповне, в браке с которой у него родилось шестеро детей: Александр Сергеевич (р. 29.08.1829, г. Севастополь), в 1856 г. юнкер в Сухопутном ведомстве; Николай Сергеевич (р. 07.11.1831, г. Севастополь); Варвара Сергеевна (р. в 1834, Севастополь), в 1856 г. замужем за подпоручиком Корпуса Морской артиллерии Карлюгиным; Юлия Сергеевна (р. в 1835, г. Севастополь); Василий Сергеевич (р. в 1838, г. Севастополь), в 1845 г. «в корпусе кадетов Штурманской роты»; и самый старший — Михаил Сергеевич (30.09.1823 — убит 28.03.1855, г. Севастополь).

Михаил Сергеевич, как и отец, был утвержден потомственным дворянином Симферопольского уезда Указом по Временному Присутствию Герольдии от 11 марта 1842 г. за № 1037. Получив домашнее образование, он 12 января 1838 г. вступил в службу гардемаринном в Черноморский флот; плавал на кораблях «Иоанн Златоуст», «Чесма» и «Адрианополь» до 1839 г. В марте 1841 г. произведен в юнкера, 6 декабря того же года — в мичманы с переводом в Бал-

тийский флот; с 1844 г. служил в Черноморском флоте. В 1848 г. 11 апреля произведен в лейтенанты и в течение следующих трех лет, с 1849 по 1852 г., на бриге «Эндимион» и линейном корабле «Чесма» плавал у восточного берега Черного моря [Ляшук 2005, с. 152–153].

И вот в начале 1851 г. в его биографии кроме фактов службы случился опыт производства археологических работ, когда он на собственный счет провел раскопки в Херсонесе Таврическом и обнаружил южную стену византийской церкви, известной впоследствии под именем «Уваровской базилики». Предпосылками к этому стало отсутствие централизованного контроля со стороны государства над раскопками. Судьба херсонесских руин мало заботила руководителей города и флота. Первостепенной заботой А. С. Грейга и его преемника М. П. Лазарева было все же укрепление и благоустройство Севастополя. Неудивительно, что при таком отношении Херсонес был отдан для устройства на его территории монашеской киновии «как место впусе и без употребления лежащее» [Лебединцев 1889, с. 65]. В это время Херсонес, упомянутый в древних летописях под именем Корсунь, все больше стал привлекать внимание представителей Русской православной церкви. С утверждением Указа Святейшего Синода от 4 мая 1850 г. № 4141, согласно которому Херсонской епархии разрешалось заняться восстановлением древних святых мест в Крыму, на первое место вышла инициатива архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), изложенная в его «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» (1850).

Возглавить Херсонскую кафедру Иннокентию довелось в непростое время: пройти через тяготы Крымской войны, содействовать активному церковному строительству в Крыму, стать духовным лидером своей епархии — таковы были заботы архипастыря. Одной из его главных задач было восстановление древних христианских памятников в Таврике и основание там монастырей. Места для новых обителей Иннокентий выбирал осознанно: с одной стороны, они должны были иметь древнюю историю и окружаться ореолом святости, а с другой — почитаться местным населением, не только христианами, но и мусульманами. Крымские монастыри возникают в тех местах, которые были связаны легендами с именами

православных святых либо имели славу «целбных». Программа восстановления святынь была бы неполной без включения в нее христианских памятников Херсонеса — они-то и вошли в «Записку» четвертым пунктом [Иннокентий (Борисов) 1908]. В 1852 г. на территории Херсонесского городища был открыт Свято-Владимирский монастырь, а уже в феврале 1853 г. освятили первую на его территории церковь в честь святой Ольги.

При адмирале М.П. Лазареве был рожден еще один губительный для Херсонеса проект — устройство нового Карантина в восточной части городища, который чудом удалось остановить благодаря протесту церковного писателя А.Н. Муравьева [Ильченко, Чистяков 2014, с. 78–79]. Ситуация несколько изменилась, когда в 1840 г. М.П. Лазарев был избран почетным членом ООИД. Вероятно, по инициативе адмирала контроль за охраной, собиранием и отправкой памятников Херсонеса в Одессу был поручен служащему севастопольского статистического комитета З.А. Аркасу, который в течение ряда лет выполнял обязанности неофициального хранителя Херсонеса [Гриневич 1927, с. 12; Шаманаев 2003, с. 417]. И все же случаи проведения самовольных раскопок повторялись, и вели их преимущественно археологи-любители, в том числе севастопольские офицеры В.И. Барятинский и М.С. Шемякин. Отмечая сам факт раскопок и нежелание, видимо, сразу добровольно расстаться с находками, за что М.С. Шемякин получил Высочайшее замечание, резонно задаться вопросом относительно причин проведения этих работ [Семин 1955, с. 85]. Раскопки — дело рискованное и затратное, но неизменно привлекавшее любителей древности, отправлявшихся на поиски ценностей. Вряд ли тут нужно говорить о благородных целях, преследуемых археологами-любителями, однако тот факт, что в Херсонесе это были люди флотские и военные, вероятно, мог в известной мере охладить пыл «гражданских» незаконных копателей. К сожалению, окончательно пресечь практику несанкционированных раскопок удалось не сразу. Потребовалось еще несколько десятков лет и невероятных усилий ученых и представителей Министерства Императорского Двора, прежде чем раскопки в Херсонесе и на Юге России будут взяты под государственный контроль и приобретут систематический характер.

Тем временем приостановленные в 1851 г. раскопки лейтенанта Шемякина были возобновлены силами монастыря в июле 1852 г. Дабы их освидетельствовать, в Херсонес лично прибыл Н.Н. Мурзакевич, который снял план крестообразной церкви в центре городища и следы оснований здания, лежавшего сразу за алтарем храма. Эти остатки были атрибутированы им как остатки церкви Богородицы, где согласно летописной традиции крестился князь Владимир, и дома (дворца), где жила княгиня Анна. Вслед за этой гипотезой родилась идея — увековечить этот значимый для всей Руси памятник как место вероятного крещения князя Владимира. За работами над проектом по воссозданию церкви наблюдал Н.Н. Мурзакевич, который осенью 1853 г. отправил проект вместе с планом Оттона³ в Петербург для представления Святейшему Синоду. Проекту так и не суждено было осуществиться [Тункина 2002, с. 527–528].

Наступил знаковый 1853 г. По приказанию управляющего Кабинетом Его Величества Л.А. Перовского камер-юнкеру А.С. Уварову было поручено проведение раскопок в Херсонесе. Обоснованием для продолжения работ послужило сочинение «Описание Трахейского полуострова (Херсониса)», принадлежавшее перу отставного штаб-капитана Крузе, который в 1852 г. составил его по заданию директора Севастопольской морской библиотеки генерал-майора З.А. Аркаса и секретаря Одесского Общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевича. В помощь А.С. Уварову были прикомандированы подпоручик Корпуса флотских штурманов Федоров, художник Медведев и топограф. Получив одобрение архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, А.С. Уваров приступил к раскопкам, которые длились с 28 октября по 5 декабря 1853 г.⁴ 7 ноября 1853 г. граф начал исследование церкви в северной части городища у самого берега моря, а уже 6 декабря в докладной записке сообщал Иннокентию о результатах работ [там же].

Интересно другое. По сведениям, имеющимся в исторической литературе, раскопки в Херсонесе граф осуществлял не сам, а назна-

³ Оттон Людвиг Цезаревич (1822–1894) — архитектор, общественный деятель, представитель известной в Одессе архитектурной династии Оттонов.

⁴ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

чил производителем работ все того же лейтенанта Шемякина. Этот факт прочно закрепился на страницах историко-архивных исследований, начиная с труда К.Э. Гриневича «Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927)» — первой работы обобщающего характера об истории раскопок в Херсонесе [Гриневич 1927, с. 16]. В дальнейшем данный тезис был заимствован всеми, кто работал над составлением обзоров истории археологической науки в Херсонесе. Раскопки А. С. Уварова в 1853 г. достаточно подробно освещены в литературе [Тункина 1996; Гриненко; Айналов 1905, с. 1–15;], но отсутствие интереса к личности лейтенанта Шемякина привело к тому, что долгое время даже в серьезных исследованиях он продолжал именоваться «неким лейтенантом Шемякиным» (без указания имени и родства) [Тункина 2002, с. 526–527; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 21; Шаманаев 2003, с. 418; Жук 2017]. В отдельных работах вместо 1851 г. раскопок лейтенанта назван 1852-й [Сорочан 2010, с. 135], но, что гораздо важнее — от взгляда ученых ускользнуло одно важное обстоятельство, ставящее под сомнение тезис об участии Михаила Шемякина в раскопках А. С. Уварова в октябре-декабре 1853 г.

84-пушечный линейный корабль «Чесма» (командир капитан 2-го ранга В. М. Микрюков), где лейтенант Шемякин командовал деком (палубной батареей), с начала июня 1853 г. «на случай приближающейся войны с Турцией» ежедневно проводил «практические учения в стрельбе и движении» на Севастопольском рейде в составе эскадры вице-адмирала Ф. А. Юрьева.

17–24 сентября 1853 г. в отряде кораблей Черноморского флота «Чесма» участвовала в перевозке из Севастополя в Сухум-кале войск 13-й пехотной дивизии.

4 октября 1853 г. очередной дипломатический конфликт между Россией и Турцией перерос в войну за сферы влияния в Европе, на Кавказе, Ближнем Востоке, в Передней и Малой Азии. Черноморский флот находился в постоянной боевой готовности, и уже только поэтому лейтенант М. С. Шемякин, будучи на действительной военной службе, не мог иметь свободного времени для археологических изысканий.

11 октября 1853 г. старший флагман Черноморского флота вице-адмирал П. С. Нахимов во главе эскадры вышел из Севастополя для крейсерства к берегам Анатолии, 23 октября им

было получено разрешение нападать на турецкие военные суда, а 18 ноября прогремело знаменитое Синопское сражение, в котором была уничтожена турецкая эскадра, направлявшаяся в Сухум. В начале боя линейный корабль «Чесма» вместе с флагманским кораблем «Императрица Мария» и «Великим Князем Константином» вел огонь по турецкому фрегату «Навек-Бахри», а после взрыва последнего «срыл» ядрами береговые батареи № 3 и 4. Командир дека лейтенант Михаил Шемякин «за храбрость и распорядительность» в бою был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и годовым окладом жалования.

По окончании сражения корабли русского флота начали исправлять повреждения в такелаже и рангоуте, а 20 ноября снялись с якоря, чтобы на буксире пароходов следовать в Севастополь. 22 ноября, около полудня, победоносные корабли вошли при общем ликовании жителей города на Севастопольский рейд.

Следовательно, в то время как граф А. С. Уваров производил раскопки, М. С. Шемякин с 11 октября по 22 ноября участвовал в крейсерстве у турецких берегов и в Синопском сражении на корабле «Чесма» и в этот период никак не мог принимать участие в исследованиях на территории Херсонеса. Чисто теоретически Михаил Сергеевич имел возможность находиться на городище в последние две недели изысканий графа, однако необходимость нести вахты на «Чесме» и наблюдать за починкой корабля после Синопа делает данное предположение весьма сомнительным. Напрашивается вывод: лейтенанта задним числом «назначили» производителем работ под наблюдением Уварова, и таким образом приоритет в открытии базилики закреплен за графом. Самое раннее упоминание подобной конструкции относится к октябрю 1860 г. и принадлежит Н. Н. Мурзакевичу, который писал в Одессу из Севастополя: «...Фундаменты церквей и других зданий, нанесенных на план... Аркасом... и теперь хорошо видны, тоже и обширная базилика, на самом берегу моря, которая была открыта в 1853 г. г [осподином] Шемякиным под наблюдением гр [афа] Уварова» [Тункина 2002, с. 529]. В этой связи вполне обоснованным видится мнение, согласно которому раскопки А. С. Уварова в 1853 г. способствовали легализации «самочинных» археологических работ Шемякина двумя годами ранее, оттого он мог быть упомянут в числе участника раскопок

1853 г. [Золотарев 2002, с. 50; Хапаев 2016, с. 12].

Начавшаяся в октябре 1853 г. война России с Турцией, а в марте 1854 г. с Англией и Францией, нарушила планы Уварова о продолжении раскопок. Обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников Л. А. Перовский доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом, и император повелел немедленно перевести ее в Петербург. В начале мая 1854 г. доставку мозаики поручили А. С. Уварову, которому придали в помощь коллежского регистратора Медведева и старшего мастерового первого разряда Петергофской гранильной фабрики Василия Докторовова. Как известно, в 1848–1858 гг. директором Петергофской гранильной фабрики был барон Н. Е. Бухгольц, при котором было организовано мраморное и паркетное отделение, занимавшееся изготовлением мозаичных полов для Эрмитажа.

Жизнь первооткрывателя «Уваровской базилики» М. С. Шемякина закончилась трагически. Он находился в гарнизоне Севастополя с первого дня обороны — с 13 сентября 1854 г.; командовал батареями № 26, 60 и 61 за 6-м бастионом над Карантинной слободкой (см. рис. 4). В ходе осады неоднократно вступал в артиллерийские дуэли с французскими батареями Херсонеса. В начале 1855 г. Михаил Сергеевич познакомился с состоявшим при Главной квартире войск в Крыму художником, писателем и переводчиком Н. В. Бергом, который несколько раз приходил к нему на батареи. 15 февраля 1855 г. Берг отметил в дневнике: «<...> Мы шли траншеями в блиндаж Шемякина, который был с четверть версты от [6-го] бастиона, подле батареи, называвшейся Шемякинской или Полюнковой». 28 марта 1855 г. у 6-го бастиона при бомбардировке Михаил Шемякин был «разорван ядром», пущенным с французской батареи, расположенной в районе Херсонеса. Место его погребения не установлено, возможно, Михайловское кладбище на Северной стороне, где хоронили моряков. Имя Шемякина было увековечено на одной из плит черного мрамора в церкви Святого Павла Исповедника Морского

кадетского корпуса в Санкт-Петербурге среди фамилий других строевых офицеров Российского флота, погибших в сражениях, и в храме Святого Николая на Братском кладбище в Севастополе на Северной стороне, среди фамилий офицеров армии и флота, павших при обороне Севастополя 1854–1855 гг. [Ляшук 2005, с. 154; Крымская война 2009, с. 210–211].

В дальнейшем к изучению «Уваровской базилики» исследователи обращались неоднократно. Археологические раскопки храма предпринимались в 1876–1877 гг. (Одесским обществом истории и древностей), в 1901 и 1904 гг. (К. К. Косцюшко-Валюжиничем), в 1908 г. (Р. Х. Лёпером), в 1953 г. (О. И. Домбровским), в 1976, 1977, 1979 гг. (В. А. Кутайсовым), а в 1970 и 1983–1984 гг. был также осуществлен ряд реставрационных мероприятий. И у всех последующих исследователей не оставалось сомнений в значимости базилики. Современник К. К. Косцюшко-Валюжинича В. В. Латышев, к примеру, считал, что на месте крещальни базилики располагался храм апостола Петра [Беляев 2001]. С. А. Беляев по результатам анализа архитектурного ансамбля базилики, с учетом свидетельств письменных источников, высказал предположение, что в крещальне, входящей в ансамбль «Уваровской базилики», крестился князь Владимир, а в самой базилике происходило его венчание с принцессой Анной [Беляев 1989; Беляев 1989а, с. 22]. Совершенно очевидно, что из общего числа христианских храмов, открытых на территории Херсонеса (в Средние века — Херсона), место одного из самых значимых принадлежит базилике № 23 (по плану Императорской археологической комиссии), или «Уваровской базилике». Несмотря на то, что храм был назван именем выдающего археолога, немало сделавшего для поддержания археологии, музейного дела и исторической науки в России и Крыму — графа А. С. Уварова, важно знать и помнить имя ее первооткрывателя — лейтенанта Черноморского флота, жителя Севастополя М. С. Шемякина, погибшего при защите Отечества в 1855 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [Авдеев А. А.]. Нынешнее состояние развалин Херсонеса и проекты для постройки храма в память крещения князя Св. Владимира. (Письмо к редактору Архитектурного вестника) // Архитектурный вестник. 1859. № 3. Стлб. 207–216.
- Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Выпуск I. Развалины храмов. М., 1905. 153 с.
- Беляев С. А. Где крестился князь Владимир? (Предварительное сообщение) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. М., 1989. С. 531–540.

- Беляев С. А. Под сводами Уваровской базилики: [Об основателях славянской письменности и литературы, братьях Кирилле и Мефодии] // Литературная Россия. 1989а. 26 мая (№ 21). С. 22.
- Беляев С. А. О названии церкви, в которой был крещен князь Владимир // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 50–68.
- Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927. 51 с.
- Гриненко Л. О. «Повелите, Государь, и спасите для чести и славы России древний Херсонес...» (Материалы научного архива музея-заповедника «Херсонес Таврический» о роли А. С. Уварова и П. С. Уваровой в изучении и сохранении памятников Херсонеса): [Электронный ресурс] // Сайт «Academia. edu». URL: <https://www.academia.edu/32366898>. (дата обращения: 12.02.2020).
- Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 11–31.
- Жук А. В. Археология как служение. Святитель Иннокентий (Борисов) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1. С. 113–127.
- Золотарев М. И. Херсонесские святыни: популярный исторический очерк. Севастополь, 2002. 154 с.
- Иванов А. В. Фортификационные сооружения нового времени на территории городища Херсонеса Таврического // ХСБ. 2006. Вып. XV. С. 97–116.
- Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический. О восстановлении древних святых мест по горам крымским // Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. 6. С. 970–979.
- Крымская война в лицах / сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь, 2009. 220 с.
- Лебединцев П. Г. Остатки церкви на развалинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина. 1889. Т. 25. Апрель. С. 56–73.
- Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 годах: биограф. справ. Симферополь, 2005. 256 с.
- Ляшук П. М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Симферополь, 2008. Вып. 1. 256 с.
- Семен Г. И. Севастополь: исторический очерк. М., 1955. 549 с.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. 828 с.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Часть 1: (вторая половина VI — первая половина X вв.): очерки истории и культуры. М., 2010. 589 с.
- Список флотским лейтенантам и мичманам по старшинству. Испр. по 1 ноября [1854]. СПб., 1854. 308 с.
- Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х — начало 1850-х гг.) // Погибшие святыни: тез. докл. IV Росс. науч.-практ. конф. «Охраняется государством», Санкт-Петербург, 14–16 марта 1995 г. СПб., 1996. С. 163–181.
- Тункина И. В. К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII – середине XIX вв.: Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2001. Вып. 3. С. 96–120.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
- Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя. [М., 1854]. 13 с.
- Уваров А. С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Вып. III. С. 58–125.
- Хапаев В. В. «Заведывающий открытиями»: первые сообщения о раскопках Херсонеса // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XIX (VI). Серия А. 2016. С. 6–46.
- Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 415–425.

REFERENCES

- Ainalov D. V. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa. Vypusk I. Razvaliny khramov*. Moscow, 1905, 153 p.
- [Avdeev A. A.]. Nyneshnee sostoianie razvalin Khersonesa i proekty dlia postroiki khrama v pamiat' kreshcheniia kniazia Sv. Vladimira. (Pis'mo k redaktoru Arkhitekturnogo vestnika). *Arkhitekturnyi vestnik*. 1859, № 3, col. 207–216.
- Beliaev S. A. Gde krestilsia kniaz' Vladimir? (Predvaritel'noe soobshchenie). In: *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik*. Moscow, 1989, pp. 531–540.
- Beliaev S. A. O nazvanii tserkvi, v kotoroi byl kreshchen kniaz' Vladimir. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2001. № 2 (4), pp. 50–68.
- Beliaev S. A. Pod svodami Uvarovskoi baziliki: [Ob osnovateliakh slavianskoi pis'mennosti i literatury, brat'iaKh Kirille i Mefodii]. In: *Literaturnaia Rossiia*, 1989a, 26 maia (№ 21), p. 22.
- Dombrovskii O. I. O khronologii «Baziliki Uvarova». *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2004, № 3–4, p. 11–31.
- Grinenko L. O. «Povelite, Gosudar', i spasite dlia chesti i slavy Rossii drevnii Khersones...» (Materialy nauchnogo arkhiva muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii» o roli A. S. Uvarova i P. S. Uvarovoi v izuchenii i sokhranении pamiatnikov Khersonesa). Available at: <https://www.academia.edu/32366898>. (accessed: 12.02.2020).
- Grinevich K. E. *Sto let khersonesskikh raskopok (1827–1927)*. Sevastopol, 1927, 51 p.
- Grzhibovskaia G. N. (ed.). *Krymskaia voina v litsakh*. Simferopol, 2009, 220 p.
- Innokentii (Borisov), arkhiepiskop Khersonskii i Tavricheskii. O vosstanovlenii drevnikh sviatykh mest po goram krymskim. In: *Innokentii (Borisov), arkhiepiskop Khersonskii i Tavricheskii. Sochineniia*, 1908, vol. 6, pp. 970–979.
- Ivanov A. V. Fortifikatsionnye sooruzheniia novogo vremeni na territorii gorodishcha Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskii sbornik*. Sevastopol, 2006, iss. XV, pp. 97–116.

- Khapaev V. V. «Zavedyvaiushchii otkrytiiami»: pervye soobshcheniia o raskopkakh Khersonesa. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura*, 2016, vol. XIX (VI), series A, pp. 6–46.
- Lebedintsev P. G. Ostatki tserkvey na razvalinakh drevnego Korsunya ili Khersonesa, ikh otkrytie i znachenie. *Kievskaya starina*. 1889, iss. 25, April, pp. 56–73.
- Liashuk P. M. *Martiolog ofitserov Rossiiskoi armii, pogibshikh pri zashchite Sevastopolia i Kryma v 1854–1855 gg.* Simferopol, 2008, iss. 1, pp. 256.
- Liashuk P. M. *Ofitsery Chernomorskogo flota, pogibshie pri zashchite Sevastopolia v 1854–1855 godakh: biogr. sprav.* Simferopol, 2005, 256 p.
- Semin G. I. *Sevastopol»: istoricheskii ocherk.* Moscow, 1955, 549 p.
- Shamanaev A. V. Deiatel'nost' Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei po izucheniiu Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, iss. 34, pp. 415–425.
- Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson. Chast' 1: (vtoraia polovina VI — pervaiia polovina X vv.): ocherki istorii i kul'tury.* Moscow, 2010, 589 p.
- Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa.* Khar'kov, 2000, 828 p.
- Spisok flotskim lejtenantam i michmanam po starshinstvu. Ispr. po 1 noyabrya [1854]. Saint Petersburg, 1854, 308 p.
- Tunkina I. V. A. S. Uvarov i drevnosti Iuzhnoi Rossii (konets 1840-kh — nachalo 1850-kh gg.). In: *Pogibshie sviatyni: tezisy dokladov IV Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Okhraniaetsia gosudarstvom», Sankt-Peterburg, 14–16 marta 1995 g.* Saint Petersburg, 1996, pp. 163–181.
- Tunkina I. V. *K istorii izucheniya Khersonesa-Korsunya v kontse XVIII – seredine XIX vv.: Okhrana ruin Khersonesa i proekty vozvedeniya pamyatnika na meste kreshcheniya knyazy Vladimira // Moskva-Krym: Istoriko-publitsisticheskii al'manakh.* Moscow, 2001, iss. 3, pp. 96–120.
- Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.).* Saint Petersburg, 2002, 676 p.
- Uvarov A. S. *Neskol'ko slov ob arkhelogicheskikh razyskaniakh bliz Simferopolia i Sevastopolia.* [Moscow, 1854], 13 p.
- Uvarov A. S. *Sbornik melkikh trudov.* Moscow, 1910, vol. III, pp. 58–125.
- Zhuk A. V. Arkheologiya kak sluzhenie. Sviatitel' Innokentii (Borisov). *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, 2017, № 1, pp. 113–127.
- Zolotarev M. I. *Khersonesskie sviatyni: populiarnyi istoricheskii ocherk.* Sevastopol», 2002, 154 p.

РЕЗЮМЕ

Значительную роль в религиозной жизни жителей средневекового города Херсонеса-Херсона играла так называемая «Уваровская базилика». История изучения этого памятника насчитывает 165 лет и связана с именами виднейших археологов России и Крыма, в том числе графа А. С. Уварова. В статье рассматривается вопрос об участии в изучении памятника лейтенанта М. С. Шемякина, открывшего базилику во время собственных археологических работ в 1851 году.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, М. С. Шемякин, А. С. Уваров, «Уваровская базилика», Крымская война, археологические раскопки.

P. M. Lyashuk, T. A. Prokhorova

LIEUTENANT OF THE BLACK SEA FLEET SHEMYAKIN, M. S. (1823–1855): THE KILLED AND THE FORGOTTEN DISCOVERER OF «UVAROV BASILICA» IN CHERSONESOS

SUMMARY

During the Middle Ages «Uvarov Basilica» played a significant role in the religious life of the inhabitants of Chersonesos-Kherson. The history of studying of this monument dates back 165 years and is associated with the names of the most prominent archaeologists of Russia and Crimea, including count A. S. Uvarov. The article considers the question of participation in the study of the monument of Lieutenant M. S. Shemyakin, who opened the Basilica during his own archaeological works in 1851.

Keywords: Tauric Chersonesos, M. S. Shemyakin, A. S. Uvarov, «Uvarov Basilica», Crimean war, archaeological excavations.

Рис. 1. Фотограф Юлиус Корнелиус Шаарвехтер. Портрет Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884). 1880-е гг. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 10 × 15 (17 × 24) см. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 52/1).

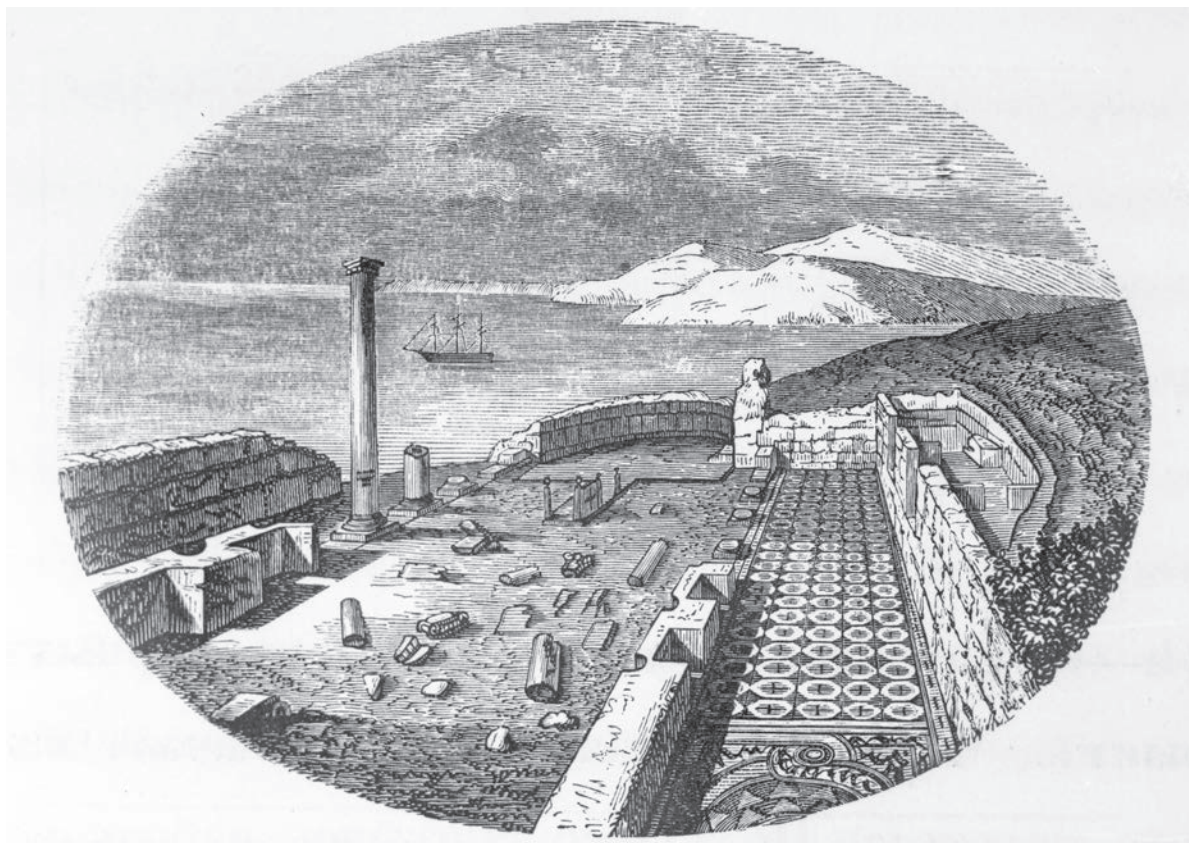

Рис. 2. «Уваровская» базилика в 1853 году. Ксилография Клембовского. Воспр. по: Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмов. М., 1905. С. 4.

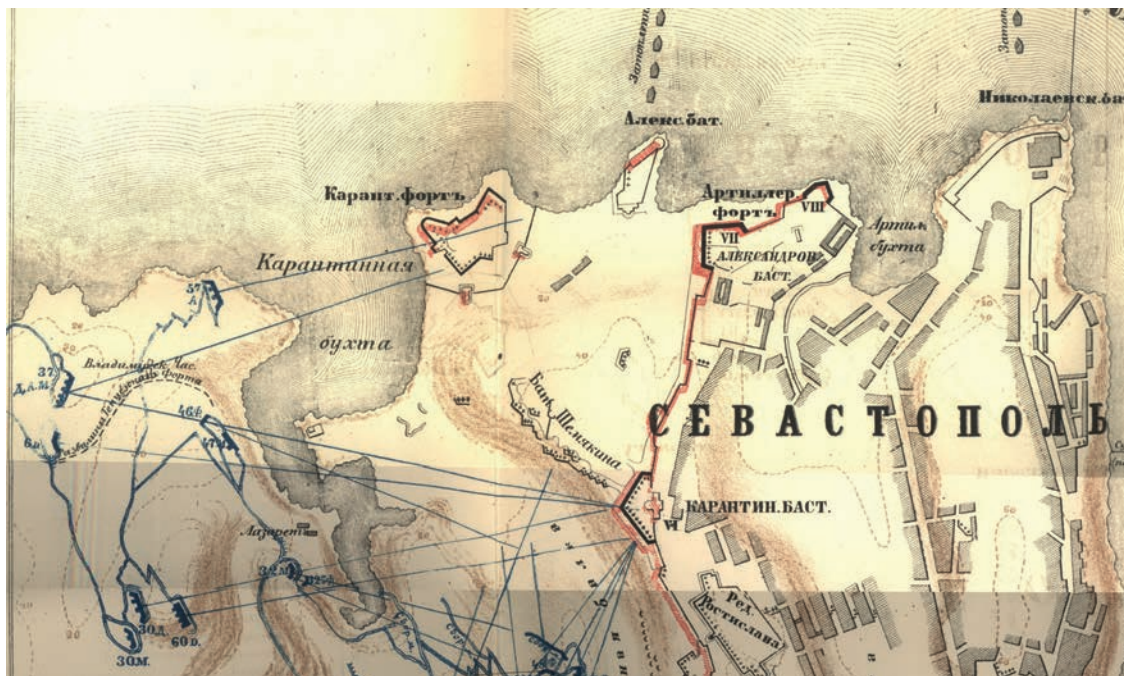

Рис. 3. Общий план осадных работ пред Севастополем, 1854–1855. Фрагмент. Вейгельт. Осада Севастополя. 1854–1856. СПб., 1863.

Рис. 4. Генеральный план г. Севастополя с показанием осадных и оборонительных работ к 6/18 июня 1855 г. Фрагмент. Атлас планов и чертежей к описанию обороны Севастополя / Составлен под руководством генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена при Главном инженерном Управлении и Военно-Топографическом депо. СПб., 1863. Лист XI.

Т. А. Прохорова

МУЗЕЙ И РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ НА СТРАНИЦАХ ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Последняя четверть XIX — начало XX века отмечены для России формированием и развитием массового туризма [Мальгин 2004, с. 5]. В это время туристические поездки делаются доступными не только для дворянства, но и для других слоев городского населения. Крым и Кавказ вышли на первое место в России как наиболее посещаемые курорты благодаря доступности, удобству для путешествий, целительности климата, морскому и горному воздуху [Кошман 1998, т. 1, с. 65]. Вектор развития Севастополя, который указом императора Александра III от 17 мая 1890 г. вновь получил статус крепости, был направлен на укрепление города и порта на Черном море и в меньшей степени — на развитие туристической отрасли. И тем не менее город с богатой военной историей пользовался огромной популярностью среди приезжих. Отдельный интерес вызывал древний Херсонес — памятник античной истории и место предполагаемого крещения князя Владимира. В этой связи представляется любопытным, каким было отношение к Херсонесу Таврическому как туристическому объекту на страницах путевой литературы конца XIX — начала XX века.

Проблемы становления туризма в России, его истории, а также развития путевой литературы в обозначенный период нашли отражение в отечественной историографии [Голоцван 2009; Мальгин 2004; Непомнящий 1999; Непомнящий, Тарасенко 2002; Молочко 2010]. Неоценимый вклад в изучение библиографии и анализ досоветских крымоведческих изданий был внесен историографическими студиями А. И. Маркевича и А. А. Непомнящего [Маркевич 1894; Непомнящий 2004; 2003], специальное внимание которых уделено путевой литературе по Крыму. В зарубежной историографии также известны случаи обращения к данной теме; Крым рассматривается

в контексте путешествий по Европе и России как один из первых курортов на юге империи наряду с Кавказским побережьем [Sakowicz 2016; McReynolds 2003, p. 154–192]. Анализ содержания выявленных трудов позволяет сделать вывод, что данный корпус источников предоставляет нам уникальную информацию о состоянии инфраструктуры и достопримечательностей нарождающихся курортов, в том числе музейных учреждений. Более детального анализа заслуживают сведения о молодом Херсонесском музее, обнаруживаемые на страницах путевых дневников и путеводителей конца XIX — начала XX века.

Изучение данного вопроса предполагает обращение к особой группе исторических источников, и прежде всего это документы личного происхождения: воспоминания, мемуары, дневники. В российской историографии в конце XVIII — первой половине XIX века особое распространение получает жанр путевых заметок, которые отложились в фондах архивов и библиотек в виде рукописей или редких изданий и являются одним из наиболее ценных источников для изучения истории Крымского полуострова. Актуальность исследований путевой литературы подтверждается возросшим интересом к травелогам со стороны историков, филологов, краеведов, журналистов, публицистов и издателей, о чем свидетельствует значительное число общих и специальных исследований. Особо следует отметить растущее число переизданий записок путешественников, побывавших на полуострове в период с конца XVIII до начала XX столетия, поскольку ныне эти материалы представляют собой библиографическую редкость [Петрова, Прохорова 2011а; Петрова, Прохорова 2011б; Сумароков 2012].

Во второй половине XIX века, после окончания Восточной (Крымской) войны (1853–1856),

когда вся европейская общественность была взволнована судьбой «крымского» вопроса, знания о полуострове становились шире и глубже, археологическая наука на юге России делала все более уверенные шаги, а путешествия как форма знакомства с новыми землями становились многочисленнее, визиты интенсивнее. Рост массовости путешествий делал цели поездок все более прозаичными и рождал новые формы путевой литературы. Теперь, с возникновением и развитием туризма, строительством дорог (и в первую очередь, железной дороги), потребность общества в подробных и увлеченных описаниях путешествий отпала, зато появилась необходимость создавать путевые справочники и путеводители, содержащие краткую и полезную информацию, причем появлялись путеводители как для российских, так и для иностранных туристов [Молочко 2012]. На этом фоне записки путешественников не выглядели неким «рудиментом» жанра путевой литературы — во второй половине XIX века подобные путевые записки уже носили не мемуарный, а публицистический характер, и трансформируясь в духе времени, становились примером новой путевой литературы.

Не потерявшие своей актуальности воспоминания путешественников и экскурсантов, составленные ими отчеты, письма, записки, дневники публиковались отдельными изданиями, в виде корреспонденции в газетах, статей в периодических изданиях самого широкого профиля. Свои впечатления они нередко издавали в виде отдельных оттисков из журналов. Авторы этих изданий — видные краеведы, литераторы, публицисты, а также учителя, студенты, и гимназисты. Они писали как небольшие очерки и заметки, так и обстоятельные исследования [Крушеван 2013; Оболенский 1884; Таранец 1914; Тюменев 1905]. Отдельный интерес представляют труды С. Н. Филиппова, М. А. Бернова, П. Н. Засодимского. Они в разное время и неоднократно посещали Крым, оставив обширные воспоминания о нем и весьма точные наблюдения, посещали Херсонес, оттого их сочинения заслуживают внимательного рассмотрения.

Путевая литература конца XIX века была написана на основе трудов по истории Крыма предшествовавшего периода, в ней нашли свое отражение, кроме всего прочего, и господствовавшие в историографии представ-

ления об истории древнего Херсонеса. Созданный в научно-популярной и художественной литературе образ города сводился к отождествлению его с Древней Элладой и ее культурой [Бернов 1896, с. 140]. Регулярные раскопки, начавшиеся на территории «Русской Помпеи» в конце XIX века, подтвердили тот факт, что под толщей земли и остатками византийского города скрываются улицы, кварталы, общественные и жилые строения античного времени. С первыми успехами археологии на Юге России полулегендарная история обрела материальное подтверждение в многочисленных находках, превращая в реальность сказания и древние трактаты. Однако Херсонес, в котором сплелись несколько эпох, не мог дать четкой картины античного полиса, ведь здесь обнаружались многовековые напластования последующих эпох. Это стало основой для политических спекуляций. Иностранцы, попадая в Херсонес и видя развалины средневекового города и запустение, царящее вокруг, находили повод для обвинений русского правительства в неуважении к старине и невежестве местных жителей. В итоге профессор Н. П. Кондаков, руководивший раскопками ИАК в Херсонесе в 1888–1891 гг., отмечал, что образ «Русской Помпеи», созданный для Херсонеса, является преувеличением сентиментальных путешественников, якобы придумавших город с великолепными и изящными мраморными постройками, который теперь, по мнению тех же иностранцев, был разрушен и разнесен русскими матросами. По мнению Н. П. Кондакова и А. Л. Бертъе-Делагарда, раскопки последних пяти лет (1888–1894) показали, что развалины Херсонеса представляют остатки средневекового города — полуварварского и после разрушения в XIII веке крайне бедного, — которые в неприкосновенном виде сохранялись с XV до начала XVIII века [Головкинский 1894, с. 306–307]. Существование древнего города «доримского» периода не отвергалось, но требовало, по их убеждению, ширококомасштабных и тщательных исследований.

Несмотря на категоричные заявления ученых, путешественники продолжали искать «тени античного времени», как отмечал С. Н. Филиппов в 1889 г., которые воскресали на руинах Херсонеса, ведь он «для воссоздания древнегреческой жизни дал уже нечто,

столь же ценное, хотя и в меньших размерах пока, что и Помпея для римской; в будущем он даст не менее ее и в этом их сходство. [...] Без преувеличения можно сказать, — писал автор, — что целый античный город лежит под землей, нетронутый и, вероятно, сохранившийся, и это мнение почти всех историков и археологов» [Филиппов 1889, с. 259, 260]. Тот же автор пишет, что «только с конца X в. он (Херсонес. — Т. П.) вдруг возымел непосредственное и существеннейшее влияние на всю нашу историю: в 988 году в нем принял христианство Владимир и в нем женился на греческой царевне Анне. [...] Но в лучшую эпоху своего существования [...] Херсонес [...] был полон промышленного оживления, духовной жизни, процветания искусств. Страбон с восторгом его описывает, знаменитый Дюбуа уверяет, что в нем было не менее пяти тысячи домов, вмещавших более 50 т [ысяч] жителей. Сюда, в этот город, окруженный, по словам Страбона, восьмиверстной стеной, остатки которой чуть сохранились и вошли в монастырскую ограду, стекались не одни только торговцы, нет, — приходили философы, поэты, художники. Цари посылали сюда воспитываться своих детей. Здесь, па площадях и в домах общественных собраний, кипела оживленная деятельность, гремело ораторское слово, импровизировали рапсоды и читались великие трагедии. Здесь, среди художественных мраморов, перед бюстами богов, под портиками и колоннадами, шла изящная беседа, трактовались избранные темы, торжествовала софистика. Здесь происходили роскошные пиршества, пиршества граций, на которых

Гетеры молодые
С толпою мудрецов сидели до зари,
Гипотезы судили мировые
И розами венчали алтари...

И эта была полная умственная жизнь античного грека, свободолюбивого поклонника красоты. И эта жизнь была тут, среди этих камней, которые валяются теперь под ногами, прикрывая собою город, который должен находиться в земле, потому что он не мог бесследно исчезнуть, как исчезли виноградники, его окружавшие... Ряд находок при раскопках подтверждают высокую культуру Херсонеса и только усиливают любопытство историков и археологов. [...] В Херсонесе вы на развалинах античного мира...» [там же, с. 266–268].

Когда автор писал эти строки¹, прошло уже десять лет с того момента, как в 1876 г. Одесское общество истории и древностей взяло на себя наблюдение за раскопками в Херсонесе. Раскопки общества, которые охватили кварталы в северо-восточной части городища, принесли множество интересных находок, но гораздо важнее было то, что впервые они велись систематически. «Раскопачный комитет», организованный Обществом, в который вошли настоятель монастыря игумен о. Анфим (Казимиров), инженер-полковник Карл Егорович Геммельман (? — 1898) и известный нумизмат Платон Осипович Бурачков (1815–1894), возглавил историк и археолог Николай Никифорович Мурзакевич, бывший вице-президентом ООИД с 1875 года [Шаманаев 2005, с. 384]. В 1876 г., согласно проекту научных изысканий в Херсонесе, на городище предусматривалось создание древлехранилища.

Отметим, что еще в первой половине XIX века в Крыму были основаны музеи древней истории — в Феодосии (1811) и в Керчи (1826). Собрание этих музеев состояло преимущественно из находок античной эпохи, именно поэтому, а также принимая во внимание, что Херсонес почитался как место крещения князя Владимира, предполагалось создание в Херсонесе музейной экспозиции христианской направленности. Идея создания музея с артефактами «христианского назначения» существова-

¹ Автор этих строк — Сергей Никитич Филиппов (1863–1910), в будущем известный писатель и беллетрист, театральный рецензент, редактор газеты «Русский курьер», автор путеводителя по Западной Европе (1900). На момент путешествия по Крыму он был молод и только пробовал свои силы в журналистике. Его книга «По Крыму. Отражение», вышедшая в Москве в 1889 г., стала рефлексией всего пережитого и увиденного в Крыму и объединила серию очерков о Крыме, один из которых под названием «В Крымской Помпее» был посвящен Херсонесу. Судя по описаниям, путешествие Филиппова по «Русской Помпее» состоялось еще до начала систематических раскопок Херсонеса под руководством ИАК, вероятно, в 1887 г. Это можно заключить из содержания разговора, который состоялся у автора книги с казначеем при Владимирском соборе отцом Агадофором. Последний утверждал, что раскопки велись вяло, но при этом замечательна деятельность графини П. С. Уваровой, которая активно ходатайствовала о сохранении «Русской Помпеи». Как известно, именно в 1887 г. Уварова написала свое знаменитое письмо Александру III о спасении памятника. В то же время автор не упоминает о К. К. Косцюшко-Валюжиниче, который лишь в следующем, 1888-м, году стал бессменным заведующим раскопками в Херсонесе до своей смерти в 1907 г.

ла с начала 50-х гг. XIX века, когда был основан монастырь св. Владимира в Херсонесе [Гроздов 1888, с. 99, 100; Тункина 2002, с. 527], однако конкретизировать ее члены Общества смогли лишь в 1878 г., когда создание «христианского музея» в Херсонесе стали предполагать в виде экспозиции средневековых артефактов в специальном здании, построенном «в византийском характере» [Шаманаев 2014, с. 320, 321].

В начале 80-х гг. XIX века идея строительства христианского музея была настолько ощутимой, что об этом сообщалось на страницах популярного исторического путеводителя по Крыму М. А. Сосногоровой и Г. Э. Караулова (4-е издание, 1883) [Сосногорова, Караулов 1883, с. 286]. Проект музея со специально отстроенным зданием так и не был реализован, однако своеобразный музей херсонесских древностей при монастыре все же существовал. Чрезвычайно скромная коллекция заключала в себе монеты и мелкие вещицы, которые хранились в витрине в апартаментах настоятеля, а массивные предметы — архитектурные детали и фрагменты мраморных плит с надписями — собирались в бывшей монастырской оранжерее. В 1887 г. С. Н. Филиппов, прибыв в Херсонесский монастырь, писал: «...занявший ее (оранжерею. — Т. П.) музей оказывается чем-то таким курьезным, что вы невольно спрашиваете себя: что же тут смотреть? Перед вами несколько обломков камней, полурасколотых плит и сосудов античной формы, сохранивших следы своего пребывания в земле. Но это собрание говорит вам очень мало, и вы с невольной усмешкой разглядываете эту миниатюрную коллекцию древностей, собранных в крохотном чуланчике с громким названием Херсонесский монастырский музей» [Филиппов 1889, с. 275].

Состав коллекции монастырского музея мог бы обогатить любое музейное собрание, в нем хранились постамент от статуи Аристона, сына Аттина, капители колонн дорического стиля, античные сосуды — предметы, которые впоследствии украсят экспозицию Херсонесского музея. Примечательно, что в музейчике была заведена книга для отзывов посетителей, в которой к моменту визита С. Н. Филиппова уже было исписано несколько страниц [там же, с. 276].

В 1888 г. руководство археологическими раскопками в Херсонесе стала осуществлять Императорская Археологическая Комиссия, назначив заведующим раскопками заместителя

Председателя городского банка в Севастополе Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907). Вплоть до своей кончины в 1907 г. он ежегодно вел раскопки, которые принесли тысячи предметов материальной культуры, погребального и обрядового быта, искусства, иллюстрирующие разные стороны жизни города, и сформировали богатейший музейный фонд. Лучшие находки, преимущественно классические древности, отправлялись в Императорский Эрмитаж и Московский Исторический музей. Однако накопленный разнообразный материал, полученный во время раскопок, мог стать основой богатейшей экспозиции и местного музейного собрания (рис. 1).

В 1892 г. усилиями К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе был построен склад древностей, который выполнял роль музея (рис. 2). В 1894 г. путешественники отмечали, что в Херсонесе существовало три музея — монастырский, настоятельский (в покоях настоятеля монастыря) и археологический [Головкинский 1894, с. 304]. А еще в 1889 г. Н. П. Кондаков направил в ИАК донесение, где отметил, что в «настоящее время существует ряд складов: 1) в новостроящемся храме сложены лучшие мраморы архитектурного происхождения; 2) в саду монастыря в ограде — колонны, базы и прочее; 3) в музее монастыря (маленький сарай) — надписи, фрагменты; 4) витрина с мелкими древностями в здании монастыря; 5) мрамор и черепица в сарае, где помещается сторож комиссии; 6) в монастырской гостинице, в комнате, занятой для заведующего раскопками, бывший склад предметов» [Романчук 2004, с. 253–262]. Такой порядок распределения археологических древностей К. К. Косцюшко-Валюжинич считал неправильным, о чем с горечью писал в своих письмах А. А. Бобринскому. В результате Археологическая комиссия постепенно, но последовательно начала проводить политику контроля над монастырским древлехранилищем, а затем и передачи находок из музея монастыря. В 1896 г. в одном из своих писем Ф. А. Браун, ответственный за Южный отдел в Императорской Археологической Комиссии, писал К. К. Косцюшко-Валюжиничу: «Комиссия по известным соображениям должна действовать с осторожностью, и хотела бы, по возможности, избежать резких мероприятий. Поэтому Вы должны пока примириться с существованием монастырского музея. Решено пока только просить монастырь выслать в Петербург Диофантову надпись для

Эрмитажа, как выдающийся эпиграфический памятник, сохранение которого недостаточно обеспечено в монастырском музейчике. Что будет дальше, увидим» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 40. Л. 8 об.). Данный факт передачи вызвал серьезную обеспокоенность в Одесском обществе истории и древностей, которое предоставляло вещи (в частности, монеты) из своих коллекций для планируемого «христианского музея» в Херсонесе, и опасаясь, что и предметы из музейного собрания Общества могут безвозвратно «уйти» в другие музеи, требовало скорейшего возвращения их в Одессу (НАО ГМЗ ХТ. Д. 448. Л. 109–110). Борьба за древности продолжалась и в дальнейшем, однако безуспешно. Монастырский музей продолжал функционировать и упоминается, в частности, в 23-м издании путеводителя Г. Москвича (1913).

Самоотверженная любовь К. К. Косцюшко-Валюжинича ко всему, что было связано с Херсонесом, проявлялась не только в заботе о сохранности коллекций, но и в отстаивании интересов музея. Путешественники конца XIX — начала XX века рисуют в своих сочинениях яркий портрет первого заведующего раскопками и музеем в Херсонесе Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича, сведения о котором попадали и в путевые справочники. Составители литературы для путешественников характеризовали его исключительно как человека деятельного, инициативного и преданного своему делу. В 1895 г. целый день в Херсонесе в компании Косцюшко-Валюжинича довелось провести известному писателю и путешественнику Михаилу Александровичу Бернову² (1864–?). В своем сочинении «Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода» он дал следующую характеристику своему чичероне: «Г [осподин] Косцюшко любит археологию до фанатизма и вкладывает в это дело всю свою душу» [Бернов 1896, с. 142]. Как раз Михаилу Александровичу К. К. Косцюшко-Валюжинич рассказывал о своих «войнах» с комиссией и военным начальством:

² Литератор и «путешественник-пешеход» Михаил Александрович Бернов (1864 —?) дошел из Петербурга в Париж, затем из Парижа в Брюссель, Ниццу, из Лондона в Эдинбург и т. д. В Европейских клубах и обществах он читал лекции о туризме и своих путешествиях. Его книга «Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода» является подробным описанием путешествия по Крыму в 1895 г. (рис. 3). В ней нет исторических зарисовок, но они полны свежими наблюдениями и этнографическими сведениями. В 1898 г. он совершил путешествие из Тифлиса в Самарканд.

«Комиссия, как только вещь мало-мальски интересна, сейчас же берет ее в Петербург, или Москву, где вещей этих накапливается такая масса, что месяцами они не попадают в каталоги. В музеях вещи теряют свою прелесть, во-первых, вследствие изобилия вещей, во-вторых, потому что, выставленные, каждая вещь отдельно, в роскошных бархатных витринах, они утрачивают то значение, какое они имеют здесь, где в куче, в этом складе вы наглядно видите всю обстановку жизни народа. С военным начальством мне постоянно приходится переписываться по поводу того неуважения, с которым относятся к Херсонесским развалинам нижние чины. Они обращают нашу археологическую святыню в отхожие места» [там же, с. 142–143].

Карл Казимирович считал, что за шесть лет его работы раскопки и музей посетило 17300 человек, после чего нельзя «сомневаться в пользе местных музеев и желать сосредоточения всех русских древностей в Петербурге и Москве. Культурное значение местных музеев, — заключил Косцюшко-Валюжинич, — для массы неоспоримо, а для тех немногих ученых, которые специально изучают историю по археологии известного края, недостаточно ознакомления с его древностями, собранными в Эрмитаже и Историческом музее, но необходимо побывать на месте» [там же].

Осматривая музей, Бернов в сопровождении Карла Казимировича познакомился с экспозицией, в которой были представлены находки из мастерской коропласта (54 формы), коллекция рыболовных принадлежностей («гирьки», т. е. грузила, крючки), яйца и обгорелое пшено, части водопроводных труб, метательные снаряды, надгробные памятники, погребальные урны, ожерелья, иголки, ключи и замки, фибулы, пифосы для хранения вина, стеклянные флаконы, сельскохозяйственные орудия, деформированные черепа, а в центре экспозиции — гражданская присяга Херсонеса, перевод которой, сделанный профессором В. В. Латышевым, путешественник с удовольствием цитировал (рис. 4) [там же, с. 143–146].

Важно отметить, что М. А. Бернов видел самую первую экспозицию музея. В дальнейшем она менялась, неоднократно перестраивалась, дополнялась предметами из новых раскопок, а в начале XX века и вовсе была разделена на части по тематическому и хронологическому принципу [Прохорова 2019]. Описание, состав-

ленное автором, подтверждает тот факт, что изначально музей оправдывал свое название — «Склад местных древностей», представляя собой собрание находок из раскопок разных лет. Лишь со временем экспозиция приобретет продуманную и логически выстроенную структуру, будет разделена на отделы по истории античной и византийской эпох, хотя концепция древлехранилища сохранится.

К 1901–1902 гг. экспозиция музея претерпела некоторые изменения [там же]. Тогда же, на исходе первого десятилетия существования Херсонесского музея, К. К. Косцюшко-Валюжинич провел широкомасштабные раскопки, позволившие открыть ряд важнейших археологических объектов на территории городища, пополнить музейные фонды интереснейшими находками. 18 сентября 1902 г. Высочайший визит в Херсонес совершил Николай II, после которого было увеличено финансирование раскопок Императорской Археологической комиссии в Херсонесе по личному распоряжению Его Императорского Величества (рис. 5).

За год до приезда императора — 16 сентября 1901 г. — в Херсонесе побывал известный российский прозаик и публицист Павел Владимирович Засодимский (1843–1912), который в это время жил в Крыму. Именно так — «В Крыму» — называлось его сочинение, вышедшее в Москве в 1902 г. Писатель перечисляет массу древних предметов, которые ему удалось увидеть в Херсонесе: домашняя утварь, посуда, женские украшения, амфоры, вазы, урны с пеплом и жжеными костями, мелкие вещицы из стекла, металла и кости, ожерелья, перстни, бусы, бляхи, медальоны. Деталей в его описании настолько много, что вывод очевиден: автор посетил музей-склад древностей и познакомился с херсонесской музейной экспозицией. Так, например, Засодимский с большим увлечением среди прочих находок описывает золотые предметы, найденные Косцюшко-Валюжиничем в 1896 г.: «золотые серьги с подвесками, медальон, изображающий бабочку из камней, золотой перстень с массивной печатью, изображающий вооруженную Палладу, серебряное кольцо с изображением Афродиты с двумя Амурами, костяная булава с птичкой наверху, золотое ожерелье с пряжкой ажурной работы, усыпанной листками, розетками; браслеты; золотая бляха с изображением головы Пана; лампы с изображением Эрота верхом на дельфине; золотая бляха с изображением

женщины между двумя морскими чудовищами (превосходной ажурной работы); изображение голого воина с копьем и щитом, с длинными и перевязанными волосами, как у индейцев; золотой рожок; монеты различных эпох; детские игрушки из терракоты; гребни, рыболовные крючки, костяные кубики для игры и т. д.» [Засодимский 1902, с. 64, 65]. Из всех экспонатов, представленных в херсонесском древлехранилище, Засодимский выделил предметы античной эпохи и особенно — присягу граждан Херсонеса. Автор, видевший и саму плиту, и текст перевода, сопровождавший памятник в экспозиции, цитирует на страницах своего сочинения целые отрывки из текста эпитафического памятника, дополняя их собственными рассуждениями и выводами, которые, быть может, ему сообщил во время экскурсии К. К. Косцюшко-Валюжинич. Заведующий музеем и раскопками также упомянут в труде Засодимского и назван «человеком с большой эрудицией и тружеником неутомимым на пользу науки» [там же, с. 63]. В память о своем посещении П. Засодимский оставил автограф в «Книге для посетителей Херсонесского музея», который удалось отыскать на ее страницах среди прочих — память обо всех этих визитах «Книги...» хранят по сей день (рис. 6, 7).

Отдельную группу личных документов составляют многочисленные описания групповых экскурсий в виде специальных изданий. Они имели профессиональную направленность. Бывало, что одна поездка совмещала посещение нескольких регионов: например, Волги, Крыма и Кавказа с посещением Москвы, Киева, Юга России, Камы и Днепра. Путешествия по России с учебными и познавательными целями в конце XIX века стали практиковать и преподаватели Михайловского Воронежского кадетского корпуса. Организация первой экскурсии для кадетов Воронежа относится к 1894 г., когда открылась железная дорога, соединившая Воронеж и Курск. Директором училища в то время был действительный член Воронежской ученой архивной комиссии, в прошлом участник Крымской войны, генерал-майор Николай Афанасьевич Репин (1837–1905) [Воронежская энциклопедия 2008, т. 2, с. 148]. Не имея средств на проведение подобных экскурсий, он договорился с железной дорогой о бесплатном проезде для кадетов и их воспитателей и о проживании в Киевском кадетском корпусе. Так состоялась первая экскурсия в Киев, во время которой вос-

питанники увидели киевские древности, прежде всего Киево-Печерский монастырь с его пещерами и мощами, Собор Святого Владимира, университет, место, на котором некогда стояла Десятинная церковь, и многие другие достопримечательности. В дальнейшем такие экскурсии стали традиционными. Н. А. Репин оставил описание экскурсий в виде отдельного издания «Образовательные прогулки по России. 1894–1902 гг.», которое вышло в Петербурге в 1903 г.

Поездка в Крым состоялась в ходе заключительной, десятой, экскурсии, которая началась 29 июля (11 августа) 1901 г. и прошла по следующему маршруту: Полтава с посещением памятных мест и Полтавского кадетского училища, Харьков, Александровск, Бахчисарай, Севастополь и Херсонес, Балаклава и Георгиевский монастырь, Ялта и Ливадия, Массандра, Феодосия, Керчь, Новороссийск, возвращение в Воронеж. Участники поездки — 28 кадетов в сопровождении двух офицеров — прибыли в Севастополь из Бахчисарая 2 (15) августа 1901 г., разместились в Севастопольском офицерском собрании и уже на следующий день прибыли в Херсонес. По этому случаю кадетам было выделено два катера, и группа экскурсантов отправилась от Графской пристани морским путем по направлению к развалинам древнего города. Высадившись у монастырских купален, экскурсанты, осмотрев монастырь, отправились знакомиться с Херсонесским городищем, в чем им «с большим вниманием и умело» помогал заведующий раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинич. В музее, представлявшем собой небольшое каменное строение из двух комнат, они обнаружили множество интереснейших предметов, назвав их «сокровищами» и отметив особенно присягу граждан Херсонеса [Репин 1903, с. 234–235]. Дальнейший их путь лежал на Малахов курган.

Краткое пребывание экскурсантов не прошло бесследно для истории музея. В книге для посетителей за 1901–1902 гг. имеется запись о посещении «Склада местных древностей» группой кадетов во главе с директором Воронежского Михайловского корпуса генерал-майором Н. А. Репиным (рис. 8а, б). Содержание экскурсии красочно и довольно детально описано в труде Репина, а восстановить список экскурсантов, судить о составе сопровождавших их офицеров позволяет «Книга для посетителей Херсонесского музея» — ценнейший исторический источник, благодаря которому исследователь «лично» знакомится

с каждым из экскурсантов в составе этой и любой другой группы [НАО ГМЗ ХТ. Д. 168. Л. 60 об.]. И так, 3 (15) августа 1901 г. Херсонес обзоредали: генерал-майор Н. А. Репин, кадеты: Евгений Захава, Рафаил Петров, Александр Шангин, Владимир Жогов, Николай Лунин, Владимир Токаревский, Владимир Преображенский, Георгий Артеменко, Александр Мартьянов, Рафаил Петров, Георгий Ахмадов, Василий Ключарев, Александр Ковалевский, Владимир Пенесев, Сергей Кирсанов, Николай Малиновский и другие [Историческая записка 1895, с. 151–157]. По свидетельству Н. А. Репина, в его распоряжение «для ознакомления приезжих со всеми достопримечательностями города и окрестностей» были назначены «морской офицер и командир жандармской команды» [Репин 1903, с. 230]. Севастопольская крепостная жандармская команда была сформирована еще 26 февраля 1893 г. в связи с воссозданием крепости «Севастополь». Известно, что первоначально штат команды состоял из одного офицера, одного вахмистра, десяти унтер-офицеров и двух лошадей. В 1901 г. в штате было 18 унтер-офицеров, а начальником команды был ротмистр Н. С. Паллис, пребывавший на этом посту с 1893 по 1904 г. [Крестьянников 2014, с. 94–95]. Его автограф, а также автографы лейтенанта Маслова и подполковника Гвоздецкого сохранились в «Книге для посетителей».

Описывая экскурсию, Н. А. Репин отмечал, что ребят сопровождали двое офицеров — имен их он не называет, однако «Книга для посетителей Херсонесского музея» дает ответ и на этот вопрос. Вместе с кадетами в путешествие отправились ротный командир полковник Владимир Федорович Сольский (1852 —?) и офицер-воспитатель капитан Василий Павлович Ефремов (1868–1915) [Памятная книжка Воронежской губернии 1901, отд. IV, с. 23–24]. О последнем известно, что образование он получил в 4-м Московском кадетском корпусе, на службе — с 1887 г. Окончил 3-е военное Александровское училище. В 1897 г. в чине поручика определен офицером-воспитателем Михайловского Воронежского кадетского корпуса, где служил до начала русско-японской войны. Участник I Мировой войны. Погиб в бою. Кавалер ордена Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905); Св. Анны 2-й ст. (1912); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1914); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1915); мечи к ордену Св. Анны 2-й ст. (1915); Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1915).

Приезжающая публика, а это были не только учащиеся, но и представители разных сословий, люди с чинами, творческих профессий, столичные кокотки и обычные отдыхающие, — все они с интересом читали путеводители, содержащие ценную информацию не только о достопримечательностях, но и об основных объектах инфраструктуры нарождающихся курортов в Крыму. Описание экскурсии в Херсонес нередко помещали в разделе о Севастополе и его окрестностях и характеризовали его как особый памятник, называя «русской святыней» и «Русской Помпеей».

Путеводители и справочники разных типов составляют отдельную и специфическую группу источников. Среди них можно выделить авторские региональные путеводители, справочники и путеводители по отдельным местностям, по городам, справочники морских и речных пароходств, путеводители по определенному маршруту, путеводители, рассчитанные на курортную и лечущую публику, путеводители по научно-образовательным учреждениям и по религиозным местам. В целом, путеводители и справочники являются ценными и порой незаменимыми источниками необходимых сведений из области исторических и краеведческих знаний. Они полезны как в своей познавательной части, так и, особенно, в практической. Они так или иначе формировали образ туристических мест для тех, кто намеревался сюда приехать или уже начинал свое движение по региону.

В 1888 г., одновременно с началом археологических раскопок в Херсонесе под руководством Императорской Археологической комиссии, в Петербурге было учреждено издательство путеводителей Григория Москвича³. Уже в 1889 г.

³ Григорий Георгиевич Москвич (1852–1942), автор одного из самых читаемых путеводителей по Крыму конца XIX — начала XX в. Им было подготовлено и издано 14 путеводителей по различным регионам Российской империи: Москве и Санкт-Петербургу с окрестностями, по Волге и по Черному морю, по Одессе и Варшаве, по Финляндии, Швеции и Норвегии, по Крыму и Кавказу вообще, а также по отдельным их городам и районам (по Севастополю, по Владикавказу и Тифлису, по южному берегу Крыма и Кавказским минеральным водам). Все вместе они выдержали 223 издания и вышли общим тиражом 825 тысяч экземпляров. Его «Практический путеводитель по Крыму» был образцом универсального издания, в котором виртуозно соединялись сведения историко-краеведческого и справочного характера о Крыме и его природе, его городах и достопримечательностях, транспорте и гостиницах, а также практические советы для путешественников, дополненные картами, планами, иллюстрациями, словарем татарских слов.

сведения о Херсонесе появились в его «Путеводителе по Крыму». Путеводитель переиздавался 25 раз (последний — в 1914 г.), и, судя по исчерпывающей информации о Крыме, Москвич каждый год проделывал титаническую работу, скрупулезно исследуя все аспекты туризма и отдыха на полуострове. Избежать всех неточностей не всегда удавалось, однако будучи увлеченным краеведом, он сумел создать один из лучших путеводителей по Крыму. Информация о Херсонесе также всякий раз обновлялась, становилась точнее и разнообразнее. В пятом издании 1896 г. Москвич также транслировал на страницах своего путеводителя мнение профессора Н. П. Кондакова о том, что развалины Херсонеса представляют остатки средневекового, а не древнегреческого города [Москвич 1896, с. 106.]. Музей, созданный «большим знатоком древностей, неутомимо работающим на пользу науки» К. К. Косцюшко-Валюжиничем, богат мелкими предметами — интересными остатками древней жизни, и активно посещается в летние и осенние месяцы (2203 человек в 1894 г. и 2637 человек за восемь месяцев 1895 г.). Григорий Москвич отметил в музее первоклассные памятники — присягу граждан Херсонеса и мраморный постамент статуи Диофанта, а также находки последнего, 1895-го, года [там же, с. 108–110].

Результаты ежегодных раскопок, вводимые в научный оборот, находили свое отражение в путеводителе Г. Москвича. В 17-м издании 1908 г. автор отмечал в кратком очерке о Херсонесе, что этот последний, представляющий большой интерес в археологическом и историческом отношении, исследуется К. К. Косцюшко-Валюжиничем, «неутомимо работающим на пользу науки и являющимся истинным апостолом Херсонеса наших дней». Г. Москвич посчитал необходимым отметить в путеводителе присягу граждан Херсонеса, оборонительную стену на берегу Карантинной бухты, открытую в 1895 г., гробницу с золотыми украшениями 1896 г. раскопок, городскую стену и ворота, открытые раскопками 1898–1899 г., а также пристенные склепы с различными украшениями [Москвич 1908, с. 55–57].

В 1911 г. исторический очерк о Херсонесе представлял собой более пространный пассаж, заимствованный автором из сообщения К. К. Косцюшко-Валюжинича, помещенного им в «Историческом путеводителе по Севастополю». К тому времени заведующий раскопками в Херсонесе уже обнаружил неопровержимые

свидетельства существования древнегреческого города Херсонеса, поэтому Григорий Москвич уделил большое внимание истории Херсонеса в античную эпоху в изложении Косцюшко-Валюжинича — ей было отведено 10 из 11 страниц о Херсонесе. Автор путеводителя отмечал, что в Херсонесе продолжал существовать монастырский музей, находившийся в специальном здании возле храма на центральной площади. Музей Археологической комиссии, расположенный над Карантинной бухтой, посещался тысячами туристов ежегодно [Москвич 1911, с. 58–59].

В 1894 г. указания к посещению Херсонесского музея составил Николай Алексеевич Головкинский (1834–1897), автор «Путеводителя по Крыму для путешественников». Музей, созданный из находок в результате раскопок последних лет, содержал надписи, монеты, мраморные обломки, глиняные статуэтки и формы, кресты нательные, церковную утварь. Приводя пространные цитаты из работы Н. П. Кондакова о Херсонесе, автор подробно остановился на устройстве христианских храмов, заинтересовавшись, очевидно, моделью базилики, построенной, по его замечанию, Косцюшко-Валюжиничем во дворе перед входом в музей. Музей же, содержащий массу мелких находок, «позволяет проследить бытовую историю города до мелочей и со всех сторон и может доставить туристу весьма поучительное развлечение» [Головкинский 1894, с. 308–310].

На страницах иностранных путеводителей описания России и Крыма в целом и Херсонеса в частности появлялись значительно реже. Россия была малознакома для большинства европейских жителей в XIX веке. Англичане, как наиболее путешествующая нация, отправляясь в поездку по Европе, в основном посещали Францию, Германию или Италию. Восточная Европа вместе с Россией была практически из этой поездки исключена. Однако, без сомнения, Россия привлекала иностранных гостей. Путеводитель популярного издательства Дж. Мюррея 1848 г. содержал также информацию и о России. Книга пережила несколько переизданий — в 1868, 1875, 1888 и 1893 г., что хоть и было значительно меньше других популярных, как принято говорить, направлений (к примеру, «Руководство для путешественников» в Центральной Италии переиздавалось 12 раз), но демонстрировало растущий интерес к отдаленной стране [Sakowicz 2016, p. 212].

Содержание раздела об экскурсии в Херсонес перепечатывалось с незначительными изменениями в прежнем объеме все пять раз. На страницах путеводителя рассказывалось об истории древнего города. Внимание читателя заострялось на ее ключевых моментах (причем с явными преувеличениями и неточностями), назывались основные достопримечательности, указывались связанные с Херсонесом места — Инкерман, Балаклава и остров в Казачьей бухте, отмечалась деятельность лейтенанта Крузе, ставшего пионером в деле археологического изучения древнего города; завершался очерк рассказом о Херсонесском монастыре [Handbook 1893, p. 284–289]. Оскудение общих сведений о Российской империи в Британии напрямую было связано с сокращением статей в прессе и публикациях о путешествиях по России. Довольно часто одни и те же авторы писали путевые заметки и журнальные статьи. Часть писем путешественников из России впервые появилась на страницах периодической печати до того, как они были опубликованы в виде книги. Важно отметить, что в XIX веке британская пресса испытывала определенные трудности с получением информации из России, в том числе политического содержания. В отличие от первой половины XIX столетия, в начале следующего века Британия не имела собственных корреспондентов в России, поэтому информация обычно отправлялась из Берлина, опиралась на российские газеты и не всегда объективные официальные заявления. Из-за расширяющегося тиража и низких цен газеты были доступны более широким слоям общества и, следовательно, оказывали большое влияние на формирование общественного мнения. Несмотря на существование вышеупомянутого путеводителя, общие предубеждения о стране были просты: она была очень далека, очень холодна, а ее правительство очень деспотично.

Многочисленные предположения о варварстве и/или азиатском характере русских были распространены в британской прессе и в путевой литературе XIX века. Британцы верили в свое превосходство над Россией, подчеркивая культурные различия между Великобританией, лидером среди цивилизованных стран Западной Европы, и ее варварским подражателем, Россией. Последняя была довольно важным элементом в развитии понятия запад-

ной идентичности в отличие от варварского Востока [Adamovsky 2006, p. 19]. Ксенофобия являлась неременной чертой Викторианской Британии [Bolt 1971, p. 215]. Мнение путешественников улучшилось только в XX в., когда отношения между Великобританией и Россией стали более тесными, а сотрудничество на политической арене стало жизненно важной необходимостью для Альбиона [Зашихин 1994, с. 36; Sakowicz 2016].

В условиях нарождающегося массового туризма интерес к Херсонесу со стороны приезжих был обусловлен тем, что памятники, подобные ему, способны были удовлетворить основные цели туризма: познавательный, эстетический, эмоционально-психологический, оздоровительный и творческий. Изучение истории древнего города, особенностей его древнего

быта и культуры соответствовали познавательной стороне туризма, которая подразумевает стремление человека к обогащению познаниями в области истории, экономики, природы, науки и культуры, желание ознакомиться с историческими, этнографическими, природными памятниками, местами героических подвигов. Наслаждение красотой природно-археологического ландшафта, творениями древних зодчих составляло эстетическое наполнение туризма. Эмоционально-психологический аспект заключал в себе возможность снять напряженность и усталость, получить положительный эмоциональный «заряд», посетить святыне места и храмы. Именно потому Херсонес и в советское время оставался на страницах путеводителей по Крыму, предлагающих содержательный отдых и для посетителей всесоюзной здравницы.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Автографы Н. А. Репина и группы кадет. 3 августа 1901 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 168. Л. 60–60 об.
 Письмо Ф. А. Брауна к К. К. Косцюшко-Валюжиничу, 12 января 1896 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 40. Л. 8–8 об.
 Письмо вице-президента ИООИД к Николаю, епископу Таврическому, 24 июня 1899 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 448. Л. 109–110.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернов М. А. Из Одессы пешком по Крыму: письма русского пешехода. СПб., 1896. 240 с.
 Васюков С. [И.] «Край гордой красоты»: кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущее русской культуры. СПб., 1903. 236 с.
 Воронежская энциклопедия: [в 2 т.]/гл. ред. М. Д. Карпачев. Воронеж, 2008. Т. 2: Н — Я. 522 с.
 Головкинский Н. А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. 552 с.
 Голоцван К. В. Становление массового туризма в России в конце XIX — начале XX века: Крым, Кавказ, Волга: Дис.... канд. ист. наук. М., 2009. 286 с.
 Гроздов А. В. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. № 5. С. 81–105.
 Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с.
 Зашихин А. Н. Глядя из Лондона. Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX — начала XX века. Архангельск, 1994. 208 с.
 Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетской корпусе: с прил [ожением] списков воспитанников за 50 лет. (1845–1895 гг.). Воронеж, 1895. 157 с.
 Кошман И. В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1. С. 12–72.
 Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX — начале XX века // Причерноморье: история, политика, культура. 2014. Вып. 14. С. 90–97.
 Крушев П. А. Что такое Россия? Путевые заметки. М., 1896. 374 с.
 Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи. Конец XVIII — начало XX в. Симферополь, 2004. 352 с.
 Маркевич А. И. Тагіса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь, 1894. 394 с.
 Молочко Е. В. Путеводители второй половины XIX — начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». Симферополь, 2010. Т. 23 (62), № 1: Спецвыпуск «История Украины». С. 133–138.
 Москвич Г. Г. Практический путеводитель по Крыму. Изд. 5-е. Одесса, 1896. 500 с.
 Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 17-е изд. Одесса, 1908. 304 с.
 Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 22-е изд. Одесса, 1911. 424 с.
 Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX века). Киев, 1999. 212 с.
 Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII — початок XX століття): біобібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003. 452 с.

- Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX — начале XX века. Симферополь, 1998. 208 с.
- Непомнящий А. А., Тарасенко А. И. Из опыта организации краеведческого туризма в Таврической губернии в конце XIX — начале XX века: по материалам путеводителей // Туристично-краєзнавчі дослідження. Київ, 2002. Вып. 4. С. 353–364.
- Оболенский Я. Е. По Крыму // Одесский листок. 1894. № 45. 17 февраля; № 52. 24 февраля; № 63. 10 марта; № 70. 17 марта; № 80. 28 марта; № 85. 02 апреля; № 109. 28 апреля; № 116. 05 мая; № 122. 12 мая; № 135. 28 мая; № 160. 23 июня; № 173. 07 июля; № 180. 14 июля; № 187. 21 июля; № 193. 30 июля; № 206. 11 августа; № 208. 13 августа; № 220. 27 августа; № 243. 22 сентября; № 247. 08 октября.
- Памятная книжка Воронежской губернии / под ред. М. Н. Былова. Воронеж, 1901. 505 с.
- Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.». Симферополь, 2011. 168 с.
- Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов. К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя. Симферополь, 2011. 328 с.
- Прохорова Т. А. «Дорога к музею...» История создания и эволюции античной экспозиции Херсонесского музея // Херсонесский сборник. Севастополь, 2019. Вып. XX. С. 136–156.
- Репин Н. А. Образовательные прогулки по России. 1894–1902 гг. СПб., 1903. 263 с.
- Романчук А. И. Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки: Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе. М., 2004. С. 253–262.
- Сосногорова М. А., Караулов Г. Э. Путеводитель по Крыму. Изд-е 4-е. Одесса, 1883. 457 с.
- Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / [предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой]. Симферополь, 2012. 208 с.
- Таранец А. По Южному берегу Крыма. (Впечатления былой поездки) // Прекрасное далеко. 1914. Кн. 6. С. 2–32.
- Тункина И. В. Русская наука о классических Древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
- Тюменев И. Ф. На южном берегу. (Путевые наброски) // Исторический вестник. 1905. Ноябрь. С. 654–691; Декабрь. С. 998–1036.
- Филиппов С. Н. По Крыму: отражение. М., 1889. 469 с.
- Шаманаев А. В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 384–394.
- Шаманаев А. В. А. Л. Бертье-Делагард о проекте «Христианского музея в Херсонесе» // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 316–327.
- Adamovsky E. *Euro-orientalism: liberal ideology and the image of Russia in France (c. 1740–1880)*. Oxford, 2006. 358 p.
- Bolt C. *Victorian Attitudes to Race*. London; Toronto, 1971. 254 p.
- Handbook for travellers in Russia, Poland, and Finland: including the Crimea, Caucasus, Siberia, and Central Asia: with maps and plans*. 5 edition. London, 1893. 584 p.
- Sakowicz I. *British travelers' impressions of the russians during the reign of alexander II* // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 211–218.
- McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, NY; London, 2003, 309 p.

REFERENCES

- Adamovsky E. *Euro-orientalism: liberal ideology and the image of Russia in France (c. 1740–1880)*. Oxford, 2006, 358 p.
- Bernov M. A. *Iz Odessy peshkom po Krymu: pis'ma russkogo peshekhoda*. Saint Petersburg, 1896, 240 p.
- Bolt C. *Victorian Attitudes to Race*. London; Toronto, 1971, 254 p.
- Bylov M. N. (ed.) *Pamiatnaia knizhka Voronezhskoi gubernii*. Voronezh, 1901, 505 p.
- Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym: v 6-ti t. Parizh, 1843, vol. 5, 6*. Simferopol, 2009, 328 p.
- Filippov S. N. *Po Krymu: otrazhenie*. Moscow, 1889, 469 p.
- Golotsvan K. V. *Stanovlenie massovogo turizma v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka: Krym, Kavkaz, Volga: Dis.... kand. ist. nauk*. Moscow, 2009, 286 p.
- Golovkinskii N. A. *Putevoditel' po Krymu*. Simferopol, 1894, 552 p.
- Groz'dov A. V. *Arkhivnye dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Khersonisskogo monastyria. Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1888, № 5, pp. 81–105.
- Handbook for travellers in Russia, Poland, and Finland: including the Crimea, Caucasus, Siberia, and Central Asia: with maps and plans*. 5th edition. London, 1893, 584 p.
- Istoricheskaia zapiska o Mikhailovskom Voronezhskom kadetskoj korpuse: s pril [ozheniem] spiskov vospitannikov za 50 let. (1845–1895 gg.)*. Voronezh, 1895, 157 p.
- Karpachev M. D. (Ed.) *Voronezhskaia entsiklopediia: [v 2 t.]*. Voronezh, 2008, vol. 2: N — Ia, 522 p.
- Koshman L. V. *Gorod v obshchestvenno-kul'turnoi zhizni. Ocherki russkoi kul'tury XIX veka*. Moscow, 1998, vol. 1. pp. 12–72.
- Krest'iannikov V. V. *Organy politicheskogo syska v Sevastopole v kontse XIX — nachale XX veka. Prichernomor'e: istoriia, politika, kul'tura*, 2014, iss. 14, pp. 90–97.
- Krushevan P. A. *Chto takoe Rossiia? Putevye zametki*. Moscow, 1896, 374 p.
- Mal'gin A. V. *Russkaia Riv'era: kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu imperii. Konets XVIII — nachalo XX v.* Simferopol, 2004, 352 p.
- Markevich A. I. *Taurica: opyt ukazatel'ia sochinenii, kasaiushchikhsia Kryma i Tavricheskoi gubernii voobshche*. Simferopol, 1894, 394 p.

- McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, NY; London, 2003, 309 p.
- Molochko E. V. Putevoditeli vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka kak forma popularizatsii pamiatnikov istorii i kul'tury Kryma. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki»*, Simferopol, 2010. vol. 23 (62), № 1: Spetsvypusk «Istoriia Ukrainy». pp. 133–138.
- Moskvich G. G. *Illustrirovannii prakticheskii putevoditel' po Krymu*. 17th edition. Odessa, 1908, 304 p.
- Moskvich G. G. *Illustrirovannii prakticheskii putevoditel' po Krymu*. 22nd edition. Odessa, 1911, 424 p.
- Moskvich G. G. *Prakticheskii putevoditel' po Krymu*. Izd. 5-e. Odessa, 1896, 500 p.
- Nepomniashchii A. A. *Ocherki razvitiia istoricheskogo kraevedeniia Kryma v XIX — nachale XX veka*. Simferopol, 1998, 208 p.
- Nepomniashchii A. A. *Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitiu istoricheskogo kraevedeniia Kryma (posledniaia tret' XVIII — nachalo XX veka)*. Kiev, 1999, 212 p.
- Nepomniashchii A. A. *Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII — pochatok XX stolittia): biobibliografichne doslidzhennia*. Simferopol, 2003, 452 p.
- Nepomniashchii A. A., Tarasenko A. I. Iz opyta organizatsii kraevedcheskogo turizma v Tavricheskoii gubernii v kontse XIX — nachale XX veka: po materialam putevoditelei. *Turistichno-kraeznavchi doslidzhennia*. Kiïv, 2002, iss. 4, pp. 353–364.
- Obolenskii L. E. Po Krymu. *Odesskii listok*, 189, № 45 (17 fevralia); № 52 (24 fevralia); № 6 (10 marta); № 7 (17 marta); № 80 (28 marta); № 85 (02 apreliia); № 109 (28 apreliia); № 116 (05 maia); № 122 (12 maia); № 135 (28 maia); № 160 (23 iunია); № 173 (07 iuliiia); № 180 (14 iuliiia); № 187 (21 iuliiia); № 193 (30 iuliiia); № 206 (11 avgusta); № 208 (13 avgusta); № 220 (27 avgusta); № 243 (22 sentiabria); № 247 (08 oktiabria).
- Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: N. N. Murzakevich, A. N. Demidov. K 200-letnemu iubileiu N. V. Gogolia*. Simferopol, 2011, 328 p.
- Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 g.»*. Simferopol, 2011, 168 p.
- Prokhorova T. A. «Doroga k muzeiu...». Istoriia sozdaniia i evoliutsii antichnoi ekspozitsii Khersonesskogo muzeia. *Khersonesskii sbornik*. Sevastopol, 2019, vyp. XX, pp. 136–156.
- Repin N. A. *Obrazovatel'nye progulki po Rossii. 1894–1902 gg.* Saint Petersburg, 1903, 263 p.
- Romanchuk A. I. N. P. Kondakov i nachalo sistematiceskikh raskopok v Khersonese. *Mir Kondakova: Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki: N. P. Kondakov i nachalo sistematiceskikh raskopok v Khersonese*. Moscow, 2004. pp. 253–262.
- Sakowicz I. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 211–218.
- Shamanaev A. V. A. L. Bert'e-Delagard o proekte «Khristianskogo muzeia v Khersonese». *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*, 2014, iss. 14, pp. 316–327.
- Shamanaev A. V. Dokumenty Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei ob organizatsii arkheologicheskikh raskopok v Khersonese v 1870–1880-kh gg. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*, 2005, iss. 5, pp. 384–394.
- Sosnogorova M. A., Karaulov G. E. *Putevoditel' po Krymu*. 4th edition. Odessa, 1883, 457 p.
- Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu*. Simferopol, 2012, 208 p.
- Taranets A. Po Iuzhnomu beregu Kryma. (Vpechatleniia byloi poezdki). *Prekrasnoe daleko*. 1914, vol. 6, pp. 2–32.
- Tiumenev I. F. Na Iuzhnom beregu. (Putevyie nabroski). *Istoricheskii vestnik*. 1905, Nov., pp. 654–691; Dec., pp. 998–1036.
- Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh Drevnostiakh Iuga rossii (XVIII — seredina XIX v.)*. Saint Petersburg, 2002, 676 p.
- Vasiukov S. [I.] «Krai gordoi krasoty»: kavkazskoe poberezh'e Chernogo moria. *Priroda, kharakter i budushchnost' russkoi kul'tury*. Saint Petersburg, 1903, 236 p.
- Zashikhin A. N. *Gliadia iz Londona. Rossiia v obshchestvennoi mysli Britanii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka*. Arkhangel'sk, 1994, 208 p.

РЕЗЮМЕ

На основе изучения записок путешественников проанализировано состояние музея и раскопок в Херсонесе в конце XIX — начале XX в. С учетом субъективных характеристик, составленных современниками, определено отношение к памятникам истории со стороны приезжающих и их впечатления от организованного в Херсонесе музея. Анализ путевой литературы дополнен сведениями из справочников и путеводителей, составляющих отдельную группу источников.

Ключевые слова: путешествие в Крым, путевая литература, конец XIX — начало XX в., справочники и путеводители, Херсонес, музей, раскопки.

T. A. Prokhorova

**THE MUSEUM AND EXCAVATIONS IN CHERSONESUS IN TRAVEL LITERATURE
IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY**

SUMMARY

The state of the Museum and the excavations in Chersonesus in the late XIX — early XX century are analyzed on the basis of the study of travelers» notes. Taking into account the subjective characteristics made by contemporaries, it is defined the attitude to historical monuments from visitors and their impression of the Chersonesus Museum. The analysis of travel literature is supplemented with the information from reference books and guidebooks that make up a separate group of sources.

Keywords: journey to Crimea, travel literature, the late XIX — early XX century, handbooks and guides, Chersonesus, Museum, excavations.

**Рис. 1. Фотограф Вадим Николаевич Рот.
Портрет Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907).
Конец 1890-х гг. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту.
9 × 12 (15 × 18) см. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 52/2).**

Рис. 2. Двор музея и общий вид на раскопки в Херсонесе. Начало XX в. Фотография. 29 × 8 см. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 58/3. Л. 1).

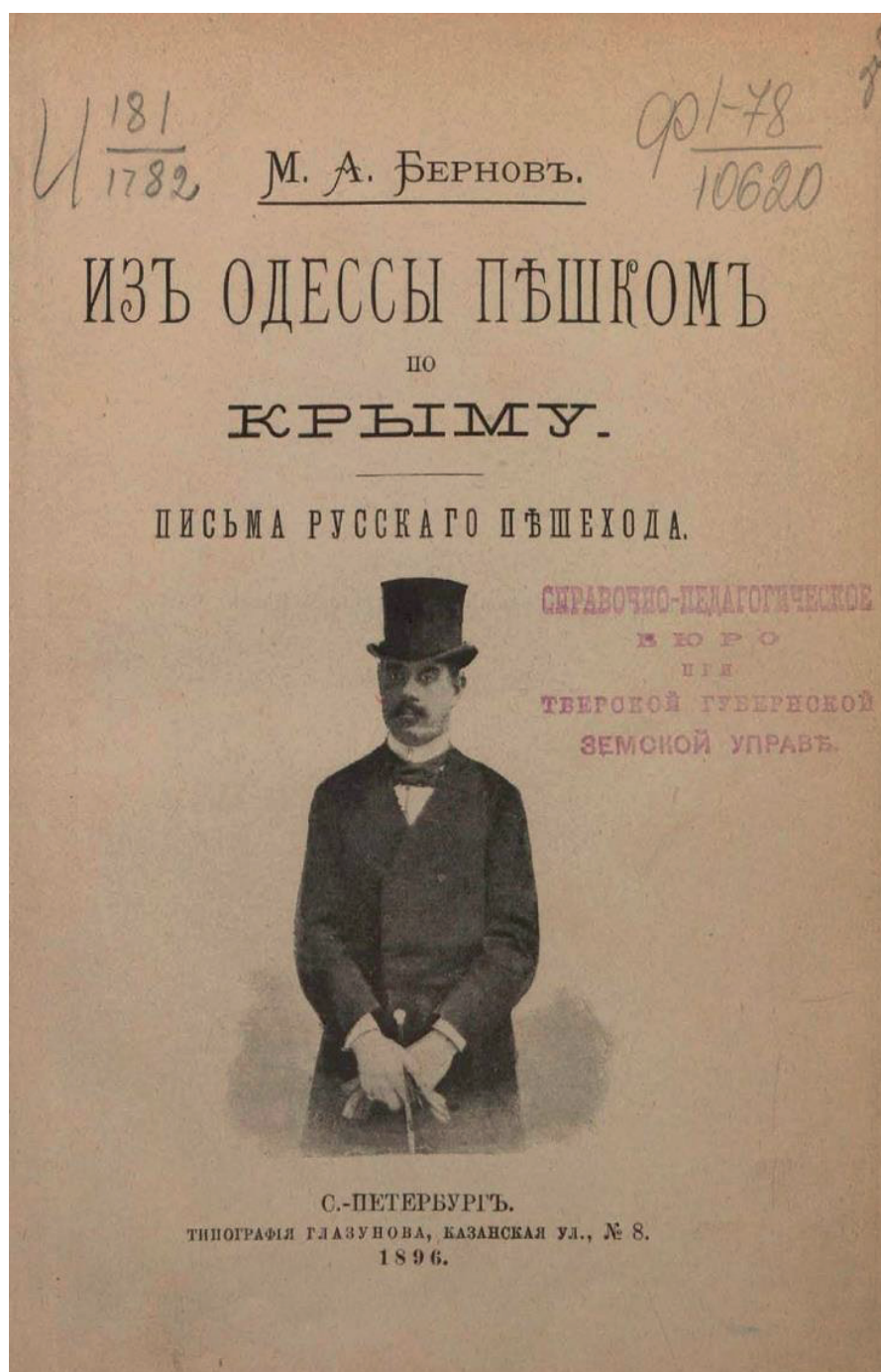

Рис. 3. Титульный лист книги М. А. Бернова «Из Одессы пешком по Крыму: письма русского пешехода» (СПб., 1896).

Рис. 4. Часть западной стены большой комнаты, прежний вид. Конец XIX в.
Фотография. 9 × 8 см. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 58/4. Л. 1. Фото 2).

Рис. 5. Фотограф Н. М. Протопопов. Император Николай II, императрица Александра Федоровна
и сопровождающие их лица у здания Херсонесского музея. 1902 г. Ч/б позитив. (ЦГАКФД СПб. П. 84. Сн. 3).

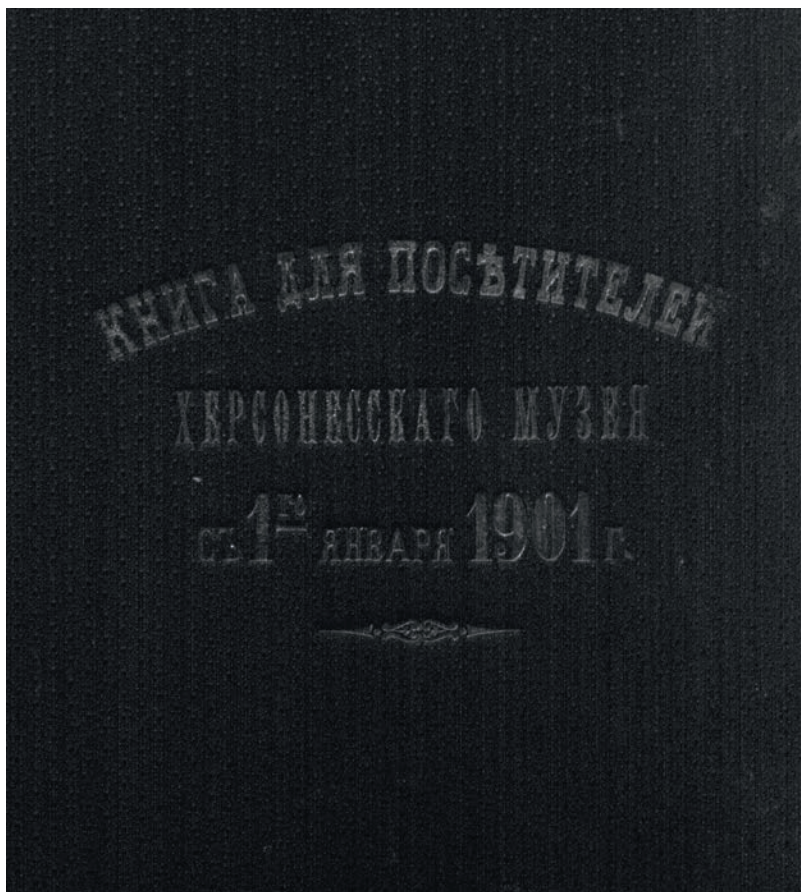

Рис. 6. Книга для посетителей Херсонесского музея с 1 января 1901 г. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 168).

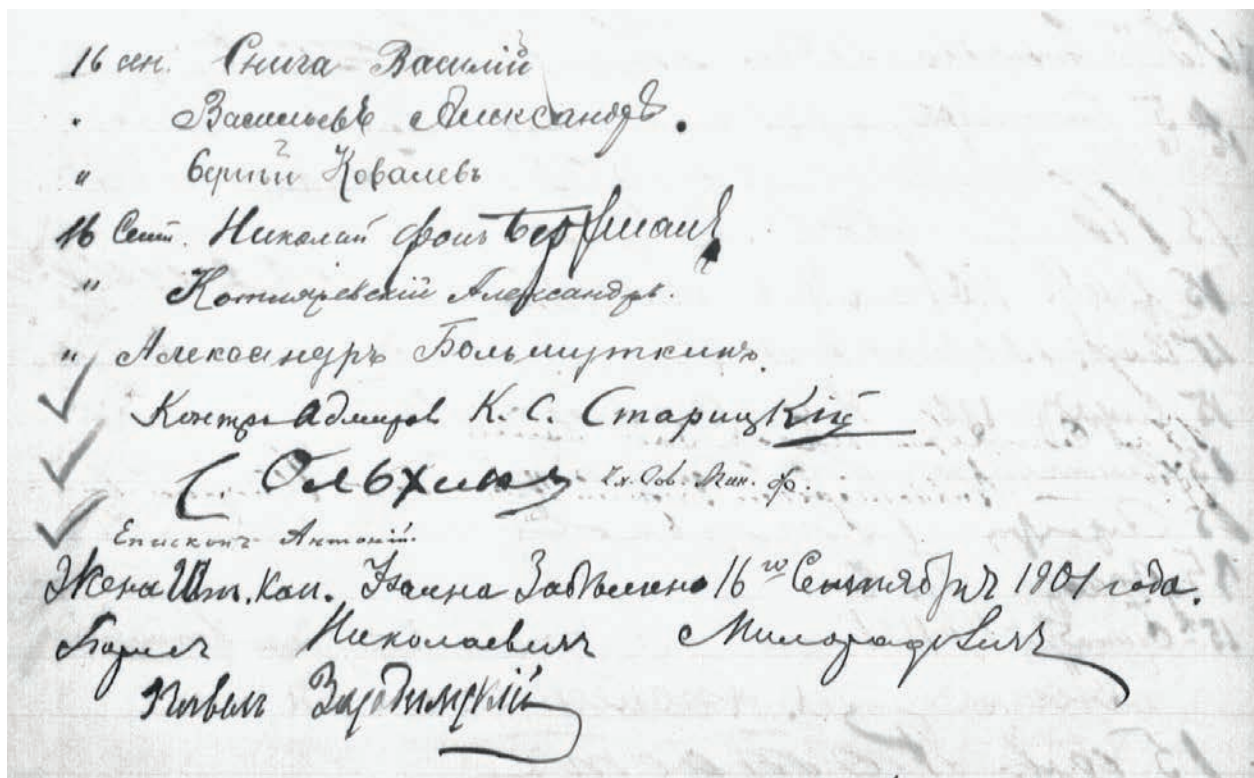

Рис. 7. Автограф П. Н. Засодимского (нижняя строка) в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 3 августа 1901 г. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 168. Л. 168).

Гав. Земельный
 3 августа 1901 г. Заведующий Муз. Херсонесского музея г. Н. А. Репин
 Пискаревский переулок

Александров Массовый
 Камышев Евгений
 Ротшильд Александр
 Федоскин Иван Степанович
 Кадетский В. Преображенский
 Д. В. Демидов
 М. П. Пискарев

Н. Пискарев
 Т. Макаров
 А. Шамаев
 В. Пискарев

Г. Артемьев
 Киреев
 Заика
 Никитский
 Толстов П
 Мороз
 Морозовский
 С. Мисюков

Манганов
 Дмитриев Д.
 А. Мухоморов
 Возов
 Козылевский
 Крайнов
 Вас. Киселев

Рис. 8 а, б. Автографы Н. А. Репина и группы кадетов в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 3 августа 1901 г. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 168. Л. 119, 120).

Ю. А. Виноградов

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ Н. М. ПЕЧЁНКИНА¹

Имя полковника Николая Михайловича Печёнкина хорошо известно любому археологу-антиковеду нашей страны; в последние годы его личность привлекает все большее внимание исследователей [см. Рудакова 2003; 2012а; 2012б; Непомнящий 2019]. Особым признанием заслуженно пользуются результаты его раскопок античных усадеб и системы межевания земель на Маячном мысу Гераклеяского полуострова в 1910–1911 гг. [Печёнкин 1911; Репников 2019]. Н. М. Печёнкин, как известно, связывал эти памятники с остатками так называемого Страбонского древнего Херсонеса (Strabo VII. 4.3). Однако раскопки под Херсонесом этот исследователь начал на несколько лет раньше, а именно в 1901 г. Тогда на Северной стороне Севастополя, на месте строительства бани для чинов 13-й артиллерийской бригады, была раскопана могила, относящаяся к римскому времени [Печёнкин 1905, с. 29], но эта находка, к сожалению, почти не привлекает внимания современных исследователей. Отчет о работах этого года хранится в Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–10).

В 1903–1904 гг. Н. М. Печёнкин провел раскопки на берегу р. Бельбек и открыл здесь 22 могилы, которые, если судить по находкам римских монет, относятся ко второй половине III в. н. э. [Печёнкин 1905, с. 34]. В 1904 г., кроме того, был раскопан курган, расположенный «по левую сторону от дороги, идущей с Северной стороны Севастополя к станции «Мекензиевы горы», на возвышенности к северо-западу от Братского кладбища». Основное погребение этого кургана относится к бронзовому веку; шесть впускных могил, открытых в насыпи,

принадлежат к римскому времени [Печёнкин 1905, с. 34–36] (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–10; Д. 14. Л. 1–8). Все архивные материалы об этих раскопках предполагается издать в самое ближайшее время в одном из выпусков «Гераклеяского сборника».

Научный архив Музея артиллерии содержит немало других документов Н. М. Печёнкина, очень важных для истории археологического изучения округа Херсонеса, — писем, рисунков, небольших заметок и пр. В их совокупности выделю одно дело, обозначенное как «Материалы к археологическим исследованиям Печёнкина Н. М. в районе станции Куртенгоф Риго-Орловской железной дороги, Екатеринодара Кубанской области и других мест (отдельные черновые заметки и зарисовки)» (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 26). Несколько страниц этого «Дела» [Там же. Л. 5–7] привлекли мое внимание тем, что они содержат записи, касающиеся раскопок на Бельбеке. Н. М. Печёнкин составил их карандашом, текст местами затерт, зачеркнут и перечеркнут, но в нем автор выразил свои мысли по поводу местности, в которой производил раскопки. На первый взгляд, эти записи кажутся случайными, сделанными без особой цели, не составляющими связного текста, однако мой опыт работы с архивными документами убеждает, что можно «спасти» даже, казалось бы, погибшие документы, к примеру, письма, разорванные на мелкие кусочки [Виноградов 2014].

Внимательное рассмотрение страниц убедило в том, что они все-таки составляют единый текст, но просто помещены в «Дело» произвольно, не в том порядке, в каком они были написаны автором. Первой частью следует счи-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ — «Древности» № 18-00-00486 «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

тать лист 6 архивного дела, второй — лист 5 (оборот), третьей — лист 5, четвертой — лист 7.

Если следовать этой последовательности, то надо признать, что повествование Н. М. Печёнкина начинается с краткой характеристики погребений, обнаруженных в 1903 г. Их нумерация, а также описание сделанных тогда находок не оставляет никакого сомнения в правильности этого заключения. Соответственно, документ следует датировать второй половиной 1903 или первой половиной 1904 г. (до раскопок на Бельбеке этого года).

В обозначенной последовательности получается, что Н. М. Печёнкин сначала кратко охарактеризовал некрополь, а затем написал следующее:

«Где находится поселение? На этот вопрос пока ответа дать нельзя. Можно лишь высказать предположение, что оно едва ли находится на вершине возвышенности, на склоне коей находится могильник. Здесь условия жизни были бы сравнительно неблагоприятны благодаря ветрам. Будущие работы должны определить, чего следы имеются на упомянутой вершине — есть ли это остатки жилищ или же остатки укреплений.

Любопытно отметить, что остатки <построек> на вершине возвышенности уже были замечены раньше Дюбуа. Сообщая сведения об укреплениях, которых не мог найти, Кёппен между прочим говорит²: «О третьем укреплении прежних времён известил меня письмом швейцарский путешественник г. Дюбуа, который набрёл на него случайно в 1833 г. при обследовании мест около устья р. Бельбека. Полагая, что это одно из укреплений скифского царя Скилура, Дюбуа говорит, что отысканные им приметы находятся на высоте левого берега Бельбека, в двух верстах выше устья его. Постройка, занимающая всю ширину узкого возвышения, была четверугольная. Ещё видно направление рва, которым воды Бельбека были приведены у подошвы замка, а весь скат, равно как и окрестности, покрыты обломками черепиц и сосудов, представляя следы прежних построек».

Сообщение это весьма любопытно в том отношении, что оно, по-видимому, относится к данному месту. Оставляя в стороне предположение Дюбуа о принадлежности укрепления

скифскому царю Скилуру, остальные данные, как кажется, подтверждают предположение о тождественности мест. Неправильное же определение расстояния от устья Бельбека повело к тому, что указанное Кёппеном место не могло быть отыскано. Сомнительно указание на «видимость направления рва, которым воды Бельбека были приведены у подошвы замка», но что скат возвышенности — именно место раскопок — около времени Дюбуа было покрыто черепками сосудов (черепицы я не встретил), несомненно. Дело в том, что масса черепков, найденных мной на небольшом пространстве раскопок, преимущественно на глубине 1½ — 2 четвертей, по всем вероятностям, покрылась этим наносным слоем сравнительно недавно и, главным образом, при производстве гражданских земляных работ при сооружении существующей железной дороги. Здесь было сделано три выемки при проектировании дороги, из них две пробные, которые теперь сильно заплывли землёй. Дождями землю от этих выемок разносило по всему скату.

Железная дорога сильно изменила и вид местности. По сторонам возвышенности громадные насыпи закрыли собой балки, ограничивающие интересующую нас возвышенность с западной и восточной сторон. Может быть, при устройстве громадных насыпей эти заплывли совершенно и остатки рва, о котором говорит Дюбуа, но, повторяю, говорить, что вопрос об отведении вод Бельбека к подошве замка сомнителен, т. к. едва ли был какой-либо смысл отводить в оборонительный ров горную реку, которая добрую половину года пересыхает почти совершенно. Нельзя же предполагать особую многоводность для того времени, чтобы оправдать возможность гипотезы Дюбуа.

Несомненно, однако, что вершина представляла прекрасный опорный и наблюдательный пункт. Находясь в середине двух балок, естественных дорог от Бельбека к Херсонесу, она, будучи укреплена, представляла достаточную защиту небольшому гарнизону, от взоров которого на большом пространстве не могло укрыться какое-либо передвижение в сказанном направлении.

Вглядываясь в карту окрестностей Херсонеса, невольно задаёшься предположением, что северная сторона его должна достигать р. Бельбека — это естественная граница его. Бухта

² См.: [Кёппен 1837, с. 248].

не могла служить границей — оба берега ея должны были быть полной принадлежностью Херсонеса. Ни свободное плавание по ней, ни спокойствие города вообще недопустимо при предположении, что северный берег ея не находился не только в полной зависимости, но прямо был занят отрядами херсонесцев, а затем, вероятно, выполнявшими те же функции римскими отрядами. Предположение о переправе Диофанта через Ктенунт³, а не совершение им морского перехода в нынешнюю Евпаторию, должно быть совершенно отброшено. Не грекам-мореплавателям прилична запись на мраморной доске в назидание потомству о переходе через бухту, имеющую в самом широком месте <0,9> вёрсты.

Таким образом левый возвышенный берег Бельбека, казалось бы, представляет все данные для установления самого тщательного надзора за противником, находящимся на противоположном берегу. Показавшийся противник мог быть и обнаружен, и задержан, и, во всяком случае, даже при отсутствии возможности его задержать, население Херсонеса было бы предупреждено. Никакая мирная жизнь, даже и не в таком масштабе полного процветания, роскоши и довольства, какую мы видим в Херсонесе, невозможна при сознании

³ Здесь речь идет об одном эпизоде похода Диофанта, известном по декрету в честь этого полководца (IOSPE I². 352).

полной беззащитности от внезапного вторжения варваров.

Мои изыскания касаются пока лишь ничтожной части этой оборонительной ограды Херсонеса — от устья Бельбека на востоке лишь на 5–6 вёрст. Конечно, предполагать какую-либо ограду-стену на этом пространстве излишне — ея не было здесь. Я намечаю здесь два пункта, которые, повторяю, «предположительно» могли бы быть названы, если не крепостями, слишком они малы, то опорными пунктами».

Приведенный выше текст, принадлежащий Н. М. Печёнкину, является итогом его размышлений над результатами раскопок 1903 г. Не удивительно, что он здесь не сказал ни слова о хронологии могильника или об этнической атрибуции погребенных. Его волновал вопрос о том, какому поселению этот могильник мог принадлежать. Как военный человек он, естественно, сразу обратил внимание на места, удобные для обороны, предполагая, что здесь могли находиться сторожевые пункты херсонеситов. Может быть, кому-нибудь из современных исследователей эти размышления покажутся наивными, другие же, возможно, найдут в них некое рациональное зерно. В любом случае наблюдения нашего замечательного археолога, сделанные более 100 лет назад, заслуживают того, чтобы стать достоянием научной общественности.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Печёнкин Н. М. Отчёт об исследованиях древнего могильника на северной стороне г. Севастополя в 1901 г. // НА ВИМАИ-ВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–10.
 Печёнкин Н. М. Отчёт об археологических раскопках кургана на северной стороне г. Севастополь // НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–8.
 Печёнкин Н. М. Материалы к археологическим исследованиям в районе станции Куртентгоф Риго-Орловской железной дороги, Екатеринодара Кубанской области и других мест (отдельные черновики и заметки // НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–41.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю. А. Два письма из личного архива В. И. Денисовой // АВ. 2014. Вып. 24. С. 411–420.
 Кёппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 409 с.
 Непомнящий А. А. Николай Михайлович Печёнкин // «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография Н. И. Репникова, П. П. Бабенчикова, В. П. Бабенчикова, Е. В. Веймарна. СПб., 2019. С. 49–52. (Серия: Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. I).
 Печёнкин Н. М. Раскопки в окрестностях Севастополя // ИТУАК. 1905. № 38. С. 32–37.
 Печёнкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.
 Репников Н. И. Извлечения из предварительного отчета Н. М. Печёнкина «Археологические разведки в местности Страбоновского древнего Херсонеса в 1911 г.» // «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография Н. И. Репникова, П. П. Бабенчикова, В. П. Бабенчикова, Е. В. Веймарна. СПб., 2019. С. 142–145. (Серия: Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. I).
 Рудакова Л. П. Николай Михайлович Печёнкин: штрихи к портрету // Бранденбургские чтения. СПб., 2003. Вып. 1. С. 28–32.

- Рудакова Л. П. Полковник Николай Михайлович Печёнкин. Страницы биографии // Военная история России XIX — начала XX веков. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 192–201.
- Рудакова Л. П. Военный археолог полковник Николай Михайлович Печёнкин // Рериховское наследие. Десятая Международная научно-практическая конференция. СПб., 2012. С. 431–442.

REFERENCES

- Keppen P. O. *O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. Saint Petersburg, 1837. 409 p.
- Nepomniaschiy A. A. Nikolay Mikhaylovich Pechionkin. In: Repnikov N. I., Babenchikov P. P., Babenchikov V. P., Vejrnarn E. V. (ed.) «*Gerakleiskiy sbornik*» 1936 g. Saint Petersburg, 2019, pp. 49–52. (Gerakleiskiy sbornik. Iss. 1).
- Pechionkin N. M. Raskopki v okrestnostiakh Sevastopolia. *Izvestiya Tavricheskoy uchionoy arkhivnoy komissii*, 1905, vol. 38, pp. 32–37.
- Pechionkin N. M. Arkheologicheskie razvedki v mestnosti Strabonovskogo starogo Khersonesa. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*, 1911, vol. 42, pp. 108–126.
- Repnikov N. I. Izvlecheniia iz predvaritel'nogo otchiota N. M. Pechionkina «Arkheologicheskie razvedki v mestnosti Strabonovskogo drevnego Khersonesa v 1911 g.» In: Repnikov N. I., Babenchikov P. P., Babenchikov V. P., Vejrnarn E. V. (ed.) «*Gerakleiskiy sbornik*» 1936 g. Saint Petersburg, 2019, pp. 142–145.
- Rudakova L. P. Nikolay Mikhaylovich Pechionkin: shtrikhi k portret. *Brendenburgovskie chteniia*, Saint Petersburg, 2003, vol. 1, pp. 28–32.
- Rudakova L. P. Polkovnik Nikolay Mikhaylovich Pechionkin. Stranitsy biografii. In: *Voennaia istoriia Rossii XIX — nachala XX vekov. Materialy V Mezhdunarodnoy voenno-istoricheskoy konferentsii*. Saint Petersburg, 2012, pp. 192–201.
- Rudakova L. P. Voennyi arkheolog polkovnik Nikolay Mikhaylovich Pechionki. In: *Rerikhovskoe nasledie. Desyataya Mezhdunarodaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Saint Petersburg, 2012, pp. 431–442.
- Vinogradov Iu. A. Dva pis'ma iz lichnogo arkhiva V. I. Denisovoy. *Arkheologicheskie vesti*, 2014, vol. 24, pp. 411–420.

РЕЗЮМЕ

В 1903 г. Н. М. Печёнкин проводил археологические раскопки на берегу реки Бельбек в Крыму. Тогда им был открыт некрополь, который по монетным находкам датируется второй половиной III в. н. э. В Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) хранятся важные материалы, связанные с этими исследованиями. В своих черновых записях Н. М. Печёнкин предполагал, что рядом с некрополем находился сторожевой пункт Херсонеса.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, история археологии, некрополи.

Iu. A. Vinogradov

FROM DRAFT RECORDS OF N. M. PECHIONKIN

SUMMARY

In 1903, N. M. Pechionkin carried out archaeological excavations on the banks of the Belbek River in Crimea. There was opened a necropolis, which according to coin finds dates back to the second half of the 3rd century AD. The Scientific Archive of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps (St. Petersburg) contains important materials related to these studies. In his draft notes N. M. Pechionkin assumed that there was a guard post of Chersonesos near the necropolis.

Key words: Tauric Chersonesos, history of archeology, necropolises.

Т. В. Дианова

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯНЫШЕВ (1859–1938):
ПЕДАГОГ, ХУДОЖНИК, АРХИТЕКТОР ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ**

Имя Николая Михайловича Янышева широко известно многим исследователям и неразрывно связано с деятельностью Херсонесского музея в 20-е — 30-е гг. XX века.

Н. М. Янышев родился в 1859 г. в Москве в семье служащего (НАО ГМЗ ХТ. Д. 391. Л. 41). В 1878 г. он поступил на учебу в Императорскую Академию художеств и уже в 1879-м, учась в Академии, был награжден Большой серебряной медалью. Закончив учебу в 1883 г. и получив звание классного художника 3-й степени, Николай Янышев много путешествовал по Европе, посетил Италию, Германию и ряд других стран. Вернувшись, он продолжил обучение и в 1890 г. закончил Киевский Императорский университет — одно из старейших и самых престижных светских высших учебных заведений России (рис. 1). По воспоминаниям дальней родственницы Янышевых Т. А. Новиковой, Николай Михайлович на мундире всегда носил знак выпускника Императорского университета — жетон в виде позолоченного серебряного круга, увенчанный императорской короной, на реверсе которого были выгравированы название университета, инициалы и фамилия выпускника и дата окончания университета (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 19). С 1892 г. в чине надворного, а с 1896 по 1897 г. — коллежского советника преподавал в Мелитопольском реальном училище (рис. 2а, б). В эти годы в Мелитопольской типографии Л. Л. Либермана издавалось его двухтомное методическое руководство для обучения рисованию [Янышев 1892–1896].

В дальнейшем Н. М. Янышев связал свою жизнь с Крымом. В конце XIX века он перебирается в Севастополь, изучает исторические и живописные места Крымского полуострова — Чатыр-Даг, Ай-Петри, Фиолент, древний Херсонес; пишет этюды, чаще всего на морскую тематику. Несколько этюдов Н. М. Янышева хранятся

в фондах ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник» в фонде живописи. Этюд «Морской пейзаж», написанный в 1912 г., содержит на первом плане море, небольшое одномачтовое суденышко со спущенным парусом, левее мачты вдаль просматривается ступенчатая линия гор — это Ай-Петри. Справа на берегу кое-где видны кипарисы, белые прямоугольники зданий. На горизонте голубеет невысокая гора Могаби, расположенная в окрестностях Ялты (Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-28154. Ж-685). Еще один этюд — «Инкерман». На небольшом холсте изображено одно из живописнейших мест в окрестностях Севастополя: узкая речка, протекающая среди зеленых тенистых берегов, мостик, соединяющий два ее берега. Этюд написан в начале XX столетия (Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-27840. Ж-683).

Другой этюд под названием «Скели» написан в 1911 г. (Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-27841. Ж-684). На первом плане изображена дорога, по обеим ее сторонам расположены плетеные изгороди. У дороги справа — одноэтажное длинное строение, крытое черепицей. На заднем плане видны еще дома и ряд тополей. Деревня Скели (ныне с. Родниковое Балаклавского района города федерального значения Севастополя) расположена в живописнейшей Байдарской долине. В этой деревне семья Янышевых часто любила отдыхать летом (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 6).

Другие три этюда, на которых изображены окрестности Херсонеса, хранятся в научно-архивном отделе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» и были подарены в конце 70-х гг. XX века дальней родственницей Янышевых — Татьяной Алексеевной Новиковой (рис. 3а, б, с) (НАО ГМЗ ХТ. ВФ. № 114/1–3).

Приехав в Крым, Николай Михайлович трудился в Севастопольском Константиновском реальном училище, в котором проработал около тридцати лет. До Октябрьской революции был инспектором, после революции — завучем. Преподавал черчение (вопросы архитектурного и топографического черчения) и рисование. В то время Константиновское реальное училище считалось одним из ведущих в Севастополе, выпускники которого имели возможность поступать в высшие технические учебные заведения. В училище трудился сильный преподавательский состав (рис. 4, 5).

По отзывам учеников Янышева, Николай Михайлович был справедливым и добрым, требовательным и принципиальным, обладал широкими знаниями, внутренней культурой. Он пользовался большим уважением и любовью своих воспитанников. Один из учеников Н. М. Янышева, севастопольский художник Михаил Моисеевич Казас, характеризовал своего учителя как человека широко образованного, прекрасно знающего историю, географию, математику, искусство, хорошо разбирающегося в литературе. Друзья и близкие в шутку называли его «ходячей энциклопедией» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 5, 7).

Один из воспитанников Константиновского реального училища, так называемых «реалистов», И. И. Толстев вспоминал: «...Время от времени Николай Михайлович проходил по рядам, часто садился рядом с тем или иным учеником и поправлял его работу. Во время урока часть времени Николай Михайлович находился за перегородкой, отделявшей часть зала, а ученики рисовали самостоятельно. И, надо сказать, не баловались. У меня и всех моих соучеников сохранились самые светлые воспоминания о Николае Михайловиче как о хорошем учителе, прекрасном человеке и наставнике» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 19).

Другой ученик Янышева, впоследствии профессор Ленинградского электротехнического института, Игорь Васильевич Бренев писал: «Вспоминаю выставки, которые устраивал Николай Михайлович в училище... В них принимали участие некоторые из его учеников... Учитель, как правило, воплощается в своих учениках, поэтому имея возможность видеть работы моих товарищей по реальному училищу (это были акварельные зарисовки, связанные с раскопками древнего Херсонеса), могу ска-

зать, что Николай Михайлович был хорошим педагогом и большим художником» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 19–20).

Одним словом, все, кто знал Н. М. Янышева, отмечали его благородство и характеризовали как человека честного, прямого и страстного, с чистой и красивой душой. Бывало и так, что он бурно реагировал, особенно если сталкивался с несправедливостью, жестокостью, глупостью и хамством. Тогда его глаза вспыхивали, становились колкими. Т. А. Новикова вспоминает, что «реалисты» в беседах между собой называли его «самоваром»; такое прозвище как нельзя лучше отображало особую черту его характера — мгновенную вспыльчивость и моментальную отходчивость (рис. 6). По словам Т. А. Новиковой, Николай Михайлович был скромный и непритязательный, он мало заботился о себе, зато к окружающим, особенно к родным и близким, относился с большим вниманием и заботой (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 8).

Н. М. Янышев рано овдовел и похоронил единственную дочь. Второй раз женился, когда ему было под сорок, а его избраннице Оле Комаровой — семнадцать. Она была гимназисткой Севастопольского женского училища и по характеру заметно отличалась от Николая Михайловича — уравновешенная, сдержанная, немного замкнутая (рис. 7). Ольга была широко образована, начитана, любила литературу и искусство, много внимания уделяла животным, которых в семье Янышевых любили и жалели. Эта скромная, серьезная, умная девушка тронула сердце Николая Михайловича. На его чувство она ответила взаимностью и после окончания гимназии вышла за него замуж. Любовь, верность, взаимопонимание они пронесли через всю свою жизнь (рис. 8, 9, 10).

Жили Янышевы на ул. Советской в доме, который принадлежал до революции Константиновскому реальному училищу и, по словам Т. А. Новиковой, был построен по проекту самого Николая Михайловича. С восточной стороны к дому примыкал сад, за которым любил ухаживать сам хозяин дома (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 3).

Служа в Реальном училище, Н. М. Янышев безвозмездно с 1926 по 1928 год трудился еще и в Херсонесском музее (рис. 11). По просьбе директора музея К. Э. Гриневича составлял планы раскопанных участков, делал зарисовки, замеры (НАО ГМЗ ХТ. Д. 391. Л. 1).

В 1925–1926 гг. К. Э. Гриневич ведет раскопки в цитадели у церкви св. Леонтия. 11 мая 1926 г. он пишет служебную записку Янышеву, который, по-видимому, на его приглашение принять участие в раскопках отказался ввиду сжатых сроков: «Напрасно, многоуважаемый Николай Михайлович, Вы поспешили так быстро отказаться от этой интересной работы. [...] Давайте сначала выполним план самой раскапываемой местности (непосредственно возле церкви св. Леонтия), а затем уже, исподволь Вы будете чертить большой план. Поэтому я Вас прошу пересмотреть свой отказ, так как он, я понимаю, вызван невозможностью выполнить в короткий срок необходимых заданий. Теперь, когда я изменяю срок и порядок работы, отпадает и Ваш отказ... Вам необходимо будет с начала будущей недели начать эту в высшей степени интересную и важную для науки работу. И если Вы любите Херсонес, то я очень просил бы Вас не отказываться и начать работу» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 235. Л. 41).

В 1927 г., юбилейном для Херсонесского музея, проходила II Всесоюзная археологическая конференция, посвященная 100-летию раскопок. Среди приглашенных был и Н. М. Янышев. На открытии он не смог присутствовать, но его приветственное слово к участникам конференции было зачитано секретарем президиума. Приведем его полностью: «Многим из присутствующих на этом собрании, вероятно, памятен жалкий сарайчик на берегу Карантинной бухты, который был украшен вывеской «Склад местных древностей». В публике этот сарайчик был известен под именем Херсонесского музея. В этом сарайчике, хотя и в порядке, но без всякой системы, были сложены вместе и аланские черепа, и греческие вазочки, и византийские орнаменты. Эпиграфические памятники были свалены в общую кучу в одном из углов «музея». Многие из приезжих, побывав в этом «музее», иронически улыбались, а также с трудом сдерживали досаду от неудовлетворенного ожидания чего-то высокого. Не то мы видим теперь! В настоящее время каждый посетитель, даже малограмотный, но интересующийся давно прошедшим, найдет в Херсонесском Музее¹ полное удовлетворение своим ожида-

¹ В 1925 г. вместо «Склада местных древностей» был создан Государственный Херсонесский историко-археологический музей и площадь раскопок, состоявший из Херсонесского городища (экспозиции под открытым небом) и двух экспозиций – античной и средневековой истории.

ниям. Все разобрано, все систематизировано, на каждом интересном пункте городища поставлены объяснительные надписи, а в музее у каждого эпиграфического памятника повешены подробные переводы. Таким образом, идея самоговорящего музея достигнута вполне.

Я видел много музеев в городах Европы, но нигде, кроме Мюнхена, я не видел такой заботы о доставлении посетителям полного знакомства с выставленными предметами; даже родственный по содержанию неаполитанский музей Museo Nazionale², несмотря на свое чрезвычайное богатство, не имеет и тени подобного благоустройства. Хвала и честь устроителям теперешних Херсонесских музеев с Константином Эдуардовичем Гриневичем во главе! Пожелаем им здоровья и сил, чтобы трудиться с неослабной энергией на этом поприще много, много лет на пользу науке и во славу нашей Родине! Н. М. Янышев» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 264. Л. 33).

Во многих докладах, прочитанных на конференции, звучало обоснованное требование ввести в штат музея должность архитектора-археолога. Приказом Главнауки от 1 мая 1928 г. Н. М. Янышев был утвержден в должности научного сотрудника Херсонесского музея по специальности архитектор-археолог. До самой своей кончины 21 марта 1938 г. он служил в Херсонесском музее (рис. 12, 13, 14).

В его обязанности входило составление обмеров, карт, планов исследуемых участков. Много сделано им по реконструкции древних зданий, написаны картины для макетов (рис. 15, 16). Печатные планы Н. М. Янышева публиковались в третьем выпуске «Херсонесского сборника» [Гриневич 1930, с. 20, 48, 76, 132, 249, 250], в журнале «Крым». В тридцатые годы широко исследовалось не только Херсонесское городище, но и продолжалось изучение памятников Гераклеийского полуострова. В июле-августе 1930 г. близ Херсонесского маяка под руководством К. Э. Гриневича начались подводные исследования Гераклеийской экспедиции. находка «затопленного города» сразу вызвала много споров и имела неоднозначную оценку. Большинство археологов считали, что легенда о подводном Херсонесе представляет собою

² Национальный археологический музей Неаполя (итал. Museo Archeologico Nazionale di Napoli) – крупнейший археологический музей в Южной Италии. Наибольшую ценность представляет собрание археологических находок, обнаруженных в Помпеях, Геркулануме, Стабиях, других местах Кампании и близлежащих областей.

плод неточных наблюдений и фантазии водолазов. Свое мнение высказал и Н. М. Янышев: «Мои сведения о подводных работах в местности будто бы затонувшего города весьма ограничены. Я был на месте работ только последние три дня: 11, 12 и 13 августа. В эти дни я сделал съемку плана и разрезов здания, находящегося на материке на юг от маяка метров на сто. Что же касается плана подводного города, то он представляет собой работу, являющуюся копией плана, составленного в прошедшем году ЭПРОном и дополненным по указанию профессора Гриневича, на основании протоколов опроса водолазов, которые велись ежедневно. Мои работы сводились лишь к определению мест остановок ялика с водолазами, а результат обследования наносился на основании рассказов водолазов, записывавшихся на местах остановок. Что касается моего личного мнения, то, принимая во внимание условия сарматского яруса, который составляет основу почвы Маячного полуострова, полагаю происхождение подводных барьеров природным, а не искусственным».

Действие волн на мягкую прослойку грунта является разрушительным, а твердые известковые массы после подмывания мягких слоев становятся вертикальными вследствие своей тяжести. Эти вертикальные барьеры малосведующими водолазами легко могут быть приняты за стены. Отсюда — легенда о городах под водой» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 338. Л. 44). Принимая участие в исследовании Гераклеяского полуострова, Янышев составил описание известных на тот момент 65 древних усадеб. Работая вместе с известными археологами и исследователями Херсонеса Г. Д. Беловым, Л. А. Моисеевым, С. Ф. Стржелецким, К. Э. Гриневичем и Е. В. Веймарном, он производил раскопки, вел научную работу, ведал золотым фондом музея. Его перу принадлежит «Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклеяском полуострове»; «Краткий путеводитель по древностям Гераклеяского полуострова»; статья о водоснабжении древнего Херсонеса и Гераклеяского полуострова (НАО ГМЗ ХТ. Д. 402; там же. Д. 476; там же. Д. 483); издано 3 учебника по графике.

Е. В. Веймарн вспоминал: «Николай Михайлович в моей памяти всегда представлялся очень добрым, справедливым человеком, но в деловой части требовательным и настой-

чивым. Я вспоминаю его с большой теплотой» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 19).

В 1932 г. Янышевы переезжают жить в Херсонес. Вначале жили в комнатах на втором этаже здания феодального музея (ныне административный корпус), через два года поселились на первом этаже того же здания. Как вспоминает А. Г. Белова, дочь известного археолога Г. Д. Белова, «их окна выходили на южную сторону дома, и вход в их квартиру был также с южного крыльца. Перед окнами растут густые кусты сирени и иудины деревья. В квартире было очень много интересного: в передней у окна стоял большой аквариум с густыми зарослями зеленой подводной травы с мелкими серебристыми и очень юркими рыбками. Но еще больший интерес вызывала компания кошек, которые много лет жили у Янышевых. Вдоль стен стоят старинные темные шкафы, а на свободных стенах висят пейзажи Венеции» [Белова 2013, с. 463]. Картины были написаны самим Н. М. Янышевым.

Николай Михайлович располагал прекрасной библиотекой, в ней было много книг по искусству, истории Древнего Востока и античного мира, собрания сочинений русских классиков. Многие книги он переплетал сам. Что стало с этой библиотекой — доподлинно неизвестно. По утверждению Т. А. Новиковой, в 30-е годы Н. Янышев подарил свои книги Херсонесскому музею. Но, в то же время, рассказывали, что во время оккупации один немецкий офицер, восхитившийся библиотекой Янышева, говорил так: «...пол-Европы обошел, но таких книг не видел» (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 17). Можно предположить, что часть книг была подарена музею, а часть оставалась в его коллекции, дальнейшая судьба которой, к сожалению, неизвестна.

Много видел и испытал Николай Михайлович на своем веку: раннюю потерю близких и родных, три революции, три войны, величайший в истории социальный переворот, когда до основания ломался старый общественный строй, старый уклад жизни, а в противоречиях и борьбе рождался новый мир. Нелегко было отказываться от старых взглядов и привычек, вырабатывать новое мировоззрение, мириться с материальными трудностями, а иногда и с незаслуженными обидами. В новой жизни, став ученым, он щедро делился своим опытом и знаниями (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 14–15).

В марте 1938 г. после длительной болезни (крупозное воспаление легких) Н. М. Янышева не стало. Похоронили его на бывшем монастырском кладбище, на территории херсонесского городища рядом с могилой основателя музея К. К. Косцюшко-Валюжинича. На моги-

ле Янышева установлена мраморная колонна (рис. 17), которая символизирует славу и бессмертие, и также его трудовой вклад в исследование Херсонеса, нравственную чистоту и красоту, присущую Николаю Михайловичу как человеку.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Дело № 5 Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Разная переписка за 1926 год // НАО ГМЗ ХТ. Д. 235. Л. 1–70.
- Дело № 15 Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Юбилейная конференция. Приветствия и поздравления. 1927 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 264. Л. 1–71.
- Протоколы научных совещаний Государственного Херсонесского музея за 1929–1936 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 338. Л. 1–125.
- Заявления, местная переписка о личном составе, доверенности, удостоверения, договоры, справки, телеграммы и т. д. 07.12.1935 г. — 07.02.1938 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 391. Л. 1–49.
- [Янышев Н. М.] Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове [1932 г.] // НАО ГМЗ ХТ. Д. 402. Л. 1–183.
- [Янышев Н. М.] Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове. 1932 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 476. Л. 1–49.
- [Янышев Н. М.] Краткий путеводитель (рукопись) по древностям Гераклейского полуострова составил Н. М. Янышев // НАО ГМЗ ХТ. Д. 483. Л. 1–38.
- [Новикова Т. А.] Воспоминания Т. А. Новиковой о Н. М. и О. А. Янышевых и анкета Н. М. Янышева. 1979 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 1–20.
- [Янышев Н. М.] Херсонес и его окрестности // НАО ГМЗ ХТ. ВФ. № 114/1–3.
- Янышев Н. М. Этюд «Инкерман» // Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-27840. Ж-683.
- Янышев Н. М. Этюд «Морской пейзаж» // Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-28154. Ж-685.
- Янышев Н. М. Этюд «Скели» // Фонды СВМЗ. Научный паспорт на КП-27841. Ж-684.

ЛИТЕРАТУРА

- Белова А. Г. Старый Херсонес // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2013. С. 447–489. (ТГЭ. Т. LXIX).
- Гриневиц К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического. По данным раскопок Р. Х. Лёпера. // Херсонесский сборник. 1930. Вып. III. 245 с.
- Янышев Н. М. Методическое руководство для обучения рисованию/сост. преп. Реал. уч-ща Н. Янышев. Мелитополь, 1892–1896. Вып. 1–2.

REFERENCES

- Belova A. G. Staryi Khersones. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury*, Saint Petersburg, 2013, pp. 447–489. (Trudy gosudarstvennogo Ermitazha, vol. LXIX).
- Grinevich K. E. Severo-vostochnye kvartaly Khersonesa Tavricheskogo. Po dannym raskopok R. Kh. Loepera. *Khersonesskii sbornik*, 1930, vol. III, 245 p.
- Ianyshch N. M. *Metodicheskoe rukovodstvo dlia obucheniia risovaniiu*. Melitopol', 1892–1896, vol. 1–2.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена жизни и деятельности Николая Михайловича Янышева (1859–1938) — талантливого художника, прекрасного педагога, архитектора и научного сотрудника Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Статья посвящена 160-летнему юбилею Н. М. Янышева, многие архивные материалы публикуются впервые.

Ключевые слова: Н. М. Янышев, архитектор, Константиновское реальное училище, Херсонес, музей, раскопки.

T. V. Dianova

**NIKOLAI MIKHAILOVICH IANYSHEV (1859–1938):
THE EDUCATOR, ARTIST, ARCHITECT OF THE CHERSONESOS MUSEUM**

SUMMARY

The article is devoted to the life and work of Nikolai Mikhailovich Yanyshv (1859–1938), who was a talented artist, an excellent educator, an architect and a researcher of the Chersonesos historical and archaeological State Museum. The article is dedicated to the 160th anniversary of N. M. Yanyshv. Many archival materials are published for the first time.

Keywords: N. M. Yanyshv, architect, Konstantinovskiy real school, Chersonesos, Museum, excavations.

Рис. 1. Киевский Императорский университет. Четвертый справа во втором ряду — Н. М. Янышев. 1890 г.
Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 25 × 38 (34 × 46) см.
Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 2).

Рис. 2а, б. Преподаватели Мелитопольского училища (а) и портрет Николая Михайловича Янышева (б).
Фрагмент виньетки. 1890-е гг.
Фотография: бромсеребряный отпечаток;
наклеена на виньетку. 5 × 7 (47 × 62) см.
Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 1).

Рис. 3а, б, с. [Янышев Н. М. или его школа] Рисунки маслом. Херсонес и его округа.
Год неизвестен. Холст, масло. (НАО ГМЗ ГМЗ ХТ. ВФ. № 114/1-3).

Рис. 4. Фотограф М. Н. Протопопов. О. А. и Н. М. Янышевы среди курсантов и курсисток. 1899 г. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 38 × 29 (58 × 44) см. Надпись на паспарту: «Дорогому многоуважаемому руководителю и наставнику нашему Николаю Михайловичу Янышеву от курсантов и курсисток. С 14 июня по 14 июля 1899 г.». Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 4).

Рис. 5. Н. М. Янышев с гимназистами. 17 апреля 1917 г. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 8 × 11 см. Надпись на обороте: «14.04.1917 г. Реальный класс» Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 22).

Рис. 6. Фотограф М. П. Мазур. О. А. и Н. М. Янышевы среди преподавателей Костантиновского реального училища в г. Севастополе. 1904 г.

Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 29 × 39 (45 × 59) см.

Надпись на обороте: «Семнадцатый — облокотился на спинку стула, где сидит его жена, «самовар» Янышев Николай Михайлович». Публикуется впервые (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 9).

Рис. 7. Группа гимназисток. Слева сидит Оля Комарова (будущая жена Н. М. Янышева).

Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 25 × 21 (34 × 24) см.

Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 13).

Рис. 8. О. А. Комарова (Янышева).
Фото из семейного альбома Янышевых.
Фотография: бромсеребряный отпечаток. 8 × 11 см.
Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 20).

Рис. 9. Н. М. и О. А. Янышевы среди преподавателей Севастопольского реального училища (третья и четвертая во втором ряду слева). 1904 г. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 38 × 29 (59 × 45) см. Надпись на обороте: «На добрую память многоуважаемому Николаю Михайловичу от признательных «варваров». Андрей Яковлевич Матковский». Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 3).

Рис. 10. Фотограф Смирнов. Воронцовский дворец (Алупка). Групповой снимок. Слева в первом ряду стоит Н. М. Янышев, рядом сидит О. А. Янышева. Без даты. Фотография: бромсеребряный отпечаток, паспарту. 20 × 15 (30 × 24) см. Публикуется впервые. (НАО ГМЗ ХТ. Д. 2031. Л. 14).

Рис. 11. Раскопки на Гераклейском полуострове. Общий вид. Стоит Н. М. Янышев. 14 октября 1928 г. Стеклоый негатив. 18 × 13 см. (НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 2839).

Рис. 12. Раскопки на северном берегу Херсонесского городища. Просеивание земли через грохот. В группе рабочих стоят Н. М. Янышев (второй слева) и Г. Д. Белов (крайний справа). 1932 г. Стекло́нный негати́в. 18 × 13 см. (НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 3614).

Рис. 13. Раскопки часовни на Северном берегу Херсонесского городища. Раскопачный коллектив. 1932 г. Стекло́нный негати́в. 18 × 13 см. (НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 3741).

Рис. 14. Раскопки на Северном берегу Херсонесского городища. Н. М. Янышев среди раскопочного коллектива. Второй справа — Г. Д. Белов, слева от него — Н. М. Янышев. 1934 г. Стекланный негатив. 18 × 13 см. (НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 4015).

Рис. 15. План некрополя Херсонеса. Работа Н. М. Янышева. 1936 г. Слоновая бумага, тушь, карандаш. (НАО ГМЗ ХТ. Оп. чертежей. Д. 27. Инв. 445).

Рис. 16. План Херсонеса с показанием участков раскопанных в 1925–1937 гг. Чертил Н. М. Янышев. Ватман, тушь, карандаш. (НАО ГМЗ ХТ. Оп. чертежей. Д. 90. Инв. 172).

Рис. 17. Фотограф Н. В. Лось. Могила Н. М. Янышева в Херсонесе. Фото 04.02.2020 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск/Екатеринбург.
АДИУ	– Археологія і давня історія України. Киев.
АИАПМЗ	– Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АО	– Археологические открытия. Москва.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь.
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь; Керчь.
БС	– Боспорский сборник. Москва.
БФ	– Боспорский феномен. Санкт-Петербург.
БЧ	– Боспорские чтения. Симферополь; Керчь.
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва.
ВГУ	– Воронежский государственный университет.
ВИ	– Вопросы истории. Москва.
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей.
ГИА МЗ ХТ	– Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический» Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИКМ	– Губернаторский историко-краеведческий музей. Оренбург.
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва.
ГЛИАМЗ	– Государственный литературный и историко-архитектурный музей — заповедник. Таганрог.
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.
ИКАМ	– Инвентарная книга археологического материала.
ИНК	– Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИЭИ УНЦ РАН	– Институт этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА АНУ	– Краткие сообщения Института археологии академии наук Украины. Киев.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ	– Музей археологии и этнологии. Уфа.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
НА ВИМАИВиВС	– Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАО ГМЗ ХТ	– Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НМРК	– Национальный музей Республики Казахстан. Астана.
ОАК	– Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОАН	– Объект археологического наследия

ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет.
ОИКМ	– Областной историко-краеведческий музей. Актобе.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск.
РА	– Российская археология. Москва.
РГАВМФ	– Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Санкт-Петербург.
РОМК	– Ростовский областной музей краеведения.
СА	– Советская археология. Москва.
САИ	– Свод археологических источников.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
ХМ КП	– Херсонесский музей. Книга поступлений.
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь.
ЮНЦ РАН	– Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
AJA	– American Journal of Archaeology. Princeton, NJ.
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
BE	– Bulletin épigraphique. Paris.
ClAnt	– Classical Antiquity. Berkeley.
DFG	– Deutsche Forschungsgemeinschaft. Bonn.
EurA	– Eurasia antiqua. Mainz.
GRBS	– Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham, North Carolina.
IG	– Inscriptiones Graecae.
IOSPE I ²	– Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, editio altera.
ISE	– Moretti L. Iscrizioni storiche ellenistiche. Vol. II. Firenze, 1975.
LGPN	– A lexicon of Greek Personal Names.
LSJ	– A Greek-English Lexicon by H. G. Liddell, R. Scott & H. S. Jones. Oxford, 1996.
RE	– Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, hrsg. von Pauly — Wissowa — Kroll — Mittelhaus — Ziegler. Stuttgart.
REG	– Revue des Études Grecques. Paris.
RCRF	– Rei cretariae romanae fautorum.
RGZM	– Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SHA	– Scriptores Historiae Augustae.
ТАРА	– Transactions of the American Philological Association. Baltimore.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ И ПОМЕТЫ

Л.	– Ленинград
ЛИ	– личное имя
М.	– Москва
м. б.	– место буквы
Пг.	– Петроград
СПб.	– Санкт-Петербург
s. v.	– spectra verbum

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аржанов Алексей Юрьевич, заведующий отделом междисциплинарных исследований
Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия
alexar71@mail.ru

Бондарев Игорь Петрович, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт биологии южных морей им. А. О. Ковалевского РАН; г. Севастополь, Россия
igor.p.bondarev@gmail.com

Букатов Андрей Алексеевич, заведующий отделом подводной археологии,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
bukat@list.ru

Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории материальной культуры РАН; г. Санкт-Петербург, Россия
vincat2008@yandex.ru

Дианова Татьяна Валерьевна, главный архивист научно-архивного отдела,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
fkbcrf@yandex.ru

Дюженко Татьяна Валерьевна (1975–2020), старший научный сотрудник,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия

Краснодубец Елизавета Михайловна, научный сотрудник отдела подводной археологии,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
yelyzavet@ya.ru

Ляшук Павел Михайлович, научный сотрудник ООО «Крымский региональный центр
археологических исследований»; г. Симферополь, Россия
mywar_pavel@mail.ru

Медведев Геннадий Владимирович, младший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН; г. Симферополь, Россия
medvedgen@gmail.com

Николаенко Галина Михайловна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
nikolaenko_galina@yahoo.com

Панченко Вадим Владимирович, научный сотрудник,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
vad_panchenko@mail.ru

Прохорова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, заведующий научно-архивным отделом, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; г. Севастополь, Россия
grejpfirut@mail.ru; prokhorovatanusa@gmail.com

Рыжова Людмила Александровна, хранитель музейных предметов I категории,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
arkadova@list.ru

Струкова Екатерина Валериевна, художник-реставратор 1 категории,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
Strukova76@mail.ru

Ступко Михаил Валериевич, научный сотрудник отдела музеефикации памятников археологии,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
tombdefensor@mail.ru

Суриков Игорь Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН; г. Москва, Россия
isurikov@mail.ru

Трейстер Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, Dr. phil. habil. (RUS), научный сотрудник,
Германский археологический институт; г. Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de; mikhailtreister@yahoo.de
ORCID iD: 0000-0001-7451-3325

Труфанов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН; г. Симферополь, Россия
trufanov.a67@mail.ru

Туровский Евгений Яковлевич, главный научный сотрудник отдела городище и некрополь,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
г. Севастополь, Россия
turovs_1@mail.ru

Филиппенко Андрей Анатольевич, независимый исследователь; г. Севастополь, Россия
andreyphil@mail.ru

Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович, кандидат исторических наук; г. Москва, Россия
shel-kov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Arzhanov Aleksey Yurievich, Head of the Department of Interdisciplinary Studies of the State Museum-Reserve «Tauric Chersonesos», Sevastopol, Russia
alexar71@mail.ru

Bondarev Igor Petrovich, Leading Researcher, Candidate of Biological Sciences,
Institute of Marine Biological Research named after A. O. Kovalevsky, Russian Academy of Sciences;
Sevastopol, Russia
igor.p.bondarev@gmail.com

Bukatov Andrey Alekseevich, Senior Researcher, Head of the Department of Underwater Archeology,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
bukat@list.ru

Dianova Tatyana Valerievna, Chief archivist of the Scientific archival department,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
fkbcrf@yandex.ru

Diuzhenko Tatiana Valerievna (1975–2020), Senior Researcher, The State Museum-Preserve
«Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia

Filippenko Andrey Anatolyevich, independent researcher; Sevastopol, Russia
andreyphil@mail.ru

Krasnodubets Elizaveta Mihailovna, Researcher, Department of Underwater Archeology,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
yelyzavet@ya.ru

Lyashuk Pavel Mikhailovich, Researcher, Crimean Regional Center for Archaeological Research;
Simferopol, Russia
mywar_pavel@mail.ru

Medvedev Gennady Vladimirovich, Junior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea,
Russian Academy of Sciences; Simferopol, Russia
medvedgen@gmail.com

Nikolaenko Galina Mihajlovna, Candidate of Historical Sciences, Main Researcher,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
nikolaenko_galina@yahoo.com

Panchenko Vadim Vladimirovich, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»;
Sevastopol, Russia
vad_panchenko@mail.ru

Prokhorova Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Head of the scientific archival department, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
grejpfirut@mail.ru; prokhorovatanusa@gmail.com

Ryzhova Lyudmila Aleksandrovna, Curator of museum objects of the I category, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
arkadova@list.ru

Shelov-Kovedyaev Fedor Vadimovich, PhD in Historical Sciences; Moscow, Russia
shel-kov@yandex.ru

Strukova Ekaterina Valerievna, Metalwork artist-restorer of the 1st category in The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
Strukova76@mail.ru

Stupko Mikhail Valerievich, Researcher, Department of Museumification of Monuments of Archeology, The State Museum-preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
tombdefensor@mail.ru

Surikov Igor Evgenyevich, Doctor of Historical Sciences, Prof., Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Treister Mikhail Yurievich, Doctor of Historical Sciences, Dr. phil. habil. (RUS), Researcher, German Archaeological Institute; Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de
ORCID iD: 0000-0001-7451-3325

Trufanov Alexander Anatolievich, Ph. D., Senior Researcher of Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences; Simferopol, Russia.
trufanov.a67@mail.ru

Turovsky Yevgeny Yakovlevich, Chief Researcher of the Department of Mound and Necropolis, The State Museum-preserve «Tauric Chersonese»; Sevastopol, Russia
turovs_1@mail.ru

Vinogradov Iuriy Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Scientific Researcher of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg, Russia
vincat2008@yandex.ru

Научное издание

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск XXI

Сборник научных статей

Отв. редактор А.В. Зайков
Компьютерная верстка М.Р. Магомедова
Корректор: Ю.В. Иванов

Подписано в печать 16.11.2020. Формат 60×90/8
Гарнитура Cambria. 38 усл. печ. листов
Тираж 300 экз.
Заказ № 5150
